

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 509. Декабрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- PEDAGOGICS
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 509. December

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Айзикова И.А., Рожнёва Ж.А., Казакевич О.А.,
Смолянинов А.В., Гарина А.В. Мультимодальные тексты
в образовании: исследования в зарубежной гуманитаристике
(2019–2023 гг.) 5
- Балакина Ю.В. Медиаконцепт «вакцинация» в дискурсе
немецких СМИ во время пандемии COVID-19 23
- Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В. «Кубанская школа»:
литературно-краеведческая и журналистская деятельность
Т.Ф. Лапика 35
- Мальцева Е.С., Маннапова С.А. Дифференциация
синонимичных глаголов современного китайского языка
со значением «публиковать»: корпусное исследование 44
- Толстова М.А., Цуй Хуэйин. Реализация концепта «Стыд»
в речевом жанре интернет-откровения 55
- Фокин П.Е. Александр Зиновьев и Солженицын в контексте
эпохи. Статья первая. 1960-е гг. – 1985 г. 65

ФИЛОСОФИЯ

- Петренко В.В. Университет как приращение эстетического
опыта: в защиту печатной книги 76

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Бородкина О.И. ВИЧ-активизм в России: этапы развития,
проблемы, перспективы 81
- Ильных С.А. Семья в зеркале мнений горожан: реальные
и идеализированные представления 92
- Литвинцев Д.Б. Возможности индексного метода
в измерении жилищной прекарности: сравнительный анализ
зарубежных подходов 102

ПЕДАГОГИКА

- Бакулев А.В., Боголепова С.В. Современные подходы
к обучению иностранному языку в преподавании
академического письма 113
- Гончарова Е.Н., Гетманская М.Ю. Музейная
аудиодескрипция как средство эстетического воспитания детей
с ограниченными возможностями здоровья 121
- Лукьянов О.В., Тютюнников П.Р. Образовательная
депривация – нарушение эпигенеза идентичности студента 127
- Сосунова Г.А. Аспекты обучения французскому языку
как второму иностранному на базе английского в русле
лексико-грамматических аспектов 133
- Сосунковский В.С. Научно-практическое обоснование
реализации сетевого взаимодействия дошкольных
образовательных организаций 145

ИСТОРИЯ

- Барсуков Е.В. Кетский острог в середине XVIII в. 154
- Бородавский А.П., Воробьев-Исаев А.А. Детали облачения
представителей духовного сословия из некрополя
на месте Умревинского острога 161
- Попова Б.С., Рыбаков Д.Ю. Орнаментация керамики
ирменской культуры поселения Чекист
(по материалам раскопок 2008 г.) 169
- Рагозин Г.С. Восприятие распада СССР и образования
российской постсоветской государственности в шведской
правой прессе (по материалам газеты Svenska Dagbladet
1988–1993 гг.) 176

CONTENTS

PHILOLOGY

- Aizikova I.A., Rozhneva Zh.A., Kazakevich O.A.,
Smolianinov A.V., Garina A.V. Multimodal texts in education:
Research in the English-language humanities
(2019–2023) 5
- Balakina Ju.V. The media concept "vaccination" in the discourse
of non-state German media during the COVID-19 pandemic 23
- Luchinsky Yu.V., Bezrukavaya M.V. Kubanskaya Shkola:
Literary local history and journalistic activities
of Timofey Lapik 35
- Maltseva E.S., Mannapova S.A. Differentiation of synonymous
verbs of Modern Chinese with the meaning "to publish":
Corpus-based research 44
- Tolstova M.A., Cui Huiying. Implementation of the concept
"Shame" in the speech genre of Internet revelation 55
- Fokin P.E. Alexander Zinoviev and Solzhenitsyn in the context
of the era. Article one. 1960s–198 65

PHILOSOPHY

- Petrenko V.V. The university as an augmentation
of aesthetic experience: In defense of the printed book 76

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Borodkina O.I. HIV activism in Russia: Stages of development,
problems, prospects 81
- Ilynykh S.A. Family in the mirror of citizens' opinions:
Real and idealized representations 92
- Litvintsev D.B. Possibilities of the index method in measuring
housing precarity: A comparative analysis of foreign
approaches 102

PEDAGOGICS

- Bakulev A.V., Bogolepova S.V. Application of current trends
in language teaching to research
writing instruction 113
- Goncharova E.N., Getmanskaya M.Yu. Museum audio
description as a means of aesthetic education of children
with disabilities 121
- Lukyanov O.V., Tyutyunnikov P.R. Educational deprivation –
a violation of the student's identity epigenesis 127
- Sosunova G.A. Aspects of teaching French
as a second foreign language based
on English 133
- Sosunovsky V.S. Scientific and practical justification
for the implementation of network interaction of preschool
educational organizations 145

HISTORY

- Barsukov E.V. Ketsky Ostrog in the middle of the 18th century 154
- Borodovsky A.P., Vorobyov-Isaev A.A. Details of clerical
vestments from the necropolis at the site
of Umrevinsky Ostrog 161
- Popova B.S., Rybakov, D.Yu. Decoration of ceramics
of the Irmen culture of the Chekist settlement (on the basis
of excavations in 2008) 169
- Ragozin G.S. Perception of the USSR disintegration
and post-Soviet Russian statehood emergence in Swedish
right-wing press (on the materials of Svenska Dagbladet,
1988–1993) 176

Семенчук К.А., Григорян Э.Р. «Райский уголок» и «восточный человек»: идентичность русского пилигрима сквозь призму паломнических текстов рубежа XIX–XX вв.	188	Semenchuk K.A., Grigoryan, E.R. "Paradise" and "Eastern Man": The identity of the Russian pilgrim through the prism of pilgrimage texts of the turn of the 20th century	188
Хидиров М.М. История развития водоснабжения в Центральной Азии	197	Khidirov M.M. History of water supply development in Central Asia	197
Чертков А.С. Обеспечение служилых людей и казаков разными видами служебного довольствия в период присоединения и освоения Северо-Востока Азии (XVII – вторая половина XIX вв.)	204	Chertkov A.S. Providing service people and Cossacks with various types of service allowance during the period of annexation and development of North-East Asia (17th – second half of the 19th centuries)	204
Шевелев Д.Н., Конеv К.А. Г.Н. Потанин и круг его общения в эпоху войн и революций: по материалам переписки 1917–1920 гг.	212	Shevelev D.N., Konev K.A. Grigory Potanin and his network of contacts during the era of wars and revolutions: Based on correspondence from 1917 to 1920	212

ПРАВО

Долгиев А.А. Направления уголовной политики в сфере обеспечения государственной безопасности	223
Князьков А.С., Ведерников Н.Т. Проблемы современной криминалистической тактики в контексте развития информационных технологий	229
Кравец И.А., Романовский Г.Б. Когнитивная свобода, формирование нейроправ человека и взаимодействие нейробиологии и публичного права (теоретические, правовые и сравнительные аспекты)	236
Кузьмина И.Д. Гражданское законодательство о системе объектов гражданских прав	250
Хмелевская Т.А. Цель неправомерного завладения чужим имуществом: правовые позиции, доктринальное толкование	258

LAW

Dolgiev A.A. Directions of criminal policy in the field of state security	223
Knyazkov A.S., Vedernikov N.T. Problems of modern forensic tactics in the context of the development of information technologies	229
Kravets I.A., Romanovskiy G.B. Cognitive freedom, the formation of human neuro-rights and the interaction of neurobiology and public law (theoretical, legal and comparative aspects)	236
Kuzmina I.D. Civil legislation on the system of objects of civil rights	250
Khmelevskaya T.A. The purpose of illegal acquisition of another person's property: Legal positions, doctrinal interpretation	258

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 81-11; 378.147; 378.16
doi: 10.17223/15617793/509/1

Мультимодальные тексты в образовании: исследования в зарубежной гуманитаристике (2019–2023 гг.)

*Ирина Александровна Айзикова¹, Жанна Анатольевна Рожнёва²,
Ольга Анатольевна Казакевич³, Артём Витальевич Смольянинов⁴,
Алёна Вадимовна Гарина⁵*

^{1, 2, 3, 4, 5} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ wand2004@mail.ru

² zhar@ido.tsu.ru

³ o_slugina@mail.ru

⁴ smoart2@gmail.com

⁵ alyonushka050700@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты систематического обзора исследований мультимодального текста в образовании, проводимых в зарубежной гуманитаристике 2019–2023 гг. Он построен на постановке четырех исследовательских вопросов, которые возникают вследствие актуализации научных изысканий в данной области и естественной множественности взглядов на проблему, и вносит вклад в систематизацию интерпретаций понятия «мультимодальный текст» и понятийных гнезд, формируемых вокруг него, а также выявляет современные аспекты, методы, результаты и перспективы изучения мультимодального текста в образовании в зарубежных исследованиях указанного периода.

Ключевые слова: мультимодальный текст, образование, мультимодальная грамотность, когнитивная обработка, зарубежная гуманитаристика

Источник финансирования: статья подготовлена при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет 2030», проект № 2.3.4.24 ИГ).

Для цитирования: Айзикова И.А., Рожнёва Ж.А., Казакевич О.А., Смольянинов А.В., Гарина А.В. Мультимодальные тексты в образовании: исследования в зарубежной гуманитаристике (2019–2023 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 5–22. doi: 10.17223/15617793/509/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/1

Multimodal texts in education: research in the English-language humanities (2019–2023)

Irina A. Aizikova¹, Zhanna A. Rozhneva², Olga A. Kazakevich³, Artyom V. Smolianinov⁴, Alyona V. Garina⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ wand2004@mail.ru

² zhar@ido.tsu.ru

³ o_slugina@mail.ru

⁴ smoart2@gmail.com

⁵ alyonushka050700@gmail.com

Abstract. In the context of the active transformation of the readership, including its most mobile student segment, as well as the transformation of traditional educational texts into more complex textual formations that transmit information to readers through multiple channels, the volume of research in these areas is rapidly increasing. However, it is characterized by multiple interpretations of key concepts, features, and methods, which differ significantly between domestic and English-language humanities scholarship, introducing additional complexity when comparing results and conducting overviews. The aim of this article is to identify interpretations of the multimodal text concept and the conceptual clusters emerging around it, along with a body of features, methods, and research results on this topic, through a systematic review of English-language publications from the last five years (2019–2023) devoted to studying multimodal texts used in education. The study employs the systematic review framework developed by B. Kitchenham and the reporting templates proposed by the PRISMA project to visually represent the individual stages of work, which include three stages: (1) identifying relevant studies using keywords in scientific databases; (2) selecting studies according to specific inclusion/exclusion criteria; and (3) qualitative analysis of publications

in accordance with the research questions. Aligned with its aims, the systematic review focuses on answering the following research questions: (1) How is the concept of multimodal text interpreted (and what conceptual clusters form around it) in English-language studies using eye-tracking and other methods? (2) What features of multimodal texts used in education are examined in English-language studies? (3) What methods are employed in studies of multimodal texts used in education, and what results and research opportunities have been achieved in English-language studies using eye-tracking and other methods? Based on the analyzed sources, the authors identified an essential feature of systematization – the distinctiveness of multimodal educational texts in modeling their cognitive processing during reading – in addition to those mentioned in the research questions. The review demonstrates that English-language researchers understand multimodal text as a message incorporating elements of different symbolic information transmission systems: pictorial components, textual elements, and other symbolic means that interact during cognitive processing. Contemporary research significantly expands the range of multimodal text modes and emphasizes its crucial role in education for teaching various competencies in working with common, general, and professional information, with particular recommendations for the audiovisual presentation of educational content. While drawing on different sources, focusing on different features, and employing varied methodologies, these studies share a common goal: to determine how different modes of multimodal educational texts and their interactions, situated in various contexts, influence meaning transmission and perception. All reviewed publications indicate promising directions for future research.

Keywords: multimodal text, education, multimodal literacy, cognitive processing, English-language humanities

Financial support: The article was prepared with the support of the TSU Development Programme (Priority 2030, Project No. 2.3.4.24 IG).

For citation: Aizikova, I.A., Rozhneva, Zh.A., Kazakevich, O.A., Smolianinov, A.V. & Garina, A.V. (2024) Multimodal texts in education: Research in the English-language humanities (2019–2023). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 5–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/1

Введение

В условиях активной трансформации читательской аудитории, особенно ее наиболее мобильного, студенческого сегмента, а также традиционных учебных текстов в более сложные текстовые образования, передающие информацию в нескольких знаковых системах (интерсемиотически), поток исследований в этих областях стремительно возрастает. Однако он характеризуется множественностью интерпретаций ключевых понятий, аспектов, методов, значительно отличающихся друг от друга как в зарубежной, так и в отечественной гуманитаристике, что создает дополнительную сложность в сравнении полученных результатов, в их обобщении.

Цель предлагаемой статьи – на основе систематического обзора англоязычных публикаций¹ последних пяти лет (2019–2023), посвященных изучению, в том числе с применением айтрекинга, мультимодальных текстов в образовании, выявить интерпретации понятия *мультимодальный текст*² и понятийные гнезда, формирующиеся вокруг него, а также корпус аспектов, методов и результатов исследований по названной проблематике.

Основным преимуществом систематического обзора литературы является четко структурированный и описанный процесс поиска, отбора и анализа публикаций в соответствии с заранее сформулированными исследовательскими вопросами, что обеспечивает возможность его воспроизведения и повышает уровень доверия к результатам. В зарубежной науке систематические обзоры литературы сегодня широко распространены в разных тематических областях, о чем свидетельствуют результаты поиска по ключевым словам «systematic literature review» на платформе Google Scholar (более 1,6 млн результатов). Российских обзорных исследований, основанных на данном методе, пока сравнительно немного. Так, поиск по ключевым словам «систематический обзор литературы» в eLIBRARY.RU выдает 393 публикации, в Google

Scholar – около 2 000, что значительно меньше мировых показателей. Систематические обзоры литературы по изучению мультимодальных текстов среди отечественных публикаций отсутствуют.

В соответствии с указанной выше целью представленный систематический обзор был сфокусирован на следующих **исследовательских вопросах**:

1. Как интерпретируется понятие *мультимодальный текст* и какие понятийные гнезда формируются вокруг него в англоязычных научных статьях, посвященных этому объекту?
2. В каких аспектах рассматривается используемый в образовании мультимодальный текст в англоязычных публикациях о нем?
3. Какими методами оперируют авторы англоязычных статей в своих исследованиях мультимодальных текстов, применяемых в образовании?
4. Какие результаты и перспективы в изучении используемых в образовании мультимодальных текстов показаны в англоязычных публикациях?

Метод

Исследование опирается на структуру систематического обзора, разработанную Барбарой Китченхэм (Barbara Kitchenham) [1], и предложенные в рамках проекта PRISMA формы отчетности для наглядного представления отдельных этапов работы [2]. Проведение систематического обзора включает три этапа: 1) поиск исследований по ключевым словам в научных базах данных; 2) отбор материала по определенным критериям включения/исключения; 3) качественный анализ публикаций в соответствии с поставленными исследовательскими вопросами.

На **первом этапе** нами были определены базы данных и список ключевых слов, сформулированы поисковые запросы и осуществлен первоначальный поиск. В качестве источников для поиска публикаций использовались 4 базы данных: Elsevier, SAGE Premier,

Springer, Taylor & Francis. Их выбор был обусловлен соответствием критериям политематичности и авторитетности. Также в них содержатся преимущественно англоязычные публикации, которые находятся в фокусе нашего исследования.

Основная сложность в подборе ключевых слов связана с наличием в соответствующем исследовательском поле различных терминов, которые используются для определения текстов, содержащих вербальные и изобразительные компоненты: «multimodal text», «creolized text», «polycode text», «verbal-visual text», «multimedia text», «verbal text». Принимая во внимание сложившееся терминологическое разнообразие, в поисковые запросы были включены все эти словосочетания.

По каждой базе данных реализовывались две поисковые стратегии. Сначала поиск шел в названиях публикаций по отдельным ключевым словам, обозначающим нужные тексты в единственном и множественном числе, например, «multimodal text», «multimodal texts», «multimedia text», «multimedia texts» и т.д. В результате было найдено 44 публикации (Elsevier – 6, SAGE Premier – 4, Springer – 19, Taylor & Francis – 15). Затем для поиска

по всему содержанию были сформулированы поисковые запросы в виде комбинации всех ключевых слов с использованием булевого оператора «AND», а также единственной и множественной формы слова «text»: «multimodal text» AND «education» AND «eye-tracking»³, «multimodal texts» AND «education» AND «eye-tracking», «creolized text» AND «education» AND «eye-tracking», «creolized texts» AND «education» AND «eye-tracking» и т.д. Комбинированный поиск дал 343 публикации (Elsevier – 74, SAGE Premier – 90, Springer – 52, Taylor & Francis – 127). Результаты были объединены (n = 387), внесены в электронные таблицы и далее обрабатывались вместе.

На **втором этапе** проведения систематического обзора на основе предварительно сформулированных критериев включения и исключения (табл. 1) из общего массива результатов поиска отбирались публикации для последующего качественного анализа. Часть критериев касается формальных характеристик, таких как форма публикации, направленность журнала, доступность полного текста; остальные относятся к содержанию.

Таблица 1

Критерии включения и исключения

Критерии включения в список для систематического обзора	Критерии исключения из списка для систематического обзора
Статья в рецензируемом журнале	Книга, доклад на конференции, обзорная статья
Журнал имеет социогуманитарную направленность	Журнал ориентирован на иные научные области
Доступен полный текст	Полный текст недоступен
Статья посвящена особенностям мультимодальных или близких к ним текстов	Статья выходит за рамки обозначенной тематики
Статья посвящена исследованиям мультимодальных или близких к ним текстов (в том числе с использованием айтрекинга)	Статья выходит за рамки обозначенной тематики
Статья основана на материалах, которые относятся к образованию	Статья выходит за рамки обозначенной тематики

Процесс поиска и отбора публикаций отображен на рис. 1 в соответствии с рекомендациями и отчетной формой проекта PRISMA [2, 3]. Перед началом отбора по критериям были удалены все дубликаты (n = 76). Из оставшихся 311 публикаций в соответствии с формальными критериями отбора последовательно были исключены: 1) публикации неподходящего формата (n = 75); 2) публикации в непрофильных журналах (n = 10); 3) публикации без полных текстов (n = 129). Данный отбор не требовал обращения к содержанию статей. В результате образовалась выборка из 97 публикаций, которые были проверены по содержательным критериям на основе названий и аннотаций. На этом этапе исключались статьи, не соответствующие ни одному из содержательных критериев (n = 67). При наличии хотя бы одного соответствия публикация оставалась в выборке для дальнейшей качественной проверки. Отобранные таким образом 30 публикаций для принятия окончательного решения о включении в обзор

были проанализированы на основе их полных текстов с точки зрения наличия или отсутствия ответов на все поставленные исследовательские вопросы.

Материал

В предлагаемый обзор после качественной оценки вошло 15 статей (табл. 2).

Результаты обзора

Обращаясь к освещению нашего **первого исследовательского вопроса** в англоязычных публикациях 2019–2023 гг., отметим, что ученые единодушны в утверждении того, что «современные тексты, как печатные, так и электронные, становятся все более мультимодальными и сложными»⁴ [4]. Так, Д. Го, Ш. Чжан, К. Ландау Райт и Э.М. Мактиг в статье «Do You Get the Picture? A Meta-Analysis of the Effect of Graphics on Reading Comprehension» указывают, что мультимодальные тексты, в том числе учебные, могут включать

себя, кроме вербальной составляющей, анимацию, компьютерные симуляции, повествовательные визуальные эффекты⁵, отмечая при этом, что пока такие тексты редко используются в образовании.

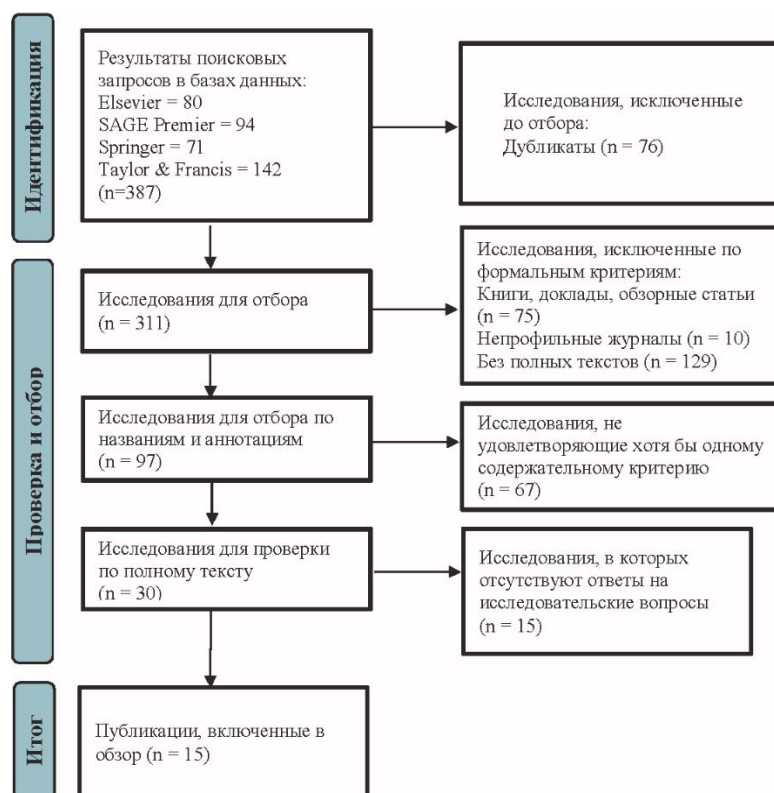

Рис. 1. Технологическая схема отбора исследований

Таблица 2

Отобранные исследования

Автор(ы)	Название	Год	Материал, проблематика, методы
Alyousef H.S.	Text Cohesion in English Scientific Texts Written by Saudi Undergraduate Dentistry Students: A Multimodal Discourse Analysis of Textual and Logical Relations in Oral Biology Texts	2021	Выявляются и анализируются средства связности мультимодального учебного текста и его составляющих, осуществляется выход к проблеме его восприятия. Используются лингвистические и статистические методы
Bateman J.A., Thiele L., Akin H.	Explanation videos unravelled: Breaking the waves	2021	На материале обучающих видеороликов, размещаемых на веб-сайтах и используемых школьниками и студентами, изучается, как воспринимается информация в таком формате, при каких условиях видео эффективны в обучении, как это можно измерить и как сформировать рекомендации по их улучшению, используя инструмент аннотирования ELAN и программы для потаймингового анализа
Boden U., Stenliden L., Nissen J.	The construction of interactive and multimodal reading in school – a performative, collaborative and dynamic reading	2023	На материале видеозаписей уроков в школьном классе изучается процесс взаимодействия учителя и учащихся при использовании ими учебного мультимодального текста. Применяются методы наблюдения и анализа данных видеозаписей
Chen Y.	Salient visual foci on human faces in viewers' engagement with advertisements: Eye-tracking evidence and theoretical implications	2022	На материале рекламных мультимодальных текстов проверяются общие гипотезы о восприятии информации, транслируемой различными элементами таких текстов, и информационном потенциале связей между ними. Используются анализ данных AOI и алгоритм STA
Cvetkovic I., Vásquez-Guevara D.H., Reyes E.V., Carmona Guzman N.R.	National aeronautics and space administration on IGTV: Multimodal discourses of space	2022	Описывается критический анализ мультимодальных научных и научно-популярных текстов, которые NASA размещает на мультимодальной платформе для сообщения широкой аудитории информации о космосе. Поднимаются вопросы об убедительности таких текстов и о возможностях их создателей в моделировании читательского понимания

Автор(ы)	Название	Год	Материал, проблематика, методы
Doody S., Artemeva N.	“Everything Is in the Lab Book”: Multimodal Writing, Activity, and Genre Analysis of Symbolic Mediation in Medical Physics	2021	На мультимодальных текстах лабораторных журналов по медицинской физике решается вопрос о социориторической роли той или иной составляющей мультимодального текста данного жанра в формировании знаний и освоении дисциплинарных практик. Используются методы мультимодального и риторического жанрового анализа
Guo D., Zhang Sh., Landau Wright K., McTigue E.M.	Do You Get the Picture? A Meta-Analysis of the Effect of Graphics on Reading Comprehension	2020	На материале данных 39 экспериментов, опубликованных с 1985 по 2018 г., в которых измерялось влияние графики на понимание читателями мультимодального текста и его вербальной составляющей, путем метаанализа уточняется общепринятое положение о том, что графика облегчает понимание вербального компонента
Holsanova J.	Uncovering scientific and multimodal literacy through audio description	2020	На материале аудиозаписей популярного научного журнала и протоколов «think-aloud» («размышлений вслух») рассматриваются вопросы когнитивного характера о процессе чтения и понимания мультимодальных научных текстов. Используются методы наблюдения, фиксации этапов работы с текстом и последующего анализа комбинирования смыслов, передаваемых разными знаковыми системами
Kiili C., Blaine E. Smith, Räikkönen E., Marttunen M.	Students’ Interpretations of a Persuasive Multimodal Video About Vaccines	2021	Изучается интерпретация студентами мультимодального учебного текста, ее связь с его темой, с оценками читателей по Language Arts и их самоидентификацией по полу, а также влияние мультимодальности текста на его убедительность. Используются статистические методы анализа
Ntouvlis V., Geenen J.	«Ironic memes» and digital literacies: Exploring identity through multimodal texts	2023	Рассматриваются семиотические модели, дизайн «иронических мемов» (жанр меметического интернет-контента), понимаемых как цифровые мультимодальные тексты, решается вопрос об их связи с формированием идентичности сетевых субкультур. Используются методы интервьюирования, наблюдения, анализа данных, цифровой этнографический подход
Pantaleo S.	The meaning-making in kindergarten children’s visual narrative compositions	2023	На материале Silent Books изучается, как работа с ними развивает визуальную и мультимодальную грамотность дошкольников. Используются методы интегрированного в образовательный процесс эксперимента, социальной семиотики и SFL
Ridell K., Wallden R.	Prompting story elements in first grade: An intermodal approach for exploring two teachers’ orchestrations	2023	На материале видео- и аудиозаписей уроков в шведской младшей школе изучается, как изоконтент и мультимодальные «подсказки» используются учителями для передачи знаний. Применяется метод эксперимента
Ridell K., Wallden R.	Graphical models for narrative texts: Reflecting and reshaping curriculum demands for Swedish primary school	2022	На материале графических моделей нарративных текстов, используемых в шведских начальных школах, решается проблема адаптации этих моделей к требованиям учебных программ и преодоления связанных с этим текстуральных смещений при восприятии. Используется метод анализа графических моделей нарративных текстов
Wang H.	International English Learners’ Perspectives on Multimodal Composing and Identity Representation Via Multimodal Texts	2022	На материале «мультимодальных сочинений» на английском языке исследуется проблема репрезентации социокультурной идентичности иностранных студентов. Применяются социологические методы и дискурс-анализ
Wanselin H., Danielsson K., Wikman S.	Analysing Multimodal Texts in Science	2022	На материале рукописной и печатной инфографики по естественным наукам апробируется оригинальная методика анализа учебного мультимодального текста, позволяющая выявлять проблемы в дизайне подобных материалов и то, как студенты понимают и интерпретируют научную информацию, представленную в такой форме

Авторы статьи «National aeronautics and space administration on IGTV: Multimodal discourses of space» И. Цветкович, Д.Х. Васкес-Гевара, Э.В. Рейес и Н.Р. Кармона Гусман составляющими мультимодальных текстов считают, помимо вышеназванного, фотографии, шрифт, звук, цвет, типографику. Х. Ванселин, К. Даниэльссон, С. Уикмэн в своем исследовании «Analysing Multimodal Texts in Science – a Social Semiotic Perspective» в качестве учебного мультимодального текста (со ссылкой на авторитетных семиотиков и исследователей мультимодальности – Дж. Лемке [5], Г. Кресса и Т. ван Левена [6]) анализируют и сравнивают письменную (создаваемую учащимися вручную

на листе бумаги) и цифровую (подготовленную как иллюстрация в электронном учебнике) инфографику, представляющую собой сочетание взаимосвязанных текстовых и графических элементов, а также предметно-специфических символов, которые в совокупности направлены на схематизацию описываемых явлений с целью их толкования, усвоения и воспроизведения в образовательном контексте. В примечании к используемому термину авторы вводят понятийное ограничение по формату, перечисляя письменные, печатные и цифровые мультимодальные тексты, но намеренно исключая из этого ряда «анимации» [7. Р. 892], т.е. анимированные изображения и видео. К. Киили,

Б.Э. Смит, Э. Райкконен, М. Марттунен в статье «Students' Interpretations of a Persuasive Multimodal Video About Vaccines», напротив, исследуют видеоролик как мультимодальный текст на том основании, что он включает в себя «сложное переплетение (*the complex interweaving*) визуальных эффектов, звуков, текста и движения». Исследователи подчеркивают, что подобные тексты «становятся доминирующей формой общения» для молодежи [8]. Они же, опираясь на работы своих предшественников (С. Барзилай, Б. Эйлам, Ж.Ж. Кромлей, Л.Е. Снайдер-Хоган, М. Уолш, Х.И. Ли, А. Лист, П. Кендоу и др.), вводят понятия статических (*static multimodal texts*) и динамических мультимодальных текстов (*dynamic multimodal texts*). К первым относятся «сочетающие» (*combine*) в себе «текст, изображения и графику», вторые включают в себя «описательную повествовательную анимацию и аудиовизуальные повествования» [8].

Также К. Киили, Б.Э. Смит, Э. Райкконен, М. Марттунен оперируют в своей статье понятиями *мультимодальность* (*multimodality*), *мультимодальная обработка текста* (*multimodal text processing*) и *мультимодальная аргументация* (*multimodal argumentation*). Определяя ими свой подход к материалу исследования⁶, они квалифицируют мультимодальность как «перспективу социальной семиотики» (*a social semiotics perspective*) Г. Кресса, родоначальника данной концепции. Ее суть сам автор излагает следующим образом: «Мир семиотики, который мы... все еще воспринимаем нормальным, изменяется очень быстро, а в некоторых аспектах изменяется неузнаваемо... “Язык”, со всей уверенностью считающийся (на “Западе”) гарантом того, что определенно является человеческим, рациональным, необходимым для рефлексии, способным выразить любой аспект человеческого существования, оспаривается в этой занимавшей им до сих пор центральной позиции другими средствами конструирования смыслов, другими средствами формирования идентичности. Соответствующий вызов известен под именем *мультимодальности* (*multimodality*)» [9. С. 78]. Прежде всего Г. Кресса интересует «воздействие мультимодальности на сферу смысла и коммуникации и, вместе с этим, на социальное значение речи и письма» [9. С. 78]. Мультимодальность как социально-семиотический подход к современной коммуникации подразумевает обращение к ее повседневным «материальным» ресурсам языка в их многочисленности и разнообразии, которые «выходят далеко за пределы речи и письма. Слово *материальные* здесь используется в значении, отсылающем к тем феноменам, которые доступны средствам восприятия, (человеческому сенсориуму)» [9. С. 78].

Последователями Г. Кресса мультимодальность понимается как механизм смыслопорождения при восприятии мультимодальных текстов. При этом признается, что «язык не имеет привилегий в общении» и другие, выражаясь языком Г. Кресса, «материальные» ресурсы языка «имеют потенциал вносить равный вклад» в создание смысла текста [8]. К. Киили, Б.Э. Смит, Э. Райкконен, М. Марттунен рассматривают мульти-

модальный текст в социальной семиотической перспективе и обращают внимание на то, как смысл создается посредством синергического взаимодействия различных модусов – вербального, изобразительного, аудиального и др. Для авторов важно, что в результате взаимодействия разных модусов создается уникальное содержание сообщения, которое ни один из них не может выразить самостоятельно. При таком взаимодействии отдельные модусы «могут выравниваться, чтобы подчеркнуть дополнительное сообщение... или расходиться, чтобы создать диссонанс и передать различные сообщения одновременно...» [8]. Кроме «предоставления бесконечных коммуникативных возможностей» для создателей мультимодальных текстов, «эти многомерные сообщения также открывают множественные интерпретации для аудитории... Более того, интерпретации мультимодальных конструкций могут различаться в зависимости от модальной плотности и сложности» текста [8].

Х. Ван, автор статьи «International English Learners' Perspectives on Multimodal Composing and Identity Representation Via Multimodal Texts», учебные мультимодальные тексты, понимаемые в той же трактовке Г. Кресса (а также Т. ван Левена), рассматривает как результат *мультимодального сочинения* (*multimodal composing*), которое означает «построение значений посредством комбинации семиотических модусов, таких как визуальный, аудио и текстовый» [10]. Эти «сочинения» исследуются на примере работ, созданных в ходе изучения английского языка иностранными студентами, которые прошли экспериментальное контролируемое обучение мультимодальной грамотности и выполняли задания, предполагающие автономный выбор различных средств и инструментов самовыражения: начиная от компьютерных программ (текстовых, графических и аудиоредакторов) и заканчивая цветной бумагой, карандашами и маркерами для создания письменных работ с различными рисунками, цветовыми обозначениями и т.п.⁷

В русле социальной семиотики ряд ученых (И. Цветкович, Д.Х. Васкес-Гевара, Э.В. Рейес и Н.Р. Кармона Гусман, Х.С. Алюсеф, К. Риделл, Р. Уоллден) оперируют понятиями *мультимодальные дискурсивные практики*, *мультимодальные дискурсы* и *мультимодальные механизмы* их создания. В статьях, посвященных образованию, в терминологическое «гнездо», формируемое вокруг категории *мультимодальный текст*, активно вводятся и такие дефиниции, как *мультимодальная образовательная среда* (Д. Го, Ш. Чжан, К. Ландау Райт и Э.М. Мактиг) [4], *мультимодальные подсказки*, *интермодальный подход к обучению* (К. Риделл, Р. Уоллден) [13]. Все они применяются при описании стратегий обучения с использованием мультимодальных текстов и интермодальных приемов преподавания, вхождение которых в образовательный процесс прогнозируется на ближайшее будущее.

Дж.А. Бэйтман, Л. Тиле и Х. Акин, авторы статьи «Explanation videos unravelled: Breaking the waves», преимущественно опираются на теорию легитимирующего кода К. Матона и методологию мультимодальной аннотации, разработанную Дж.А. Бэйтманом. В этом

исследовании также вводится термин *мультимодальность*, который понимается как «сложное использование устной речи, письменной речи, визуализации в виде диаграмм и изображений (чаще динамических), а также метакоммуникации различных видов (включая голосовые подсказки, жесты, динамические ресурсы презентации, такие как масштабирование, переходы между слайдами, постепенное появление текста и т.д.)» [14]. Исходя из определения термина, становится очевидным, что мультимодальный текст понимается авторами как сочетание вербального текста (устного и письменного) с изображениями любого типа. У. Боден, Л. Стенлиден, Й. Ниссен в публикации «The construction of interactive and multimodal reading in school – a performative, collaborative and dynamic reading» вслед за М. Уолшем и его концепцией *цифрового текста (digital text)* определяют мультимодальный текст как цифровой текст, для которого, по мысли М. Уолша, характерно использование «нескольких способов или контекстов коммуникации, таких как печатный текст, изображения, движение, фильмы, звук, цвет и т.д.» [15]. Схожее определение мультимодального текста дает Я. Холсанова, автор исследования «Uncovering scientific and multimodal literacy through audio description», понимая под таковым текст, содержащий, помимо вербальной составляющей, «изображения и графические элементы различных видов: фотографии, рисунки, схемы, графики, таблицы, карты, временные шкалы и блок-схемы, а также блоки, рамки и различные элементы оформления» [16]. В. Нтувлис, Дж. Джинен, авторы статьи «„Ironie memes“ and digital literacies: Exploring identity through multimodal texts», опираясь на работы Б. Дансигье, Л. Ванделанотте, А. Лу и др., определяют «ироничные мемы» как разновидность мультимодального текста ввиду их семиотической структуры и полидискурсивности [17]. При этом во все указанные публикации вводятся синонимичные термины *мультимодальная грамотность* и *цифровая грамотность*, под которыми понимаются навыки чтения, интерпретации, усвоения и использования сложных мультимодальных текстов.

Анализ освещения **второго исследовательского вопроса** в англоязычных научных статьях 2019–2023 гг. показывает, что мультимодальные учебные тексты (чаще всего вербально-изобразительные как наиболее востребованные в образовании) изучаются, главным образом, в связи с их когнитивной обработкой, в том числе их вербальной составляющей, и моделированием восприятия. Эта проблема рассматривается в ряде аспектов. Один из них определяется углублением в специфику мультимодальных учебных текстов в контексте проблем их понимания и интерпретации (смыслопорождения). Так, отталкиваясь от академических изысканий, посвященных связности текста как важнейшей общепринятой его характеристике, Х.С. Алусеф в статье «Text Cohesion in English Scientific Texts Written by Saudi Undergraduate Dentistry Students: A Multimodal Discourse Analysis of Textual and Logical Relations in Oral Biology Texts» впервые рассматривает в этом плане мультимодальные тексты по

биологии, используемые в обучении бакалавров стоматологии. Он изучает вербально-изобразительные учебные тексты с целью установления принципов создания «мультимодальных текстов высокой связности» (*multimodal high-cohesion texts*), которые могли бы успешно расширять базовые концептуальные знания студентов и их компетенции в области восприятия мультимодальной информации – ее понимания и следующего отсюда смыслопорождения. Опираясь на предшествующие исследования «множественных семиотических модальностей в школьных учебниках» (включая учебники по биологии), обращенные к «пониманию основных процессов передачи смысла» [18] (А. Болдри, П.Дж. Тибо, Л. Го, М. Ханнус, К. Джайпал, Г. Кресс и др.), к принципам выбора, упорядочивания и модификации семиотических модальностей учебного текста, введения в вербальный текст учебника схем и графиков с учетом типографики и цвета, направленных на то, чтобы помочь учащимся сконструировать научное знание (К. Джайпал), Х.С. Алусеф выявляет средства связности мультимодального учебного текста для высшей школы с целью расширения его дидактического потенциала. Выделяя по отдельности средства связности, характерные для вербального компонента мультимодального текста, и факторы связности изображения и словесного текста, обеспечивающие целостность мультимодального текста, ученый затрагивает проблему моделирования его когнитивной обработки, пытаясь решить ее постижением механизма взаимодействия составляющих мультимодального текста, их межсемиотических отношений, порождающих у студента при восприятии смыслы прочитанного.

Собственно к особенностям когнитивной обработки мультимодального словесно-изобразительного учебного текста, к вопросам взаимодействия в этом процессе восприятия его вербальной и изобразительной составляющих обращено большинство современных исследований, представленных в англоязычных публикациях, вошедших в данный обзор, и это несмотря на то, что названные проблемы изучаются уже несколько десятилетий. Так, Д. Го, Ш. Чжан, К. Ландау Райт и Э.М. Мактиг свою статью «Do You Get the Picture?..» посвящают переосмыслению, казалось бы, общепринятого утверждения того, что «хорошо продуманная графика может облегчить понимание текста читателями» [4]. Ими были изучены 39 экспериментальных исследований, опубликованных в период с 1985 по 2018 г., в которых измерялось влияние графики на понимание читателями мультимодального текста и его вербального компонента. Авторы рассматриваемой статьи подвергли сомнению полученные ранее данные, поскольку при их оценке не были учтены характеристики учащихся и типы графики. И в первую очередь они оспаривают тезис В. Уинна о так называемой вербальной предвзятости ученых и преподавателей, высказанный им в статье 1987 г. и надолго – без оснований, как считают Д. Го, Ш. Чжан, К. Ландау Райт и Э.М. Мактиг, – закрепившийся в науке. Эта мысль, как отмечается в их статье, до сих пор поддерживает убеждение, что учащиеся «недоразвиты в мен-

тальных структурах, свойственных визуальной обработке», поскольку в основном работают с вербальными текстами. Более того, именно «вербальная предвзятость», по мысли В. Уинна, «отводит графическим представлениям отдаленную второстепенную роль в процессе обучения по текстам» [4], ограничивая возможности смыслопорождения читателя.

Утрируя концепцию Г. Кресса, некоторые последователи В. Уинна усматривают перспективы коммуникации (включая образовательную) в том, что в ней вербальный текст в итоге будет вытеснен визуальным.

Между тем Д. Го, Ш. Чжан, К. Ландау Райт и Э.М. Мактиг полагают, что база знаний о понимании *изобразительного (графического, в частности) текста*, позволяющая утверждать подобное, «находится в зачаточном состоянии и не организована». Исследования влияния графики на понимание прочитанного, как указано в их статье, «содержат проблемные несоответствия», «демонстрируют определенные ситуации, когда графика не оказывает никакого или оказывает даже отрицательное влияние на понимание учащимися» мультимодального текста, включая его вербальный компонент. Кроме того, ученые подчеркивают разницей критериев и результатов, количественно оценивающих обучение с помощью графики, что «добавляет дополнительную сложность для сравнения данных». Наконец, они констатируют отсутствие четкого определения «графики» и классификации графических текстов. Цель своей работы Д. Го, Ш. Чжан, К. Ландау Райт и Э.М. Мактиг видят в «количественной оценке и описании влияния учебной графики на понимание прочитанного» мультимодального текста и его словесной составляющей учащимися, «чтобы лучше понять, при каких условиях графика облегчает их понимание» [4].

В статье «Students' Interpretations of a Persuasive Multimodal Video About Vaccines» внимание авторов также сосредоточено на интерпретации студентами мультимодальных учебных текстов, но они обращаются к динамическим мультимодальным текстам с более сложной структурой, чем у вербально-изобразительных. Статья посвящена осмыслению способности молодежной аудитории «понимать цифровые видео, которые включают сложное переплетение нескольких модусов» передачи информации [8]. Опираясь на исследования П. Кендеу, К.М. Бон-Гетлер, М.Дж. Уайта и П. Ван Ден Брука и Л. Салмерона, А.Р. Сампьеры и Дж.П. Дельгадо, которые одними из первых утверждали, что, «по сравнению с текстовой информацией, видео оказали более сильное влияние на убеждения студентов» [8], авторы рассматриваемой статьи хотят внести вклад в изучение зависимости интерпретации студентами мультимодального текста (видеоролика) на социально-научную тему от их «тематических знаний», оценок по Language Arts⁸ и «самоидентифицированности» по полу. Кроме того, исследователи ставят проблему высокой степени убедительности мультимодального текста, достигаемой передачей информации с использованием ряда «модусов», и отражения этого в особенностях его понимания и интерпретации студентами.

Проблеме влияния мультимодальности текста на его убедительность посвящена и статья «National aeronautics and space administration on IGTV: Multimodal discourses of space» И. Цветкович, Д.Х. Васкес-Гевары, Э.В. Рейес и Н.Р. Кармоны Гусман, которые сосредоточены на изучении «роли отдельных модусов» в создании убедительных «скрытых смыслов» мультимодальных текстов, плавно переходящих из научно-образовательной области в область продвижения идей «космического колониализма, расового и гендерного труда, территориализации и капиталистического присвоения пространства». В статье обсуждаются три исследовательских вопроса: «Какие мультимодальные дискурсивные практики использует NASA для убедительной коммуникации о космосе на своем IGTV? Как многоканальность передачи информации мультимодальными текстами используется NASA для убедительного освещения событий в космосе? Как в созданных агентством мультимодальных текстах рождаются и считываются скрытые смыслы, связанные с концепцией космоса как места геополитической мощи США?» [19].

Исследование, представленное в статье Х. Ванселлин, К. Даниэльссон, С. Уикмэн «Analysing Multimodal Texts in Science – a Social Semiotic Perspective», вписано в широкое и развивающееся направление по изучению мультимодальности и мультимодальной грамотности в научном и образовательном дискурсах, которые рассматриваются преимущественно в социокоммуникативном и социокоммуникативном аспектах, позволяющих составить комплексное представление о специфике и факторах текстопорождения в условиях междисциплинарного информационного взаимодействия. Как отмечают авторы указанной статьи, «учащимся необходимо интегрировать несколько модусов, чтобы понимать, изучать и передавать научные знания» [7. Р. 892]. Конкретизация предметной области достигается опорой на работы, посвященные мультимодальным текстам в естественных науках и естественно-научном образовании, где повышенное внимание уделяется особенностям схематичного изображения и описания физических, химических, природных процессов и явлений, а также эффективности восприятия, интерпретации и усвоения закодированной таким образом информации. Говоря обобщенно, учебные мультимодальные тексты рассматриваются как инструменты трансфера научных знаний и формирования *дисциплинарной грамотности (disciplinary literacy)*, которая оценивается тем, как именно субъектами осуществляется вербальная и изобразительная репрезентация знаний с учетом коммуникативных ситуаций в образовании.

К указанному выше направлению можно отнести и статью Х. Вана «International English Learners' Perspectives on Multimodal Composing and Identity Representation Via Multimodal Texts», решающую вопросы мультимодальной грамотности в изучении английского языка иностранными студентами. Однако ключевым аспектом здесь выступает социокультурная и литературная идентичность учащихся, выражаемая посредством *мультимодального сочинения (multimodal com-*

posing) и выступающая предметом интереса ряда исследователей (в частности, Дж. Ги, М. Саблески, Д. Скиннер). По словам автора работы, «теория социокультурной и литературной идентичности помогла понять, как идентичности изучающих английский язык были отражены в мультимодальных сочинениях, описывающих их опыт изучения английского языка в различных социальных и культурных контекстах» [10].

В статье «The meaning-making in kindergarten children's visual narrative compositions» также смещен акцент с «мультимодальных сочинений» на «визуальные». Автор выделяет семиотические и социокультурные аспекты (М. Холлидей, Г. Кресс, Т. ван Левен) их создания детьми в ходе образовательных практик. В отличие от предыдущей статьи, где была важна комбинация различных модусов, акцент здесь сделан только на одном, однако значимость обретает не конечный гетеро- или гомогенный по семиотической природе текст, а возможность его интерпретации в плане развития визуальной и, шире, мультимодальной грамотности. Как пишет автор, отталкиваясь от работ таких ученых, как П. Мартинс, Р. Мартинс и М.Х. Доил, «киллюстрированные книги использовались в качестве образцовых текстов для развития у студентов осведомленности и понимания принципов и элементов изобразительного искусства и дизайна, которые впоследствии давали информацию о разработке и создании [их собственных] мультимодальных текстов» [11].

Дж.А. Бэйтман, Л. Тиле и Х. Акин [14] подходят к изучению мультимодальных текстов в структурном аспекте, в то время как У. Боден, Л. Стенлиден, Й. Ниссен [15] исследуют их в аспекте взаимодействия реципиента с ними. Они сосредоточены на том, что изначально привлекает его внимание, как он учится использовать мультимодальные тексты для получения необходимой информации, как пользуется интерактивными элементами. Я. Холсанова, автор статьи «Uncovering scientific and multimodal literacy through audio description», тоже обращается к аспектам рецептивного восприятия мультимодального текста и взаимодействия с ним в работе реципиента, однако она акцентирует внимание не на формировании выводов из наблюдения реципиента, а на когнитивном аспекте исследования. Я. Холсанова изучает подход к мультимодальному тексту человека, который профессионально занимается аудиоописанием различных научных статей. Для нее становится важным не только конечный результат его работы, но и подробное описание процесса взаимодействия с мультимодальным текстом. Так, реципиент, одновременно являющийся и создателем-интерпретатором мультимодального текста, в ходе своей работы, по предложению исследователя, использует прием «размышления вслух», т.е. буквально проговаривает все мысли, которые у него возникают в ходе работы с текстом: задает вопросы, как эффективнее структурировать информацию, что можно сократить, в каком месте и что еще раз повторить для лучшего запоминания⁹.

Примером исследования принципов и процесса порождения мультимодального текста является работа С. Дуди и Н. Артемьевой [20]. Авторы анализируют

механизмы и сам процесс создания текстов лабораторных журналов по медицинской физике, представляющих собой мультимодальный текст как совокупность вербальных, изобразительных элементов и математических символов.

В своей работе «„Ironic memes“ and digital literacies: Exploring identity through multimodal texts» В. Нтувлис и Дж. Джинен предлагают рассмотреть мемы как мультимодальные учебные тексты в аспекте цифровой грамотности, которая понимается как навык взаимодействия с мультимодальным текстом. В статье показано, как предпочтение «ироничных мемов», основная идея которых заключена в намеренной абсурдности, формирует сетевые субкультуры и их идентичности, создает утрированные и обобщенные образы-персонажи других интернет-пользователей. Авторы разделяют мемы на две категории: условно качественные (постироничные, интеллектуальные) и анекдотичные, шаблонные, создание которых не требует от пользователей высокого уровня цифровой (или мультимодальной) грамотности. Данное разделение рассматривается как следствие разницы в ее уровне: более грамотные интернет-пользователи используют базис классических анекдотичных мемов, создавая гибридные жанры, деконструируя и высмеивая шаблонные мемы, их структуру и их потребителей [17].

И. Чэнь в статье «Salient visual foci on human faces in viewers' engagement with advertisements: Eye-tracking evidence and theoretical implications» представляет изучение мультимодальных текстов в аспекте возможностей воздействия на читателя совокупности символических средств различного типа, определяющих мультимодальную природу текста [21].

К. Риделл и Р. Уоллден в работе «Graphical models for narrative texts: Reflecting and reshaping curriculum demands for Swedish primary school» рассматривают мультимодальный текст как инструмент предъявления информации обучающимся в образовательном контексте, акцентируя внимание на различиях в интерпретации такого текста и обучающих практиках его чтения [22]. Отдельное внимание авторы уделяют принципам интегрирования мультимодальных ресурсов в учебный процесс. В качестве примера они приводят результаты использования мультимодальных ресурсов при реализации государственной программы развития грамотности «The Reading Boost», реализуемой в Швеции.

Третий исследовательский вопрос, поставленный в данной статье, актуализирован во всех рассмотренных публикациях и позволяет представить довольно развернутый пул описанных в них методов, применяемых в отношении интересующих нас проблем. Весьма актуальными и частотными выступают статистические методы. В первую очередь следует назвать метаанализ – статистический метод объединения, сравнения и обобщения результатов нескольких исследований по одной теме, проблеме, проводимых независимо друг от друга. Он позволяет получить представление об общем результате изучения одного объекта или предмета в количественном измерении, выявить паттерны или различия результатов, полученных разными исследователями. Процесс метаанализа

подробно описан, например, в статье Д. Го, Ш. Чжана, К. Ландау Райт и Э.М. Мактиг «Do You Get the Picture? A Meta-Analysis of the Effect of Graphics on Reading Comprehension». Они же применяли в своем исследовании метод ограниченного максимального правдоподобия (вместо метода Р. Дерсимонян и Н. Лэрд, который, по мнению ученых, «может давать смещенные оценки») [4]). Для заключения о «чувствительности» своих результатов «к публикационной ошибке» исследователи применяли воронкообразные графики, тест Эггера на публикационную ошибку, анализ обрезки и заполнения Дюваля и Твиди и др.

Теоретическими основами рассмотренных исследований, проводимых в когнитивистском аспекте, стали концепция двойного кодирования А. Пайвио (Dual coding theory – DCT) [23], обосновывающая включение изображений в вербальный текст, и когнитивная теория мультимедийного обучения Р. Майера (Cognitive theory of multimedia learning – CTML) [24], которая, опираясь на DCT, «предсказывает обучение в мультимодальных средах и информирует о принципах мультимедийного дизайна») [4].

И. Цветкович, Д.Х. Васкес-Гевара, Э.В. Рейес и Н.Р. Кармона Гусман использовали в своем исследовании представленную выше концепцию мультимодальности Г. Кресса как теорию и метод для «распаковки дискурсивных практик и конструирования смыслов видео». Авторами был применен многоуровневый критический дискурсивный анализ мультимодальных текстов, последовательно проведенный на уровне лингвистического, визуального (visual) модусов, типографики, цвета и аудиомодальности, на уровне их соотношения друг с другом [19].

Не менее востребован и метод социологического эксперимента, в котором особое внимание уделяется подготовке качественного дизайна. Полученные данные также подвергаются статистическому анализу. Так, авторы статьи «Students' Interpretations of a Persuasive Multimodal Video About Vaccines» К. Киили, Б.Э. Смит, Э. Райкконен, М. Марттунен проводят его с использованием метода максимального правдоподобия с надежными стандартными ошибками (MLR), различные интерпретации мультимодального текста изучаются с помощью аналитических инструментов, интегрированных в статистическую программу Mplus 8.0. Теоретические подходы к данному исследованию определялись опорой на упоминавшуюся выше теорию социальной семиотики Г. Кресса [8]. Статья «Text Cohesion in English Scientific Texts...» написана Х.С. Алусефом тоже на основе данных, полученных в ходе эксперимента и обработанных с помощью подходов системно-функциональной лингвистики (SFL) и системно-функционального мультимодального дискурс-анализа (SF-MDA), разработанных М. Холлидеем [18]. Описанный в статье «Prompting story elements in first grade: An intermodal approach for exploring two teachers' orchestrations» К. Риделла, Р. Уоллдена эксперимент проводился традиционными методами сбора и обработки данных, однако был посвящен апробации интермодального метода преподавания с использова-

нием мультимодальных подсказок [13]. В ходе эксперимента семиотические и педагогические теории проверялись на практике, использовался подход Designs for Learning (DFL) [25].

В статье Х. Ванселин, К. Даниэльссон, С. Уикмэн «Analysing Multimodal Texts in Science – a Social Semiotic Perspective» предлагается апробированная авторами оригинальная методика для структурного анализа вербальной и изобразительной составляющей учебных мультимодальных текстов по естественнонаучным дисциплинам с целью выявления проблем и принципов их создания. В ее основе лежат теоретические положения социальной семиотики и, в частности, системно-функциональной лингвистики (SFL) М. Холлидея, который выделял идеационную, межличностную и текстовую метафункции языка. Кроме того, авторы обращаются к его системно-функциональной грамматике (SFG), разработанной для анализа устной и письменной речи и адаптированной Г. Крессом и Т. ван Левеном применительно к изображениям (визуальная грамматика), а также к комбинации разных модусов (Р. Мартинек, А. Салуэй). Так, учебные мультимодальные тексты предлагается анализировать по следующим параметрам:

- текстовая метафункция: 1) организация текста, включая выбор ресурсов (изображение, письмо, тематические символы); 2) относительный размер и масштаб;

- идеационная метафункция: 1) анализ транзитивности (процессы, участники и обстоятельства) нарисованного/написанного; 2) повествовательная/концептуальная функция нарисованных элементов; 3) отношение нарисованного/написанного (избыточное, дополняющее, развивающее, контрастирующее);

- межличностная метафункция: 1) позиционирование по отношению к дисциплине и потенциальному читателю; 2) речевые роли (и эквивалент для изображений); 3) формальность; 4) явные/неявные ценности [7. Р. 896].

Для изучения учебных мультимодальных текстов в аспекте репрезентации социокультурной идентичности иностранных студентов Х. Ваном [10] была разработана следующая методика. Во-первых, был создан экспериментальный курс по развитию мультимодальной грамотности, состоящий из нескольких семинаров, который посещали респонденты. В ходе занятий исследователь 1) фиксировал действия учащихся; 2) проводил два индивидуальных полуструктурированных интервью с открытыми вопросами (первое, в начале курса, для прояснения фоновых знаний, опыта; второе, в конце курса, для получения обратной связи); 3) вел видеозапись семинаров; 4) вел журнал, в который заносились все промежуточные результаты и важные наблюдения. Это было необходимо для того, чтобы в полной мере погрузиться в социокоммуникативный аспект исследования. Во-вторых, обработка данных проводилась с использованием метода мультимодального дискурс-анализа (MDA) – для материалов респондентов, а также «обоснованной теории» (А. Страусс, Б. Глейзер, К. Чармаз) – для материалов исследовате-

лей. Кроме того, «участникам было предложено оценить точность интерпретации данных и предоставить обратную связь, которая могла бы быть использована для проведения повторного анализа» [10].

Методика проведения исследования, описанная в статье С. Панталео «The meaning-making in kindergarten children's visual narrative compositions», тоже связана с интеграцией эксперимента в образовательный процесс и глубокое погружение самого исследователя во взаимодействие с участниками: в течение 5 месяцев респонденты изучали теорию изобразительного искусства и дизайна на материале бессловесных иллюстрированных книг, учились оценивать и обсуждать такие издания, а также использовать полученные знания при подготовке собственных «визуальных сочинений». Промежуточные результаты подлежали регулярной фиксации. Выполненные обучающимися работы были изучены методом контент-анализа с опорой на теорию визуальной грамматики Г. Крессе и Т. ван Левена и системно-функциональную лингвистику (SFL) М. Холлидея, которые позволяли интерпретировать данные в метафункциональном, социокоммуникативном и социокультурном аспектах. Также с респондентами проводились индивидуальные беседы с записью стенограммы, в ходе которых они вербализовывали содержание своих «визуальных сочинений» через уточняющие вопросы. По словам автора, «подробные описания исследовательских процедур, контент-анализ художественных работ и семиотический анализ визуальных повествовательных сочинений трех учащихся отражают эвристический характер тематических исследований, направленных на получение глубокого контекстуализированного понимания изучаемых явлений и знаний или смыслов, сформированных участниками» [11].

Подходя к изучению мультимодальных текстов в структурном аспекте, Дж. А. Бэйтман, Л. Тиле и Х. Акин [14] применяют метод создания детальных схем мультимодальных аннотаций с подробным описанием текстовых единиц в каждой из отдельно взятых модальностей. Иными словами, исследуемый материал разбивается на необъемные фрагменты, каждый из которых последовательно описывается отдельно для каждой из модальностей. Полученные данные авторы собирают в схему, показывая когезивные отношения разных модальностей во временном измерении. Основной принцип, реализованный в исследовании, состоит в членении сложного объемного материала на составные части (текстовую, речевую и т.д.), выделении микроэлементов, полученных из анализа данных, и их сборе в цельную последовательную картину. Такой подход, по утверждению авторов, позволяет осмыслить характеристики, определяющие и иллюстрирующие педагогические стратегии использования мультимодальных текстов, а также проанализировать их эффективность в образовательном дискурсе. Впоследствии можно будет, по мнению ученых, прогнозировать, как те или иные инструменты, использующиеся в мультимодальных текстах, повлияют на облегчение донесения и усваивания информации обучающимися (степень эффективности, положительное или отрицательное восприятие) еще на стадии создания

мультимодальных текстов (в частности, обучающих видео).

У. Боден, Л. Стенлиден, Й. Ниссен [15] использовали метод наблюдения и последующего анализа видеозаписей процесса взаимодействия преподавателя и обучающихся в их работе с мультимодальным текстом. Исследователи фиксировали и анализировали, как старшеклассники (13–14 лет) начинают работать с мультимодальными текстами: на первом этапе у обучающихся возникают определенные затруднения, они отвлекаются на интерактивные и изобразительные элементы, игнорируя вербальные, но впоследствии понимают, что для успешного выполнения задания необходимо осмыслить тестовую информацию, вследствие чего они начинают полноценно работать с мультимодальным текстом. В этом исследовании ученые опираются на концепцию «методологических совокупностей» Дж. Лоу: «Аналитическое внимание в этом исследовании сосредоточено на взаимодействии между визуализацией, письменным текстом, студентами и различными созданными сетями, то есть совокупностями связей, сформированных участниками... Цель состоит в том, чтобы применить то, что Лоу... называет “методологическими совокупностями”, в качестве способа выявления, изучения и отслеживания закономерностей социально-материальных отношений в данных» [15]. Кроме того, в статье этих авторов отмечается важность правильного и подходящего выбора материала для изучения: «Видеозаписи, выбранные для анализа, были отобраны в соответствии с концепцией интенсификации (Stafford & Terpak). Этот подход описан Массуми... как открытая практика осмысления и мультисенсорный опыт, в котором восприятие, познание и аффект взаимосвязаны» [15].

В. Нгувлис и Дж. Джинен, авторы статьи о мемах [17], также используют в работе методы наблюдения, интерпретации мемов, их функционирования в рамках тематического форума сетевых групп, посвященного «ироничным мемам». Исследователи анализируют взаимодействие и общение пользователей по поводу «ироничных мемов», а также используют метод интервьюирования, привлекая модератора площадки и некоторых пользователей: «Мы использовали социальные семиотические инструменты для анализа мемов как текстовых артефактов, которые реализуют определенные значения посредством организации семиотических элементов в определенном семиотическом пространстве/рамке» [17].

Как правило, в исследованиях, освещенных в рассмотренных статьях, используются комплексы методов. Например, Дж. А. Бэйтман, Л. Тиле и Х. Акин, авторы «Explanation videos unravelled: Breaking the waves», используют в качестве инструмента программу для потаймингового (хронометрического) анализа видео как мультимодального текста. Данная программа позволяет отдельно описывать каждую единицу каждой модальности: текстовые и разнообразные изоэлементы анализируются предельно детально, например, рассматриваются цвета текстовых и графических элементов. Далее из этих данных составляют когезивные цепочки, которые показывают временное и

смысловое взаимодействие элементов внутри каждой модальности и между ними, а также временные отношения между разными модальностями и их элементами. Как сообщают авторы, «для проведения мультимодального анализа когезии» они «использовали расширенную аудиовизуальную методологию, которая предполагает построение диаграммы когезионной цепочки для аудиовизуальных данных... а не только для вербальных текстов, как в случае с традиционным анализом когезии» [14].

Исследование И. Чэнь [21] опирается, с одной стороны, на теорию визуальной грамматики Г. Кресса и Т. ван Левена, которая представляет феномен мультимодальности с позиции системно-функциональной лингвистики (SFL), раскрывает взаимосвязи между элементами мультимодального текста. С другой стороны, исследователь указывает на то, что такой анализ, предполагающий выдвижение гипотез о принципах восприятия информации, транслируемой различными элементами мультимодального текста, и об информационном потенциале связей между его элементами, требует эмпирической проверки и критического анализа, снимающего потенциальные риски, связанные с «контекстуальными проекциями», которые могут ограничивать обоснованность выводов. В условиях стремительного развития мультимодальной рецепции автор делает акцент на строгой эмпирической проверке и валидности теоретических положений, что обеспечивает надежность получаемых данных и способствует укреплению научной базы в этой области. При этом автор подчеркивает, что в исследованиях мультимодальности продолжают использоваться классические методы системно-функциональной лингвистики.

В качестве метода эмпирической проверки автор использует технологии отслеживания движений глаз (айтрекинг) для анализа элементов мультимодального текста в рекламе. Он задействует алгоритм Scanpath Trend Analysis (STA) для картирования визуальных (visual) траекторий и выявления доминирующих визуальных (visual) стимулов, что подтверждает гипотезу об их значимости в привлечении внимания аудитории. Методология включает анализ 111 областей интереса к мультимодальным текстам рекламы, что обеспечивает детальное понимание механизмов восприятия контента за счет сбора эмпирических данных о взаимодействии реципиентов с его различными компонентами. Таким образом, статья подчеркивает важность интеграции эмпирических методов, подобных айтрекингу, в исследование мультимодальности для проверки и возможной корректировки существующих теорий восприятия данных текстов.

К. Риделл и Р. Уоллден [22] тоже отталкиваются от теории визуальной грамматики Г. Кресса и Т. ван Левена и, дополнительно, реконтекстуализации Б.Б. Бернштайна. На их основании они изучают, как векторы и расположение элементов на страницах учебников влияют на их понимание учащимися. Методология исследования включает композиционный анализ, который позволяет исследовать варианты структурного представления различных элементов мультимодального текста.

С. Дуди и Н. Артемьева в своем исследовании [20] интегрируют методы мультимодального и риторического жанрового анализа. В результате они вводят фактор мультимодальности в жанровую концепцию, обосновывая принципы порождения мультимодального текста жанровыми целями. Исследование показывает, как предложенная методологическая основа может обеспечить более глубокое понимание того, какие социориторические роли играют мультимодальные жанры в таких процессах, как формирование знаний и освоение дисциплинарных практик. Интеграция мультимодальных элементов акцентирует внимание на взаимодействии текстовых и изобразительных компонентов, что позволяет достичь более глубокого понимания процессов передачи и усвоения научных знаний. Таким образом, предложенная методология не только способствует развитию методических подходов к анализу научных и учебных текстов, но и подчеркивает значимость мультимодальных жанров в поддержании научной коммуникации и профессионального становления в условиях современных академических стандартов. Используется эмерджентный исследовательский дизайн. Авторы применяют также метод теоретической выборки для изучения роли мультимодальных записей в научной деятельности. В частности, С. Дуди и Н. Артемьева анализируют графические изображения, математические выкладки и текстовые заметки в лабораторных журналах, изучая их функции в образовательной и профессиональной контекстах. Систематический анализ мультимодальных лабораторных журналов показывает их ценность как инструмента для закрепления знаний и повышения профессиональных компетенций.

Результаты и перспективы представленных в нашем обзоре исследований мультимодальных текстов в образовании, составившие ответ на **четвертый исследовательский вопрос**, поставленный в начале данной статьи, разнообразны. Так, обзорная статья Д. Го, Ш. Чжана, К. Ландау Райт и Э.М. Мактиг «Do You Get the Picture?...» заканчивается выводами о том, что проведенный ими «анализ количественно подтвердил» исследования тех ученых, которые доказывали, что «включение графики имело среднее положительное влияние на понимание прочитанного», что чаще «понимание читателей улучшается, когда текст подкрепляется картинкой», что «многие студенты не обладают достаточными навыками графической интерпретации... вероятно, улавливают лишь небольшой процент потенциальных преимуществ графики для поддержки понимания», что «одновременное представление информации в мультимодальном тексте позволяет учащимся хранить один и тот же материал в двух форматах. Получая информацию из обоих источников, учащиеся могут кодировать ее в своей памяти и устанавливать связи между двумя форматами. Это помогает создать два пути, по которым учащиеся могут извлекать и обрабатывать информацию более эффективно». Общий вывод исследователей заключается в том, что «теоретические достижения не поспевают за графическими достижениями», и вместе с тем они подчеркивают необходимость «эмпирических исследований,

которые рассматривают, *когда, как и для кого* графика улучшает понимание прочитанного», с учетом переменных на уровне участников, а также, важность более пристального внимания к применению в образовании «высококачественных мультимодальных текстов» и к «обучению студентов тому, как использовать графику» [4].

Выводы авторов статьи «Students' Interpretations of a Persuasive Multimodal Video About Vaccines» перекликаются с данными обобщениями: «Результаты с очевидностью показывают, что... студентов следует обучать тому, как интерпретировать различные модулы мультимодального текста» и использовать их в целях аргументации, в смыслопорождении. Для этого предлагается «совместная – преподавателя и студентов – расшифровка мультимодальных текстов» [8]. К. Киили, Б.Э. Смит, Э. Райкконен, М. Марттунен также подчеркивают, что «было бы полезно узнать больше о том, как студенты интерпретируют различные цифровые мультимодальные продукты..., как они интерпретируют различные мультимодальные тексты на основе их модальной плотности и сложности... какие культурные знания и опыт студенты используют при создании своих интерпретаций» [8]. Х.С. Алуюсеф, резюмируя результаты своего исследования, пишет о «полезности множественных модальностей для понимания объяснений преподавателя» при изучении новых научных концепций, поскольку ресурсами понимания и смыслопорождения оказываются, кроме слов, дополняющие их «символы, маркировка, обрамление, цвет», таблицы и схемы, поскольку визуальная структура информации является концентрированно концептуальной, представляя ее «с точки зрения... обобщенной и более или менее стабильной и вневременной сущности» [18]. Усатривая выход полученных результатов исследования к «важным педагогическим идеям», автор подчеркивает необходимость увеличения в высшем образовании использования мультимодальных текстов и важность «обсуждения со студентами неявных концептуальных знаний и логических смысловых отношений, лежащих в основе изображения» и мультимодального вербально-изобразительного текста в целом. Восприятие словесной его составляющей Х.С. Алуюсеф квалифицирует как микроуровень восприятия, тогда как на макроуровне студент работает с более плодотворной в плане понимания и интерпретации информации моделью, проникая в «отношения изображения и вербального текста» [18].

Значимые результаты своей работы И. Цветкович, Д.Х. Вакес-Гевара, Э.В. Рейес и Н.Р. Кармона Гусман видят в том, что проведенный ими «критический дискурсивный анализ мультимодальных текстов позволил... идентифицировать смыслы, созданные с помощью отдельных модулов и их ансамблей», а также распознать отсутствующие значения. Кроме того, это исследование доказывает, «что язык не может сегодня рассматриваться как единственный доминирующий способ передачи информации» и что целостное и наиболее эффективное ее представление и восприятие, включая понимание и интерпретацию, возможно «по-

строить в мультимодальной, интерактивной и гипертекстовой среде» [19]. Так, «с помощью многослойных и сложных дискурсивных практик NASA сконструировало космос как научную цель, космос как научное средство, космос как попытку территориализации США и космос как объект общественного сознания» [19]. При этом авторы указывают на некоторую ограниченность своего исследования, связывая это с тем, что все они получили образование в западных институтах и работают в рамках традиционных для западной научной школы методов и методологии: «Наше западное и не-западное обучение как способствовало, так и ограничивало наши интерпретации множественных модулов и их социальных последствий» [19]. Кроме того, предлагается усилить междисциплинарность подобных исследований за счет учета в них «знаний естественных наук», а также увеличить вовлеченность в исследования изучаемой аудитории, давая «голос тем, кто воспринимает и обрабатывает сообщения» [19]. Результаты исследования К. Риделла и Р. Уоллдена «Prompting story elements in first grade: An intermodal approach for exploring two teachers' orchestrations» принципиально погружены в возможность их использования в педагогических практиках и являются обоснованием новых интермодальных приемов преподавания [13].

Дж. А. Бэйтману, Л. Тиле и Х. Акин [14] удается описать методологию исследования факторов мультимодального дизайна, кратко сравнивая ее с другими подходами к мультимодальности. Исследователи приходят к четким формулировкам необходимых шагов для дальнейшего развития этого подхода, таких как кодирование с помощью описанной схемы аннотирования репрезентативной выборки, классификация сегментов видеороликов в соответствии с моделями когезивных цепочек, сбор экспериментальных данных. Также авторы приводят несколько практических рекомендаций, которые можно использовать при создании образовательных видео.

У. Боден, Л. Стенлиден и Й. Ниссен подчеркивают важность работы учащихся с интерактивными мультимодальными текстами, которая в целом характеризуется рецептивной и смысловой динамичностью. По словам авторов, их исследование «демонстрирует, как сети, состоящие из учащихся, интерактивных карт, цвета, точки на диаграмме рассеяния, курсора, учителя и т.д., не только распадаются, но и создаются. Суть в том, что в нем описывается, как возникает и развивается это интерактивное мультимодальное чтение, как сети из множества участников – социальных, и материальных – в процессе чтения объединяются (или не объединяются) для достижения грамотности в отношении интерактивных и мультимодальных текстов (LIMT – literacy of interactive and multimodal texts) [15].

Заклучение своей статьи Я. Холсанова [16] посвящает выражению несогласия с определением аудиоописания как «интерсемиотического перевода» (по Р.О. Якобсону), называя этот процесс «интермодальной интеграцией» и участием в мультимодальной посреднической деятельности, чем подчеркивает особую

значимость формирования новой информации в результате взаимодействия компонентов мультимодального текста. Автор приходит к выводу, что использование аудиоописания не ограничивается лишь предоставлением возможности получать информацию инвалидам по зрению: разные категории людей, имеющих те или иные трудности и (или) ограничения в плане восприятия информации (например, с расстройством аутистического спектра или дислексией), могут эффективно получать информацию с помощью аудиоописания. Кроме того, утверждается, что аудиоописание может помочь учащимся, не имеющим ограничений по здоровью, извлекать нужную информацию, облегчать ее восприятие и повышать уровень понимания.

В. Нтувлис и Дж. Джинен [17] приходят к выводу, что исследование «ироничных мемов как цифровых культурных артефактов» способно показать, как формируются идентичности, основанные в первую очередь на различиях в уровне цифровой грамотности, а также то, как процесс формирования групповых идентичностей может отражаться в дизайне мультимодальных текстов, создаваемых внутри этой группы.

Результаты исследования, представленного в «International English Learners' Perspectives on Multimodal Composing and Identity Representation Via Multimodal Texts» [10], перекликаясь со статьей В. Нтувлиса и Дж. Джинена «„Ironical memes“ and digital literacies: Exploring identity through multimodal texts» [17], продемонстрировали, что мультимодальные тексты являются эффективным средством выражения идентичности иностранных студентов, изучающих английский язык, поскольку построение смысла высказывания осуществляется за счет комбинирования нескольких модусов (тем самым информация может доноситься разными способами, что повышает вероятность успешной коммуникации). Примечательно, что создание и общение посредством таких текстов, а также выполнение учебных заданий дались респондентам легче, чем при работе с вербальным письменным текстом, который, напротив, вызывал больше трудностей. По мнению автора, это заставляет переосмыслить традиционное понимание грамотности как владения навыками только устной и письменной вербальной речи, особенно в контексте социокультурных различий. При этом стоит отметить, что студенты, у которых была свобода в выборе различных модусов, не продемонстрировали склонности к использованию как можно большего числа способов выражения, а, наоборот, предпочитали лишь ограниченный набор (вербальный текст, изображения, схемы). Так, например, никто из респондентов не стал использовать звук, музыку и видео, поскольку это, по мнению автора, воспринимается как существенное отхождение от общепринятых норм коммуникации в академическом дискурсе, что не позволяет выстроить жизнеспособные способы репрезентации идентичности и вызывает лишнее противоречие с традиционными взглядами. Перспективы исследования, представленного в этой статье, довольно обширны. Ученый называет среди актуальных, но неизученных вопросов о связи между мультимодальными предпочтениями (т.е. особенностями выбора различных модусов в условиях

автономности), социокультурными характеристиками учащихся и их опытом в изучении английского языка. Сам потенциал, уточнение возможностей использования мультимодальных текстов в контексте академического образования также является, по его оценке, важной темой в данном направлении. Кроме того, автор отмечает перспективность изучения различных мультимодальных жанров и форматов, в том числе, в аспекте персонального подхода к учащимся.

Авторы статьи «Analysing Multimodal Texts in Science – a Social Semiotic Perspective» отмечают, что анализ учебных мультимодальных текстов (инфографики), создаваемых вручную, может «дать представление о взглядах учащихся на сложные научные процессы, а также выявить недостатки в их знаниях предметного содержания и способах его передачи» [7. Р. 901]. Однако они подчеркивают, что такие тексты, даже будучи формально верными (как результаты выполнения заданий), не являются исчерпывающим показателем понимания научной информации, поэтому они должны дополнительно обсуждаться и, при необходимости, корректироваться совместно с преподавателем с целью повышения дисциплинарной грамотности. Другая инфографика, используемая в учебниках, нередко имеет изъяны, связанные с неочевидным значением различных вспомогательных элементов (например, стрелок, цветовых обозначений, графических деталей), которые затрудняют правильное декодирование информации (особенно о природных процессах), что так же требует обсуждения с учащимися. Перспективы исследования мультимодальных текстов в образовании авторы данной статьи видят в использовании созданной им методики анализа в различных областях знания для комплексной оценки созданных студентами мультимодальных текстов, а также при отборе учебных ресурсов. Учет текстовых, идеационных и межличностных метафункций позволяет, по их мнению, актуализировать понимание таких текстов как объектов социокоммуникативных отношений в образовании.

Фокусировка исследования, представленного в статье «The meaning-making in kindergarten children's visual narrative compositions», на использовании изотекстов в образовательной деятельности приводит автора к аргументированному выводу, что «изучение элементов изобразительного искусства и дизайна может развить у учащихся понимание возможностей и необходимости создания смысла с помощью изображений, расширить репертуар форм самовыражения и помогать развитию творческих способностей при разработке визуальных и мультимодальных сочинений» [11]. В данной статье звучит мысль, что исследования, подобные изложенному, могут быть опробованы на материале иных «визуальных и мультимодальных сочинений», в том числе используемых в высшем образовании. Кроме того, автору представляется перспективной интеграция метафункционального анализа М. Холлидея в педагогическую практику для качественной оценки изобразительных и мультимодальных работ учащихся.

Исследования И. Чэня [21], К. Риделла, Р. Уоллдена [22], С. Дуди и Н. Артемьевой [20] подтверждают зна-

чимостью комплексного изучения изобразительных текстов. Ученые предоставляют ценные наблюдения и результаты для теоретического и практического применения в сфере науки и образования, призывая к дальнейшему исследованию влияния «визуальных медиумов» на восприятие и трансформацию знаний. Исследование мультимодальных жанров, будь то в контексте образовательных материалов или научной практики, подчеркивает растущую важность интеграции теоретико-эмпирических подходов для полного понимания когнитивных и поведенческих аспектов восприятия.

На материале обучения шведских школьников К. Риделл и Р. Уоллден показывают, что графические модели играют критическую роль в адаптации нарративных жанров к потребностям учащихся, однако они сталкиваются с вызовами текстуальных смещений, обусловленных неоднозначностью учебных программ. Это подчеркивает необходимость в четко структурированных ресурсах, которые делают акцент на ясности и применимости материала. В исследуемых графических моделях прослеживается стремление сделать нарративные элементы более доступными как для обучающихся, так и для педагогов, однако метафорические и композиционные особенности этих моделей могут вносить путаницу без соответствующего преподавательского сопровождения, как это уже было отмечено в статье «International English Learners' Perspectives on Multimodal Composing and Identity Representation Via Multimodal Texts» [10].

Исследование И. Чэня, проведенное в рамках рекламной сферы и посвященное использованию технологий отслеживания движений глаз читателя, проливает свет на общие принципы «визуального внимания», что, безусловно, имеет большое значение для изучения данного феномена в образовании, включая и высшее. Полученные данные позволяют лучше понять, как разрабатывать контент, который соответствует зрительским предпочтениям и паттернам восприятия.

С. Дуди и Н. Артемьева [20] доказали значимость мультимодальных лабораторных журналов в области научной практики, близкой к образовательной, как средств документирования и активного участия в исследовательском процессе. Они не только помогают фиксировать данные, но и способствуют профессиональному развитию путем стимулирования аналитико-креативного мышления.

Заключение

Предлагаемый систематический обзор исследований мультимодального текста в образовании, проводимых в современной зарубежной гуманитаристике, построенный на постановке четырех исследовательских вопросов, которые возникают вследствие актуализации научных изысканий в данной области и естественной множественности взглядов на проблему, вносит вклад в 1) систематизацию интерпретаций понятия *мультимодальный текст* и понятийных гнезд, формируемых вокруг него, а также 2) выявление и приведение в систему современных аспектов, методов, результатов и перспектив изучения мультимодального текста

в образовании, представленных в англоязычных публикациях 2019–2023 гг.

Отталкиваясь от материала, существенным признаком систематизации, кроме названных в исследовательских вопросах, авторами обзора была признана специфика мультимодального учебного текста в аспекте моделирования его когнитивной обработки при чтении – в первую очередь, его вербальной и изобразительной составляющих. Принципы систематизации в не меньшей степени были заданы четко структурированным и описанным процессом поиска, отбора и анализа публикаций в соответствии с заранее сформулированными исследовательскими вопросами, его поэтапностью, выбранными поисковыми стратегиями и критериями.

Обзор показал, что авторы рассмотренных англоязычных статей, практически не использующие понятия *поликодовый*, *креолизованный текст*, оперируют термином *мультимодальный текст* (включая в него учебный). Под ним они понимают сообщение, состоящее из элементов разных символических средств передачи информации: изобразительных, вербальных и других, которые взаимодействуют в рамках его когнитивной обработки. Современные исследования мультимодального текста значительно расширяют спектр модусов мультимодального текста и подчеркивают его важнейшую роль в образовании – в обучении разным компетенциям в области работы с универсальной, общепрофессиональной и специализированной информацией. С особой силой при этом рекомендуется аудиовизуализация учебного контента. Построенные на разном материале, сфокусированные на разных аспектах, использующие разные методы, опирающиеся на разные методологии и расширяющие их, они имеют общую цель – выявить, каким образом различные модусы мультимодального учебного текста и их взаимодействия, помещенные в различные контексты, оказывают влияние на передачу, восприятие, порождение смыслов.

Все рассмотренные интерпретации понятия мультимодальный текст и формируемого вокруг него понятийного гнезда, выявленные аспекты, методы и результаты исследований указывают на многообещающие направления для будущих научных работ. Существует особый интерес к разработке более интуитивно понятных и приведенных в единую систему учебных материалов, которые могли бы включать в себя наработанные знания о мультимодальности для создания адаптивных, персонализированных образовательных систем. Очевидно, что научные исследования интересующего нас объекта могут выиграть от более глубокой интеграции мультимодальных методов, что может обогатить научное сотрудничество и внедрение междисциплинарных подходов, стимулируя инновации в передаче и закреплении знаний. Развиваясь в этом направлении, исследования способны кардинально изменить наше понимание и использование мультимодальных средств, укрепляя их как важную основу для образовательных и научных инициатив. Исследования в области когнитивной обработки мультимодальных

учебных текстов продолжают углублять наше понимание и теоретических, и практических аспектов мультимодальной коммуникации. При этом они подчеркивают важность эмпирического подхода для подтверждения или опровержения теоретических гипотез.

Таким образом, представленный обзор литературы демонстрирует богатый потенциал мультидисциплинарных подходов в изучении мультимодальности, которая приобретает все большую значимость в различных областях, и не в последнюю очередь в образовании.

На материале приведенных статей намечаются тенденции и перспективы исследования мультимодальных текстов в образовательном дискурсе.

Авторы стремятся выработать и описать методы и методологии, которые могли бы обеспечить более глубокое и детальное понимание мультимодальных текстов и социальных, когнитивных процессов, связанных с их восприятием, что в дальнейшем поможет повысить эффективность образовательных практик.

Примечания

¹ Публикация на английском языке являлась одним из критериев отбора статей для данного систематического обзора.

² Авторы данной статьи определяют мультимодальный текст в рамках концепции социальной семиотики Г. Кресса.

³ Включение «eye-tracking» в группу ключевых слово было связано с нашими исследовательскими ожиданиями, которые не оправдались (в немалой степени из-за отсутствия доступа к полнотекстовым версиям публикаций). В использовании этой технологии мы видим особенно перспективный метод, дополняющий лингвистические и социологические в изучении восприятия мультимодальных учебных текстов, и поэтому, собственно, намерены были узнать, насколько она распространена в зарубежной гуманитаристике. Однако из всего отобранного материала ее применение описано только в одной статье [21].

⁴ Здесь и далее перевод наш.

⁵ В рассмотренных публикациях, как правило, для определения изоконтента используется термин *visual*.

⁶ Под «мультимодальной обработкой текста» и «мультимодальной аргументацией» авторами указанной статьи понимаются методы изучения различных интерпретаций мультимодального текста, в частности видеоролика.

⁷ В схожем ключе в статье С. Панталео «The meaning-making in kindergarten children's visual narrative compositions» изучаются «визуальные повествовательные сочинения», т.е. иллюстрации и иллюстрированные книги, воспринимаемые и трактуемые как образцы бессловесного, графического нарратива [11]. Несмотря на то, что они не являются мультимодальными текстами, автор обозначает их тесную связь в плане потенциального перехода из одного в другое через семиотическое кодирование и декодирование согласно теории визуальной грамматики Г. Кресса и Т. ван Левена [6], а также системно-функциональной лингвистики М. Холлидея [12].

⁸ Дисциплина предполагает овладение компетенциями беглого и вдумчивого чтения, грамотного владения письменной и устной речью.

⁹ В статье приводится фрагмент такого «размышления вслух»: «Итак... есть две диаграммы. Я рассмотрю их по очереди. Мне действительно нужно их разделить. По названию и возрастным группам. Я начну с интернета, а затем, думаю, мне нужно вернуться к заголовку "Использование интернета более трех часов в день". Затем я сразу перейду к годам и процентам. Я быстро перечислю их, немного подведу итог и сделаю то же самое для второй возрастной группы. И благодаря всему этому я создал систему, которая проясняет ситуацию...» [16].

Список источников

- Kitchenham B. Procedures for performing systematic reviews : Technical report TR/SE0401. [Keele], 2004. 33 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/228756057_Procedures_for_Performing_Systematic_Reviews (дата обращения 03.08.2024).
- PRISMA 2020 statement. 2024. URL: <https://www.prisma-statement.org/prisma-2020> (дата обращения: 28.08.2024).
- Page M.J., McKenzie J.E., Bossuyt P.M., Boutron I., Hoffmann T.C., Mulrow C.D. et al. The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews // The BMJ. 2021. doi: 10.1136/bmj.n71
- Guo D., Zhang Sh., Landau Wright K., McTigue E.M. Do You Get the Picture? A Meta-Analysis of the Effect of Graphics on Reading Comprehension // AERA Open. January 24, 2020. doi: 10.1177/2332858420901696
- Lemke J.L. Multiplying meaning: Visual and verbal semiotics in scientific text // Martin J., Veal R. (Eds.) Reading science. Routledge, 1998. P. 87–113.
- Kress G., van Leeuwen T. Reading images: The grammar of visual design (2nd ed.). Routledge, 2006.
- Wanselin H., Danielsson K., Wikman S. Analysing Multimodal Texts in Science – a Social Semiotic Perspective // Research in Science Education. 2022. Vol. 52. P. 891–907.
- Kiili C., Blaine E. Smith, Räikkönen E., Marttunen M. Students' Interpretations of a Persuasive Multimodal Video About Vaccines // Journal of Literacy Research. 2021. Vol. 53. Is. 2. doi: 10.1177/1086296X211009296
- Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77–100 (перевод с англ. Т.Ш. Адильбаева и И.В. Фомина).
- Wang H. International English Learners' Perspectives on Multimodal Composing and Identity Representation Via Multimodal Texts // Sage Open. 2022. Vol. 12 (2). doi: 10.1177/21582440221103526
- Pantaleo S. The meaning-making in kindergarten children's visual narrative compositions // Journal of Early Childhood Literacy. 2023. doi: 10.1177/14687984231161114
- Halliday M.A.K. Learning How to Mean: Exploration in the Development of Language. London: Edward Arnold, 1975.
- Ridell K., Walldén R. Prompting story elements in first grade: An intermodal approach for exploring two teachers' orchestrations // Multimodality & Society. 2023. Vol. 4. Is. 1. doi: 10.1177/26349795231205199
- Bateman J.A., Thiele L., Akin H. Explanation videos unravelled: Breaking the waves // Journal of Pragmatics. Vol. 175. P. 112–128. doi: 10.1016/j.pragma.2020.12.009
- Bodén U., Stenliden L., Nissen J. The construction of interactive and multimodal reading in school – a performative, collaborative and dynamic reading // Journal of Visual Literacy. 2023. Vol. 42. Is. 1. doi: 10.1080/1051144X.2023.2168395
- Holsanova, J. Uncovering scientific and multimodal literacy through audio description // Journal of Visual Literacy. 2020. Vol. 39 (3–4). P. 132–148. doi: 10.1080/1051144X.2020.1826219
- Ntouvlis V., Geenen J. «Ironic memes» and digital literacies: Exploring identity through multimodal texts // New Media & Society. 2023. doi: 10.1177/14614448231189801
- Alyousef H.S. Text Cohesion in English Scientific Texts Written by Saudi Undergraduate Dentistry Students: A Multimodal Discourse Analysis of Textual and Logical Relations in Oral Biology Texts // SAGE Open. 2021. Vol. 11 (3). doi: 10.1177/21582440211032194
- Cvetkovic I., Vásquez-Guevara D.H., Reyes E.V., Carmona Guzman N.R. National aeronautics and space administration on IGTV: Multimodal discourses of space // Multimodality & Society. 2022. Vol. 3. Is. 1. doi: 10.1177/26349795221138941

20. Doody S., Artemeva N. "Everything Is in the Lab Book": Multimodal Writing, Activity, and Genre Analysis of Symbolic Mediation in Medical Physics // *Written Communication*. 2022. Vol. 39. P. 3–43. doi: 10.1177/07410883211051634
21. Chen Y. Salient visual foci on human faces in viewers' engagement with advertisements: Eye-tracking evidence and theoretical implications // *Multimodality & Society*. 2022. Vol. 2 (1). P. 3–22.
22. Ridell K., Walldén R. Graphical models for narrative texts : Reflecting and reshaping curriculum demands for Swedish primary school // *Linguistics and Education*. 2023. Vol. 73. doi: 10.1016/j.linged.2022.101137
23. Paivio A. *Imagery and Verbal Processes*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1971. 608 p.
24. Mayer R.E. *Multimedia learning* // *Psychology of Learning and Motivation*. 2002. Vol. 41. P. 85–139. doi: 10.1017/CBO9781139164603
25. Selander S. Designs in and for learning – a theoretical framework // Björklund Boistrup L., Selander S. (eds.) *Designs for Research, Teaching and Learning – A Framework for Future Education*. Oxfordshire: Routledge, 2022. P. 24–45.

References

1. Kitchenham, B. (2004) *Procedures for performing systematic reviews: Technical report TR/SE0401*. [Keele]. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/228756057_Procedures_for_Performing_Systematic_Reviews (Accessed: 03.08.2024).
2. *PRISMA 2020 statement*. (2024). [Online] Available from: <https://www.prisma-statement.org/prisma-2020> (Accessed: 28.08.2024).
3. Page, M.J. et al. (2021) The PRISMA 2020 statement: An updated guideline for reporting systematic reviews. *The BMJ*. doi: 10.1136/bmj.n71
4. Guo, D., Zhang, Sh., Landau Wright, K. & McTigue, E.M. (2020) Do You Get the Picture? A Meta-Analysis of the Effect of Graphics on Reading Comprehension. *AERA Open*. doi: 10.1177/2332858420901696
5. Lemke, J.L. (1998) Multiplying meaning: Visual and verbal semiotics in scientific text. In: Martin, J. & Veel, R. (eds) *Reading science*. Routledge. pp. 87–113.
6. Kress, G. & van Leeuwen, T. (2006) *Reading images: The grammar of visual design*. 2nd ed. Routledge.
7. Wanselin, H., Danielsson, K. & Wikman, S. (2022) Analysing Multimodal Texts in Science – a Social Semiotic Perspective. *Research in Science Education*. 52. pp. 891–907.
8. Kiili, C., Smith, B.E., Räikkönen, E. & Marttunen, M. (2021) Students' Interpretations of a Persuasive Multimodal Video About Vaccines. *Journal of Literacy Research*. 53 (2). doi: 10.1177/1086296X211009296
9. Kress, G. (2016) Social semiotics and the challenges of multimodality. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 77–100. (In Russian). Translated from English by T.Sh. Adil'bayeva & I.V. Fomina.
10. Wang, H. (2022) International English Learners' Perspectives on Multimodal Composing and Identity Representation Via Multimodal Texts. *Sage Open*. 12 (2). doi: 10.1177/21582440221103526
11. Pantaleo, S. (2023) The meaning-making in kindergarten children's visual narrative compositions. *Journal of Early Childhood Literacy*. doi: 10.1177/14687984231161114
12. Halliday, M.A.K. (1975) *Learning How to Mean: Exploration in the Development of Language*. London: Edward Arnold.
13. Ridell, K. & Walldén, R. (2023) Prompting story elements in first grade: An intermodal approach for exploring two teachers' orchestrations. *Multimodality & Society*. 4 (1). doi: 10.1177/26349795231205199
14. Bateman, J.A., Thiele, L. & Akin, H. (2023) Explanation videos unravelled: Breaking the waves. *Journal of Pragmatics*. 175. pp. 112–128. doi: 10.1016/j.pragma.2020.12.009
15. Bodén, U., Stenliden, L. & Nissen, J. (2023) The construction of interactive and multimodal reading in school – a performative, collaborative and dynamic reading. *Journal of Visual Literacy*. 42 (1). doi: 10.1080/1051144X.2023.2168395
16. Holsanova, J. (2020) Uncovering scientific and multimodal literacy through audio description. *Journal of Visual Literacy*. 39 (3–4). pp. 132–148. doi: 10.1080/1051144X.2020.1826219
17. Ntouvli, V. & Geenen, J. (2023) "Ironie memes" and digital literacies: Exploring identity through multimodal texts. *New Media & Society*. doi: 10.1177/14614448231189801
18. Alyousef, H.S. (2021) Text Cohesion in English Scientific Texts Written by Saudi Undergraduate Dentistry Students: A Multimodal Discourse Analysis of Textual and Logical Relations in Oral Biology Texts. *SAGE Open*. 11 (3). doi: 10.1177/21582440211032194
19. Cvetkovic, I., Vásquez-Guevara, D.H., Reyes, E.V. & Carmona Guzman, N.R. (2022) National aeronautics and space administration on IGTV: Multimodal discourses of space. *Multimodality & Society*. 3 (1). doi: 10.1177/26349795221138941
20. Doody, S. & Artemeva, N. (2022) "Everything Is in the Lab Book": Multimodal Writing, Activity, and Genre Analysis of Symbolic Mediation in Medical Physics. *Written Communication*. 39. pp. 3–43. doi: 10.1177/07410883211051634
21. Chen, Y. (2022) Salient visual foci on human faces in viewers' engagement with advertisements: Eye-tracking evidence and theoretical implications. *Multimodality & Society*. 2 (1). pp. 3–22.
22. Ridell, K. & Walldén, R. (2023) Graphical models for narrative texts: Reflecting and reshaping curriculum demands for Swedish primary school. *Linguistics and Education*. 73. doi: 10.1016/j.linged.2022.101137
23. Paivio, A. (1971) *Imagery and Verbal Processes*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
24. Mayer, R.E. (2002) *Multimedia learning*. *Psychology of Learning and Motivation*. 41. pp. 85–139. doi: 10.1017/CBO9781139164603
25. Selander, S. (2022) Designs in and for learning – a theoretical framework. In: Björklund Boistrup, L. & Selander, S. (eds) *Designs for Research, Teaching and Learning – A Framework for Future Education*. Oxfordshire: Routledge. pp. 24–45.

Информация об авторах:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Рожнёва Ж.А. – канд. ист. наук, декан факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: zhar@ido.tsu.ru

Казакевич О.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, старший научный сотрудник лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: o_slugina@mail.ru

Смольянинов А.В. – ассистент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования, инженер-исследователь лаборатории общей и сибирской лексикографии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: smoart2@gmail.com

Гарина А.В. – ассистент кафедры русского языка, младший научный сотрудник Центра когнитивных исследований и нейронаук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: alyonushka050700@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Aizikova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General Literary Studies, Publishing and Editing, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Zh.A. Rozhneva, Cand. Sci. (History), dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zhar@ido.tsu.ru

O.A. Kazakevich, Cand. Sci. (Philology), associate professor, senior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: o_slugina@mail.ru

A.V. Smolianinov, teaching assistant, research engineer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: smoart2@gmail.com

A.V. Garina, teaching assistant, junior research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alyonushka050700@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.11.2024;
одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 20.11.2024;
approved after reviewing 03.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 81'33
doi: 10.17223/15617793/509/2

Медиаконцепт «вакцинация» в дискурсе немецких СМИ во время пандемии COVID-19

Юлия Владимировна Балакина¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия, julianaumova@gmail.com

Аннотация. Рассмотрен идеологический межтекстовый медиаконцепт «вакцинация» как биополитический инструмент, объективируемый в дискурсе немецких СМИ. Методологической основой исследования послужили понимание «биополитики» по М. Фуко (2010), модель пропаганды Э. Хермана, Н. Хомского (2002), положения культуромики (Бонч-Осмоловская, 2015), теория когнитивно-дискурсивного миромоделирования (Кушнерук, 2018). Для выявления и анализа коллокаций были использованы инструменты Цифрового словаря немецкого языка (DWDS), Sketch Engine, AntConc, а также библиотека NLTK (Python). В результате «вакцинация» как биополитический инструмент представляется как безопасное и эффективное средство защиты от вируса, что формирует в сознании носителей языка позитивное отношение к государственной биополитической программе.

Ключевые слова: медиаконцепт, коллокации, вакцинация, пандемия, СМИ, Германия

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00015.

Для цитирования: Балакина Ю.В. Медиаконцепт «вакцинация» в дискурсе немецких СМИ во время пандемии COVID-19 // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 23–34. doi: 10.17223/15617793/509/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/2

The media concept "vaccination" in the discourse of non-state German media during the COVID-19 pandemic

Julia V. Balakina¹

¹ HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, julianaumova@gmail.com

Abstract. The relevance of the research is justified by the media's influence on human consciousness and behavior during crises, which generates discursive phenomena with specific characteristics, while the application of linguistic tools to analyze media and political phenomena – and conversely, the use of media and political theories to examine cognitive phenomena – represents a particularly pertinent approach, with this study investigating the ideological inter-textual media concept of "vaccination" as a biopolitical tool as manifested in non-state German media discourse, using research material comprising texts from *Süddeutsche Zeitung*, *Die Zeit*, and *Die Tageszeitung* published between January 2020 – March 2022 (totaling 23.38 million words), employing a methodological framework that incorporates Michel Foucault's (2010) concept of biopolitics, Edward Herman and Noam Chomsky's (2002) propaganda model, Anastasia Bonch-Osmolovskaya's (2015) principles of culturomics, and Sergei Kushneruk's (2018) theory of cognitive-discursive world modeling, utilizing analytical tools including the Digital Dictionary of the German Language (DWDS), Sketch Engine, AntConc, and Python's NLTK library through three research stages: (1) lexicographic analysis of the lexemes *Impfung*, *Impfstoff*, and *impfen* using DWDS data; (2) collocation analysis of institutional discourse samples via Sketch Engine; and (3) cognitive-discourse analysis identifying key cognitive features of the "vaccination" media concept in German media texts. The findings reveal that as a biopolitical tool this concept is consistently framed as safe and effective viral protection that aligns both with institutional discourse patterns and everyday worldviews. The ultimate conclusion is that German media discourse fosters positive public attitudes toward state biopolitical programs through this conceptualization, thereby demonstrating an ideological dimension wherein media reinforce state biopolitics.

Keywords: media concept, collocations, vaccination, pandemic, media, Germany

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00015.

For citation: Balakina, Ju.V. (2024) The media concept "vaccination" in the discourse of non-state German media during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 23–34. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/2

Во время пандемии COVID-19 органы государственной власти по всему миру были вынуждены использовать нетипично жесткие инструменты контроля над обществом. В начале контролируемые мероприятия были реализованы посредством различного рода ограничений: локдаун, ношение масок и перчаток и т.д., а позднее акцент был сделан на вакцинации населения, которая была призвана остановить пандемию и вернуть общественности привычный образ жизни. Очевидно, что с началом пандемии кардинальная трансформация повседневной жизни общества актуализировала осмысление инструментария биополитики [1], и в то же время проявились многочисленные недостатки в современном управлении населением. Так, большинство демократических правительств оказались в ловушке либерального управления, поскольку были вынуждены вводить болезненные социальные ограничения ради общественного здоровья [2]. В такой ловушке оказались и власти Германии, где во время первого локдауна негативные изменения в своей жизни ощутило на себе подавляющее большинство жителей [3]. Даже если респонденты лично не пострадали от негативных последствий, то они наблюдали проблемы в своем окружении. Сложившиеся настроения в обществе даже привели к формированию протестного движения «Querdenken», сторонники которого выступали против политики ограничений [4]. Казалось бы, вакцинация, как инструмент выхода из затянувшегося кризиса, должна была быть воспринята обществом позитивно, а медиа – как основной инструмент формирования общественного мнения [5] – должны были сфокусироваться на поддержке правительственной биополитической программы. Однако ряд исследований показывает, что лишь чуть более половины опрошенных в Германии были согласны вакцинироваться [6, 7]. В то же время среди возможных причин отказа от вакцинации называют недостаток информации, повлекший за собой скептицизм в отношении вакцин, а также большой объем дезинформации [6, 8, 9]. Таким образом, прослеживается явная связь между государственной биополитикой, ее представлением в медиадискурсе и формированием представлений о вакцинации в сознании носителей языка.

Принимая во внимание положения, представленные выше, видится особенно актуальным провести исследование междисциплинарного характера, в ходе которого «вакцинация» будет рассмотрена с трех точек зрения: лингвистической, медийной и политологической.

Таким образом, значимость представляемого исследования обусловлена следующими положениями:

- формированием дискурсивного феномена – «вакцинация как биополитический инструмент» – путем приращения новых смыслов, объективация которых была обусловлена спецификой социально-политических изменений во время пандемии;

- необходимостью определить основные установки, транслируемые аудитории, и их связь с государственной биополитикой посредством описания конструируемого медиа понимания вакцинации как биополитического инструмента;

- применением лингвистических инструментов для описания политических и медийных феноменов на основе medium data, а также использование теорий медиа и политических теорий для описания когнитивных феноменов;

- возможностью экстраполировать полученные данные на другие кризисные ситуации и инструменты управления обществом.

Цель исследования – комплексное описание языковой репрезентации медиаконцепта «вакцинация» на основе анализа коллокаций и выделение идеологического компонента.

В работе мы исходим из понимания «вакцинации» как медиаконцепта, который отражает актуальные и социокультурные тенденции и формируется в сознании читателей в результате целенаправленного воздействия СМИ [10].

Гипотеза: у данного медиаконцепта обнаруживаются характеристики, которые обусловлены особенностями функционирования негосударственных СМИ Германии и процессом формирования повестки в соответствии с моделью пропаганды Хермана–Хомского.

Теоретические положения

Медийный дискурс

Строго говоря, средства массовой информации не являются политическими субъектами, а используются как инструмент влияния, продвижения определенной «выгодной» идеологии, пропаганды идей и взглядов, навязывания установок и побуждения к определенным действиям такими субъектами как государство, бизнес или даже гражданское общество. Медиаисследования, в том числе и исследования языка массмедиа, отвергают идею объективности информации, транслируемой СМИ (см., например, [11–13]), говоря о том, что «мир прессы – это не реальный мир, а частичный мир, искаженный и осужденный» [11. Р. 11]. Идеология конституируется средствами дискурса, а дискурс есть форма существования идеологии и механизм ее воспроизводства [14]. Таким образом, лексические единицы, используемые в медийном дискурсе для конструирования смыслов, идеологически обусловлены.

Механизмы конструирования медийной реальности и интеграции идеологического компонента в дискурс изучены в достаточной степени. Здесь в качестве одной из теорий можно привести теорию медиафреймирования. Медиафрейминг представляется как способ конструирования медиареальности посредством определения приоритетных тематик (М. МакКомбс, Д.Л. Шоу, Д. Уивер и др.). Согласно теории повестки

дня [15], средства массовой информации не навязывают аудитории конкретные идеи и идеологемы, а определенным образом определяют значимость и приоритетность событий, выстраиваемых в социальном воображении, и эффект от транслируемой информации становится более заметным при повышенном освещении одной и той же темы одновременно в разных СМИ [16]. Так, регулярное обсуждение биополитической программы правительства в СМИ (в частности вакцинации) могло быть использовано в качестве инструмента продвижения определенных установок и побуждения к совершению конкретных действий [17].

Реконструкция «повестки дня» происходит, как правило, на основе анализа частотности существительных, несущих информацию о предметном содержании текста согласно культуромике – области текстологии [18]. Для настоящего исследования также релевантна модель пропаганды Хермана–Хомского [19], согласно которой во время пандемии каждое СМИ конструировало свою собственную «реальность», отфильтровывая информацию, которая шла вразрез с редакционной политикой или интересами собственников, и в то же время аспекты пандемии, согласующиеся с политикой редакции, получали максимально интенсивное освещение. Таким образом, можно предположить, что в условиях кризиса СМИ обсуждали только те аспекты вакцинации, которые были выгодны и согласовались с редакционной политикой. Исследуя лексические единицы, формирующие ассоциативно-смысловое поле вакцинации как биополитического инструмента, видится возможным выявить не только специфические для данных медиа характеристики, но также сделать выводы о поддержке СМИ государственной биополитической программы на основе включения/невключения языковых явлений. Таким образом, данное исследование позволяет использовать лингвистические инструменты для описания политических и медийных феноменов.

Медиаконцепт. Идеологема

Учитывая факторы, приведенные выше, в данном исследовании мы исходим из понимания текстового концепта как «единицы инвариантного смысла конкретного текста», как фрагмента картины мира, репрезентированной в рамках некоторого текста, как замкнутой системы [20. С. 12]. Текстовый концепт называют художественным или авторским, что, по сути, справедливо и для медиатекстов, где информация перед публикацией проходит через серию фильтров, а также авторскую интерпретацию конкретного журналиста.

Однако в случае исследования большого массива текстов СМИ авторская интерпретация действительности уступает по значимости идеологическим предположениям и редакционной политике изданий, что позволяет выделить идеологический межтекстовый медиаконцепт на основе межтекстового ассоциативно-смыслового поля, которое передает субъективность отношения СМИ. Данная позиция основывается на принятии идей Фуко [21] о том, что «власть, используя семиотические техники, маркируя пространство, создает

дисциплинированное тело, дисциплинированного человека, дисциплинированное сознание... через дискурсивное участие власть получает доступ к телу». Соответственно, то, как СМИ конструируют «вакцинацию» в дискурсе, оказывает непосредственное влияние на принятие данного феномена обществом, т.е. определяет готовность населения вакцинироваться, а значит способность государства осуществлять контроль посредством биополитических практик. Когнитивное содержание вакцинации как биополитического инструмента манифестируется и объективируется в медийном дискурсе, в котором происходит реконструкция всех этапов прививочной кампании, выделяются социальные группы, подлежащие контролю, дается субъективная оценка инструмента в зависимости от интересов собственника издания и редакционной политики и т.д. В целом происходит дискурсивная объективация манипулирования общественным сознанием с целью контроля.

Процесс трансформации реальности посредством текстов СМИ устанавливает определенные отношения между медиаконцептами и идеологемами [22]. Здесь видится уместным привести определение Е.Г. Малышевой, отражающее специфику данных отношений: «...идеологема представляет собой особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [23. С. 112]. Мифологизированное представление носителей языка об инструментах контроля во время пандемии формировались в том числе благодаря медийному дискурсу, тем самым концептуальным признакам, объективируемым и выделяемым в повестке СМИ.

В рамках настоящего исследования также видится особенно актуальным учитывать перечень характеристик медиаконцепта, предложенный О.В. Орловой [24], а именно то, что медиаконцепт обладает миромоделирующим потенциалом, что позволяет в процессе ассоциативно-смыслового развертывания создавать постоянно эволюционирующий фрагмент коллективной картины мира на определенной стадии развития социума. Таким образом, видится особенно продуктивным проанализировать базовые характеристики медиаконцепта «вакцинация» с точки зрения жизненного цикла (пандемия COVID-19), а также его миромоделирующий потенциал на основе ассоциативно-смысловых связей.

Коллокации

“You shall know a word by the company it keeps.” [25].

Наряду с увеличением объема исследуемых данных, развитием корпусных технологий и инструментов автоматического анализа, метод коллокаций используется все чаще в лексикографических и когнитивных исследованиях (см., например, [26–30]).

Несмотря на некоторое расхождение в трактовках самого понятия в зависимости от области применения, существует консенсус относительно того, что коллокации представляют собой закономерные сочетания нескольких лексем [31. Р. 105].

Коллокации как устойчивые (для конкретного текста/коллекции текстов) сочетания представляют собой продуктивный инструмент для изучения медиаконцепта по следующим причинам.

Во-первых, следуя утверждению Н.С. Болотновой [32] о том, что «в структуру ассоциативно-смыслового поля концепта могут входить как близкие в смысловом отношении слова, так и связанные друг с другом косвенно на уровне потенциальных сем, актуализированных в контексте», можно предположить, что коллокации обнаруживают те самые связи, способные раскрыть содержание концепта. Кроме того, рассматривая коллокации как репрезентацию синтагматических отношений в тексте, можно предположить, что повторяющиеся сочетания могут быть обнаружены в различных текстах, отобранных по определенному ключевому слову, что приводит нас к межтекстовым устойчивым синтагматическим словосочетаниям. Далее, принимая во внимание мнение А.Я. Шайкевич [33] о том, что два элемента связаны парадигматически, если оба они текстуально систематически связаны с каким-то третьим элементом, позволяет также на основе анализа коллокаций исследовать парадигматические связи между компонентами с общей семантической доминантой.

Таким образом, изучая коллокации, фактически мы получаем для анализа структуры концепта ряд тематически связанных между собой групп слов (коллокатов), сформированных вокруг определенной семантической доминанты, что позволяет в итоге описать сложную и многогранную структуру межтекстового концепта медийного текста, детерминированного определенными идеологическими предпосылками.

Согласно теории Смысл-Текст [34], семантическая доминанта определяет выбор дополнительного компонента (коллоката). Выбор того или иного компонента определяется либо парадигматическими отношениями, либо синтагматическими. Предложенное в рамках теории понятие лексических функций было призвано выявить все возможные корреляты определенной лексической единицы, которые могут понадобиться в процессе говорения. Таким образом, говоря о коллокатах, мы имеем ввиду синтагматические лексические функции, где дополнительный компонент синтагматической лексической функции употребляется вместе с ключевым словом (семантической доминантой). В дополнение к идеям теории Смысл-Текст также видится релевантным представить следующие характеристики коллокатов [35]: большинство коллокатов полностью осмыслены (имеют значение), что обуславливает сочетаемость доминанты и коллоката; большинство коллокатов связано с доминантами, которые составляют семантические классы; характеристики, которые позволяют создавать эти классы, являются частью знания носителей языка.

Однако для нашего исследования особенно релевантно утверждение, что взаимная встречаемость в медиатекстах обусловлена контекстом, а не грамматическими отношениями. Таким образом, мы рассматриваем коллокаты не с позиции смыслового ядра и дополнительного компонента, а реструктурируем связи на уровне текста. Рассматривая языковую репрезентацию медиаконцепта «вакцинация» путем анализа коллокатов, возможно реструктурировать наиболее репрезентативные культурно-специфические и дискурсивно обусловленные признаки.

Основываясь на положениях, представленных выше, в рамках исследования будет проведено моделирование структуры медиаконцепта «вакцинация» путем рассмотрения коллокаций и выделение репрезентативных признаков смысловой актуализации.

Методология

Методологической основой исследования является понимание «биополитики» по М. Фуко [36] как контроль над «социальным телом». Правительства используют ситуацию кризиса для контроля над населением. В частности, вакцинация рассматривается как инструмент контроля над распространением инфекции среди населения путем формирования коллективного иммунитета.

С точки зрения теории медиа исследование опирается на модель пропаганды Э. Хермана и Н. Хомского [19]. Предполагается, что, исследуя дискурс массмедиа, можно определить, поддерживают ли они биополитическую программу правительства или же действуют в собственных интересах.

На инструментальном уровне используются положения культурологии, новой области текстологии. Частотность лексем (включая коллокаты) является эффективным современным способом изучения общества, так как указывает на культурные явления, отраженные в текстах массмедиа и не только [18].

В качестве основной лингвистической теории используется теория когнитивно-дискурсивного миромоделирования [37], применяя основные положения которой представляется возможным определить специфику идеологического миромоделирования, в результате которого на массовую аудиторию негосударственных немецких СМИ транслируются определенные представления о вакцинации как биополитическом инструменте.

Материалами исследования выступили тексты о пандемии COVID-19 четырех «волн» (первая волна: январь 2020 – июнь 2020; вторая волна: июль 2020 – февраль 2021; третья волна: март 2021 – октябрь 2021; четвертая волна – ноябрь 2021 – март 2022), извлеченные по ключевым словам «пандемия», «covid», «коронавирус» из архивов СМИ, а именно: *Süddeutsche Zeitung* (38 887 текстов, 14,50 млн слов), *Die Zeit* (10 078 текстов, 7,40 млн слов), *Die Tageszeitung* (5 550 текстов, 1,48 млн слов).

Так как комплексные социально-политические феномены, к которым может быть причислен концепт «вакцинация», требуют рассмотрения на трех уровнях:

социально-политический феномен – языковые паттерны и лингвистические теории – маркеры для идентификации лингвистического материала в массиве текста [38], то комплексная языковая модель вакцинации как биополитического инструмента во время пандемии коронавирусной инфекции включает в себя рассмотрение трех ключевых лексем (доминант) и их коллокатов: *Impfung*, *Impfstoff* и *impfen*.

Если мы говорим о вакцинации как о биополитическом инструменте, то предполагается, что коллокаты лексем *Impfung* и *impfen* описывают все стадии применения данного инструмента (разработка, внедрение, адаптация), в то время как коллокаты лексемы *Impfstoff* позволят описать вакцину как субстанцию, против которой развернулись дебаты, будут выявлены характеристики, направленные на побуждение к вакцинации.

Получив списки коллокаций по всем трем лексемам, стоит отметить, что часть из них сочетается с несколькими доминантами одновременно, что подтверждает предположение о том, что эти три лексемы могут быть рассмотрены в совокупности для описания идеологического межтекстового медиаконцепта.

Результаты

Лексикографический анализ (DWDS – Цифровой словарь немецкого языка)

Вакцинация как биополитический инструмент успешно применялась задолго до пандемии коронавируса для защиты населения от вирусов и бактериальных инфекций. Таким образом, к началу вспышки заболеваемости COVID-19 в обществе уже сложилось представление о вакцинах, процедуре вакцинации, преимуществах и ожидаемых побочных эффектах. Таким образом, в качестве отправной точки исследования были выбраны инструменты, предлагаемые «Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache»¹, что позволило описать сформированные (до и во время пандемии) в общественном сознании когнитивные признаки концепта «вакцинация».

В первую очередь, были рассмотрены следующие определения:

Impfung – Verabreichen oder Injizieren eines Impfstoffes, um Immunität gegen eine Krankheit zu erzeugen² (Введение или инъекция вакцины для выработки иммунитета против болезни).

Impfen – Impfstoff in jmds. Körper bringen, um Immunität gegen eine Krankheit zu erzeugen³ (Введение вакцины в организм кого-либо, чтобы вызвать иммунитет против болезни).

Impfstoff – zur vorbeugenden Immunisierung gegen Infektionskrankheiten eingesetzter Wirkstoff⁴ (Активное вещество, используемое для профилактической иммунизации против инфекционных заболеваний).

Смысловым ядром концепта может считаться «защита» (иммунитет), т.е. сохранение жизни и здоровья. С точки зрения государственной биополитики, защита населения является одной из ключевых задач, так как люди (рабочая сила) являются ценным ресурсом, под-

держивающим жизнеспособность государства как такового. Кроме того, рассматривая представленные выше определения, очевидно, что все три лексемы представляют собой инструмент, разработанный, произведённый и используемый государством. Существуют определенные нормы и требования к вакцинам и процессу иммунопрофилактики, т.е. все этапы процесса подвергаются жесткому государственному регулированию.

Наряду с определениями также был проанализирован перечень коллокатов (статистическая метрика LogDice), которые реализуют следующие когнитивные признаки:

Характеристики вакцины: eine prophylaktische, vorbeugende, vorsorgliche Impfung; eine flächendeckende, empfohlene, vorgeschriebene Impfung; eine genetische, therapeutische Impfung и др. die Impfung ist empfehlenswert, freiwillig, notwendig, nötig, ratsam, sinnvoll и др.;

Необходимости вакцинации с целью защиты от инфекции: Heilmittel, Prophylaxe, Vorsorgeuntersuchung, Covid-Erkrankung;

Этапы кампании по вакцинации: anordnen, durchführen, empfehlen, erhalten, entwickeln, testen, erproben, erforschen, herstellen, produzieren, bestellen, beschaffen, spritzen, verabreichen, die Erforschung, Entwicklung, Zulassung, Herstellung von, der Vorrat an Impfstoffen; die Produktionskapazitäten für Impfstoffe;

Преимущества: etw. durch Impfung ausrotten, jmd. durch Impfung schützen, wirksam, genesen, unschädlich, verträglich, Wirksamkeit, hochwirksam, empfehlenswert, ratsam, lebensrettend;

Недостатки: die Nebenwirkungen von Impfungen;

Действия против вакцинации: verweigern, von einer Impfung abraten;

Охват вакцинацией: die Impfung der Kinder, Säuglinge, der Bevölkerung, vorrangig, Risikogruppe, Kontaktperson, Schwangere, Impfwillige.

Институциональный дискурс

Для подтверждения гипотезы о специфических характеристиках медиаконцепта «вакцинация» в дискурсе изучаемых медиа также видится необходимым сопоставить когнитивные признаки медиаконцепта с признаками, выделенными в рамках другого типа дискурса. В нашем случае, говоря о вакцинации как об инструменте государственной политики, актуальным видится сопоставление с институциональным дискурсом как отправной точкой формирования повестки СМИ и далее формированием медиаконцепта.

Для этих целей с помощью инструмента Sketch Engine⁵ был сформирован рандомный корпус институционального дискурса немецкого языка. Всего было выделено 745 коллокатов с лексемами *Impfung*, *Impfstoff* и *impfen* (статистическая метрика LogDice). Уникальные коллокаты, формирующие когнитивные признаки концепта «вакцинация» в институциональном дискурсе, представлены в табл. 1.

Известно, что коммуникация в кризисных и чрезвычайных ситуациях (CERC), инициируемая феде-

ральными лидерами и другими государственными институтами, должна быть своевременной, прозрачной, точной и заслуживающей доверия [39. Р. 8].

Таким образом, институциональный дискурс предполагает объективность и беспристрастность подачи информации. Кроме того, для достижения целевых показателей количества вакцинированных необходимо было добиться повышения уровня лояльности общества

к предлагаемому биополитическому инструменту, что могло быть реализовано посредством артикуляции в институциональном дискурсе следующих положений: элиминация неопределенности и недоверия относительно вакцин посредством детального описания процесса разработки, производства, безопасности, преимуществ, а также артикуляция последствий недостаточного охвата вакцинацией населения, осознание рисков.

Таблица 1

Концепт «вакцинация» в обыденной картине мира

Когнитивный признак	Лексемы
Этапы прививочной кампании	Zugelassen, Zulassung, Anwendung, Fachinformation, empfehlen, durchgeführt, bieten, Impfkampagne
Охват	Deutschland, Population, Person, Krankenversicherte, zweit, zweimal, weit, vorangegangen
Преимущества	Wirksamkeit, Sicherheit, Schutzwirkung, Schutz, Basisimmunität, Sterberisiko, erfolgen, gelten
Характеристика вакцин	Proteinbasiert, Vektor-basiert, varianten-adaptiert, bivalent, mRNA-basiert, Comirnaty-Impfstoff, neu, verschieden, ander, vorherig
Цель вакцинации	COVID-19, SARS-CoV-2-Infektion, erzielen
Побочные эффекты	Nebenwirkung, auftreten

Исходя из данных, представленных в табл. 1, институциональный дискурс в полной мере реализует стратегию информирования через формирование представлений об этапах прививочной кампании, цели вакцинации, охвате, характеристиках вакцин и их преимуществах. Для повышения доверия и нивелирования эффекта «пропаганды», в дискурс включаются также обсуждения возможных побочных эффектов.

Все выделенные признаки соответствуют основным положениям кризисной коммуникации и биополитическим задачам.

Медиаконцепт

Для описания медиаконцепта был сформирован список из 98 коллокатов (по трем лексемам), из них 79 уникальных коллокатов с опорой на статистическую метрику LogDice. В первую очередь СМИ подробно описывают все этапы прививочной кампании, начиная с разработки вакцин и до непосредственно вакцинирования населения, что позволяет выделить когнитивный признак «Этапы прививочной кампании», который по структуре является неоднородным и включает следующие признаки:

Этап разработки: 'Entwicklung', 'entwickeln' (разработка, разрабатывать);

Этап допуска к производству: 'zulassen', 'Zulassung', 'zugelassen' (допуск/допускать);

Этап производства: 'Herstellung', herstellen, Hersteller, Firma (производство/производить);

Этап поставки: 'Lieferung', 'liefern' (поставка/поставлять);

Этап получения вакцины организациями здравоохранения: 'Beschaffung', 'erhalten', 'bekommen' (обрести/получать);

Этап распределения: 'Verteilung' (распределение), 'anbieten' (предлагать);

Начало прививочной кампании: 'begonnen', 'Beginn', 'beginnen', 'Start' (начинать/начало);

Активная фаза/процесс вакцинации: 'Einsatz', 'einsetzen', 'geben', 'erhalten', 'vornehmen', 'durchgeführt', 'bekommen', impfen lassen ;

Охват вакцинацией: Erst, zwei, dritt Impfung; 'zuerst', zweimal, doppelt .

Вакцинация как биополитический инструмент – это, в первую очередь, комплексный процесс, субъектами которого являются государство и фармацевтические компании, а объектом – население. Так, государство допускает производство и применение вакцины, получает вакцину, распределяет, начинает прививочную кампанию, прививает население (однократно, двукратно и т.д.), в то время как фармацевтические компании разрабатывают и производят вакцину, а население подвергается вакцинированию.

Очевидно, что ядро концепта «этапы прививочной кампании» непосредственно связано с другими когнитивными признаками. Так, этап разработки и вакцинации населения непосредственно связан с когнитивным признаком «Производитель вакцины/бренд». Этап подготовки к вакцинации – «Преимущества (эффективность и безопасность)» и «Цель вакцинации (от чего и для чего)». Непосредственно этап вакцинации – «Охват вакцинацией (территориально, количественно, социальные группы, подлежащие вакцинации)», «Доступность вакцин» и «Побочные эффекты».

Стоит отметить, что лексемы, составляющие ядро медиаконцепта с точки зрения оценочного компонента, являются нейтральными. «Вакцинация» как биополитический инструмент представляется в СМИ объективно, реализуя социальную функцию в соответствии с теорией социальной ответственности [40] и предлагая контент, соответствующий принципам информативности, правдивости, точности и объективности.

Здесь прослеживается стратегия информирования населения с целью убеждения в прозрачности всего процесса – от появления до внедрения вакцины, а также безопасности ее применения.

Süddeutsche Zeitung, 28.12.2020: Mit Befremden reagierte Spahn auf den Vorschlag des Linken-Gesundheitspolitikers Achim Kessler, Impfstoff-Hersteller zu zwingen, anderen Unternehmen eine Lizenz zum Nachproduzieren zu gewähren. "Eine Produktion für einen Impfstoff ist hoch anspruchsvoll und hochkomplex, die kann man nicht mal eben per Lizenz bei einem anderen Unternehmen machen", sagte er. Gerade auch für das Vertrauen in den Impfstoff ist es wichtig, dass alle Qualitätsanforderungen eingehalten würden. (Шпан с удивлением отреагировал на предложение левого политика в области здравоохранения Ахима Кесслера заставить производителей вакцин предоставить другим компаниям лицензию на их воспроизведение. «Производство вакцины требует больших усилий и очень сложно; вы не можете сделать это даже по лицензии другой компании», – сказал он. Для доверия к вакцине особенно важно соблюдение всех требований к качеству).

В приядерную зону медиаконцепта входит признак «Охват вакцинацией». С точки зрения биополитики, этот признак является ключевым, так как, во-первых, вакцинация большинства населения являлась приоритетной задачей и, во-вторых, приоритетная вакцинация групп риска позволила создать позитивный образ государства, которое заботится о незащищенных слоях населения. Данный когнитивный признак может быть охарактеризован посредством следующих компонентов.

Социальные группы: 'Altersgruppe', 'Kind', 'Bewohner', 'Personal', 'Mensch', 'Schwangere', 'Jugendliche', 'Person', 'Bevölkerung', 'Mitarbeiter', 'Pflegerkraft', 'Bürger';

Институты: 'Pfleheim', 'Pflegeeinrichtung';

Приоритет: 'bevorzugt', 'vorrangig', 'Priorität';

Охват: 'landesweit', 'vollständig', 'komplett'.

Как и в случае с ядром концепта, коллокации, составляющие данную группу, являются нейтральными с точки зрения коннотации.

Однако контекстуальный анализ позволил выявить эксплицитные стратегии манипулирования мнением в отношении вакцинации:

Tageszeitung 3.09.2021: Hätten die 30 Prozent, auf die wir noch immer warten, das Impfangebot wahrgenommen, könnten wir das neue Schuljahr entspannt in Angriff nehmen. Stattdessen diskutieren wir über Quarantäneregeln für SchülerInnen. Если бы те 30 процентов, которых мы все еще ждем, воспользовались предложением о вакцинации, мы могли бы спокойно встретить новый учебный год. Вместо этого мы обсуждаем правила карантина для школьников.

Следующий когнитивный признак – «доступность вакцин» – реализован посредством коллокатов лексемы «Impfstoff»:

Достаточное количество вакцины: 'genügen', 'ausreichend', 'genug';

Наличие: 'Verfügung', 'Verfügbarkeit', 'verfügbar', 'vorhanden', 'Zugang';

Количество: 'Menge';

Недостаток вакцин: 'Mangel'; 'wenig'; 'knapp'.

Отсутствие или недостаток вакцин открыто артикулируется в текстах СМИ. Однако контексты могут содержать скрытый призыв вакцинироваться, пока вакцин есть в наличии.

Например, 18.01.2021 Zeit: *Das Ministerium geht allerdings davon aus, dass die Nachfrage zunächst das Angebot weit überschreiten werde. "Grund dafür ist, dass wir deutlich zu wenig Impfstoff erhalten, um allen impfberechtigten Personen direkt ein Angebot machen zu können", schreibt ein Ministeriumssprecher. (Однако в министерстве полагают, что спрос первоначально будет намного превышать предложение. «Причина в том, что мы получаем слишком мало вакцины, чтобы иметь возможность сделать предложение напрямую всем, кто имеет право на вакцинацию», – пишет представитель министерства).*

Следующий когнитивный признак – «цель вакцинации». Для того чтобы побудить людей прибегнуть к данному биополитическому инструменту, необходимо убедить их в необходимости вакцинироваться, а также в преимуществах вакцинированных перед невакцинированными.

Вакцинация как защита от: 'Coronavirus', 'Virus', 'Corona';

Вакцинация необходима, потому что...: 'Grund', 'genesen', 'medizinisch'.

Следующий когнитивный признак детализируется посредством описания «преимущества вакцин». Основной акцент делается на эффективности и безопасности вакцин, таким образом решается основная задача – завоевать доверие населения.

Безопасность: 'Sicherheit', 'sicher', 'Vertrauen';

Эффективность: 'Wirkung', 'Wirksamkeit', 'wirksam', 'Genesung', 'danken', 'schützen', 'Nachweis', 'Effekt';

Другие преимущества: 'gut', 'Vorteil'.

Süddeutsche Zeitung 25.10.2021: Es bleibt also, egal wie man es dreht und wendet: Die Impfung schützt. Und schon die Ressourcen der Krankenhäuser. Это остается неизменным, как ни верти и не крути: вакцинация защищает. И щадит ресурсы больниц.

В целом вся приядерная зона медиаконцепта направлена скорее на продвижение государственной биополитической программы и содержит как эксплицитные, так и имплицитные призывы к вакцинации.

Открытую периферию медиаконцепта составили два признака: «производитель/бренд вакцины» и «побочные эффекты».

Несмотря на то что производители и разработчики вакцин обсуждались в рамках ядра концепта, коллокации, называющие бренд, могут быть выделены в отдельную группу как потенциальные субъекты биополитики (бизнес): 'Sputnik', 'Biontech', 'Johnson', 'Astrazeneca', 'Moderna', 'Astra'.

Побочные эффекты вакцин на периферии концепта могут свидетельствовать, с одной стороны, о том, что медиаконцепт призван поддержать биополитическую программу правительства и побуждать людей вакцинироваться. С другой стороны, упоминание негативных последствий вакцинации возвращает нас к теории социальной ответственности СМИ, согласно которой

замалчивание негативных последствий рассматривалось бы как нарушение общественного договора.

Побочные эффекты вакцины – 'Nebenwirkung', 'reagiert', 'Zusammenhang', 'trotz', 'überstanden' – обсуждаются открыто. Однако контекстуальный анализ позволил сделать следующий вывод: в дискурсе акцент делается в первую очередь на том, что побочные эффекты встречаются редко:

Zeit 28.02.2021: Um eine besonders seltene Nebenwirkung zu entdecken, müssen sehr viele Personen geimpft werden, und es muss eine gewisse Anzahl an Fällen beobachtet werden, damit die Häufung sichtbar wird. Чем больше людей вакцинируются, тем ближе становится жизнь с меньшим количеством ограничений. Но многие по-прежнему настроены скептически. Хорошо ли себя чувствуют вакцинированные? А как насчет побочных эффектов?.. Чтобы обнаружить особенно редкий побочный эффект, необходимо вакцинировать большое количество людей и наблюдать определенное количество случаев, чтобы кластер стал видимым.

Тем не менее издания публикуют и такие случаи, когда прививка оказалась неэффективной:

Süddeutsche zeitung 30.10.2021: Trotz vollständiger Impfung gegen das Coronavirus sei der Sänger oder die Sängerin unter dem Teddy-Kostüm an Covid-19 erkrankt, teilte der Sender wenige Stunden vor der Liveshow mit. Невзирая на то, что он/она был полностью вакцинирован от вируса короны, певец (или певица) в костюме Тедди заразился Covid-19, сообщила телекомпания за несколько часов до прямого эфира.

Сформированные на основании полученного списка когнитивные признаки позволяют охарактеризовать медиаконцепт «вакцинация» как биополитический инструмент (см. табл. 2). Доля когнитивного признака в структуре концепта рассчитывалась путем соотношения частоты встречаемости признака от общего количества объективаций всех компонентов, составляющих структуру концепта. Частота встречаемости признака равна сумме количества вхождений всех коллокаций, составляющих данный когнитивный признак.

Таблица 2

Структура медиаконцепта

Полевая структура концепта	Когнитивный признак	Доля когнитивного признака в структуре концепта, %
Ядро	Этапы прививочной кампании	35
Приядерная зона	Охват вакцинацией – территориально, количественно, социальные группы, подлежащие вакцинации	16
	Доступность	15
	Преимущества	10
	Цель вакцинации	10
Открытая периферия	Производитель/бренд	8
	Побочные эффекты	5

Обсуждение результатов

Исследования традиционных каналов коммуникации (телевидение и газеты) показывают, что они играют определенную роль в повышении вероятности принятия вакцинации населением [41]. Положительное отношение к вакцинации поддерживалось доверием к науке и страхом перед COVID-19, и в качестве рекомендаций была высказана необходимость подчеркивать факторы, поддерживающие позитивное отношение к вакцинации, такие как предотвращение серьезных заболеваний, смерти и долговременного ущерба здоровью, вместо оказания социального давления или указания на легкость вакцинации [8].

Что касается непосредственно повестки СМИ и объективируемых в дискурсе когнитивных признаков медиаконцепта «вакцинация», отмечается, что безопасность вакцин была главной темой средств массовой информации в вопросе вакцинации против COVID-19 [42]. Кроме того, газеты повышали осведомленность населения о конкретных аспектах вакцинации, подчеркивая фатальные последствия статистически редких побочных эффектов вакцин, или объявляя о нехватке вакцин с определенным беспокойством или же надеждой на будущее, что способствовало специфическому эмоциональному восприятию, и потенциально могло иметь положительные эффекты [43].

Результаты нашего исследования в целом подтверждают отмеченные выше тенденции. Так, доверие к науке реализовывалось посредством когнитивного признака «этапы прививочной кампании»; предотвращение заболеваний – «цель вакцинации»; безопасность вакцин – «преимущества»; нехватка – «доступность»; побочные эффекты – «побочные эффекты».

Гипотеза исследования предполагала выявление специфических когнитивных признаков, составляющих структуру медиаконцепта, которые могли быть обусловлены положениями модели пропаганды Хермана–Хомского.

Так, сравнивая структуру медиаконцепта и концепта институционального дискурса, в первую очередь, обращает на себя внимание смещение акцентов с характеристик вакцин (институциональный дискурс) на производителей (медиа дискурс). Как уже было отмечено выше, бизнес, наряду с государством, является основным субъектом биополитики. СМИ, а также фармацевтические кампании, производящие вакцины, являются активными акторами, использующими ситуацию кризиса для продвижения собственных интересов. Таким образом, в медиаконцепте «вакцинация», возможно, наблюдается стратегия продвижения интересов бизнес сообщества в соответствии с задачами и интересами конкретного СМИ как актора биополитики. Наряду с этим различием, также можно отметить по-

вышенное внимание СМИ к этапу производства вакцин, в то время как в институциональном дискурсе акцент сделан скорее на функции государства по допуску вакцин на рынок. Также в рамках институционального дискурса не обсуждается доступность вакцин.

Сопоставляя когнитивные признаки концепта, выявленные в ходе анализа словарной статьи, и медиа-концепта, можно отметить следующее. Как и в институциональном дискурсе, в поле концепта не входят признаки «доступность вакцин» и «производитель», в то время как признак «характеристики вакцин» присутствует.

В целом по сопоставительному анализу можно заключить, что структура концепта, зафиксированная в словарной статье, и институциональном дискурсе совпадают. Вакцинация как инструмент «защиты» населения, а фактически инструмент контроля реализуется посредством акцентирования внимания на способности вакцинации предотвратить заболевание/смертельный исход путем формирования понимания о преимуществах вакцин, а также цели вакцинации, т.е. отвечая на вопрос – зачем прививать? Повышение доверия к науке посредством артикуляции характеристик вакцин, этапов производства, побочных эффектов дает ответ на вопрос – чем прививать? И, наконец, охват вакцинацией отвечает на вопрос – кого прививать? Однако медиаконцепт обнаруживает как минимум два уникальных признака, не нашедших свое отражение в других типах дискурса: производители вакцин и доступность. Данный факт может быть связан с особенностью функционирования негосударственных СМИ Германии. Информирование население, средства массовой информации поддерживают государственную биополитическую программу, направленную на защиту жизни и здоровья населения, предоставляя право выбора (описывая преимущества и недостатки вакцин разных производителей и их доступность). Нельзя не отметить и возможное продвижением собственно интересов конкретных СМИ в соответствии с моделью пропаганды Хермана–Хомского посредством значительного внимания в дискурсе фармацевтическим компаниям. Таким образом, в сформированном медиаконцепте объективируется, с одной стороны, согласованность с государственной биополитикой, с другой – собственные интересы медиа.

Идеологический межтекстовый медиаконцепт «вакцинация» – это представление о вакцинации как о биополитическом инструменте защиты жизни и здоровья населения, носящий рекомендательный характер, и предоставляющий право выбора.

Заключение

Изучение медийной коммуникации во время кризиса требует междисциплинарного подхода, включающего рассмотрение как минимум трех аспектов. Первый – это роль массмедиа в формировании общественного мнения, поведенческих паттернов и языковой

картины мира в данный конкретный момент времени, ограниченный напряженной социально-политической и, в нашем случае, эпидемиологической ситуацией. Медиа, являясь посредником между властью и обществом, с одной стороны, могут следовать за государственной программой, формируя дискурсивные феномены, обладающие определенными характеристиками с целью манипулирования или контроля. С другой стороны, медиа могут соблюдать нейтралитет или же продвигать интересы собственников издания, спонсоров и других акторов, тем самым внося изменения в формируемые в сознании носителей языка феномены. Второй аспект – государственная политика, реализованная во время пандемии в форме жестких ограничений прав и свобод граждан Германии. Формируемые настроения в обществе относительно форм контроля (в том числе и вакцинации) подлежали корректировке посредством различных каналов коммуникации, в том числе и негосударственных СМИ. Третий аспект – подлежащие детальному изучению формируемые в сознании индивидуумов посредством медиа представления носителей языка о проводимой государственной биополитике, а также сравнение медийных концептов, формируемых в определенный момент времени, с когнитивными признаками, выявляемыми в институциональном дискурсе, а также обыденной языковой картине мира.

По итогам исследования можно сделать следующие выводы:

1. Медиаконцепт «вакцинация» формирует у населения представления о данном биополитическом инструменте как о безопасном и эффективном средстве защиты от вируса.

2. Ключевые когнитивные признаки медиаконцепта «вакцинация» согласуются с признаками, выявленными в ходе лексикографического анализа и анализа институционального дискурса, где вакцинация представлена как инструмент «защиты», а не как инструмент контроля.

3. В соответствии с моделью пропаганды Хермана–Хомского были выявлены особенности в формировании повестки. СМИ формируют в сознании носителей языка позитивное отношение к биополитическим практикам государства, создают основы доверия власти. Можно заключить, что в данном конкретном случае интересы государства и СМИ по большей части совпали.

4. Идеологический компонент раскрывается в поддержке государственной биополитической программы, т.е. фактической трансляции основных идей и установок, предлагаемых властями.

5. Применение метода анализа коллокаций для описания идеологического межтекстового концепта, а также медийных и политических феноменов на материале medium data видится эффективным.

В качестве ограничений исследования можно обозначить отсутствие разделения СМИ по признаку «источники финансирования».

Примечания

¹ Центральным элементом информационной системы DWDS является современный словарь DWDS. Он основан на нескольких словарях современных языков и активно дополняется и пересматривается проектной группой DWDS и ZDL (Центр цифровой лексикографии немецкого языка).

² URL: <https://www.dwds.de/wb/Impfung#wb-1>

³ URL: <https://www.dwds.de/wb/impfen#d-1-1>

⁴ URL: <https://www.dwds.de/wb/Impfstoff>

⁵ URL: <https://www.sketchengine.eu/>

Список источников

1. Попов Д. Vita coida как биополитическая модальность жизни в пандемию // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 2. С. 82–104. doi: 10.17323/1728-192x-2022-2-82-104
2. Yatsyk A. Biopolitical Responses to the COVID-19 Pandemic in Russia, France, Germany, and the UK: The “Post-Truth” Coverage by RT // Social Sciences. 2022. Vol. 11(3). Art. No. 139. doi: 10.3390/socsci11030139
3. Koos S. Die „Querdenker“. Wer nimmt an Corona-Protesten teil und warum? : Ergebnisse einer Befragung während der „Corona- Proteste“ am 4.10.2020 in Konstanz // URN:NBN Resolver für Deutschland und Schweiz. 2021. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2-bnrddxo8opad0> (дата обращения: 07.05.2023).
4. Nachtwey O., Schäfer R., Frei N. Politische Soziologie der Corona-proteste // The institutional repository of the University of Basel. 2020. URL: https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822_6005813e51e0a.pdf (дата обращения: 11.05.2023).
5. Балакина Ю.В. Пандемия COVID-19 в Германии: информационные кампании, медиа, общество // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 83–101. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-5
6. Bendau A., Plag J., Petzold M., Ströhle A. COVID-19 vaccine hesitancy and related fears and anxiety // International immunopharmacology. 2021. Vol. 97. Art. No. 107724. doi: 10.1016/j.intimp.2021.107724
7. Umakanthan S., Lawrence S. Predictors of COVID-19 vaccine hesitancy in Germany: a cross-sectional, population-based study // Postgraduate Medical Journal. 2022. Vol. 98 (1164). P. 756–764. doi: 10.1136/postgradmedj-2021-141365
8. Seddig D., Maskileyson D., Davidov E., Ajzen I., Shmidt P. Correlates of COVID-19 vaccination intentions: Attitudes, institutional trust, fear, conspiracy beliefs, and vaccine skepticism // Social Science & Medicine. 2022. Vol. 302. Art. No. 114981. doi: 10.1016/j.socscimed.2022.114981
9. Fieselmann J., Annac K., Erdsiek F., Yilmaz-Aslan Y., Brzoska P. What are the reasons for refusing a COVID-19 vaccine? A qualitative analysis of social media in Germany // BMC Public Health. 2022. Vol. 22. Art. No. 846. doi: 10.1186/s12889-022-13265-y
10. Пинчукова Н.В., Залесова Н.М. Понятия «концепт» и «медиаконцепт» в современной лингвистике // Национальная ассоциация ученых. 2022. № 82-1. С. 43–47.
11. Fowler R. Language in the news: Discourse and ideology in the press. New York : Routledge, 1991.
12. Van Dijk T.A. (1995). Discourse analysis as ideology analysis // Schaffner C., Wenden A. (Eds). Language and Peace. Aldershot, UK : Dartmouth, 1995. P. 17–33.
13. Cameron D. Language endangerment and verbal hygiene: history, morality and politics // Duchêne A., Heller M. (Eds) Discourses of Endangerment: Ideology and Interest in the Defence of Languages. London : Continuum, 2007. P. 268–285.
14. Рябова М.Ю. Власть как дискурсивный феномен // Вестник БГУ. 2010. № 10. С. 62–66.
15. McCombs M., Shaw D. (1972). The Agenda-Setting Function of Mass Media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. P. 176–187. doi: 10.1086/267990.
16. Eilders C. Media as Political Actors? Issue Focusing and Selective Emphasis in the German Quality Press // German Politics. 2000. Vol. 9 (3). P. 181–206.
17. Hart P.S., Chinn S., Soroka S. Politicization and Polarization in COVID-19 News Coverage // Science Communication. 2020. Vol. 42 (5). P. 679–697. doi: 10.1177/1075547020950735
18. Бонч-Осмоловская А.А. Культуромика в национальном корпусе русского языка, к постановке задачи: три века русских дорог // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. Т. 4, № 6. С. 605–641.
19. Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media. Pantheon Books, 2002.
20. Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб. : Изд-во РГПУ имю А.И. Герцена, 2002.
21. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996.
22. Жигунов А.Ю. Медиаконцепт ‘Арктика’: методологические подходы к исследованию // Коммуникативные исследования. 2016. № 2 (8). С. 64–70
23. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: теория и методология лингвокогнитивного исследования : дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2011.
24. Орлова О.В. Миромоделирующий потенциал медиаконцепта и прецедентность в Интернет-дискурсе // Сибирский филологический журнал. 2012. № 1. С. 163–169.
25. Firth J.R. Papers in Linguistics. London : Oxford University Press, 1957.
26. Henrich V., Hinrichs E. (Eds.) Proceedings: Workshop on Computational, Cognitive, and Linguistic Approaches to the Analysis of Complex Words and Collocations (CCLCC 2014). University of Tübingen. URL: http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~vhenrich/ccclcc_2014/
27. Cheng Y. The Metaphorical Use of Collocations: A Corpus-Based Study // International Journal of English Linguistics. 2019. Vol. 9 (3). P. 107–116.
28. Poulsen S. Collocations as a language resource: A functional and cognitive study in English phraseology (Human Cognitive Processing 71). Amsterdam and Philadelphia : John Benjamins, 2022.
29. Шамне Н.Л., Ребрина Л.Н. Репрезентация феномена памяти глагольными коллокациями памяти в германских и российских СМИ // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 137–149.
30. Zakharov V., Pivovarova S., Gvozdyova E., Semenova N. Corpus methods and semantic fields: The concept of empire in English, Russian and Czech // Proceedings of the 3rd International Conference on R. Piotrowski’s Readings in Language Engineering and Applied Linguistics, PRLEAL 2019. Vol. 2552. Saint Petersburg, 2020. P. 233–244.
31. Xiao R., McEnery T. Collocation, semantic prosody, and near synonymy: a cross-linguistic perspective // Applied Linguistics. 2006. Vol. 27(1). P. 103–129.
32. Болотнова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник ТГПУ. 2007. № 2. С. 74–79.
33. Шайкевич А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований / отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1976 . С. 353–378.
34. Mel’cuk I. Lexical functions in lexicography and natural language processing // Wanner L. (Ed.) Lexical Functions in Lexicography and Natural Language Processing. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 1996. P. 37–102.
35. Bosque I. Deducing collocations // Boguslavsky I., Wanner L. (Eds.) Proceedings of the 5th international conference on meaning-text theory. Barcelona: INALCO, 2011. P. vi–xxiii.
36. Фуко М. Рождение биополитики. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. на рус. яз. А.В. Дьяков. СПб.: Наука, 2010.
37. Кушнерук С.Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 115–125.

38. Радина Н.К. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии covid-19) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 5. С. 116–136.
39. Reyes Bernard N., Basit A., Sofija E., Phung H., Lee J., Rutherford S., Sebar B., Harris B., Phung D., Wiseman N. Analysis of crisis communication by the Prime Minister of Australia during the COVID-19 pandemic // International Journal of Disaster Risk Reduction. 2021. Vol. 62. doi: 10.1016/j.ijdrr.2021.102375
40. McQuail D. Mass Communication Theory: An Introduction. 1983.
41. Piltch-Loeb R., Savoia E., Goldberg B. et al. Examining the effect of information channel on COVID-19 vaccine acceptance // Plos One. 2021. Vol. 16. Art. No. e0251095. doi: 10.1371/journal.pone.0251095
42. Okorie N. Global media framing, COVID-19 and the issue of vaccination: An empirical inquisition // Health promotion perspectives. 2022. Vol. 12 (2). P. 186–191. doi: 10.34172/hpp.2022.23
43. Semeraro A., Vilella S., Ruffo G., Stella M. Emotional profiling and cognitive networks unravel how mainstream and alternative press framed AstraZeneca, Pfizer and COVID-19 vaccination campaigns // Scientific Reports. 2022. Vol. 12. Art. No. 14445. doi: 10.1038/s41598-022-18472-6

References

1. Popov, D. (2022) Vita covida as a biopolitical modality of life during the pandemic. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 21 (2). pp. 82–104. (In Russian). doi: 10.17323/1728-192x-2022-2-82-104
2. Yatsyk, A. (2022) Biopolitical responses to the COVID-19 pandemic in Russia, France, Germany, and the UK: The "post-truth" coverage by RT. *Social Sciences*. 11 (3). Art. No. 139. doi: 10.3390/socsci11030139
3. Koos, S. (2021) *Die "Querdenker". Wer nimmt an Corona-Protesten teil und warum? : Ergebnisse einer Befragung während der "Corona-Proteste" am 4.10.2020 in Konstanz*. URN:NBN Resolver für Deutschland und Schweiz. [Online] Available from: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2-bnrddxo8opad0>
4. Nachtwey, O., Schäfer, R. & Frei, N. (2020) *Politische Soziologie der Corona-proteste*. University of Basel. [Online] Available from: https://edoc.unibas.ch/80835/1/20210118133822_6005813e51e0a.pdf
5. Balakina, Yu.V. (2022) The COVID-19 pandemic in Germany: Information campaigns, media, society. *Baltiiskiy region*. 14 (3). pp. 83–101. (In Russian). doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-5
6. Bendau, A., Plag, J., Petzold, M. & Ströhle, A. (2021) COVID-19 vaccine hesitancy and related fears and anxiety. *International Immunopharmacology*. 97. Art. No. 107724. doi: 10.1016/j.intimp.2021.107724
7. Umakanthan, S. & Lawrence, S. (2022) Predictors of COVID-19 vaccine hesitancy in Germany: A cross-sectional, population-based study. *Postgraduate Medical Journal*. 98 (1164). pp. 756–764. doi: 10.1136/postgradmedj-2021-141365
8. Seddig, D., Maskileyson, D., Davidov, E., Ajzen, I. & Shmidt, P. (2022) Correlates of COVID-19 vaccination intentions: Attitudes, institutional trust, fear, conspiracy beliefs, and vaccine skepticism. *Social Science & Medicine*. 302. Art. No. 114981. doi: 10.1016/j.socscimed.2022.114981
9. Fieselmann, J., Annac, K., Erdsiek, F., Yilmaz-Aslan, Y. & Brzoska, P. (2022) What are the reasons for refusing a COVID-19 vaccine? A qualitative analysis of social media in Germany. *BMC Public Health*. 22. Art. No. 846. doi: 10.1186/s12889-022-13265-y
10. Pinchukova, N.V. & Zalesova, N.M. (2022) Ponyatiya "kontsept" i "mediakontsept" v sovremennoi lingvistike [The concepts of "concept" and "mediaconcept" in modern linguistics]. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 82 (1). pp. 43–47.
11. Fowler, R. (1991) *Language in the news: Discourse and ideology in the press*. New York: Routledge.
12. Van Dijk, T.A. (1995) Discourse analysis as ideology analysis. In: Schaffner, C. & Wenden, A. (eds) *Language and peace*. Aldershot, UK: Dartmouth. pp. 17–33.
13. Cameron, D. (2007) Language endangerment and verbal hygiene: History, morality and politics. In: Duchêne, A. & Heller, M. (eds) *Discourses of endangerment: Ideology and interest in the defence of languages*. London: Continuum. pp. 268–285.
14. Ryabova, M.Yu. (2010) Vlast' kak diskursivnyy fenomen [Power as a discursive phenomenon]. *Vestnik BGU*. 10. pp. 62–66.
15. McCombs, M. & Shaw, D. (1972) The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*. 36. pp. 176–187. doi: 10.1086/267990
16. Eilders, C. (2000) Media as political actors? Issue focusing and selective emphasis in the German quality press. *German Politics*. 9 (3). pp. 181–206.
17. Hart, P.S., Chinn, S. & Soroka, S. (2020) Politicization and polarization in COVID-19 news coverage. *Science Communication*. 42 (5). pp. 679–697. doi: 10.1177/1075547020950735
18. Bonch-Osmolovskaya, A.A. (2015) Kul'turomika v natsional'nom korpusе russkogo yazyka, k postanovke zadachi: tri veka russkikh dorog [Culturomics in the Russian National Corpus, towards the problem statement: Three centuries of Russian roads]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. 4 (6). pp. 605–641.
19. Herman, E. & Chomsky, N. (2002) *Manufacturing consent: The political economy of the mass media*. New York: Pantheon Books.
20. Churilina, L.N. (2002) *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta: printsipy antropotsentricheskogo issledovaniya* [Lexical structure of literary text: Principles of anthropocentric research]. Saint Petersburg: RSPU.
21. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The will to truth: Beyond knowledge, power, and sexuality. Works from different years]. Moscow: Kastal'.
22. Zhigunov, A.Yu. (2016) Mediakontsept 'Arktiča': metodologicheskie podkhody k issledovaniyu [The mediaconcept 'Arctic': Methodological approaches to research]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2 (8). pp. 64–70.
23. Malysheva, E.G. (2011) *Russkiy sportivnyy diskurs: teoriya i metodologiya lingvokognitivnogo issledovaniya* [Russian sports discourse: Theory and methodology of linguocognitive research]. Philology Dr. Diss. Omsk.
24. Orlova, O.V. (2012) Miromodeliruyushchii potentsial mediakontsepta i pretseptentnost' v Internet-diskurse [The world-modeling potential of the mediaconcept and precedent in Internet discourse]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 1. pp. 163–169.
25. Firth, J.R. (1957) *Papers in linguistics*. London: Oxford University Press.
26. Henrich, V. & Hinrichs, E. (eds) (2014) *Proceedings: Workshop on computational, cognitive, and linguistic approaches to the analysis of complex words and collocations* (CCLCC 2014). University of Tübingen. [Online] Available from: http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~vhenrich/cclcc_2014/
27. Cheng, Y. (2019) The metaphorical use of collocations: A corpus-based study. *International Journal of English Linguistics*. 9 (3). pp. 107–116.
28. Poulsen, S. (2022) *Collocations as a language resource: A functional and cognitive study in English phraseology* (Human Cognitive Processing 71). Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
29. Shamne, N.L. & Rebrina, L.N. (2016) Reprezentatsiya fenomena pamyati glagol'nyimi kollokatsiyami pamyati v germanskikh i rossiiskikh SMI [Representation of the phenomenon of memory by verbal collocations of memory in German and Russian media]. *Nauchnyy dialog*. 2 (50). pp. 137–149.
30. Zakharov, V., Pivovarova, S., Gvozdyova, E. & Semenova, N. (2020) Corpus methods and semantic fields: The concept of empire in English, Russian and Czech. *Proceedings of the 3rd International Conference on R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics, PRLEAL 2019*. 2552. pp. 233–244.
31. Xiao, R. & McEnery, T. (2006) Collocation, semantic prosody, and near synonymy: A cross-linguistic perspective. *Applied Linguistics*. 27 (1). pp. 103–129.

32. Bolotnova, N.S. (2007) O metodike izucheniya assotsiativnogo sloya khudozhestvennogo kontsepta v tekste [On the methodology of studying the associative layer of an artistic concept in a text]. *Vestnik TGPU*. 2. pp. 74–79.
33. Shaikovich, A.Ya. (1976) Distributivno-statisticheskii analiz v semantike [Distributional-statistical analysis in semantics]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* (pp. 353–378). Moscow.
34. Mel'cuk, I. (1996). Lexical functions in lexicography and natural language processing. In: Wanner, L. (ed.) *Lexical functions in lexicography and natural language processing*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins. pp. 37–102.
35. Bosque, I. (2011). Deducing collocations. In: Boguslavsky, I. & Wanner, L. (eds) *Proceedings of the 5th international conference on meaning-text theory*. Barcelona: INALCO. pp. vi–xxiii
36. Foucault, M. (2010). *Rozhdenie biopolitiki. Tsikl lektii, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Translated from French by A.V. Dyakov. Saint Petersburg: Nauka.
37. Kushneruk, S.L. (2018) Razvitie teorii kognitivno-diskursivnogo miromodelirovaniya za rubezhom i v Rossii [The development of the theory of cognitive-discursive world modeling abroad and in Russia]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 4. pp. 115–125.
38. Radina, N.K. (2021) Metodika identifikatsii kontekstual'nykh ideologem v tsifrovom mediadiskurse (na primere mediadiskursa o pandemii covid-19) [Methodology for identifying contextual ideologemes in digital media discourse (on the example of media discourse about the COVID-19 pandemic)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 5. pp. 116–136.
39. Reyes Bernard, N. et al. (2021) Analysis of crisis communication by the Prime Minister of Australia during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. 62. doi: 10.1016/j.ijdr.2021.102375
40. McQuail, D. (1983) *Mass communication theory: An introduction*. London: Sage.
41. Piltch-Loeb, R. et al. (2021) Examining the effect of information channel on COVID-19 vaccine acceptance. *Plos One*. 16. Art. No. e0251095. doi: 10.1371/journal.pone.0251095
42. Okorie, N. (2022) Global media framing, COVID-19 and the issue of vaccination: An empirical inquisition. *Health Promotion Perspectives*. 12 (2). pp. 186–191. doi: 10.34172/hpp.2022.23
43. Semeraro, A., Vilella, S., Ruffo, G. & Stella, M. (2022) Emotional profiling and cognitive networks unravel how mainstream and alternative press framed AstraZeneca, Pfizer and COVID-19 vaccination campaigns. *Scientific Reports*. 12. Art. No. 14445. doi: 10.1038/s41598-022-18472-6

Информация об авторе:

Балакина Ю.В. – канд. филол. наук, доцент департамента фундаментальной и прикладной лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: julianaumova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Julia V. Balakina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, HSE University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: julianaumova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2024;
одобрена после рецензирования 24.10.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 20.02.2024;
approved after reviewing 24.10.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 070: 908
doi: 10.17223/15617793/509/3

«Кубанская школа»: литературно-краеведческая и журналистская деятельность Т.Ф. Лапика

Юрий Викторович Лучинский¹, Марина Васильевна Безрукавая²

^{1, 2} Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹ lyv22@mail.ru

² sea_pearl@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена специфика информационно-тематической модели журнала «Кубанская школа», первым редактором которого был Б.М. Городецкий, а секретарем – Т.Ф. Лапик. Реконструирована биография Т.Ф. Лапика и основные этапы его педагогической деятельности. Проанализированы публикации Т.Ф. Лапика в журнале «Кубанская школа» и их краеведческая составляющая. Впервые введена в научный оборот информация о дате и причинах смерти Т.Ф. Лапика. Показаны условия закрытия журнала «Кубанская школа».

Ключевые слова: литературное краеведение, педагогическая пресса Кубани, журнал «Кубанская школа», Б.М. Городецкий, Т.Ф. Лапик

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта № МФИ-20.1/8.

Для цитирования: Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В. «Кубанская школа»: литературно-краеведческая и журналистская деятельность Т.Ф. Лапика // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 35–43. doi: 10.17223/15617793/509/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/3

Kubanskaya Shkola: Literary local history and journalistic activities of Timofey Lapik

Yuriy V. Luchinsky¹, Marina V. Bezrukavaya²

^{1, 2} Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

¹ lyv22@mail.ru

² sea_pearl@mail.ru

Abstract. The analysis of the publishing and thematic model of the pedagogical journal *Kubanskaya Shkola* (published in the capital of the Kuban region from 1914 to 1918) demonstrated the publication's transformative dynamics in response to the country's political events during this period, with local history topics – initially prioritized by founding editor Boris Gorodetsky – remaining prominent until 1916 before gradually shifting toward addressing urgent concerns of Kuban teachers alongside content radicalization. This study simultaneously reconstructs the pedagogical biography of Timofey Lapik (whom Gorodetsky appointed as editorial secretary), who became one of the journal's principal contributors, using archival materials and historical-biographical methods to trace his career trajectory from teaching/managing roles at the two-class rural school in Besskorbnaya village (Labinsky District) to his position as preparatory class teacher at Kuban Alexandrovsky Real School where he attained titular counselor rank, with the article demonstrating how Lapik's relocation to Ekaterinodar and subsequent academic appointment facilitated his entry into journalistic circles and regional cultural prominence, evidenced through content analysis of his *Kubanskaya Shkola* publications spanning detailed local history works like "Literary Readings-Discussions for Muslim Students" to critical reviews such as his evaluation of Pyotr Orlov's *Collection of Materials for the Cossack Reader of the Kuban Cossack Army*. A key research focus involves examining Lapik's controversial 1916 "local history arithmetic workbook" that generated polarized responses in both regional and metropolitan pedagogical press, supplemented by newly uncovered ego-documents from the State Archive of Krasnodar Krai that establish the date and causes of his death, which are somehow correlated with the complex set of problems caused by the Civil War in the Kuban. The significance of Lapik's creative heritage was confirmed by his posthumous evaluation by Gorodetsky, the leading specialist in culture, literature, and journalism of the North Caucasus. One can conclude that the combined methodological discourse applied in such subject areas as local and personal history, as well as regional media studies, offers a broad spectrum for further study of the personal element in the history of a particular region.

Keywords: literary local history, pedagogical press of Kuban, journal "Kubanskaya Shkola", Boris Gorodetsky, Timofey Lapik

Financial support: The research was supported by the Kuban Science Foundation, Project No. MFI-20.1/8.

For citation: Luchinsky, Yu.V. & Bezrukavaya, M.V. (2024) *Kubanskaya Shkola: Literary local history and journalistic activities of Timofey Lapik. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 35–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/3

Введение

Возвращение в научный оборот имен, имевших значение для определенных периодов культурного развития региона, несомненно сохраняет не только актуальность, но и позволяет выстроить панорамность осмысления региональных литературно-журналистских процессов. При этом стоит отметить, что малоизвестные литераторы, журналисты и краеведы вносили свой вклад в формирование литературно-краеведческой традиции, а потому анализ их творческого наследия представляет несомненный интерес для изучения истории региональной культуры.

Одним из таких практически неизученных в литературном краеведении имен является Тимофей Федорович Лапик (ум. 1919) – секретарь редакции екатеринодарского журнала «Кубанская школа», ставшего заметным изданием в общей палитре кубанской периодики рассматриваемого периода. На момент выхода в свет первого номера «Кубанской школы» местная периодика была представлена армавирскими («Армавирские отклики», «Голос Кубани», «Отклики Кавказа»), ейскими («Приазовская речь»), майкопскими («Вечерние новости», «Кавказская речь», «Майкопская речь») и екатеринодарскими («Екатеринодарская почта», «Кубанская копейка», «Кубанские областные ведомости», «Кубанский край», «Кубанский курьер», «Кубанское слово», «Листок войны») газетами, а также журналами «Кубанский казачий вестник» и сельскохозяйственным еженедельником «Союз».

Журналистско-литературная деятельность Т.Ф. Лапика ранее не рассматривалась в отечественном краеведении и в истории региональной журналистики, если не считать краткого упоминания в научных статьях А.И. Слущкого [1, 2], Ю.В. Лучинского и М.В. Безрукавой [3], а потому реконструкция его творческой биографии позволит заполнить лакуны в современной медийной регионалистике.

Общая история дореволюционной отечественной педагогической прессы достаточно полно отражена в работах М.А. Азарной [4], А.Г. Готалова-Готлиба [5], Г.В. Кондратьевой [6], Л.В. Пузыревой [7], М.А. Гончаров [8], А.Н. Данилова [9], В.В. Карпова [10], Т.А. Сутырина [11], Я.В. Фролова [12], Е.В. Царева [13], Н.Э. Чернаявская [14].

Целью настоящего исследования является реконструкция биографии Т.Ф. Лапика в контексте анализа журнала «Кубанская школа», секретарем которого он являлся с 1914 по 1917 г. «Кубанская школа» стала третьим по счету педагогическим журналом (первые два – «Кубанская школа» (1906) под редакцией В.В. Скидана и «Школа и жизнь» (1907–1908) под редакцией И.Ф. Пальмова выходили в 1906–1908 гг.) в Кубанской области и заметным явлением в развитии местной периодики по уровню размещаемых в ней литературно-краеведческих и историко-краеведческих материалов.

При этом стоит отметить, что педагогической прессы в других административных единицах Северного Кавказа до революции просто не было. Из сопредельных территорий можно отметить только Область Войска Донского, в столице которого в 1906–1907 гг. выходили три недолговечных педагогических журнала.

Если говорить о провинциальной педагогической периодике в целом, то большинство такого типа журналов ориентировалось на издательскую модель столичного ежемесячника «Русская школа», выходившего с 1890 года под редакцией Я.Г. Гуревича (с 1906 г. – Я.Я. Гуревича).

При обращении к биографии Т.Ф. Лапика, реализованной в большей степени в публикациях на страницах журнала «Кубанская школа», необходимо решить следующие задачи:

- реконструировать биографию Т.Ф. Лапика;
- показать основные этапы карьеры Т.Ф. Лапика;
- проанализировать основные публикации Т.Ф. Лапика в журнале «Кубанская школа»;
- определить связь журнала «Кубанская школа» с Обществом взаимного всепомоществования учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии;
- выявить причины закрытия журнала «Кубанская школа».

В работе были использованы историко-типологический, историко-биографический и сравнительно-сопоставительный методы исследования.

Т.Ф. Лапик: страницы биографии

До настоящего времени биография Т.Ф. Лапика оставалась практически неизученной. Обращение к архивным материалам, а также к ежегодным официальным справочным изданиям («Кубанский календарь» и «Кавказский календарь») и опубликованным отчетам кубанских учебных заведений позволило реконструировать некоторые детали из биографии Т.Ф. Лапика.

Так, в ежегодном отчете Кубанского Александровского реального училища в разделе о личном составе содержатся следующие данные: «Лапик, Тимофей Федорович, коллежский секретарь, учитель приготовительного класса, окончил Кубанскую учительскую семинарию и выдержал экзамен на звание учителя городского училища, в службе с 1 сентября 1896 года, в должности с 19 сентября 1913 года» [15. С. 44].

Это звание давало право на преподавание в системе начального образования, и Т.Ф. Лапик был определен «учителем-заведующим» и преподавателем пения в станице Бесскорбной в сельском двухклассном училище. Педагогическая карьера Т.Ф. Лапика началась в сельском двухклассном училище в станице Бесскорбной Лабинского отдела Кубанской области, где он занимал должность «учителя-заведующего» и преподавателя пения.

В 1899 г. Т.Ф. Лапик переехал в станицу Пашковскую, находившуюся недалеко от Екатеринодара, там он проработал учителем в сельском двухклассном училище до 1902 г., где обучалось до 500 учеников (11 учителей). В 1903 г. Т.Ф. Лапик перешел на должность смотрителя двухклассного сельского училища в станице Баталпашинской (в настоящее время – город Черкесск), что было повышением по службе. С 1904 по 1907 г. – работа в Ейском Александровском четырехклассном городском училище.

Затем последовала целая серия смены училищ – в 1908 г. он стал учителем-заведующим двухклассным Константиновским сельским училищем Лабинского отдела, в 1909 г. – учителем 3-классного Темрюкского городского училища.

В 1910 г. Т.Ф. Лапик покинул пределы Кубанской области и отправился в столицу Дагестанской области Темир-Хан-Шуру (в настоящее время – город Буйнакск), где занял должность «учителя русского языка в Темир-Хан-Шурунском городском трехклассном училище и педагогическом классе при нем», получив чин коллежского секретаря.

В 1912 г. Т.Ф. Лапик вернулся на Кубань, заняв должность учителя Майкопского Александровского городского училища, преобразованного в 1901 г. из четырехклассного в шестиклассное. В Майкопе он долго не задержался и нашел возможность перебраться в Екатеринодар, и с 19 сентября 1913 г. по 25 марта 1918 г. Т.Ф. Лапик – «учитель приготовительного класса» Кубанского Александровского реального училища, в котором он дослужится до чина титулярного советника.

Т.Ф. Лапик в редакции журнала «Кубанская школа»

Екатеринодарский период в жизни Т.Ф. Лапика совпал с появлением в кубанском информационном пространстве педагогического журнала «Кубанская школа», издателем которого (до сентября 1916 г.) являлся председатель правления Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии Г.Д. Чернышев.

Общество взаимного вспомоществования учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии, основанное в 1897 г., оказывало материальную поддержку журналу, организовывало подписку на него в учебных заведениях Кубанской дирекции народных училищ, в августе 1915 г. приобрело «фирменное право» на его издание, а в 1917 г. стало единственным издателем данного периодического органа [16. С. 14].

Первым редактором журнала «Кубанская школа» стал известный библиограф и исследователь литературы о Кубани и Северном Кавказе Б.М. Городецкий, пригласивший Т.Ф. Лапика на должность секретаря редакции журнала. Выход первого номера «Кубанской школы» пришелся на начало Первой мировой войны, что привело к появлению таких рубрик, как «О войне. – Война и общественная работа» и «Фонд для оказания помощи учителям, пострадавшим от войны»: «Случилось то, чего

меньше всего мог ожидать скромный культурный работник, это – мировая настоящая война. Грандиозные события последнего времени, так властно захватившие весь порядок многих наших взаимоотношений, своими исключительными темами заслонившие все наши интересы, оставили след и на нашем журнале» [17. С. 3].

Журнал «Кубанская школа» выходил 10 раз в год (как и столичный журнал «Русская школа»), имел сквозную нумерацию и первоначально содержал в себе семнадцать рубрик, из которых к собственному краеведческому контенту можно отнести пять («Статьи по вопросам методики – внеклассное чтение», «Некрологи и литературные характеристики», «Галерея деятелей Кубанской области», «Кубанская литературная летопись» и «Библиография»). Гонорары за статьи предполагались только для наиболее значимых или для приглашенных столичных авторов.

Несмотря на неизбежную корректировку информационной политики журнала в связи с разразившейся войной, особый акцент в «Кубанской школе» был сделан на литературно-краеведческой тематике, связанной с преподаванием ряда предметов в начальной школе.

Приглашение Т.Ф. Лапика на должность секретаря редакции со стороны Б.М. Городецкого было вполне закономерным – контора редакции находилась в Кубанском Александровском реальном училище, где преподавал Т.Ф. Лапик, что свидетельствует о его роли в организации редакционно-издательского процесса, а в рекламе журнала на 1914 г. анонсировалось сразу три его публикации, из которых наиболее значимой стала статья «Литературные чтения-беседы для учеников-мусульман», опубликованная в первых двух номерах «Кубанской школы».

В этой статье Т.Ф. Лапик обобщил свой опыт преподавания внеклассного чтения в учебных заведениях Дагестана и Кубани, дав детальный разбор повести популярной в свое время писательницы Е.И. Новиковой-Зариной: «В Темир-Хан-Шуре в 1910 году я прочитал в своей семье книжку Новиковой-Зариной “В плену у черкесов”. Содержание историческое, действие происходит в Анапе и ее окрестностях. Впечатление от чтения получилось огромное, да еще вдали от родины и этой милой Анапы. В той же Анапе ни один учитель и ученик не знали о существовании книжки про свое родное гнездо. А ведь прочесть ее там, где есть остатки старины, описываемой в книжке, архивные записи, – это то самое, о чем твердят теперь Рубакин, Звягинцев, Тихомиров» [18. С. 89].

Данная статья Т.Ф. Лапика была помещена в рубрике «Статьи по вопросам методики – внеклассное чтение». В ней он приводил подробный анализ повести Е.И. Новиковой-Зариной с привлечением обширного краеведческого материала. Для этого он выделил для учеников место действия (крепость Анапа, окрестные станицы и аулы) и время действия (через несколько лет после присоединения Анапы к России), обозначил главных и второстепенных действующих лиц, а также предложил наглядные пособия для урока (карта Кубанской области и открытки с видами Анапы) и контрольные вопросы к занятию.

Наибольший интерес в данном материале Т.Ф. Лапика представляет план проведения урока с понятной для учеников схемой разбора сюжетной линии повести «В плену у черкесов»: «Жизнь в крепости Анапа. Вася и пленные черкесы. На свадьбе у казака. Нападение черкесов и похищение Васи. Жизнь в плену у Кирима. Вася – пастух. Несчастье с Васей и спасение его Алеком. Отправление экспедиционного отряда для розыска Васи. Вася в другом ауле у Гирея, встреча с Кирой (Ольгой Федоровной). Бегство его и Киреи при помощи Алека и Умида. Русский отряд в ауле князя Азамата (где жил Гирей). Встреча отряда с беглецами и общая радость. Радостная встреча в Анапе. Алек и Вася – неразлучные друзья и офицеры».

Таким образом Т.Ф. Лапик давал возможность учительской аудитории ознакомиться с интересным литературным материалом для внеклассного чтения, имевшим как педагогическую, так и краеведческую составляющие.

Секретарь редакции «Кубанская школа» также размещал свои статьи и рецензии в рубриках «Библиография», «Хроника» и «Школьная практика». Большую часть своих публикаций он подписывал собственной фамилией, но иногда – псевдонимами «Ф-чь» и «Т.Л.».

В 1914 г. Т.Ф. Лапик под своей фамилией в рубрике «Библиография» опубликовал рецензии на первые две части пособия «Внеклассное чтение в начальной школе» для детей 7–9 и 9–11 лет, составленные Е. Ивановой (СПб., 1913; Петроград, 1914), «Библиотеку для классных и внеклассных бесед» под редакцией известного литературоведа П.Н. Сакулина (М., 1914), «Указатель книг для воспитательского чтения кадетам», составленный подполковником Н.А. Зотовым (СПб., 1913). Все эти рецензии носили комплементарный характер.

Под псевдонимом «Ф-чь» Т.Ф. Лапик предпочитал высказывать негативное мнение о том или ином издании, и в этом контексте самой резкой оказалась рецензия на «Сборник материалов для казачьей хрестоматии Кубанского казачьего войска», составленный старшим адъютантом войскового штаба Кубанского казачьего войска войсковым старшиной П.П. Орловым, несшим службу в Кубанском казачьем войске с 1890 г.

П.П. Орлов был хорошо знаком кубанскому читателю – в 1908 г. в Екатеринодаре вышла его книга «Откуда повелось Кубанское казачье войско и как несло оно Государеву службу на благо Руси», в 1911 г. – «Сборник рассказов и статей, посвященный Его Превосходительству начальнику Войскового штаба Кубанского казачьего войска Андрею Ивановичу Кияшко», в 1912 г. – «Памятка кубанского казака».

Редактор «Кубанской школы» Б.М. Городецкий во втором номере журнала за 1914 год анонсировал рецензию на хрестоматию П.П. Орлова в связи с ее педагогико-краеведческой тематикой: «В Екатеринодаре вышел в свет и рассылается по станичным школам “Сборник материалов для казачьей хрестоматии Кубанского каз. войска”, составленный П. Орловым. Из предисловия к этой книге видно, что одной из целей ее является стремление “запечатлеть” в ребенке “все величавое своего родного края”. Подробный отзыв об

этом издании дадим в ближайшем номере “Куб. Школы”» [19. С. 110].

На момент выхода в свет хрестоматии ее составитель был переведен на службу в Забайкалье по протекции генерал-лейтенанта А.И. Кияшко, который в 1912 г. стал военным губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска.

Т.Ф. Лапик, выступивший под псевдонимом «Ф-чь», был осведомлен об этих обстоятельствах служебной карьеры П.П. Орлова, что отметил в первых строках своей рецензии: «Причиной, пробудившей военного человека (г. Орлов служил раньше у нас, в Войск. Штабе, а теперь в Забайкальск. обл.) заняться собиранием материала для “казачьей хрестоматии” (по его мнению, очевидно, должны быть дворянские, мещанские, крестьянские и проч. хрестоматии) послужила особая болезнь присвоения только себе патриотизма, понимаемого в особом “казачьем духе”, свойственном, может быть, только автору» [20. С. 214].

Объемная хрестоматия П.П. Орлова была разбита на семь достаточно хаотично составленных отделов, из которых первые четыре имели следующие названия – «Статьи общего характера», «Характеристики», «Статьи общего характера, рисующие нам различного рода типы людей» и «Из истории». При этом в отдел «Статьи общего характера» П.П. Орлов включал подборку стихов – от «Боже, Царя храни» Василия Жуковского и «Везде есть Бог» Федора Глинки до «Ночлега чумаков» Алексея Кольцова и «Нищих» Алексея Плещеева, отрывки из прозы Николая Гоголя и Льва Толстого. Не менее прихотливо были составлены и другие отделы хрестоматии – в «Статьи общего характера, рисующие нам различного рода типы людей» попали басни Ивана Крылова и отрывки из гомеровской «Илиады», заявленные как «Гектор и Андромаха» и «Приам в ставке Ахилла» (автором был указан Николай Гнедич).

Три последних отдела носили общий заголовок «Отчизноведение» и относились к географии Кубанской области и истории Кубанского казачьего войска, а шестой включал в себя статьи о городах Северного Кавказа (Екатеринодар, Владикавказ, Пятигорск, Кисловодск), некоторых промыслах и «Общем характере человека и природы на Кавказе».

Проанализировав труд П.П. Орлова и указав на официальный характер сведений в «отчизноведческих» отделах и на бессистемность «свода выжимок» из литературных произведений, Т.Ф. Лапик пришел к неутешительному для составителя хрестоматии заключению: «Составить хрестоматию, отражающую жизнь местного края, конечно, цель высокая. Правильно понимают задачи и цели подобного труда, конечно, только выдающиеся педагоги и целые коллективы их, все местные учителя. Для составления подобной хрестоматии надо начать с конца: употребить бы средства, потраченные на издание бесполезного сборника г. Орлова и покупку его станичными правлениями и школами, на действительное собирание лучшего готового материала и составление нового» [20. С. 215].

Краеведческая педагогика Т.Ф. Лапика

Так как в Кубанском Александровском реальном училище Т.Ф. Лапик работал учителем приготовительного класса, то в круг его преподавания входили такие предметы, как арифметика, рисование, правописание, классное и внеклассное чтение. За 1913/14 учебный год он провел вместо 429 положенных уроков – 539, что отдаленно отметил в своем годовом отчете, включенном в «Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища за 1913–1914 учебный год» [15. С. 59].

В разделе «Школьная практика» Т.Ф. Лапик в 1914 г. поместил небольшую статью «Бесполезные уроки и исправление письменных работ», в которой настаивал на необходимости творческого подхода к преподаванию русского языка: «Если учитель русского языка ограничится на уроках чистописания только тем, что выпишет четко и правильно на доске слова и выражения, в которых ученики допустили грубые ошибки, а ученики спишут потом в свои тетради с полным вниманием и хотением научиться писать грамотно, то это будет идеальное исправление ошибок с прекрасными результатами. Тогда не нужно будет нашего вредного подчеркивания красным чернилами ошибок с сопровождающей печатью двойки и единицы. Это методика – двойка, полочная система. Пожалеите детей, особенно теперь, в лютые время!» [21. С. 216].

Одним из итогов педагогической деятельности Т.Ф. Лапика в Кубанском Александровском реальном училище стало издание в 1916 г. в Екатеринодаре его «Задачника по арифметике. Для 3 и 4 отделений начальных школ, приготовительных и 1 классов средних учебных заведений и высших начальных училищ». Реклама данного учебника, в которой сообщалось, что многие задачи приводятся «с данными из жизни в Кубанской области», размещалась в «Кубанской школе» вплоть до конца 1917 г.

В рецензии на книгу Т.Ф. Лапика, размещенной в четвертом выпуске журнала «Кубанская школа» за 1916 г., учитель Армавирской мужской гимназии коллежский асессор В.К. Гинеевский подчеркивал положительные аспекты краеведческой направленности: «Задачник Лапика не желает считаться с установившейся традицией и вводит в школу на уроки арифметики современную подлинную жизнь, которая дает нам каждый день различные красноречивые цифры.

Вот, например, нынче все говорят о страшной дороговизне. Что же, разве в задачниках, изготавливающихся по выработанному уже шаблону найдете вы задачу на эту тему? Конечно нет. Из задач же, помещенных в задачник Лапика, мы узнаем, что в прошлом 1915 году цена, напр., на бумагу для печати поднялась на 200%, на таганрогскую подошву – тоже на 200%» [22. С. 210–211].

В своем задачнике Т.Ф. Лапик сообщал, что из-за отсутствия необходимого числа элеваторов в 1915 г. Кубанская область при продаже хлеба потеряла 9 млн рублей, а в 1913 г. на одну душу мужского пола на Кубани приходилось 1,6 ведра выпитой водки.

Кроме этого ученики подсчитывали, сколько казаков дает Кубанское казачье войско в мирное и военное время, во что обходится снаряжение пешего и конного казака, сколько пленных прошло через Минскую губернию за 15 месяцев войны и даже сколько весит 42-сантиметровая немецкая пушка.

Редактор-издатель московского журнала «Математический вестник» известный педагог-математик, автор учебников по алгебре и геометрии Н.А. Извольский, в свою очередь, не был в восторге от краеведческого наполнения задачника Т.Ф. Лапика: «Автор имеет в виду при составлении задачника и чисто математическую сторону дела <...> и практическую; последняя приурочена <...> к жизни Кубанской области. Здесь автор, следуя лозунгу “сблизить преподавание арифметики с жизнью”, приходит, по-видимому, к мысли о необходимости иметь свой особый задачник для каждой провинциальной единицы России» [23. С. 178].

Но Т.Ф. Лапика отзыв редактора «Математического вестника» особенно не смутил, и он даже опубликовал в 1916 г. в «Кубанской школе» две статьи в защиту своего задачника (в ней он публиковал примеры составленных им задач) – «Надо работать (мысли о задачах школы и самообразования учителя)» и «Две страницы из моего задачника». Кроме того, в журнале размещалась реклама его учебника вплоть до конца 1917 г. В статье «Надо работать (мысли о задачах школы и самообразования учителя)» он заявил следующее: «Достаточно сказать, что мы пятьдесят лет питаемся в школе и питаем наших детей учебниками-произведениями московских отдельных мастеров и целых компаний их. Да разве кубанская жизнь, история, география не заслуживают того, чтобы стать предметом ближайшего изучения в нач. школе, начиная с букваря и счета до десяти и кончая подлинным изучением этой жизни, слиянием с нею, отыскиванием задач из этой жизни и творческим построением посильных ответов на эти задачи? Задумывались ли над этим наши официальные руководители школы? Не задумывались и не поощряли к тому отдельных лиц, не отыскивали таковых, не сочувствовали им, за исключением некоторой живой струи в деятельности двух районов в последние два года.

Остается, значит, обратиться с горячим призывом к учащим и прежде всего к кубанцам, знающим родной край, любящим его» [24. С. 202].

Т.Ф. Лапик настаивал на необходимости включения краеведческого материала в учебный процесс, чтобы облегчить школьникам усвоение того или иного предмета. Новаторский подход к составлению математических задач привел его к созданию своеобразной краеведческой энциклопедии, отразившей историю повседневности и культурно-исторические реалии Кубанской области периода Первой мировой войны.

Последний год Т.Ф. Лапика в «Кубанской школе»

Финансовые дела «Кубанской школы» с 1916 г. складывались не лучшим образом, хотя поддержку журналу с самого начала издания оказывало Общество взаимного всепомоществования учащихся и учивших в

Кубанской области и Черноморской губернии, которое стало все больше влиять на редакционно-издательскую политику журнала. При открытии журнала Общество не имело возможности стать его официальным издателем в виду «отсутствия в уставе соответствующего параграфа», поэтому стать издателем было поручено председателю правления Общества Г.Д. Чернышеву. В 1915 г. по инициативе Общества было принято решение об организации постоянную редакционную коллегию в составе редактора, издателя, секретаря и одного члена правления по выбору.

В 1916 г. на общем собрании Общества после доклада Т.Ф. Лапика «был выдвинут вопрос о приобретении у Г.Д. Чернышева фирменного права на издание журнала от имени Общества» [16].

Решение о приобретении «фирменное право на издание» привело к смене не только издателя, но и редактора журнала – Б.М. Городецкий покинул «Кубанскую школу» в феврале 1916 г., а на его место в марте 1916 г. пришел казначей Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии С.С. Лизарев.

«Журнал “Кубанская школа” не приносил прибыли, о чем 3 января 1916 г. в докладе о финансовой отчетности за предыдущий год заявил секретарь редакции Т.Ф. Лапик, высказав “опасение за успешное продолжение издания в виду дороговизны бумаги с одной стороны и уменьшения числа сотрудников по случаю мобилизации с другой стороны”. Читательская аудитория журнала также оставляла желать лучшего – на 1 февраля 1916 г. число подписчиков составляло 375 человек, а общий дефицит достиг 827 руб.» [3. С. 37].

Тем не менее Т.Ф. Лапик (как секретарь редакции) продолжал поддерживать постепенно сокращавшуюся краеведческую направленность журнала и даже смог в первом номере «Кубанской школы» за 1917 г. разместить библиографический материал Б.М. Городецкого «Северо-Кавказская литература в 1916 году».

Общее ухудшение экономического состояния страны продолжилось и в 1917 г. В апреле этого года в Екатеринодаре прошел съезд учителей Кубанской области, принявший решение оказать материальную (в виде обязательной подписки) и моральную (статьи, заметки и сообщения в редакцию) помощь «Кубанской школе».

Но эти обещания не были реализованы – подписка не увеличилась, а ограниченное число авторов и возросшая стоимость бумаги и типографских расходов привели к тому, что пришлось объединять материалы и выпускать строенные (№ 6–7–8) и сдвоенные (№ 9–10) номера гораздо меньшего объема. Редактирование журнала перешло к преподавателю 2-й Екатеринодарской мужской гимназии П.Н. Колотинскому.

Ему пришлось вместе с Т.Ф. Лапиком столкнуться с еще одной проблемой – переходом России на новую орфографию: «Екатеринодарские школы, кроме коммерческого училища, торговой школы и школ духовного ведомства – духовного и епархиального училища, все перешли на новую орфографию. Насколько известно редакции, и в некоторых, правда, не во всех городах области, тоже перешли на новую орфографию.

Но станичные школы, особенно начальные, туго переходят на новую орфографию.

Между тем, конечно, и в видах единства правописания, и в видах скорейшего введения новой орфографии во всеобщее употребление, и в видах облегчения учащихся, необходимо всемерно способствовать введению новой орфографии. “Кубанская Школа” уже в № 6–8 поместила часть материала по новой орфографии. То же и в этой книжке. С первой книжки будущего года журнал будет печататься весь новой орфографией, и потому редакция просит сотрудников посылаемые статьи и заметки писать новой орфографией» [25. С. 3].

Проблема перехода на новую орфографию касалась не только преподавания в школе, но и подготовки новых номеров «Кубанской школы» – редакция просила авторов присылать свои материалы по новым правилам письма.

Тем не менее, несмотря на ожидаемые трудности, редакция журнала «Кубанская школа», позиционировавшего себя отныне как «Орган Кубанского объединенного учительства», объявила подписку на 1918 г.

Однако наступивший год привел к еще более драматическим переменам в Кубанской области – несколько раз менялась власть, и по приказу местного Совета народных депутатов бумага, заложенная в банке и принадлежащая объединенному кубанскому учительству и предназначавшаяся «Кубанской школе», была реквизирована в пользу партии левых эсеров для печатания их газеты «Знамя труда».

Что же касается Т.Ф. Лапика, то в 1917 г. он практически не публиковался, а в 1918 г., как и большинство представителей кубанского учительства, испытывал сильную нужду, что сказалось на состоянии его здоровья.

В фондах Государственного архива Краснодарского края удалось обнаружить письмо Т.Ф. Лапика, адресованное директору Кубанского Алексеевского реального училища В.В. Скидану и датированное 9 февраля 1919 г., в котором он сетует на тяжелое материальное положение, дороговизну и полуголодное существование: «Сейчас я в критическом положении, нечего послать на базар, нечем питаться. Я ишу частные училища, прошу в правительстве какую-либо должность; это все в проекте, в будущем.

Обращаюсь еще раз к Вам “Педагогическому Совету” с просьбой – оказать мне необходимую помощь любым способом из средств училища или через Ваше ходатайство из средств правительства (рублей 500–600).

Обращался к сослуживцам и с просьбой оказать другую помощь – направить один-два частных урока. И то и другое нужно мне немедленно, прожить в кредит и волноваться уже по другой причине» [26. Л. 3].

Март 1919 г. оказался последним в жизни Т.Ф. Лапика – в городе свирепствовал сыпной тиф.

Примечательно, что бывший редактор «Кубанской школы» Б.М. Городецкий сообщил о смерти бывшего секретаря этого журнала только через четыре года: «25-го марта 1919 года в г. Краснодаре от тифа скончался скромный педагог Тимофей Федорович Лапик, состоявший Членом Совета по Статистико-Экономической Секции. Покойный много работал как учитель-практик над

методическими вопросами по естествознанию, русскому языку и арифметике, а на учительских съездах, как деятельный член разных комиссий и в качестве сотрудника – секретаря журнала «Кубанская Школа», где напечатано немало его статей. Т.Ф. был очень осведомленным краеведом, но, к сожалению, в Совете Обследования, куда он вступил в начале 1919 года незадолго до смерти, ему не удалось проявить своей деятельности» [27. С. 85].

Заключение

Реконструкция биографии секретаря редакции екатеринодарского педагогического журнала «Кубанская школа» Т.Ф. Лапика позволила выявить одну из значимых тенденций в издательской политике данного периодического издания, сформулированной его первым редактором Б.М. Городецким, – совмещение собственноручно педагогического контента с краеведческим.

Фигура именно такого секретаря редакции была важна для Б.М. Городецкого в связи с тем, что Т.Ф. Лапик мог использовать опыт учителя начальной школы, включавшего краеведческий материал в процесс преподавания, при написании критических (разбор хрестоматии «Сборник материалов для казачьей хрестоматии Кубанского казачьего войска», составленной П.П. Орловым) и аналитических («Литературные чтения-беседы для учеников-мусульман») текстов для журнала и отстаивании своей позиции в понимании и популяризации насущных проблем литературного и исторического краеведения на Кубани.

При дальнейшем изучении материалов, опубликованных в журнале «Кубанская школа», предполагается показать роль Т.Ф. Лапика в привлечении кубанских учителей к сотрудничеству в этом издании, так как он хорошо знал педагогическую среду и творческий потенциал тех или иных авторов.

Показано, что Т.Ф. Лапик вместе с первым издателем «Кубанской школы» Г.Д. Чернышевым смог наладить тесную связь журнала «Кубанская школа» с Обществом взаимного всепомоществования учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии, что дало возможность продолжить выпуск журнала при смене его редакторов и включить «Кубанскую школу» в общую палитру местной периодики рассматриваемого периода.

Реклама в «Кубанской школе» составленного Т.Ф. Лапиком «Задачника по арифметике. Для 3 и 4 отделений начальных школ, приготовительных и 1 классов средних учебных заведений и высших начальных училищ», ставшего своеобразной краеведческой энциклопедией и отразившего реалии периода Первой мировой войны, стала важным шагом в описании и продвижении истории и культуры Кубанской области не только для преподавателей, но и для широкой читательской среды.

Отмечена высокая оценка деятельности Т.Ф. Лапика, данная одним из ведущих специалистов в области изучения литературы и культуры Северного Кавказа Б.М. Городецким, пригласившего Т.Ф. Лапика для работы в «Кубанской школе».

Впервые введены в научный оборот данные о дате и причинах смерти Т.Ф. Лапика.

Показаны и объяснены условия закрытия журнала «Кубанская школа», что позволяет определить тенденции развития и трансформации кубанской прессы в период Гражданской войны.

Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего изучения истории региональной журналистики и литературного краеведения, а также для более глубокого понимания взаимосвязи между прессой и системой образования в регионе, а также политическим дискурсом изучаемого периода.

Список источников

1. Слуцкий А.И. Из истории педагогической периодики Кубани // Федор Андреевич Щербина и народы Юга России: история и современность: сб. материалов IV междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2006. С. 310–316.
2. Слуцкий А.И. «По условиям задачи...»: архивный сюжет // Кубань: проблемы культуры и информатизации. 1995. № 1. С. 22–24.
3. Лучинский Ю.В., Безрукавая М.В. Краеведческая тематика на страницах кубанской педагогической прессы (1906–1918) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 31–39. doi: 10.17223/15617793/492/4
4. Азарная М.А. «Гимназия» (1888–1900 гг.) как образец провинциальной педагогической периодики Российской империи // I-формат. Журналистика провинции: Научно-публицистический альманах. Ставрополь, 2006. Вып. 2. С. 116–123.
5. Готалов-Готлиб А.Г. Русская педагогическая журналистика первой половины XIX в. и К.Д. Ушинский // Советская педагогика. 1941. № 3. С. 79–90.
6. Кондратьева Г.В. Из истории частных педагогических журналов второй половины XIX в. // Педагогика. 2002. № 2. С. 64–70.
7. Пузырева Л.В. О феномене русской педагогической журналистики (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 49–59.
8. Гончаров М.А. Русские педагогические журналы и их влияния на общее и педагогическое образование России середины XIX – начала XX вв. (К 150-летию со дня выхода журнала «Учитель») // Проблемы современного образования. 2011. № 4. С. 47–59.
9. Данилова А.Н. Развитие требований к личности и профессиональной компетентности учителя в русской педагогической мысли XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 2. С. 119–127.
10. Карпова В.В. Механизмы формирования периодической печатью общественного мнения по вопросам начального народного образования в конце XIX века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2008. Т. 4, № 4. С. 81–92.
11. Сутырина Т.А. Генезис гуманистических идей отечественного образования в педагогической публицистике : дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 174 с.
12. Фролова С.В., Ярихович Л.А., Шокурова А.А. Эволюция представлений о мировоззрении отечественного учителя в педагогической публицистике XIX века // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78–2. С. 294–297.
13. Царева Е.В. Значение периодической педагогической печати в развитии системы педагогического образования России на рубеже XIX и XX вв. // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 74–2. С. 290–294.
14. Чернявская Н.Э., Киреева Н.В. Педагогическая журналистика второй половины XIX века // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. 2012. № 3. С. 217–221.
15. Обзор деятельности Кубанского Александровского реального училища за 1913–1914 учебный год. Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1915. 250 с.

16. Протокол общего собрания членов Общества взаимного вспомоществования учащихся и учивших в Кубанской области и Черноморской губернии, состоявшегося 22 и 23 августа 1915 г. // Кубанская школа. Общественно-педагогический журнал. 1916. № 3. С. 14.
17. Журнал «Кубанская школа» // Кубанская школа. 1915. № 5. Приложение. С. 6–8.
18. Лапик Т. Литературные чтения-беседы для учеников-мусульман (окончание) // Кубанская школа. Общественно-педагогический журнал. 1914. № 2. С. 89.
19. [Городецкий Б.М.] Кубанская литературная летопись // Кубанская школа. Общественно-педагогический журнал. 1914. № 2. С. 110.
20. Ф-ч. П. Орлов «Сборник материалов для казачьей хрестоматии Кубанского казачьего войска». Екатеринодар. 1914 г. Т. I, стр. XIX + 648. // Кубанская школа. Общественно-педагогический журнал. 1914. № 4. С. 214.
21. Лапик Т. Бесплезные уроки и исправление письменных работ // Кубанская школа. Общественно-педагогический журнал. 1914. № 4. С. 216.
22. Гинеевский В., Лапик Т.Ф. Задачник по арифметике для учеников 3 и 4 отд. начальных школ, приготов. и первого клас. Средних учебных заведений и выш. нач. училищ. Цена 50 коп., 1916 г. Екатеринодар. Изд. Книжн. маг. «Дело». 120 стр. // Кубанская школа. Общественно-педагогический журнал. 1916. № 4. С. 210–211.
23. Извольский Н.А. Сведения о книгах по математике и ее методике // Математический вестник. Журнал, посвященный вопросам преподавания арифметики и начал алгебры и геометрии. М. [тип. Г. Лисснера и Д. Собко]. 1916. № 6 (октябрь). С. 177–183.
24. Лапик Т. «Надо работать (мысли о задачах школы и самообразования учителя)» // Кубанская школа. Общественно-педагогический журнал. 1916. № 4. С. 201–205.
25. От редакции // Кубанская школа. Общественно-педагогический и профессиональный журнал. 1917. № 9–10. С. 3.
26. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 552. Оп. 1. Д. 115.
27. Юбилейный сборник Совета обследования и изучения Кубанского края. 1917–1923. Краснодар, 1923. 88 с.

References

1. Slutskiy, A.I. (2006) [From the history of pedagogical periodicals of Kuban]. *Fyodor Andreyevich Shcherbina i narody Yuga Rossii: istoriya i sovremennost'* [Fyodor Andreyevich Shcherbina and the peoples of Southern Russia: History and modernity]. Proceedings of the 4th International Conference]. Krasnodar. pp. 310–316. (In Russian).
2. Slutskiy, A.I. (1995) "Po usloviyam zadachi...": arkhivnyy syuzhet ["According to the problem conditions...": An archival story]. *Kuban: problemy kultury i informatizatsii*. 1. pp. 22–24.
3. Luchinsky, Yu.V. & Bezrukavaya, M.V. (2023) The local history theme in the Kuban pedagogical press (1906–1918). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 492. pp. 31–39. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/492/4
4. Azarnaya, M.A. (2006) "Gimnaziya" (1888–1900 gg.) kak obrazets provintsialnoy pedagogicheskoy periodiki Rossiyskoy imperii ["Gymnasium" (1888–1900) as an example of provincial pedagogical periodicals in the Russian Empire]. *I-format. Zhurnalistsika provintsii: Nauchno-publitsisticheskii almanakh*. 2. pp. 116–123.
5. Gotalov-Gotlib, A.G. (1941) Russkaya pedagogicheskaya zhurnalistsika pervoy poloviny XIX v. i K.D. Ushinskiy [Russian pedagogical journalism of the first half of the 19th century and K.D. Ushinskiy]. *Sovetskaya pedagogika*. 3. pp. 79–90.
6. Kondratyeva, G.V. (2002) Iz istorii chastnykh pedagogicheskikh zhurnalov vtoroy poloviny XIX v. [From the history of private pedagogical journals in the second half of the 19th century]. *Pedagogika*. 2. pp. 64–70.
7. Puzyreva, L.V. (2012) O fenomene russkoy pedagogicheskoy zhurnalistiki (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [On the phenomenon of Russian pedagogical journalism (second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 1. pp. 49–59.
8. Goncharov, M.A. (2011) Russkie pedagogicheskie zhurnaly i ikh vliyaniya na obshchee i pedagogicheskoe obrazovanie Rossii serediny XIX – nachala XX vv. (K 150-letiyu so dnya vykhoda zhurnala "Uchitel") [Russian pedagogical journals and their influence on general and pedagogical education in Russia from the mid-19th to early 20th centuries (On the 150th anniversary of the journal "Uchitel")]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 4. pp. 47–59.
9. Danilova, A.N. (2018) Razvitiye trebovaniy k lichnosti i professionalnoy kompetentnosti uchitelya v russkoy pedagogicheskoy mysli XIX v. [Development of requirements for the personality and professional competence of a teacher in Russian pedagogical thought of the 19th century]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2. pp. 119–127.
10. Karpova, V.V. (2008) Mekhanizmy formirovaniya periodicheskoy pechaty obshchestvennogo mneniya po voprosam nachalnogo narodnogo obrazovaniya v kontse XIX veka [Mechanisms of forming public opinion on primary public education issues by the periodical press at the end of the 19th century]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 4 (4). pp. 81–92.
11. Sutyryna, T.A. (2011) *Genesis humanisticheskikh idey otechestvennogo obrazovaniya v pedagogicheskoy publitsistike* [The genesis of humanistic ideas in domestic education in pedagogical journalism]. Pedagogics Cand. Diss. Moscow.
12. Frolova, S.V., Yarikovich, L.A. & Shokurova, A.A. (2023) Evolyutsiya predstavleniy o mirovozzrenii otechestvennogo uchitelya v pedagogicheskoy publitsistike XIX veka [The evolution of ideas about the worldview of the domestic teacher in pedagogical journalism of the 19th century]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 78–2. pp. 294–297.
13. Tsareva, E.V. (2008) Znachenie periodicheskoy pedagogicheskoy pechati v razvitiy sistemy pedagogicheskogo obrazovaniya Rossii na rubezhe XIX i XX vv. [The significance of periodical pedagogical press in the development of pedagogical education in Russia at the turn of the 20th century]. *Izvestiya rossiyanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. No. 74–2. pp. 290–294.
14. Chernyavskaya, N.E. & Kireyeva, N.V. (2012) Pedagogicheskaya zhurnalistsika vtoroy poloviny XIX veka [Pedagogical journalism of the second half of the 19th century]. *Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova*. 3. pp. 217–221.
15. Anon. (1915) *Obzor deyatelnosti Kubanskogo Aleksandrovskego realnogo uchilishcha za 1913–1914 uchebnyy god* [Review of the activities of the Kuban Alexander Real School for the 1913–1914 academic year]. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya.
16. *Kubanskaya shkola*. (1916) Protokol obshchego sobraniya chlenov Obshchestva vzaimnogo vspomoshchestvovaniya uchashchikh v Kubanskoy oblasti i Chernomorskoj gubernii, sostoyavshegosya 22 i 23 avgusta 1915 g. [Minutes of the general meeting of the members of the Mutual Aid Society for Teachers and Former Teachers in the Kuban Region and the Black Sea Province, held on August 22–23, 1915]. 3. p. 14.
17. *Kubanskaya shkola*. (1915) Zhurnal "Kubanskaya shkola" [The journal "Kubanskaya Shkola"]. (1915) Kubanskaya shkola. No. 5. Prilozheniye. pp. 6–8.
18. Lapik, T. (1914) Literaturnyye chteniya-besedy dlya uchenikov-musulman (okonchaniye) [Literary readings-conversations for Muslim students (conclusion)]. *Kubanskaya shkola*. 2. p. 89.
19. [Gorodetskiy, B.M.] (1914) Kubanskaya literaturnaya letopis [Kuban literary chronicle]. *Kubanskaya shkola*. 2. p. 110.
20. F-ch, P. (1914) Orlov "Sbornik materialov dlya kazachy khrestomatii Kubanskogo kazachyego voyska". Ekaterinodar. 1914 g. T. I, str. XIX + 648 [Orlov "Collection of materials for the Cossack reader of the Kuban Cossack Host". Ekaterinodar. 1914. Vol. I. pp. XIX + 648]. *Kubanskaya shkola*. 4. p. 214.
21. Lapik, T. (1914) Bespleznye uroki i ispravleniye pis'mennykh rabot [Useless lessons and correction of written works]. *Kubanskaya shkola*. 4. p. 216.
22. Gineevskiy, V. & Lapik, T.F. (1916) Zadachnik po arifmetike dlya uchenikov 3 i 4 otd. nachalnykh shkol, prigotov. i pervogo klas. Srednikh uchebnykh zavedeniy i vysh. nach. uchilishch. Tsena 50 kop., 1916 g. Ekaterinodar. Izd. Knizhn. mag. "Delo". 120 str. [Arithmetic problem book

for students of the 3rd and 4th departments of primary schools, preparatory and first grades of secondary schools and higher primary schools. Price 50 kopecks, 1916. Ekaterinodar: "Delo" Bookstore Publishing House. 120 p.]. *Kubanskaya shkola*. 4. pp. 210–211.

23. Izvol'skiy, N.A. (1916) Svedeniya o knigakh po matematike i yeye metodike [Information on books on mathematics and its methodology]. *Matematicheskiy vestnik. Zhurnal, posvyashchennyy voprosam prepodavaniya arifmetiki i nachal algebry i geometrii*. 6 (October). pp. 177–183.
24. Lapik, T. (1916) "Nado rabotat (mysli o zadachakh shkoly i samoobrazovaniya uchitelya)" ["We must work" (thoughts on the tasks of the school and teacher self-education)]. *Kubanskaya shkola*. 4. pp. 201–205.
25. *Kubanskaya shkola*. (1917) Ot redaktsii [From the editors]. 9–10. p. 3.
26. State Archive of Krasnodar Krai. Fund 552. List 1. File 115.
27. Anon. (1923) *Yubileyny sbornik Soveta obsledovaniya i izucheniya Kubanskogo kraya. 1917–1923* [Jubilee collection of the Council for the Survey and Study of the Kuban Region. 1917–1923]. Krasnodar.

Информация об авторах:

Лучинский Ю.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: lyv22@mail.ru

Безрукавая М.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: sea_pearl_@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Yu.V. Luchinsky, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: lyv22@mail.ru

M.V. Bezrukavaya, Dr. Sci. (Philology), professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: sea_pearl_@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.06.2024;
одобрена после рецензирования 11.10.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 30.06.2024;
approved after reviewing 11.10.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 811.581
doi: 10.17223/15617793/509/4

Дифференциация синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «публиковать»: корпусное исследование

Евгения Сергеевна Мальцева¹, Софья Андреевна Маннапова²

¹ Переводчик-фрилансер, Москва, Россия, zhenya.maltseva.maltseva@mail.ru

² Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, simatovasa@mgpu.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвящённого семантической и функциональной дифференциации пяти синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «публиковать». Исследование проведено на основе анализа контекстов из китайского лингвистического корпуса. Особое внимание уделено сравнению лексической сочетаемости глаголов с существительными в функции подлежащего и дополнения, а также особенностям их грамматической сочетаемости. Сделан вывод о дифференциальных семах в составе значений рассматриваемых синонимичных глаголов.

Ключевые слова: синонимы, синонимичные глаголы, лингвистический корпус ВСС, корпусный анализ, компонентный анализ, современный китайский язык, дифференциальная сема

Для цитирования: Мальцева Е.С., Маннапова С.А. Дифференциация синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «публиковать»: корпусное исследование // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 44–54. doi: 10.17223/15617793/509/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/4

Differentiation of synonymous verbs of Modern Chinese with the meaning "to publish": Corpus-based research

Evgenia S. Maltseva¹, Sofya A. Mannapova²

¹ Freelance translator and interpreter, Moscow, Russian Federation zhenya.maltseva.maltseva@mail.ru

² Moscow City University, Moscow, Russian Federation, simatovasa@mgpu.ru

Abstract. The aim of this article is to identify and describe differential senses of synonymous verbs in Modern Chinese conveying the meaning "to publish". The work's relevance stems from the unresolved problem of distinguishing between these synonymous verbs, as evidenced by analysis of scholarly works, Russian-Chinese translation dictionaries, Chinese defining dictionaries, collocation dictionaries, and synonym dictionaries. Its scientific novelty lies in proposing a functional-semantic differentiation of five synonymous Modern Chinese verbs for "to publish" based on 500 randomly selected contexts from the Beijing Language and Culture University Corpus (BLCU Corpus Center – BCC), employing componential analysis and corpus analysis methods through a two-part research structure: (1) analyzing verb definitions from three Chinese dictionaries, and (2) selecting and analyzing corpus contexts. The verbs were compared across five criteria: (a) lexical collocation with subject/object nouns (100 contexts per verb); (b) collocation with tense-aspect suffixes (了, 过, 着); (c) collocation with prepositions (向, 在, 给, 跟, 对); (d) complement collocation; and (e) verb reduplication patterns. The results reveal that semantic distinctions primarily emerge through lexical collocation differences, as each verb demonstrates preference for specific subject/object noun pairings and carries unique connotations that prevent free interchangeability without considering situational context: the verb 颁布 specifically denotes authoritative dissemination of laws/orders from higher to lower authorities; 公布 conveys public announcement of information (statistics, data, results); 发布 indicates information publication across print/digital media formats; 发表 implies personal viewpoint expression (opinions, critiques); while 发出 refers to issuing notifications, orders, or signals.

Keywords: synonyms, synonymous verbs, BCC Corpus, corpus analysis, componential analysis, Modern Standard Chinese, differential senses

For citation: Maltseva, E.S. & Mannapova, S.A. (2024) Differentiation of synonymous verbs of Modern Chinese with the meaning "to publish": Corpus-based research. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 44–54. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/4

Введение

Вопросы синонимии в китайском языке и подходы к её научному изучению активно исследуются в российской китаистике. Так, А.Л. Семенас, И.Д. Кленин и В.Ф. Щичко рассматривали синонимы в зависимости от степени совпадения их значений и возможности взаимозаменяемости [1. С. 127–129; 2. С. 34]. А.А. Реформатский отмечал свойство синонимов к образованию синонимических рядов и их последующее разделение по сфере употребления [3. С. 52]. В.И. Горелов применял метод сопоставления для выявления особых значений и функций отдельных синонимов, оценивая различия в их семантических оттенках, эмоционально-экспрессивно-оценочных и функционально-стилистических коннотациях [4. С. 122].

Для изучения частных случаев синонимии широко применяется метод компонентного анализа. В рамках исследований на базе компонентного анализа происходит разложение слова на семы (минимальные компоненты значения) с учётом контекста, ситуации и дистрибуции (непосредственного окружения слова) [5. С. 133–135]. Синонимичные лексические единицы сравниваются на основе выявленных дифференциальных признаков, которые, в свою очередь, соотносятся с дифференциальными семами [6. С. 109]. Так, лингвист Д.А. Карпека изучал глаголы синонимического ряда современного китайского языка в значении «осуществлять», сравнивая их по оттенку значения и грамматической сочетаемости с дополнениями [7. С. 236–237]. Научные исследования, посвящённые группе глаголов современного китайского языка со значением «публиковать», немногочисленны.

Например, в работе Чжао Хуаня есть упоминание таких глаголов, как 发表, 宣布, 宣言, 宣告, которые в отдельных контекстах могут быть переведены как «публиковать» или «объявлять», однако в рассматриваемом исследовании они приводятся лишь как составляющие другой большой группы 言说类动词 (глаголы говорения), т.е. их анализ не является приоритетом исследования [8. С. 27–28].

Обращение к справочной литературе также не даёт полного представления о принципиальной разнице лексических единиц, входящих в синонимический ряд глаголов со значением «публиковать»: толковые, переводные словари, словари сочетаемости слов и словари синонимов китайского языка обладают рядом недостатков и функциональных ограничений.

При первичном обращении к переводным и толковым русско-китайским словарям можно отметить, что они действительно отражают разнообразие глаголов рассматриваемого синонимического ряда (например, 公布, 发布, 发表, 发出, 刊登 и др.), однако в большинстве соответствующих словарных статей лексическая единица сопровождается только переводом без примеров употребления [9–12]. Нередко используется объяснение отдельно взятого

глагола через распространённые в употреблении синонимы 发布 или 宣布 без сопутствующих комментариев о разнице значений [13]. Имеет место полное совпадение примеров употребления без указания на возможность или невозможность взаимозаменяемости глаголов в контексте, например: 颁布/发布命令 (издать приказ) [14].

Словари сочетаемости китайского языка дают достаточно полное описание функционала отдельно взятых глаголов, даже если и не охватывают весь синонимический ряд. Глаголы могут сравниваться по критерию сочетаемости с предлогами и видовременными показателями, наречиями, дополнениями кратности, образа действия и результата [15], а также по сочетаемости с существительными в роли подлежащего и дополнения [16]. Другой важный критерий сравнения – сфера употребления и оттенки значения.

Словари синонимов китайского языка подробно описывают разницу значений синонимичных глаголов данной группы, однако не приводят анализ полного синонимического ряда, уделяя внимание отдельно взятым синонимическим парам. Так, в словарных статьях словарей синонимов чаще всего рассматриваются парно следующие четыре глагола синонимического ряда глаголов со значением «публиковать»: 宣布, 公布, 颁布 и 发表 (а 发布 и 发出, например, не рассматриваются). Анализируя данные «Словаря синонимов» 1996 г. (同义词词典) [17], словаря «1 700 пар синонимов китайского языка: употребление и сравнение» (1 700 对近义词语用法对比) [18] и «Словаря синонимов, близких слов, антонимов и полифонов» (同义词、近义词、反义词、组词、造句、多音多义字词典) [19], можно сделать вывод, что в подобных словарях пары глаголов сравниваются на предмет наличия у отдельной лексической единицы собственного оттенка значения и стилистической окрашенности, а также по сочетаемости с существительными в роли дополнения, с наречиями и видовременными суффиксами, хотя данный набор критериев сравнения не универсален и может варьироваться от словаря к словарю.

Таким образом, актуальность проведённого исследования обусловлена необходимостью проведения подробного семантического и функционального анализа синонимичных глаголов со значением «публиковать» в связи с их неполным, несистемным и недостаточно детальным описанием в существующей на данный момент научной и справочной литературе.

Цель настоящей статьи – представление результатов исследования, посвященного дифференциации пяти синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «публиковать» с привлечением данных самого объёмного на данный момент лингвистического корпуса современного китайского языка ВСС корпусного центра при Пекинском университете языка и культуры (BLCU Corpus Center – ВСС) [20].

Характеристика языкового материала и методика исследования

Основными задачами настоящего исследования стали следующие:

- 1) отбор синонимичных глаголов со значением «публиковать» на основе учебника «Китайский язык. Общественно-политический перевод. Начальный курс» под редакцией И.В. Войцехович и А.Ф. Кондрашевского [21];
- 2) анализ и сравнение словарных дефиниций отобранных синонимичных глаголов;
- 3) формирование языкового материала исследования в виде контекстов употребления глаголов с использованием лингвистического корпуса ВСС [20];
- 4) анализ языкового материала исследования и определение дифференциальных сем в составе глагольных значений.

На начальном этапе исследования источником отбора синонимичных глаголов современного китайского языка со значением «публиковать» (颁布, 公布, 发布, 发表, 发出) послужил учебник «Китайский язык. Общественно-политический перевод. Начальный курс» под редакцией И.В. Войцехович и А.Ф. Кондрашевского [21]. Упомянутый учебник включает аутентичные тексты, максимально приближенные к реальным материалам по общественно-политическому переводу в профессиональной деятельности переводчика, таким образом, представленные в учебнике тексты (а также связанные с ними синтагмы и упражнения) наглядно иллюстрируют лексические и грамматические особенности общественно-политического дискурса, а также те проблемы, с которыми может столкнуться специалист при переводе текстов данной направленности, в том числе проблему синонимичных лексических единиц. Анализ материалов учебника показал, что глаголы синонимического ряда со значением «публиковать» (а именно глаголы 颁布, 公布, 发布, 发表, 发出) встречаются в текстах довольно часто, при этом наблюдается полное отсутствие справочного материала об особенностях их дифференциации. Таким образом, анализ рассматриваемого синонимического ряда глаголов, помимо учебно-справочных потребностей студентов и преподавателей, занимающихся по данному учебнику, удовлетворяет потребность практикующих переводчиков в разграничении синонимичных глаголов для более точного и грамотного перевода в области общественно-политического дискурса.

Следует отметить, что выводы настоящего исследования основаны на анализе конкретных пяти глаголов-синонимов несмотря на то, что сам по себе синонимический ряд глаголов в значении «публиковать» не ограничивается исключительно ими.

Общий алгоритм анализа для каждого глагола включал два этапа. На первом этапе производился ана-

лиз словарных значений глагола на базе толкового словаря современного китайского языка (现代汉语词典) [13], китайско-русского словаря Шанхайского института иностранных языков (汉俄词典) [14] и словаря поисковой системы «Байду» (百度词典) [22]. На втором этапе осуществляется анализ контекстов употребления глаголов из лингвистического корпуса ВСС [20].

Выбор корпусного анализа в качестве основного метода исследования объясняется эффективностью его применения для анализа синонимичных лексических единиц. Корпусный анализ позволяет охватить большой объем данных и выявить определённые семантические признаки слов через анализ их употребления в составе тех или иных языковых выражений и синтаксических конструкций [8. С. 3–6]. Применение лингвистических корпусов также даёт возможность решать сразу несколько исследовательских задач: грамматический и стилистический анализ, выявление семантической сочетаемости и др.

В настоящее время ведущими лингвистическими корпусами Китая являются: корпус современного китайского языка, корпус CLL при Пекинском университете, корпус ВСС и корпус Синика [23. С. 159–172]. В нашем исследовании мы опирались исключительно на данные лингвистического корпуса ВСС. Выбор корпуса обусловлен тем, что на данный момент он является самым объёмным корпусом китайского языка в мире (15 млрд иероглифов) [8. С. 3–4], обладает наиболее доступным и понятным функционалом и способен производить поиск по стилям.

В настоящем исследовании корпусный анализ применялся в сочетании с компонентным анализом (КА). Метод КА применим для исследования минимальных единиц плана содержания, также называемых дифференциальными признаками, семантическими компонентами и т.д. (далее «семь») [24. С. 184–185]. Обязательным условием отнесения лексических единиц к одной синонимической парадигме является наличие у них хотя бы одного общего и хотя бы одного дифференциального признака.

В ходе исследования все контексты употребления рассматриваемых синонимичных глаголов были проанализированы по пяти пунктам:

- 1) сочетаемость с существительными: после введения конкретного запроса из всех выданных корпусом результатов случайным образом было отобрано 100 контекстов употребления каждого глагола (50 контекстов с существительными в функции подлежащего (т.е. субъекта действия) и 50 контекстов с существительными в функции прямого дополнения (т.е. объекта действия));
- 2) сочетаемость с предлогами: рассматривались все контексты употребления глаголов с предлогами 在, 给, 对, 向 и 跟;
- 3) возможность присоединения дополнительных элементов: для отбора контекстов осуществлялся поиск по корпусу с помощью служебного слова 把;

4) сочетаемость с видовременными суффиксами: рассматривались все контексты употребления глаголов с суффиксами 了, 过 и 着;

5) возможность редупликации (удвоения) глагола.

Анализ словарных значений синонимичных глаголов со значением «публиковать»

Прежде чем обратиться к лингвистическому корпусу, необходимо было внимательно изучить словарные значения рассматриваемых глаголов (см. табл. 1–5).

Таким образом, глагол 颁布 функционирует в двух основных значениях: 1) «публиковать/издавать» 颁布

法令 (публиковать законы) [13, 14, 22]; 2) «обнародовать/объявлять/декретировать»: 颁布宪法 (обнародовать конституцию) [14, 22].

Следует отметить, что глагол «декретировать», указанный в словаре как один из вариантов русскоязычного перевода 颁布, в отличие от остальных вариантов перевода, акцентирует внимание не на факте обнародования, а на факте установления посредством декрета или категорического приказа. С нашей точки зрения, данный вариант перевода является спорным, поскольку в китайском глаголе обе морфемы как раз подчеркивают факт обнародования (颁 – обнародовать, доводить до всеобщего сведения; 布 – публиковать, распространять).

Таблица 1

Словарные значения глагола 颁布

Значение	Примеры	Источники
1. Публиковать, издавать (公布, 发布)	颁布法令 (публиковать законы) 颁布命令 (издавать приказ)	《现代汉语词典》 《百度词典》 《汉俄词典》
2. Обнародовать, объявлять, декретировать (宣布)	颁布宪法 (обнародовать конституцию) 颁布条例 (обнародовать правила)	《百度词典》 《汉俄词典》

Таблица 2

Словарные значения глагола 公布

Значение	Примеры	Источники
Опубликовывать, оглашать, предавать гласности (使大家知道, 公开发布)	公布干部名单 (опубликовать списки кадров) 此件不得公布 (данный документ не подлежит оглашению/опубликованию) 公布账目 (опубликовать счета) 公布于众 (объявить общественности)	《汉俄词典》 《现代汉语词典》 《百度词典》

Таблица 3

Словарные значения глагола 发布

Значение	Примеры	Источники
Опубликовывать, издавать (宣布, 发表)	发布指示 (издать/опубликовать распоряжение) 发布新闻 (опубликовать новость)	《现代汉语词典》 《百度词典》 《汉俄词典》

Таблица 4

Словарные значения глагола 发表

Значение	Примеры	Источники
1. Высказывать, излагать (向集团或社会表达)	发表意见 (изложить мнение) 发表看法 (высказать соображения)	《现代汉语词典》 《百度词典》 《汉俄词典》
2. Выступать (宣布)	发表讲话 (выступить с речью) 发表声明 (сделать заявление)	《现代汉语词典》 《百度词典》 《汉俄词典》
3. Опубликовывать в печатном виде, печатать, издавать (在刊物上刊登)	发表论文 (публиковать статью) 在墙报上发表 (публиковать в стенгазете)	《现代汉语词典》 《百度词典》 《汉俄词典》

Словарные значения глагола 发出

Значение	Примеры	Источники
1. Опубликовать (发布, 发表)	发出命令 (<i>издавать приказ</i>)	《现代汉语词典》 《百度词典》
2. Издавать (放出, 发生), излучать (放射), выпускать	发出声音 (<i>издавать звук</i>) 发出气味 (<i>издавать запах</i>) 发出光和热 (<i>излучать свет и тепло</i>) 发出最后一颗子弹 (<i>выпустить последнюю пулю</i>)	《现代汉语词典》 《百度词典》 《汉俄词典》
3. Отправлять (送出)	发出货物 (<i>отправлять товар</i>)	《现代汉语词典》 《百度词典》
4. Давать, передавать	发出警报 (<i>поднять тревогу</i>) 发出信号 (<i>подать сигнал</i>)	《汉俄词典》
5. Выезжать, выдвигаться (开出)	发出车辆 (<i>выкатить автомобиль</i>)	《现代汉语词典》 《百度词典》

Несмотря на различные варианты русскоязычного перевода в словаре, глагол 公布 функционирует фактически в одном основном значении, связанном с доведением некоторой информации до всеобщего сведения [13, 14, 22].

Таким образом, глагол 发布 функционирует в одном основном значении «опубликовать/издавать» [13, 14, 22]. Русскоязычный перевод «издавать» в одном из словарей указывает на смысловой акцент в значении глагола 发布 на обнародовании конкретного документа, что подтверждается примерами сочетаемости глагола, приведенными в табл. 3.

Таким образом, глагол 发表 функционирует в трёх значениях: 1) «высказывать/излагать» [13, 14, 22]; 2) «выступать» [13, 14, 22]; 3) «опубликовать в печатном виде/печатать/издавать» [13, 14, 22]. При этом очевидно, что указанные значения четко разделяются на две группы: 1 и 2 – обнародование в устной форме, 3 – обнародование в письменной/печатной форме.

Таким образом, глагол 发出 является самым многозначным среди рассматриваемых глаголов: 1) «опубликовать» [13, 22]; 2) «издавать/излучать/выпускать» [13, 14, 22]; 3) «отправлять» [13, 22]; 4) «давать/передавать» [22]; 5) «выезжать/выдвигаться» [13, 22]. Из табл. 5 видно, что большая часть значений данного глагола связана не с обнародованием информации, а скорее с передвижением и перемещением, в связи с чем логично предположить, что и значение «публиковать» у данного глагола будет отличаться бóльшим акцентом именно на перемещении информации от адресанта к адресату.

Анализ лексической сочетаемости глаголов с существительными в функции подлежащего и дополнения

Глагол 颁布 сочетается преимущественно с неодушевлёнными конкретными существительными в роли

подлежащего (>40 контекстов), а также с одушевлёнными именами существительными, среди которых встречаются и имена собственные: 朱元璋颁布 (*Чжу Юаньчжан обнародовал*) – 4 контекста. Субъектом действия выступают: 1) уполномоченные органы/официальные названия государственных органов: 清政府颁布 (*правительство Цин объявило*), 中央人民政府委员会颁布 (*Центральное народное правительство опубликовало*), 市政府颁布 (*власти города объявили*) – 33 контекста 2) наименования стран: 日本颁布 (*Япония опубликовала*) – 8 контекстов. Глагол сочетается с неодушевлёнными конкретными двуморфемными дополнениями (50 контекстов): 法规 (*нормативный акт*), 命令 (*приказ*), 法律 (*закон*), 法令 (*законы и указы*), 条例 (*правила*) и др.

Глагол 公布 широко сочетается с существительными в функции подлежащего, обозначающими официальные названия государственных органов, министерств, департаментов и, в особенности, «бюро» (13 контекстов): 国家统计局公布 (*ГСУ опубликовало*), 防部公布 (*министерство обороны опубликовало*). В функции подлежащего глагол также сочетается с существительными-названиями стран (3 контекста) и компаний (11 контекстов). В большинстве случаев глагол сочетается с неодушевлёнными конкретными двуморфемными дополнениями (48 контекстов), из которых наиболее частотными являются 结果 (*результат*) и 成绩 (*достижения, успехи*) – 12 контекстов, 方案 (*проект*) – 4 контекста, 名单 (*список*) – 5 контекстов, 数据 (*данные*) – 4 контекста, 价格 (*цена*) – 3 контекста и др.

Глагол 发布 широко сочетается с конкретными неодушевлёнными существительными в функции подлежащего (44 контекста). Наиболее часто субъектом действия выступает бюро/управление или конкретная

компания, что также указывает на широкую сочетаемость с именами собственными (42 контекста): 苹果发布 (компания Apple опубликовала), 记者钟慧发布 (репортёр Чжун Хуэй опубликовал) и др. Глагол сочетается с конкретными двуморфемными существительными в функции дополнения (50 контекстов). Наиболее часто в роли дополнения выступают такие слова, как 公告 (оповещение) – 17 контекстов, 报告 (сообщение, доклад) – 7 контекстов, 消息 (новость, известие) – 7 контекстов, 声明 (заявление) – 4 контекста, 信息 (информация) – 2 контекста. Например, 华为公司发布消息 (компания Huawei опубликовала новость).

Глагол 发表 сочетается как с одушевлёнными (25 контекстов), так и с неодушевлёнными (25 контекстов) именами существительными в функции подлежащего. Наиболее часто субъектом действия выступают: 1) физические лица (представители, политики и др.) – 邓小平同志发表了 (товарищ Дэн Сяопин издал); 2) официальные объединения (союзы, комитеты, советы, собрания и др.) – 和平委员会发表 (Комиссия по установлению мира издала). Глагол широко сочетается с двусоставными неодушевлёнными существительными в функции дополнения. Примеры сочетаемости с конкретными существительными:

声明 (заявление) – 18 контекстов, 评论 (комментарий, критика) – 8 контекстов, 文章 (статья) – 5 контекстов. Примеры сочетаемости с абстрактными существительными: 发表讲话 (выступить с речью) – 10 контекстов, 发表意见 (выразить точку зрения) – 2 контекста.

Глагол 发出 сочетается с конкретными одушевлёнными (31 контекст) и неодушевлёнными (19 контекстов) существительными в роли подлежащего. Субъектами действия выступают: 1) названия министерств и объединений (19 контекстов) – 公安部发出 (министерство общественной безопасности сразу выпустило); 2) должности (10 контекстов) – 记者发出 (журналист выразил) и др. Данный глагол сочетается с широким кругом неодушевлённых абстрактных существительных в функции прямого дополнения, среди которых особое место занимают абстрактные существительные, имеющие отношение к звукам: 呼声 (клич), 声音 (звук), 响声 (шум), 笑声 (смех) и др.

Анализ грамматической сочетаемости глаголов

Сочетаемость рассматриваемых глаголов с предлогами наглядно представлена в табл. 6.

Таблица 6

Сочетаемость глаголов с предлогами

Предлог	颁布	公布	发布	发表	发出
向	+	+	+	+	+
给	–	+	+	+	+
在	+	+	+	+	+
对	–	–	+	+	+
跟	–	–	–	+	–

Глагол 颁布 в основном встречается с предлогом 向, указывающим на адресата действия: 向全国颁布 (обнародовать для всей страны). Также сочетается с предлогом 在 в препозиции к глаголу: 在年会闭幕式上颁布 (опубликовать на церемонии закрытия ежегодной конференции).

Глагол 公布 широко сочетается с предлогом 向, вводящим адресата действия: 社会 (общество), 人民 (народ), 市人 (горожане), 公众 (публика). Например: 向全世界公布 (объявить всему миру); 向社会公布 (объявить общественности). Глагол сочетается с предлогом 给 в препозиции и постпозиции: 给他们公布 (объявить им); 公布给大家 (объявить для всех). Встречается с предлогом 在 в препозиции и постпозиции: 在大屏幕上公布 (объявить на большом экране); 公布在互联网上 (опубликовать в Интернете). Предлог 在 указывает на место размещения информации, самыми распространёнными являются площадки СМИ и общественные места: 互联网 (сеть

Интернет), 媒体 (СМИ), 微博 (Weibo), 告示栏 (доска для объявлений) и др.

Глагол 发布 сочетается с предлогом 在: 发布在 Youtube 上 (выложить на Youtube). Также глагол сочетается с предлогами 给, 向, 对, вводящими адресата действия: 把信息发布给会员 (распространить информацию для участников); 对新闻界发布消息 (дать информацию для прессы); 向社会发布消息 (передать информацию общественности).

Глагол 发表 сочетается с предлогом 在, вводящим обстоятельство места: 发表在 1985 年第 2 期的《中国作家》上 (опубликовать во втором номере журнала «Китайские писатели» от 1985 года). Также сочетается с предлогами 向, 对, 给: 向新闻界发表一份声明 (сделать заявление для прессы); 对世界发表 (объявить миру); 给学生发表意见 (высказать предложение студентам).

Из рассматриваемого синонимического ряда только 发表 сочетается с предлогом 跟 и, как правило,

только в единичных контекстах: 我老婆有一次私下就跟我发表过感慨。(Моя жена однажды наедине поделилась со мной своими переживаниями.).

Глагол **发出** сочетается с предлогом **向**: 向男人发出战书 (выдать мужчинам повестку). Также сочетаем с предлогами **在**, **对** и **给**: 在空中发出“砰”、“啪”的声音

(сделать хлопок в воздухе); 对总理发出邀请 (отправить приглашение премьер-министру); 给布什总统发出一个信息 (отправить информацию президенту Бушу).

Сочетаемость рассматриваемых глаголов с дополнительными глагольными элементами представлена в табл. 7.

Таблица 7

Сочетаемость с дополнительными элементами

Дополнительный элемент	颁布	公布	发布	发表	发出
下去	+	—	—	—	—
下来	+	+	—	—	—
出来	—	+	+	+	—
出去	—	+	+	+	—
到	—	+	+	+	—
完	—	—	+	—	—
一下	—	+	—	+	+

Глагол **颁布** обычно не сочетается с дополнительными элементами, хотя в художественных произведениях возможны единичные сочетания с дополнительными элементами направления в переносном значении, такими как **下去** и **下来**: 我已颁布下去 <...> 只要方少侠喜欢, 往哪里走、做甚么都行. (Я уже объявил <...>, нужно только, чтобы воину Фану понравилось, и можно идти куда угодно, делать, что угодно.); 一条法律颁布下来, 不但金钱没有保障, 连自由、生命也没有保障. (Публикация закона не только не гарантирует денег, но даже свободу и жизнь не гарантирует.).

Глагол **公布** широко сочетается с такими дополнительными элементами направления, как **出来**, **出去** и **下来**, а также с дополнительным элементом результата **到**: 公布出来后 (после опубликования); 把照片公布出去 (выложить фотографии); 把优秀学生的名单公布下来 (объявить список отличников); 公布到网上 (опубликовать в Интернете). Также глагол сочетается с элементом **一下**: 有个小活动要公布一下 (Есть мероприятие, о котором нужно объявить).

Глагол **发布** сочетается с дополнительным элементом результата **完**: 发布完命令后 (после издания приказа). Также сочетается с дополнительными элементами направления **到**, **出去** и **出来**: 可马上发布到个人网站上 (можно сразу опубликовать на персональной странице); 可以把信息发布出去 (информация может быть обнародована); 您照片搞好没, 今晚上能发布出来吗? (Ты уже обработал фотографии? Получится ли сегодня вечером опубликовать?).

Глагол **发表** сочетается с дополнительными элементами направления **出来**, **出去** и **到**: 能发表出来就不错了. (Если можете опубликовать, уже неплохо.); 我们该把手头的情况发表出去. (Нам следует обнародовать то, что есть.); 发表到博客里 (опубликовать в блоге).

Сочетается с дополнительным элементом **一下**, указывающим на краткость совершения действия: 来发表一下你自己的观点吧. (Приходи высказать своё мнение.).

Глагол **发出** сочетается с дополнительными элементами направления **来** и **去**, однако в этом случае это уже скорее сочетаемость односложного глагола **发** (发 + **出来**, 发 + **出去**), нежели рассматриваемого двуслога **发出**: 在微博上发出来 (выложить на Weibo); 今晚才发现, 那么多的短信一直没有发出去. (Только сегодня узнал, как много текстовых сообщений не было отправлено.). Глагол **发出** же обычно не сочетается с дополнительными элементами, за исключением **一下**, указывающим на кратковременность действия: 发出一下响声 (издать шум).

Сочетаемость с видовременными суффиксами. Глаголы **颁布**, **公布**, **发布**, **发表** и **发出** свободно сочетаются с суффиксами **了** и **过**, однако глагол **颁布**, в отличие от остальных, не употребляется с суффиксом **着**.

Возможность редупликации глагола. Глаголы **颁布**, **公布** и **发出** не употребляются в удвоенной форме, однако возможны единичные случаи удвоения глаголов **发布** и **发表**: 正式发布发布 8GB iPhone4 合约价格 (официально обнародовать договорную цену на смартфон Apple iPhone4 8GB); 发表发表看法 (выражать точку зрения).

Полагаем, что удвоенная форма не характерна для данного синонимического ряда по причине оттенка результативности в значении «публиковать» в принципе, кроме того, если речь идет об обнародовании какого-либо документа, непринуждённый характер действия, как правило задаваемый удвоенной формой глагола, становится абсолютно неуместным. Наиболее способным к удвоению можно считать глагол **发表** в тех случаях, когда он указывает на выражение мнения в устной форме в непринуждённой обстановке: 大家都发表发表看法吧. (Давайте все выскажутся.).

Выводы и заключение

Ключевые различия рассмотренных в статье синонимичных глаголов представлены в табл. 8–10.

Анализируя данные обобщающих таблиц, можно утверждать, что грамматическая сочетаемость глаголов с предлогами, дополнительными элементами и видовременными суффиксами относится к второстепенным факторам дифференциации. Основными дифференцирующими признаками являются: оттенки значения глагола (наличие или отсутствие та-

кого оттенка), а также сочетаемость глагола с существительными в функциях подлежащего и дополнения. Исходя из этого мы можем охарактеризовать рассмотренные в статье синонимичные глаголы следующим образом.

Глагол 颁布 обладает устойчивым лексическим значением «публиковать/издавать». Субъектом действия выступают правительства, наименования стран, высшие руководящие органы или лидеры, целью которых является донесение информации до нижестоящих инстанций о чём-то важном и обязательном к исполнению.

Таблица 8

Дифференциальные семы глаголов в значении «публиковать»: результаты анализа словарных дефиниций

Диф. сема	颁布	公布	发布	发表	发出
Словарное значение	Публиковать, издавать	Публиковать, объявлять	Публиковать, издавать	Публиковать, высказывать, выражать, выступать	Публиковать, издавать, создавать, производить
Оттенок значения	Передача важной информации и указов от высших инстанций к нижестоящим	Передача официальной информации во всеобщее ознакомление для широкой аудитории	Обнародование информации в печатном, электронном виде или другими общедоступными способами	Указание на личное отношение адресанта к публикуемой информации (личного мнения, взгляда, оценки, критики, идеи)	Прямая связь оттенка значения с контекстом

Таблица 9

Дифференциальные семы, связанные с лексической сочетаемостью глаголов в значении «публиковать»

Диф. сема	颁布	公布	发布	发表	发出
Сочетаемость с сущ. в роли подлежащего	Правительство, высшие руководящие органы, названия стран, лидеры государств	Названия бюро, министерств, органов управления, компаний и объединений	Названия бюро, управлений, конкретных компаний; имена собственные	Физические лица, имена, названия объединений	Местоимения, наименования объединений, наименования должностей или статусов адресантов
Сочетаемость с сущ. в роли дополнения	Конкретные	Конкретные	Конкретные	Конкретные и абстрактные	Конкретные и абстрактные
	法规 (нормативный акт) 命令 (приказ) 法律 (закон) 法令 (законы и приказы) 条例 (правила)	结果 (результат) 成绩 (достижения, успехи) 方案 (проект) 名单 (список) 数据 (данные) 价格 (цена)	公告 (оповещение) 报告 (сообщение, доклад) 消息 (новость, известие) 声明 (заявление) 信息 (информация)	声明 (заявление) 评论 (комментарий, критика) 文章 (статья) 讲话 (речь) 意见 (точка зрения)	命令 (приказ) 通知 (уведомление) 呼声 (клич) 声音 (звук) 响声 (шум) 笑声 (смех)

Таблица 10

Дифференциальные семы, связанные с грамматической сочетаемостью глаголов в значении «публиковать»

Диф. сема	颁布	公布	发布	发表	发出
Сочетаемость с предлогами	向, 在	向, 给, 在	向, 给, 对, 在	向, 给, 对, 在, 跟	向, 给, 对, 在
Сочетаемость с доп. элементами	下来, 下去 (редко)	下来, 出来, 出去, 到, 一下	出来, 出去, 到, 完	出来, 出去, 到, 一下	一下
了	Да	Да	Да	Да	Да
过	Да	Да	Да	Да	Да
着	Нет	Да	Да	Да	Да
Редупликация	Нет	Нет	Да	Да	Нет

Сочетается со следующими существительными в роли прямого дополнения: **法规** (нормативный акт), **命令** (приказ), **法律** (закон), **法令** (законы и приказы), **条例** (правила) и т.д. Обозначаемому глаголом действию присущ оттенок значимости, торжественности.

Глагол 公布 используется в значении «предавать гласности/объявлять». Субъект действия – официальные органы, министерства и компании (но не физические лица), открыто публикующие информацию для широкой аудитории. Сочетается со следующими существительными в роли прямого дополнения: **结果** (результат), **成绩** (достижения, успехи), **方案** (проект), **名单** (список), **数据** (данные), **价格** (цена) и т.д. Отсутствует оттенок особой значимости или важности.

Глагол 发布 наиболее распространен для передачи нейтрального значения «публиковать». Субъектом действия выступают бюро и управления, компании и физические лица, публикующие информацию для общественности в печатном (газеты, доски объявлений) и электронном (сайт, аккаунт) виде. Сочетается со следующими существительными в роли прямого дополнения: **公告** (оповещение), **报告** (сообщение, доклад), **消息** (новость, известие), **声明** (заявление), **信息** (информация) и т.д.

Глагол 发表 функционирует в значениях «публиковать», «заявлять» и «выступать». Субъектом действия выступает физическое лицо или официальное ведомство, цель которого – донесение информации, содержащей оттенок личного отношения к ситуации. Сочетается со следующими существительными в роли прямого дополнения: **声明** (заявление), **评论** (комментарий, критика), **文章** (статья), **讲话** (речь), **意见** (точка зрения) и т.д.

Глагол 发出 обладает самым широким спектром значений, варьирующимися в зависимости от контекста: «публиковать», «источать», «выдавать», «производить» и др. Субъектами действия выступают названия объединений, наименования должностей, министерства, имена, местоимения и т.п. Сочетается со следующими существительными в роли прямого дополнения: **命令** (приказ), **通知** (уведомление), **呼声** (клич), **声音** (звук), **响声** (шум), **笑声** (смех) и т.д.

Следует отметить, что при проведении корпусного анализа были обнаружены случаи взаимозаменяемости рассматриваемых синонимичных глаголов, в частности, сочетаемость с одними и теми же существительными (например, **颁布命令/发出命令**). Обнаружение подобных случаев подтверждает необходимость дальнейшего углубления проведённого исследования, однако представляется, что инструментов компонентного и корпусного анализа для этого будет недостаточно.

С нашей точки зрения, целесообразным является проведение анкетирования носителей китайского языка (возможно, проведение семантического эксперимента) с целью выявления более детальных различий в значениях глаголов в подобных случаях взаимозаменяемости.

Перспективным направлением дальнейших исследований также может стать добавление в исследуемый синонимический ряд других глаголов со значением «публиковать» для проведения последующего анализа, а также расширение количественной выборки анализируемого языкового материала и сравнение результатов исследования из нескольких корпусов китайского языка для получения наиболее актуальных и объективных данных о различиях синонимичных лексических единиц.

Список источников

- Семенас А.Л. Лексика китайского языка : учеб. пособие. М. : АСТ: Восток-Запад, 2005. 310 с.
- Кленин И.Д. Лексикология китайского языка : учеб. пособие. М. : Восточная книга, 2013. 272 с.
- Реформатский А.А. Введение в языковедение : учеб. для вузов / под ред. В.А. Виноградова. М. : Аспект Пресс, 2004. 5-е изд. 536 с.
- Горелов В.И. Лексикология китайского языка : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М. : Просвещение, 1984. 216 с.
- Саматова А.Р. Проблема установления сем при компонентном анализе лексики // Вестник Челябинского государственного университета, 2009. № 7 (145). С. 133–136.
- Воронова С.К. Опыт применения компонентного анализа в исследовании синонимов // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф., Иркутск, 10–16 сентября 2019 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2019. С. 108–113.
- Карпека Д.А. Глагол и грамматические категории предикатов в современном китайском языке. СПб. : Восточный экспресс, 2017. 385 с.
- 赵焕. 对外汉语语言说类动词的偏误分析及教学策略——以兰州大学留学生《高级写作》教学为依托: 硕士学位论文. 兰州 : 兰州大学, 2019. 93 с. [Zhao H. Deviation Analysis and Strategies for Teaching of Chinese as a Foreign Language—Based on the Advanced Writing Course for LZU Foreign Students. Master of Teaching Chinese to Speakers of Other Languages: Master Diss. Lanzhou : Lanzhou University, 2019].
- 大俄汉词典 / 黑龙江大学俄语系词典编辑室编; [南致善, 黄长需责任编辑]. 北京 : 商务印书馆, 1985. VIII, 2737 с. [Nan, Z.S., Huang Z.P. Great Russian-Chinese Dictionary. Vol. VIII. Beijing : The Commercial Press, 1985].
- Баранова З.И., Котов А.В. Русско-китайский словарь: Ок. 40 000 слов. М. : Рус. яз., 1990. 566 с.
- Кондрашевский А.Ф., Румянцев М.В., Фролова М.Г. Современный китайско-русский словарь / отв. ред. А. Ф. Кондрашевский. М. : АСТ : Восток-Запад, 2008. 715 с.
- Воропаев Н.Н., Ма Тяньюй, Дэн Цзе, Иванов С.М. Современный русско-китайский словарь. М. : Восточная книга, 2012. 384 с.
- 现代汉语词典 : 商务印书馆创立 115 周年纪念版. 北京 : 商务印书馆, 2012. 1789 с. [Ding S. Modern Chinese Dictionary. Vol. 6. Beijing : The Commercial Press, 2012].
- 汉俄词典. 北京 : 商务印书馆, 2004. 1250 с. [Xian Z.Y. Chinese-Russian Dictionary. Beijing : The Commercial Press, 2004].
- 俄汉搭配词. 北京 : 商务印书馆, 2003. 2255 с. [Sun Z.X. Russian-Chinese Collocation Dictionary. Beijing : The Commercial Press, 2003].

16. 现代汉语实词搭配词典. 北京: 商务印书馆, 2002. 1782 с. [Zhang S.K., Lin J.G. Modern Chinese Lexical Words Collocation Dictionary. Beijing: The Commercial Press, 2002].
17. 同义词词典. 成都: 四川人民出版社, 1996. 458 с. [Zhang Q.Y. Dictionary of Synonyms. Chengdu: Sichuan People's Publishing House Company Limited, 1996].
18. 1700 对近义词语用法对比. 北京: 北京语言大学出版社, 2009. 1641 с. [Yang J.Z., Jia Y.F. Functional Comparison of 1,700 Pairs of Synonyms. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2009].
19. 同义词、近义词、反义词、组词、造句、多音多义字典. 北京: 华语教学出版社, 2009. 788 с. [Synonyms, Near Synonyms, Antonyms, Word Groups, Sentence Construction, Polyphonic Polysemous Words Dictionary]. Beijing: Sinolingua, 2009].
20. BCC 汉语语料库 [BCC Chinese Language Corpus] // 北京语言大学语言智能研究院 [Beijing Language and Culture University, Language Intelligence Research Institute]. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 01.05.2023).
21. Войцехович И.В., Кондрашевский А.Ф. Китайский язык. Общественно-политический перевод. Начальный курс. М.: Издательский дом ВКН, 2017. 560 с.
22. 百度词典 [Baidu Dictionary]. 2023. URL: <https://dict.baidu.com/> (дата обращения: 01.05.2023).
23. Юэ Ф. Специфика корпусных исследований в современном китайском языкознании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 159–172.
24. Скворцов О.Г. Компонентный анализ и корпусная методология при исследовании семантической сферы «Light/darkness» в зарубежной лингвистике // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 184–185.

References

1. Semenas, A.L. (2005) *Leksika kitaiskogo yazyka* [Lexicon of the Chinese language]. Textbook. Moscow: AST: Vostok-Zapad.
2. Klenin, I.D. (2013) *Leksikologiya kitaiskogo yazyka* [Lexicology of the Chinese language] Textbook. Moscow: Vostochnaya kniga.
3. Reformatskiy, A.A. (2004) *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to linguistics]. Textbook for universities. 5th ed. Moscow: Aspekt Press.
4. Gorelov, V.I. (1984) *Leksikologiya kitaiskogo yazyka* [Lexicology of the Chinese language]. Textbook for pedagogical institutes. Moscow: Prosveshchenie.
5. Samatova, A.R. (2009) Problema ustanovleniya sem pri komponentnom analize leksiki [The problem of identifying semes in componential analysis of vocabulary]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7 (145). pp. 133–136.
6. Voronova, S.K. (2019) [Experience in applying componential analysis in synonym research]. *III Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v fokuse sovremennosti* [III Gottlieb Readings: Oriental Studies and Regional Studies of the Asia-Pacific Region in Focus of Modernity]. Proceedings of the International Conference. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 108–113. (In Russian).
7. Karpeka, D.A. (2017) *Glagol i grammaticheskie kategorii predikatov v sovremennom kitaiskom yazyke* [The verb and grammatical categories of predicates in modern Chinese]. Saint Petersburg: Vostochnyy ekspress.
8. Zhao, H. (2019) *Deviation analysis and strategies for teaching Chinese as a foreign language—Based on the Advanced Writing Course for LZU foreign students*. Master's thesis. Lanzhou: Lanzhou University. (In Chinese).
9. Nan, Z.S. & Huang, Z.P. (1985) *Great Russian-Chinese Dictionary*. Beijing: Shangwu yinshuguan.
10. Baranova, Z.I. & Kotov, A.V. (1990) *Russko-kitaiskiy slovar* [Russian-Chinese dictionary]. Moscow: Russkii yazyk.
11. Kondrashevskiy, A.F., Rumyantseva, M.V. & Frolova, M.G. (2008) *Sovremennyy kitaisko-russkii slovar* [Modern Chinese-Russian dictionary]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.
12. Voropaev, N.N., Ma, T., Deng, J. & Ivanov, S.M. (2012) *Sovremennyy russko-kitaiskiy slovar* [Modern Russian-Chinese dictionary]. Moscow: Vostochnaya kniga.
13. Ding, S. (2012) *Modern Chinese dictionary: 115th anniversary edition*. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
14. Xian, Z.Y. (2004) *Chinese-Russian dictionary*. Beijing: Shangwu yinshuguan.
15. Sun, Z.X. (2003) *Russian-Chinese collocation dictionary*. Beijing: Shangwu yinshuguan.
16. Zhang, S.K. & Lin, J.G. (2002) *Modern Chinese lexical words collocation dictionary*. Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).
17. Zhang Q.Y. (1996) *Dictionary of synonyms*. Chengdu: Sichuan renmin chubanshe. (In Chinese).
18. Yang, J.Z. & Jia, Y.F. (2009) *Functional comparison of 1,700 pairs of synonyms*. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe. (In Chinese).
19. Anon. (2009) *Synonyms, near synonyms, antonyms, word groups, sentence construction, polyphonic polysemous words dictionary*. Beijing: Huayu jiaoxue chubanshe. (In Chinese).
20. Beijing Language and Culture University, Language Intelligence Research Institute. (2023) *BCC Chinese Language Corpus*. [Online] Available from: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (Accessed: 01.05.2023). (In Chinese).
21. Voitsekhovich, I.V. & Kondrashevskiy, A.F. (2017) *Kitaiskiy yazyk. Obshchestvenno-politicheskiy perevod. Nachalnyi kurs* [Chinese language. Socio-political translation. Beginner's course]. Moscow: Izdatelskii dom VKN.
22. *Baidu Dictionary*. (2023). [Online] Available from: <https://dict.baidu.com/> (Accessed: 01.05.2023). (In Chinese).
23. Yue, F. (2020) Spetsifika korpusnykh issledovaniy v sovremennom kitaiskom yazykoznanii [Specifics of corpus research in modern Chinese linguistics]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 3 (832). pp. 159–172.
24. Skvortsov, O.G. (2010) Komponentnyy analiz i korpusnaya metodologiya pri issledovanii semanticheskoi sfery "Light/darkness" v zarubezhnoi lingvistike [Componential analysis and corpus methodology in the study of the semantic field "Light/darkness" in foreign linguistics]. *Politicheskaya lingvistika*. 2. pp. 184–185.

Информация об авторах:

Мальцева Е.С. – переводчик-фрилансер (Москва, Россия). E-mail: zhenya.maltseva.maltseva@mail.ru

Маннапова С.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). E-mail: simatovasa@mgpu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.S. Maltseva, freelance translator and interpreter (Moscow, Russian Federation). E-mail: zhenya.maltseva.maltseva@mail.ru

S.A. Mannapova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: simatovasa@mgpu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.07.2024;
одобрена после рецензирования 07.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 07.07.2024;
approved after reviewing 07.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/509/5

Реализация концепта «Стыд» в речевом жанре интернет-откровения

Мария Анатольевна Толстова¹, Цуй Хуэйин²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ tolstova_11@mail.ru

² cuihuiying1990@gmail.com

Аннотация. Описывается концепт «Стыд» на материале текстов речевого жанра интернет-откровения. Рассматриваются языковые средства, участвующие в вербализации концепта, реконструируются его когнитивные признаки. Выявлено шесть когнитивных признаков концепта, связанных с причинами возникновения, интенсивностью и длительностью переживания, характером протекания эмоции. В исследуемом жанре значительное место занимает описание проявления стыда на физиологическом уровне. Стыд представляется как негативная, мучительная эмоция, сопровождающаяся другими ментальными и эмоциональными состояниями.

Ключевые слова: стыд, концепт, речевой жанр интернет откровения

Для цитирования: Толстова М.А., Цуй Хуэйин. Реализация концепта «Стыд» в речевом жанре интернет-откровения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 55–64. doi: 10.17223/15617793/509/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/5

Implementation of the concept "Shame" in the speech genre of Internet revelation

Maria A. Tolstova¹, Cui Huiying²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ tolstova_11@mail.ru

² cuihuiying1990@gmail.com

Abstract. This article aims to provide a linguistic description of the "Shame" concept through analysis of Internet revelation genre texts, specifically examining material from the *Podslushano* project – a collection of anonymous personal secrets and life revelations. The analytical unit was shame-denoting lexemes (including variants and their contextual realizations). Cognitive-discourse analysis was employed as the primary research method to identify shame nominations across word classes that collectively form conceptual representations of shame through their combinatory patterns, systemic relations, and semantic properties, subsequently deriving cognitive features via interpretive and contextual analysis where the core conceptual representative is the lexeme *стыд/shame* alongside its derivatives and synonyms, revealing cognitive attributes that characterize various experiential dimensions of this emotion including its causes, intensity, duration, and qualitative nature, linguistically objectified through six key attributes: (1) shame as norm-deviance recognition emotion; (2) high-intensity emotion; (3) negatively valenced emotion; (4) emotion co-occurring with other mental states; (5) emotion triggering physiological reactions; and (6) persistent emotion. The notional analysis demonstrated shame's centrality to Internet revelations through high nominative field density, frequent lexeme occurrence, and rich metaphorical/pragmatic meanings, where physiological manifestations (e.g., blushing denoted by *red, crimson*) occupy significant textual space. Representations of shame as a negative painful emotion is frequent. The intensity of the experienced feeling of shame is conveyed through phonetic repetition, intensifying syntax, and diverse metaphors, typically co-occurring with fear, horror, regret, and other mental and emotional states, while exhibiting enduring mnemonic persistence.

Keywords: shame, concept, speech genre of Internet revelations

For citation: Tolstova M.A. & Cui Huiying (2024) Implementation of the concept "Shame" in the speech genre of Internet revelation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 55–64. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/5

Одной из сильнейших эмоций, испытываемых человеком, является стыд. Стыд обладает уникальными мотивационными и эмпирическими характеристиками. За феноменом стыда закрепляется связь с определенными когнитивными процессами, в центре которых «Я» человека. В русской философии стыд трактуется как одно из первичных чувств человека, обеспечивающее нравственно-религиозное единство народа.

В восточной философии стыд является основной долга и механизмом регулирования отношений между правителем и народом, результатом нарушения обязанностей перед другими [1].

Стыд интерпретируется как «негативные моральные санкции» [2. С. 111], которые связаны с последствиями соблюдения или нарушения определенных норм.

Стыд связан с моральным опытом, хотя это переживание является реакцией на реальную или воображаемую внешнюю оценку [2].

В социологии стыд – собирательное название для широкого семейства эмоций и переживаний. Стыд рождается, когда «Я смотрит на себя глазами другого человека в негативном (пусть даже слегка негативном) свете, или только предвосхищает такую реакцию» [3. С. 254].

Стыд связан с социализацией человека и «характеризуется особенно сильной дифференциацией и напряжением между выпестованными путем самопринуждения общественными заповедями и запретами и непреодоленными или сдерживаемыми побуждениями и склонностями в самом человеке» [4. С. 49]. Чтобы избежать чувства стыда, человек должен принять социальные предписания и постепенно интериоризировать их как внутренние психологические качества [4. С. 49]. М.Р. Крейтон утверждает, что чувства вины и стыда подсознательно влияют на поведение людей, часто заставляя их вести себя так, чтобы не испытывать вину и стыд [5].

Российские ученые Т.Н. Смотровая и А.А. Чаплыгина отмечают, что чувства вины и стыда играют важную роль в регулировании социального поведения, влияя на отношения между людьми и группами. Чувства вины и стыда сдерживают плохое поведение человека, помогают ему бороться с подлым поведением и мотивируют его на выполнение своих социальных обязанностей [6].

В психологии стыд включают в число десяти базовых эмоций, которые образуют мотивационную систему существования человека [7], а также относят к эмоциям, направленным на себя [8, 9]. В работах психологов стыд – это интенсивное, болезненное переживание, негативная оценка всего «Я», а также изнуряющая эмоция, которая, по крайней мере временно, обесценивает полноту «Я» [10]. Такая самооценка изменяют восприятие себя и сопровождаются чувствами трусости, незначительности, бессилия, никчемности и другими нежелательными ощущениями [10].

В лингвистике концепт «Стыд» хорошо изучен. Исследования проводились на материале поэтического дискурса [11, 12], прозаических произведений [13], современной российской прессы и политических интернет-порталов [14], пословиц, поговорок, фразеологизмов [15], диалектных текстов [16] и т.д. Не менее разнообразен перечень аспектов анализа концепта «Стыд»: исследователи обращались к выявлению средств репрезентации изучаемого концепта [17–19], определению его специфики через сопоставление и изучение отдельных лингвокультур: русской и немецкой [20], русской, польской и чешской [21], русской и английской [22], удмуртской [23], русской и китайской [15] и др. Так, было определено, что главные отличия в репрезентации концепта «Стыд» в русской и немецкой лингвокультурах заключаются в том, что данный концепт более значим для русского языкового сознания; в российском обществе он выступает в качестве важного мотива поступков человека. В немецком языковом сознании в отличие от русского он ассоциирован с понятиями исторической ответственности, коллективной вины и специфически немецким феноменом «второй вины» [20].

Изучение концепта «Стыд» на материале английского языка показало, что данный концепт обладает синкретичным характером и состоит из двух субконцептов: «эмоциональное состояние» и «оценка», каждый из которых имеет собственную когнитивную структуру и определенный способ актуализируется в языке [24. С. 9].

Большое количество работ посвящено сопоставительному анализу концептов «Стыд» и «Вина» [1, 20, 25, 26]. Стыд и вина выполняют регулятивную функцию, являются важнейшим, сформированным культурой внутренним механизмом, контролирующим соблюдение человеком общественных нравственных норм [20. С. 4]. Ученые отмечают, что различие между этими культурными феноменами заключается в том, что стыд сфокусирован на внешней оценке релевантных для того/иного социума явлений культуры, а вина ориентирована преимущественно на самооценку индивида [20. С. 7–8].

Изучение феномена «Стыд» интересно тем, что он связан не с отдельным индивидуумом, а с представителем определенной социальной группы. «Идентификация с группой приводит к тому, что поступки членов группы и ее коллективные действия, исторические события из жизни группы становятся важным источником эмоциональных переживаний» [9. С. 527]. Для определения ценностной картины мира современного человека и фиксации его культурных и моральных норм необходимо обращение к современным текстам.

Особым потенциалом в изучении концепта «Стыд» обладает речевой жанр интернет-откровения, категориальными признаками которого являются анонимность, повествование от первого лица, виртуальное пространство общения, направленность на большую аудиторию и асинхронность коммуникации [27]. Коммуникативная цель изучаемого жанра – получение или предъявление информации, содержащей откровение автора, анонимно перед огромной аудиторией. Эти откровения выражают эмоции, переживания, жалобы, рассуждения о жизни. Приоритетной функцией текста является информативная. Коммуникативная цель исследуемого текста – предъявление секрета или откровенной истории. Кроме того, в текстах может присутствовать оценочная функция: люди оценивают себя или свои поступки. Этот жанр наиболее полно реализует такое качество неформальной коммуникации, как максимальная искренность – стремление выразить свои истинные чувства и мысли без ограничений или фильтров. Участники подробно описывают свои эмоции и состояния, стремясь передать всю их глубину и многогранность.

Анонимность текстов этого жанра способствует тому, что авторы могут преодолеть стыд и страх перед аудиторией и делиться своими откровениями вопреки сложившимся стереотипам и взглядам близких людей. Данный жанр представляет собой уникальное жанровое образование, обладающее определенной композицией, собственной стилистикой, особым языковым воплощением.

Цель данной статьи состоит в лингвистическом описании концепта «Стыд» на материале текстов речевого жанра интернет-откровения. Новизна исследования заключается в рассмотрении эмоционального концепта на

новом материале. Мы сосредоточились на функционировании концепта «Стыд» в рамках жанра интернет-откровений, в котором наиболее полно реализуются такие качества неформальной коммуникации, как доверие и открытость, полнота самовыражения личности, отсутствие иерархии, детализация эмоциональных переживаний и др. Необходимость исследования эмоциональных концептов на современном материале заключается в том, что они являются репрезентативным источником изучения проблематики, связанной с самоидентичностью, ценностными доминантами и ориентирами общества. Исследование этих концептов позволяет глубже понять процессы, происходящие в обществе, и оценить влияние различных факторов на формирование общественного сознания и поведения.

Материалом исследования выступают тексты речевого жанра интернет-откровения. Источником материала послужили тексты проекта «Подслушано» [28]. Подслушано – «социальный развлекательный проект, в котором люди делятся каждый день своими секретами, откровениями и жизненными ситуациями анонимно перед огромной аудиторией» [29]. У «Подслушано» более 100 500 клонов-подражателей, которые, тем не менее, во многом уступают оригинальному паблику в качестве. Самые известные из них – «Палата № 6» и «Дома не поймут». Существуют клоны данного сообщества, относящиеся к отдельным городам (например, «Подслушано Оренбург», «Подслушано в Калининграде» или «Аноним 03») [29] или социальным группам (Профессии: «Подслушано у медиков» [30], «Подслушано у строителей» [31], «Подслушано у учителей» [32]; социальные группы: «Подслушано у мам, родителей» [33], «Подслушано у Мам / Подслушано у беременных» [34], «Подслушано Мужское & Женское» [35], «Подслушано у Семейных» [36], «Подслушано у Девушек» [37], «Подслушано у Мам» [38], «Подслушано у женатых» [39], «Подслушано у семейных / Подслушано у замужних» [40], «Подслушано в семье» [41] и т.д.). В данной статье использовались материалы, выбранные только из паблика «Подслушано» [28]. Коммуникативной целью исследуемых текстов является предъявление секрета или откровенной истории. Кроме того, в текстах может присутствовать оценка себя или своих поступков, в том числе выраженная через переживание стыда индивидом. Истории, публикуемые в данном ресурсе, охватывают широкий спектр тем – от личных переживаний до смешных ситуаций из повседневной жизни.

Паблик активно взаимодействует со своей аудиторией, предлагая пользователям делиться своими историями и участвовать в обсуждениях. Формат коротких текстов и отсутствие сложных литературных приемов делают его доступным для широкой аудитории, включая тех, кто не привык читать длинные тексты.

Единицей анализа являются лексемы, содержащие обозначения стыда, а также варианты этих лексем и высказывания, в которых актуализуются названные единицы.

В качестве основного метода исследования использован метод когнитивно-дискурсивного анализа, в рамках которого выявляются структура концептов и содер-

жание их понятийной, аксиологической, образной составляющих. В данной работе мы исследуем только понятийный слой в силу большой разработанности всех составляющих данного концепта. Понятийный слой – это «языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов» [42. С. 107].

Исследование концепта «Стыд» в выбранном жанре проводится при помощи выявления номинаций стыда и его репрезентантов – слов разных частей речи, являющихся компонентами представлений о стыде. Выявление номинаций способствует более глубокому пониманию концепта, так как они отражают специфику восприятия и понимания концепта в определенной культуре. Через анализ лексических единиц, репрезентирующих концепт «Стыд», можно выявить, какие смыслы наиболее важны для носителей языка. Анализировалась сочетаемость этих единиц, системные связи, семантика этих слов и высказываний, на основании этого при помощи приемов интерпретации, контекстуального анализа и классификации определялись когнитивные признаки концепта. Когнитивный признак – это минимальный структурный компонент концепта, отражающий отдельную черту или признак концепта [43. С. 52].

Результаты исследования

В толковом словаре слово «стыд» имеет следующие значения: 1. Чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблагоприятности своего поступка, поведения 2. Чувство моральной ответственности за свое поведение, поступки и т.п. 3. разг. Позор, бесчестье. 3. разг. Стыдливость. К стыду своему (моему и т.д.), в знач. вводн. сл. Выражение недовольства своим или чьим-л. поведением, поступками, предосудительными для кого-л. или в каком-л. отношении [44. С. 1284].

В дефиниции лексемы *стыд* отмечены наиболее существенные признаки концепта, такие как интенсивность переживания данного чувства, обусловленность появления этого чувства поступками или поведением.

В исследуемых текстах слово *стыд* чаще всего употребляется в первом значении: *Я, наверное, со стыда умру, если мне скажут, чтобы я собственным детям счёт выставил за их воспитание¹; Плачу от стыда и не знаю, как унять чувство стыда перед близкими.*

Слово *стыд* (513)² и наречие «стыдно» (3 848) являются основными средствами вербализации изучаемого концепта: *Прошло столько лет, а мне до сих пор стыдно; Было настолько стыдно сказать причину, что пришлось соврать.*

В число лексических репрезентантов концепта «Стыд» также входят общерусские единицы:

– существительное *стыдливость* (2): *Вот сегодня был его пик стыдливости;*

– предикатив *стыдливо* (25): *Женщина стыдливо прикрывает рукой статью в журнале про секс и краснеет; стыдновато* (5): *Давно живу от родителей в*

другом городе, и мы так редко общаемся, что в последнее время беру трубку, когда звонит мама, даже если накуренная. стыдновато;

– прилагательные постыдный (45): Мой самый постыдный поступок в жизни; стыдный (13): Один из самых стыдных моментов моей школьной жизни произошёл в 6 классе; стыдливый (9): Обычно я не очень стыдливый человек; Видимо, перекладывает вину на меня. Стыдливый он;

– глагол стыдиться (156): Не могу, когда за меня кто-то платит, чувствую себя не приятно, а сказать правду стыжусь.; стыдить (52): Потом начинаю стыдить себя и прячу пачку подальше...; пристыдить (38): "Ты не написала ничего!" – пристыдила она меня, когда я спросила, за что оценка.; застыдить (5): она пыталась застыдить меня тем, что в свои 19 я не замужем, у уже не девственница.; постыдиться (4): Отец явно постыдился и отдал бабуле телефон.; пристыдиться (2): Пристыдился, что мне соседки цветы дарят.

Концепт «Стыд» реализуется также с помощью единицы стыдоба (32) и единиц стыд духа (сниск.) (1) и указывающих на интенсивность признака: стыдоба (11), стыдновато (5): Стыдоба какая...; А я велась на эту лапшу больше года! Стыдоба!; Он оборачивается и я понимаю что это взрослый мужик, просто карлик... стыдоба.; Он, разумеется, всё отрицал, в шоке был! Стыд духа мне; Все это время хотел вернуться домой, а когда вернулся, то стало настолько тоскливо от того, что там все не так, как я помнил, что через несколько дней сказал маме о неких важных делах и уехал... Стыдновато и обидно...

В исследуемых текстах слова стыдно, стыдоба, стыдоба и стыдновато, как правило, употребляются в номинативных предложениях и представляют собой вывод адресанта к изложенной истории: На радио работает моя абсолютная тезка. Моя бабушка 3 года врала своим подружкам, что это ее внучка, пока те не позвонили и не спросили лично. Стыдоба: Всё время пытаюсь познакомиться в соц сетях с человеком, говорящим по-английски. Как только дело доходит до звонка в скайпе, сразу яростно отказываюсь. Я просто боюсь того, что мне будут что-то говорить, а я лишь твердить, что ничего не понимаю. Стыдоба!; Дело было на втором курсе института. Подружились с однокурсницей. Она постоянно жаловалась и рассказывала, как любит своего одноклассника, а я выслушивала, но так и не призналась ей, что сплю с ним уже год. Стыдно!; Давно живу от родителей в другом городе. и мы так редко общаемся, что в последнее время беру трубку, когда звонит мама, даже если накуренная. Стыдновато!

В репрезентации концепта участвуют также синонимичные словам стыд, стыдно, стыдиться единицы:

– существительные позор (267): Мама-филолог до сих пор стёбёт и не даёт забыть позор; позорище (38): Позорище! До сих пор красная как рак!; срам (19): Заходили – плевались, выходили – плевались, кричали про срам, возмущались и чуть ли не падали в обморок от западной пахабицы и тут же шли на следующий сеанс; Когда я сильно переборщила с алкоголем во

время празднования дня рождения и отрубилась, они нарядили меня в Бабу Ягу, посадили на метлу и на стул, и поставили на этажке в общаге. Стыд и срам, еще и усы мне нарисовали; застенчивость (5): По своей природной застенчивости я не могла сходить и терпела; неловкость (5): Когда я заказываю еду домой, то всегда испытываю неловкость. Чтобы доставщик не подумал, что я много жру, всегда делаю вид, что я дома не одна;

– глаголы стесняться (858): Перед разводом невестка сначала уклончиво пыталась убедить нас оставить эту квартиру ей, а потом, уже не стесняясь, прибегла к манипуляции внуком; И мама моя стеснялась. А когда спросил, мол, «чей», я постеснялась сказать; позорить (130): Зачем так позорить своего ребенка, до сих пор понять не могу; позориться (53): Пришлось притвориться, что потеряла сознание, чтобы не позориться. А туфли эти я с тех пор не носила;

– прилагательные застенчивый (58): Все, включая мою маму, считают моего парня слишком добрым и застенчивым. Мол, такой и не защитит на улице; позорный (55): Когда мне было лет 16, случился самый позорный случай в моей жизни;

– наречия неловко (116): Он пробурчал извинения и скрылся. Весь вечер было неловко; неудобно (76): Стою на кассе и вдруг ощущаю себя как школьница: и стыдно мне, и неудобно, и боюсь осуждающих взглядов.; совестно (24): И как-то совестно на душе становится...; позорно (30): Мне никогда не было так стыдно и позорно; застенчиво (11): Смотрит на меня застенчиво и говорит: «Девушка, от Вас так приятно пахнет. Можно я ещё немного рядом с Вами просто постою?».

Каждый из синонимов передает определенный оттенок состояния стыда и отличается от слов стыд, стыдно, стыдиться такими смысловыми признаками, как причина, глубина и интенсивность эмоции, масштаб явления, вызывающего её, роль личностных особенностей субъекта в возникновении эмоции и др. Так, например, стеснение и смущение, в отличие от стыда, обусловлены более мелким поводом: Завидую тем, кто заказывает, например, пасту и выкатывается из-за стола. В то время, как я беру две порции из-за стеснения, знали бы вы, как я хочу третью и четвёртую; Когда вижу маленьких детей, показываю им язык и улыбаюсь. Сразу можно узнать, что за ребёнок, какая у него семья. Кто-то улыбается в ответ и смеётся, некоторые смущаются, а один мальчик побежал жаловаться маме. Слова совесть, совестно связаны с глубоким осознанием недостойности содеянного: Мы похоронили отца, когда мне было 5. ... Когда были похороны, приехали друзья и родственники мамы и папы, было у папы 3 лучших друга. Спустя 5 лет один приехал к нам в три ночи пьяный, говорит, что совесть замучила. Оказывается, они собирали со всех деньги, типа вдове в помощь, отдали нам только треть, а остальное поделили между собой; Разбил я ей ноутбук, потом стало совестно, думал купить новый, но денег лишних на тот момент не было. Срам чаще всего используется в значении «о наружных половых органах человека»: Муж поддался идеологии

«антипотребления», мол, все потребности человека – это еда, крыша над головой и прикрытый срам; Пришла новая администратор, лет 50: короткая стрижка, юбка ещё короче, прикрывала только самый срам. Более подробно о синонимах слов стыд, стыдиться, стыдно в [45–48].

В результате применения приемов интерпретации, контекстуального анализа и классификации выявлены следующие когнитивные признаки концепта «Стыд»: стыд – это: 1) эмоция, связанная с осознанием того, что мысли, действия, свойства субъекта или других людей отклоняются от общепринятых норм; 2) интенсивная эмоция; 3) эмоция, которая сопровождается другими эмоциональными и ментальными состояниями и реакциями; 4) эмоция, вызывающая неконтролируемые физиологические реакции; 5) негативно оцениваемая эмоция.

Рассмотрим их подробнее.

1. Стыд – это эмоция, связанная с осознанием того, что мысли, действия, свойства субъекта или других людей отклоняются от общепринятых норм.

Так как стыд является социальной эмоцией, то ее возникновение связано с наличием не только человека, переживающего эмоции, но и того, перед кем стыдно. Чувство стыда возникает перед другими человеком или группой людей: Даже любимый человек решил, что я могу обойтись без поздравлений. Поэтому иду сама покупать себе букет цветов, чтобы не было так стыдно перед родителями за свою никчемность; Прошло 10 лет, а перед братом до сих пор стыдно. Все были в красивых шапочках различных грибов, а у него – бумажный лист, разрисованный под мухомор; животными: Подстригла кота под ноль. Он у меня перс и за его шерстью очень трудно уследить. Честно говоря, зрелище не для слабоверных. Из шикарного персидского кота я получила пародию на сфинкса. Несмотря на мои издевательства, кот все равно приходит ко мне тискаться и обниматься, а мне жутко стыдно перед ним; Никогда в этом не признаюсь, но дико стыдно за это перед собакой, ведь он хороший был...; страной: Я очень люблю свою страну, но собираюсь уехать учиться в Европу. И мне как бы становится стыдно перед страной, чувство, что я ее предаю.

Стыдно может быть перед самим собой: Теперь грызёт совесть из-за того, что в будущем я хочу нормальную семью и детей, а я занимаюсь подобным. Стыдно перед собой, но и деньги нужны очень. Одежда, вышел и вроде остался незамеченным, но стыдно. Как отмечает Е.П. Ильин, «испытывать стыд можно и тогда, когда человек только представляет себе, как он мог бы опозориться, если бы “это” увидели другие люди. В данном случае никто не знает о совершенном неблаговидном поступке или пикантной ситуации, в которой оказался человек, а стыд все равно появляется» [49. С. 122].

Кроме того, стыдно может быть не только за себя, но и за других людей: А еще, когда я с ней еду и ей кто-то что не уступил, она нагло показывает фак и материться. Как же мне стыдно за нее в такие моменты; Так-то мы атеисты. Но мне немного было стыдно за шуточки мужа; страну: Не нравится, когда там наши русские. Сразу какое-то чувство стыда за свою

страну; Мой папа работает в НИИ. Высшее образование, старший научный сотрудник, все дела... Вышла на работу на Зем курсе, получаю 30 шт в месяц. Это больше чем папина зарплата. Хочу чтобы вы поставили тэг «стыдно». Стыдно за страну.

Причинами стыда могут быть:

– поступок, нарушающий мораль, совершенный единожды или систематически, случайно или намеренно: Однажды уронил с кровати свою младшую сестру, когда ей было около года. Она так плакала, бабушка и тетя прибежали, я сказал, что она сама упала. Стыдно; Это печально, но в раннем детстве меня тянуло на воровство. Помню, как в детсаде воровала у других детей жетончики, которые нам давали за хорошие дела, или как у сестры подруги украла сережки. ...Стыдно. Стыд может вызвать поступок, несоответствующий возрасту человека: А как мне, взрослой тетке, было стыдно объяснять врачу травмпункта, что я прыгнула с машины и что работаю преподавателем...

– физические недостатки, особенности внешности: Есть проблема, которой я очень стыжусь, и если кто-то замечает, пытаюсь отвернуться и перевести тему. У меня гнилые зубы, вот прям даже жевать нечем;

– привычки, особенности поведения: Я живу одна, мне очень одиноко. Есть друзья, родители. Но они не могут находиться рядом всегда. Поэтому я всегда говорю спасибо закипевшему чайнику, микроволновке, включающимся телевизору и компьютеру. Когда я по привычке делаю это на людях, мне очень стыдно;

– мысли и чувства: Стыдно за свои чувства, но я очень устала. Живём в маленьком селе, и нет возможности ни нанять сиделку, ни поместить мать в специальное учреждение; И так его сейчас жалко, так стыдно мне... Он был моим отцом. Когда-то хорошим, просто спился. Корю себя за все мои злые слова, мысли и желания; Очень стыдно за такие мысли, ведь детки классные, а я не могу перестать мечтать, чтобы их забрали бабушка с дедушкой;

– слова: Уже позже я осознал, что у неё просто не было денег купить больше мяса... Так стыдно за те свои слова; Очень стыдно за себя и особенно за свои слова.

Таким образом, стыд возникает из осознания субъектом предосудительности своих действий, поведения, слов и мыслей, которые получили или могут получить осуждение со стороны других людей.

Слово стыдно сочетается с такими глаголами, как говорить, признаться, сознаться, смотреть, объяснять, писать: В детстве я утащила у тётки один бумажный рубль из копилки. Она бедно жила с маленьким сыном. Как-то она стала трясти копилку и не нашла тот рубль. Мне было стыдно сознаться; Стыдно смотреть ему в глаза до сих пор; Стыдно признаться, но я в работе прилежания хитрости, подсмотренные у девятилетнего ребёнка. И ведь помогает!; Стыдно сказать, что хочу развестись, продать дом, развехаться по своим квартирам и никогда его больше не видеть; Даже сейчас многим стыдно объяснять своим детям о том, как нужно предохраняться...; Боже, мне стыдно писать, осознавать это; Родителям признаться очень стыдно, но я ужасно жалею, что так опрометчиво поступила.

В исследуемых текстах частотны предложения с противительным союзом **но**, в которых содержится оправдание или объяснение поступков, вызывающих стыд: Стыдно за такое рукожопство, но денег на ремонт Audi у меня всё равно не было; Работаю стоматологом в столичной клинике. Если пациент приходит к нам со здоровыми зубами, то я (как и все врачи в нашей больнице) просверливаю дыры и ставлю пломбы на здоровые зубы. ... Стыдно, но очень нужны деньги; Я девушка брезгливая, убежала из больницы ночью. ... Мне стыдно перед работницами, но там реально страшно лежать. Больше не хочу болеть; Безумно стыдно перед подругой, но я же не знала; Мне стыдно, но я получаю от этого кайф.

2. Стыд – это интенсивная эмоция.

Данный признак выражается посредством сочетаемости лексемы стыд с наречиями **очень, так, ужасно, безумно, дико, невероятно, реально, невыносимо, чертовски, безмерно, страшно, бесконечно, действительно, долго, непередаваемо, больно, прямо, немисливо, неопишимо, мучительно, чудовищно**: Он офигел и сказал, что вчера там выносили труп. Обратно розу пришлось возвращать ему, мне было ужасно стыдно; Мне дико стыдно, что он может появиться на людях в таком виде, я же хочу, чтобы им все восхищались. Мне очень стыдно, что я ничего не могла со всем этим сделать; До сих пор никто не знает. Очень-очень стыдно; Сейчас мне безумно стыдно вспоминать все это, каждый раз в магазине оставляю сдачу кассирам, ведь все мои кражи они оплачивали сами, и мой долг – вернуть им все деньги; Было дико стыдно, но девчонка норм оказалась, всё поняла; Сейчас по прошествии десяти лет мне невыносимо стыдно об этом вспоминать. Мы очень близки, обожаем друг друга, но стыдно невероятно.

Данный признак реализуется также посредством использования синтаксической конструкции «предлог до + существительное в родительном падеже»: Стыдно до слез. Дедушки нет уже 10 лет. Когда я была маленькая, он любил меня безумно.....; Вспомнила, как запихивал знания в наши дурные головы, как мы издевались над ним, писали на стенах всякие гадости... Теперь стыдно до безумия!; Мне стыдно до ужаса.

В текстах частотны усилительные синтаксические конструкции: Так стыдно мне еще никогда не было; Боже, как же стыдно!; Даже больше, чем стыдно!; И когда дошла до моей, стала говорить об ограниченности людей с такими целями. Как же было стыдно.

Интенсивность переживания стыда передается посредством имитации речи: Прошло уже 6 лет, мне до сих пор стыдно; Я уже взрослый, но за эту «шутку» мне ооочень стыдно!; но блин тааак стыдно!!!

Чувство стыда воспринимается как активная сила, воздействующая на человека, что выражено употреблением глаголов **глодать, раздирать, сжирать**: А потом меня раздирал невыносимый липкий стыд, я пыталась рассказать близким, и слова застревали в горле; А меня просто зложет чувство вины и стыд за прошлое, вот и лезу из кожи вон, чтобы хоть как-то себя оправдать...; Совесть сжирает, но ничего не

могу сделать: собирался честно признаться, что чувства ушли, встретил другую, влюбился, но жена объявила, что беременна уже третий месяц. В исследуемых текстах используется метафорическая конструкция **тяжелый груз стыда**, отражающая силу и степень воздействия на человека данной эмоции: В моем дворовом детстве было в ходу гадкое развлечение: мы бросали камни в бомжей. Осознание того, что это занятие не из достойных, пришло уже очень скоро, а вместе с ним мне на плечи лег тяжелый груз стыда и досады на собственную глупость.

Для описания мучительного переживания стыда в текстах используются метафоры, связанные с образом огня и жара: В моей 30-летней жизни есть только один случай, заставляющий меня гореть со стыда. ...; Я просто горела со стыда, когда бежала босиком к себе в комнату; Бывает, снимаем номер, жрем, смотрим кино, разговариваем, потом он везет меня домой. Только почему я сгораю от стыда на ресепшене под осуждающим взглядом индусов и арабов?. Они даже не обращаются прямо ко мне, словно я вещь; Странное ощущение, когда рьяное желание помочь перемежается со жгущим стыдом; Ни за что не прощу им этот голод и жгучее чувство стыда при воровстве каждый раз.

В исследуемом материале встречаются природоморфные метафоры. Силу эмоции передает сравнение стыда с волной или лавиной: Вставая на стул, делаю последнюю попытку подавить поднимающуюся во мне волну стыда и страха и... ; И только красная как рак мама пытается остановить эту лаvinу позора, которая вот-вот накроет нас с головой.

Единичны случаи сочетаемости слова стыд с наречиями **немного, немножко**, выражающими противоположный признак: Она рвет и мечет, а коллектив меня почти боготворит. Немножко стыдно, совсем чуть-чуть; Но мне немного было стыдно за шуточки мужа. В отличие от стыда неловкость (**неловко**) и неудобство (**неудобно**) отражают менее глубокое и интенсивное состояние, чем стыд [46]: Мне неловко, когда задают вопросы про мои отношения с мужем; Три дня назад увидела себя на общих фото на работе... и сразу ощутила и вес, и неудобство, и пропала уверенность в женской привлекательности... Ха, думала, что со мной такого никогда не будет...

3. Стыд – это эмоция, которая сопровождается другими эмоциональным и ментальными состояниями и реакциями:

– **страхом**: До сих пор помню то чувство страха, когда не можешь контролировать своё тело, вперемишку со стыдом; Оказалось, неделю питались сосисками и курицей, никому ничего не рассказывали – стыдно и страшно, что заберут в детдом; Спросить боюсь, как-то очень неловко и страшно; Есть одно событие, которое до сих пор со стыдом и лёгким ужасом вспоминаю;

– **шоком**: Мой шок в тот момент смешивался со стыдом;

– **раздражением**: И стыдно, и бесит одновременно. Родителям по 50 лет;

– **унижением**: Можно ли испытать где-то стыд и унижение в большей степени, чем в поликлиниках на медосмотре?

– **сожалением:** До сих пор очень стыдно, хоть прошло уже много времени. Жалею, что не попросила у неё тогда прощения;

– **отвращением:** До сих пор стыдно и противно от самой себя. Неизвестно, как бы сложилась судьба, если бы не струсил; Мне никогда не было так стыдно и мерзко в жизни, как тогда, в тот момент с этим письмом; Очень стыдно до сих пор и противно, хотя в глубине души смешино;

– **душевной болью:** Устала, как будто даже разлюбила... Стыдно и больно от этого.

В текстах, репрезентирующих данный признак, используются слова **смесь, примесь, смешанный, смешиваться и вперемешку**: Теперь вместо приветствия он всех оглядывает с какой-то смесью стыда и ненависти; Ощущала стыд с примесью страха, но родители тогда не ругались, ибо приняли вину за мою ложь на себя. Впервые!; Мне было лет 6-7. Мама любила таскать с собой на пьянки. Однажды она нажралась очень сильно. Всё закончилось, мы сидели на заднем сидении такси, она спала. Мы подъехали к нашему дому, таксист включил свет, и мы увидели, что она заблевала весь пол. Чётко помню то чувство стыда вперемешку с ненавистью. Мой шок в тот момент смешивался со стыдом, когда я подтирала ручейки мочи на лестничной площадке подъезда. Благо ночь и никто не видел этого позора.

4. Стыд – эмоция, вызывающая неконтролируемые физиологические реакции.

Одним из физиологических проявлений стыда является изменение цвета лица, что репрезентируется такими словами, как **краснеть, красный, пунцовый**: Помню как ему было стыдно, стоял, краснел и долго извинялся; Будущая свекровь, увидев мое красное от стыда лицо, крикнула: «Дим, ну не стыдно тебе? Здесь же девушка твоя!»; Из-за вина и болтовни он не заметил, а потом решил, что напортачил сам. А я сидел пунцовый от стыда и смеха, ликовал, а также метафорическими и сравнительными конструкциями: с пылающими от стыда щеками, пыланием моих щёк от стыда озарён весь город, красная как рак, сгорать от стыда; покраснели даже волосы на голове.

Стыд также может вызывать:

– **дрожь:** То, что я заметила дальше, до сих пор вызывает неконтролируемый рвотный позыв и содрогание тела от стыда; стук в висках: Я весь красный, с бешеным стуком в висках и готовый провалиться сквозь землю от стыда ушел в свою комнату;

– **потерю аппетита и сна:** А так-то я очень скромная девушка, и это предназначалось только для одного! Ни есть, ни спать не могу от стыда...;

– **тошноту:** Когда моему сыну было четыре года, я его избила. Он провинился, наврал, выкручивался. Я взбесилась, схватила скакалку и отхлестала его. Ребёнок прикрывался руками, я и сейчас вижу его распухшие пальцы. Чувство вины и стыда убойное, до тошноты. Сейчас ему двадцать шесть лет, он не помнит всего этого;

– **движение взгляда:** Увидев мой взгляд, застеснялся, перестал петь, глаза опустил и пошел вперед;

– **жар:** Аж в жар бросило от стыда и злости; Перед венчанием я в слезах и с горящими от стыда щеками пошла к священнику спрашивать, правда ли это и НЕТ. Никто так не делает;

– **движение тела:** Пока те ехали, от стыда съезжилась кое-как и вылезла; Мама, красная от стыда, не понимая, откуда я услышала это, стала держать меня еще крепче;

– **слёзы:** Вспоминаю и слёзы наворачиваются от стыда; В этот момент я ошалел. Даже мурашки пошли по телу. На аватарке я не узнал врача, с которым мне ещё предстояло увидеться. Я уж было начал отговариваться, но толку? Меня заблокировали. Вспоминаю и слёзы наворачиваются от стыда. Хотелось провалиться сквозь землю; ... как только я начал её представлять, то мне стало так стыдно, что я расплакался.

Сильное чувство стыда вызывает желание скрыться, убежать, быть незаметным: Я поспешно убежала, от стыда мне не хотелось выходить на улицу неделю; От стыда готова уехать в другую страну; До сих пор, когда вспоминаю все наши ссоры, замечаю, что прямо-таки начинаю быстро идти, не зная куда. Видимо, пытаюсь убежать от стыда.

Частотно употребление сравнительных и метафорических конструкции: Уроки кончились, все начали собираться и громко это обсуждать. От стыда я сидела тише воды, ниже травы; Я готова была под землю провалиться со стыда; До сих пор как вспомню, так сквозь землю провалиться хочется; Как же мне стыдно за нее в такие моменты... Хочу под землю провалиться.

5. Стыд – продолжительная по времени эмоция.

Фиксируется сочетаемость лексемы семья с прилагательными **бесконечный, вечный**: Испытываю бесконечный страх, стыд; Из детства помню лишь побои, вечный стыд за пьяного отца и вечно битую мать. Слово стыд используется в устойчивых словосочетаниях и конструкциях:

– **стыдно всю жизнь / всю школу:** Был у меня в жизни случай, за который мне всю жизнь стыдно; Сейчас, спустя несколько лет, я смогла из этого выпутаться, но стыд останется со мной на всю жизнь; Всю школу было стыдно за пьющего отца и плохие условия дома;

– **стыдно до сих пор:** А потом я свалил. Бедная девочка осталась одна с попкорном. Мне до сих пор стыдно за этот случай; В итоге всё-таки призналась и отдала кроссовки. Прошло много лет, а стыдно до сих пор; И мне до сих пор стыдно, что мне не было жалко детей, я боялась, что кого-то из детей заберут к нам и мне достанется меньше любви от родителей;

– **стыдно много лет:** Не спалился, но стыдно много лет.

Чувство стыда может возникать при воспоминаниях о совершенных поступках даже спустя долгое время. Это связано с тем, что память сохраняет информацию о событиях и переживаниях, и когда человек вспоминает об этих событиях, он может вновь испытывать те же эмоции, которые были связаны с этими событиями: Стыдно вспоминать, как по синьке полезла в драку с мужиком. Прошло так много лет, каждый раз со стыдом вспоминаю тот поступок, но ее характер несколько не изменился. Осознание неблагоприятности совершенного поступка и чувство стыда может возникнуть спустя какое-то время: Сейчас стыдно, а

тогда с братом и местными парнями две недели ржали; В возрасте около 14 воровал у бабушки то 500Р, то 1000Р. Шиковал я по полной. И все валил, что она старая и в маразме, мне верили. Сейчас понимаю, какой же я был дебил и как стыдно. Прости, бабуль; Раньше воспринималось как что-то обыкновенное, а сейчас – стыд.

6. Стыд – это негативно оцениваемая эмоция.

В сочетании со словом стыд используются прилагательные, содержащие отрицательную оценку данной эмоции: *ужасный, гребаный, невыносимый*: *Этот ужасный стыд теперь со мной на всю жизнь; Я испытала в тот момент гребаный стыд; А потом меня раздирал невыносимый липкий стыд, я пыталась рассказать близким, и слова застревали в горле.*

В исследуемых текстах описание переживания стыда может сопровождаться негативной характеристикой человека, который совершил постыдный поступок (чаще всего самого себя): *Сейчас вспоминаю и стыдно безумно. Мелкая дура; В 15 лет настал переломный момент: вела себя как последняя дрянь, материла маму, дралась с ней, домой приходила когда как, на все мамыны замечания и просьбы реагировала агрессивно. До сих пор, когда вспоминаю все наши ссоры, замечая, что прямо-таки начинаю быстро идти, не зная куда. Видимо, пытаюсь убежать от стыда; Господи, кто бы знал, как я жалею об этом; как мне стыдно перед ним за всё говно, что я ему сделала, и боль, которую причинила. Он сейчас женат, надеюсь, что он её любит, а она – его, и всё у него хорошо. А я самая большая дура, которую я знаю...; Мне мучительно стыдно, страшно, что все узнают, какая я дрянь; Никогда не забуду её слезы на глазах, с которыми она ушла на работу. Я тварь; Я стрёмная и тупая жена. ... Мужа жаль, за себя стыдно.*

Единичны высказывания, в которых стыд описывается как эмоция, подталкивающая человека к лучшему: *Стыд стал для меня двигателем прогресса, с тех пор навсегда изменила жизнь; Чувство стыда, которое возникало после его объяснений, было для меня сильнейшим стимулом не выражаться больше никогда; И мне становится стыдно за медицину, и вновь появляется желание учиться. Вот такой у меня мотиватор.*

Таким образом, концепт «Стыд» – один из ключевых концептов жанра интернет-откровения, что подтверждает высокая плотность номинативного поля, частность употребления в исследуемых текстах лексем – наименований стыда, большое количество метафорических и прагматических смыслов, передаваемых ими. Стыд отражает фрагмент ценностной картины. В основе когнитивных признаков концепта лежат отдельные аспекты переживания данной эмоции, связанные с причинами возникновения стыда, интенсивностью и длительностью переживания, характером протекания эмоции. Стыд описывается как негативная, часто мучительная эмоция, которая сопровождается другими ментальными и эмоциональными состояниями, остается долгое время в памяти человека.

Реализация составляющих понятийного слоя концепта зависит от речевого жанра, в котором он реализуется. В частности, в жанре интернет-откровений стыд чаще касается физической стороны человека, нежели духовной или религиозной. В исследуемых текстах значительное место занимает описание проявления стыда на физиологическом уровне. Это отличает данный жанр от других, например жанра художественной литературы, где понятийная сторона концепта «Стыд» связана с осознанием человеком ошибочности собственных действий и расплаты, наказания за ошибки или же их прощении [20].

Примечания

¹ В используемых материалах сохранена авторская орфография и пунктуация.

² В скобках указано количество использования номинантов в материалах исследования.

Список источников

1. Данилова Ю.Н. Вина и стыд в культурах Запада, России и Востока : дис. ... канд. филол. наук. Курган, 2016. 161 с.
2. Прокофьев А.В. О моральном значении стыда // Этическая мысль. 2016. Т. 16, № 2. С. 106–122.
3. Scheff T.J. Shame in Self and Society // Symbolic Interaction. 2003 Vol. 26, № 2. P. 239–262.
4. Элиас Н. Общество индивидов / пер. с нем. М. : Праксис, 2001. 336 с.
5. Creighton M.R. Revisiting shame and guilt cultures: A forty-year pilgrimage // Ethos. 1990. № 18 (3). P. 279–307.
6. Смотров Т.Н., Чаплыгина А.А. Вина и стыд как регуляторы социального поведения // Актуальные проблемы безопасности жизнедеятельности и физической культуры : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Кашицына. Саратов, 2018. С. 224–230.
7. Изард К. Психология эмоций: пер. с англ. СПб. : Питер, 1999. 464 с.
8. Rudolph U., Schulz K., Tschakertschew N. Moral emotions: An analysis guided by Heider's naive action analysis // International Journal of Advances in Psychology. 2013. № 2 (2). P. 69–92.
9. Сычев О.А., Нестик Т.А. Моральные основания стыда и гордости за свою страну // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19, № 3. С. 528–549.
10. Lewis H.B. Shame and guilt in neurosis // Psychoanalytic review. 1971. № 58 (3). P. 419–438.
11. Скляр Е.С. Сравнительная характеристика концептов «смущение» и «стыд» в поэтических текстах А.А. Фета и Ф.И. Тютчева // Курское слово. 2008. № 5. С. 61–67.
12. Малахова С.А. Семантическая структура концепта «стыд» в русском поэтическом дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 6. С. 80–85.
13. Красавский Н.А. Эмоциональный концепт «Стыд» в романе Роберта Музиля «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 91–95.
14. Колмогорова А.В. Конкуренция и конфликт сложных концептов Гордость и Стыд как когнитивный базис стратегии дискредитации в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 76–83.
15. Погребняк Ю.В., Вань С. Структурно-семантические характеристики концепта «Стыд» в русской и китайской лингвокультурах (на материале пословиц, поговорок и фразеологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 9-10 (113). С. 96–100.
16. Волошина С.В., Толстова М.А. Репрезентация концепта «стыд» в женском автобиографическом дискурсе (на материале диалектной коммуникации) // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 30–37. doi: 10.17223/15617793/461/4
17. Антонова Л.Е. Языковое воплощение дискомфортных эмоций в современном русском языке (на примере стыда и сомнения) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 17, № 43-1. С. 21–27.

18. Меньшикова С.И. Концепт психического состояния «Стыд» и вербальные средства его выражения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2007. № 7. С. 56–65.
19. Малахова С.А. Синонимический ряд концепта «Стыд» в русском языке // Альманах современной науки и образования. 2008. № 2–3. С. 147–149.
20. Дженкова Е.А. Концепты «Стыд» и «Вина» в русской и немецкой лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
21. Стефанский Е.Е. Стыд как особый вид иррационального страха (на материале русской, польской и чешской лингвокультуры) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2008. № 1 (3). С. 181–189.
22. Малахова С.А. Личностно-эмоциональные концепты «Гордость» и «Стыд» в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 22 с.
23. Душенкова Т.Р. Понятия стыд и совесть в удмуртской лингвокультуре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 23–30.
24. Калинина В.В. Эмоционально-этический концепт SHAME и его когнитивно-дискурсивный потенциал : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 166 с.
25. Шкапа Н. Стыд и вина в японской культуре // Вестник Челябинского университета. 2004. № 1. С. 169–173.
26. Гришина Е.С. Об особенностях переживания стыда и вины в различных культурах // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12, № 3 (57–58). С. 291–297.
27. Цуй Х. Интернет-откровение как речевой жанр // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 1 (231). С. 41–49.
28. Сайт «Подслушано». URL: <https://ideer.ru/> (дата обращения: 01.02.2024).
29. Сайт «Викиреальность». URL: <https://wikireality.ru/wiki/Подслушано> (дата обращения: 02.04.2024).
30. Паблик «Подслушано у медиков» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public160966228> (дата обращения: 02.04.2024).
31. Паблик «Подслушано у строителей» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/podslushano_stroitelstvo (дата обращения: 02.04.2024).
32. Паблик «Подслушано у учителей» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/secrets_of_teachers (дата обращения: 02.04.2024).
33. Паблик «Подслушано: у мам, родителей» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/podslushano_rod (дата обращения: 02.04.2024).
34. Паблик «Подслушано у Мам / Подслушано у беременных» // ВКонтакте. URL: https://vk.com/podslushano_y_mam (дата обращения: 02.04.2024).
35. Паблик «Подслушано Мужское&Женское» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public155622384> (дата обращения: 02.04.2024).
36. Паблик «Подслушано у Семейных» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public131852187> (дата обращения: 02.04.2024).
37. Паблик «Подслушано у Девушек» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/girlrumors> (дата обращения: 02.04.2024).
38. Паблик «Подслушано у Мам» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/podslushanomama2016> (дата обращения: 02.04.2024).
39. Паблик «Подслушано у женатых» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/podslushanouzhenatih> (дата обращения: 02.04.2024).
40. Паблик «Подслушано у семейных | Подслушано у замужних» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/puz21> (дата обращения: 02.04.2024).
41. Паблик «Подслушано в семье» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/secretsem> (дата обращения: 02.04.2024).
42. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
43. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж : Истоки, 2004. 80 с.
44. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1535 с.
45. Антонова Л.Е. Группа слов с семантикой стыда в современном русском языке // XXVI Международная филологическая конференция. СПб. : СПбГУ, 2007. С. 123–129.
46. Апресян Ю.Д. Стыдиться, стесняться, смущаться, конфузиться // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва ; Вена : Языки славянской культуры : Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
47. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести // Логический анализ языка. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 60–84.
48. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Грамматика позора // Логический анализ языка. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 222–240.
49. Ильин Е.П. Психология совести: вина, стыд, раскаяние. СПб. : Питер, 2016. 288 с.

References

1. Danilova, Yu.N. (2016) *Vina i styd v kul'turakh Zapada, Rossii i Vostoka* [Guilt and shame in the cultures of the West, Russia, and the East]. Philology Cand. Diss, Kurgan.
2. Prokofev, A.V. (2016) O moral'nom znachenii styda [On the moral significance of shame]. *Etcheskaya mysl'*. 16 (2). pp. 106–122.
3. Scheff, T.J. (2003) Shame in Self and Society. *Symbolic Interaction*. 26 (2). pp. 239–262.
4. Elias, N. (2001) *Obshchestvo individov* [The society of individuals]. Translated from English by M. Lytkin. Moscow: Praksis.
5. Creighton, M.R. (1990) Revisiting shame and guilt cultures: A forty-year pilgrimage. *Ethos*. 18 (3). pp. 279–307.
6. Smotrova, T.N. & Chaplygina, A.A. (2018) Vina i styd kak regulatory sotsial'nogo povedeniya [Guilt and shame as regulators of social behavior]. In: Kashitsyna, L.V. (ed.) *Aktual'nye problemy bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti i fizicheskoi kul'tury* [Current issues of life safety and physical education]. Saratov. pp. 224–230.
7. Izard, K. (1999) *Psikhologiya emotsii* [The psychology of emotions]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
8. Rudolph, U., Schulz, K. & Tscharktschew, N. (2013) Moral emotions: An analysis guided by Heider's naive action analysis. *International Journal of Advances in Psychology*. 2. 2. pp. 69–92.
9. Sychev, O.A. & Nestik, T.A. (2022) Moral'nye osnovaniya styda i gordosti za svoyu stranu [Moral foundations of shame and pride for one's country]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 19 (3). pp. 528–549.
10. Lewis, H.B. (1971) Shame and guilt in neurosis. *Psychoanalytic Review*. 58 (3). pp. 419–438.
11. Sklyar, E.S. (2008) Sravnitel'naya kharakteristika kontseptov "smushchenie" i "styd" v poeticheskikh tekstakh A.A. Feta i F.I. Tyutcheva [Comparative characteristics of the concepts "embarrassment" and "shame" in the poetic texts of A.A. Fet and F.I. Tyutchev]. *Kurskoe slovo*. 5. pp. 61–67.
12. Malakhova, S.A. (2008) Semanticheskaya struktura kontsepta "styd" v russkom poeticheskom diskurse [The semantic structure of the concept "shame" in Russian poetic discourse]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 6. pp. 80–85.
13. Krasavskiy, N.A. (2014) Emotsional'nyy kontsept "Styd" v romane Roberta Muzilya "Dushevnye smuty vospitannika Terlesa" [The emotional concept "Shame" in Robert Musil's novel The Confusions of Young Törless]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 10 (95). pp. 91–95.
14. Kolmogorova, A.V. (2014) Konkurentsia i konflikt slozhnykh kontseptov Gordost' i Styd kak kognitivnyy bazis strategii diskreditatsii v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii [Competition and conflict of the complex concepts Pride and Shame as a cognitive basis for discrediting strategies in modern political communication]. *Politicheskaya lingvistika* 1 (47). pp. 76–83.
15. Pogrebnyak, Yu.V. & Van, S. (2016) Strukturno-semanticheskie kharakteristiki kontsepta "Styd" v russkoy i kitaiskoi lingvokul'turakh (na materiale poslovits, pogovorok i frazeologizmov) [Structural and semantic characteristics of the concept "Shame" in Russian and Chinese linguocultures (based on proverbs, sayings, and phraseological units)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 9–10 (113). pp. 96–100.
16. Voloshina, S.V. & Tolstova, M.A. (2020) Representation of the concept "shame" in female autobiographical discourse (based on dialect communication)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 30–37. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/4
17. Antonova, L.E. (2007) Yazykovoe voploshchenie diskomfortnykh emotsii v sovremenном russkom yazyke (na primere styda i somneniya) [Linguistic embodiment of discomfort emotions in modern Russian (on the example of shame and doubt)]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 17 (43-1). pp. 21–27.

18. Men'shikova, S.I. (2007) Kontsept psikhicheskogo sostoyaniya "Styd" i verbal'nye sredstva ego vyrazheniya [The concept of the mental state "Shame" and verbal means of its expression]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 7. pp. 56–65.
19. Malakhova, S.A. (2008) Sinonimicheskiy ryad kontsepta "Styd" v russkom yazyke [The synonymous series of the concept "Shame" in Russian]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 2–3. pp. 147–149.
20. Dzhenkova, E.A. (2005) *Kontsepty "Styd" i "Vina" v russkoy i nemetskoj lingvokul'turakh* [The concepts "Shame" and "Guilt" in Russian and German linguocultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
21. Stefanskiy, E.E. (2008) Styd kak osobyiy vid irratsional'nogo strakha (na materiale russkoy, pol'skoi i cheshskoi lingvokul'tur) [Shame as a special kind of irrational fear (based on Russian, Polish, and Czech linguocultures)]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. 1 (3). pp. 181–189.
22. Malakhova, S.A. (2009) *Lichnostno-emotsional'nye kontsepty "Gordost'" i "Styd" v russkoy i angliiskoi lingvokul'turakh* [Personal-emotional concepts "Pride" and "Shame" in Russian and English linguocultures]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
23. Dushenkova, T.R. (2012) Ponyatiya styd i sovest' v udmurtskoi lingvokul'ture [The concepts of shame and conscience in Udmurt linguoculture]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 4. pp. 23–30.
24. Kalinina, V.V. (2009) *Emotsional'no-eticheskii kontsept SHAME i ego kognitivno-diskursivnyy potentsial* [The emotional-ethical concept SHAME and its cognitive-discursive potential]. Philology Cand. Diss. Irkutsk.
25. Shkapa, N. (2004) Styd i vina v yaponskoi kul'ture [Shame and guilt in Japanese culture]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*. 1. pp. 169–173.
26. Grishina, E.S. (2010) Ob osobennostyakh perezhivaniya styda i viny v razlichnykh kul'turakh [On the peculiarities of experiencing shame and guilt in different cultures]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 12:3 (57–58). pp. 291–297.
27. Cui, H. (2024) Internet-otkrovenie kak rechevoi zhanr [Internet confession as a speech genre]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1 (231). pp. 41–49.
28. *Podslushanno* [Overheard]. (n.d.). [Online] Available from: <https://ideer.ru/> (Accessed: 01.02.2024).
29. *Vikireal'nost'* [Wiki Reality]. (n.d.). [Online] Available from: <https://wikireality.ru/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D1%81%D0%BB%D1%83%D1%88%D0%B0%D0%BD%D0%BE> (Accessed: 02.04.2024).
30. *Podslushano u medikov* [Overheard from medics]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: <https://vk.com/public160966228> (Accessed: 02.04.2024).
31. *Podslushano u stroitelei* [Overheard from builders]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: https://vk.com/podslushano_stroitelstvo (Accessed: 02.04.2024).
32. *Podslushano u uchitelei* [Overheard from teachers]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: https://vk.com/secrets_of_teachers (Accessed: 02.04.2024).
33. *Podslushano: u mam, roditelei* [Overheard from moms, parents]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: https://vk.com/podslushano_rod (Accessed: 02.04.2024).
34. *Podslushano u Mam / Podslushano u beremennykh* [Overheard from moms / Overheard from pregnant women]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: https://vk.com/podslushano_y_mam (Accessed: 02.04.2024).
35. *Podslushano Muzhskoe i Zhenskoe* [Overheard men & women]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: <https://vk.com/public155622384> (Accessed: 02.04.2024).
36. *Podslushano u Semeinykh* [Overheard from married people]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: <https://vk.com/public131852187> (Accessed: 02.04.2024).
37. *Podslushano u Devushek* [Overheard from girls]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: <https://vk.com/girlrumors> (Accessed: 02.04.2024).
38. *Podslushano u Mam* [Overheard from moms]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: <https://vk.com/podslushanomama2016> (Accessed: 02.04.2024).
39. *Podslushano u zhenatykh* [Overheard from married men]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: <https://vk.com/podslushanouzhenatikh> (Accessed: 02.04.2024).
40. *Podslushano u semeinykh | Podslushano u zamuzhnykh* [Overheard from married couples | Overheard from wives]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: <https://vk.com/puz21> (Accessed: 02.04.2024).
41. *Podslushano v sem'e* [Overheard in the family]. (n.d.). VKontakte. [Online] Available from: <https://vk.com/secretsem> (Accessed: 02.04.2024).
42. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena.
43. Rudakova, A.V. (2004) *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitology and cognitive linguistics]. Voronezh: Istoki.
44. Kuznetsov, S.A. (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Comprehensive explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.
45. Antonova, L.E. (2007) [A group of words with the semantics of shame in modern Russian]. *XXVI Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya* [XXVI International Philological Conference]. Saint Petersburg: SPbSU. pp. 123–129.
46. Apresyan, Yu.D. (2004) Stydit'sya, stesnyat'sya, smushchat'sya, konfuzit'sya [To be ashamed, to be shy, to be embarrassed, to be abashed]. In: *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of Russian synonyms]. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury; Venskii slavisticheskii al'manakh.
47. Arutyunova, N.D. (2000) O styde i sovesti [On shame and conscience]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka* [Logical analysis of language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 60–84.
48. Bulygina, T.V. & Shmelev, A.D. (2000) Grammatika pozora [The grammar of shame]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskii analiz yazyka* [Logical analysis of language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 222–240.
49. I'in, E.P. (2016) *Psikhologiya sovesti: vina, styd, raskayanie* [The psychology of conscience: guilt, shame, repentance]. Saint Petersburg: Piter.

Информация об авторах:

Толстова М.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Цуй Хуэйин – аспирант кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: cuihuiying1990@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.A. Tolstova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Cui Huiying, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: cuihuiying1990@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024;
одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 04.05.2024;
approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/509/6

Александр Зиновьев и Солженицын в контексте эпохи. Статья первая. 1960-е гг. – 1985 г.

Павел Евгеньевич Фокин^{1, 2}

¹ Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля, Москва, Россия

² Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Россия
^{1, 2} pfokin@mail.ru

Аннотация. Представлена первая часть исследования идейного противостояния двух крупнейших отечественных писателей и мыслителей XX в., определивших ход духовно-нравственного, интеллектуального и общественно-политического развития СССР во второй половине столетия, – А.И. Солженицына и А.А. Зиновьева. На материале художественных и публицистических текстов писателей, обзора публикаций в прессе Франции, Италии, Германии, Швейцарии и других стран. 1970–1980-х гг. детально восстанавливается история взаимоотношений.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, А.А. Зиновьев, «Зияющие высоты», «Светлое будущее», литература русской эмиграции, диссиденты

Источник финансирования: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

Для цитирования: Фокин П.Е. Александр Зиновьев и Солженицын в контексте эпохи. Статья первая. 1960-е гг. – 1985 г. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 65–75. doi: 10.17223/15617793/509/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/6

Alexander Zinoviev and Solzhenitsyn in the context of the era. Article one. 1960s–1985

Pavel E. Fokin^{1, 2}

¹ Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature, Moscow, Russian Federation

² Russian Christian Academy for the Humanities, Saint Petersburg, Russian Federation
^{1, 2} pfokin@mail.ru

Abstract. The article examines the history of the ideological confrontation between Alexander Zinoviev (1922–2006) and Alexander Solzhenitsyn (1918–2008) — two of the most significant figures in the socio-political and literary processes of the second half of the 20th century. Their works and personal behavior became an important stage both in the development of national self-awareness and in the understanding of the Soviet social experiment by Western analysts. Contemporaries perceived their literary and journalistic activities in a dialectical relationship. The differences in the artistic strategies and historiographical concepts of Zinoviev and Solzhenitsyn have been the subject of intense reflection by Russian and Western European intellectuals for several decades. As a result, a certain stereotype has emerged that simplistically interprets the ideological relationships of writers as mutually exclusive. At the same time, they are more complex and ambiguous. The article, based on an analysis of literary material, publicistic speeches, interviews and critical articles published in periodicals of the Russian diaspora, in newspapers and magazines of France, Italy, Belgium, Switzerland, Germany and elsewhere in the 1970s and 1980s, reconstructs the true picture of relations. Most of the materials are introduced into scientific discourse for the first time. Zinoviev did not share Solzhenitsyn's historiographical and socio-political concept; he had his own understanding of the nature and character of Soviet society, based on the principles of logical analysis, which he called "real communism". At the same time, Zinoviev deeply sympathized with the pathos of moral transformation that permeated Solzhenitsyn's work. Zinoviev's polemical position towards Solzhenitsyn's views was reflected in the novel *Yawning Heights* (1976), in which a character named Pravdets (Truth-teller) appears, based on Solzhenitsyn's socio-political activities. Zinoviev continued his polemic with Solzhenitsyn in his novel *The Radiant Future* (1978). Zinoviev and Solzhenitsyn never met in person. Solzhenitsyn, being familiar with Zinoviev's works and views, practically did not speak publicly about him, but he perceived them negatively. Solzhenitsyn's long silence was partly due to the fact that during these years he was focused on working on the novels from *The Red Wheel* cycle. He expressed his position in 1982 in the article "Our Pluralists", in which he responded to all his opponents at once (including Zinoviev). The article outlined the irreconcilability of Solzhenitsyn's position and the personal rejection of his ideological opponents. In view of these circumstances, Zinoviev temporarily

ceased his polemics with Solzhenitsyn, which would resume under the new conditions of the 1990s. The history of the relationship between Zinoviev and Solzhenitsyn in the 1960s–1980s is a vivid example of the intensive search for paths of Russia's historical development in the circle of the civic-minded Russian intelligentsia of the second half of the 20th century.

Keywords: Alexander Solzhenitsyn, Alexander Zinoviev, "The Yawning Heights", "The Radiant Future", literature of Russian emigration, dissidents

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01735, <https://rscf.ru/project/23-28-01735/>.

For citation: Fokin, P.E. (2024) Alexander Zinoviev and Solzhenitsyn in the context of the era. Article one. 1960s–1985. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 65–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/6

Одним из важнейших не только литературных, но и общественно-политических событий 1960-х гг. стала публикация в ноябре 1962 г. на страницах журнала «Новый мир» повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Читателей потряс не только созданный писателем образ лагерного мира, трагический колорит которого грубо нарушал светлую картину действительности, созданную стараниями искусства социалистического реализма, но и сам факт публикации произведения на эту тему на страницах советского официального издания.

Фигура Солженицына в одночасье стала символом гражданского сопротивления и борьбы с тоталитаризмом. Его личность и слово вызывают жадное внимание и становятся духовным ядром, вокруг которого стремительно начинает формироваться поле деятельного инакомыслия. Те силы интеллектуального и нравственного возмущения, которые копились в обществе и не находили выхода, обрели своего лидера, получили пример и образец поведения.

В последующие годы значение литературной, публицистической и общественной деятельности Солженицына неуклонно возрастало. Мощное сопротивление, которое партийное руководство страны и КГБ постарались организовать, отклоняя и преследуя его новые произведения, только усиливало позиции Солженицына среди равнодушных соотечественников, готовых всемерно поддерживать его, помогать развитию процессов высвобождения общества от оков идеологического единомыслия, коммунистической пропаганды и лжи.

Шедший своим путём личностного сопротивления Александр Зиновьев к этому времени уже был хорошо известен в кругу московских интеллектуалов своими остро критическими взглядами на советскую действительность, злыми, язвительными оценками партийного руководства, бескомпромиссным поведением, дерзкими, вызывавшими шок и зависть поступками. У него были свои поклонники и последователи. При этом он был доктором философских наук, профессором МГУ, ведущим научным сотрудником Института философии и членом редколлегии второго по значимости идеологического органа ЦК КПСС журнала «Вопросы философии».

Некогда избранная им стратегия существования как «суверенного государства» из одного человека была до определённого момента социально успешной. Эта стратегия предполагала политику «невмешательства»,

при которой личность, сосредоточенная на построении и сохранении собственного духовно-нравственного мира, не имела цели преобразовывать мир вокруг себя. Советская система готова была это терпеть и даже иногда поощрять внешне лояльного к ней индивида, допуская возможность его постепенного приручения и ангажирования в число своих сторонников.

Впрочем, в поведении Зиновьева не было корыстного лицемерного двоемыслия, столь характерного для большинства его соотечественников из числа интеллигенции. Он никогда не заискивал перед властью. Он ставил свой личный жизненный эксперимент автономного социального существования. Все его достижения были своеобразной ошибкой системы, принимавшей стратегию «суверенного государства» за банальный конформизм, бессильный и безопасный для неё.

Каждый советский школьник, а не то, что профессор философии, знал ленинскую фразу: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [1. С. 104]. Знал её и Зиновьев. Упрямо пытался её опровергнуть, но чем дальше, тем больше, его «суверенное государство» вступало в конфликт с общественно-политической реальностью, требовавшей безоговорочного подчинения и полного принятия правил игры.

Назревал и внутренний конфликт с принятой им нравственной системой ценностей, выстроенной в духе этического максимализма. Он не мог не чувствовать двусмысленности ситуации: всё, что его окружало, вызывало неприятие и отторжение, но он продолжал жить в этой среде – ходить на работу и партсобрания, получать зарплату, писать статьи и доклады, участвовать в создании стенгазеты, выпивать в компании сослуживцев, вести с ними пространственные разговоры, хохмить.

К концу 1960-х гг. его псевдолояльность стала вызывать подозрение – последовало отстранение от должности заведующего кафедрой, негласное лишение руководства аспирантурой, исключение из состава редколлегии журнала «Вопросы философии», отклонение его кандидатуры при выдвижении на звание члена-корреспондента Академии наук. Постепенно «суверенное государство» становилось государством-изгоем. Наступил кризис, ждавший своего разрешения.

На фоне всего этого личность Солженицына, его мощно подсвеченная западными СМИ (в особенности после присуждения ему в 1970 г. Нобелевской премии

по литературе) гражданская активность, целеустремленность и бескомпромиссность резко проблематизировали концепцию «суверенного государства».

Не отменяя ее в целом, новые обстоятельства требовали если не глубинной модернизации, то как минимум пересмотра «внешней политики». Явление Солженицына стало вызовом как всей советской системе в целом, так и каждому её члену, в том числе «суверенному государству» Зиновьева.

Солженицын тоже был в своём роде «суверенным государством». И это «суверенное государство» объявило войну советской системе. И побеждало. Арест и осуждение Солженицына, лишение его гражданства СССР и высылка за границу в феврале 1974 г., будучи формально проявлением силы государства, на самом деле было актом его капитуляции. Это стало ясно сразу, как только прошёл первый шок от события. Пример Солженицына показывал возможный путь выхода из кризиса – рискованный, драматичный, чреватый испытаниями и болью, но, пожалуй, единственно достойный для «суверенного государства». Путь войны. Фронтовика Зиновьева такой путь вдохновлял.

Спустя несколько месяцев после высылки Солженицына он начинает писать свой судьбоносный роман «Зияющие высоты». Призыв изгнанника «Жить не по лжи!» был созвучен нравственному императиву Зиновьева. В романе, в котором Солженицын выведен под именем Правдец, его решающая роль в пробуждении личности однозначно обозначена в первом же эпизоде, в котором он упоминается в главке с показательным названием «Личность»:

Чтобы стать социальным существом (гражданином), человек должен смотреть в себя и не противиться себе. Чтобы стать личностью, человек должен иметь поражающий воображение образец во вне, безотчетное желание стать похожим на него, преодолеть страх и совершить действие, объявляющее принадлежность к образцу. Несмотря на отдельные регулярно проводимые порки, жизнь ибанской интеллигенции текла почти безмятежно и временами даже радостно до тех пор, пока не выступил Правдец и не спросил у каждого «Кто ты?». И услышавшие этот вопрос пошли разными путями. Большинство ушло в гражданина, очень немногие в личность. По крайней мере потенциально [2. С. 205].

«Солженицын сыграл важную роль в моей жизни», – признавался позднее Зиновьев в интервью газете *La libre Belgique* [3. С. 4].

Зиновьев с Солженицыным лично никогда не встречались. Как в Москве, так и в годы эмиграции. Это неудивительно, зная особый, конспиративный образ жизни Солженицына, подробно описанный им в книгах «Бодался телёнок с дубом» (в первую очередь) и «Угодило зёрнышко меж двух жерновов». Его окружали только доверенные люди, а сам он редко бывал на публике. В годы изгнания Зиновьев и Солженицын и вовсе жили на разных континентах. Хотя у них были общие знакомые. В частности, в Москве – Ю. Карякин, горячо содействовавший в продвижении текстов Солженицына. За границей – М. Ростропович, Г. Вишневская, Ю. Любимов, Ж. Нива. Как принято говорить, их отделяло друг от друга одно рукопожатие.

Зиновьев и в Москве, и за границей был в курсе литературной деятельности Солженицына, читал, по

мере их публикации, «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ», «Ленин в Цюрихе», «Август Четырнадцатого». Читал (или чаще слышал по радио) и публицистику. Естественно, что книги Солженицына, вышедшие за границу, не всегда было просто получить в руки, а читать их приходилось наскоро и урывками.

В интервью газете *La libre Belgique* (Брюссель, 1978), Зиновьев говорил, что «Один день Ивана Денисовича» ему не понравился. Его смутило, что повесть была напечатана в советском журнале, а значит подверглась цензурным искажениям и всей правды в ней нет. Например, в воинской части, в которой служил перед войной Зиновьев, условия были гораздо хуже, чем у Ивана Денисовича, а ведь то была обыкновенная часть, что уж говорить о лагере.

О других произведениях Зиновьев говорил в большом интервью Ж. Нива *L'Etat Zinoviev* для парижского журнала *L'Express International* (1985, позже вышедшем на русском языке в журнале «Стрелец», 1986):

Я ценю его в «Круге первом» и «Архипелаг ГУЛАГ» как литературные произведения. Я повторяю – как литературные. По поводу всего остального, по поводу его концепции, касающейся СССР – это умышленная фальсификация. «Август 14-го», «Ленин в Цюрихе» – я отвергаю их с исторической и литературной точек зрения [4. С. 27].

При всей критичности взгляда на произведения Солженицына, Зиновьев в 1970–1980-е гг. неизменно отмечал его заслуги в духовном обновлении советского общества. В том же интервью Ж. Нива он говорил: «Я ценю Солженицына как духовное явление в России» [4. С. 27].

В «Зияющих высотах» звучат такие оценки феномена Солженицына:

Теперь люди не хотят Бога в душе. Значит, если они хотят нравственное общество, они должны бороться за зарождение, сохранение, укрепление, преемственность и т.д. Бога во вне, – какие-то средства предавать гласности хотя бы ничтожную долю поступков людей, правдивое их описание и моральную оценку. Мы еще не отдаем себе отчета в том, какую громадную роль в этом деле сыграли известные тебе два крупнейших события последних десятилетий – доклад Хрюка (Хрущёва. – П.Ф.) и Книга Правдеца. Если хочешь знать, Хрюк сыграл роль Предтечи, а Правдец – Спасителя. Я не шучу. Они начали (вольно или нет, иной вопрос) дело нравственного совершенствования общества [2. С. 739].

Ты не хочешь лепить Правдеца. Тебе кажется, что он соизмерим с тобой, поскольку как художник ты не меньше, а может быть больше, чем он. Ты гений. Но ты все-таки ибанец. Ты ибанский гений. Правдец, если даже допустить, что он посредственный художник, есть Бог. Пусть ибанский Бог. Пусть Божок. Боженок. Полубог. Но все же он принес в наше общество хотя бы крупину Бога [2. С. 747].

Примечательно, что в романе Правдец выступает как автор Книги (с прописной буквы). Не романа, сочинения, а именно Книги. Здесь очевидна аллюзия на Библию.

Очень трудно оценить деятельность Солженицына, – говорил Зиновьев в упомянутом интервью для *La libre Belgique*, – для меня он был олицетворением гнева Божьего, который был обрушен на Сталина и его паству. Я рассматри-

ваго это не на человеческом уровне, а практически с религиозной точки зрения. Вот почему я его не могу судить и оценивать [3. С. 4].

Фигура Солженицына стала предметом художественной рефлексии Зиновьева. К ней он обращается в романах «Зияющие высоты» (1976), «Светлое будущее» (1978), имя Солженицына неизменно появляется и в других его произведениях – «В преддверии рая» (1979), «Жёлтый дом» (1980), «Гомо советикус» (1982). Неоднократно упоминается в публицистике, интервью и публичных выступлениях. Для Зиновьева Солженицын не только значительное явление в литературе, но и важный фактор социальной жизни.

В «Зияющих высотах» в соответствии с жанром гротескной фантазмагии, в который облёк свои социологические взгляды Зиновьев, Солженицын, как было сказано выше, выступает под именем Правдец. Имя Правдец, на первый взгляд звучащее иронически, на самом деле оценочно нейтрально. Оно своего рода концепт, описывающей определённый тип поведения – человек во всех ситуациях, отстаивающий правду. Это не просто правдоискатель или правдолюб, а борец за правду. Именно этот аспект деятельности Солженицына важно было подчеркнуть Зиновьеву. Писательская ипостась Солженицына ему в пространстве романного мира «Зияющих высот» менее важна. Его профессия имеет второстепенный характер по отношению к его социальной роли. Правдец мог бы быть и учёным, и кинематографистом, кем-либо ещё. Именно поэтому Правдец не пародия и не карикатура на Солженицына. Художественная задача у Зиновьева другая. Солженицын вообще не прототип (в прямом значении этого термина) образа Правдеца. Протагонистом Зиновьева в романе выступает Болтун – человек осуществляющий свою социальную функцию в разговорной деятельности.

Как действующий персонаж Правдец в романе практически не участвует, но его поступки и высказывания становятся предметом рефлексии героев романа. Он всё время присутствует в их сознании, является одним из стержней их интеллектуальной деятельности. Его ставят в пример, им измеряют ценность и значимость того или иного события или лица. Он не даёт покоя, будоражит мысль, рождает слово.

Не всё в идеях Правдеца вызывает у окружающих согласие. Часто его тезисы опровергаются. Так, глава «Спор об идеологии» прямо начинается с критики Правдеца:

Предложение Правдеца отказаться от официальной идеологии детски наивно, говорит Карьерист. Руководство давным-давно фактически не считается с ней в своих действиях. Так, только для виду поговаривает. А почему бы от нее не отказаться официально, сказал Ученый, если от нее одни только беды. Полностью-то от нее отказаться нельзя, сказал Неврастеник. Да и смысла никакого нет. В нее все равно никто не верит. И фактическая роль ее в обществе ничтожна в сравнении с тем, как об этом говорит Правдец. Начался спор, который прекратился только потому, что все устали говорить [2. С. 280].

По сути, на страницах «Зияющих высот» запечатлена неформальная общественная дискуссия вокруг

идей Солженицына, захватившая большую часть думающей советской интеллигенции. Учитывая специфику того времени, когда любое публичное высказывание о Солженицыне подвергалось цензуре и самоцензуре, роман Зиновьева, несмотря на всю гротескность и иносказательность, представляет собой важнейший документ по истории общественной мысли в СССР в 1970-е гг., зафиксировавший широкий спектр реакций и оценок. Мнения самые разные – и солидарные («Правдец прав»), и сочувственные, и несогласные, и провокативные.

Свою позицию и оценку Солженицына Зиновьев доверяет Болтуну. Он всемерно поддерживает бунт Правдеца и в этой части всегда на его стороне, резко осаживая своих собеседников из числа скептиков. Однако он не разделяет его историософских взглядов. Главный пункт расхождения в определении природы русского коммунизма («ибанизма»):

Когда Правдец заявил, что ибанизм навязан ибанскому народу силой и мешает ему жить, он совершил грубую ошибку. Ибанский народ навязал себе ибанизм добровольно и жить без него уже не в состоянии [2. С. 566].

В интервью для *La libre Belgique* Зиновьев скажет об этом так:

Моя точка зрения расходится с точкой зрения Солженицына по некоторым пунктам: я считаю, что сталинизм и нынешний режим – это результат деятельности народа, а не навязанной извне. Хотя бы по той простой причине, что в строительстве этого режима принимали участие десятки тысяч человек. Нельзя критиковать режим, не критикуя народ [3. С. 4].

Разногласие Зиновьева с Солженицыным носит методологический характер. Солженицын оценивал факты как историк, опираясь на их конкретику, Зиновьев тот же набор событий рассматривал в аспекте социологическом. Оба претендовали на объективную точку зрения. Однако позиция Солженицына всегда была этически и эмоционально ярко окрашена. Он, по собственным словам, чувствовал себя карающим мечом в деснице Бога [5. С. 366]. Зиновьев, напротив, в личном отношении к советской системе и её вождям не стеснявшийся в оценках и не скрывавший своего неприятия, в разговоре о социальном феномене коммунизма настаивал на необходимости вынести за скобки любые ценностные критерии, оставляя только сугубо научный, неподверженный субъективным искажениям логический инструментарий.

Не отрицая значимости исторического (точнее, историографического) подхода к прошлому, Зиновьев считал его недостаточным для понимания сути происходящих процессов. Более того, сосредоточенность исключительно только на историческом аспекте сужает, по мнению Зиновьева, поле исследования, ограничивает его рамками прошлого, тогда как любой социальный объект есть живой организм, существующий и развивающийся во времени, имеющий не только историю, но и будущее, и задача науки заключается в понимании не только его становления и функционирования, но и развития, перспектив.

Устами Болтуна Зиновьев даёт лаконичную формулу принципиального отличия своей позиции от позиции Солженицына: «Его волнует прошлое и прошлое в будущем. Меня волнует будущее и будущее в прошлом» [2. С. 294].

Второй роман Зиновьева «Светлое будущее», публикация которого, собственно, и стала главной причиной высылки его за границу, представляет собой своеобразный комментарий к «Зияющим высотам». Он написан в реалистической эстетике. Все маски сняты. Нет никакого Ибанска и ибанцев, Хозяина, Хряка, Заибана, Мазилы, Певца, Правдеса. Всё названо своими именами: Москва, советские люди, Сталин, Хрущёв, Брежнев, Неизвестный, Галич, Солженицын. О них говорят и спорят герои романа – научные сотрудники института философии (учитывая неподцензурный характер их речей, имена их вымышлены, а образы носят собирательный характер). Говорят и спорят в принятых философских терминах и категориях, обсуждая проблемы социализма и построения коммунистического общества, а не глумливого «ибанизма».

На страницах «Зияющих высот» Правдес упоминается 145 раз, Солженицын в «Светлом будущем» вспоминают 63 раза (но текст «Светлого будущего» по объёму в три раза меньше). Зиновьев, сделавший в романе своим протагонистом персонажа по имени Антон (греч. – «состязающийся», «идущий в бой») Зимин (А.З. – инициалы Зиновьева), его устами повторяет и развивает многие реплики Болтуна и других alter ego Зиновьева из «Зияющих высот». В частности, и в связи с фигурой Солженицына.

О своём отношении к нему Антон говорит, отвечая на прямые, точно в интервью, вопросы дочери главного героя романа Ленки:

- Вы, конечно, читали Солженицына?
- Читал.
- И что Вы о нем скажете?
- Я перед ним преклоняюсь.
- Значит, то, что он пишет, правда?
- Правда, но не вся. А частичная правда искажает картину в целом. Я ценю его не за правду, а за бунт против лжи и насилия [6. С. 94–95].

На просьбу брата Ленки Сашки, – молодого человека, ищущего правды, – разъяснить отличие своих взглядов от взглядов Солженицына Антон в сжатой форме излагает ему методологию зиновьевского социального анализа:

Я считаю, короче говоря, что все дефекты коммунизма (и социализма) не являются преходящими историческими явлениями или результатом невыполнения каких-то заветов, а являются продуктом воплощения самых положительных идеалов коммунизма. Понимаешь? Я считаю, что самые светлые мечты и идеалы человечества в реальном исполнении дают самые мрачные последствия. Но это не есть некая идеологическая установка или предвзятая идея. Это – вывод из определенного способа исследования общества. У Солженицына дается просто суммирование и описание фактов и некоторые навязываемые ими идеи и обобщения. Вроде таких: репрессии не случайны, кругом обман и коррупция, никакой свободы слова и т.п. У меня другой метод. В чем он состоит? В двух словах и в самом вульгарном виде поясню тебе это следующим образом. Есть законы человеческого поведения, которые я называю социальными. Они касаются поступков людей друг по отношению к другу и отдельных

людей по отношению к обществу в целом и своей деятельности. И вытекают они из природы человека и одного того факта, что масса людей вынуждена жить совместно, в коллективе. Законы эти сами по себе (по отдельности и для иллюстраций) просты и очевидны. И обнаруживаются они путем наблюдений, а люди открывают их для себя в практике своей коллективной жизни [6. С. 150–151].

Заклучая свой краткий курс логической социологии (как позже назовёт Зиновьев свой метод), Антон резюмирует: «Солженицын, критикуя марксизм и отдельные факты советской жизни, не видит всей ужасающей нормальности коммунизма» [6. С. 152].

В то же время Антон-Зиновьев не считает своевременным вести развёрнутую научную полемику с Солженицыным и отказывает Сашке выступить на эту тему перед его друзьями-единомышленниками:

<...> полемика с Солженицыным в данное время неуместна, – говорит он. – Солженицын выдал такую порцию пищи для размышлений, что переварить ее нужны годы. Я могу только навредить. Или буду выглядеть чем-то вроде агента КГБ, призванного хитро разоблачать и дискредитировать Солженицына. У него достаточно много идей, совпадающих с тем, что я мог бы сказать. Обдумайте их сами... [6. С. 154].

Почти тоже говорил в «Зияющих высотах» Болтун: «<...> будь иные условия, я бы, однако, скорее всего вступил с ним в полемику. <...> Я обречен молчать и сочувствовать. Если я буду возражать ему, я буду выглядеть подлецом. А я не хочу им быть» [2. С. 294].

С именем Солженицына Антон связывает надежду на возможность победы над коммунизмом, видя в нём реального, а не искусственного или самозванного лидера:

Антон подробно рассматривает возможности оппозиции господствующим тенденциям коммунизма и приходит к следующему заключению. Вождем коммунизма отныне и навеки веков надо забыть о мирном и гармоничном движении вперед к Светлому Будущему, когда они дают указания и принимают решения, а прочие граждане выполняют, перевыполняют и поют славу любимым руководителям. Светлое Будущее – это уже начавшаяся драка против обнаруживших себя с полной очевидностью гнусностей коммунизма. Драка кровавая и полная жертв. Она еще явит образцы величайшего личного героизма, сопоставимые с таковыми в прошлом. И первый уже начавшийся этап этой драки имеет точное наименование: Солженицын. Антон считает свою концепцию выражением исторического оптимизма (в отличие от концепции Замятина, Оруэла, Шафаревича) [6. С. 181].

Оценивая литературную деятельность Солженицына, Антон-Зиновьев настаивает: «Я уверен, Солженицын был изгнан не столько как политический деятель, сколько как талантливый писатель» [6. С. 159]; «Солженицын выталкивался на роль оппозиционера не только по содержанию своих сочинений и речей, но и как талантливый писатель» [6. С. 166]; «С Солженицыным расправились главным образом не потому, что он разоблачал, а потому, что он талантливо делал это» [6. С. 167].

Роман заканчивается парадоксальным – а как иначе у Зиновьева? – диалогом, который главный герой, рассказчик, друг Антона, интеллигент-конформист, ведёт с неким Виктором Ивановичем, случайным знакомым, судя по всему, сотрудником КГБ. И опять не обходится без Солженицына:

– <...> Пройдет каких-нибудь сто лет, и история Москвы нашего периода будет интриговать человечество не меньше, чем история Парижа времен Великой французской Революции. Биографию Брежнева изучат по минутам. А Солженицына забудут.

Он прав, мой собеседник. А жаль!

– Что жаль?

– Жаль, что биографию Брежнева изучат, а Солженицына забудут.

И это говорю я, человек из партии Брежнева!

– Что поделаешь! Такова жизнь [6. С. 230].

Таким образом, Солженицын в 1960–1970-е гг. для Зиновьева фигура притягательная, волнующая, тревожащая, вызывающая глубокое уважение, почти преклонение. Под воздействием фактора Солженицына идёт интенсивное формирование Зиновьева как социального мыслителя. В бесчисленных разговорах о нём происходит оттачивание собственных мыслей, формулировок, полемических ходов. Солженицын ему интересен и как писатель, и как социальный феномен.

После публикации и феноменального успеха «Зияющих высот» на Западе положение несколько изменилось. Зиновьев-Болтун, Зиновьев-Зимин – псевдоподпольный советский интеллигент, гений логических исследований, фрондёр, стремящийся быть в стороне от актуальной действительности и наблюдать за ней с объективной отрешённостью, – умер. Родился писатель Александр Зиновьев, крупнейший критик советской социальной системы. К нему пришла всемирная слава. Он попал в центр идеологического циклона. Один за другим выходили переводы на итальянский, французский, немецкий, английский, шведский и прочие европейские языки. Его литературный талант был безоговорочно признан всеми. Ему прочили Нобелевскую премию. Буквально в одночасье он превратился в одного из самых авторитетных в мире экспертов по реальному коммунизму.

В общественно-литературном мнении Запада за ним сразу закрепилось место рядом с Солженицыным. Так, в начале 1977 г., когда Зиновьев был ещё в Москве, в эфире «Русской службы Би-Би-Си» прошла серия передач, посвящённых «Зияющим высотам». Заключительная пятая передача была целиком отведена теме «Зиновьев и Солженицын». В самом начале её, во вступительном слове ведущего говорилось:

Нисколько не преувеличивая, эту книгу по силе её воздействия можно сравнить с другим выдающимся произведением эпохи «Архипелагом Гулаг». Книга Солженицына нанесла смертельный удар тоталитарному режиму. Книга Зиновьева – это глубоко продуманный и обоснованный смертный приговор ибанизму. Воздействие обеих этих книг рассчитано на десятилетия. Поэтому мы считаем, что социальную философию Зиновьева нагляднее всего можно проанализировать в сопоставлении с фигурой Солженицына, который в «Зияющих высотах» выведен под кличкой Правдец. Разговоры о Правдце, споры с концепцией Правдце, мнения о книге Правдце – один из сквозных сюжетов «Зияющих высот» [7. Л. 2].

В марте того же года в Милане в журнале *Panorama* появилась статья Витторио Страда «Пиши по-русски, пиши» (Vittorio Strada. Scrivi russo, scrivi) [8] с обзором современной советской литературы, и, в том числе о творчестве Зиновьева. Статья сопровождалась фотографиями Зиновьева, Вен. Ерофеева и Солженицына.

Литературный критик Наталия Рубинштейн в статье «Сказание о земле Ибанской» на страницах журнала «Время и мы» (Тель-Авив), вышедшего в апреле 1977, сопоставляет книги Солженицына и Зиновьева и предмет их интереса:

Солженицын написал книги о трагедии России. Зиновьев видел иные задачи: «Власти инстинктивно чувствуют, что гораздо большую опасность для них представляют не книги о концентрационных лагерях, а книги о закономерностях наших светлых праздничных будней». Не трагедия, а безобразие в центре внимания философа-летописца <...>. Написанное Солженицыным есть трагедия, и ужас ее несет в себе возможность очищения. Написанное Зиновьевым есть кошмар <...> [9. С. 158, 160].

8 июня обозреватель *Le Figaro* писал: «Советская Россия всегда поражает. На этот раз она оглушает. Оттуда только что выпал аэролит, не похожий ни на одно известное тело, беспримерная книга: «Зияющие высоты» Александра Зиновьева. Осмелюсь сказать, что оно основательно подрывает все, что было написано в СССР об СССР, в том числе, может быть, и Солженицыным».

В июле парижский *L'Express* публикует большую рецензию Макса Галло на французское издание романа с говорящим названием «Александр Зиновьев: Гулаг 9974» (Max Gallo. Alexandre Zinoviev: Goulag 9974), в которой утверждал:

«Зияющие высоты» более невыносимы и тревожат нас сильнее, чем «Архипелаг Гулаг». Солженицын показал опухоль, но мы могли сказать: «Рак можно вылечить. Больной выздоровеет. Всё становится лучше. Всё будет хорошо». С Зиновьевым больше нет иллюзий [10. Р. 21] (цитаты из иностранной прессы в переводе К.А. Зиновьевой. – П.Ф.)

Публикация сопровождается фотографией Зиновьева и коллажем, на котором на фоне Красной площади, через которую тянется очередь в мавзолей Ленина, собраны портреты Сталина, Хрущёва, Солженицына, Сивяковского и Евтушенко.

Спустя год, когда Зиновьев окажется на Западе, он уже будет всеми восприниматься как равный Солженицыну по значимости и авторитету. Итальянский интервьюер Валерио Рива (Valerio Riva) в разговоре с Зиновьевым об итогах XVI Всемирном конгрессе философов, состоявшегося в августе 1978 в Дюссельдорфе, так формулировал один из своих вопросов: «С момента выхода «Зияющих высот» в Европе говорят, что сегодня в России есть два великих писателя: Солженицын и Зиновьев. Но вы, похоже, находитесь на противоположных полюсах. Вы как будто воспроизводите оппозицию XIX века между «славянофилами» и «западниками». На ваш взгляд, имеет ли это противостояние еще смысл в сегодняшней России?» [11. С. 67].

А Коста Христич (Kosta Christitch), корреспондент парижского журнала *Le Point*, публикуя своё интервью с Зиновьевым (28 августа 1978 г.) озаглавливает свой материал каламбуром: «SolZinoviev: l'URSS ne changera pas». В преамбуле, знакомя читателя с биографией Зиновьева, он пишет:

Никто и подумать не мог тогда, что этот признанный, заслуженный и уважаемый персонаж был носителем столь подрывно-оригинального произведения, которое заставило Алена Безансона, одного из лучших во Франции знатоков советской действительности, сказать, что «оно выходит далеко за рамки всего, что было написано в СССР об СССР, в том числе, может быть, и Солженицыным» [12. Р. 38].

Барри Льюис и Майкл Ульман (Barry Lewis, Michael Ulman) в *The Sydney Morning Herald* утверждали:

Сатирическая фантазмагория Зиновьева «Зияющие высоты» несомненно растревожила самоуспокоенный Советский режим больше, чем все другие книги со времени «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына [13. Р. 12].

Характерный случай, отражающий мнение европейской читательской аудитории, приводит Н. Горбаневская в заметке «Отказ от потери памяти»:

В Турине, во время «диссидентского Бьеннале», под вечер 1-го мая (1978. – П.Ф.), я разговаривала с ребятами из «Лотта Континуа» – итальянской левацкой (не марксистской) группировки, в которой последнее время заваривается что-то наиболее интересное из всего, что я знаю во Франции и в Италии. <...> В какой-то момент один из ребят сказал: «Понимаешь, мы же десять лет ничего не читали. Ничего – только политическую литературу». – «Не может быть, – растерялась я. – Как же так?» – «Вот так. Зато теперь я могу читать только русских писателей», – и он привел целый список от Солженицына и Зиновьева до Шукшина и Распутина. Вся западная литература кажется ему неглубокой, плоской, духовно бедной» [14. С. 372–373].

Автор, скрывший своё имя под псевдонимом «Польский Аноним», судя по всему, не профессиональный журналист, а думающий читатель, в статье «Нация – религия – миссия – ответственность» на страницах «Континента» называет имя Зиновьева в одном ряду с Томасом Манном, Чеславом Милошем и Солженицыным в числе «бесценных для национальной совести людей» [15. С. 183].

Цитированное неоднократно выше интервью Зиновьева брюссельской газете *La libre Belgique* (целый раздел которого озаглавлен «Влияние Солженицына») сопровождалось редакционной заметкой «Одинокий странник», которая заканчивалась словами Солженицына: «Большой писатель в стране – как бы второе правительство. И поэтому никакой режим никогда не любил больших писателей, а только маленьких» [16. Р. 1].

Сомасштабность фигур Солженицына и Зиновьева признавали даже видные представители русского зарубежья. Василий Аксёнов в интервью Джону Глэду, на просьбу назвать наиболее значимые имена современной литературы, начинает именно с них:

Можно назвать действительно гиганта Александра Исаевича Солженицына. Или глобальная сатира Зиновьева, который мне не нравится, и я со многим у него не согласен, мне это и в художественном отношении не близко, но, тем не менее, это явление серьёзное и что-то новое [17. С. 81].

Если поначалу читатели «Зияющих высот» видели в романе сатиру и в первых рецензиях сравнивали Зиновьева со Свифтом, Вольтером, Гоголем, Салтыков-Щедринным, Оруэллом, то очень скоро, вчитавшись в книгу, стали понимать, что смысл её не в высмеивании тех или иных недостатков и социальных пороков, не

карикатура на отдельных политических деятелей и представителей советской интеллигенции, а в тщательном, детальном, методичном описании неведомого и невероятного мироустройства советской реальности, о которой они имели лишь общее и одностороннее представление. И хотя западным читателям уже были знакомы произведения современных советских писателей – Ю. Трифонова, Г. Владимова, В. Аксёнова, В. Распутина, Вен. Ерофеева, В. Шукшина, – в них они не находили целостной картины жизни. Наиболее масштабным в этом плане было творчество Солженицына. Естественным образом возникали параллели и сопоставления.

Для западных критиков и специалистов в области изучения СССР, так называемых «советологов», сравнение этих двух писателей стало важным инструментом познания своего цивилизационного противника. Годы спустя, когда холодная война закончится полным разгромом Советского Союза, Зиновьев признаёт:

Конечно, мои работы использовались на Западе в борьбе против СССР. Когда я прилетел в Соединённые Штаты и встретился с людьми, занимавшимися антисоветской деятельностью, они мне сказали, что изучали Советский Союз не по Солженицыну, а по Зиновьеву [18. С. 51].

Не только эстетические, но и концептуальные расхождения двух писателей были вполне очевидны. Зиновьев вполне ясно сформулировал их в «Зияющих высотах» и «Светлом будущем». Многочисленные рецензенты и интервьюеры Зиновьева регулярно их отмечали и проговаривали [19–21], порой акцентируя на этом внимание, вынося в заголовок своих публикаций. Так, например, поступил Кристиан Фейгельсон (Kristian Feigelson) из *Le Matin de Paris*, назвавший своё интервью «Александр Зиновьев: Я не разделяю мнение Солженицына» («Je ne partage pas l'opinion de Soljenitsyne»). Характерно, что в пространным интервью Зиновьева это лишь одна, почти вспомогательная реплика в его размышлениях о диссидентском движении в СССР, которая полностью звучит так: «Я не разделяю мнение Солженицына по поводу идеи упадка Запада, который по-прежнему готов к борьбе и уже показал это в борьбе за соблюдение прав человека» [22. Р. 11]. Но в сознании читателя фиксируется не конкретная мысль Зиновьева, а факт его противостояния Солженицыну.

Так же поступят Элизабет Хаммер-Крафт (Elisabeth Hammer-Kraft) из *Luzerner Tagblatt*, автор рецензии на роман «Светлое будущее», которая назовёт свой текст просто: «Зиновьев – Солженицын» («Sinowjew – Solschenizyn») [23], и её норвежский коллега Торнбьёрн Феравик (Torbjørn Færevik), публикуя на страницах *Arbeiderbladet* (Осло) интервью под заголовком «Александр Зиновьев – имя, которое появилось, чтобы остаться – с Солженицыным мы очень разные» («Aleksander Zinovjev – et navn som er kommet for å bli – Solsjenitsyn og jeg er svært forskjellige») [24].

На обложку 46-го выпуска русскоязычного эмигрантского журнала «Время и мы» (Тель-Авив) вынесены портреты Солженицына и Зиновьева и анонс:

«В этом номере мы знакомим читателей с *противостоящими друг другу* (выделено мной. – П.Ф.) политическими взглядами Александра Солженицына и Александра Зиновьева».

Журналисты обращают внимание как на идейные, так и на поведенческие отличия двух изгнанников. Газета *Neue Zürcher Zeitung* от 3 октября 1978 г. в статье «Sinowjew über Solschenizyn» (название которой звучит двояко: буквально – «Зиновьев о Солженицыне» или, при желании, «Зиновьев выше Солженицына») сообщала:

В отличие от Солженицына, который ведёт аскетический образ жизни политического узника даже в американской эмиграции, Зиновьев не только хорошо себя чувствует на Западе, но и свободно – <...> Зиновьев упрекает Солженицына в том, что он не смог понять ни западный мир, ни советскую действительность; и если бы Зиновьев должен был бы выбирать между политической концепцией Солженицына и современным советским режимом – он выбрал бы последний [25. S. 7].

Джуд Демпси (Jude Dempsy) из *Irish Times* (Дублин) спрашивал Зиновьева: «Многие русские писатели 19-го века испытывали затруднение в писании книг, когда они покидали Россию, и у Солженицына есть схожие проблемы. Повлияла ли на Ваше творчество высылка из СССР?». Ответ Зиновьева:

Есть два типа писателей. Большинство русских писателей пишут о фактах русской жизни, и они описывают эти факты. Они должны жить с этой целью в России. Есть другой тип писателей, которым принадлежу я. Я не описываю. Я смотрю. Я вспоминаю. Я изобретаю. Я пишу не о России, а о коммунизме. Я могу наблюдать феномен коммунизма здесь в Британии, и в Германии. Я стараюсь увидеть эту культуру в интернациональных терминах. Но для русских писателей, таких как Солженицын, Максимов, Владимов абсолютно необходимо жить в русском окружении, чтобы видеть Россию своими собственными глазами. Хорошая русская литература невозможна в изгнании [26. P. 12].

Параллельно в западной прессе шло осознание того, что книги Солженицына и Зиновьева, при всех их отличиях, образуют некое содержательное единство, дополняют друг друга, позволяя увидеть феномен Советского Союза с разных сторон. Рецензент «Светлого будущего» F.X. в парижской *Lettres-Arts* писал: «Если Солженицын показал нам жизнь в лагерях, то Зиновьев дал нам возможность ощутить повседневную жизнь» [27. P. 25]. А Шел Вильсон (Shel Wilson) из *The Edmonton Journal* рецензию на «Светлое будущее» озаглавливает: «Продолжение того, где Солженицын остановился» («Picking up where Solzhenitsyn left off») [28].

Поль Тибо (Paul Thibaud) в специальном исследовании «Зиновьев и Солженицын», опубликованном в журнале *Esprit*, отмечал:

Значительное произведение Зиновьева вызвало множество восторженных оценок и впечатляющих сравнений (Свифт, Рабле, Кафка...), но оно пока не получило такого широкого и тщательного анализа, как книги Солженицына, в особенности «Архипелаг ГУЛАГ». Тем не менее мы имеем дело с подходом к советской проблеме такого же масштаба, как и у бывшего заключенного. Нам нужно сопоставить эти два великих литературных исследования советского феномена, посмотреть, где они дополняют друг друга, а где противоречат [29. P. 130].

Разобрав основные пункты сравнения, Тибо делал вывод:

Эти два разнородных по направленности и объекту мышления частично дополняют друг друга, причем каждое из них подчеркивает то, что для другого является белым пятном [29. P. 130].

Взгляды Солженицына и Зиновьева сопоставляет в своей статье «Александр Зиновьев: философия на свалке» Жан-Пьер Морель (Jean-Pierre Morel) в журнале *Critique* (1979, ноябрь, № 390) [30]. В том же сравнительно-сопоставительном ключе написано фундаментальное исследование Жана-Франсуа Годо и Дидье Но (Jean-François Gaudaux, Didier Naud) «Философия(и) советских диссидентов» в журнале *Les Temps Modernes* (1980. № 406) [31].

В ситуации такого пристального интереса к феномену Зиновьева, о котором говорила – очень по-разному – мировая пресса, было естественно ожидать некоего встречного отклика со стороны Солженицына. Не видеть Зиновьева он не мог. Отклика, вероятно, ждал и Зиновьев. Но Солженицын Зиновьева «не заметил». Ровно та же, как «не заметила» Зиновьева советская критика и пропаганда. В своих многочисленных интервью этого (и более позднего) времени, Солженицын ни разу не упомянул Зиновьева – ни как писателя, ни как социального мыслителя, ни как значимую фигуру русской эмиграции. Никак.

Пару раз косвенно негативно высказался о сатирической литературе, противопоставив её произведениям так называемых деревенщиков: в 1978 г. в интервью газете *Nouvel Observateur* (по свидетельству А. Зиновьева) и в 1979 г. в радиоинтервью для BBC («Может быть, и эти мои слова услышат молодые авторы, кто в будущем подвигнут нашу литературу. Я бы хотел им сказать, что не надо гнаться за поверхностной политической сатирой – это самый низший вид литературы»). (Опубликовано по-русски: Вестник РХД. 1978. № 127) [32. С. 490–491].

Любопытно, что и собеседники Солженицына избегают вопросов о Зиновьеве. Ни репортёр BBC И.И. Сапизт, ни участники круглого стола в газете «Йомиури» в Токио, 13 октября 1982 г., в числе которых были известные японские слависты и советологи, обсуждавшие вместе с Солженицыным среди прочего и литературные темы, ни даже Бернар Пиво, записавший разговор с Солженицыным для французского телевидения в октябре 1983 г., – друг и активный «болельщик» Зиновьева, посвятивший ему в своё время целый выпуск своего журнала *Lire* (1978. № 39), на обложку которого вынес портрет Зиновьева, назвавший «Зияющие высоты» «книгой года», Бернар Пиво, который неоднократно приглашал Зиновьева на свою литературно-публицистическую телепередачу «Apostrophes». Такое впечатление, что собеседники Солженицына сами себе запрещают говорить с ним о Зиновьеве.

Может создаться впечатление, что Солженицын Зиновьева не читал. Это, конечно, не так. Другое дело, что и как читал Солженицын. Тут, к сожалению, пока нет достаточных источников, чтобы говорить уверенно. Можно только предполагать.

Так, «Зияющие высоты» он, скорее всего, целиком явно не читал. Возможно, был ознакомлен только с отдельными фрагментами, подобранными «доброжелателями», с их комментариями и мнениями. Об этом можно судить по тому, что Солженицын числит Зиновьева исключительно по ведомству политической сатиры.

Очевидно, что фигура Правдеса была воспринята им (или преподнесена ему) исключительно как карикатура, что не соответствует реальности и что он, безусловно, увидел бы, если бы прочитал весь текст, а не только выбранные, выдернутые из контекста фрагменты и фразы. Трудно в этом случае упрекнуть Солженицына в негативном отношении. Тратить время на книгу, которая была ему, как могло показаться, враждебной, да к тому же эстетически чуждой, Солженицын, скорее всего не стал. Похоже, он составил своё мнение, которое автоматически распространил и на все последующие сочинения Зиновьева.

А вот статьи, интервью, комментарии Зиновьева ему на глаза попадались. В них, как было показано, Зиновьев не скрывал своего несогласия с интерпретацией советской истории и природы советского общественного уклада, предложенной Солженицыным, отзываясь о ней достаточно резко. Об этом можно судить по единственному упоминанию имени Зиновьева в публицистике Солженицына – в статье «Наши плюралисты» (1982), в которой он упоминает «рефрены постоянно раздражённого Зиновьева» [32. С. 422].

Сама статья является ответом Солженицына всем его оппонентам, критикующим его национально ориентированную, православную, последовательно антикоммунистическую, монархическую позицию. Хлёстко и язвительно расправляется он со своими противниками – А. Синявским, Б. Шрагиным, М. Михайловым, Л. Плющем, Г. Померанцем, А. Яновым и др. В «наших плюралистах», конечно же, числит Солженицын и Зиновьева, хотя развёрнутой полемики с ним (как с названными выше оппонентами) в статье нет. А ведь уже издана к этому времени и стала мировым интеллектуальным бестселлером концептуальная работа Зиновьева «Коммунизм как реальность» (1981), являющаяся в некотором роде ответом на статью Солженицына «Коммунизм: у всех на виду – и не понят» (1980). О ней – ни слова (Неужели не читал?).

Зато есть собирательный портрет «наших плюралистов», в котором, на первый взгляд, всё правда, все факты верны, но который лишён какой-либо психологической основы, который не допускает ни человеческой сложности, ни интеллектуального развития, ни перемены убеждений, никакой свободы личности, а только корысть и двурушничество:

А если оглядеть круг личностей шире, чем цитированные здесь: ведь десятилетиями жили в столицах, и многие служили на деликатном идеологическом фронте – марксистскими философами, журналистами, очеркистами, лекторами, режиссёрами кино и радио, даже пропагандистами ЦК, референтами ЦК, даже прокурорами! – и нам, с лагерного и провинциального дна, справедливо казались неотличимы от цекистов и чекистов, от коммунистической власти. Они жили с нею в ладу, ею не наказывались и с нею не боролись. И когда я в окружающей советской немоте 50-х годов готовил свой первый прорыв через стену Лжи – то

именно через *них* прорыв, через *их* ложь, – и ни от кого из них нельзя было ждать поддержки. И вдруг – открылась возможность некоторым двинуться на Запад, и они двинулись, где-то по пути тихо роняя свои партийные билеты. И по другую сторону Атлантического океана вдруг стали исключительно смелы в суждениях о советской жизни, вчера успевали там, сегодня здесь, и громко рассказывают, как они, чистые и неподкупные, тяжело страдали в грязных гнёздах пропаганды ЦК, или прокуратуры, или союза писателей и журналистов, опубликовавши в СССР кто по три, а кто и по десятку книг и множество статей, и записывают себе в послужной список поставленные в СССР пьесы, фильмы, – а что это все было, если не ложь, ложь и ложь? И никто из них – ни один! – не раскаялся, не заявил публично, что это он и заплёвывал наши глаза ложью, не рассказывал ни о каком с воём соучастии, как он, хотя бы часть своих лет, укреплял и прославлял коммунистический режим и получал от него награды. Их философия: это – скотская народная масса виновата в режиме, а не я. Им и в голову не приходит, что настоящее творчество начинается не с безопасного (или даже опасного) сатирического разоблачения других, а с поисков своей собственной вины и с раскаяния [33. С. 434–435].

Последняя инвектива напрямую адресована Зиновьеву, да и в других деталях много совпадений с его биографией.

После публикации «Наших плюралистов» Зиновьев утрачивает интерес к полемике с Солженицыным в виду её одностороннего характера. Отвечая на возникающие время от времени вопросы корреспондентов, он по-прежнему говорит о Солженицыне как о крупнейшем явлении в духовной и политической жизни 1960–1970-х гг., и всё также критикует его консервативную программу, отмечая её архаичность и несостоятельность.

Так, в 1984 г., в интервью журналисту *Le Matin* (Лозанна) Франсуа Дюмону (François Dumont) Зиновьев скажет:

Солженицын сыграл огромную роль в истории Советского Союза, в нашей истории вообще. Он разоблачил и заклеил сталинизм. Я считаю, что на этом его роль заканчивается – это не пустяк. Но когда Солженицын заявляет, что объясняет и понимает советское общество таким, какое оно есть, я считаю, что его видение необоснованно. Его представление о российском и советском прошлом ложно; его позитивные предложения на будущее просто смешотворны. В настоящее время Солженицын, как и другие «генералы» диссидентского движения, представляют собой, как мне кажется, очень серьёзное препятствие на пути к зарождению настоящей оппозиции в Советском Союзе. Настало время критически осмотреть только что пройденный этап в оппозиционном движении. С такими лидерами российская оппозиция не сможет прогрессировать. <...> Солженицын возлагает надежды на людей, прошедших ГУЛАГ и оставшихся в живых. Это беспочвенные надежды. Не эти люди положили конец сталинизму, а другие. Выживших в ГУЛАГе освободили именно те, кто положил конец сталинизму. Люди, прошедшие ГУЛАГ, погибли или адаптировались к советским условиям. Их влияние на советскую действительность очень слабое [34. Р. 22].

Солженицын, однажды ответив всем оппонентам разом, поставил на них, и в их числе на Зиновьева, крест и на годы погрузится в кропотливую работу над исторической эпопеей «Красное колесо», в создании которой видел свою главную писательскую и гражданскую миссию.

Новый поворот сюжета принесут с собой революционные изменения, которые произойдут в СССР в годы перестройки.

Список источников

1. Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М. : Издательство политической литературы, 1968. С. 99–105.
2. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. М. : АСТ, Астрель, 2010. 766 с.
3. Alexandre Zinoviev – écrivain et philosophe // La libre Belgique. Bruxelles. 1978. № 245–246. September 2/3. P. 4.
4. Зиновьев А.А. «Не желаю ничего блага». Интервью с Ж. Нива // Стрелец. Нью-Йорк. 1986. № 1. С. 22–29.
5. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // Солженицын А.И. Собрание сочинений : в 30 т. М. : Время, 2018. Т. 28. 768 с.
6. Зиновьев А.А. Светлое будущее. Lausanne : L'Age d'Homme, 1978. 236 p.
7. «Зияющие высоты» Александра Зиновьева. Цикл передач Радио Би-Би-Си. Передача пятая. Расшифровка // Архив О.М. Зиновьевой. Машинопись. 1977. 10 л.
8. Strada V. Scrivi russo, scrivi // Panorama. Milano. Marzo 1. P. 34–36.
9. Рубинштейн Н. Сказание о Земле Ибанской // Время и мы. Тель-Авив. 1977. № 16. С. 143–161.
10. Gallo M. Gulag 9974 // L'Express. Paris. 1977. 18–24 juillet. P. 20–22.
11. Riva V. Il compromesso ideologico // L'Espresso. 1978. Roma. Settembre 24–30. P. 64–68, 84–89.
12. Christitch K. SolZinoviev: l'URSS ne changera pas // Le Point. Paris. 1978. № 310. 28 août. P. 36–37.
13. Lewis B., Ulman M. Putting the boot into Russia // The Sydney Morning Herald. Sydney. 1979. June 16. P. 12.
14. Горбаневская Н. Отказ от потери памяти // Континент. Париж. 1978. № 17. С. 371–373.
15. Польский Аноним. Нация – религия – миссия – ответственность // Континент. Париж. 1978. № 16. С. 170–188.
16. M.R. Le voyageur solitaire // La libre Belgique. Bruxelles. 1978. № 245–246. September 2/3. P. 1.
17. Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М. : Кн. палата, 1991. 320 с.
18. Зиновьев А.А. «Требуется историческое новаторство в изобретении системы управления Россией». Интервьюер Л. Глазкова // Российская Федерация сегодня. 1999. № 15. С. 50–53.
19. Anonim. Médecins étranger: Zinoviev le dissident // Sud-Ouest Dimanche. Bordeaux. 1978. November 29. P. 1.
20. Anonim. Médecins (étranger): Alexandre Zinoviev pour "L'avenir Radieux" // Le Monde. Paris. 1978. November 29. P. 1.
21. Doder D. Exile among exiles // International Herald Tribune. 1979. Paris. September 13. P. 20.
22. Feigelson K. Alexandre Zinoviev: "Je ne partage pas l'opinion de Soljenitsyne" // Le Matin de Paris. Paris. 1979. № 562. 17 décembre. P. 11.
23. Hammer-Kraft E. Sinowjew – Solschenizyn // Luzerner Tagblatt. Luzern. 1979. September 8. P. 8.
24. Færavik T. «Aleksander Zinovjev – et navn som er kommet for å bli – Solsjenitsyn og jeg er svært forskjellige» // Arbeiderbladet. Oslo. 1980. November 10. P. 5.
25. Anonim. Sinowjew über Solschenizyn // Neue Zürcher Zeitung. Zürich. 1979. October 3. S. 7.
26. Dempsey J. Satirist of the Soviet Union // Irish Times. Dublin. 1979. May 11. P. 12.
27. F.X. "L'Avenir radieux" Quand la dissidence passé par l'humour // Lettres-Arts. Paris. 1978. 28 novembre. P. 25.
28. Wilson S. Picking up where Solzhenitsyn left off // The Edmonton Journal. Edmonton, 1981. August 8. P. 16.
29. Thibaud P. Zinoviev et Soljénitsyn // Esprit. Paris. 1980. № 5. P. 130–133.
30. Morel J.-P. Alexandre Zinoviev: une philosophie dans le dépotoir // Critique. Paris. 1979. November. № 390. P. 933–952.
31. Gaudaux J.-F., Naud D. Philosophie(s) des dissidents soviétiques // Les Temps Modernes. Paris. 1980. № 406. P. 1992–2018.
32. Солженицын А.И. Радиоинтервью компании Би-Би-Си (февраль, 1979) // Солженицын А.И. Публицистика : в 3 т. Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996. С. 483–504.
33. Солженицын А.И. Наши плюралисты // Солженицын А.И. Публицистика : в 3 т. Т. 1: Статьи и речи. Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995. С. 406–444.
34. Dumont F. Alexandre le dissident // Le Matin. Lausanne. 1984. 2 octobre. P. 22–23.

References

1. Lenin, V.I. (1968) Partiynaya organizatsiya i partiynaya literatura [The party organization and party literature]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collected works]. 5th ed. Moscow: Izdatelstvo politicheskoi literatury. pp. 99–105.
2. Zinoviev, A.A. (2010) *Ziaiushchie vysoty* [The yawning heights]. Moscow: AST, Astrel.
3. *La libre Belgique*. (1978) Alexandre Zinoviev – écrivain et philosophe. Bruxelles. 245–246. September 2/3. p. 4.
4. Zinoviev, A.A. (1986) "Ne zhelaui nichego blaga" ["I do not wish anyone well"]. Interview with G. Nivat. *Strelets*. New York. 1. pp. 22–29.
5. Solzhenitsyn, A.I. (2018) Bodalsya telenok s dubom [The calf butted the oak]. In: Solzhenitsyn, A.I. *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Vol. 28. Moscow: Vremia.
6. Zinoviev, A.A. (1978) *Svetloe budushchee* [The radiant future]. Lausanne: L'Age d'Homme.
7. Radio BBC series. (1977) "*Ziaiushchie vysoty*" *Aleksandra Zinoveva* [Alexander Zinoviev's "The Yawning Heights"]. Fifth broadcast. Transcript. O.M. Zinovieva's Archive. Typescript. 10 p.
8. Strada, V. (n.d.) Scrivi russo, scrivi. *Panorama*. Milano. Marzo 1. pp. 34–36.
9. Rubinshtein, N. (1977) Skazanie o Zemle Ibaniskoi [The tale of the land of Iban]. *Vremya i my*. Tel-Aviv. 16. pp. 143–161.
10. Gallo, M. (1977) Gulag 9974. *L'Express*. Paris. July 18–24. pp. 20–22.
11. Riva, V. (1978) Il compromesso ideologico. *L'Espresso*. Rome. September 24–30 pp. 64–68, 84–89.
12. Christitch, K. (1978) SolZinoviev: l'URSS ne changera pas. *Le Point*. Paris. 310. August 28. p. 36–37.
13. Lewis, B. & Ulman, M. (1979) Putting the boot into Russia. *The Sydney Morning Herald*. Sydney. June 16. p. 12.
14. Gorbanevskaya, N. (1978) Otkaz ot poteri pamiati [Refusal to lose memory]. *Kontinent*. Paris. 17. pp. 371–373.
15. Polish Anonymous. (1978) Natsiya – religiya – missiya – otvetstvennost [Nation – religion – mission – responsibility]. *Kontinent*. Paris. 16. pp. 170–188.
16. M.R. (1978) Le voyageur solitaire. *La libre Belgique*. Bruxelles. 245–246. September 2/3. p. 1.
17. Glad, J. (1991) *Besedy v izgnanii: Russkoe literaturnoe zarubezhe* [Conversations in exile: Russian literary abroad]. Moscow: Knizhnaya palata.
18. Zinoviev, A.A. (1999) "Trebuetsya istoricheskoe novatorstvo v izobretenii sistemy upravleniya Rossiei" ["Historical innovation is required in inventing a system for governing Russia"]. Interviewer L. Glazkova. *Rossiyskaya Federatsiya segodnia*. 15. pp. 50–53.
19. Anon. (1978) Médecins étranger: Zinoviev le dissident. *Sud-Ouest Dimanche*. Bordeaux. November 29. p. 1.
20. Anon. (1978) Médecins (étranger): Alexandre Zinoviev pour "L'avenir Radieux". *Le Monde*. Paris. November 29. p. 1.
21. Doder, D. (1979) Exile among exiles. *International Herald Tribune*. Paris. September 13. p. 20.
22. Feigelson, K. (1979) Alexandre Zinoviev: "Je ne partage pas l'opinion de Soljenitsyne". *Le Matin de Paris*. Paris. 562. December 17. p. 11.
23. Hammer-Kraft, E. (1979) Sinowjew – Solschenizyn. *Luzerner Tagblatt*. Luzern. September 8. p. 8.
24. Færavik, T. (1980) "Aleksander Zinovjev – et navn som er kommet for å bli – Solsjenitsyn og jeg er svært forskjellige". *Arbeiderbladet*. Oslo. November 10. p. 5.
25. Anonymous. (1979) Sinowjew über Solschenizyn. *Neue Zürcher Zeitung*. Zürich. October 3. p. 7.
26. Dempsey, J. (1979) Satirist of the Soviet Union. *Irish Times*. Dublin. May 11. p. 12.

27. F.X. (1978) "L'Avenir radieux" Quand la dissidence passé par l'humour. *Lettres-Arts*. Paris. November 28. p. 25.
28. Wilson, S. (1981) Picking up where Solzhenitsyn left off. *The Edmonton Journal*. Edmonton. August 8. p. 16.
29. Thibaud, P. (1980) Zinoviev et Soljénitsyn. *Esprit*. Paris. 5. pp. 130–133.
30. Morel, J.-P. (1979, November) Alexandre Zinoviev: une philosophie dans le dépotoir. *Critique*. Paris. 390. pp. 933–952.
31. Gaudeaux, J.-F. & Naud, D. (1980) Philosophie(s) des dissidents soviétiques. *Les Temps Modernes*. Paris. 406. pp. 1992–2018.
32. Solzhenitsyn, A.I. (1996) Radiointerview kompanii Bi-Bi-Si (fevral, 1979) [BBC radio interview (February 1979)]. In: Solzhenitsyn, A.I. *Publitsistika: v 3 t.* [Opinion journalism: in 3 vols.]. Vol. 2. Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe kn. izd-vo. pp. 483–504.
33. Solzhenitsyn, A.I. (1995) Nashi pluralisty [Our pluralists]. In: Solzhenitsyn, A.I. *Publitsistika: v 3 t.* [Opinion journalism: in 3 vols.]. Vol. 1. Yaroslavl: Verkhne-Volzhscoe kn. izd-vo. pp. 406–444.
34. Dumont, F. (1984) Alexandre le dissident. *Le Matin*. Lausanne. October 2. pp. 22–23.

Информация об авторе:

Фокин П.Е. – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (Москва, Россия); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: pfokin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.E. Fokin, Cand. Sci. (Philology), deputy director for research, Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Moscow, Russian Federation); Russian Christian Academy for the Humanities (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: pfokin@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.08.2024;
одобрена после рецензирования 26.10.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 27.08.2024;
approved after reviewing 26.10.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.2+378.4
doi: 10.17223/15617793/509/7

Университет как приращение эстетического опыта: в защиту печатной книги

Валерия Владимировна Петренко¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vptomsk@mail.ru

Аннотация. Ставится вопрос, утратит ли Книга свое значение в эпоху всеобщей цифровизации и искусственного интеллекта. Обсуждаются перспективы трактовки Книги в духе объектно-ориентированной онтологии как особой материальной сущности, ответственной за налаживание общественных связей внутри университетского сообщества.

Ключевые слова: вещь, Книга как вещь, объектно-ориентированная онтология, эстетическое, университетское сообщество

Для цитирования: Петренко В.В. Университет как приращение эстетического опыта: в защиту печатной книги // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 76–80. doi: 10.17223/15617793/509/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/7

The university as an augmentation of aesthetic experience: In defense of the printed book

Valeriya V. Petrenko¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vptomsk@mail.ru

Abstract. The article discusses the difficult question of whether the Book will lose its significance in the era of universal digitalization and artificial intelligence. The article considers the prospects for interpreting the Book as a special material entity responsible for establishing social ties within the university community, in the logic of object-oriented ontology. Being a visual – victorious – cultural and material form of Modernism, the Book has long been in the status of a truly authorial principle and embodied the very spirit of the Enlightenment and freedom of one's own inalienable statement. The Book has always been on the side of positive social forces. The question that remains open in the era of media, social networks and digital gadgets: will the Book be able to retain the place in the institutional breakdown of the social field, which it held quite firmly and for quite a long time? The article presents the central conceptually loaded concepts in a single discursive context, reflecting the choice of a common thematic horizon – "University", "university community", "aesthetic experience", "library/Book". As a result, the following conclusions are made. (1) Methodologically, the concept of the University (university community) can be conceptualized in the same way as social and cultural anthropology in general, no matter what it addresses. (2) Already in this formulation of the question, one of the constitutive concepts, largely fulfilling the function of the supporting structure, is designated – the concept of "community". The article shows that it is worth taking into account the material component of those partly ethnomethodological, partly habitual dispositions and the corresponding theoretical optics. It is in them that the "university community" expresses itself in the expected way as a collective identity. Removing the "natural attitude" and making the Book a mandatory condition for the existence of a horizontal network structure in the person of the university community, we gain additional access to the codification of the codes of the habitual order (Pierre Bourdieu). They are associated with the features of the organization, functioning, "capitalization" and the final institutionalization of this community. By exploring horizontal network structures of any level and degree of generality, we can return to them the focus of aesthetically presented authenticity and persuasiveness that is often lost in the abstract mode of thinking that is familiar to philosophy.

Keywords: thing, Book as thing, object-oriented ontology, aesthetic, university community

For citation: Petrenko, V.V. (2024) The university as an augmentation of aesthetic experience: In defense of the printed book. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 76–80. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/7

Век искусственного интеллекта и всеобщей диджитализации не может не поставить под вопрос прежние формы коммуникации с себе подобными и с традиций.

На этом фоне судьба печатной книги в глазах многих выглядит бесперспективно или как минимум печально. «Сохранится ли книга как самая полная форма творческого высказывания?..

«Поскольку бумага теряет ценность как источник знаковой информации, заменяясь экраном, – что от неё остаётся?», – задается вопросом М. Эпштейн в своей энциклопедии первопонятий как фундаментальных универсалий культуры, обеспечивающих доступ к общекультурному коду, к числу которых он, разумеется, относит и Книгу [1. С. 287–288].

Будучи наглядной – победившей – культурной и материальной формой Модерна, Книга долго пребывала в статусе воплощённого авторского начала, где самоценная и самодостаточная авторская мысль выступала в качестве «заслуженного собеседника» (А. Ухтомский) для того, кто брал книгу в руки, и воплощала самый дух Просвещения и свободы собственного неотчуждаемого высказывания. Книга фактически с момента появления оказалась встроена в институт публичной дискуссии и общественных дебатов в связи с культурной, политической, идеологической, эстетической повесткой соответствующего времени. Книга последних двух-трёх столетий, безусловно, принадлежала культуре демократического устройства общества и всячески поощряла выработку навыков и компетенций либеральной демократии в самом широком смысле этого слова. Книга всегда была на стороне позитивных общественных сил. Вопрос, остающийся открытым в эпоху медиа, социальных сетей и цифровых гаджетов: сумеет ли Книга сохранить за собой то место в институциональной разбивке социального поля, которое она удерживала достаточно прочно и достаточно долго?

Думается, нет смысла поддерживать вялотекущий спор относительно преимуществ чтения в формате книги на электронном или бумажном носителе. Какого рода мифами подпитывается аргументация с той и с другой стороны, хорошо известно: 1) электронная книга – «ненастоящая»; 2) чтение – это род ритуализированного поведения (другими словами, «я так привык» и люблю свою привычку, и я её лелею, и я её культивирую по той простой причине, что «Я» – это и есть во многом «моя привычка»); 3) со стороны психологов и берущих на вооружение их доводы, условно говоря, педагогов мы слишком часто слышим о том, что: а) усвоение информации, почерпнутой путем чтения электронной книги – значительно меньше, чем бумажной; что б) органолептически иметь дело с бумажной книгой – это-де дополнительная гарантия лучшего запоминания любого текста; что в) тактильное взаимодействие с бумажным носителем, мелкая моторика, которая сопутствует чтению бумажной книги – и вообще отличает как традиционное чтение, так и письмо – это, как говорят нам психологи и нейролингвисты, – способ налаживания гораздо более устойчивой связи между телесной перцепцией и собственно реакциями со стороны тонкой материи – головного мозга, того самого органа, который в конечном итоге и отвечает за обработку и усвоение поступающей информации и т.д. и т.п.

Если оставить в стороне похожие дискуссии, если обратиться к Книге как к интеллигибельной и, что немаловажно, особой *материальной* сущности, другими словами, к особой Вещи, опыт обращения с которой

и обладание которой для значительного круга людей представляет несомненную ценность, можно сослаться на ряд примеров, что позволят, оттолкнувшись от привычного видения Книги как источника знаний и переживаний, наделить её качествами, которые, скорее, сообщают Книге свойства коммуникатора и сетевого медиатора. Своеобразным визуальным эпитафием такой оптики видится уважительное, почтительное, часто смешанное с мистическим отношением к огромным, нечеловечески большим, богато иллюстрированным манускриптам либо инкунабулам, щедро украшенным маргиналиями, прикованным цепями по месту своей прописки в сохранившихся до наших дней средневековых монастырях или базиликах. Они, разумеется, производят незабываемое впечатление на любого, кто видит их впервые.

Думается, хотя бы на сотую долю того же впечатления бессознательно рассчитывает спикер-интеллектуал (его выступление, по иронии, всё чаще задействует цифровой формат: специализированные диджитал-платформы, YouTube), когда он располагается на фоне книжных полок или в пространстве библиотеки, что, на первый взгляд, служит простым указанием на профессию (род занятий). В таком виде послание, адресованное зрителю, считывается и расшифровывается мгновенно и безошибочно. Заметим, однако, что, желая подчеркнуть собственный высокий символический статус (а это, безусловно, имеет место в данной диспозиции), престижность, ищущую себе выражения, в том числе и в денежном эквиваленте, приведённому в пример академическому нарратору (субъекту высказывания) не приходится в голову поместить у себя в фоне, скажем, PlayStation, хотя цена последней в разы превосходит стоимость любой самой бескомпромиссно отобранной золотой полки (если только перед нами не библиотека в родовом замке с пыльными вековыми фолиантами, к которым веками никто не прикасался; справедливости ради, хозяин замка редко претендует на статус интеллектуала, он – «аристократ», и это принципиально другое позиционирование себя).

Наконец, вспомним настойчиво повторяющиеся сюжетные линии из истории литературы, где Книге было отведено центральное, сюжетообразующее место. К примеру, то впечатление, которое произвёл в своё время выход в русском переводе романа У. Эко «Имя розы». Широкие читающие массы, конечно, отдали должное его детективной составляющей. Но для социолога гораздо больший интерес представляло разочарование, которое большинство читателей, как ни старались, не могли скрыть: надо же, вся интрига закручена вокруг какой-то книги, из-за неё разгорелся весь сыр-бор (невозможно удержаться от невольного каламбура: «разгорелся» в буквальном смысле этого слова. Сюжет достигает апогея, когда занялась монастырская библиотека, она же Храмина). Сам сюжет со сгоревшей библиотекой и слепым её хранителем тянет за собой сложную и давнюю мифологию: здесь и великие слепцы от Гомера до Дж. Милтона и Х.Л. Борхеса (послужившего прототипом Хорхе из романа Эко), и пожар в Александрии, и роман нобелиата Э. Канетти «Ослепление», где тоже есть и сгоревшая библиотека, и её слепой хозяин.

Кстати, кроме бросающихся в глаза отмеченных структурных повторов более существенным видится подчеркнутая невротизация субъекта, имеющего дело с Книгой, просто-таки одержимость, часто сама по себе, будучи движущей силой повествования, становящаяся триггером катастрофических событий.

Тезисы, представленные ниже, служат соединению в едином дискурсивном контексте центральных концептуально нагруженных понятий, отражающих выбор общего тематического горизонта: «Университет», «университетское сообщество», «эстетический опыт», «библиотека/Книга».

I. В нынешнем году в русском переводе увидела свет работа профессора религиоведения Колумбийского университета М. Энгельке с говорящим названием «Думай как антрополог» [2]. Поэтому первый тезис – *методический* и *методологический* – состоит в том, что об Университете стоит подумать ровно таким способом, каким это делает социальная и культурная антропология вообще, к чему бы она ни обратилась. Вопрос, как его формулирует сам М. Энгельке: «Что могут рассказать о нас незначительные на первый взгляд детали?» [2. С. 14] (в нашем случае, любовь к печатной продукции; ценность для члена университетского сообщества бумажной книги). Примечательно, что, рассуждая о *методе*, которого должна держаться культурная антропология, М. Энгельке переосмысливает понятие *культурного релятивизма*, даёт ему новое определение, лишая негативной теоретической коннотации, которая, кажется, намертво закрепилась за представлением о релятивизме любой направленности. М. Энгельке рассуждает о культурном релятивизме в категориях «характера» и «стиля», делая его, в сущности, *эстетическим принципом*, ответственным за внимание к детали. «Культурный релятивизм – это чуткость, которая окрашивает метод», – пишет он [2. С. 19]. Антропологическая релятивистская стратегия, согласно М. Энгельке, должна состоять в том, чтобы дать слово самым разным субъектам высказывания от первого лица, по возможности *предметно* прописав, чем они отличаются друг от друга и в чём, соответственно, ценность такого отличия для наделения их той или иной идентичностью, размещения их внутри того или иного сообщества.

II. Собственно, уже в такой постановке вопроса обозначено одно из конститутивных, во многом выполняющих функцию несущей конструкции понятий – понятие «*сообщества*». Если Университет – это «замкнутое племя», как когда-то выражались отцы-основатели и антропологии, и социологии, нелишне задаться вопросом, какие вещи и предметы, связанные с «Университетом» ассоциативно, подлежат сакрализации в предложенных обстоятельствах? Рабочая гипотеза и одновременно наш второй тезис сводятся к тому, что стоит принять в расчет именно *материальную* составляющую тех отчасти *этнометодологических*, отчасти *габитуальных* диспозиций и соответствующей теоретической оптики, в которых ожидаемым способом выражает себя «университетское сообщество» как коллективная идентичность.

Усилиями, главным образом, социальных теоретиков постмарксистского призыва, таких как Дж. Урри, равно как и Э. Лаклау, и Ш. Муфф, мы практически простились с прежним – теоретически неотчуждаемым – понятием «общества». Что же остается? Для начала стоит присмотреться к логике мыслителей из круга акторно-сетевой теории (кроме, собственно, Б. Латура, это М. Каллон, Дж. Ло, Э. Мол), в свою очередь, наследующих раннюю социологическую мысль в лице Г. Тарда, а, также к социологам круга К. Кнорр-Цетина и, разумеется, к философам *par excellence* в лице Г. Хармана и М. Деланды, неожиданно продемонстрировавших подлинно социальный темперамент. Все они взяли на вооружение идею объект-центричного социального мира, где вещная составляющая перестаёт играть исключительно подчинённую роль. Б. Латур же в части своих исследований прямо проявил склонность к культурно-антропологическому способу описания отдельных сообществ [3]. С настойчивостью воспроизводимый концепт «ассоциаций» (он же – «ассамблежей») говорит нам о том, что сообщество как раз производится.

Оставив за скобками ценностную и «идейную» природу тех обязательных элементов, апроприация которых со стороны участника сообщества принципиально необходима, а для стороннего исследовательского взгляда прямо указывает на принадлежность к сообществу данного субъекта, сосредоточимся на материальной стороне дела. Конструирование любой новой общности держится, в том числе, посредством вполне осязаемых, «вещных», собственно *материальных* посредников. Они недвусмысленно демонстрируют именно свою «реалистичность», зримость присутствия и в этом смысле неотменность, невозможность их трактовать ситуативно, субъективно, как-то «вольно» (что часто происходит с теми элементами «сети», природа которых исключительно интеллигибельна, и где решающим признаком выступает общий интерес со стороны сообщества. Так – «сообщество по интересам» – иногда маркируют ту же академическую социальную группу; как следствие, интерпретациям имманентного и трансцендентного характера здесь нет числа). Действительно, атрибутировать «что думает» член той или иной общности, как мировоззренчески, идеологически, жизненно прописана та или иная коллективная идентичность – задача, требующая отрефлексированного, методически грамотного решения. А вот увидеть и описать (в опоре на прямое первичное переживание события в режиме актуального восприятия): а) как субъект-участник общности *выглядит*, б) как он *говорит*, в) что он в обязательном порядке должен *делать* (например, должен посещать библиотеку – место, где академический субъект претерпевает нечто вроде инициации, где, возможно, он впервые видит в таком количестве книги) – все это в конечном итоге и есть собственно *эстетический* подход к делу (если рассматривать эстетику как область первичной перцепции и аналитику суждений вкуса и восприятия). В этом пункте можно согласиться с оценкой акторно-сетевого подхода О.В. Хархординым: «Латур считает надёжные жёсткие материальные вещи решающим

фактором в процессе перебрасывания мостиков между разнородными элементами и в привязывании новых таких элементов... общество как большая общность (как и любая социальная группа, то есть общность меньшего масштаба) – это результат работы по ассоциированию разнородных элементов, по приобщению их к сети» [4. С. 153]. На ту же идею жёстких, претендующих на статус аподиктичности связей и ассоциаций работает концепт ассамбляжей у М. Деланды. С подачи Ж. Делёза он берёт в союзники английский новоевропейский эмпиризм и, ссылаясь на «Трактат о человеческой природе» Д. Юма, пишет о том, что «ключевой территориализующий процесс, придающий ассамблею стабильную идентичность, это процесс *привычного повторения*. Привычка, согласно Юму, это сила, поддерживающая ассоциацию идей, более властная, чем сознательная рефлексия, и человеческая идентичность стабильна лишь до той степени, пока поддерживаются привычные, или обыденные, ассоциации» [5. С. 64]. Поэтому мотив повторения как ритуализированного «сетевого» действия легче всего продемонстрировать, прибегнув к описанию *эмпирического* уровня «медиаторства» и «коммуницирования», который всегда связан с наглядностью качества «материальности», со связями, покоящимися на регулярностях и фигуре повтора, выступающей трансцендентальным эмпирическим априори (Ж. Делёз) [6]. Пример Книги для сообщества интеллектуалов в этих декорациях является столь характерным, что порой ускользает от исследовательского взгляда, кажется чересчур простым именно в силу своей «естественности». Снимая «естественную установку» и делая Книгу обязательным условием существования горизонтальной сетевой структуры в лице университета сообщества, мы получаем дополнительный доступ к кодификации шифров габитуального порядка (П. Бурдьё), связанных с особенностями организации, функционирования, «капитализации» и конечной институализации данного сообщества.

III. И, наконец, третье: та оптика, которая была здесь представлена, идет вразрез с идеей «воображаемого сообщества», завладевшей умами социальных теоретиков с момента ее появления в 1983 г. в текстах Б. Андерсона применительно к феномену политической нации [7]. С тех пор этот концепт был экстраполирован на множество других образований, главным в которых стало «плоское», почти пространственное натяжение, соединившие элементы искомой структуры почти так же, как в структуралистском варианте выглядит поверхностное натяжение языка. Отличие в том, что структурализм еще слишком зависим от философской феноменологии. Поэтому понятие «воображаемого сообщества» и в социальном конструктивизме, которому принадлежал Б. Андерсон, – это представление об особом интенциональном объекте, т.е. инстанция «воображения» полностью принадлежит горизонту конечных общих значений, оставаясь целиком трансцендентальным понятием. Даже структурализму и постструктурализму при всех акцентах, расставленных в пользу материального означающего, не удалось в той мере, что современной объект-ориентированной философии, привлечь внимание серьезной теории к собственно вещам, скрепляющим собой уже людей как конечных контрагентов любого сообщества.

Чем ценен подобный перенос акцента? Во-первых, всегда эвристична очередная попытка поменять устоявшийся язык описания, и, тем самым, выбрав новую модель для теоретической сборки (в нашем случае объектом приложения такого усилия становится «Университет», «академическое сообщество»), иметь в перспективе дополнительные возможности их концептуализации. Во-вторых, исследуя горизонтальные сетевые структуры любого уровня и степени общности, вернуть им тот самый фокус эстетически представленной достоверности и убедительности, который нередко бывает потерян в столь привычном для философии абстрактном модусе полагания.

Список источников

1. Эпштейн М. Первопонятия: Ключи к культурному коду. М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 720 с.
2. Энгельке М. Думай как антрополог / пер. с англ. А. Арамян, К. Митрошенков. М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. 288 с.
3. Latour B. Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford : Oxford University Press, 2005. 301 p.
4. Хархордин О.В. Общество, или Дружество других. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2024. 160 с.
5. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. К.С. Майоровой. Пермь : Гиле Пресс, 2018. 170 с.
6. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Д. Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. М. : ПЕР СЭ, 2001. 480 с.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

References

1. Epshtein, M. (2022) *Pervoponyatiya: Klyuchi k kulturnomu kodu* [Primary concepts: Keys to the cultural code]. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.
2. Engelke, M. (2024) *Dumai kak antropolog* [How to think like an anthropologist]. Translated from English by A. Aramyan & K. Mitroshenkov. Moscow: Ad Marginem Press.
3. Latour, B. (2005) *Reassembling the social: An introduction to actor-network theory*. Oxford: Oxford University Press.
4. Kharkhordin, O.V. (2024) *Obshchestvo, ili Druzhchestvo drugikh* [Society, or the companionship of others]. St. Petersburg: European University.
5. DeLanda, M. (2018) *Novaya filosofiya obshchestva: Teoriya assamblazhei i sotsialnaya slozhnost* [A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity]. Translated from English by K.S. Mayorova. Perm: Gile Press.
6. Deleuze, G. (2001) *Empirizm i subektivnost: opyt o chelovecheskoi prirode po D. Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: uchenie o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza* [Empiricism and subjectivity: An essay on Hume's theory of human nature. Kant's critical philosophy: The doctrine of the faculties. Bergsonism. Spinoza]. Translated from French. Moscow: PER SE.
7. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism]. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Kanon-Press-Ts, Kuchkov pole.

Информация об авторе:

Петренко В.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vptomsk@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Petrenko, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vptomsk@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2024;
одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 07.11.2024;
approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316
doi: 10.17223/15617793/509/8

ВИЧ-активизм в России: этапы развития, проблемы, перспективы

Ольга Ивановна Бородкина¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, oiborodkina@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты социологического исследования, посвященного вопросам активизма в сфере профилактики ВИЧ/СПИДа. Основными методами исследования стали анализ официальной статистики и эпидемиологических данных, а также интервью с сотрудниками НКО и государственных СПИД-центров в семи российских городах. Анализ результатов позволил выделить основные этапы развития и проблемное поле ВИЧ-активизма, а также определить особенности современного ВИЧ-активизма, во многом связанного с онлайн-деятельностью.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, НКО, активизм, социальные движения, медицинское сообщество, пациенты

Источник финансирования: исследование выполнено в СПбГУ при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-18-00261 «Социальный активизм здоровья в условиях новых эпидемиологических рисков: дискурсы, стратегии, агенты».

Для цитирования: Бородкина О.И. ВИЧ-активизм в России: этапы развития, проблемы, перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 81–91. doi: 10.17223/15617793/509/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/8

HIV activism in Russia: Stages of development, problems, prospects

Olga I. Borodkina¹

¹ St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation, oiborodkina@gmail.com

Abstract. The problem of the spread of the HIV infection remains acute both globally and nationally, including in Russia. This article aims at identifying and analyzing the main stages of the development of HIV activism in Russia, and identifying the problem field of HIV activism and prospects for its development through the theoretical lens of social movement theory. The development of HIV activism is also stimulated by the fact that people living with HIV remain a socially vulnerable group, and in situations of new risks, including epidemiological ones such as COVID-19, their rights are often violated. The empirical basis of the study is official statistical and epidemiological data, as well as expert interviews with activists working in the field of HIV prevention in 7 Russian cities (N=15). Three historical phases were identified: (1) 1987–2005, marked by NGO-led prevention efforts among high-risk groups with international funding; (2) 2006–2014, characterized by state program development, NGO-state cooperation, and destigmatization of public discourse; and (3) the current digital-focused phase. The issues of stigma and discrimination remain relevant for HIV activism, although discrimination is not widespread and mostly manifests in everyday life. Activists today prioritize HIV therapy access. Funding NGOs is also challenging, though recent mechanisms like the Presidential Grants Foundation, support socially-oriented NGOs. Modern demands require organizational flexibility for healthcare NGOs (restructuring of their legal form and organizational structure) to secure funding. Future activism trends point toward digital expansion with online health technologies, professional medical activism for new practices, and patient community development. Modern HIV activism is realized in various formats; new key actors are emerging, but it still plays a crucial role in HIV/AIDS prevention and response.

Keywords: HIV infection, NGOs, activism, social movements, medical community, people, patients

Financial support: The research was conducted at SPbU with the financial support of the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00261.

For citation: Borodkina, O.I. (2024) HIV activism in Russia: Stages of development, problems, prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 81–91. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/8

Введение

В последние несколько лет проблема ВИЧ-инфекции не находилась в актуальной новостной повестке российский СМИ, сначала в связи с пандемией COVID-19, затем в связи с происходящими геополитическими конфликтами. Вместе с тем проблема распространения ВИЧ-инфекции по-прежнему довольно остро стоит как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных стран, в том числе и России. Согласно официальной статистике в 2021 г. в мире проживало 38,4 млн чел. с ВИЧ-инфекцией (другие подсчеты варьируются в диапазоне от 33,9 до 43,8 млн чел.), из которых 1,5 млн (диапазон от 1,1 до 2,0 млн) были вновь инфицированными, при этом антиретровирусную терапию получали только 28,7 млн чел. [1]. Что касается ситуации в России, то согласно последним доступным официальным данным на 31 декабря 2022 г. в стране проживало 1 168 076 россиян с лабораторно подтвержденным диагнозом «ВИЧ-инфекция», при этом в 2022 г. было зарегистрировано 63 150 новых случаев заболевания, вызванного вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), в том числе 615 случаев среди детей и 12 913 – у жителей сельских поселений; в том же году было выявлено 71 019 новых случаев, исключая выявленные анонимно и у иностранных граждан [2. С. 1].

Вызывает озабоченность и показатель заболеваемости ВИЧ-инфекцией: в 2022 г. он составил 43,29 на 100 тыс. населения, что на 3,8% больше, чем в 2021 и 2020 гг. [2, 3]. При этом показатель заболеваемости, превышающий среднероссийское значение, в 2022 г. имели 34 субъекта Федерации, тогда как в 2021 г. – 30 субъектов Федерации [2, 3]. Тройку лидеров составляют Красноярский край (зарегистрировано 94,4 новых случая ВИЧ-инфекции на 100 тыс. населения), Пермский край (89,2), Оренбургская область (87,4). Немного от них отстают Иркутская, Томская, Челябинская и Новосибирская области (соответственно 79,3; 73,7; 72,0 и 71,6 чел. на 100 тыс. населения) [2. С. 1]. Следует отметить, что в последние годы в Российской Федерации ВИЧ-инфекция выявляется преимущественно среди населения наиболее активного трудоспособного возраста. В 2021 г. ВИЧ-инфекция диагностировалась у россиян в возрасте 30–39 лет в 39,9% случаев, 40–49 лет – в 31,2%, 20–29 лет – в 11,8% случаев, и при этом наблюдается рост гетеросексуального пути передачи [3. С. 74].

В сложившейся эпидемиологической ситуации вопрос о социальной активности сообщества людей, затронутых проблемой ВИЧ, и в первую очередь людей, живущих с ВИЧ-инфекцией, по отставанию своих прав не теряет актуальности. В то же время необходимо признать, что в современном обществе ВИЧ-активизм в России, как и в других странах, приобретает новые формы и приоритеты, которые не до конца изучены. Исследовательские вопросы данной работы связаны с выделением и анализом основных этапов развития ВИЧ-активизма в России, с выявлением проблемного поля ВИЧ-активизма и перспектив его развития.

Теоретические рамки исследования

Тема ВИЧ/СПИДа заняла существенное место в социальных исследованиях сразу после начала эпидемии ВИЧ в 1980-х гг. Следует выделить несколько ключевых направлений, связанных с ВИЧ, в наибольшей степени привлекающих внимание ученых. Среди них – культурно-ориентированные исследования, в том числе представление ВИЧ-проблематики в медиапространстве, формирование мифов и общественных страхов, связанных с ВИЧ/СПИДом [4–6]; исследования, посвященные ВИЧ-стигматизации и дискриминации [7, 8]. Заслуживают внимания научные работы, направленные на анализ программ здравоохранения по профилактике распространения ВИЧ/СПИДа в России и за рубежом, которые выявили противоречивые социальные и политические последствия действующих на тот момент социальных и медицинских практик [9–11].

Поскольку период борьбы с ВИЧ/СПИДом приближается к трем десятилетиям, эксперты отмечают изменение исследовательского фокуса в данной области, и проблемы развития ВИЧ-активизма, которые находятся в поле нашего научного интереса, в настоящее время являются одними из наиболее актуальных. С одной стороны, актуальность связана с теоретическим подходом, в рамках которого рассматривался ВИЧ-активизм. В данном случае речь идет прежде всего о теориях общественных движений [12–15]. Это направление продолжает развиваться, что объяснимо, так как общественные движения – это деятельность, направленная на решение современных социально значимых проблем; а социальные движения в области здоровья рассматриваются исследователями как «важная политическая сила, занимающаяся вопросами доступа к здравоохранению и качества медицинской помощи, а также более широкими социальными изменениями» [12. Р. 679]. Эпидемия ВИЧ вызвала мощные общественные движения в разных странах, в том числе в России. Изменение социально-политических, экономических условий в стране порождает новые формы общественных движений в области здоровья, и ВИЧ-активизм как разновидность общественного движения развивается, трансформируется и, соответственно, требует научной рефлексии. С другой стороны, развитие ВИЧ-активизма отчасти стимулируется тем обстоятельством, что люди, живущие с ВИЧ, по-прежнему остаются социально уязвимой группой, и в ситуации новых рисков, в том числе эпидемиологических, их права достаточно часто нарушаются; так, например, было во время пандемии COVID-19, когда во многих странах были отмечены случаи дискриминации людей с ВИЧ-инфекцией на начальном этапе вакцинирования и лечения от COVID-19 [16–18].

Возвращаясь к теоретическим основам представленного исследования, уточним, что ВИЧ-активизм рассматривается как разновидность общественного движения, которому присущи основные характеристики общественных движений, а именно; во-первых, самоорганизованность отдельных групп граждан; во-вторых, деятельность, совершаемая в общественном пространстве; в-третьих, направленность на решение конкретных социальных проблем, связанных с жизнью

сообщества людей, затронутых ВИЧ-инфекцией [13, 15]. При этом формы проявления и проблематика ВИЧ-активизма в значительной степени детерминированы национальным контекстом, поскольку зависят от действующего законодательства, культурных норм, поведенческих паттернов. По этой причине изучение развития ВИЧ-активизма в России является самостоятельной и актуальной научной проблемой.

Методы исследования

Основную эмпирическую базу исследования составили данные эпидемиологической статистики, публикуемые Федеральным научно-методическим центром по профилактике и борьбе со СПИДом¹, нормативные документы, регулирующие сферу лечения и профилактики ВИЧ/СПИДа, а также результаты проведенных в 2022–2023 гг. 15 экспертных интервью с активистами, работающими в сфере профилактики ВИЧ-инфекции, в различных российских городах (Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Новосибирск, Иркутск, Орел, Челябинск), среди которых 13 человек, представляли НКО (при этом некоторые из них открыто говорили о своем ВИЧ-положительном статусе), а два эксперта являлись сотрудниками Центров по профилактике и борьбе со СПИДом в двух крупных российских городов с населением более миллиона человек. Большинство респондентов – женщины старше 30 лет. Все респонденты дали согласие на аудиозапись интервью и последующее использование предоставленной информации в научных целях, тем не менее для соблюдения принципа конфиденциальности респонденты цитируются без указания города. Продолжительность интервью составила 1–1,5 часа, основные тематические блоки были посвящены обсуждению истории создания организации, направлениям и видам ее деятельности, основным проблемам клиентских групп, стратегиям достижения финансовой и организационной стабильности организации, взаимодействию с другими ключевыми акторами в сфере профилактики ВИЧ-инфекции, перспективам деятельности организации, а также личному активистскому опыту респондента.

Результаты исследования

Этапы развития ВИЧ-активизма в России

Развитие ВИЧ-активизма в России непосредственно связано с распространением эпидемии этого заболевания. Первый этап становления и развития ВИЧ-активизма можно отнести к 1987–2005 гг. Начало данного этапа условно определяет первый клинически подтвержденный случай ВИЧ-инфекции у российского гражданина, хотя случаи ВИЧ-инфекции отмечались в СССР и ранее, но они наблюдались в среде иностранных студентов, и на тот момент проблема ВИЧ/СПИДа не привлекла публичного внимания. Переломный момент в общественном сознании был связан с заражением ВИЧ-инфекцией более ста детей в Элисте в 1988 г.² Это трагическое событие не только

поставило новые задачи перед системой здравоохранения, но и стало стимулом для появления и активной деятельности НКО, оказывающих медицинскую и социальную помощь людям, пострадавшим от ВИЧ. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в России наблюдается резкий рост ВИЧ-инфекции, связанный с попаданием вируса в популяцию потребителей инъекционных наркотиков. В 1999 г. зарегистрировано 30 992 ВИЧ-инфицированных человека, в 2000 г. – уже 90 249, а в 2001 г. – 177 354 [19. С. 27]. Данный процесс стимулировал развитие ВИЧ-активизма по ряду причин. Во-первых, с такими группами рискованного поведения, как наркопотребители; женщины, вовлеченные в коммерческий секс; лица, без определенного места жительства, в то время не работали государственные социальные и медицинский организации, а профилактика ВИЧ среди них, и в первую очередь среди потребителей инъекционных наркотиков, была необходимым условием снижения уровня распространения ВИЧ-инфекции в российских регионах. Во-вторых, люди с ВИЧ-положительным статусом, число которых неуклонно росло, нуждались не только в лечении, но и в психологической, юридической, социальной поддержке, которую они не могли получить в рамках действующей в то время системы медицинской и социальной помощи. Кроме того, развитию ВИЧ-активизма, безусловно, способствовала деятельность международных организаций, таких как UNAIDS, «Глобальный фонд», «Врачи мира» и другие, которые, руководствуясь задачей оставить эпидемию ВИЧ в странах с высоким уровнем заражения, предпочитали финансировать в первую очередь именно негосударственный сектор. Во многом это было связано с политикой международных организаций, направленной на поддержку гражданских инициатив и на упрощенный механизм взаимодействия с НКО. В первые годы 2000-х в России активно изучались и использовались западные практики по профилактике ВИЧ-инфекции, и в этой связи следует отметить, что некоторые методы профилактики, продвигаемые западными организациями, не получили однозначную поддержку в профессиональной медицинской среде, как, например, программы обмена шприцов для потребителей инъекционных наркотиков, что также содействовало ориентации международных программ в первую очередь на поддержку российских НКО.

Развитию негосударственного сектора в России в значительной степени способствовало принятие в 1996 г. Федерального закона «О некоммерческих организациях»³, создавшего правовые основы деятельности НКО. Учитывая, что на начало 2000 г. в стране было зарегистрировано около 485 тыс. некоммерческих организаций [20], можно предположить существование значительного числа ВИЧ-сервисных организаций, которое эксперты на тот момент оценивали в несколько сотен. НКО, созданные активистами в начале 2000-х гг., стали заниматься как профилактической деятельностью среди групп рискованного поведения (в том числе среди наркопотребителей и женщин, вовлеченных в секс-индустрию), так и продвижением антиретровирусной терапии для людей, живущих с ВИЧ.

С 2003 г. отмечается явная тенденция качественного изменения характера эпидемии ВИЧ-инфекции, связанная с ростом гетеросексуального пути передачи инфекции. В 2005 г. доля ВИЧ-инфицированных таким способом превышает 30% [21. С. 14], и некоммерческие организации стали ориентироваться и на профилактические программы для более широких групп населения.

Следующий этап развития ВИЧ-активизма условно можно связать с 2006–2014 гг. Значительная часть экспертов оценивают 2006 г. как некий переломный момент в борьбе со СПИДом, поскольку профилактика ВИЧ/СПИДа вышла на государственный уровень. В этой связи знаменательным является проведенное в апреле 2006 г. специальное заседание президиума Государственного совета «О неотложных мерах по борьбе с распространением ВИЧ-инфекции в Российской Федерации», на котором выступил Президент Российской Федерации В.В. Путин, сформулировав основные задачи, связанные с разработкой долгосрочной стратегии по борьбе с эпидемией ВИЧ/СПИДа и преодолению ее последствий⁴.

Кроме того, тема ВИЧ/СПИДа перестала быть табуированной. Одна активиста высказалась по этому поводу: «...какой-то информационный вакуум с нас сняли». На этом же этапе начинается достаточно плодотворное сотрудничество НКО и активистов с государственными организациями.

НКО нужны как так называемые полевые сотрудники, которые будут ходить в больницу Боткина. И будут консультировать людей на предмет ВИЧ-инфекции. Что это такое, как она работает? Какие правила безопасности нужно соблюдать, какие есть права у пациентов? Это был 2006 год уже. И тогда только-только начала эта машина по обеспечению пациентов в Российской Федерации работать (активист, сотрудник НКО).

Позднее в некоторых регионах, например в Санкт-Петербурге, активисты даже присутствовали на врачебных комиссиях, которые назначали препараты людям с ВИЧ-позитивным статусом.

Мы говорили свое веское слово, что пациент готов, даже если он наркопотребитель, он будет принимать препараты и с приверженностью. Все будет хорошо или, не знаю ...не готов. У него там еще слишком много страхов, или не пройдены стадии принятия (активист, сотрудник НКО).

Для многих активистов работа в мультидисциплинарной команде, в которую входили врачи различных специальностей (физиастр, инфекционист, психиатр, психолог и др.) и ВИЧ-активисты, воспринималась как наиболее эффективный способ помощи людям, живущим с ВИЧ.

Это примерно 2008 год. И больше я нигде не встречала, чтобы люди включались в комиссию по назначению препаратов. Хотя это был шикарный опыт, за счет которого, с одной стороны, равный консультант встраивается в систему оказания помощи, а с другой стороны, он немного другую роль выполняет, как бы оставаясь на стороне пациента. То есть даже если пациент бросает таблетки по каким-то причинам, не знаю, депрессия, употребление, запой, развелся, женился. Первый, кому он расскажет об этом,

будет равный консультант, и от него он бежать не будет (активист, сотрудник НКО).

На данном этапе активно используется практика консультаций равный равному, о которой уже упоминалось выше и которая чрезвычайно высоко оценивалась большинством ВИЧ-активистов. Активисты, имеющие опыт подобных консультаций, рассматривали их как возможность предотвратить заражения ВИЧ-инфекцией даже среди маргинальных групп, и как этап подготовки к лечению и последовательному регулярному приему необходимых препаратов.

На самом деле основная эта история равного консультирования – забрать на себя все эмоции, вот эти первые эмоции человека или те, которые он получил пять лет назад, потом бежал от врачей, и все-таки, попав в больницу, ну, как бы он к ним возвращается, к этой реальности, что да, у меня есть ВИЧ-инфекция... На самом деле равный консультант, он как некая губка собирает на себя всю эмоцию. А к доктору приходит уже человек, готовый на лечение. Вот у него все по полочкам разложено (активист, сотрудник НКО).

Для меня важно, чтобы человек, у которого выявили ВИЧ-инфекцию, во-первых, чтобы вообще изначально такие люди больше не появлялись... Но, если все-таки человек появился, чтобы у него было сразу же лечение, у него были сразу же адекватные врачи, которые к нему будут относиться уважительно, толерантно, соблюдая его права. Чтобы для человека процесс принятия диагноза занимал не более года...

Для меня важно честно говорить о тех проблемах, которые сейчас есть в том же самом лечении. Для меня важно держать долгосрочную цель. А зачем я все это делаю? Но потому что я понимаю, что ключевая история в этом вот принятии и адаптации человека к диагнозу. Потому что если адаптируется быстро, то это будет прекрасно. У него нет шанса слететь с лечения, бросить его дальше, передать диагноз кому-то и так далее, и так далее (активист, сотрудник НКО).

Однако, по мнению ВИЧ-активистов, данная практика не получала должной поддержки в медицинском профессиональном сообществе, и одной из причин сложившейся ситуации было непонимание содержания деятельности активистов, работающих в НКО.

Ну, то есть врачи, в принципе, всегда очень сильно боялись, потому что они не понимали, чем мы заняты. Им казалось, что мы просто болтаем с людьми, курим с ними, чаевичаем часто... Многие этого просто не понимали даже после тренингов, даже после встреч, даже тогда, когда очень много было обучений. ...Опасность была в непонимании наших границ компетенции. Плюс в какой-то момент времени НКОшники стали знать больше врачей, потому что они начали ездить на конференции международные. Врачи тут убивались в 50 смен, разрываясь между поликлиникой, больницей и какой-нибудь еще платной клиникой, пытались просто выжить. Из-за копеечной зарплат. Но мы ездили по конференциям, мы разбирались в схемах лечения и так далее, и так далее. Когда мы начали видеть, что люди назначают, не все могли совладать с собой и не начать критиковать врача, хотя это этика равного консультирования – «никогда не критикуешь назначения». Ты можешь только взять консультацию у еще одного специалиста такого же уровня и представить ее (активист, сотрудник НКО).

Внедрение западных практик в работу НКО в значительной степени происходило при поддержке международных структур. Принятие в 2012 г. «Закона об иностранных агентах»⁵ существенным образом отразилось на деятельности многих НКО; некоторые из них

были признаны иностранными агентами и были вынуждены либо приостановить свою деятельность, либо перестраивать работу, исходя из данного статуса. Новые условия функционирования НКО сказались и на их публичной деятельности, которая с того времени, как отмечают Д. Юдина и В. Дудина, «характеризуется умеренной стратегией репрезентации без радикальной критики политики здравоохранения, без акцентирования внимания на наиболее острых проблемах ЛЖВ» [22. С. 470].

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в этот же период была создана эффективная сеть региональных центров СПИДа, и российское правительство взяло на себя обязательства по медицинской и социальной помощи людям, живущим с ВИЧ, по проведению широкомасштабной профилактической работы, включая возможности тестирования на ВИЧ. В этой связи следует, в частности, упомянуть открытие в структуре центров помощи семьи и детям отделений помощи семьям, затронутых ВИЧ-инфекцией, как, например, в Санкт-Петербурге, и аналогичных организаций в других регионах. ВИЧ-активизм в новых условиях стал ориентироваться на эффективное взаимодействие с государственными структурами.

Современный этап развития ВИЧ-активизма в России, который реализуется последние десять лет, характеризуется достаточной гибкостью и готовностью НКО перестраивать свою работу с учетом новых вызовов и рисков. Новосибирская региональная общественная организация «Гуманитарный проект», используя данные ЕГРЮЛ, на сайте Фонда президентский грантов и онлайн-опроса, собрала данные об НКО, работающих в области профилактики и сопровождения в связи с ВИЧ-инфекцией на начало 2019 г.⁶ Данный список включает 88 организации и, хотя, безусловно, на сегодняшний день эта цифра вероятно несколько иная, можно выделить важнейшие характеристики современных ВИЧ-сервисных негосударственных организаций.

Во-первых, за редким исключением, наблюдается отказ от зарубежного финансирования и ориентация значительной части НКО на получение российских грантов, в первую очередь от Фонда президентский грантов; помимо указанного фонда и регионы в настоящее время активно развивают грантовую поддержку социально-ориентированных НКО [23]. Во-вторых, для успешного и стабильного финансирования большинство НКО расширяют сферу своей деятельности, как с точки зрения охвата целевых групп, так и предлагаемых услуг и стараются выстроить конструктивные взаимоотношения с государственными организациями, в том числе со СПИД-центрами. В этом отношении достаточно показательным является деятельность Ассоциации «Е.В.А.»⁷, сотрудники которой также участвовали в представленном исследовании. Данная организация не только консультирует женщин с ВИЧ-положительным статусом, но и работает с ВИЧ-сервисными организациями, оказывая им информационную, консультационную, финансовую поддержку, а также проводит информационные кампании для населения по вопросам

ВИЧ-инфекции с целью формирования среды, исключая дискриминацию и стигматизацию уязвимых социальных групп.

На современном этапе развития ВИЧ-активизма помимо НКО ключевыми акторами становятся общественные движения и инициативные группы, решающие конкретные задачи, связанные с лечением и профилактикой ВИЧ, без образования юридического лица или какой-либо формальной структуры [10]. В этой связи следует отметить движение «Пациентский контроль», оказывающее помощь в обеспечении необходимыми препаратами людей, живущих с ВИЧ. Как сказала в интервью с автором сотрудница «Пациентского контроля», «мы являемся своеобразными посредниками между пациентами и государственными структурами, куда люди боятся обращаться напрямую»⁸.

Кроме того, в настоящее время ВИЧ-активизм все в большей степени переходит в онлайн-формат, что позволяет говорить о развитии цифрового ВИЧ-активизма. Цифровой ВИЧ-активизм можно отнести к так называемым мягким формам активизма, который «не предполагает прямых действий, но является инструментом для распространения знаний, контактов и информации, способствующих трансформации здравоохранения в направлении защиты прав уязвимых групп, расширения их возможностей и улучшения доступа к услугам, что в свою очередь оказывает влияние на трансформацию социального государства в цифровую эпоху» [22. С. 469]. При этом НКО, активно развивающие онлайн-технологии, по существу, дополняют свою традиционную деятельность цифровой активностью. В то же время в настоящем развиваются и неформальные онлайн-объединения граждан, деятельность которых направлена на решение конкретных проблем, связанных с ВИЧ-инфекцией, прежде всего с лечением пациентов [24].

Проблемное поле ВИЧ-активизма в России

Стигматизация и дискриминация людей, живущих с ВИЧ. Одной из ключевых проблем, с которыми сталкивается человек, живущий с ВИЧ, – это принятие своего диагноза и адаптация к жизни с ВИЧ-инфекцией. В этом отношении роль активистов как была, так и остается ключевой, поскольку в повседневной жизни людям с выявленным диагнозом «ВИЧ-инфекция», как правило, не к кому обратиться. Многие активисты, которые начинали как равные консультанты, продолжают эту деятельность, уже работая в других организациях, в том числе государственных.

...если говорить по порядку, первая проблема – это кризисная, вопрос адаптации, то есть принятие диагноза. Поэтому там как раз активно идет привлечение, в том числе самих ВИЧ-положительных, наиболее активных пациентов. Вопросы равного консультирования, групп взаимопомощи, личный пример положительной какой-то адаптации в том числе, важны (сотрудник Центра СПИД).

Оказывается, есть такая проблема, что людям поговорить не с кем, и они не говорят своим родственникам, потому что родственники выгоняют из домов, выдают тарелки, кружки отдельные, отрекаются от людей (активистка, сотрудник НКО).

Проблема стигматизации и дискриминации на протяжении многих лет являлась центральной для ВИЧ-активизма. В этом отношении важно упомянуть, что в России существовало как минимум два направления стигматизации, с одной стороны – публичной, т.е. со стороны населения, и данной вид был объясним, особенно на начальном этапе эпидемии, низкой информированностью населения и широким распространением разного рода ложных сведений относительно ВИЧ (например, то, что ВИЧ передается через рукопожатие, использование общей посуды и др.). Другое направление стигматизации связано с профессиональным медицинским сообществом. Как ни удивительно это звучит, но многие медицинские сотрудники преимущественно в первые годы эпидемии были недостаточно образованы по проблемам ВИЧ/СПИДа и крайне негативно относились к пациентам с ВИЧ-инфекцией. В то же время персонал специализированных медицинских организаций, в первую очередь центров по профилактике и борьбе со СПИДом, демонстрировал профессиональное уважительное отношение ко всем пациентам.

Собственно говоря, это повлияло на то, что впоследствии я спокойно ходила в СПИД Центр, я спокойно говорила о своей ВИЧ инфекции... за счет того, что меня врачи не подавили, не обозвали, не оскорбили и так далее (активистка, сотрудник НКО).

Многие активисты видели свою основную задачу именно в моральной поддержке людей, живущих с ВИЧ, включая помощь в формировании конструктивного восприятия своего диагноза.

Я это для себя восприняла как фильтр... Ну, то есть я поняла, что ВИЧ-инфекция – это, по сути, мой такой, ну, хороший защитник. ...Я ее (ВИЧ-инфекцию) из себя уже не выкурю. Я контролирую заболевание. Ну и относиться как к какой-то дичи ко мне? Ну это, ну какой-то прошлый век. В общем и тогда ко мне стали обращаться люди с тем, чтобы поговорить о своей ВИЧ-инфекции (активистка, сотрудник НКО).

В настоящее время проблема ВИЧ-стигматизации в основном решена, что подчеркивали эксперты, но в то же время они не раз упоминали, что это относится прежде всего к крупным городам, а в малых городах и населенных пунктах по-прежнему возможны проявления стигматизации и дискриминации в повседневной жизни. Кроме того, как выразился один из экспертов, наблюдается «мягкая дискриминация», примером которой может служить следующий случай.

Пару пациентов описывали. Они сами сообщали о наличии у них ВИЧ-инфекции и гепатитов. И когда записывались к стоматологу в плановом порядке, их ставят на прием в конце дня... Чтобы никого после них (сотрудник Центра СПИД).

Отдельной проблемой была дискриминация медицинских работников с ВИЧ, и для преодоления этого вида дискриминации активизм потребовался от профессионального сообщества.

Были неадекватные ситуации в здравоохранении, когда были случаи и профессионального заражения ВИЧ-инфекцией... Были случаи, когда человек в личной жизни инфицировался, будучи медработником, и было какое-то непонимание внутри организации. И когда вроде как уже

объясняли, объясняли чуть ли не на министерском уровне, что вы не можете его уволить. В итоге у нас просто главный врач не выдержал и сказал: «Хорошо, если вам не нужен такой хороший специалист, я заберу его себе. Мне как раз пригодится такой квалификации, такой специализации медработник». И у нас в центре на сегодняшний день работают, в том числе на профессиональной основе, люди, живущие с ВИЧ. То есть не только на уровне общественной организации, которая рядышком с Центром, но в том числе в штате медицинские работники есть: врач, фельдшер, медсестры (сотрудник Центра СПИД).

Таким образом, по мнению большинства экспертов, ситуация с дискриминацией людей, живущих с ВИЧ, значительно улучшилась. Случаи дискриминации и стигматизации носят скорее единичный, а не массовый характер, причем преимущественно в повседневной жизни на бытовом уровне. Тем не менее утверждать, что проблема полностью решена, тоже преждевременно, поскольку при возникновении ситуации ограниченных ресурсов очень часто люди, живущие с ВИЧ, оказываются в наиболее уязвимом положении, о чем свидетельствует уже упомянутая практика вакцинирования и лечения COVID-19.

Обеспечение людей, живущих с ВИЧ-инфекцией, антиретровирусной терапией. В настоящее время внимание активистов в значительной степени связано с вопросами обеспечения людей с ВИЧ-инфекцией необходимой терапией. В свое время активисты сыграли одну из ключевых ролей в создании условий доступа к необходимой терапии для ВИЧ-инфицированных пациентов, но проблемы с обеспечением нуждающихся антиретровирусной терапией возникали в регионах и после принятия соответствующих нормативных актов.

Если не ошибаюсь, это был 12-й, что ли, год. Когда после кризиса накрылось, был неожиданно дикий секвестр бюджета, и сказали: «Ну, просто денег нет, делайте, что хотите». Причем ситуация была, что федерация обязательств не выполняла на местах, требовала их выполнять... люди разводили руками. А как так, если я не получил таблетки, что я буду выдавать? Все сводилось к тому, чтобы истории не всплывали по большому счету. И там даже была ситуация, что в этот момент у нас был визит как раз из федерального Минздрава... Так получилось, что они пересеклись с активистами, с членами сообщества, с некой общественной организацией и непосредственно, что называется, от народа услышали мнение (сотрудник Центра СПИД).

Сегодня в достаточно сложной социально-экономической и геополитической ситуации вопрос об обеспечении терапией людей, живущих с ВИЧ, снова на повестке дня. Ситуация с предоставлением необходимых препаратов во многом определялась и определяется действиями региональных властей и руководителей государственных организаций.

Можно получать какие-то результаты, что под это дают ресурсы. То есть у нас область достаточно много выделяет того, что вообще не должна делать. Это вот лоббизм непосредственно руководителя... Поэтому в плане медицинской помощи тут проблем нет. У них тут много делается... даже в ситуации, когда просто все были заложниками: и учреждения, и пациенты, когда просто федерация года четыре или пять назад не выполняла обязательства. По объемам поставок огромные усилия в регионе были приложены для того, чтобы закрыть эту дыру до конца... было очень много потрачено

усилий и средств, что взаимодействие с ФСИНом, у которых были излишки, как бы у них спрашивали что-то в обмен, было, что-то в долг получили препараты. Областные деньги, там что-то закрыли, что-то центр опять свои деньги потратил (сотрудник Центра СПИД).

В тоже время активная позиция руководства медицинских учреждений, как правило, предполагает взаимодействие с активистами и общественными организациями.

Была встреча еще главного врача с общественными организациями, просто с желающими активистами. Она (главный врач) показывала все, что было сделано. Говорит: «Вы можете возмущаться, и я вас пойму. Это ваши жизни и здоровья. Но понимаете, что другой руководитель, вот столько делать не будет. Заинтересованы ли вы в скандале и в смене руководителя?» (сотрудник Центра СПИД).

Иными словами, по мнению экспертов, эффективная деятельность в сфере профилактики распространения ВИЧ-инфекции и помощи людям, живущим с ВИЧ, возможна при конструктивном взаимодействии активистов и государственных организаций. Отдельно следует отметить и вклад активистов в обеспечение терапией. На законодательном уровне вопрос предоставления лечения людям, живущим с ВИЧ, решен, т.е. они должны получать необходимые препараты, но в регионах возникают вопросы с поставками необходимых лекарств, и активисты направляют свои усилия на решение проблемы поступления и наличия препаратов в аптеках. В этой связи следует отметить уже упомянутое выше активистское движение «Пациентский контроль», цель которого – контроль за предоставлением необходимой медицинской помощи людям, живущим с ВИЧ и другими социально значимыми заболеваниями, в российских регионах.

В настоящее время в условиях санкций приобретает актуальность вопрос импортозамещения. Замена импортных препаратов на отечественные требует изменения схемы лечения, что часто связано с приемом нескольких препаратов вместо одного, и это может вызывать недовольство и жалобы пациентов.

Есть какие-то жалобы, требования... Например, врач меняет схемы, он (пациент) считает, что это лично ему меняют. Вот у всех жизнь осталась легкой, а ему усложнили... Ситуация обострилась, когда федерация закупила меньше оригиналов, чем в предыдущие годы, а субъект Федерации не смог компенсировать, хотя рекомендация была. На месте имеет право добавить своего финансирования, дополнить, что называется. Не все субъекты могут себе это позволить. Какие-то субъекты считают, что лучше я буду обеспечивать лекарствами большее количество людей, но менее удобными, чем дорогими, красивыми, качественными препаратами, но меньшее количество людей. И получилось, что у нас на сегодняшний день даже одна и та же схема есть в двух вариантах: в удобном и не очень удобном. И вот когда врачу спускают разрядку, сколько у него есть на район пациентов на терапии. Он должен принять решение, кому создавать жить комфортнее, а кому нет. И врач тоже становится в не очень удобную ситуацию этическую. Поэтому некоторые врачи сразу говорят, дайте мне список пофамильно, кому поменять схемы, я не собираюсь принимать решения, или по принципу первые, кто зайдут, 50 человек получают оригинальный препарат, всем остальным, что достанется (сотрудник Центра СПИД).

Но при этом важно подчеркнуть, что все пациенты получают необходимое лечение.

Нет просто комбинированных препаратов оригинальных, их купили меньше, но закупили много российских. Понятно, заводы же запущены, импортозамещение работает. Вот держим в тех же объемах (сотрудник Центра СПИД).

Проблема финансирования. Проблема финансирования достаточно остро стоит перед большинством НКО, но в организациях, работающих в области профилактики ВИЧ/СПИДа, она имеет свою специфику. НКО и ВИЧ-активистские движения на первых этапах развития ВИЧ-активизма имели значительную зарубежную поддержку в форме грантов от международных фондов; уход зарубежных организаций существенным образом изменил их финансовое положение.

Из совсем зарубежных не осталось практически никого. Все потихонечку уходят. Точнее, даже кто остался, сами (НКО) перестают сотрудничать, потому что это статус иноагента или партнера иноагента (активист, сотрудник НКО).

В то же время в России были созданы механизмы внутренней поддержки социально ориентированных НКО. Существенным шагом по обеспечению финансовой стабильности НКО стало создание в 2017 г. Фонда президентских грантов, который выступил единым оператором поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [21].

Есть большой федеральный фонд, который претендует на место Глобального фонда. Фонд президентских грантов работает по всем направлениям в разных сферах, в том числе в здравоохранении, в том числе и по вопросам общего здоровья и профилактики. Есть несколько именных фондов, такую же функцию выполняют: Тимченко, Потанин. Большинство фондов просто внутренних на сегодняшний день, то есть они имеются (сотрудник Центра СПИД).

Помимо грантов, в настоящее время для негосударственных организаций, включая коммерческие, разработан механизм получения государственных субсидий на возмещение расходов по оказанию социальных и медико-социальных услуг, оказываемых населению⁹. Однако некоторые эксперты полагают, что такого рода переориентация на государственное финансирование в различных вариантах в сфере профилактики ВИЧ не всегда достаточно эффективна.

Часть услуг пришлось сократить, потому что опять же государство, оно же не может давать на адвокацию. Оно может дать на какую-то ее маленькую часть... Я помню, что у нас был как раз по поводу президентских грантов проект, в котором в том числе был заложен юрист, который помогал пациентам составлять при необходимости жалобы и ходатайства... То есть там был юрист, который консультировал людей на предмет, как отстаивать свои права. Но это скорее исключение из правил (активист, сотрудник НКО).

То есть большей частью: и фонд Потанина, и Фонд президентских грантов, и другие, они дают на сервисную составляющую. Но надо же понимать о том, что, ну сколько мы еще будем раздавать рыбу. Нам же нужно, чтобы люди с удочкой научились работать и без нас с вами обходиться. Один и тот же человек десятилетиями он будет к нам ходить, пока система такая, какая она есть, и

пока она работает так, как она работает (активист, сотрудник НКО).

Иными словами, ряд экспертов считают, что некоторые виды помощи ВИЧ-инфицированным людям, связанные с отстаиванием их прав и их активизацией, не получают в настоящее время необходимой поддержки. При этом имеют место и существенные региональные различия; так, например, если в Москве, Санкт-Петербурге и ряде крупных городов НКО могут получить финансирование на консультирование, сопровождение, тестирование, то в других регионах возможности регионального финансирования на данные виды деятельности ограничены.

Современные тренды развития ВИЧ-активизма в России

Современные вызовы требуют активности и гибкости от организаций, работающих в сфере здоровья, в том числе профилактики и лечения ВИЧ-инфекции. Данный тезис относится как к негосударственным, так и к государственным организациям, многие из которых вынуждены перестраивать свою правовую форму и организационную структуру для того, чтобы получить большие возможности для финансирования.

Раньше были просто государственное учреждение здравоохранения, потом государственное автономное учреждение, что позволяет зарабатывать внебюджетные средства (сотрудник Центра СПИД).

Но, в общем, сейчас просто, грубо говоря, у НКО России нет шансов тупить и на одном каком-то этапе замирать. Мы постоянно в апрейде, мы постоянно что-то новое узнаем. Сначала мы про ВИЧ все узнавали, потом про наркоманию, потом про совместности, потом про какую-то мировой опыт. Потом мы начали узнавать свои права очень резко, когда все эти не щающие законы начали принимать. А потом мы начали сертификаты все эти получать, лицензии на обучающую деятельность (активист, сотрудник НКО).

Перспективы развития активизма в области здоровья, как уже было отмечено выше, во много связаны с развитием онлайн-активизма [22]. Переход в интернет-пространство означает не только изменение формата активизма, но и в большой степени меняет его значимые характеристики, формируя, по сути, новую субкультуру [25, 26]. Если традиционный ВИЧ-активизм связан с социальным движением, т.е. предполагает групповую деятельность, то онлайн-формат допускает активизм на индивидуальном уровне, который способен оказывать влияние на значительное количество людей, о чем упоминали и эксперты. Другой важный момент, который необходимо отметить, заключается в том, что онлайн-активизм в некотором смысле стирает границы и позволяет достаточно эффективно обмениваться лучшими практиками между различными организациями, регионами, для которых актуальна проблема ВИЧ-инфекции. И, безусловно, онлайн-технологии позволяют оперативно информировать о проблеме (в том числе с обеспечением лекарствами) все заинтересованные стороны.

Среди современных трендов следует отметить развитие профессионального активизма в медицинском сообществе. Профессиональный активизм, связанный с «внедрением новых практик в области организации медицинской помощи, с изменениями протоколов лечения и реабилитационных практик», а также с «распространением достоверных знаний о заболеваниях, просвещением населения и отдельных социальных групп, находящихся в зоне риска, проведением профилактической работы» [25. С. 88], в полной мере характерен и для ВИЧ-активизма, более того, современные условия стимулировали профессиональный активизм. Параллельно развивается и активизм среди пациентов, которые выступают преимущественно в интернет-пространстве [26, 27]. При этом уровень экспертной оценки пациентов постоянно повышается, что соответствует мировой тенденции, и все больше специалистов готовы рассматривать пациентские сообщества как нового актора развития медицинского образования и медицинской науки [28, 29].

Заключение

Активизм негосударственных организаций внес значительный вклад в сдерживание эпидемии ВИЧ/СПИДа, имевшей место в России в конце 1990-х – начале 2000-х гг., прежде всего, поскольку способствовал созданию и развитию государственных программ по профилактике ВИЧ/СПИДа и проводил профилактику распространения ВИЧ среди ключевых групп риска, включая потребителей инъекционных наркотиков. Анализ интервью с экспертами, представляющими различные российские регионы, показывает, что эффективность ВИЧ-активизма российских НКО определяется государственной поддержкой программ профилактики ВИЧ/СПИДа, развитием механизмов доступа к различным финансовым ресурсам, взаимодействием с государственными организациями, в первую очередь с центрами по профилактике и борьбе со СПИДом, и социальными службами. В то же время и представители государственных организаций подчеркивают важность взаимодействия с НКО, выделяя задачи, связанные с повышением доступности профилактики ВИЧ-инфекции среди наиболее уязвимых групп населения и доступности медицинских и психосоциальных услуг для пациентов с ВИЧ-инфекцией [30. С. 14].

Современный ВИЧ-активизм реализуется в новых форматах, и наиболее развивающимся является цифровой активизм. Причем развитие онлайн-деятельности относится как к взаимодействию людей, затронутых проблемой ВИЧ-инфекцией, так и к профессиональным группам. Современные НКО, работающие в сфере профилактики и лечения ВИЧ-инфекции, также образуют онлайн-сообщества, которые имеют возможности формировать долгосрочные стратегии коллективных действий, выстраивая связи между участниками сообщества, при этом ограничения, связанные с зависимостью от государственных структур и финансовых институтов, характерны и для цифрового активизма [22].

Содержательная повестка ВИЧ-активизма также трансформируется. Можно с большой долей уверенности утверждать, что проблема структурной дискриминации людей, живущих с ВИЧ, в значительной мере решена, по крайней мере, в больших городах, но по-прежнему имеют место случаи повседневной дискриминации, особенно в небольших населенных пунктах. В настоящее время основные усилия ВИЧ-активистов направлены на помощь в получении адекватной антиретровирусной терапии и других медицинских услуг. Несмотря на успехи в борьбе

с ВИЧ-инфекцией, профилактика ВИЧ/СПИДа остается актуальной социальной проблемой. Устранение препятствий для финансирования профилактических программ, информирование различных социальных групп о риске ВИЧ-инфекции и необходимой своевременной диагностики, построение механизмов взаимодействия НКО и государственных органов являются необходимыми условиями предотвращения новой волны эпидемии ВИЧ-инфекции. И одну из ключевых ролей в решении обозначенных задач играет ВИЧ-активизм.

Примечания

- ¹ Данные представлены на сайте Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом: <http://www.hivrussia.info>
- ² Описание первых случаев заражения ВИЧ-инфекцией представлено в интервью с директором Федерального научно-методического центра по профилактике и борьбе со СПИДом, академиком В.В. Покровским «Коронавирус пройдет, а ВИЧ останется» от 4 июня 2021 г., которое доступно по ссылке: <https://iz.ru/1173385/ekaterina-iasakova/koronavirus-proidet-vich-ostanetsia> (дата обращения 01.11.2024).
- ³ Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
- ⁴ Стенограмма выступления Президента России В.В. Путина представлена на сайте: <http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/23547> (дата обращения: 18.11.2024).
- ⁵ Федеральный закон № 121 от 20.07.2012 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента».
- ⁶ Информация доступна на сайте: <https://human.org.ru/knowledge/hiv-ngo/> (дата обращения: 20.10.2024).
- ⁷ Информация представлена на сайте Ассоциации «ЕВА»: <https://evanetwork.ru>
- ⁸ Данное интервью было проведено в процессе редактирования статьи в октябре 2024 г., и оно не включено в указанные в методах 15 экспертные интервью. Информацию о деятельности движения «Пациентский контроль» можно найти на сайте: <https://pereboi.ru/about-the-project/>
- ⁹ Возможности получения государственных субсидий НКО предоставлены Федеральным законом «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ.

Список источников

1. Global HIV & AIDS statistics – fact sheet // UNAIDS. 2021. URL: <https://www.unaids.org/en/resources/fact-sheet> (дата обращения: 30.01.2024).
2. Справка ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 31 декабря 2022 г. // Федеральный научно-методический центр по профилактике и борьбе со СПИДом. URL: <http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2023/09/Spravka-VICH-v-Rossii-na-31.12.2022.pdf> (дата обращения: 01.04.2024).
3. Покровский В.В., Ладная Н.Н., Соколова Е.В. ВИЧ-ИНФЕКЦИЯ. Информационный бюллетень № 47. М., 2023.
4. Watney S. People's perceptions of the risk of Aids and the role of the mass media // Health Education Journal. 1987. Vol. 46, № 2. P. 62–65. doi: 10.1177/0017896987046002
5. Epstein S. Impure Science: AIDS, Activism, and the Politics of Knowledge. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1998.
6. Climp D. AIDS: Cultural Analysis/Cultural Activism. 1987. URL: <http://www.jstor.org/stable/3397562> (дата обращения: 10.05.2024).
7. Smith N.C. How can stigma contribute to our understanding of the formation and mobilization of collective identities in health social movements? // Sociology Compass. 2020. Vol. 14, № 6. Art. No. e12796.
8. Sultan A., Mažeikienė N. Living with HIV in post-Soviet states: Rejecting individual stigma through social activism // International Social Work. 2021. Vol. 64, № 3. P. 386–398.
9. Mykhalovskiy E., Rosengarten M. HIV/AIDS in its third decade: Renewed critique in social and cultural analysis – An introduction // Social Theory & Health. 2009. № 7. P. 187–195. doi: 10.1057/sth.2009.13
10. Nartova N., Krupets Y., Shilova A. HIV activism in modern Russia: from NGOs to community development // Community Development Journal. 2020. Vol. 55, № 3. P. 419–436.
11. Бородкина О.И. Социальный контекст эпидемии ВИЧ/СПИДа в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 6, № 2. С. 151–176.
12. Brown P., Zavestoski S. Social movements in health: An introduction // Sociology of Health & Illness. 2004. Vol. 26, № 6. P. 679–694.
13. Brown P., Zavestoski S., McCormic S., Mayer B., Morello-Frosch R., Gasior Altman R. Embodied health movements: New approaches to social movements in health // Sociology of Health & Illness. 2004. Vol. 26, № 1. P. 50–80. doi: 10.1111/j.1467-9566.2004.00378.x
14. Buechler S. New social movement theories // Sociological Quarterly. 1995. Vol. 36, № 3. P. 441–464.
15. Millward P., Takhar S. Social Movements, Collective Action and Activism // Sociology. 2019. Vol. 53, № 1. P. 1–12. doi: 10.1177/0038038518817287
16. Gandhi M. Four ways HIV activists have saved lives during Covid // Knowable Magazine | Annual Reviews. 2021.
17. Mackenzie Social movement organizing and the politics of emotion from HIV to Covid-19 // Sociology Compass. 2022. Vol. 6, № 2. P. 1–12. doi: 10.1111/soc4.12979
18. Grant P.R., Smith H.J. Activism in the time of COVID-19 // Group Processes & Intergroup Relations. 2021. Vol. 24, № 2. P. 297–305. doi: 10.1177/1368430220985208
19. Бородкина О.И. Социальные аспекты эпидемии и профилактики ВИЧ/СПИДа. СПб. : Из-во СПб. ун-та, 2007.
20. Грищенко Ю.И. Этапы становления некоммерческих организаций в России // Некоммерческие организации в России. 2012. № 5. URL: <http://www.nkor.ru/about> (дата обращения: 01.11.2024).
21. Покровский В.В., Ладная Н.Н., Соколова Е.В., Буравцова Е.В., Кравченко А.В. ВИЧ-ИНФЕКЦИЯ. Информационный бюллетень № 30. М., 2007.
22. Юдина Д., Дудина В. Цифровой ВИЧ-активизм в России: агенты и повестка // Журнал исследований социальной политики. 2023. Т. 21, № 3. С. 467–484. doi: 10.17323/727-0634-2023-21-3-467-484
23. Старшинова А.В., Бородкина О.И. Стратегии устойчивости социально ориентированных НКО: механизм грантовой поддержки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 221–236. doi: 10.15838/esc.2022.5.83.12
24. Dudina V.I., Judina D.I., King E.J. Fears about Antiretroviral Therapy among Users of the Internet Forum for People Living with HIV/AIDS in Russia // AIDS Care. 2017. Vol. 29, № 2. P. 268–270.
25. Бородкина О.И., Ткаченко К.В. Институционализация активизма в сфере здоровья России // Journal of Institutional Studies. 2023. Т. 15, № 4. С. 79–90. doi: 10.17835/2076- 6297.2023.15.4.079-090

26. Старшинова А.В., Проценко И.А. Социальные сети как способ поддержки онкобольных: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 106–114. doi: 10.17223/15617793/494/11
27. Зуфман А.И. Пациентские интернет-сообщества как особая форма субкультурных объединений // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития : материалы междунар. науч. конф., Москва, 22–23 апреля 2019 г. М. : Рос. гос. гум. ун-т, 2019. С. 296–300.
28. Hojavins A., Zvonareva O. The expertise of patient organizations: making patients' voices heard // The Journal of Social Policy Studies. 2022. Vol. 20 (2). P. 335–346. doi: 10.17323/727-0634-2022-20-2-335-346
29. Мирошниченко А.Г., Смышляева Л.Г., Подкладова Т.Д., Сошенко И.И., Окорочков А.О. Пациентское сообщество как актор развития практик медицинского образования в современной России // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 10. С. 33–63. doi: 10.17853/1994-5639-2022-10-33-63
30. Рындич А.А., Матузкова А.Н., Воронцов Д.В., Твердохлебова Т.И., Суладзе А.Г. Роль некоммерческих организаций в профилактике ВИЧ-инфекции // Главный врач. 2023. № 4 (90). С. 13–15.

References

1. UNAIDS. (2021) *Global HIV & AIDS statistics – fact sheet*. [Online] Available from: <https://www.unaids.org/en/resources/fact-sheet> (Accessed: 30.01.2024).
2. Hivrussia.info. (2022) *Spravka VICH-infektsiya v Rossiyskoy Federatsii na 31 dekabrya 2022 g.* [Certificate: HIV infection in the Russian Federation as of December 31, 2022]. [Online] Available from: <http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2023/09/Spravka-VICH-v-Rossii-na-31.12.2022.pdf> (Accessed: 01.04.2024).
3. Pokrovskiy, V.V., Ladnaya, N.N. & Sokolova, E.V. (2023) *VICH-INKFEKTSIYA. Informatsionnyy byulleten № 47* [HIV infection. Newsletter No. 47]. Moscow.
4. Watney, S. (1987) People's perceptions of the risk of Aids and the role of the mass media. *Health Education Journal*. 46 (2). pp. 62–65. doi: 10.1177/0017896987046002
5. Epstein, S. (1998) *Impure Science: AIDS, Activism, and the Politics of Knowledge*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
6. Climp, D. (1987) *AIDS: Cultural Analysis/Cultural Activism*. [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/3397562> (Accessed: 10.05.2024).
7. Smith, N.C. (2020) How can stigma contribute to our understanding of the formation and mobilization of collective identities in health social movements? *Sociology Compass*. 14. (6). Art. No. e12796.
8. Sultan, A. & Mažeikienė, N. (2021) Living with HIV in post-Soviet states: Rejecting individual stigma through social activism. *International Social Work*. 64 (3). pp. 386–398.
9. Mykhalovskiy, E. & Rosengarten, M. (2009) HIV/AIDS in its third decade: Renewed critique in social and cultural analysis – An introduction. *Social Theory & Health*. 7. pp. 187–195. doi: 10.1057/sth.2009.13
10. Nartova, N., Krupets, Y. & Shilova, A. (2020) HIV activism in modern Russia: from NGOs to community development. *Community Development Journal*. 55 (3). pp. 419–436.
11. Borodkina, O.I. (2013) Sotsialnyy kontekst epidemii VICH/SPiDA v Rossii [The social context of the HIV/AIDS epidemic in Russia]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*. 6 (2). pp. 151–176.
12. Brown, P. & Zavestoski, S. (2004) Social movements in health: An introduction. *Sociology of Health & Illness*. 26 (6). pp. 679–694.
13. Brown, P., Zavestoski, S., McCormic, S., Mayer, B., Morello-Frosch, R. & Gasior Altman, R. (2004) Embodied health movements: New approaches to social movements in health. *Sociology of Health & Illness*. 26 (1). pp. 50–80. doi: 10.1111/j.1467-9566.2004.00378.x
14. Buechler, S. (1995) New social movement theories. *Sociological Quarterly*. 36 (3). pp. 441–464.
15. Millward, P. & Takhar, S. (2019) Social Movements, Collective Action and Activism. *Sociology*. 53 (1). pp. 1–12. doi: 10.1177/0038038518817287
16. Gandhi, M. (2021) Four ways HIV activists have saved lives during Covid. *Knowable Magazine | Annual Reviews*.
17. Mackenzie (2022) Social movement organizing and the politics of emotion from HIV to Covid-19. *Sociology Compass*. 6 (2). pp. 1–12. doi: 10.1111/soc4.12979
18. Grant, P.R. & Smith, H.J. (2021) Activism in the time of COVID-19. *Group Processes & Intergroup Relations*. 24 (2). pp. 297–305. doi: 10.1177/1368430220985208
19. Borodkina, O.I. (2007) *Sotsialnye aspekty epidemii i profilaktiki VICH/SPiDA* [Social aspects of the HIV/AIDS epidemic and prevention]. St. Petersburg: SPbSU.
20. Grishchenko, Yu.I. (2012) Etapy stanovleniya nekommercheskikh organizatsiy v Rossii [Stages of the formation of non-profit organizations in Russia]. *Nekommercheskie organizatsii v Rossii*. 5. [Online] Available from: <http://www.nkor.ru/about> (Accessed: 01.11.2024).
21. Pokrovskiy, V.V., Ladnaya, N.N., Sokolova, E.V., Buravtsova, E.V. & Kravchenko, A.V. (2007) *VICH-INKFEKTSIYA. Informatsionnyy byulleten № 30* [HIV infection. Newsletter No. 30]. Moscow.
22. Yudina, D. & Dudina, V. (2023) Digital HIV activism in Russia: Agents and agenda. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki*. 21 (3). pp. 467–484. (In Russian). doi: 10.17323/727-0634-2023-21-3-467-484
23. Starshinova, A.V. & Borodkina, O.I. (2022) Sustainability strategies of socially oriented NGOs: The mechanism of grant support. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 15 (5). pp. 221–236. (In Russian). doi: 10.15838/esc.2022.5.83.12
24. Dudina, V.I., Judina, D.I. & King, E.J. (2017) Fears about Antiretroviral Therapy among Users of the Internet Forum for People Living with HIV/AIDS in Russia. *AIDS Care*. 29 (2). pp. 268–270.
25. Borodkina, O.I. & Tkachenko, K.V. (2023) Institutionalization of health activism in Russia. *Journal of Institutional Studies*. 15 (4). pp. 79–90. (In Russian). doi: 10.17835/2076-6297.2023.15.4.079-090
26. Starshinova, A.V. & Protsenko, I.A. (2023) Social networks as a way to support cancer patients: Advantages and risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 494. pp. 106–114. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/11
27. Zufman, A.I. (2019) Patsientskiye internet-soobshchestva kak osobaya forma subkulturnykh ob'edineniy [Patient online communities as a special form of subcultural associations]. In: *Psikhologiya subkultury: fenomenologiya i sovremennyye tendentsii razvitiya* [Psychology of subculture: phenomenology and modern development trends]. Moscow: RSUH. pp. 296–300.
28. Hojavins, A. & Zvonareva, O. (2022) The expertise of patient organizations: making patients' voices heard. *The Journal of Social Policy Studies*. 20 (2). pp. 335–346. doi: 10.17323/727-0634-2022-20-2-335-346
29. Miroshnichenko, A.G., Smyshlyaeva, L.G., Podkladova, T.D., Soshenko, I.I. & Okorokov, A.O. (2022) The patient community as an actor in the development of medical education practices in modern Russia. *Obrazovaniye i nauka*. 24 (10). pp. 33–63. (In Russian). doi: 10.17853/1994-5639-2022-10-33-63
30. Ryndich, A.A., Matuzkova, A.N., Vorontsov, D.V., Tverdokhlebova, T.I. & Suladze, A.G. (2023) Rol nekommercheskikh organizatsiy v profilaktike VICH-infektsii [The role of non-profit organizations in HIV prevention]. *Glavnyy vrach*. 4 (90). pp. 13–15.

Информация об авторе:

Бородкина О.И. – д-р социол. наук, профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: oiborodkina@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.I. Borodkina, Dr. Sci. (Sociology), professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: oiborodkina@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.05.2024;
одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 29.05.2024;
approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 316.356
doi: 10.17223/15617793/509/9

Семья в зеркале мнений горожан: реальные и идеализированные представления

Светлана Анатольевна Ильных¹

¹ Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИИХ», Новосибирск, Россия, ili.sa@mail.ru

Аннотация. На основе эмпирического исследования жителей города Новосибирска описаны представления о семье и ее предикатах. Сделан вывод, что представления о семье как конструкты весьма динамичны и имеют идеализированные и реальные образы. Идеализированными оказались ценность родительского согласия на брак, образ воспитания детей, коллегиальность выполнения семейных ролей. Более соответствовали реальной практике представления о собственно семье, официальная регистрация брака, заключение брачного договора, модель семейных отношений, реальное родительство. Необходимо дальнейшее более глубокое изучение таких аспектов, как эффективность родительства, межпоколенная солидарность, сознательный отказ от родительства.

Ключевые слова: семья, брак, брачный договор, родительство, семейные отношения, семейные роли

Для цитирования: Ильных С.А. Семья в зеркале мнений горожан: реальные и идеализированные представления // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 92–101. doi: 10.17223/15617793/509/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/9

Family in the mirror of citizens' opinions: Real and idealized representations

Svetlana A. Ilynykh¹

¹ Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation, ili.sa@mail.ru

Abstract. The family as a research object possesses several distinctive features: first, it lacks a unified theoretical framework, unlike established concepts such as education or science; second, it undergoes significant transformations in structure, intergenerational dynamics, and emotional bonds, reflecting atomization, individualization, and evolving role models; third, empirical studies of the family face complexity due to the multifaceted meanings of "family" and its associated predicates, necessitating updated quantitative and qualitative methodologies to capture everyday understandings. Structural-functional, social-constructivist, and generational approaches, combined with mixed-method analysis, enable more comprehensive operationalization and interpretation of familial concepts, as demonstrated by an empirical study of Novosibirsk residents that contrasted idealized versus real perceptions of family. Findings revealed idealization in values like parental consent for marriage, child-rearing practices, and shared family roles, while the religious wedding ceremony emerged as a contested construct. Conversely, concepts such as the nuclear family, legal marriage registration, prenuptial agreements, relational models, and practical parenthood aligned more closely with real-world practices. The "filter" theory and rational choice theory proved relevant for interpreting predicates like cohabitation and marriage registration, whereas parent-child relationships were best analyzed through the generational approach, particularly intergenerational solidarity. The study underscores the need for further research into parenthood efficacy, intergenerational solidarity, and deliberate childlessness, advocating for broader application of qualitative methods to explore these dimensions.

Keywords: family, marriage, prenuptial agreement, parenthood, family relations, family roles

For citation: Ilynykh, S.A. (2024) Family in the mirror of citizens' opinions: Real and idealized representations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 92–101. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/9

Введение

Семья относится к тем социальным феноменам, которые играют ведущую роль в жизни каждого индивида. При этом в исследовательском аспекте она обладает рядом существенных особенностей:

Во-первых, семья одновременно трактуется и как социальный институт, и как малая группа.

Во-вторых, семья испытывает существенные трансформации структуры, межпоколенных взаимодействий, эмоциональных привязанностей. Это не может не сказываться на современных представлениях о том, что такое семья. Здесь можно отметить широкую палитру взглядов, базирующихся, с одной стороны, на реальном опыте индивидов и, с другой стороны, на идеализированных представлениях.

Реальный семейный опыт обширен, в связи с чем многообразна и трактовка семьи. Семейей считается и одиночное материнство, одиночное отцовство, и сожительство. Идеализированные представления о семье включают образы мужа, жены, детей в категориях добрых, внимательных, заботливых, любящих, неконфликтных членов семьи. Эти представления глубоко укоренены в общественном сознании, поскольку одновременно существуют и на уровне общества, и на уровне семьи, и на уровне индивида. По М.В. Чухаревой, идеал отца и идеал матери – это составная часть идеала мужчины и женщины, а вместе идеал отца и идеал матери составляют идеал родителей [1].

В-третьих, эмпирические исследования семьи достаточно сложны по причине разнообразия смыслов понятия «семья» и его предикатов. Кроме того, сложность исследования состоит еще и в том, что семейная проблематика, на первый взгляд, представляется тривиальной в силу естественности. Впервые о концепции естественности семьи еще в 2013 г. высказался А. Карлсон, предложивший трактовку естественной семьи как части естественно созданного порядка вещей и как нечто изначально заложенного в природе человека [2]. Иными словами, естественность семьи проистекает из согласия с человеческой природой. Проблема в данном случае состоит в том, как оценивать достаточно существенные трансформации структуры семьи с позиции естественности. В связи с этим актуализируется методология количественно-качественного исследования, чтобы изучить, как семья понимается в повседневной жизни. Именно триангуляция методов сбора информации позволяет значительно глубже раскрыть нюансы семейных отношений начиная с оценки родительской семьи и заканчивая осознанной бездетностью. Таким образом, исследование семьи с учетом обозначенных особенностей семьи представляет собой научный интерес и имеет определенный потенциал как источник изучения новых тенденций в социологии семьи.

Семья в контексте научных подходов

В социологии существуют несколько научных подходов к феномену семьи. Не ставя целью представить все существующие подходы, остановимся на наиболее плодотворных для исследования проблематики, с нашей точки зрения. Первый подход – структурно-функциональный, развиваемый Т. Парсонсом и Н. Смелзером. Т. Парсонс сосредоточился на основных функциях нуклеарной семьи и высказал идею о том, что семья должна быть дифференцированной подсистемой общества, а не «обществом в миниатюре» или его точным подобием [3]. Н. Смелзер анализирует структурную дифференциацию семьи в процессе ее упрощения [4. С. 12].

Наиболее значимая идея этого подхода состоит в том, что сторонники структурного функционализма анализируют семью как одну из подсистем общества, придавая особое значение функциям, выполняемым ею и влияющим на функционирование общества как единого целого. Признавая, что организация и струк-

тура семьи могут существенно изменяться в зависимости от культуры, экономики, политики, идеологии и т.д., они настаивают на том, что существует ряд постоянных функций, типичных для абсолютно любой семьи. Исследование и анализ функций, которые реально выполняет семья на современном этапе развития российского общества, позволяет оценить качественное состояние семьи. Проблемой в данном случае может быть то, какую семейную форму считать семьей, чтобы оценить выполняемые ею функции.

Этот пробел отчасти восполняет еще один подход к семье – социальный конструктивизм. Теоретические основы социально-конструктивистской парадигмы рассматриваются в работах П. Бергера и Т. Лукмана [5], Э. Гидденса [6], Ю. Хабермаса [7]. Так, социальное конструирование реальности, по П. Бергеру и Т. Лукману, представляет собой процесс создания субъектами смыслового мира, которое формируется на основе смыслов и значений [5].

С нашей точки зрения, представляет интерес теоретико-социологический анализ социального конструирования на примере семьи, проведенный А.П. Коробейниковой [8]. Автор показала, что два противоположных взгляда на состояние семьи – кризисный (А.И. Антонов, В.М. Медков [9], А.Б. Синельников [10] и др.) и прогрессивный (Ю.Р. Вишневский [11], М.С. Мацковский [12] и др.) – сосуществуют благодаря тому, что используется субъект-объектная методология. В результате исследователь описывает происходящие изменения в семье, находясь как бы на границе, отделяющей внутреннее пространство семьи от внешнего – социального. А использование методологии социального конструирования позволяет акцентироваться на формировании, поддержке и распространении представлений о семье. При этом не учитываются объективные социально-демографические характеристики семьи [8. С. 16].

Зарубежные ученые отмечают, что исследования в русле социального конструктивизма можно использовать для анализа взаимоотношений между братьями и сестрами, поскольку эти отношения влияют на их представления о самих себе [4].

Привлечение конструктивистского подхода к исследованию семьи позволяет отследить изменение традиционных семейных конструктов и понять, почему одновременно в сознании одного человека сосуществуют традиционные и новые семейные конструкты. Семья и все ее предикаты предстают как интерпретативные схемы, которые человек постоянно использует для ориентации в его семейной жизни [8. С. 17]. Индивиды конструируют семейную жизнь на основе своих схем – представлений о семье.

В качестве таких социальных конструктов выступают и представления собственно о семье, официальном браке, незарегистрированном браке, супружестве, партнерстве, родительской семье, родительстве, детности, семейных ценностях и т.д. Если коснуться, например, таких социальных конструктов, как супружество и партнерство, то, по мнению Э. Гидденса, даже понятия «брак» и «семья» имеют совершенно

иные значения [13]. Сегодня мы видим, что такие традиционные понятия, как «жених» и «невеста», заменяются новым понятием – «партнеры». Дополним, что в российскую традицию вводятся другие социальные конструкты – «мой молодой человек», «моя девушка».

Поколенческий подход является еще одним продуктивным в исследовании взаимоотношений в семье. Здесь анализируются разные тематики. Так, Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева рассматривают смену воспитательных стратегий семьи в контексте изменения ценностной системы [14]. Т.А. Гурко анализирует проблематику отношений взрослых детей и родителей с учетом изменения поколенческой пирамиды [15]. Интересны исследования и зарубежных коллег О. Хазер, М.С. Озтюрк, Н. Гюрсой [16], М. Сильверстейн, Р. Джарруссо [17] и др. Так, М. Сильверстейн и Р. Джарруссо установлено, что родители и дети по-разному оценивают эмоциональные отношения. Молодые поколения считают, что эмоциональная сплоченность снижалась в течение трех десятилетий между родителями и их взрослыми детьми. По мнению старшего поколения, эмоциональная сплоченность осталась неизменной.

Привлечение тех или иных аспектов рассмотренных подходов к анализу семьи позволят нам провести более глубокий анализ типичных представлений о семье, полученных как в ходе количественного (анкетирование), так и качественного (интервью) исследования.

Представления о семье: результаты исследования

В 2024 г. под руководством автора было проведено социологическое исследование жителей города Новосибирска методом анкетирования и интервью. При анкетировании выборочная совокупность составила 981 респондент в возрасте от 18 до 80 лет (выборка стратифицированная, многоступенчатая). Предельная ошибка репрезентативности 4%. Участие приняли 418 мужчин и 563 женщины. Выборочная совокупность отражала имеющиеся в генеральной совокупности пропорции по основным возрастным группам взрослого населения. В интервью приняли участие 28 респондентов. При отборе информантов учитывались следующие условия: 1) равное количество мужчин и женщин; 2) 4 респондента в каждой возрастной группе (18–20 лет, 21–30, 31–40, 41–50, 51–60, 61–70, 71–80 лет).

Гипотеза исследования состояла в том, что представления о семье многообразны, изменчивы. На них влияет сложившаяся социальная практика и идеализированные представления о семье.

Используя открытый вопрос семьи, мы предложили респонденту ответить на него. Смысл семьи оказался чрезвычайно многообразен. Условно все ответы можно распределить на несколько групп: отношения, структура, социальный статус.

Семья в контексте *отношений* раскрывается в эмоциональном и социальном планах: «Те, кому можно доверять», «Это то, где счастье, любовь и уважение», «Партнерство и уважение», «Поддержка, те, на кого

всегда можно рассчитывать, не оставят в беде», «Родные люди, принявшие участие в твоём росте, в становлении твоей личности, взрослении, развитии», «Самое ценное, что есть на этом свете», «Смысл жизни, любовь», «Устройство Бога», «Близкие люди», «Преданность», «Это поддержка и опора. Это психологи, учителя и наставники в одном флаконе».

Семья как *структура* представлена такими ответами: «Это социальная группа, основанная на браке, кровном родстве, связанная общностью быта, отношениями взаимопомощи, взаимоуважении и взаимной любви», «Родители, бабушки, дедушки», «Папа, мама, дети», «Союз/партнерство со своими традициями».

Семья в аспекте *социального статуса* обозначается следующим образом: «Официальные отношения», «Официальный брак», «Это брак между мужчиной и женщиной».

В ответах респондентов усматриваются проблемные аспекты их восприятия семьи: «Проживание вместе», «Проблемы», «Сложно». Как представляется, «проживание вместе» никак не отражает сути семейных отношений, сводя семью к локации в пространстве. Трактовка семьи в понятиях «проблемы» и «сложно» показывает негативную эмоциональную коннотацию семьи.

Данные высказывания отражают социальные конструкты о том, что семья – ценность, партнерство, любовь, уважение, преданность, нуклеарная или расширенная структура, официальный брак. Можем видеть также, что в представленных социальных конструктах отражаются функции семьи – репродуктивная, эмоциональная, защитная, статусная, хозяйственно-бытовая, воспитательная, социализация.

Один из социальных конструктов понятия «семья» – брак или официальная регистрация. Практически малоиспользуемым операциональным понятием, раскрывающим представление о семье, является ценность родительского согласия на брак. Восполним данное упущение, заранее предполагая, что такая добрачная традиция в российской реальности предстает как архаичная, несовременная. Несмотря на то что 54,4% мужчин и 58% женщин относятся к этой традиции отрицательно, все же 35% мужчин и 37,6% женщин высказали разную степень согласия с тем, что нужно спрашивать согласие родителей. Можно предположить, что для разделяющих важность родительского согласия на брак значимыми являются как сам процесс заключения брака, так и отношение родителей. Это может быть еще и «идеальная модель семейно-брачных отношений».

На прямой вопрос о том, зачем регистрировать отношения официально, около трети мужчин (27,2%) высказались о ненужности этой процедуры (рис. 1). 34,1% женщин считают, что это необходимо для экономической защищенности в совместной жизни с партнером. О том, что это общественная норма и традиция, высказываются существенно меньше респондентов обоих полов.

Показательно, что для 16% мужчин и 23,9% женщин официальная регистрация брака имеет другую коннотацию – это условия перехода взаимоотношений

на более высокий уровень. Приведем пример интервью: «Я считаю, что это будет более порядочно вначале предложить девушке стать его женой, после этого жениться и жить вместе. Девушка уверена в

партнере. Да и брак – это более нормально, чем сожительство» (муж., 35 лет). Здесь можно увидеть и моральную, и рациональную оценку официальной регистрации.

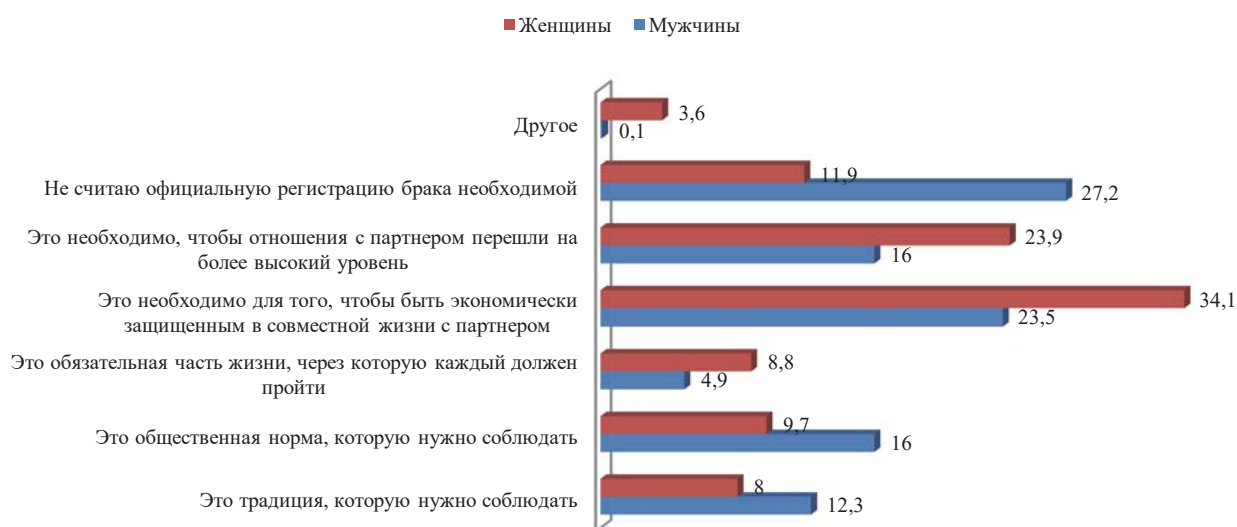

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, зачем нужно официально регистрировать отношения?», %

Если привлечь для объяснения процедуры официальной регистрации брака теорию «фильтров» А. Керкгоффа и К. Дэвиса [18], то в период до регистрации происходит оценка ценностей, выявление их схожести. А процедура официальной регистрации показывает не только схожесть ценностей, но и появление комплементарных потребностей.

Эта же теория позволяет понять распространение в России незарегистрированных браков – сожительства. Такая форма взаимоотношений массовое распространение получила в 1990-е гг. и в настоящее время имеет устойчивую легитимность. Сожительство на основании теории А. Керкгоффа и К. Дэвиса показывает, что на этом этапе происходит оценка согласованности ценностей.

Как нам представляется, сожительство как социальная норма и социальный конструкт хорошо укладывается в рамки теории рационального выбора Г. Беккера [19. С. 17]. Выбор того или иного партнера для сожительства связан с выигрышем. Это хорошо иллюстрируется результатами интервью: «Дочь была замужем, но слишком быстро сделала карьеру, стала прилично зарабатывать. У зятя так не получилось. Они расстались. Сейчас дочь знакомится по интернету. Встречаются, живут, но тоже быстро расстаются. Мне не нравится, но я уже смирилась» (жен., 59 лет). «Сейчас внук женится. Вначале пожил вместе, посмотрелись. Так лучше, я считаю. А то закатят грандиозную свадьбу и разойдутся. А так – надежнее» (жен., 63 года). «Родители всю жизнь прожили без регистрации. Вроде и нормально. При нас (детях) не жаловались вроде. Но вот теперь думаю – а может, маме папа не сделал предложение, а она его ждала? Но ведь жили же...» (жен., 19 лет). «Почему девушек устраивает сожительство? Это иллюзия брака. И

иллюзия успешности. У нас до сих пор статус замужней женщины очень высок» (жен., 40 лет). Как видим, в каждом случае усматривается свой «выигрыш». Однако отметим «оборотную» сторону этого выигрыша. При сожительстве ценятся одни качества в партнере, тогда как в официальном браке – иные. И более того, требуемые качества партнера официального брака нередко переносятся на качества партнера в сожительстве. Это несоответствие ожиданий сказывается на взаимоотношениях мужчин и женщин, возможно, необоснованных претензиях друг к другу.

Справедливости ради стоит отметить, что на вопрос о том, планируют ли они регистрировать свои отношения, неженатые и незамужние респонденты ответили утвердительно – 81,4 и 89,1% соответственно. Официальная регистрация воспринимается этой группой опрошенных как важный этап развития отношений, создание семьи, рождение детей, о чем могут свидетельствовать репродуктивные планы этой же группы респондентов. Они высказываются о желании в будущем иметь одного-двух детей: 72,2% – мужчины, и 72,5% – женщины. Планирование двух-трех детей отмечают 16,7% мужчин и 16,9% женщин. О многодетности высказываются 5,6% мужчин и 3,5% женщин.

Все активнее входит в социальную практику россиян религиозное венчание. Осуществляются два действия: официальная регистрация брака и обряд религиозного венчания. Согласно полученным данным, сама идея религиозного венчания поддерживается 23,4% мужчин и 17,7% женщин. Но более половины опрошенных (58% мужчин и 65,9% женщин) относятся к этому отрицательно. Полученные результаты можно трактовать следующим образом. С одной стороны, венчание совместно с официальной регистрацией брака отражает серьезность намерений вступающих в

брак. Но с другой стороны, «декларативность» большинства причисляющих себя к верующим людям и светскость самого обряда (венчание как праздник, а не как таинство) не позволяют относиться к этому действию как ценностно-рациональному (по М. Веберу). Таким образом, социальный конструкт обряда религиозного венчания достаточно противоречив.

Если продолжить изучение аспектов представлений о семье, связанных с официальной процедурой бракосочетания, то интерес представляет заключение брачного договора. Отметим, что глобализация, культурная гомогенизация, вестернизация существенно повлияли на традиционные для российского общества нормы и традиции в семейно-брачной сфере, в числе которых определяющими были чувства молодоженов, желание быть вместе. Западные образцы ориентированы на рациональность брачного выбора, в том числе заключение брачного договора. 39,5% мужчин и 49,5% женщин согласились, что такой договор заключать

необходимо. 51,9% мужчин и 40,3% женщин высказали свое несогласие. Отметим: то, что высказывается респондентами при опросе, необязательно будет реализовано на практике. Но вместе с тем такой социальный конструкт, как брачный договор, уже утвердился в сознании россиян. Вероятно, можем говорить о большей рациональности заключения брака и создании зоны безопасности. Приведем пример интервью: «Нужен ли брачный договор? Конечно. Если не пожилость, то все твоё останется у тебя» (жен., 23 года).

Представления о семье начинают складываться у индивида в его родительской семье в процессе первичной социализации. Мы предложили оценить респондентам модель семейных отношений в их родительской семье (рис. 2). Укажем, что в исследовании приняли участие респонденты, у которых были оба родителя (66,7% муж., 62,4% жен.), один родитель – мать (23,5% муж., 20,4% жен.), мать и отчим (7,4% муж., 11,1% жен.), отец и мачеха (1,2% муж., 1,8% жен.).

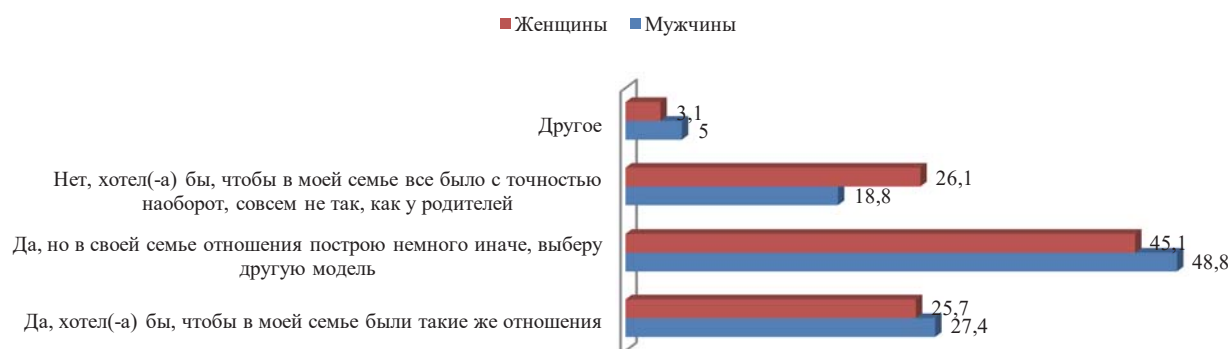

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Устраивает ли вас модель семейных отношений в вашей родительской семье?», %

Модель родительских семейных отношений хотели бы повторить четверть опрошенных (27,4% муж. и 25,7% жен.). Интересно, что почти половина респондентов (48,8% муж. и 45,1% жен.) о родительских отношениях отзываются положительно. Однако полностью повторить модель отношений они бы не хотели, поэтому для своей семьи желали бы что-то изменить. А вот 18,8% мужчин и 26,1% женщин хотели бы полностью отказаться от родительской модели. Последние результаты могут свидетельствовать как о не вполне благополучных взаимоотношениях родителей и детей, так и о том, что у респондентов сложились собственные представления, что для них приемлема семья, не повторяющая родительские отношения.

Преломляя поколенческий подход (Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко [20]) к оценке и дальнейшему выбору семейных отношений, можно говорить о том, что родительское влияние тем сильнее в этом процессе, чем сильнее чувства, связывающие представителей разных поколений в семье. Чем более позитивный опыт общения родителей и детей в родительской семье, тем большая вероятность повторения модели родительских семейных отношений в семье детей.

В исследовании более половины опрошенных устраивает модель семейных отношений в родительской семье. На вопрос, является ли семейная жизнь

родителей образцом для респондентов, 45,7% мужчин и 45,6% женщин высказываются положительно. Таким образом, связь поколений, позитивный опыт общения коррелируют с моделями успешной семейной жизни.

Для всесторонней картины представлений о семье важна оценка отношений с родителями. Эта оценка показывает не только срез взаимодействий на поведенческом и коммуникативном уровнях, но и гораздо глубже – на эмоциональном и ценностном. В. Бенгтсон и соавт. [21. Р. 8], Т.А. Гурко [22] говорят о межпоколенческой солидарности между взрослыми детьми и родителями, даже о более интенсивных связях между взрослыми детьми и их родителями по сравнению с супружескими.

Результаты нашего исследования также подтверждают идею о солидарности родителей и взрослых детей. На вопрос «Как бы вы могли охарактеризовать ваши отношения со своими родителями?» получено следующее распределение: основанные на любви, взаимопонимании и взаимоуважении (мужчины – 28,4%, женщины – 45,6%), доверительные и дружественные, взаимоуважение (мужчины – 55,6%, женщины – 35,8%), конфликтные (мужчины – 7,4%, женщины – 7,5%), недружественные (мужчины – 6,2%, женщины – 6,2%), враждебные (мужчины – 1,2%, женщины –

0,9%). Можно видеть, что подавляющее число опрошенных оценивают свои взаимоотношения с родителями как основанные на любви, взаимопонимании, взаимоуважении, доверии, дружбе. Приведем примеры интервью: «Хорошие отношения, мама – детский психолог. Всегда можно рассчитывать на поддержку, при этом в жизнь не вмешивается. Можем, например, спокойно в бар пойти или куда-нибудь вместе съездить отдохнуть» (жен., 36 лет). «У меня прекрасные отношения с родителями. Мама всегда была немного экзальтированная. Но все компенсировал папа. Мне просто повезло» (жен., 53 года). «Мы все прислушиваемся к маме. Она подскажет. Очень ей доверяем» (жен., 23 года). На основании мнений информантов можем говорить о том, что чаще всего мама упоминается как значимый родитель в отношениях.

Негативная оценка отношений, возможно, связана с отчуждением, причинами которого могут быть сложно протекающее монородительство, девиация родителей и др. Приведем примеры интервью: «С родителями сложные отношения. Они рано разошлись, как раз тогда, когда я был подростком и нуждался в отцовском внимании. Я встречался с отцом у него дома, но это совсем не то. Это не семья. А мать... не хочу сейчас ее осуждать. Но, в общем, сложно.....» (муж., 59 лет). «Мать лучше бы занималась нашим воспитанием с братом» (жен., 45 лет).

В целом можно говорить о наличии в сознании индивидов социального конструкта солидарности с родителями. Обратим внимание лишь на то, что хорошие взаимоотношения с родителями отметили подавляющее большинство респондентов. Вероятно, это обусловлено социальной средой. Хотя все респонденты проживают в мегаполисе, но он в меньшей мере испытывает европейское влияние индивидуализма, обособленности индивидов. Однако исследований, подтвер-

ждающих это предположение об особенностях семейного мышления удаленных от центра России городов и сел, практически нет. За исключением исследования семейных ценностей студентов Минска и Новосибирска [23].

Представления о семье неизменно связаны с вопросами родительства. Мы не касаемся таких вопросов, как материнство, отцовство, повседневный опыт родительства, взаимоотношения родителей и детей, типы родительства, поскольку это требует отдельного исследования. Более подробно о развитии института родительства можно познакомиться в работе Т.А. Гурко [24]. В рамках статьи рассматриваются общие вопросы родительства, учитывая, что потребность быть родителями проявляется через идентичность на индивидуальном уровне. На наш взгляд, продуктивным является выделение двух типов родительства: идеализированное и реальное, повседневное. Идеализированное родительство в большей мере сконструировано образами из литературы, поэзии, театра, мира кино и т.д. По мнению Дж. Гербнера, СМИ и особенно телевидение достаточно часто создают символический образ реальности, посредством предлагаемых стандартов и образцов формируется восприятие жизненного пространства индивида [25]. Образ такого идеализированного родительства мы получили, задавая вопрос с использованием сослагательного наклонения: как бы респонденты хотели воспитывать своего ребенка? (рис. 3).

Почти половина мужчин (54,3%) и две трети опрошенных женщин (75,2%) высказываются за воспитание без насилия, за признание равноправности ребенка. 29,6% мужчин и 13,3% женщин полагают, что нужен контроль со стороны родителей за выполнение поручения. Мы можем видеть, что небольшая часть опрошенных придерживается политики невмешательства.

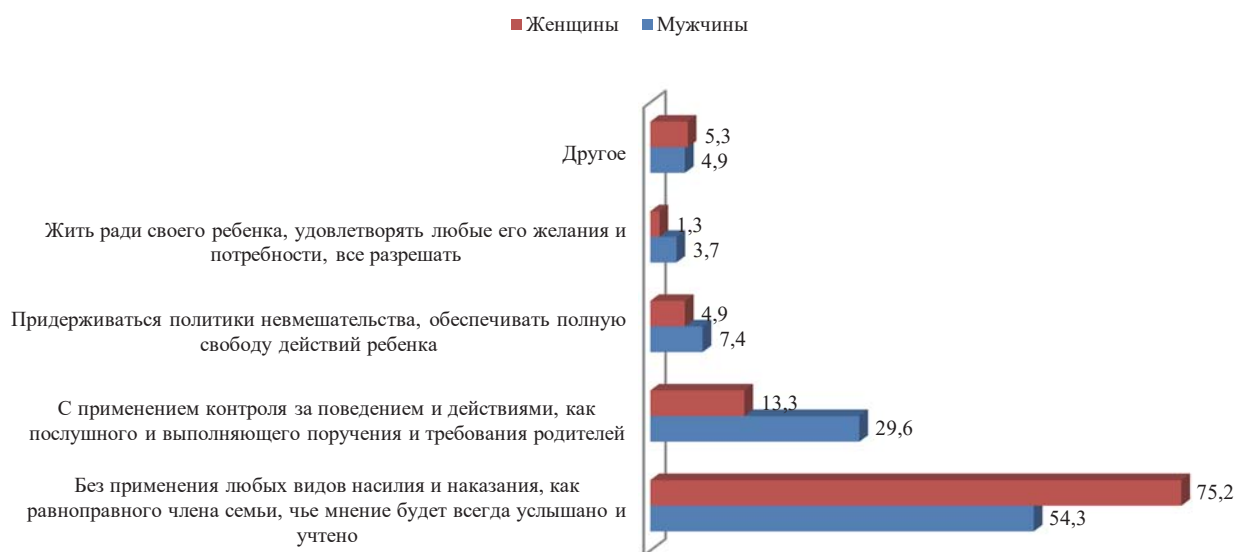

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как бы вы хотели воспитывать своего ребенка?», %

Описание реального родительства раскрывается в интервью. Здесь картина дополняется теми переживаниями, которые испытывают респонденты. Прежде всего, у молодых респондентов возникает вопрос родительской самоэффективности и опасение быть неуспешными родителями. Молодые респонденты высказывают мнение о том, что собственное родительское поведение необходимо выстраивать в наиболее подходящий период жизни. Приведем примеры: *«Рождение детей требует условий. А когда сами еще как дети, то нет...»* (жен., 20 лет). *«Дети... Это хорошо. Но сначала самому “встать на ноги” нужно»* (муж., 22 года).

Родительская самоэффективность возрастает, если заранее родители смогут обучиться этому: *«Конечно, нужно каждую молодую семью учить воспитывать детей. Но разве у нас учат? Да и где этому научишься? Вот и “набивают шишки”». Это я сама поняла только после рождения ребенка»* (жен., 23 года).

Родители со стажем уже более опытны в воспитании, хотя сомнения тоже есть: *«В общих чертах, может, и понятно, а в деталях – неизвестно. Элементы следующие: с ребенком нужно быть альфа-самцом. Не просишь, а командуешь. Проявлять терпение, орать все равно бесполезно. А в маленьком возрасте много тактильного взаимодействия – обнять, поносить на ручках, пощекотать. Ритуалы, например, перед сном почитать. Проводить вместе много времени и все объяснять. В общем, папа – тренер, мама – сержант»* (жен., 36 лет).

Отметим, что эффективность молодых родителей достаточно часто критично оценивается возрастными родителями. Это касается собственно родительства. *«У моей дочери двойняшки родились. Ни шагу без меня. Я каждый день к ней как на работу ездила. Иначе – слезы и истерики. А я воспитывала своих двойняшек без бабушек. Даже стиральной машины не было. По распределению на север попала. А там – ничего, совсем ничего. А я еще и работала. И как-то же вырастила»* (жен., 62 года). То есть критично оценивается готовность быть родителем и готовность нести ответственность. Интересный аспект родительства отметили возрастные респонденты, рассуждая о формировании пищевых привычек у молодых родителей: *«Современные родители незрелые. Вроде и пытаются быть серьезными и даже строгими, но посмотрите, как и чем они кормят детей...»* (муж., 59 лет). Эту же точку зрения разделяет и женщина, работающая в организации общественного питания: *«В чем-то молодые родители опережают мое поколение. Но только не в отношении питания. С самого утра заказывают доставку каши для детей. Разве нельзя самой с утра приготовить?»* (жен., 62 года). Как представляется, такая критичность отражает традиционную картину мира, касающуюся взглядов на роль женщины как родителя. Именно женщина должна обеспечить ребенку правильное питание.

Что касается оценки самоэффективности взрослых родителей, то респонденты высказываются о себе как родителях не прямо, а опираясь на, во-первых, ощутимые результаты своего труда: *«Дети все выучились.*

Все получили образование» (жен., 63 года). Во-вторых, посредством проявленной заботы о них со стороны детей: *«Дети настояли на том, чтобы мы купили пу-тевки в санаторий и перестали работать на даче. Да, они заботятся о нас»* (муж., 72 года).

Однако возрастные респонденты тоже имеют опасения относительно своего родительства. Один из примеров: *«Старались детей воспитывать как надо. Чтобы отзывчивыми были, уважительными, работали чтобы, а не «сидели на шее» у родителей, честными чтоб были. Но ведь как жизнь изменилась...»* (жен., 75 лет).

Коснемся также вопроса, затрагивающего отказ от родительства. Безусловно, такое родительское поведение наблюдалось и в советские времена, когда традиционные ценности были более укорененными в общественном сознании. Но в современном обществе идеи бездетности, сознательный отказ от материнства приобретают распространенный характер.

Безусловно, сказываются потребности женщин в карьерной реализации, а наличие детей может сдерживать этот процесс. Но нельзя не учитывать тиражирование нетрадиционных образцов семейно-брачного поведения, включая отказ от родительства.

Согласимся с точкой зрения известного социолога П. Штомпки о том, что местные нормы, ценности, обычаи, модели семейной жизни могут в скором времени исчезнуть под натиском современных западных институтов.

Посредством унификации культуры, носящей глобальный характер, «...империалистические средства массовой информации превращают планету в “большую деревню”, жители которой потребляют один и тот же культурный продукт» [26. С. 71].

82% опрошенных мужчин и женщин высказались о том, что им чужда идеология сознательного отказа от материнства. Столько же опрошенных считают, что для российского общества эта идеология пока не является проблемой.

На основании результатов исследования можем говорить о том, что родительство – это тот аспект семьи, который имеет значение для подавляющего большинства опрошенных. При этом у молодых респондентов есть опасения родительской самоэффективности. Понятие «родительская самоэффективность» восходит к работам А. Бандуры, описывающего оценку человеком своих способностей и возможностей [27]. К.Н. Поливанова отмечает, что именно молодым родителям трудно быть самоэффективными в силу того, что одновременно важен и профессиональный статус, и необходимость быть хорошим родителем [28. С. 7]. Это делает современное родительство более трудным, чем когда-либо.

И, наконец, последний аспект, который хотелось бы указать, рассматривая представления о семье, – это распределение внутрисемейных ролей. Результаты исследования показывают, что практически все домашние обязанности – воспитание детей, уборка дома, распределение семейного бюджета, покупка продуктов и др. – супруги должны выполнять совместно (таблица).

Распределение домашних обязанностей, %

Внутрисемейная роль	Исполнитель	Мужчины	Женщины
Воспитание детей	Муж	6,2	4
	Жена	18,5	13,7
	Совместно	75,3	82,3
Уборка дома	Муж	0,5	1,8
	Жена	39,5	25,2
	Совместно	60,0	73
Зарабатывание денег	Муж	35,8	27,0
	Жена	1,2	1,3
	Совместно	63	71,7
Покупка продуктов	Муж	16	13,3
	Жена	9,9	9,3
	Совместно	74,1	77,4
Приготовление пищи	Муж	3,7	1,8
	Жена	33,3	34,1
	Совместно	63	64,1
Организация досуга	Муж	7,4	11,9
	Жена	9,9	10,2
	Совместно	82,7	77,9
Принятие решений в семье	Муж	30,9	16,8
	Жена	1,2	4,0
	Совместно	67,9	79,2
Распределение семейного бюджета	Муж	14,8	4,4
	Жена	7,4	15,5
	Совместно	77,8	80,1

С нашей точки зрения, представления о коллегиальности выполнения семейных ролей – это некий идеализированный вариант, как бы хотелось, как было бы справедливо. И это тоже проявление солидарности в отношениях.

Вместе с тем, если рассматривать другие варианты ответов, респонденты отмечают следующее: на плечи жены ложится забота о воспитании детей, уборка дома, приготовление пищи. Муж должен заботиться о финансовом обеспечении семьи и принимать соответствующие решения. Один вопрос оказался спорным – распределение семейного бюджета. 15,5% женщин отводят эту роль жене, а 14,8% мужчин – мужу.

Таким образом, есть и традиционное стереотипное представление о ролях: жена – дети, дом, кухня; муж – добытчик, тот, кто обеспечивает семью. Интервью подтверждают эти представления: *«Мать для сына играет большую роль. Это мое мнение, но она учит его быть мужчиной»* (муж., 65 лет). *«Мама нас воспитывала одна. Поэтому я не знаю, как должен вести себя мужчина, а как женщина. Я видела только одну модель. Поэтому сейчас не знаю, как веду себя, то ли как мужчина, то ли как женщина. Как научена матерью»* (жен., 40 лет). *«Муж должен зарабатывать деньги. Иначе как он будет себя ощущать, если жена будет зарабатывать больше?»* (жен., 25 лет).

В целом можно говорить о том, что вопрос распределения семейных обязанностей, вероятно, в каждой семье решается по-своему. Эгалитарные распределения, безусловно, вошли в реальную жизнь. Но вместе с тем традиционное распределение ролей нередко поддерживается и мужчинами, и женщинами. К примеру, на сегодня известен такой феномен, как «яжемать», хотя и в негативной коннотации.

Заключение

Таким образом, семья представляет собой достаточно интересный объект исследования для социологов. Изменяются тенденции взаимоотношений родителей и детей, появляются новые семейные формы и многое другое. Проведенный анализ показал, что представления о семье динамичны, но при этом имеют идеализированные и реальные, повседневные образы. Идеализированными оказались ценность родительского согласия на брак, образ воспитания детей, коллегиальность при выполнении семейных ролей. Более соответствовали реальной практике представления о семье, регистрация брака, заключение брачного договора, модель семейных отношений, реальное родительство. Показательным в последнем случае является интервью, описывающее реальное родительство: *«папа – тренер, мама – сержант»*. Конструкт обряд религиозного венчания оказался противоречив. Для интерпретации таких семейных предикатов, как сожителство и регистрация брака, релевантными оказались теория «фильтров» и теория рационального выбора. Взаимоотношения родителей и детей проанализированы в рамках поколенческого подхода, в частности в понятиях межпоколенной солидарности.

В целом проведенный анализ представлений о семье показывает, что необходимо дальнейшее более глубокое изучение таких аспектов, как эффективность родительства, межпоколенная солидарность, сознательный отказ от родительства, влияние географических и природных факторов на семейные представления. Необходимо более широкое использование качественных методов – интервью, фокус-групп и т.д., которые позволяют получить богатую палитру семейных представлений.

Список источников

1. Чухарева М.В. Представления об идеальном родительстве мужчин и женщин // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6 (часть 1). С. 46–47.
2. Карлсон А. Естественная семья в неестественном мире // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 6. С. 3–11.
3. Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // Человек. Общество. Управление. 2006. № 2. С. 95–102.
4. Риббенс Маккарти Дж., Эдвардс Р. Исследования семьи: основные понятия : учеб. пособие. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995.
6. Giddens A. New rules of sociological method. Cambridge : Polity Press, 1994.
7. Habermas J. The Theory of Communicative Action / Т. McCarthy (Ed.). Boston : Beacon Press, 1987. Vol. 2.
8. Коробейникова А.П. Социальное конструирование: теоретико-социологический анализ (на примере семьи) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2002.
9. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М. : Изд-во МГУ; Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996.
10. Синельников А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // Социологический журнал. 2018. Т. 24, № 1. С. 95–113.
11. Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Сильчук Е.В. Новые явления в молодежной среде и актуальные задачи молодежной политики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 8–17.
12. Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы, теории, методологии и методики. М. : Наука, 1989.
13. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
14. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В. Поколенческие и межстрановые различия воспитательных стратегий семьи (по данным социологического исследования) // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 117–131. doi: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-8
15. Гурко Т.А. Взаимоотношения родителей и взрослых детей: понятия для анализа // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 105–115. doi: 10.31857/S013216250009614-8
16. Hazer O., Öztürk M.S., Gürsoy N. Effect of Intergenerational Solidarity on the Satisfaction with Life // International Journal of Arts & Sciences. 2015. Vol. 8, № 1. P. 213–229.
17. Silverstein M., Giarrusso R. Aging and Family Life: A Decade Review // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72, № 4. P. 1039–1058. doi: 10.1111/j.1741-3737.2010.00749.x
18. Kerckhoff A., Davis K. Value Consensus and Need Complementarity in Mate Selection // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. P. 295–303.
19. Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках // THESIS. 1994. Вып. 6. С. 12–36.
20. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 26–36.
21. Bengtson V.L. Beyond the Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds // Journal of Marriage and Family. 2001. Vol. 63, № 1. P. 1–16. doi: 10.1111/j.1741-3737.2001.00001.x
22. Гурко Т.А. Взаимопомощь городских родителей и взрослых детей: различия в возрастных, образовательных и доходных группах // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3. С. 134–148. doi: 10.19181/snp.2020.8.3.7492
23. Ильиных С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4-1 (20). С. 220–232.
24. Гурко Т.А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 3–14.
25. Gerbner G. Mass Media and Human Communication Theory // Human communication theory: original essays editions. New York, 1967. P. 40–57.
26. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
27. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84, № 2. P. 191–215.
28. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 7, № 3. С. 1–11.

References

1. Chukhareva, M.V. (2014) Predstavleniya ob ideal'nom roditel'stve muzhchin i zhenshchin [Ideas about ideal parenting of men and women]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 6. Part 1. pp. 46–47.
2. Karlson, A. (2013) Estestvennaya sem'ya v neestestvennom mire [Natural family in an unnatural world]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 6. pp. 3–11.
3. Parsons, T. (2006) *Amerikanskaya sem'ya: ee otnosheniya s lichnost'yu i sotsial'noy strukturoy* [American family: its relationship with personality and social structure]. *Chelovek. Obshchestvo. Upravlenie*. 2. pp. 95–102.
4. McCarthy, J.R. & Edwards, R. (2018) *Issledovaniya sem'i: osnovnye ponyatiya* [Key Concepts in Family Studies]. Translated from English. Moscow: HSE.
5. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality]. Translated from English. Moscow: Medium.
6. Giddens, A. (1994) *New Rules of Sociological Method*. Cambridge: Polity Press.
7. Habermas, J. (1987) *The Theory of Communicative Action*. Vol. 2. Boston: Beacon Press.
8. Korobeynikova, A.P. (2002) *Sotsial'noe konstruirovaniye: teoretiko-sotsiologicheskii analiz (na primere sem'i)* [Social construction: theoretical and sociological analysis (on the example of a family)]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Yekaterinburg.
9. Antonov, A.I. & Medkov, V.M. (1996) *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the Family]. Moscow: Moscow State University; Izd-vo Mezhdunar. un-ta biznesa i upravleniya.
10. Sinel'nikov, A.B. (2018) Sem'ya i brak: krizis ili modernizatsiya? [Family and marriage: crisis or modernization?]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1 (24). pp. 95–113.
11. Vishnevskiy, Yu.R., Narkhov, D.Yu. & Sil'chuk, E.V. (2016) Novye yavleniya v molodezhnoy srede i aktual'nye zadachi molodezhnoy politiki [New phenomena in the youth environment and current tasks of youth policy]. *Vestnik PNIU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 4. pp. 8–17.
12. Matskovskiy, M.S. (1989) *Sotsiologiya sem'i. Problemy, teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of the Family. Problems, theories, methodologies and techniques]. Moscow: Nauka.
13. Giddens, A. (2004) *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [The Transformation of Intimacy]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
14. Rostovskaya, T.K. & Kuchmaeva, O.V. (2020) Pokolencheskie i mezhstranovye razlichiya vospitatel'nykh strategiy sem'i (po dannym sotsiologicheskogo issledovaniya) [Generational and cross-country differences in family educational strategies (according to sociological research)]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 2 (6). pp. 117–131. doi: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-8

15. Gurko, T.A. (2020) Vzaimootnosheniya roditel'ey i vzroslykh detey: ponyatiya dlya analiza [Relationships between parents and adult children: concepts for analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 12. pp. 105–115. doi: 10.31857/S013216250009614-8
16. Hazer, O., Öztürk, M.S. & Gürsoy, N. (2015) Effect of intergenerational solidarity on the satisfaction with life. *International Journal of Arts & Sciences*. 1 (8). pp. 213–229.
17. Silverstein, M. & Giarrusso, R. (2010) Aging and family life: a decade review. *Journal of Marriage and Family*. 4 (72). pp. 1039–1058. doi: 10.1111/j.1741-3737.2010.00749.x
18. Kerckhoff, A. & Davis, K. (1962) Value consensus and need complementary in mate selection. *American Sociological Review*. 27. pp. 295–303.
19. Becker, G. (1994) Vybor partnera na brachnykh rynkakh. *THESIS*. 6. pp. 12–36.
20. Vishnevskiy, Yu.R. & Shapko, V.T. (2006) Paradoksal'nyy molodoy chelovek [The paradoxical young man]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 6. pp. 26–36.
21. Bengtson, V.L. (2001) Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds. *Journal of Marriage and Family*. 1 (63). pp. 1–16. doi: 10.1111/j.1741-3737.2001.00001.x
22. Gurko, T.A. (2020) Vzaimopomoshch' gorodskikh roditel'ey i vzroslykh detey: razlichiya v vozrastnykh, obrazovatel'nykh i dokhodnykh gruppakh [Mutual assistance of urban parents and adult children: differences in age, educational, and income groups]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 3 (8). pp. 134–148. doi: 10.19181/snsp.2020.8.3.7492
23. Il'inykh, S.A. (2012) Family values of youth: tradition and transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4-1 (20). pp. 220–232. (In Russian).
24. Gurko, T.A. (2022) Razvitie instituta roditel'stva: analiz empiricheskikh pokazateley [Development of the institute of parenthood: analysis of empirical indicators]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 4. pp. 3–14.
25. Gerbner, G. (1967) Mass media and human communication theory. In: *Human Communication Theory: Original essays editions*. New York: Holt, Rinehart and Winston. pp. 40–57.
26. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of Social Change]. Translated from English. Moscow: Aspekt-Press.
27. Bandura, A. (1977) Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*. 2 (84). pp. 191–215.
28. Polivanova, K.N. (2015) Sovremennoe roditel'stvo kak predmet issledovaniya [Modern parenting as a subject of research]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 3 (7). pp. 1–11.

Информация об авторе:

Ильиных С.А. – д-р социол. наук, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Российская Федерация). E-mail: ili.sa@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Ilynykh, Dr. Sci. (Sociology), head of the Sociology Department, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ili.sa@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024;
одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 12.08.2024;
approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 316.334.54+332.8
doi: 10.17223/15617793/509/10

Возможности индексного метода в измерении жилищной прекарности: сравнительный анализ зарубежных подходов

Денис Борисович Литвинцев¹

¹ Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, denlitv@inbox.ru

Аннотация. Обобщены и систематизированы методы оценки прекарности жилья, предложенные исследователями из Европы, США и Австралии. Проведенный анализ позволил выделить пять наиболее общих групп показателей жилищной прекарности, использованных для построения различных индексов: доступность, безопасность и качество жилья, доступ к основным услугам и финансовый потенциал домохозяйств. Дается методологическая оценка каждому из предложенных индексов, выделяются его сильные и слабые стороны.

Ключевые слова: жилищная социология, жилищная политика, жилищная ситуация, жилищная прекарность, измерение прекарности жилья, индексный метод

Для цитирования: Литвинцев Д.Б. Возможности индексного метода в измерении жилищной прекарности: сравнительный анализ зарубежных подходов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 102–112. doi: 10.17223/15617793/509/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/10

Possibilities of the index method in measuring housing precarity: A comparative analysis of foreign approaches

Denis B. Litvintsev¹

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, denlitv@inbox.ru

Abstract. The issue of housing affordability remains a persistent focus in economic and sociological research, yet recent global shocks – including the COVID-19 pandemic and escalating armed conflicts – have prompted its re-examination through the lens of precarity theory. While scholarly consensus exists regarding housing precarity's conceptual definition (encompassing instability, unreliability, and uncertainty in housing conditions), methodological approaches to its measurement remain fragmented, a gap this article addresses by systematically analyzing established measurement frameworks across three regions: Europe (Clair et al.'s Housing Precariousness Measure; Waldron's Housing Precarity Index), the United States (Chapple et al.'s Housing Precarity Risk Model), and Australia (the Australian Urban Observatory's Precarity Index for Neighborhood and City Housing; Mansour et al.'s Neighborhood Employment and Housing Precarity; Ong Vifor et al.'s Index of Precarious Housing). This comparative analysis identifies five core indicator groups recurrent in these indices: affordability, housing safety/quality, access to basic services, household financial capacity, and tenure security. It also reveals region-specific adaptations that reflect localized housing challenges. The study's urgency stems from Russia's current lack of a nationally tailored housing precarity index that synthesizes international methodologies with domestic contextual factors. A critical evaluation of existing indices demonstrates their inherent limitations: all exhibit methodological particularities tied to national data infrastructures and policy priorities, precluding universal application. These findings provide a foundational framework for developing Russia-specific measurement tools capable of assessing housing precarity across spatial scales (regional, municipal) using diverse data sources (official statistics, household surveys), thereby enriching the evidence base for targeted housing policy interventions aimed at vulnerable populations.

Keywords: housing sociology, housing policy, housing situation, housing precarity, measurement of precarity of housing, index method

For citation: Litvintsev, D.B. (2024) Possibilities of the index method in measuring housing precarity: A comparative analysis of foreign approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 102–112. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/10

Введение

Российские исследователи справедливо отмечают, что прекарность становится характерной чертой всех сфер современного общества – социально-культурной, экономической и повседневной [1]. В то же время прекарная занятость и ее проявления усиливают социальное неравенство, в том числе в разрезе жилищной обеспеченности [2].

При этом само по себе жилищное неравенство, усиливающееся вследствие распространения прекарных форм занятости, предопределяет характер жилищных траекторий – последовательностей изменений мест и условий проживания человека, а также его жилищного статуса [3].

Со временем прекарность может стать образом жизни, всецело определяющим социальное поведение человека

[4], что делает неустойчивость и непостоянство неотъемлемой характеристикой не только занятости, но и самого жилища. Подобной позиции придерживается и Е.В. Полушина, отмечая, что тенденции к прекарности (отсутствие стабильности, неустойчивый характер занятости) неизбежно отражаются на жилищных условиях различных слоев населения [5]. Учитывая вышеизложенное, актуальной представляется не просто дальнейшая научная разработка понятия «прекарность», уходящего корнями в римское право, и анализ процессов и факторов прекаризации труда, традиция которого была заложена еще Г. Стэндингом в экономике и П. Бурдьё в социологии, но и исследование непосредственно жилищной прекарности как самостоятельного феномена, предопределяющего жилищную и пространственную мобильность различных категорий населения. Подобная исследовательская позиция не утрачивает своей значимости и в отношении российской действительности, где наблюдается рост объемов ветхого и аварийного жилья, снижение темпов благоустройства жилищного фонда в отдельных субъектах Российской Федерации, возникают многочисленные трудности в реализации программ капитального ремонта и т.п.

Прекарность жилья – это состояние неопределенности, которое увеличивает реальную или предполагаемую вероятность того, что человек столкнется с неблагоприятным событием, связанным с его отношениями с поставщиком жилищных и/или коммунальных услуг, физическими свойствами жилья, его доступностью¹ и безопасностью, а также доступом к основным услугам [6]. Данная интерпретация жилищной прекарности находит поддержку и в дальнейших исследованиях [7]. Это позволяет учесть целый набор факторов в отличие от более ранних исследований (обзор которых не входит в задачи настоящей статьи), которые зачастую фокусировались на отдельных показателях прекарности жилья, таких как срок владения и/или задолженность по квартплате [8]. Р. Пендалл, Б. Теодос и К. Фрэнкс связывают жилищные ситуации, которые могут быть прекарными, либо с условиями, описывающими физическую структуру дома, либо с отношениями между семьей и ее домом. К таким ситуациям относятся перенаселенность и высокая квартплата, проживание в сдаваемом внаем или старом жилье, а также в доме на несколько семей или доме на колесах [9]. Дж. Хьютон, Р. Онг Вифор и Р. Сингх указывают на то, что жилищная прекарность может быть основана на прекарности соседства (физическое окружение и социально-экономический статус) и/или прекарности непосредственно самого жилого помещения (безопасность, доступность и пригодность для проживания) [10].

Комплексное видение проблемы жилищной прекарности потребовало разработки и применения интегрального показателя для ее измерения, однако на сегодняшний день в разных странах ученые предлагают методики измерения прекарности жилья, учитывающие различные наборы индикаторов. Это связано как со спецификой исследуемой жилищной системы и жилищных отношений, так и особенностями операционализации самих показателей, о которых шла речь выше. В то же время отличается и сам контекст исследова-

ний – от неэффективности жилищной политики в отдельных странах Европы и проблем занятости/безработицы в США до последствий джентрификации и пандемии в Австралии. В этом смысле контекст исследований жилищной прекарности в большей степени задан не спецификой самой жилищной системы, характеризующейся разнородной структурой жилья (собственное, арендованное и т.п.), а определенными аспектами жилищных ситуаций разных категорий населения. При этом, забегая вперед, хочется отметить, что само по себе владение жильем не является решающим фактором в снижении жилищной прекарности [6], а потому индексы в равной степени применяются для изучения как арендного, так и собственного жилья.

В России на сегодняшний день отсутствуют разработанные инструментальный и методы оценки прекарности жилья в том числе на основе индексного метода. Существующие показатели, такие как коэффициент доступности жилья или индекс доступности приобретения жилья, ежегодно рассчитываемые, например, Институтом экономики города [11], отвечают на вопрос лишь о доступности жилья как такового с той или иной методологической позиции. Причем речь даже идет не о возможности приобретения так называемого адекватного, достаточного жилища (англ. *adequate housing*), в терминологии ООН, а о некотором абстрактном жилье как крыше над головой. Теория жилищной прекарности и индексы, разрабатываемые в разных странах, призваны ответить в первую очередь на вопрос, насколько человек готов и/или может жить в существующих условиях. Подобный анализ позволяет в конечном счете оценить привлекательность проживания в тех или иных регионах, спрогнозировать траектории жилищной мобильности, оценить неравномерность жилищного развития и т.п.

Более того, индексы, учитывающие возможность приобретения жилья, в том числе за счет заемных средств, вовсе не могут учитываться при анализе доступности жилья в дискурсе прекарности. Несмотря на то что ипотечное жилье принадлежит покупателю, оно имеет обременения и находится в залоге у банка-кредитора до момента полного погашения кредита. Такое жилье является прекарным, так как в случае потери доходов собственник рискует остаться без жилья. Здесь неизбежно прослеживается тесная связь между прекарностью труда и прекарностью жилья.

В 2021 г. в России был предложен Индекс прекарности трудовых отношений, расчет которого проводился только по одному параметру – ответам респондентов на вопрос «По какому типу найма Вы работаете на основной работе?».

При этом многогранность феномена прекаризации, что признает сам В.Ю. Бочаров, не может быть всесторонне оценена в рамках комплексного социологического исследования только по одному основанию [12]. В связи с этим в рамках настоящей статьи будут рассматриваться подходы, учитывающие при измерении прекарности жилья несколько показателей в комплексе. Это в том числе соответствует представлениям о многомерности жилищной прекарности, показанной выше.

Для оценки precariousности на рынке труда А.Н. Дёмин в 2022 г. была предложена шкала «Индекс precariousности» как интегральный показатель, включающий 13 пунктов (психометрических характеристик) для оценки текущих и ожидаемых характеристик занятости и обладающий междисциплинарным потенциалом. В основу шкалы легли параметры precariousности, выделяемые известными исследовательскими коллективами, – темпоральный, организационный, финансово-экономический и социально-правовой [13]. Сопоставление индикаторов, входящих в состав индексов precariousизации труда, осуществляла и А.В. Кученкова, что позволило выделить три уровня измерения: макро-, мезо- и микроуровень [14]. Автор настоящей статьи идет аналогичным путем, однако на данном этапе ставит своей целью систематизировать и обобщить существующие подходы к измерению precariousности жилья в разных странах. Это позволит выявить как общие, так и специфические показатели жилищной precariousности, анализируемые различными авторами и/или исследовательскими группами.

Измерения жилищной precariousности в Европе

В 2019 г. коллектив исследователей из Великобритании и Италии (А. Клер, А. Ривз, М. Макки и Д. Стаклер) заявил, что, в отличие от большинства работ по precariousизации рынка труда, в исследованиях по жилищной precariousности, как правило, не предлагается инструментов для сравнительного измерения precariousности жилья. Обобщая результаты существующих исследований, авторы операционализируют понятие жилищной precariousности посредством четырех категорий [6. Р. 16–17].

1. *Доступность жилья* является наиболее очевидным показателем, благодаря которому жилье можно считать precariousным. Расходы на жилье влияют на его precariousность, включая повышенный риск выселения и потерю права выкупа, когда людям затруднительно вносить квартплату. Также если расходы на жилье составляют значительную часть доходов домохозяйства, то люди в меньшей степени способны разрабатывать такие стратегии, как накопление сбережений для защиты от внешних потрясений или проведения технического обслуживания/ремонта, который обеспечивает структурную устойчивость дома. Кроме того, недоступное жилье и проблемы с квартплатой влияют на здоровье людей (в том числе психическое).

2. *Жилищная безопасность* связана со стабильностью жилищной ситуации человека, а также с возможностью контроля над тем, когда и при каких условиях он покидает свой дом. Наряду с опасениями по поводу увеличения количества «нулевых часов» и временной занятости по контракту по всей Европе, также существуют опасения по поводу растущей зависимости от краткосрочных договоров аренды, а также увеличения количества выселений и лишений права выкупа. Иногда такие изменения могут быть явной целью государственной политики, как, например, в случае отмены пожизненной аренды социального жилья в Англии.

При этом владельцы жилья не застрахованы от принудительного перемещения. Ярким примером этого является выселение собственников квартир из так называемых поглотителей², которое в настоящее время планируется в Англии. Отсутствие безопасности жилья является серьезным фактором стресса, особенно там, где недостаточно контроля или автономии в отношении того, когда такой переезд может произойти и насколько жильцы об этом будут уведомлены.

3. *Качество жилья* и наличие удобств влияют на здоровье и благополучие людей. Такие проблемы, как сырость, плохая вентиляция и токсичность в доме, могут иметь серьезные медицинские последствия. Они увеличивают уязвимость людей к внешним потрясениям, включая вмешательство органов власти в жилищную ситуацию. Например, если качество снимаемого жилья особенно плохое или оно считается перенаселенным, органы местного самоуправления могут вмешаться, чтобы улучшить ситуацию. Однако это может привести к выселению некоторых квартиросъемщиков. Включение в показатель качества жилья таких параметров, как наличие туалета для каждого домохозяйства, еще раз указывает на пригодность и устойчивость дома.

4. *Доступ к основным услугам* (магазинам, банкам, почте, общественному транспорту и медицинским организациям) – последний не менее важный показатель. Отсутствие удобного доступа к основным услугам означает, что жилище становится precariousным, а возможность людей наслаждаться жизнью и осуществлять в полном объеме свои права (например, на медицинское обслуживание) уменьшается. Этот аспект дает обзор ограничений, налагаемых жилищной ситуацией на возможности людей, в том числе участвовать в общественной жизни.

Интегрируя эти четыре измерения precariousности жилья (безопасность, доступность, качество и доступ к услугам) в шкалу от 0 (совсем не precariousно) до 4 (наиболее precariousно), А. Клер, А. Ривз, М. Макки и Д. Стаклер применяют сравнительный подход к измерению precariousности жилья и делают, как они сами утверждают, первый шаг в определении и операционализации понятия «precariousность жилья». Одним из преимуществ этого подхода является возможность определить страны, где уровень precariousности ниже, особенно среди арендаторов, с целью выявления наиболее эффективной жилищной политики [6. Р. 15].

Более половины населения Европы сообщают по крайней мере об одном элементе precariousности жилья, 14,7% сообщают о двух измерениях, а 2,8% – о трех или более (что эквивалентно примерно 15 млн человек). Предложенный показатель precariousности жилья (англ. Housing Precariousness Measure, HPM³) указывает на то, что в условиях жилищной precariousности проживает более половины населения Европы (что соответствует почти 260 млн человек). Финансовое бремя является наиболее распространенной проблемой, часто сосуществующей с проблемами качества жилья. Почти 10% населения Европы (около 52 млн человек) с трудом сводят концы с концами, проживая в домах

ненадлежащего качества. Норвегия, Швеция, Нидерланды и Дания имеют самые низкие средние показатели прекарности жилья (в среднем – менее 0,45) – значительная часть населения сообщает о нулевых элементах прекарности. Страны с худшими показателями – это восточноевропейские страны и малые островные государства, включая Болгарию, Кипр, Румынию и Польшу. С прекарностью жилья в большей степени сталкиваются молодежь, безработные и одинокие, а также люди с низким уровнем образования. Сравнительный анализ по странам показал, что прекарность жилья стабильно выше среди арендаторов, чем среди домовладельцев, хотя само существование прекарности жилья среди собственников показывает, что владение не является панацеей [6. Р. 13, 25–26].

Р. Уолдрон в 2023 г. предложил Индекс жилищной прекарности (англ. Housing Precarity Index, HPI) для анализа масштабов и серьезности прекарности в секторе арендного жилья в Ирландии, основанный в том числе на исследовании А. Клер, А. Ривз, М. Макки и Д. Стаклер. HPI также учитывает четыре показателя: *доступность* (расходы на жилье, наличие задолженности), *безопасность* (преступность, насилие или вандализм в районе проживания), *качество жилья* (наличие протечек или сырости, недостаточная освещенность, загрязнение или экологические проблемы в районе, наличие центрального отопления) и *финансовый потенциал домохозяйств* (сложность сводить концы с концами, невозможность позволить непредвиденные расходы). Для анализа жилищной прекарности Р. Уолдрон применяет также шкалу от 0 (отсутствие прекарности) до 1 (высокая прекарность). Исследование показало, что опыт прекарности жилья широко распространен в Ирландии: от 72 до 77% арендаторов испытывали некоторую степень прекарности в период с 2008 по 2016 г. Из них большинство (42%) имели «низкий» показатель прекарности (0,17–0,33), а еще от 20 до 23% продемонстрировали «средний» уровень (около 0,50). Однако от 7 до 14% арендаторов имели «высокий» показатель прекарности, превышающий 0,67. Причем наибольшее число людей испытывали трудности во время надира финансового кризиса в 2012 г. Хотя масштабы и серьезность прекарности жилья с этого времени в стране уменьшились, применение HPI к общему числу арендаторов в Ирландии, по данным переписи населения 2016 г. ($n = 326\,493$), показало, что 235 074 домохозяйств (78%), снимающих жилье в Ирландии, проживают в условиях жилищной прекарности, при этом 22 854 (7%) из них испытывают высокую степень прекарности жилья [7. Р. 7, 14].

Значительно более высокий уровень прекарности жилья характерен для семей с одним родителем, разведенных или раздельно проживающих больших семей, безработных и домохозяйств с низким и средним уровнем доходов. Именно эти социальные группы в большинстве своем входят в сектор арендного жилья из-за более ограниченного доступа к домовладению и социальной аренде в Ирландии. По мнению Р. Уолдрона, HPI позволяет более точно измерить количество домохозяйств, которым грозит риск снижения уровня жизни и материального комфорта в краткосрочной и

среднесрочной перспективе. HPI можно использовать для выявления домохозяйств, которые могут подвергнуться риску во время будущих экономических потрясений или периодов значительной дисфункции рынка жилья и тем самым содействовать принятию институциональных мер на государственном уровне. При этом Р. Уолдрон справедливо признает, что HPI не обязательно охватывает все возможные элементы прекарности жилья, и существует вероятность того, что некоторые предикторы упускаются из виду [7. С. 20–21]. Это, по мнению других исследователей, может быть в том числе связано с отсутствием некоторых важных индикаторов и ограниченностью социально-экономических показателей, трудностями измерения отдельных переменных, а также недостаточным охватом всех групп населения (например, люди без домашнего адреса или часто его сменяющие). Это может приводить к занижению масштабов жилищной прекарности в странах Европы [15. Р. 49].

Измерения жилищной прекарности в США

В 2021 г. командой исследователей из Urban Displacement Project (проект Калифорнийского университета в Беркли и Университета Торонто) была предложена Модель риска прекарности жилья (англ. Housing Precarity Risk Model, HPRM) в США. HPRM показывает, какие сообщества подвергаются риску выселения, перемещения и долгосрочной бедности после пандемии. Данный подход представляет собой консервативную оценку, означающую, что в некоторых районах количество выселений и перемещений может быть выше в зависимости от местных и федеральных ресурсов, усилий по восстановлению жилья, динамики рынка и политики. Риск прекарности жилья – это совокупный показатель риска выселения, уязвимости к перемещению и пандемической безработицы. HPRM основана на гипотезе о том, что занятость является основным ресурсом для поддержания жилья. В этом плане предпандемический риск вынужденной миграции в результате перемещения или выселения усугубился безработицей 2020 г. и заражением COVID-19. Для расчёта HPRM была разработана система баллов для каждой переменной перемещения, выселения, безработицы и изменения уровня безработицы, которые в результате суммировались для вычисления индекса. Результатом применения HPRM является построение карты, состоящей из нескольких слоев [16]:

1. *Риск выселения*: совокупный балл по основным переменным, связанным с локаутами при выселении. Эта оценка не учитывает уведомления и документы о выселении и, следовательно, представляет собой консервативную оценку риска выселения.

2. *Уязвимость к перемещению*: расположение общин с преобладанием домохозяйств с низкими доходами и/или продолжающееся перемещение. Домохозяйства преимущественно с низкими доходами также подвержены перемещению в зависимости от местных рынков жилья. Кроме того, перемещение населения с низкими доходами часто предшествует джентрификации.

3. *Оценка безработицы* во время пандемии в 2020 г.

4. *Изменение уровня безработицы* с 2019 по 2020 г.

5. *Сегрегация*: типология на уровне района, показывающая, доля каких расовых групп превышает 10%.

Анализ по HPRM позволил исследователям сделать следующие ключевые выводы: 41% всех домохозяйств (26,9 млн) проживают в местах с высоким уровнем уязвимости к выселению или перемещению. 52% всех арендаторов живут в районах с высоким риском переселения или выселения. 73% домохозяйств, возглавляемых чернокожими, и 63% домохозяйств, возглавляемых латиноамериканцами, живут в районах с высоким риском перемещения или выселения. 74% чернокожих арендаторов живут в районах с высоким риском выселения. Территории с наивысшим рангом жилищной прекарности в США – это Лас-Вегас-Хендерсон-Парадайз в штате Невада, Новый Орлеан-Метейри в штате Луизиана и Детройт-Уоррен-Дирборн в штате Мичиган [16].

Коллектив исследователей из Германии (Г. Дебраннер, К. Хофер, М. Вики, Ф. Кауэр и Д. Кауфманн) в 2024 г. представил результаты измерений жилищной прекарности посредством масштабного опроса ($n = 12611$) в городах Европы (Берлин, Париж, Лондоне) и США (Чикаго, Лос-Анджелес, Нью-Йорк). Теоретико-методологической основой исследования в том числе стали работы А. Клер, А. Ривз, М. Макки, Д. Стаклер и Р. Уолдрона. Тем не менее в данном случае исследователи не воспользовались индексным методом, а пошли по пути измерения пяти отдельных составляющих жилищной прекарности по разным шкалам [17]:

1. *Доступность жилья* (соотношение ежемесячных расходов на жилье и доходов домохозяйств).

2. *Гарантия владения жильем* (обеспокоенность вынужденным переселением в ближайшие 5 лет).

3. *Удовлетворенность жильем* (удовлетворенность в целом, удовлетворенность расположением, удовлетворенность районом и удовлетворенность кварталом).

4. *Качество района проживания* (доступность общественных учреждений и услуг, безопасность на улицах, доверие к соседям, ощущение себя как дома, понимание уровня преступности и насилия, ощущение защиты благодаря полиции).

5. *Сплоченность сообщества* (проведение свободного времени по соседству, участие в волонтерской работе и массовых мероприятиях, членство в организации или клубе, помощь в решении проблем, оценка важности работы по соседству, дружеские отношения, проживание семьи по соседству, помощь от друзей и/или семьи, помощь в периодическом уходе за детьми, посещение соседей, встречи с друзьями и знакомыми во время покупок в местных магазинах, оказание услуг (одолжений) кому-то из соседей, восприятие связи с районом, чувство семейной жизни в районе, ощущение круга друзей в районе, длительность проживания).

Во всех шести городах исследователи получили схожие оценки прекарности жилья. Тем не менее проживание в семье с детьми в европейских городах может сделать домохозяйства более уязвимыми к проблемам доступности жилья, чем в США. В то же время арендаторы во всех городах находятся в более прекарных условиях по всем пяти показателям, нежели домовладельцы. Пожилые люди необязательно испытывают прекарность жилья в большей степени, чем молодежь. Проживание в семье с детьми или самоидентификация принадлежности к меньшинству связаны с меньшей безопасностью владения и удовлетворенностью жильем, но с более высоким восприятием качества района проживания и сплоченностью сообщества, чем другие категории населения [17].

Целесообразность упоминания исследования Г. Дебраннер, К. Хофер, М. Вики, Ф. Кауэр и Д. Кауфманн, не использовавших индексный метод, в рамках настоящей статьи объясняется тем, что именно эти авторы сделали большой акцент на социальной составляющей жилищной прекарности (показатели сплоченности соседского сообщества), что представляется чрезвычайно важным при ее исследовании и измерении, в том числе в России.

Измерения жилищной прекарности в Австралии

Australian Urban Observatory (относится к Центру городских исследований Мельбурнского королевского технологического института) разработала и апробировала в 2022–2023 гг. специализированные жилищные показатели для небольших географических территорий, направленные на решение важнейших жилищных проблем, имеющих отношение к государственной политике и принятию решений по всей Австралии. Второстепенная цель состояла в том, чтобы опробовать и продемонстрировать ценность измерения небольших территорий и картографирования критических жилищных проблем для совершенствования государственной политики [18].

Одним из таких показателей стал Индекс прекарности окрестностей и городского жилья (англ. Precarity Index for Neighborhood and City Housing, PINCH). PINCH был разработан на базе трех основных показателей, которые со временем меняются: группы населения в соответствии с доходами (профили доходов), стоимость аренды и содержания жилья в зависимости от типа рынка (тип жилья и расходы на его содержание) и понимание того, для кого регион доступен (доступность жилья). PINCH – это пилотный индекс, разработанный для изучения меняющихся пропорций групп с доходом, которым жилье доступно, а также изменения стоимости жилья и уровней доходов домохозяйств.

Быстрый рост стоимости жилья с течением времени связан с продолжающейся джентрификацией, в то время как перемещение приводит к тому, что со временем в этом районе остается меньше домохозяйств с низким или смешанным доходом из-за роста доступности жилья. Результаты анализа по PINCH разделяются на 8 основных категорий [19]:

1. *Низкий доход/предрасположенность к перемещению* описывает районы, где более 55% населения составляли домохозяйства с низким или смешанным доходом в 2021 г.

2. *Продолжающееся перемещение домохозяйств с низкими доходами* описывает территории, в которых находятся эти домохозяйства, в пределах абсолютной потери домохозяйств с низкими доходами за последние 5 лет.

3. В зоне *риска джентрификации* находятся районы с домохозяйствами с низким или смешанным доходом в 2021 г. с незначительным увеличением расходов на жилье.

4. *Ранняя продолжающаяся джентрификация* включает районы с домохозяйствами с низким или смешанным доходом в 2021 г., где расходы на жилье быстро росли за последние 5 лет (выросли больше, чем в среднем по городу).

5. *Стабильный умеренный/смешанный доход* включает районы с домохозяйствами со смешанным или высоким доходом в 2021 г.

6. *Риску социальной эксклюзии (исключенности)*⁴ подвержены районы с домохозяйствами со смешанным или высоким доходом в 2021 г. с незначительным или быстрым ростом расходов на жилье.

7. *Становящиеся исключенными* – это районы со смешанным или высоким доходом в 2021 г., увеличением медианного дохода за последние 5 лет, быстрым ростом расходов на жилье и абсолютной утратой домохозяйств с низким доходом.

8. *Стабильная/продвинутая исключенность* описывает территории, которые в период с 2016 по 2021 г. оставались эксклюзивными для домохозяйств с высоким доходом.

А. Мансур, Э. Мартино и Р. Бентли из The Healthy Housing CRE (управляется Центром политики здравоохранения Мельбурнского университета) в 2021 г. предложили Индекс работы по соседству и жилищной прекарности (англ. Neighborhood Employment and Housing Precarity, NEHP). NEHP – это пилотный инструмент, разработанный для лучшего понимания последствий COVID-19. Индекс ранжирует районы Мельбурна и Сиднея по способности людей соблюдать ограничения на передвижение. Он призван помочь властям в разработке соответствующей и справедливой политики в ответ на пандемию COVID-19 и будущие вспышки инфекционных заболеваний. NEHP был построен на основе комбинации шести показателей занятости, жилищных и финансовых показателей, которые влияют на способность людей оставаться на месте и дистанцироваться от других. Выбранные показатели были основаны на современных исследованиях, которые связывают прекарную занятость, жилищные и финансовые обстоятельства с подверженностью инфекционным заболеваниям. NEHP включает в себя: *возможность работать из дома, близость к другим на рабочем месте, доступ к чрезвычайным фондам*⁵ и *прекарность жилищных условий* (включая перенаселенность). Эти показатели были стандартизированы, имели одинаковый вес и суммировались для получения единого комплексного балла. NEHP был нанесен

на карту Мельбурна и Сиднея. Область с высоким баллом представляет районы, которые более мобильны и имеют ограниченную способность дистанцироваться и изолироваться и, следовательно, подвергаются большему риску заражения инфекционными заболеваниями. Низкий балл соответствует районам, в которых люди менее подвержены вспышкам инфекционных заболеваний. Например, люди, проживающие в этих районах, с большей вероятностью будут работать по профессии, подходящей для работы на дому [21].

В 2022 г. Дж. Р. Онг Вифор, Р. Сингх, Э. Бейкер, Р. Бентли и Дж. Хьютон из Австралийского института жилищных и городских исследований AHURI опубликовали отчет по результатам многомерного исследования прекарного жилья во взаимосвязи с благополучием. Предлагая подобный подход, авторы исходили из того, что способы измерения воздействия политики и социального прогресса на общество активно меняются. Традиционные макроэкономические показатели, такие как валовой внутренний продукт больше не считаются достаточными инструментами для измерения воздействия неэкономической политики, общего качества жизни или благосостояния отдельных лиц [22. Р. 8]. В связи с этим авторами были предложены Индекс прекарного жилья (англ. Index of Precarious Housing, IPH) и Индекс благополучия (англ. Wellbeing Index).

IPH строится путем объединения следующих показателей в индекс, который затем оценивается по балльной шкале от 0 (минимальная прекарность) до 6: *прекарность жилищных условий домохозяйств* (вынужденные перемещения, недоступность жилья, перенаселенность) и *территориальная прекарность проживания* (преступность в районе и враждебность соседей). Вынужденное перемещение – изменение адреса с момента последнего опроса, а также ответ «да» на один из трех вопросов, в которых задавалась основная причина переезда: выселение, проживание в государственном жилье (отсутствие выбора), жилье больше не доступно. Правило 30/40 применялось для измерения «недоступности жилья» – если домохозяйство тратит более 30% своих доходов на расходы на жилье, при этом эквивалентный располагаемый доход домохозяйства находится в нижних 40% распределения доходов. Перенаселенное жилье – это когда количество спален в жилище меньше, чем указано в Канадском национальном стандарте занятости (англ. Canadian National Occupancy Standard): одна спальня на двух человек, дети до 5 лет могут проживать в одной комнате, до 18 лет в одной комнате – только одного пола, одинокие взрослые в возрасте 18 лет и старше должны иметь свою комнату, а также семейные пары и их родители [22. Р. 13].

В результате исследователи пришли к выводу, что благосостояние одиноких, бездетных, малообеспеченных домохозяйств, частных арендаторов и жителей крупных городов ухудшается, когда они имеют прекарное жилье. Разрыв в благосостоянии между людьми с прекарным и нормальным жильем со временем увеличивается. Вынужденный переезд и недоступное жилье оказывают наиболее пагубное влияние на благосостояние. При этом вынужденный переезд, недоступность жилья и враждебность соседей влияют на более

широкий спектр аспектов благосостояния, чем другие формы precariousности жилья. На удовлетворенность финансами негативно влияют вынужденные переезды и недоступность жилья. На удовлетворенность сообществом отрицательно влияет враждебность соседей. Получение жилищной помощи не оказывает статистически значимого влияния на благосостояние арендаторов precariousного жилья. Молодые люди с большей вероятностью попадают в precariousное жилье или остаются в нем, чем пожилые. Среди возрастной группы 25–34 лет 19% попадают в precariousное жилье, а 24% из года в год остаются в precariousном жилье. С другой стороны, только 4% людей возрастной группы 65+ лет попадают в precariousное жилье и только 12% из года в год остаются в precariousном жилье. Физическое насилие способствует переезду в precariousное жилье и увеличивает время пребывания в нем. Почти четверть тех, кто подвергается физическому насилию, не имея при этом precariousного жилья, в следующем году попадает в такое жилье. Три четверти из тех, кто подвергается физическому насилию, находясь в precariousном жилье, к следующему году не могут перебраться в стабильное жилье. В целом средний уровень precariousности жилья в Австралии со временем снизился – значение IPH опустилось с 1,14 до 1,05 за 17 лет. Это эквивалентно примерно девятипроцентному снижению индекса по сравнению с его первоначальным значением в 2002 г. [22. P. 1–2].

Заключение

Учитывая тот факт, что индексы, предложенные исследователями для анализа жилищной precariousности в разных странах, включают разнообразный набор показателей (как частично совпадающих, так и отличаю-

щихся), целесообразно их систематизировать и представить в табличном виде (табл. 1). За основу группировки предлагается взять 5 основных групп показателей: доступность жилья, безопасность жилья, качество жилья, доступ к основным услугам и финансовый потенциал домохозяйств (табл. 2).

Проведенный анализ показал, что исследователями precariousности жилья из разных стран применяется индексный метод, учитывающий как индивидуальные параметры домохозяйств (расходы на жилье и т.п.) и самого жилища (обеспеченность коммунальными ресурсами и др.), так и социальные характеристики места проживания (уровень преступности, враждебность соседей и т.д.). Понятно, что индексный метод оценки precariousности жилья может использоваться как в отношении отдельно взятого жилища/домохозяйства, так и в отношении определенных пространств и территорий. Это в том числе соотносится с выводами А.В. Кученковой о том, что precariousность может измеряться на разных уровнях.

Потенциал индексного метода в целом раскрывается в возможности сравнительного анализа (между странами, регионами внутри страны и городами), что в своих исследованиях жилищной precariousности и продемонстрировали различные ученые. Тем не менее ни один из предложенных индексов нельзя рассматривать как универсальный. Это связано с тем, что для расчетов применялись существующие официальные данные (результаты переписи населения, государственная статистика и др.) тех стран, в которых проводились исследования, что накладывает определенные ограничения для применения того или иного метода. В России отдельные показатели могут быть попросту не представлены Федеральной службой государственной статистики (Росстат) и другими ведомствами, либо иначе рассчитываться и/или интерпретироваться.

Таблица 1

Индексы жилищной precariousности

Авторы	Год	Страны	Индекс	Показатели	Источник данных
А. Клер, А. Ривз, М. Макки, Д. Стаклер	2019	31 страна в Европе	Показатель precariousности жилья (HPM)	Доступность, безопасность и качество жилья, доступ к основным услугам	European Union Survey of Income and Living Conditions (EU-SILC)
Р. Уолдрон	2023	Ирландия	Индекс жилищной precariousности (HPI)	Доступность, безопасность и качество жилья, финансовый потенциал домохозяйств	
UC Berkeley's Urban Displacement Project	2021	США	Модель риска precariousности жилья (HPRM)	Риск выселения, уязвимость к перемещению, уровень безработицы и его изменение	US Census, Eviction Study and The Eviction Lab, Catalyst DEEP-MAPS Model of the Labor Force
Australian Urban Observatory	2022–2023	Австралия	Индекс precariousности окрестностей и городского жилья (PINCH)	Доходы домохозяйств, тип жилья и затраты на его содержание, доступность жилья	ABS Census
А. Мансур, Э. Мартино, Р. Бентли (The Healthy Housing CRE)	2021	Австралия	Индекс работы по соседству и жилищной precariousности (NEHP)	Возможность работать из дома, близость к другим на рабочем месте, доступ к чрезвычайным фондам и precariousность жилищных условий (включая перенаселенность)	ABS Census, NATSEM – Social and Economic Indicators, UNSW CFRC – Overcrowded Households Australia и др.
Дж.Р. Онг Вифор, Р. Сингх, Э. Бейкер, Р. Бентли, Дж. Хьюстон (AHURI)	2023	Австралия	Индекс precariousного жилья (IPH)	Вынужденные перемещения, недоступность жилья, перенаселенность жилья, преступность в районе и враждебность соседей	HILDA Survey, Socio-Economic Indexes for Areas (SEIFA)

Таблица 2

Индикаторы прекарности жилья в разных индексах

Группа показателей	Показатель прекарности жилья (НРМ)	Индекс жилищной прекарности (НПИ)	Модель риска прекарности жилья (НРМ)	Индекс прекарности окрестностей и городского жилья (PINCH)	Индекс работы по соседству и жилищной прекарности (НЕНР)	Индекс прекарного жилья (IPH)
Доступность жилья	Финансовая нагрузка	Расходы на жилье, наличие задолженности	Уязвимость к перемещению домохозяйств с низкими доходами	Доступность жилья, затраты на содержание жилья	—	Правило 30/40 применяется для измерения недоступного жилья
Безопасность жилья	Непосредственный риск смены жилья, минимум одна смена жилья за последние 5 лет	Преступность, насилие или вандализм в районе проживания	Риск выселения	—	Возможность работать из дома, близость к другим на рабочем месте	Выселение, проживание в государственном жилье, недоступность жилья, преступность в районе и враждебность соседей
Качество жилья	Протечки/сырость/ гниль, нехватка места / перенаселенность, наличие собственной ванны/душа и туалета, комфортная температура (тепло/холодно)	Наличие протечек / сырости; недостаточная освещенность; загрязнение или экологические проблемы в районе; наличие центрального отопления	—	Тип жилья	Перенаселенность	
Доступ к основным услугам	Доступ к магазинам, банкам, почте, общественному транспорту и медицинским учреждениям				—	
Финансовый потенциал домохозяйств	—	Сложность сводить концы с концами, невозможность позволить непредвиденные расходы	Уровень безработицы и его изменение по отношению к предыдущему году	Доходы домохозяйств	Доступ к чрезвычайным фондам	—

Методологическая оценка представленных в статье индексов показала наличие сильных и слабых сторон у каждого из методов измерения прекарности жилья:

1. Большинство индексов, за исключением НРМ, игнорирует такой фактор, как доступ к основным услугам. Хотя очевидно, что наличие развитой инфраструктуры влияет на комфортность места проживания и его устойчивость с точки зрения потенциального желания переехать на новое место. В России это также не менее острая проблема. Развитие социальной и дорожной инфраструктуры рассматривается как одна из важнейших задач, способствующих снижению прекарности жилья в районах активной застройки. Для анализа может применяться, например, один или несколько отраслевых показателей (транспорт, энергетика, социальная и коммунальная сфера, телеком) индекса развития инфраструктуры регионов, предложенного, InfraOne Research в 2020 г.

2. В индексах под качеством жилья понимается разный набор показателей, однако НЕНР и IPH учитывают в данном случае только перенаселенность, PINCH – тип жилья, НПИ – состояние жилища и обеспеченность коммунальными услугами. Наиболее полный набор показателей применяется в НРМ, включающий и перенаселенность, и тип/состояние жилища, и коммунальные ресурсы. Изучение подобных показателей в целях оценки прекарности жилья актуально и для России. Понятно, что, например, благоустройство жилищного фонда и размер общей площади жилых помещений, приходящихся на одного проживающего

(по данным Росстата), даже как самостоятельные показатели отражают уровень жилищной прекарности в том или ином регионе России. Кроме того, могут использоваться и данные Всероссийской переписи населения 2020 г., а именно том 11 «Жилищные условия населения».

3. Финансовый аспект затрагивается практически всеми индексами за исключением НЕНР, который предлагает учитывать только доступ к чрезвычайным фондам. Однако если одни индексы анализируют доступность жилья в соотношении затрат на содержание и доходов домохозяйств, другие учитывают также наличие задолженности за содержание жилья (НПИ) или общий уровень безработицы (НРМ). Несмотря на то что в России преобладает жилье в частной собственности, анализ подобных показателей также представляет интерес для оценки прекарности жилья. Для этих целей можно обратиться, например, к данным Росстата о расходах домохозяйств на жилищно-коммунальные услуги в общей структуре расходов и к оценке финансового положения домохозяйств (наличие финансовых трудностей с оплатой установленных платежей).

4. Под безопасностью жилья в индексах зачастую понимается одна из двух групп показателей – как таковой риск смены жилья (НРМ, НРМ) либо показатель преступности в районе (НПИ).

При этом IPH включает обе группы этих показателей, а также учитывает враждебность соседей. В то время как НЕНР предлагает специфический показатель, актуальный исключительно для периода пандемии.

Проблема безопасности жилья, усиливающая жилищную прекарность, представляется немаловажной и для России. Для ее анализа можно обратиться, например, к показателям преступности в регионах, представленных на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры. Кроме того, возможно применение и опросных методов с целью получения субъективных оценок.

Принципиально важно, что самая первая из предложенных методологий измерения жилищной прекарности (HPI, разработанный для Европы) предлагает дифференцировать жителей на собственников и арендаторов. В то же время Р. Уолдрон, опирающийся на этот подход и предложивший HPI для анализа жилищной прекарности в Ирландии, делал акцент исключительно на арендаторах. Дифференциация на домовладельцев и квартиросъемщиков обнаруживается и в применении HPRM в США, тесно связывавшего прекарность жилья, занятость и постпандемную безработицу. Несмотря на то что владение жильем не снимает других аспектов прекарности жилья, как было показано в исследовании А. Клер, А. Ривз, М. Макки, Д. Стаклер, уровень прекарности жилья у арендаторов в Европе значительно выше независимо от страны проживания. В то же время предложенные показатели жилищной прекарности в разных индексах в большинстве своем применимы в отношении различных категорий жителей. Однако в зависимости от фокуса исследования требуется их корректная операционализация и измерение.

Очевидно, перечень показателей, включенных в рассмотренные индексы, не является предельным. Дополнительные и/или альтернативные показатели могут представлять интерес для оценки жилищной прекарности в разных жилищных системах (в зависимости от преобладающего типа жилья и жилищных отношений, типа материально-технологической среды – коммунальной или некоммунальной, развития жилищных институтов и т.п.). Это предполагал Р. Уолдрон и другие авторы, подчеркивая, что не все возможные индикаторы учитываются в предложенных моделях. В то же время индексы, учитывающие, например, специальные показатели периода пандемии (возможность работы из дома и др.), могут утрачивать актуальность по ее окончании.

Исходя из вышеизложенного, можно резюмировать, что измерение жилищной прекарности в России должно учитывать как имеющийся зарубежный опыт исследований данного феномена, так и национальную специфику. Это потребует разработки российского индекса, позволяющего комплексно оценить прекарность жилья в регионах на основе больших данных, массив которых может быть собран из различных официальных источников. В перспективе это позволит спрогнозировать внутреннюю и внешнюю динамику жилищной мобильности, которая оказывает влияние на устойчивое развитие регионов и их социально-экономическую безопасность, что может потребовать принятия тех или иных управленческих решений на государственном уровне.

Примечания

¹ Важно отметить, что в теории жилищной прекарности под доступностью понимается не возможность приобретения жилья, а возможность своевременно оплачивать жилищно-коммунальные услуги и/или аренду.

² Поглотитель (англ. sink estate) – муниципальный жилой комплекс, характеризующийся высоким уровнем социально-экономических деприваций и нередко высоким уровнем преступности.

³ Несмотря на то что А. Клер, А. Ривз, М. Макки и Д. Стаклер в статье фактически не указывают название и аббревиатуру для своего индекса прекарности жилья, автор настоящего исследования предлагает сокращение HPI.

⁴ Зарубежные исследователи отмечают, что инклюзивность и устойчивость наравне с безопасностью и автономностью являются важнейшими характеристиками современного жилища в условиях активной урбанизации территорий [20].

⁵ Чрезвычайный фонд (англ. emergency fund) – это банковский счет, на котором хранятся деньги на непредвиденные расходы, связанные с потерей работы, чрезвычайными ситуациями и т.п.

Список источников

1. От прекарной занятости к прекаризации жизни / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир, 2022. 364 с.
2. Попов А.В., Соловьева Т.С. Анализ и классификация последствий прекаризации занятости: индивидуальный, организационный и общественный уровни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 6. С. 182–196. doi: 10.15838/esc.2019.6.66.10
3. Кобыща В.В., Новокрещенов М.В., Шепетина К.Ю. Жилищные траектории. Обзор зарубежных и российских исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 348–383. doi: 10.14515/monitoring.2022.1.1857
4. Попов А.В. Последствия прекаризации в ракурсе поколенных групп населения: прямые и косвенные эффекты // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 6. С. 167–181. doi: 10.15838/esc.2022.6.84.10
5. Полухина Е.В. Жилищная мобильность: направления социологического анализа // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 4. С. 589–602. doi: 10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602
6. Clair A., Reeves A., McKee M., Stuckler D. Constructing a housing precariousness measure for Europe // Journal of European Social Policy. 2019. Vol. 29, № 1. P. 13–28. doi: 10.1177/0958928718768334
7. Waldron R. Generation Rent and housing precarity in 'post crisis' Ireland // Housing Studies. 2023. Vol. 38, № 2. P. 181–205. doi: 10.1080/02673037.2021.1879998
8. Clair A., Reeves A., McKee M., Stuckler D. Housing precariousness: its measurement and impact on health before and after the Great Recession // European Journal of Public Health. 2016. No. 26 (suppl_1). P. 243–244. doi: 10.1093/eurpub/ckw171.014
9. Pendall R., Theodos B., Franks K. Vulnerable people, precarious housing, and regional resilience: an exploratory analysis // Housing Policy Debate. 2012. Vol. 22, № 2. P. 271–296. doi: 10.1080/10511482.2011.648208
10. Hewton J., Ong Vifor J. R., Singh R. The effect of dwelling-based and neighbourhood-based precariousness on mental wellbeing // Housing Studies. 2023. P. 1–21. doi: 10.1080/02673037.2023.2290518
11. Мониторинг доступности жилья в России, а также в разрезе регионов и крупнейших городских агломераций // Институт экономики города. URL: <https://www.urbanecomomics.ru/research/project/monitoring-dostupnosti-zhilya-v-rossii-takzhe-v-razreze-regionov-i-krupneyshih> (дата обращения: 20.03.2024).
12. Бочаров В.Ю. Уровень прекаризации рабочей молодежи Урала // Социально-трудовые исследования. 2021. № 1 (42). С. 36–44. doi: 10.34022/2658-3712-2021-42-1-36-44

13. Дёмин А.Н. Индекс прекарности для психологического изучения российского рынка труда // Организационная психология. 2022. Т. 12, № 4. С. 103–122. doi: 10.17323/2312-5942-2022-12-4-103-122
14. Кученкова А.В. Прекаризация занятости: к методологии и методам измерения // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 134–143. doi: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-134-143
15. Precarious Housing in Europe: A Critical Guide / Münch S., Siede A. (Eds.). Edition Donau-Universität Krems, Austria, 2022. 406 p. doi: 10.48341/n0qk-fd13
16. Chapple K., Thomas T., Zuk M. Housing Precarity Risk Model // Urban Displacement Project. URL: <https://www.urbandisplacement.org/maps/housing-precarity-risk-model/> (дата обращения: 23.10.2023).
17. Debrunner G., Hofer K., Wicki M., Kauer F., Kaufmann D. Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home // Journal of the American Planning Association. 2024. P. 1–17. doi: 10.1080/01944363.2023.2291148
18. Davern M. AUO Specialist Housing Indicators project. RMIT University. Report. 2023. 3 p. doi: 10.25439/rmt.23300537.v1
19. Specialist Housing Indicators // Australian Urban Observatory. URL: <https://auo.org.au/portal/metadata/housing/> (дата обращения: 24.10.2023).
20. Литвинцев Д.Б., Можейкина Л.Б., Дегтярева В.В. Инклюзивное проживание в России как аспект многомерности социальной инклюзии // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 84–92. doi: 10.17223/15617793/468/10
21. Mansour A., Martino E., Bentley R. Neighbourhood Employment and Housing Precarity (NEHP) Index // Healthy Housing. URL: <https://www.healthyhousing-cre.org/nehp-index> (дата обращения: 24.10.2023).
22. Ong Vifor J.R., Singh R., Baker E., Bentley R., Hewton J. Precarious Housing and Wellbeing: A Multi-Dimensional Investigation. AHURI Final Report No. 373. Melbourne : Australian Housing and Urban Research Institute Limited, 2022. 54 p. doi: 10.18408/ahuri8123801

References

1. Toshchenko, Zh.T. (Ed.) (2022) *Ot prekarной zanyatosti k prekarizatsii zhizni* [From precarious employment to the precarization of life]. Moscow: Ves' Mir.
2. Popov, A.V. & Solov'eva, T.S. (2019) Analysis and classification of the consequences of employment precarization: Individual, organizational, and societal levels]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz.* 12 (6). pp. 182–196. (In Russian). doi: 10.15838/esc.2019.6.66.10
3. Kobyshecha, V.V., Novokreshchenov, M.V. & Shepetina, K.Yu. (2022) Housing trajectories: A review of foreign and Russian research. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny.* 1. pp. 348–383. (In Russian). doi: 10.14515/monitoring.2022.1.1857
4. Popov, A.V. (2022) Consequences of precarization in generational groups: Direct and indirect effects. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz.* 15 (6). pp. 167–181. (In Russian). doi: 10.15838/esc.2022.6.84.10
5. Polukhina, E.V. (2017) Housing mobility: Directions of sociological analysis. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki.* 15 (4). pp. 589–602. (In Russian). doi: 10.17323/727-0634-2017-15-4-589-602
6. Clair, A., Reeves, A., McKee, M. & Stuckler, D. (2019) Constructing a housing precariousness measure for Europe. *Journal of European Social Policy.* 29 (1). pp. 13–28. doi: 10.1177/0958928718768334
7. Waldron, R. (2023) Generation Rent and housing precarity in 'post crisis' Ireland. *Housing Studies.* 38(2). pp. 181–205. doi: 10.1080/02673037.2021.1879998
8. Clair, A., Reeves, A., McKee, M. & Stuckler, D. (2016) Housing precariousness: Its measurement and impact on health before and after the Great Recession. *European Journal of Public Health.* 26 (suppl_1). pp. 243–244. doi: 10.1093/eurpub/ckw171.014
9. Pendall, R., Theodos, B. & Franks, K. (2012) Vulnerable people, precarious housing, and regional resilience: An exploratory analysis. *Housing Policy Debate.* 22 (2). pp. 271–296. doi: 10.1080/10511482.2011.648208
10. Hewton, J., Ong Vifor, J.R. & Singh, R. (2023) The effect of dwelling-based and neighbourhood-based precariousness on mental wellbeing. *Housing Studies.* pp. 1–21. doi: 10.1080/02673037.2023.2290518
11. Urbaneconomics.ru. (2024) *Monitoring dostupnosti zhilya v Rossii, a takzhe v razreze regionov i krupneyshikh gorodskikh aglomeratsiy* [Monitoring housing affordability in Russia, including regions and major urban agglomerations]. Institut ekonomiki goroda. [Online] Available from: <https://www.urbaneconomics.ru/research/project/monitoring-dostupnosti-zhilya-v-rossii-takzhe-v-razreze-regionov-i-krupneyshih> (Accessed: March 20, 2024).
12. Bocharov, V.Yu. (2021) The level of precarization among working youth in the Urals. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya.* 1. pp. 36–44. doi: 10.34022/2658-3712-2021-42-1-36-44
13. Дёмин, А.Н. (2022) Precarity index for psychological study of the Russian labor market. *Organizatsionnaya psikhologiya.* 12 (4). pp. 103–122. (In Russian). doi: 10.17323/2312-5942-2022-12-4-103-122
14. Kuchenkova, A.V. (2019) Precarization of employment: Towards methodology and measurement methods. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya.* 19 (1). pp. 134–143. (In Russian). doi: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-134-143
15. Münch, S. & Siede, A. (eds) (2022) *Precarious Housing in Europe: A Critical Guide.* Edition Donau-Universität Krems. doi: 10.48341/n0qk-fd13
16. Chapple, K., Thomas, T. & Zuk, M. (2023) *Housing Precarity Risk Model. Urban Displacement Project.* [Online] Available from: <https://www.urbandisplacement.org/maps/housing-precarity-risk-model/> (Accessed: 23.10.2023).
17. Debrunner, G., Hofer, K., Wicki, M., Kauer, F. & Kaufmann, D. (2024) Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home. *Journal of the American Planning Association.* pp. 1–17. doi: 10.1080/01944363.2023.2291148
18. Davern, M. (2023) *AUO Specialist Housing Indicators project.* RMIT University. doi: 10.25439/rmt.23300537.v1
19. Australian Urban Observatory. (2023) *Specialist Housing Indicators.* [Online] Available from: <https://auo.org.au/portal/metadata/housing/> (Accessed: 24.10.2023).
20. Litvintsev, D.B., Mozheykin, L.B. & Degtyareva, V.V. (2021) Inclusive living in Russia as an aspect of multidimensional social inclusion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 468. pp. 84–92. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/468/10
21. Mansour, A., Martino, E. & Bentley, R. (2023) *Neighbourhood Employment and Housing Precarity (NEHP) Index.* Healthy Housing. [Online] Available from: <https://www.healthyhousing-cre.org/nehp-index> (Accessed: 24.10.2023).
22. Ong Vifor, J.R., Singh, R., Baker, E., Bentley, R. & Hewton, J. (2022) *Precarious Housing and Wellbeing: A Multi-Dimensional Investigation* (AHURI Final Report No. 373). Melbourne: Australian Housing and Urban Research Institute Limited. doi: 10.18408/ahuri8123801

Информация об авторе:

Литвинцев Д.Б. – канд. социол. наук, доцент кафедры менеджмента Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: denlitv@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.B. Litvintsev, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denlitv@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.04.2024;
одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 05.04.2024;
approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/509/11

Современные подходы к обучению иностранному языку в преподавании академического письма

Алексей Валентинович Бакулев¹, Светлана Викторовна Боголепова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

¹ *avbakulev@hse.ru*

² *sbogolepova@hse.ru*

Аннотация. Показано, каким образом техники современных подходов к обучению иностранному языку интегрированы в смешанный курс академического письма для исследовательских целей, асинхронным элементом которого является онлайн-тренажер. Описаны преимущества и проиллюстрировано применение лексического подхода, метода управляемых открытий, подхода на основе коммуникативных заданий. Сделан вывод о том, что полиподходность отвечает потребностям и характеристикам современных студентов.

Ключевые слова: академическое письмо, смешанное обучение, подход на основе коммуникативных заданий, лексический подход, метод управляемых открытий, жанровый подход, поэтапный подход к обучению письменной речи

Для цитирования: Бакулев А.В., Боголепова С.В. Современные подходы к обучению иностранному языку в преподавании академического письма // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 113–120. doi: 10.17223/15617793/509/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/11

Application of current trends in language teaching to research writing instruction

Aleksey V. Bakulev¹, Svetlana V. Bogolepova²

^{1, 2} *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation*

¹ *avbakulev@hse.ru*

² *sbogolepova@hse.ru*

Abstract. English as the language of international academic communication is used to disseminate scientific results. Despite the recent shift in educational paradigm, it is still taught at all levels of tertiary education in leading colleges and universities, and holds relevance for the academic community. Traditionally the genre approach is implemented when academic writing is taught, as it provides a clear framework at structural and linguistic levels. However, this approach has limitations as it does not take sociocultural and contextual factors into account. Needs analysis is a potent tool used to uncover contextual factors and students' subjective needs. In the context of the current study, it revealed a number of contradictions and challenges even students with high proficiency levels face when they have to produce an academic English text of their own. Those challenges are: poor knowledge and at times ignorance of research writing conventions; little experience of doing original research and, consequently, inadequate ability to present research design and methodology; exceptional wordiness and the use of words and structures of inappropriate register; unawareness of the requirements to the content, structure and language of different parts of a research paper. Moreover, characteristics of modern students such as the need to be engaged and challenged, the anticipation of constant feedback, the difficulty concentrating when comprehending or producing long texts need to be accounted for. This article illustrates how an eclectic blended academic writing course was designed with the account of the difficulties and characteristics outlined above. We argue and illustrate the choice of techniques borrowed from current approaches to language teaching in the framework of principled eclecticism, which suggests careful handpicking of various methods and techniques belonging to diverse approaches in order to fit the learning and teaching context. Structuring lessons around tasks in the task-based learning paradigm allows instructors to involve students into meaningful activities and provide a manageable degree of challenge. Involving students into guided discovery brings about engagement and equips students with skills vital for successful autonomous text analysis and production. Implementing the lexical approach develops students' ability to notice lexical and structural features of academic texts and to become aware of discourse writing conventions. Encouraging students to follow the process approach and, therefore, to draft and redraft paper parts after feedback involves students in authentic text production and, again, provides strategies for autonomous work. Combined, these approaches foster students' academic writing competence enabling them to produce more natural and accurate stretches

of written research discourse in English. Moreover, principled eclecticism ensures students' subjective needs are met, and the necessary level of motivation and engagement is ensured.

Keywords: academic writing, blended learning, task-based teaching, lexical approach, guided discovery, genre approach, process approach to teaching writing

For citation: Bakulev, A.V. & Bogolepova, S.V. (2024) Application of current trends in language teaching to research writing instruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 113–120. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/11

Введение

На современном этапе развития российского высшего образования в силу ряда внешних и внутренних причин наметился и серьезно укрепился тренд на его суверенизацию и отказ от выполнения требований, предписывающих обязательное использование западных образовательных практик для достижения успеха в ущерб собственным интересам. Подобный подход отнюдь не предполагает изоляционистского характера проводимых реформ, а российское образование по-прежнему остается открытым для инноваций, имплементируемых как на внутренней, так и на внешней арене, позволяющих добиваться высокого качества формируемых образовательных продуктов, что способствует реализации глобальной стратегии укрепления экономического, технологического и гуманитарного суверенитета России.

В сложившихся обстоятельствах особую роль приобретает изучение языков дружественных государств – стран Азии, Африки, Центральной и Латинской Америки. При этом изучение английского языка актуальности не утрачивает, поскольку английский язык был и остается международным языком профессионального, делового и научного взаимодействия, в том числе в указанных регионах. Кроме того, взаимодействие с учеными по-прежнему продолжается, хотя и в более ограниченном масштабе. Поэтому требование к специалисту с высшим образованием, занимающемуся научно-исследовательской деятельностью, владеть английским языком на уровне не ниже B2 по Шкале Совета Европы остается императивом, а публикационная активность на английском языке – чрезвычайно важным средством диссеминации результатов российской науки.

Обучение академическому письму реализуется в ряде ведущих вузов страны (НИУ ВШЭ, МИСиС, ИТМО и т.д.) [1. С. 120–121; 2. С. 52]. В указанных вузах имеются центры академического письма для преподавателей и научных сотрудников. В НИУ ВШЭ дисциплина «Академическое письмо на английском языке» в качестве дисциплины по выбору может быть включена в учебный план студентов всех образовательных программ бакалавриата, а защита концепции ВКР на английском языке является обязательной, и оценка за нее идет в диплом. В магистратуре реализуется ряд дисциплин по академическому английскому из пула дисциплин свободного выбора «МагоЛего» (например, «Английский язык для исследовательских целей», «Как написать магистерскую диссертацию на английском: стратегии для начинающих авторов», «Академическое письмо для исследователей образова-

ния», «Навыки академического письма и исследовательской работы», «Академическое чтение, письмо и презентация»). Уделяется внимание английскому языку для исследовательских целей и в аспирантуре в рамках дисциплин «Академическое письмо на английском языке», «Методология и технология академического письма», «Академическое письмо и навыки научных докладов», «Английский язык для исследователей». Подобное внимание свидетельствует об актуальности проблемы качества преподавания академического письма и поиске лингводидактических и методических решений, способствующих достижению требуемых образовательных результатов в рамках перечисленных дисциплин.

Цель данной статьи – показать, как техники и приемы различных подходов к обучению иностранным языкам сочетаются в реализации дисциплины «Академическое письмо на английском языке» в рамках избирательного эклектизма, или полиподходности.

Академическое письмо: особенности дисциплины

Академическое письмо – весьма широкое понятие, включающее целый ряд жанров и соответствующих дисциплин. В НИУ ВШЭ на четвертом курсе в рамках факультативной дисциплины «Академическое письмо на английском языке» фактически преподается письмо (и шире – дискурс как письменный, так и устный) для исследовательских целей. В данной статье академическое письмо мы будем трактовать именно таким образом.

Традиционно академическое письмо для исследовательских целей опирается на жанровый подход, что подразумевает анализ лексических, грамматических, стилистических и структурных особенностей текстов определенного жанра и их воспроизведение в своей письменной продукции. Однако данный подход является достаточно шаблонным и слабо учитывает социокультурные и контекстуальные факторы [3. С. 94], поэтому в современных курсах академического письма используется более широкий спектр подходов. Подчеркивается важность мотивационной составляющей и формирование понимания академического письма как социокультурной практики, позволяющей пишущему стать частью дискурсивного сообщества [4. С. 156–157].

Исследователи отмечают, что при освоении академического письма для исследовательских целей российские студенты испытывают ряд трудностей, среди которых непонимание жанровых особенностей и формата научной статьи, затруднения в описании методологии исследования и обсуждении результатов, несоблюдение норм академического стиля, ограниченный запас лексических средств и присущих жанру клише,

дефицит смягчающих оборотов [5. С. 139; 6. С. 107–108].

Понимание этих особенностей, вызванных интерференцией родного языка и различием академических традиций, помогает ставить задачи курса и разрабатывать учебные материалы с учетом лингвистических потребностей потенциальной аудитории, однако выявление нужд и отличительных характеристик студентов в том контексте, где курс будет преподаваться, способствует еще более эффективной его реализации.

Анализ потребностей

Традиционно курсы академического письма опираются на результаты анализа потребностей студентов [7. С. 89–90; 8. Р. 109]. Потребности можно классифицировать как объективные (требования стандартов; язык, который студенту необходимо освоить; коммуникативные продукты, которые студент должен научиться создавать; коммуникативные ситуации, в которых студенту предстоит участвовать; пробелы в навыках/умениях) и субъективные (ожидания и учебные привычки студентов, стиль обучения).

Современные студенты, изучающие иностранный язык коммуникативно, ожидают постоянной вовлеченности и динамики на занятиях. Любое, даже оправданное замедление темпа занятия может вызвать у них скуку и сомнение в полезности изучаемой дисциплины. По этой причине, несмотря на высокий уровень владения изучаемым языком и общей образовательной культуры, студенты могут испытывать затруднение при чтении и написании длинных текстов [9. С. 154]. Также они требуют постоянной вовлеченности преподавателя и подчас мгновенной и при этом детальной обратной связи. При попытках выстраивать традиционное взаимодействие, предполагающее существенную дистанцию, студенты могут испытывать вполне осязаемый дискомфорт, что может отражаться на их мотивации и, как следствие, на динамике успешности в рамках дисциплины. Студенты ожидают, что преподаватель будет мотивировать их путем разнообразия материалов и заданий, выходом за пределы аудиторного опыта в реальную жизнь [7. С. 87].

При этом, блестяще владея английским языком для общих целей на уровне C1, а в отдельных случаях – на уровне C2, студенты сталкиваются с конкретными трудностями при написании академических текстов. Анализ результатов защит более 400 концепций ВКР на английском языке (Project Proposals), выполненных в формате исследовательской статьи студентами 4-го курса образовательной программы «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» в 2022/23 и 2023/24 уч. г., выявил следующие проблемы:

- студенты в целом представляют структуру исследовательской статьи, однако испытывают затруднения при организации собственных текстов сообразно данной структуре;

- студенты нарушают конвенции академического письма на английском языке в силу интерференции русского научного дискурса (например, пишут введение по образцу и подобию автореферата диссертации,

фактически калькируя его; не выражают понятия, идеи и замыслы эксплицитно, перекладывая ответственность за разумную легкость восприятия текста на читателя: «Неужели вы не понимаете, что я написала? Как так, вы же эксперт в этой теме!»);

- студенты испытывают трудности с выстраиванием и описанием методологии и процедуры исследования;

- студенты нередко в принципе не знакомы с понятием «Discussion», типичным для исследовательской статьи на английском языке;

- стремясь впечатлить проверяющих уровнем владения английским языком, студенты оказываются чрезвычайно многословными, при этом употребление лексических единиц в созданных ими контекстах не всегда соответствует необходимому регистру.

При построении курса по академическому письму на английском языке необходимо учитывать вышеперечисленные проблемы. Фактором, положительно влияющим на их решение, является сочетание различных подходов и методов к преподаванию иностранных языков в целом и академического письма в частности в синергетически интегрирующих рамках так называемой полиподходности, или интегративно-рекомбинационного подхода, что дает научное обоснование для симбиотизации самых подходов, методов, приемов и технологий, сообразных контексту обучения, в том числе потребностям обучающихся [10. С. 33; 11. С. 279]. Стимулируя использование лучших преподавательских практик для полноценной реализации потребностей целевой аудитории, избирательный эклектизм позволяет ситуативно варьировать методы, приемы и технологии, используемые в рамках преподавания дисциплины. Таким образом, избирательный эклектизм способствует подлинной, а не формально декларируемой индивидуализации образовательного процесса.

В рамках дисциплины «Академическое письмо на английском языке» избирательный эклектизм объединяет ряд современных подходов к обучению английскому языку.

Смешанное обучение

В современной образовательной парадигме, когда использование ИКТ и в частности онлайн-режима уже давно стало насущной необходимостью, каждый высококачественный учебный курс, нацеленный на достижение адекватных образовательных результатов, реализуется в смешанном формате. Под смешанным обучением вслед за Н. Staker и М.В. Horn [12. Р. 3; 13. С. 36] мы понимаем регулярное, закрепленное официальными документами (учебным планом, рабочей программой дисциплины) сочетание аналогового и электронного обучения в пропорциях, определяемых конкретным образовательным контекстом. Смешанное обучение подразумевает использование электронной системы управления обучением (Learning Management System, LMS) – электронного информационно-образовательного ресурса, позволяющего размещать мультимедийные материалы и задания, доступные студентам данной дисциплины.

Подобная возможность позволяет перенести работу над языковыми навыками и умениями рецептивных видов речевой деятельности в асинхронный, внеаудиторный формат и максимально автоматизировать проверку соответствующих упражнений, в то время как аудиторные занятия в офлайн-, онлайн- либо гибридном формате посвящаются работе над умениями в продуктивных видах речевой деятельности, а также обсуждению затруднений, противоречий и обратной связи.

Дисциплина «Академическое письмо на английском языке» реализуется в смешанном формате. На платформе «Smart LMS», реализуемой в оболочке Moodle, размещен онлайн-тренажер с языковыми и речевыми упражнениями, задания которого студенты выполняют асинхронно. Оценивание выполнения этих заданий включено в общую формулу оценивания по дисциплине и отражено в рабочей программе.

Онлайн-тренажер включает задания как закрытого, так и открытого типа. В задания инкорпорированы подсказки-гайды, которые помогают студенту сориентироваться при выполнении упражнений, а также самостоятельно исправить ошибки без помощи преподавателя. Открытые задания содержат предзагруженные фрагменты обратной связи, но также требуют активного участия в этом процессе преподавателя. Проиллюстрируем, как элементы современных подходов встроены в курс академического письма и в частности в задания онлайн-тренажера.

Подход на основе коммуникативных заданий

Данный подход ставит основной целью занятия выполнение студентами коммуникативного задания, приближенного к реальным жизненным задачам, подразумевающего, к примеру, восполнение недостающей информации, сопоставление мнений, анализ и синтез информации, создание коммуникативных продуктов [14, 15]. При этом основной акцент делается не на использовании языка для выполнения задания, а на успешной передаче смыслов и решении коммуникативной задачи. Фокус на языке имеет место после того, как студенты попытались выполнить задание, используя имеющиеся языковые ресурсы или с минимальными интервенциями преподавателя и осознали необходимость в изучении новых структур. Показано, что использование подхода в академическом контексте способствует большей мотивации и вовлеченности студентов [16. Р. 79; 17. Р. 75].

Примером применения подхода в рамках курса академического письма является занятие, в рамках которого студенты учатся распознавать и писать абзацы разных типов. Абзац традиционно считается наименьшей дискурсивной единицей академического письма [18. Р. 36], поэтому обучение написанию этих единиц уделяется особое внимание. Сначала студенты, работая в группах, пишут абзац, развивая вводное предложение, задающее основную идею. Затем, выполняя ряд проблемных заданий, студенты изучают структурные особенности абзацев различных типов. Осознав эти особенности, студенты перерабатывают свои абзацы, а

также, используя чеклист, оценивают продукцию сверстников и дают обратную связь.

Подход на основе коммуникативных заданий в курсе академического письма связан с жанровым подходом к обучению иноязычной письменной речи [19. Р. 406]. Жанровый подход предполагает предоставление студентам возможности экстенсивного и интенсивного ознакомления с разнообразными полными текстами либо отрывками текстов, репрезентирующих различные жанры академического письма. Студенты таким образом учатся замечать аутентичные композиционные и лингвостилистические характеристики жанров на материале реальных письменных произведений [20. Р. 45] и впоследствии использовать их в собственном речепорождении.

Метод управляемых открытий

Управляемое открытие можно определить как учебную ситуацию, в рамках которой студент самостоятельно находит необходимую информацию, опираясь на предоставленные материалы [20. Р. 3]. Преподаватель может направлять студента с разной степенью вмешательства; в обучении иностранным языкам этот метод относят к эксплицитным, подразумевающим коррекцию и последующее объяснение со стороны преподавателя [21. Р. 420]. Исследователи выделяют многочисленные преимущества использования метода управляемых открытий: вовлеченность и мотивация студентов, лучшее понимание и запоминание материала, развитие умений учебной автономии и критического мышления [23. Р. 12]. В преподавании английского языка для академических целей подобный индуктивный анализ предпочтительнее дедуктивного введения материала, так как обеспечивает вовлеченность в исследование академического дискурса [24. Р. 6].

Метод управляемых открытий в коммуникативной методике обучения иностранным языкам применяется для индуктивного введения грамматического материала, в нашем примере (см. пример 1) – привлечения внимания к структурно-смысловым особенностям определительных придаточных предложений. Студенты, анализируя предложения из контекстов, с которыми они уже работали в плане структуры и риторических переходов, отвечают на наводящие вопросы, касающиеся особенностей их употребления. После обсуждения своих гипотез с преподавателем студенты выполняют тренировочные упражнения и задания на вывод структур в речь.

Пример 1. Использование метода управляемых открытий при обучении определительным придаточным предложениям.

7. Work in pairs. Study the sentences with relative clauses in the box and answer the questions:

- 1) In which sentence (a, b, or c) the relative clause can be deleted, and this will not influence the meaning of the main clause?
- 2) In which sentences can *which* or *that* in relative clauses be omitted?
- 3) In which sentences are *which* and *that* interchangeable?
8. Fill in the gaps in the rule. Use the examples as guidance.
9. Choose the correct pronoun(s). Add commas where necessary.

Задания, подталкивающие студента к обнаружению неточностей и отклонений от конвенций академического

письма (см. пример 2) с последующим обсуждением и коррекцией отрывков из аутентичных работ студентов позволяют заострить внимание на типичных ошибках и обозначить пути их исправления, что снабдит студентов стратегиями самостоятельной работы. Подобные аналитические задания присутствуют и в цифровом тренажере.

Пример 2. Задание на обнаружение отклонений от конвенций англоязычного академического письма на материале из студенческих работ.

Below you can see extracts from students' papers illustrating deviations from academic writing conventions. Match the issues a-f to the examples 1-7. In some extracts more than one issue may be present. Rewrite the extracts.

- a) run-on sentence
- b) overuse of prepositions
- c) inappropriate use of vocabulary
- d) inappropriate register
- e) redundancy/ wordiness
- f) lack of/ incorrect references

Лексический подход

Лексический подход, как следует из названия, отводит центральную роль лексике, в том числе многокомпонентным лексическим сочетаниям и коллокациям при изучении языка [25]. Задания, выполняемые студентами, включают в себя комплексный анализ лексических единиц и особенностей их употребления в контексте. Устойчивые сочетания и клише являются неотъемлемой частью академических текстов [26. Р. 90], поэтому освоение таких конструкций должно быть одной из задач курсов академического письма [27]. Более того, показано, что овладение клише, обеспечивающими риторические переходы в тексте, способствует лучшему пониманию структуры текста заданного жанра [28. Р. 67].

Типичным примером задания в рамках лексического подхода является поиск коллокаций, многокомпонентных лексических сочетаний и клише в текстах монографий, статей и диссертаций (см. пример 3).

Целесообразно предлагать студентам отбирать подобные единицы и группировать их по степени употребительности в рамках структурно-содержательных блоков академического текста – аннотации, введения, литобзора, методов, результатов, дискуссии и заключения, причем студентов следует приучать к подобной работе с каждой англоязычной статьей. Не менее полезным такое задание может быть и для текстов на русском языке. Здесь может найти применение сознательно-сопоставительный метод. Студенты могут подбирать аналоги коллокаций и многокомпонентных сочетаний в двух языках. Такое сопоставление реализует принципы сознательности и опоры на родной язык в обучении иностранным языкам и обогащает письменную академическую речь как на изучаемом, так и на русском языке.

Пример 3. Интегрированное использование лексического подхода и сознательно-сопоставительного метода.

Read the abstract and find the English equivalents for the following chunks:

- многокомпонентные лексические единицы
- разнообразить ответы
- многозначность фразеологизмов
- с учетом представленных ограничений
- как известно, овладение иностранным языком затрудняется

из-за...

- сбор данных осуществлялся
- целью исследования является
- результаты анализа показывают
- уровень осведомленности о...
- результаты позволяют сделать вывод о том, что...

Foreign language acquisition is notoriously constrained by learners' lack of awareness of the systemic relations that are obtained among stable multiple-unit lexical items. This results in ...

Поэтапный подход к обучению письменной речи

Подход к обучению письменной речи, который акцентирует процесс создания конечного продукта, нежели сам продукт, подразумевает нелинейную многоступенчатую работу с текстом, реализуемым через фазы планирования, создания чернового варианта, многократной переработки после получения обратной связи и финализации текста [29. Р. 2]. Такой подход отражает создание текста, в том числе академического, в реальной жизни. Фокус смещается с языка на передачу смыслов, и студент экспериментирует с языковыми единицами, подбирая их для оптимального решения коммуникативной задачи [30]. Более того, происходит формирование умений самостоятельной работы, а также самопроверки.

Поскольку, как уже отмечалось, коммуникативные задания, используемые в рамках курса, должны быть аутентичными либо полуаутентичными, т.е. воспроизводить реальную ситуацию профессиональной академической коммуникации, целесообразно предлагать студентам написание фрагментов исследовательских работ, в частности концепции ВКР на английском языке (Project Proposal), для последующего оценивания как сокурсниками, так и преподавателем, после чего (в идеале) студенты имеют возможность отредактировать и повторно представить текст к оцениванию. Моделируется реальная ситуация сдачи частей ВКР научному руководителю, который дает обратную связь и просит диссертанта направить скорректированную версию (см. пример 4).

Пример 4. Моделирование аутентичной ситуации написания раздела «Обсуждение результатов» исследовательской работы.

Look back at the data you obtained during your senior thesis research. Write a discussion section for your thesis and submit it to your research adviser.

Make sure your discussion section includes the following components:

- summary of the findings;
- comparison of the findings to those of other similar studies;
- interpretation of the findings.

Аналогично можно рассматривать, к примеру, устную презентацию результатов исследований с ответами на вопросы сокурсников и преподавателя. Такие презентации – реальная задача в рамках научно-исследовательского семинара, семинара кафедры, школы или департамента, выступления на конференции, защиты ВКР и т.д.

Критерии оценивания и чек-листы служат не только ориентиром для студента при планировании и самопроверке, но и используются для взаимного оценивания (см. пример 5 – пример чек-листа для взаимопроверки текстов аннотаций на английском языке).

Пример 5. Write an abstract for your research paper. Exchange your abstract with a fellow-student. Evaluate the abstract against the checklist below and give feedback.

- It is clear why the research was conducted.
- The reader understands what the aim of the research was.
- It is clear what/ how research methods were employed and what materials were examined (who the participants were).
- The results correspond to the aim of the research.
- The implications of the findings are analysed.

Выводы

Таким образом, полиподходность способствует формированию коммуникативной компетенции студентов в области академического письма на английском языке, позволяя работать с текстом на мотивационном уровне, на уровнях содержания и организации, а также на лингвистическом уровне [4. С. 160].

Студенты формируют понимание особенностей англоязычного академического дискурса и снабжаются языковыми средствами для создания аутентичных текстов. При этом происходит развитие ряда важных умений, связанных с автономной работой с текстом как на уровне анализа, так и продукции.

Вслед за Е.Г. Таревой, Б.В. Таревым и Е.А. Савкиной [11] мы делаем вывод о том, что полиподходность способствует индивидуализации обучения. Использование методов, приемов и техник современных подходов позволяет удовлетворять объективные и субъективные образовательные и личностные потребности современных студентов, обеспечивать их вовлеченность и посильную трудность заданий как на занятии, так и при асинхронной работе в цифровой среде. Размещение материалов для самостоятельной работы на цифровой платформе дает возможность их быстрой адаптации для нужд академической группы и обеспечения индивидуализированной обратной связи [31]. Рассмотренная интеграция подходов реализуется на образовательной программе бакалавриата, но может масштабироваться на релевантные дисциплины магистратуры и аспирантуры, а также курсы и семинары по академическому письму для преподавателей и научных сотрудников.

Список источников

1. Короткина И.Б. От лингвистического центра к центру академического письма // Высшее образование в России. 2013. № 8-9. С. 120–124.
2. Базанова Е.М., Короткина И.Б. Российский Консорциум центров письма // Высшее образование в России. 2017. № 4. С. 50–57.
3. Шейпак С.А. Академическое письмо: критика традиционного подхода // Высшее образование в России. 2020. № 2. С. 92–103.
4. Чуйкова Э.С. Отечественный и зарубежный опыт обучения академическому письму на английском языке // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2015. № 4 (20). С. 156–161.
5. Зашихина И.М. Академическое письмо: дисциплина или дисциплины? // Высшее образование в России. 2021. № 2. С. 134–143.
6. Дугарцыренова В.А. Трудности обучения иноязычному академическому письму // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 106–112.
7. Боголепова С.В., Шадрова Е.В. Компетенции лучших преподавателей: сравнительный анализ мнений студентов классического и исследовательского университетов // Педагогика и психология образования. 2021. № 3. С. 73–94.
8. Huang J.C. Unveiling EFL graduate students' EAP needs and perceptions of EAP courses: A large-scale survey in Taiwan // Journal of English for Academic Purposes. 2024. P. 101–113.
9. Радаев В.В. Преподавание в кризисе. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2022.
10. Ванягина М.Р. Интегративно-рекомбинационный подход к обучению иностранным языкам в высшей школе // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 4(37). С. 32–36.
11. Тарева Е.Г., Тарев Б.В., Савкина Е.А. Полиподходность и междисциплинарность – perpetum mobile развития лингводидактики // Язык и культура. 2022. № 57. С. 274–291. doi: 10.17223/19996195/57/14
12. Staker H., Horn M.B. Classifying K-12 blended learning // Innosight institute. 2012. P. 17.
13. Бондарев М.Г., Бакулев А.В., Левендя А.И., Осадчая О.В., Трач А.С., Жданько О.И. Смешанное обучение иностранному языку для специальных целей в инженерно-техническом вузе. Ростов н/Д: Южн. федерал. ун-т, 2014. 185 с.
14. Long M. Second language acquisition and task-based language teaching. John Wiley & Sons, 2014.
15. Skehan P. Task-based instruction // Annual review of applied linguistics. 1998. Vol. 18. P. 268–286.
16. Hattani H.A. The implementation of task-based approach in ESP instruction: Teachers and students' perceptions // International Arab Journal of English for Specific Purposes. 2020. Vol. 3, № 1. P. 67–82.
17. Rodríguez-Peñarroja M. Integrating project-based learning, task-based language teaching approach and Youtube in the ESP class: a study on students' motivation // Teaching English with Technology. 2022. Vol. 22. № 1. P. 62–81.
18. Wirantaka A. Paragraph writing of academic texts in an EFL context // Journal of Foreign Language Teaching and Learning. 2016. Vol. 1, № 2. P. 34–45.
19. Tribble C. Writing academic English – a survey review of current published resources // ELT journal. 2009. Vol. 63, № 4. P. 400–417.
20. Devitt A.J. Genre performances: John Swales' Genre Analysis and rhetorical-linguistic genre studies // Journal of English for Academic Purposes. 2015. Vol. 19. P. 44–51.
21. Alfieri L., Brooks P.J., Aldrich N.J., Tenenbaum H.R. Does discovery-based instruction enhance learning? // Journal of educational psychology. 2011. Vol. 103, № 1. P. 1–18.
22. Ellis R., Basturkmen H., Loewen S. Doing focus-on-form // System. 2002. Vol. 30, № 4. P. 419–432.
23. Alcaraz Cárcelos I.M. Benefits of Guided Discovery Grammar Instruction in the EFL classroom // Psychology. 2018. Vol. 103, № 1. P. 1–18.
24. Bell D.E. Methodology in EAP: Why is it largely still an overlooked issue? // Journal of English for Academic Purposes. 2022. Vol. 55. Art. No. 101073. doi: 10.1016/j.jeap.2021.101073
25. Lewis M. The lexical approach. Hove: Language teaching publications, 1993. Vol. 1. P. 993.
26. Li J., Schmitt N. The acquisition of lexical phrases in academic writing: A longitudinal case study // Journal of Second Language Writing. 2009. Vol. 18, № 2. P. 85–102.
27. Vo S. Use of lexical features in non-native academic writing // Journal of Second Language Writing. 2019. Vol. 44. P. 1–12.
28. Cai (Luna) Jing. An exploratory study on an integrated genre-based approach for the instruction of academic lexical phrases // Journal of English for Academic Purposes. 2016. Vol. 24. P. 58–74.

29. Caudery T. What the "Process Approach" Means to Practising Teachers of Second Language Writing Skills // *The Electronic Journal for English as a Second Language*. 1995. Vol. 1, № 4. P. 1–8.
30. Nadtocheva E.S., Oveshkova A.N. Process writing approach to overcome global writing concerns // *Педагогическое образование в России*. 2016. № 4. С. 46–50.
31. Буримская Д.В. Педагогические подходы к обучению профессионально-ориентированному иностранному языку на базе ИКТ // *Вестник Томского государственного университета*. 2020. № 459. С. 205–212. doi: 10.17223/15617793/459/25

References

1. Korotkina, I.B. (2013) Ot lingvisticheskogo tsentra k tsentru akademicheskogo pis'ma [From linguistic center to academic writing center]. *Vyssshee obrazovanie v Rossii*. 8–9. pp. 120–124.
2. Bazanova, E.M. & Korotkina, I.B. (2017) Rossiyskiy Konsortsiy tse ntrov pis'ma [Russian Consortium of Writing Centers]. *Vyssshee obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 50–57.
3. Sheipak, S.A. (2020) Akademicheskoe pis'mo: kritika traditsionnogo podkhoda [Academic writing: Criticism of the traditional approach]. *Vyssshee obrazovanie v Rossii*. 2. pp. 92–103.
4. Chuikova, E.S. (2015) Otechestvennyy i zarubezhnyy opyt obucheniya akademicheskomu pis'mu na angliyskom yazyke [Domestic and foreign experience in teaching academic writing in English]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 4 (20). pp. 156–161.
5. Zashikhina, I.M. (2021) Akademicheskoe pis'mo: distsiplina ili distsipliny? [Academic writing: Discipline or disciplines?]. *Vyssshee obrazovanie v Rossii*. 2. pp. 134–143.
6. Dugartsyrenova, V.A. (2016) Trudnosti obucheniya inoyazychnomu akademicheskomu pis'mu [Difficulties in teaching foreign language academic writing]. *Vyssshee obrazovanie v Rossii*. 6. pp. 106–112.
7. Bogolepova, S.V. & Shadrova, E.V. (2021) Kompetentsii luchshikh prepodavateley: sravnitel'nyy analiz mneniy studentov klassicheskogo i issledovatel'skogo universitetov [Competences of the best teachers: A comparative analysis of students' opinions in classical and research universities]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya*. 3. pp. 73–94.
8. Huang, J.C. (2024) Unveiling EFL graduate students' EAP needs and perceptions of EAP courses: A large-scale survey in Taiwan. *Journal of English for Academic Purposes*. pp. 101–113.
9. Radaev, V.V. (2022) *Prepodavanie v krizise* [Teaching in crisis]. Moscow: HSE.
10. Vanyagina, M.R. (2021) Integrativno-rekombinatsionnyy podkhod k obucheniyu inostrannym yazykam v vysshey shkole [Integrative-recombinational approach to teaching foreign languages in higher education]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. 10:4 (37). pp. 32–36.
11. Tareva, E.G., Tarev, B.V. & Savkina, E.A. (2022) Poly-approach and interdisciplinarity – perpetum mobile of linguodidactics development. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 57. pp. 274–291. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/57/14
12. Staker, H. & Horn, M.B. (2012) *Classifying K-12 blended learning*. Innosight Institute.
13. Bondarev, M.G. et al. (2014) *Smeshannoe obuchenie inostrannomu yazyku dlya spetsial'nykh tseley v inzhenerno-tehnicheskoy vuz* [Blended learning of a foreign language for specific purposes in an engineering university]. Rostov-on-Don: SFU.
14. Long, M. (2014) *Second language acquisition and task-based language teaching*. John Wiley & Sons.
15. Skehan, P. (1998) Task-based instruction. *Annual Review of Applied Linguistics*. 18. pp. 268–286.
16. Hattani, H.A. (2020) The implementation of task-based approach in ESP instruction: Teachers and students' perceptions. *International Arab Journal of English for Specific Purposes*. 3 (1). pp. 67–82.
17. Rodríguez-Peñarroja, M. (2022) Integrating project-based learning, task-based language teaching approach and Youtube in the ESP class: A study on students' motivation. *Teaching English with Technology*. 22 (1). pp. 62–81.
18. Wirantaka, A. (2016) Paragraph writing of academic texts in an EFL context. *Journal of Foreign Language Teaching and Learning*. 1 (2). pp. 34–45.
19. Tribble, C. (2009) Writing academic English – A survey review of current published resources. *ELT Journal*. 63 (4). pp. 400–417.
20. Devitt, A.J. (2015) Genre performances: John Swales' Genre Analysis and rhetorical-linguistic genre studies. *Journal of English for Academic Purposes*. 19. pp. 44–51.
21. Alfieri, L., Brooks, P.J., Aldrich, N.J. & Tenenbaum, H.R. (2011) Does discovery-based instruction enhance learning? *Journal of Educational Psychology*. 103 (1). pp. 1–18.
22. Ellis, R., Basturkmen, H. & Loewen, S. (2002) Doing focus-on-form. *System*. 30 (4). pp. 419–432.
23. Alcaraz Cárceles, I.M. (2018) Benefits of Guided Discovery Grammar Instruction in the EFL classroom. *Psychology*. 103 (1). pp. 1–18.
24. Bell, D.E. (2022) Methodology in EAP: Why is it largely still an overlooked issue? *Journal of English for Academic Purposes*. 55. Art. No. 101073. doi: 10.1016/j.jeap.2021.101073
25. Lewis, M. (1993) *The lexical approach*. Vol. 1. Hove: Language Teaching Publications.
26. Li, J. & Schmitt, N. (2009) The acquisition of lexical phrases in academic writing: A longitudinal case study. *Journal of Second Language Writing*. 18 (2). pp. 85–102.
27. Vo, S. (2019) Use of lexical features in non-native academic writing. *Journal of Second Language Writing*. 44. pp. 1–12.
28. Cai (Luna) Jing. (2016) An exploratory study on an integrated genre-based approach for the instruction of academic lexical phrases. *Journal of English for Academic Purposes*. 24. pp. 58–74.
29. Caudery, T. (1995) What the "Process Approach" Means to Practising Teachers of Second Language Writing Skills. *The Electronic Journal for English as a Second Language*. 1 (4). pp. 1–8.
30. Nadtocheva, E.S. & Oveshkova, A.N. (2016) Process writing approach to overcome global writing concerns. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 4. pp. 46–50.
31. Burimskaya, D.V. (2020) Pedagogical approaches to teaching professionally oriented foreign language based on ICT. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 459. pp. 205–212. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/459/25

Информация об авторах:

Бакулев А.В. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: avbakulev@hse.ru

Боголепова С.В. – канд. филол. наук, доцент Школы иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: sbogolepova@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Bakulev, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: avbakulev@hse.ru

S.V. Bogolepova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: sbogolepova@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2024;
одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 21.06.2024;
approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 376
doi: 10.17223/15617793/509/12

Музейная аудиодескрипция как средство эстетического воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья

Елена Николаевна Гончарова¹, Марина Юрьевна Гетманская²

^{1, 2} Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹ elena-suschenko@yandex.ru

² getmanskaia@pgu.ru

Аннотация. Исследуются вопросы, связанные с выявлением потенциала музейной аудиодескрипции как средства формирования эстетического воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья. Анализируются различные виды музейной аудиодескрипции, выявленные в ходе статистической обработки данных опросов респондентов с ограниченными возможностями по зрению. Рассматривается специфика музейной аудиодескрипции как важнейшей части формирования инклюзивной среды и современной музейной педагогики. Представлены данные о наиболее эффективных способах построения текста музейной аудиодескрипции, оказывающей существенное влияние на эстетическое формирование личности ребенка.

Ключевые слова: музейная аудиодескрипция, эстетическое воспитание, воспитание лиц с ограниченными возможностями здоровья, музейная педагогика, аудиодескриптор

Источник финансирования: публикация выполнена в рамках научного проекта «Разработка лингвистических принципов и проектирование технических решений для создания прототипа нейросети для сопровождения аудиодескрипции» по Государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ (ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», проект № 1022100500014-8-6.2.1, науч. рук. – канд. филол. наук, проф. А.В. Раздубев).

Для цитирования: Гончарова Е.Н., Гетманская М.Ю. Музейная аудиодескрипция как средство эстетического воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 121–126. doi: 10.17223/15617793/509/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/12

Museum audio description as a means of aesthetic education of children with disabilities

Elena N. Goncharova¹, Marina Yu. Getmanskaya²

^{1, 2} Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

¹ elena-suschenko@yandex.ru

² getmanskaia@pgu.ru

Abstract. The article aims to identify the role of museum audio description in the aesthetic education of children with disabilities. The authors focus on the analysis of various types of museum audio description; its specificity is considered as an important part of the formation of an inclusive environment and modern museum pedagogy. The data from statistical surveys of respondents with visual disabilities served as the material for the analysis. The article contains generalized information on the degree of elaboration of the issue of using the potential of museum audio description in the practice of modern museum pedagogy. As a result of the study, the authors came to the following conclusions. Due to the growing number of blind and visually impaired people in modern society, the issues of using audio description in general and museum audio description in particular are becoming particularly relevant. The lack of resources of the information and communication environment that would allow people with disabilities to participate more widely in cultural life makes it necessary to attract public attention to the development of effective audio description technologies. Museum audio description acts as a cognitive tool for mastering the surrounding world and serves as a kind of mediator between the simple processes of perception of an art object and its aesthetic understanding, which has an undeniable educational effect on the personality of a child. The museum audio description represents a complex symbiosis of several components of the process of personality formation of a blind or visually impaired child: information, education, creative development, communication, recreation. The phenomenon of museum audio description is a phenomenon of complex inter-semiotic translation. In modern science, various types of museum audio description are presented, which determine the lexical and structural features: prepared and unprepared audio description; museum audio description of a static object – a painting – containing a descriptive monosubject line; museum audio description of a static object – a painting – containing a polysubject line with several actors; audio description of a static object – a sculpture; audio description of exhibits of an interactive museum exposition. The most significant characteristics of the museum audio description are: informativity and vividness against the background of conciseness, brevity and clarity; unjustified use of complex terms that complicate

understanding. The text of the audio description must be multifunctional and accurate. A promising area of science is the inclusion of mechanisms of intercultural communication, their refraction through the prism of museum pedagogy. The museum audio descriptions can serve as a lexical simulator while providing language training for museum and teaching staff. The use of audio description in the practice of museum pedagogy fully meets one of the most important tasks of the latter – the study of the essence, patterns and methods of museum communication that contribute to the development and formation of personality in the course of communication with cultural values.

Keywords: museum audio description, aesthetic education, education of people with disabilities, museum pedagogy, audio descriptor

Financial support: The article presents the research within the framework of the scientific project "The development of linguistic principles and technical solutions for creating a neural network prototype to generate and accompany audio descriptions" funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Pyatigorsk State University, Project No. 1022100500014-8-6.2.1, scientific advisor – Cand. Sc. (Philology), Professor A.V. Razduyev).

For citation: Goncharova, E.N. & Getmanskaya, M.Yu. (2024) Museum audio description as a means of aesthetic education of children with disabilities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 121–126. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/12

Сегодня все чаще в ракурсе исследований ученых попадают вопросы эстетического воспитания молодежи. Социально-культурный контекст, геополитические процессы, потребности формирования и передачи традиционных российских ценностей все чаще подталкивают нас к необходимости нового взгляда на эстетическое формирование личности сквозь призму сложного комплекса элементов: передовых знаний, востребованных обществом умений и навыков, качественно значимой мировоззренческой основы, способной определять приоритеты духовно-нравственного развития, стремления видеть прекрасное и воссоздавать его в ценностях гуманистической культуры. Система эстетического воспитания молодежи в наши дни переживает новый виток своего развития. И отраднo, что в этот процесс активно вовлекается молодежь, особенно дети с ограниченными возможностями здоровья. Своими центрами притяжения в этом случае становятся музеи, которые обретают новую для себя функцию – функцию центров в том числе инклюзивной культуры. Музейная педагогика как отрасль социального знания открывает новые грани воспитания и шире – социализации личности. Наиболее остро и значимо проблемы музейной педагогики ставятся в отношении детей с ограниченными возможностями здоровья по зрению. Между тем именно категория лиц с ограниченными возможностями здоровья по зрению сегодня является основной социальной группой, на которую ориентирована разработка музейной аудиодескрипции. Статистика свидетельствует о том, что в мире проживает не менее 2,2 млрд человек, относящихся к категориям слепые и слабовидящие [1]. В России, по официальным статистическим данным, проживает 5,9 млн слепых и слабовидящих людей, 4% детей ежегодно рождаются с патологией, связанной со зрением. Динамика показателей, к сожалению, растет. Однако при ближайшем рассмотрении проблемы в целевую группу потенциальных потребителей музейной аудиодескрипции следует включить и людей, входящих в ближайшее окружение незрячих и слабовидящих. В этой связи проблемы социальной и культурной адаптации этой группы населения представляют особую значимость.

Подробный анализ исследуемой области позволяет констатировать недостаток ресурсов информационно-коммуникативной среды, которые бы позволяли лицам с ограниченными возможностями здоровья шире прибегать к культурной жизни и в полной мере реализовыв-

вать «право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям» [2. П. 2. Ст. 44]. Потребность в качественных продуктах, способствующих повышению эффективности воспитательного и образовательного процессов, сегодня крайне высока. По данным анализа, статистический запрос потребителей на подготовку качественной музейной аудиодескрипции как для детей, так и для взрослых очень велик.

В этой связи аудиодескрипция как средство приобщения детей к произведениям искусства и культуры, механизм формирования эстетического вкуса и гуманистического мировоззрения далеко не исчерпала своего потенциала. Современная аудиодескрипция – это не только формальное средство передачи информации, это своеобразный способ коммуникативного сопровождения эстетического воспитания незрячих и слабовидящих [3]. В рамках реализуемого исследования фокус внимания авторов сосредоточен на выявлении и описании специфики музейной аудиодескрипции. При этом важно, что в результате статистических исследований, опросов взрослых и детей потребность в музейной аудиодескрипции высказывают чаще всего дети (70% респондентов).

Музейная аудиодескрипция в данном случае выступает как когнитивный инструмент освоения окружающего мира. А когнитивные функции эстетики становятся предметом творческого переосмысления реальности, расширения ее горизонтов. При этом эстетическое переживание слепого или слабовидящего человека при восприятии музейной аудиодескрипции становится не только ментальным, но и концептуальным явлением. Чувственное восприятие предмета, не подкрепленное эстетическим опытом, не осмысленное человеком, не сможет обеспечить полноценное видение явления, его формы, смысла и назначения. В данном случае музейная аудиодескрипция способна выполнить роль своеобразного посредника между простым процессом восприятия предмета искусства и эстетическим его осмыслением, имеющим бесспорный воспитательный эффект на личность ребенка.

В этой связи очень важно понимать, что музейная аудиодескрипция выступает как своеобразный симбиоз сразу нескольких составляющих процесса становления личности незрячего или слабовидящего ребенка.

Первая и самая важная функция здесь – это информирование, т.е. умение аудиодескриптора в очень ла-

коничном тексте донести важнейшее содержание, формирующее образы, достаточное для того, чтобы позволить незрячему или слабовидящему составить представление о предмете. Вторая не менее важная составляющая – это обучение, т.е. формирование важнейшего умения и навыка анализа получаемой информации, умение обобщать и систематизировать полученные знания. Еще одним компонентом является развитие творческого осмысления полученной информации, оживление эстетики невидимого, формирование собственного мировосприятия незрячего или слабовидящего. Четвертый компонент – общение – наиболее значим, прежде всего, при подготовленной прямой и при «горячей» аудиодескрипции, которые подразумевают непосредственную коммуникацию аудиодескриптора и незрячего или слабовидящего. Наконец, еще один фактор, который невозможно не учитывать в ходе эстетического воспитания незрячего или слабовидящего, – отдых. Нельзя забывать, что посещение музея – это все же особая, но форма организации отдыха, и то, что дети получают в результате такой организации свободного времени, не может не оказывать влияния на их эстетическое воспитание.

Сложное соединение перечисленных функций музейной аудиодескрипции позволяет говорить о широком спектре возможных воспитательных эффектов в практике формирования как инклюзивной среды современного музея, так и формирования инклюзивной культуры молодежи. Творческое осмысление возможностей современной музейной аудиодескрипции открывает новые перспективы, в том числе в музейной педагогике в целом [4]. Эстетическое воспитание в сочетании с когнитивным развитием способно улучшать интерпретационные способности людей с ограниченными возможностями по зрению.

При этом важно понимать сам феномен музейной аудиодескрипции как явление сложного межсемиотического перевода. В данном случае передача визуального контекста вербальными средствами далеко не исчерпывает всего потенциала музейной аудиодескрипции. Глубинный ее пласт – это передача культурного наследия, его трансляция через текстовую основу. Исходный контекст оказывается гораздо шире визуальных элементов музейных экспозиций. В данной статье мы сосредоточим внимание в первую очередь на музейной аудиодескрипции статичных музейных экспонатов (прежде всего картин и скульптур). Однако специфика исследуемого вида аудиодескрипции состоит в том, что помимо статичного предмета в контекст аудиодескрипции описываемого типа входит и социокультурная среда, его окружающая, и даже в некоторой степени тот эффект воздействия аудиодескрипции на незрячего или слабовидящего, на достижение которого ориентирована аудиодескрипция. Ведь современной музей превращается в полифункциональное пространство, характеризующееся динамичной сложностью, гибридность и многообразием целевых установок воздействия на посетителя. При этом музейная аудиодескрипция как особое средство диалога между гово-

рящим и слушающим является оптимальным средством коммуникации, не имеющим ограничений в части сочетания с другими средствами сенсорного доступа (возможность самостоятельного тактильного исследования, использования увеличенного текста, использования подписей к экспонатам, напечатанных шрифтом Брайля).

К числу наиболее значимых характеристик музейной аудиодескрипции относятся следующие: информативность и яркость на фоне лаконичности, краткости и четкости, неоправданное использование сложных терминов, затрудняющих понимание. Текст аудиодескрипции должен быть многофункциональным и точным. Обеспечиваются данные характеристики путем использования широкого спектра средств, в том числе языковых средств, о чем будет сказано далее.

Сложным на сегодняшний день остается вопрос об использовании специальных терминов в тексте музейной аудиодескрипции. В данном случае мнения ученых разделились. На фоне очевидного усложнения семантической структуры текста аудиодескрипции сами незрячие и слабовидящие зачастую не возражают против использования данного типа лексики с целью более глубокого проникновения в проблему описываемого явления. По мнению исследователей, последовательное погружение незрячих и слабовидящих реципиентов музейной аудиодескрипции сначала в описание общей концепции описываемой проблемы, а затем знакомство со специальной терминологией значительно повышают эффективность обучения слушающих и позволяют им формулировать понимание новых подходов к трактовке описываемых явлений. В таком контексте музейная аудиодескрипция становится способом выхода за пределы узкого музейного пространства.

Отметим, что музейная аудиодескрипция в равной степени эффективна и в части характеристики подготовленной аудиодескрипции, и в целом ряде случаев использования неподготовленной («горячей») аудиодескрипции. При этом показатели прямой аудиодескрипции, когда аудиодескриптор лично следит за правильным соотношением образов, представленных в музейном экспонате, и воспринимаемым незрячим или слабовидящим, по нашим наблюдениям, превосходят показатели подготовленной автоматической аудиодескрипции. Соотношение в оценке респондентов составляет 1,5 единицы. Данное положение подталкивает к необходимости постановки вопроса об учете как возрастных, так и гендерных особенностей слушателей. Показатели эффективности подготовленной автоматической аудиодескрипции существенно выше, когда речь идет о восприятии взрослых в отношении киносеансов.

Высокую степень актуальности в отношении музейной аудиодескрипции сохраняет так называемая горячая аудиодескрипция [5]. Однако непосредственный контакт с аудиторией, грамотное владение речью, широкая эрудиция, столь необходимые в этом виде аудиодескрипции, доступны немногочисленному числу опытных аудиодескрипторов. При этом согласимся, что влияние на эстетическое формирование личности незрячих и слабовидящих детей значительно выше при подготовленной прямой и «горячей» аудиодескрипции. Фактор

влияния в формате «человек–человек» по-прежнему не утрачивает своих позиций.

Особый интерес представляют и результаты наблюдений над востребованностью и сложностью восприятия аудиодескрипций различных музейных экспонатов. Статистически предпочтения респондентов можно представить следующим образом:

1) музейная аудиодескрипция статичного предмета-картины, содержащего описательную моносюжетную линию (42%);

2) музейная аудиодескрипция статичного предмета-картины, содержащей полисюжетную линию с несколькими действующими лицами (27%);

3) аудиодескрипция статичного предмета-скульптуры (18%);

4) аудиодескрипция экспонатов интерактивной музейной экспозиции (13%).

Очевидно, что при разности запросов на описание музейных экспонатов изменяется и количество запрашиваемых ракурсов описания: если при аудиодескрипции статичного предмета-картины реализуются три ракурса, то в отношении статичного объемного предмета-скульптуры задействованы уже пять ракурсов и учитываются такие характеристики предмета, как гладкость поверхности, ее температура, объемность и т.д. При этом очевиден запрос слепых и слабовидящих при описании скульптуры на описание не только ее внешнего вида, но и материала, из которого она сделана, способа ее изготовления (вырезана, отлита из какого-то материала, собрана). Ключевое значение в характеристике таких экспонатов имеют материалы, обладающие особым запахом (например, кожа), вес, приятные или неприятные тактильные ощущения (эмоции, испытываемые при тактильном знакомстве с экспонатом могут оказывать влияние на формируемое к нему отношение).

Многообразие типов аудиодескрипции, а также разнообразие типов описываемых музейных экспонатов свидетельствуют о многообразии языковых средств, используемых аудиодескриптором для достижения желаемого эстетического эффекта. Отметим, что информативность музейной аудиодескрипции достигается, прежде всего, за счет высокой лексической насыщенности (72,7%), использования большего количества лексических элементов, нежели грамматических конструкций. При сохранении необходимости соблюдения условий в части лаконичности, четкости и ясности текста аудиодескрипции статистический анализ исследуемых единиц, описывающих статичный предмет-картину, показывает высокую частотность имен существительных, имен прилагательных и глаголов (таблица). В то время как при описании статичных экспонатов-картин с сюжетной линией с двумя и более действующими лицами на первое место по частотности выходят глаголы, далее следуют имена существительные, наречия. Сюжетная составляющая картины, очевидно, требует более напряженного и динамичного описания происходящего. При этом важно обратить внимание на стабильно высокие показатели использования имен числительных в различных типах аудиодескрипции. Имя числительное выполняет своеобразную функцию конкретизатора получаемой информации, оно

вносит те детали описания, которые необходимы незрячему или слабовидящему для создания цельной картины воспринимаемого явления. При этом важно, что нередко аудиодескрипторы избегают точного количественного измерения предметов, особенно если речь идет о таких измерительных параметрах, как ширина, высота и т.д. Во многих случаях наблюдается тенденция к приблизительному описанию с помощью слов *около*, *приблизительно*, *не менее*, *не более* и т.д.

Статистические данные об использовании различных частей речи в разных видах музейной аудиодескрипции

Музейная аудиодескрипция статичного предмета-картины, содержащего описательную моносюжетную линию	Музейная аудиодескрипция статичного предмета-картины, содержащей полисюжетную линию с несколькими действующими лицами
Имя существительное (35%)	Глагол (36%)
Имя прилагательное (24%)	Имя существительное (29%)
Глагол (20%)	Наречие (18%)
Имя числительное (16%)	Имя числительное (17%)

Анализ используемых имен существительных подтверждает нарастающую частотность использования сложных имен существительных по аналогии с тенденцией, наметившейся в современном английском языке в части сопоставления подходов к оформлению музейной аудиодескрипции. Широкое использование однородных имен прилагательных (лексическая плотность 58,8%) во многом способствует повышению информативности текста музейной аудиодескрипции. Однако следует помнить о требовании лаконичности текста [6]. Нагромождение лексических элементов существенно препятствует восприятию текста незрячими или слабовидящими.

Важным инструментом эстетического воздействия становится использование имен прилагательных со значением цвета в аудиодескрипции. Отметим, что при формировании палитры используются не просто имена прилагательные, но единицы, указывающие на оттенки цвета. При этом важно, что на данном этапе могут проявляться вкрапления стилистических приемов, таких как простейшие метафоры или сравнения. При работе с музейной аудиодескрипцией важно учитывать и сложность восприятия цвета людьми, которые потеряли зрение во взрослом возрасте, когда сохраняется память о цвете и оттенке, и получаемая в аудиодескрипции информация соотносится в памяти с существующими образами, и людьми, незрячими с рождения, которые обладают так называемым культурным пониманием цвета. Принципы работы аудиодескриптора с различными категориями будут разными. Характерно, что усложнение описательной канвы повествования позволяет восполнить лакуны в эстетической оценке произведения изобразительного искусства.

Важно отметить, что в подходах к составлению аудиодескрипции музейных экспонатов можно выделить две противоположные точки зрения: одни ученые настаивают на сохранении общих требований к аудиодескрипции как описанию, лаконичному, четкому, в котором отсутствует субъективная оценка и эмоции, а другие ученые утверждают, что «аудиодескрипция для

произведений искусства – описание красоты, это описание напряжений, эстетических ощущений, вызванных соответствующей композицией света, цветов и форм» [7]. И второй подход существенно расширяет возможности эстетического воздействия на незрячего или слабовидящего. Такой подход в большей степени распространен в британском сообществе аудиодескрипторов, исходящих из понимания, что аудиодескрипция не может быть абсолютно объективной. В любом случае это форма авторской интерпретации информации. Другой вопрос состоит в форме констатации информации – это должна быть не прямая оценка, отражающая позицию аудиодескриптора, а достоверное описание увиденного, позволяющее слепому или слабовидящему посетителю музея сделать свой собственный вывод, дать свою оценку происходящего.

Одной из наиболее значимых социально-культурных проблем, с которыми сталкивается условный потребитель музейной аудиодескрипции, но которая имеет существенный социально-культурный фактор воздействия, являются экстралингвистические культурные отсылки, культуремы, связанные с культурой или специфичные для отдельной культуры ссылки; элементы или предметы, которые характерны для одной конкретной культуры, представлены чаще всего визуальными средствами, но по своей природе носят вербальный характер. Интерпретация подобного рода элементов – процесс совместного творческого осмысления увиденного как аудиодескриптором, так и незрячим или слабовидящим. Включение механизмов межкультурной коммуникации, их преломление сквозь призму музейной педагогики – перспективное направление науки. Проведенный анализ показывает, что в семантический спектр таких элементов могут попадать географические отсылки (14%), этнографические (26%) и социально-политические (24%) ссылки, а также культуремы, связанные с традициями той или иной культуры (33%). Формирование межкультурной компетенции средствами музейной аудиодескрипции является одним из наиболее сложных вызовов современной науки о воспитании в целом и музейной педагогике в частности. Методика работы с экстралингвистическими культурными отсылками детально представлена в трудах лингвистов-переводчиков, однако для области музейной педагогики это направление относительно новое, требующее дальнейшей проработки. И использование ресурсов музейной аудиодескрипции как особой формы межсемиотического перевода открывает в этом плане широкие возможности. При этом важно, что существующие в современной практике модели могут быть успешно использованы как в работе с незрячими и слабовидящими (модель описания визуальной информации, генерации текста музейной аудиодескрипции), так и в процессе подготовки аудиодескрипторов (модель обратной инженерии, когда специалистами ведется работа по анализу подготовленных аудиодескрипций, выявлению механизмов их оптимизации, определению тактических установок их использования). По сути каждый из вышеупомянутых типов экстралингвистических культурных отсылок соотносится с отдельной тактикой составления музейной аудиодескрипции. Семантическое и временное пространство

повествования дает возможность аудиодескриптору подробно, в необходимой степени углубляясь в суть указанного явления, представить описание музейного экспоната, сделать необходимые экстралингвистические культурные отсылки, позволяющие уточнить и детализировать получаемую слушателем информацию. В этом состоит одно из преимуществ музейной аудиодескрипции перед театральной аудиодескрипцией, спортивной аудиодескрипцией или процессом комментирования видеofilмов для незрячих и слабовидящих, когда быстрая смена событий, задаваемый темп повествования не всегда позволяют в нужной степени ввести экстралингвистическую культурную ссылку.

По своему функционально-коммуникативному предназначению аудиодескрипция при совершенно четко выявленных и описанных критериях во много сближается с отдельными разновидностями художественной речи, а потому ее воздействие на процесс эстетического воспитания личности остается бесспорным. Эстетическая информация в данном контексте транслируется всеми доступными средствами как лексического состава аудиодескрипции, как было показано ранее, так и особой ритмико-интонационной оформленностью текста [7. С. 46]. Полифункциональность текста аудиодескрипции, направленность его воздействия позволят рассматривать текст не только как информирующий ресурс, но и как ресурс, оказывающий педагогическое воздействие. Обусловленные требованиями к аудиодескрипции характеристики текста (краткость, четкость, понятность) являются максимально эффективным средством передачи информации. Они могут выполнять функцию лексического тренажера при обеспечении языковой подготовки музейных и педагогических сотрудников. И появление данной функции и этого направления в музейной педагогике тем более значимо, что оно подтверждает тезис о позитивной динамике сложных процессов, протекающих в сфере музейной педагогики в части осмысления роли и функции музейной аудиодескрипции [8]. Возникшая исключительно в целях обеспечения интересов и потребностей ограниченной группы людей, музейная аудиодескрипция сегодня становится не только средством обеспечения доступа к произведениям искусства, но и средством повышения языковой компетенции как самих незрячих и слабовидящих, так и аудиодескрипторов, не имеющих ограничений возможностей здоровья по зрению.

Однако процесс подготовки профессиональных аудиодескрипторов требует внимания и совместной серьезной работы методистов, лингвистов и педагогов. Полифункциональность музейной аудиодескрипции позволяет рассматривать данный вид текстовой информации и в качестве обучающего ресурса по иностранным языкам, что возвращает нас к тезису о потенциале музейной аудиодескрипции как средстве формирования межкультурной компетенции.

Еще одним важным трендом развития музейной аудиодескрипции является совместная разработка текстов аудиодескрипции слепыми и слабовидящими людьми и зрячими аудиодескрипторами. Такой подход во многом позволяет оптимизировать деятельность по созданию музейной аудиодескрипции и повысить эффективность вос-

приятия предлагаемой информации незрячими и слабовидящими людьми. Однако это направление работы требует серьезного внимания и в силу большой трудоемкости и неотработанности четких механизмов реализации пока не переходит в разряд массовых практик.

Возможность использования аудиодескрипции не только для незрячих и слабовидящих, но и для посетителей музея, не имеющих ограничений по зрению, но желающих заглянуть за пределы поверхностного знакомства с музейными экспонатами, двунаправленный анализ особенностей восприятия текста музейной аудиодескрипции способны усилить эффект ее разработки и использования в целях создания инклюзивной среды современного музея.

Использование аудиодескрипции в практике музейной педагогики в полной мере отвечает одной из важнейших задач последней – исследование сущности, закономерностей и методов музейной коммуникации, способствующих развитию и становлению личности в ходе общения с культурными ценностями.

В данном случае музейное пространство трансформируется не только в некоторое условное хранилище культурных ценностей, но и приобретает совершенно иной динамичный образовательно-воспитательный контекст. Пространство музея перерастает в пространство эстетического и духовно-нравственного развития личности ребенка, тем более ребенка с ограничениями по зрению.

Список источников

1. Blindness and vision impairment // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/blindness-and-visual-impairment>
2. Конституция Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
3. Каткова И.А. Доступная среда в археологическом музее-заповеднике: культурно-просветительская программа «Прикоснись к древности» для слепых и слабовидящих посетителей // Херсонесский сборник. 2021. С. 349–354.
4. Моргачева Е.Н. Тифлокомментирование как современная форма включения лиц с нарушениями зрения в социокультурное пространство // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-4. С. 14–17.
5. Абрамова П.В., Побожак А.А. Адаптация культурно-образовательной деятельности музея для незрячих и слабовидящих посетителей // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 4 (57). С. 6–12.
6. Стандарты создания аудиодескрипции и субтитров. URL: <https://center1.by/standarty-sozdaniya-audiodeskriptsii-i-subtitrov/>
7. Зимарин Д.А., Губанова К.А. Темпо-ритмическая организация аудиодескрипции к статичным объектам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2022. № 205. С. 39–48.
8. Гайдукевич Л.М., Борисенко Н.М., Решетникова А.Н. Особенности обеспечения доступности музеев для людей с особыми потребностями: результаты исследования. Минск : БГУ, 2023. 61 с.

References

1. World Health Organization. (n.d.) *Blindness and vision impairment*. [Online] Available from: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/blindness-and-visual-impairment>
2. Pravo.gov.ru. (n.d.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595>
3. Katkova, I.A. (2021) *Dostupnaya sreda v arkhologicheskoy muzee-zapovednike: kulturno-prosvetitel'skaya programma "Prikosnis k drevnosti" dlya slepykh i slabovidyashchikh posetiteley* [An accessible environment in an archaeological museum-reserve: The cultural and educational program "Touch Antiquity" for blind and visually impaired visitors]. *Khersonskiy sbornik*. 2021. pp. 349–354.
4. Morgacheva, E.N. (2020) *Tiflokommentirovaniye kak sovremennaya forma vklucheniya lits s narusheniyami zreniya v sotsiokulturnoye prostranstvo* [Audio description as a modern form of inclusion of visually impaired people in sociocultural space]. *Problemy sovremennoy pedagogicheskoy obrazovaniya*. 68-4. pp. 14–17.
5. Abramova, P.V. & Pobozhakova, A.A. (2023) *Adaptatsiya kulturno-obrazovatel'noy deyatel'nosti muzeya dlya nezryachikh i slabovidyashchikh posetiteley* [Adaptation of cultural and educational activities of the museum for blind and visually impaired visitors]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4 (57). pp. 6–12.
6. Center1.by. (n.d.) *Standarty sozdaniya audiodeskriptsii i subtitrov* [Standards for creating audio description and subtitles]. [Online] Available from: <https://center1.by/standarty-sozdaniya-audiodeskriptsii-i-subtitrov/>
7. Zimarin, D.A. & Gubanova, K.A. (2022). *Tempo-ritmicheskaya organizatsiya audiodeskriptsii k statichnym ob'yektam* [Tempo-rhythmic organization of audio description for static objects]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 205. pp. 39–48.
8. Gaydukevich, L.M., Borisenko, N.M. & Reshetnikova, A.N. (2023) *Osobennosti obespecheniya dostupnosti muzeev dlya lyudey s osobymi potrebnyami: rezultaty issledovaniya* [Features of ensuring museum accessibility for people with special needs: Research results]. Minsk: BSU.

Информация об авторах:

Гончарова Е.Н. – канд. социол. наук, зав. кафедрой туризма и индустрии гостеприимства Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия). E-mail: elena-suschenko@yandex.ru

Гетманская М.Ю. – канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической лингвистики и практики межкультурного общения Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия). E-mail: getmanskaia@pgu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.N. Goncharova, Cand. Sc. (Philology), associate professor, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: elena-suschenko@yandex.ru

M.Yu. Getmanskaya, Cand. Sc. (Philology), associate professor, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: getmanskaia@pgu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2024;
одобрена после рецензирования 12.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 12.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 378: 159.9.07
doi: 10.17223/15617793/509/13

Образовательная депривация – нарушение эпигенеза идентичности студента

Олег Валерьевич Лукьянов¹, Петр Романович Тютюнников²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ lukyanov7@gmail.com

² tyutyunnikovpiere@gmail.com

Аннотация. С целью обоснования гипотезы о пространственной природе образовательной депривации обобщены смыслы и тенденции понимания нарушений эпигенеза идентичности студентов в современных обстоятельствах вуза. Теоретико-методологическим основанием предлагается системно-антропологическая психология. Обоснована и сформулирована гипотеза о степени соответствия самоидентичности (самоощущении студентом самого себя) и аутентичности (обстоятельств образовательной среды).

Ключевые слова: образовательная депривация, эпигенез, самоопределение, идентичность, человеческий потенциал, образовательное пространство

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Для цитирования: Лукьянов О.В., Тютюнников П.Р. Образовательная депривация – нарушение эпигенеза идентичности студента // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 127–132. doi: 10.17223/15617793/509/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/13

Educational deprivation – a violation of the student's identity epigenesis

Oleg V. Lukyanov¹, Pyotr R. Tyutyunnikov²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ lukyanov7@gmail.com

² tyutyunnikovpiere@gmail.com

Abstract. Given the current conditions shaping the educational process – ongoing reforms, methodological shifts, and the system's struggle to redefine its role in contemporary reality – there is a pressing need to reconceptualize key notions, including *educational deprivation*. This phenomenon poses one of the most significant threats to students in today's fluid modernity, characterized by uncertainty, accelerating life rhythms, and the rapid pace of global change. The authors propose a paradigm shift: moving away from framing educational deprivation merely as unmet needs or insufficient access to education, toward understanding it as a disruption in the student's identity epigenesis during their educational trajectory. This disruption leads to a desynchronization of life's various orders and levels, a rupture in the existential continuum, and inauthentic self-actualization, ultimately hindering the realization of human potential. To substantiate this spatial hypothesis, the study synthesizes contemporary interpretations of identity epigenesis disruptions among students in higher education. The theoretical framework draws on systemic-anthropological psychology, which enables the analysis of educational deprivation as an emergent property of the "student-education" system interaction, assessed through the lens of systemic congruence. The authors introduce an original coordinate system mapping this congruence along four dimensions: educational drama (degrees of inevitable deprivation), educational tragedy (discrepancy between expected and actual outcomes), educational absurdity (maximal uncertainty of intentions/expectations), educational fulfillment (optimal clarity of intentions/expectations). A key methodological shift is advocated: abandoning scale-based student assessments in favor of phenomenological and transpective analysis. This approach aims to refine existing hypotheses and construct a working model of educational deprivation, facilitating targeted platform-based solutions. Finally, the study hypothesizes a correlation between self-identity (the student's self-perception) and authenticity (the educational environment's conditions).

Keywords: educational deprivation, epigenesis, self-determination, identity, human potential, educational space

Financial support: The results were obtained as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2020-0040.

For citation: Lukyanov, O.V. & Tyutyunnikov, P.R. (2024) Educational deprivation – a violation of the student's identity epigenesis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 127–132. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/13

Введение

Социальным основанием развития общества является система образования. В нашу эпоху субъекты образования являются не только участниками и элементами системы, но и факторами ее развития. Это делает вопрос о психологии самоопределения одним из основных как в масштабе отдельной личности, так и в масштабе стратегических решений. Перед современным студентом стоит задача не просто выбора специальности и прохождения образовательного пути, выполнения определенных задач и соответствия предъявляемым образовательной программой требованиям, но и задачи самоопределения [1]. Поскольку образовательная система не содержит в себе в достаточной степени интенсивных инициальных практик, студент, пройдя обучение, рискует «не стать настоящим». В гармоническом отношении подразумевается, что вуз – это среда становления, поскольку в ходе нахождения студента в образовательном пространстве он не только приобретает знания, умения, навыки, компетенции, но и насыщается, утверждается его личность, меняются ценностно-смысловые векторы и ориентиры, формируется индивидуальное образовательное пространство – эпигенез идентичности. Этот процесс является сложным как в условиях относительной стабильности, так и, тем более, в период социокультурной турбулентности, «текучей современности» [2], тотальной неопределенности. Имеет место высокий риск возникновения ситуации, когда студент, попадая в вуз, обучается по правилам того мира, который был актуален в момент его поступления, а выходит из университета в совершенно другую реальность, к которой он не был готов: обучали одному, а требуется другое. Инфляция происходит не только с валютой, но и с образованием, и с потенциалом человека. Эти и другие факторы приводят к образовательной депривации. При этом важна ее степень и тенденция развития.

В соответствии с классическим определением, введенным в профессиональный тезаурус психологом Дж. Боули, в отечественной и зарубежной литературе депривация понимается как систематическая невозможность или недостаточность удовлетворения какой-либо потребности [3]. В случае образовательной депривации это может быть вызвано либо рядом внешних факторов, например, нарушением коммуникации с преподавателями, отсутствием доступа к системе образования в целом, либо рядом факторов внутренних, связанных с различными негативными состояниями человека, например, личными проблемами и т.д., а также несоответствием, взаимоусложнением внутренних и внешних факторов. В литературе отмечаются два вида депривации: абсолютная депривация, когда человек в силу некоторых объективных обстоятельств не может получить доступ к удовлетворению потребности, и относительная – восприятие своего положения как более худшего по сравнению с другими, несоответствие ожиданий и реальности [4], например, в случае, когда студент ожидал, что станет востребованным специалистом, а в результате оказывается «на обочине» трудового рынка.

Зарубежные исследователи сосредотачивают внимание на социологической составляющей этого явления и рассматривают его сквозь призму невозможности получения индивидом доступа к получению образования, например по расовому признаку [5], и, следовательно, исследуют депривацию с точки зрения социального неравенства. Современные отечественные исследователи рассматривают образовательную депривацию, с одной стороны, как ситуацию, когда условия, обеспечиваемые учебным заведением, являются неблагоприятными для их личностного развития [6], либо как потенциал, воплощающийся вследствие неэффективной, неуспешной адаптации студента-первокурсника к той новой реальности, в которой он оказался при переходе из школы в вуз [7]. Это включает в себя различные риски, связанные с новой социальной ролью, новыми требованиями, новой средой, как социальной, так и образовательной, иными словами, с полным обновлением жизненных условий и обстоятельств, в которые погружается студент-первокурсник. Также, различными исследователями отмечается сложность, многоаспектность и многофакторность этого явления [8]. При этом исследователи понимают образовательную депривацию как разновидность психической депривации, осознаваемой студентом [9]. Тем не менее природа образовательной депривации обнаруживается преимущественно в невыполнении вузом своих обязательств по обеспечению эффективного и конструктивного, созидательного образовательного процесса [10], а также в силу обстоятельств, невозможности или недостаточности удовлетворения студентами не только своих образовательных, но и прочих потребностей. Иными словами, образовательная депривация рассматривается не как следствие ряда внутриличностных процессов, например, переосмысления своей образовательной траектории, корректировка вектора самоопределения и т.д., в центре которых находится личность самого студента, а как следствие «негативного» влияния со стороны вуза и других внешних «сил». Таким образом, студент словно лишается субъектности и рассматривается скорее как объект воздействия. Вопрос о том, как именно студент на фоне влияния различных переменных осознает, переживает и преобразовывает или не преобразовывает ситуацию депривации, упущен.

Несмотря на психологические «корни», вышеозвученные подходы к пониманию образовательной депривации в большей степени ориентированы на исследование и решение задач в области педагогики и социологии, например, решение задач, связанных с социальным неравенством или тем, насколько эффективно университет справляется с задачей обеспечения таких условий погружения студентом в образовательное пространство, которые позволили бы ему относительно быстро адаптироваться к новой реальности, в которой он оказался. Таким образом, психологические задачи остаются нераскрытыми, неуточненными, и большой пласт психологической реальности находится в онтологической «тени». Очевидно, что одних результатов различных методик, опросников, тестов, анкет, которые, как правило, используются в качестве

наиболее распространенного исследовательского инструментария для решения круга социологических и педагогических задач, в пространстве психологии недостаточно. Возникает необходимость переосмысления как самого понятия образовательной депривации, так и подходов к его изучению в соответствии с идеалами постнеклассической рациональности, что и принимается нами в данной статье.

Построение концептуальных контуров явления образовательной депривации

Как отмечалось выше, в современной исследовательской литературе при погружении в вопрос образовательной депривации предпочтение преимущественно отдается изучению «внешних» по отношению к человеку «сил» в виде объективного отсутствия доступа к получению высшего образования или же как мер, предпринятых вузом для обеспечения образовательного процесса и адаптации студента-первокурсника к новым условиям, в которых он оказался. Мониторинг ситуации невозможности получения человеком доступа к осуществлению образовательной деятельности, успешности или неуспешности адаптации к новой образовательной среде так или иначе позволяет зафиксировать некоторые, как указано выше, социологические факты, хоть и установленные при помощи «психологического» инструментария в виде различных опросников, тестов, методик.

Для построения концептуальных контуров и расширения горизонта психологической реальности в проблематике образовательной депривации наиболее перспективным, на наш взгляд, является обращение к оптике, предлагаемой системно-антропологической психологией (САП) [11], которая является для нас фундаментальным теоретико-методологическим ориентиром. Синергетика [12] лежащая в основе САП, позволяет рассматривать процесс образовательной депривации не просто как одну из потенциальных ситуаций, в которой может обнаружить себя студент, но как эмерджентное свойство, возникающее в ходе взаимодействия между системами-субъектами образовательного процесса. Понимание человека как открытой самоорганизующейся системы и целостное его рассмотрение во всем многообразии и сложности бытия и форм жизнеосуществления, дает возможность обращения к процессу преобразования им своих жизненных пространств и их конструирования, в том числе конструирования индивидуального образовательного пространства [13]. В свете этого, как постулируется в САП, становится невозможной адекватная и релевантная репрезентация этих процессов при их переносе в плоскость шкал, без потери «качества» исследования человека как преобразователя пространства жизни, дирижера, пытающегося создать гармоничную симфонию различных уровней и порядков своего бытия. Шкалы сквозь призму данной оптики выступают в качестве «осколков» реальности, из суммы которых не получится воссоздать реального человека. Соответственно, и образовательную депривацию в качестве части обра-

зовательного пути студента, на наш взгляд, необходимо понимать как явление большего порядка: это и состояние, и процесс, которые могут возникнуть не только в начале обучения, но и на всем протяжении образовательного пути, и исследование этого явления требует выхода на системный уровень его рассмотрения. Это заключается в переходе от «статичного» понимания образовательной депривации к понимаю, учитывающему изменчивый, динамичный характер образовательной депривации, ее трансформацию, видоизменение в зависимости от того образовательного этапа, через который проходит студент. Если в начале обучения это могут быть вопросы, связанные с осмыслением себя в новом пространстве и с попыткой определения соответствующих векторов и ориентиров, траектории своего развития, то дальнейшее продвижение по этой траектории, с одной стороны, может приводить к возникновению новых вызовов, а с другой стороны, к смене самой траектории. Таким образом, образовательная депривация – тенденциональное явление в системе координат становления студента в образовательном пространстве, которое необходимо рассматривать с опорой и погружением в современные образовательные контексты и смыслы.

Для определения этих контекстов и смыслов важно отметить императивы, которыми окружено современное образование. В качестве таких императивов отмечаются императивы самоопределения [14], расположенные в трех модусах социальной организации образования: индустриализации, глобализации и технологического перехода. Хаос и неоднородность этих императивов приводят к неопределенности самого образовательного процесса. В нашей работе мы хотели бы сделать акцент на императивах последнего модуса социальной организации – технологического перехода, где на первый план выходит система испытаний и инициаций, а одним из важных параметров потенциала человека выступает автономность, способность к самоуправлению, самоорганизации при решении задач. Немаловажным становится вопрос аутентичности, соответствия взаимодействующих систем друг другу: в данном случае в качестве таких систем выступает сам студент и та образовательная среда, в которую он погружен. При смещении исследовательского взгляда в сторону житнетворческой, созидательной позиции студента на первый план выходит ситуация взятия или невзятия на себя ответственности за собственное становление, самоопределение студентом. Иными словами, складывается ситуация выбора тенденции развития: занять либо пассивную позицию вовлеченности в систему, либо активную, предполагающую преобразование и конструирование индивидуального образовательного пространства с учетом окружающих студента условий и обстоятельств, жизнь в собственной образовательной системе. Изменяется и само понимание образовательной депривации – отходя от ситуации невозможности или недостаточной удовлетворенности образовательных потребностей, мы предлагаем понимание образовательной депривации как ситуации нарушения эпигенеза идентичности студента при прохож-

дении образовательного пути. Образовательная депривация приводит к рассинхронизации различных порядков и уровней жизни человека, к разрыву экзистенциального континуума и неаутентичному становлению в собственном бытии, невозможности реализовать свой человеческий потенциал. Ключевым элементом в ситуации образовательной депривации становится сам студент, а не внешние по отношению к нему силы и то, как, будучи окруженным депривирующими условиями, студент становится способным или не способным к конструированию индивидуального образовательного пространства. Кто бы ни был виноват в образовательных рисках или дефицитах, ответственным все равно является студент.

Исходя из вышесказанного, в качестве «ведущих» контекстов-векторов нами предлагается несколько взаимодействующих процессов. Речь идет об эпигенезе идентичности и реализации человеческого потенциала (собственного достоинства) [15], где образовательный путь понимается не как пассивное «впитывание» студентом установок, идей, ценностей, знаний, транслируемых актуальной образовательной средой, а как процесс преобразования своего жизненного мира, построение индивидуального образовательного пространства [16], переход от поливариативного будущего к моновариативному настоящему [17]. Важно отметить, что образовательная депривация может как осознаваться, так и не осознаваться студентом – одно из исходных положений нашего исследования состоит в том, что образовательная депривация может возникать и в той ситуации, когда, казалось бы, все «внешние маркеры» свидетельствуют об «успехе», показывают хороший результат. Учебный процесс, по внешним показателям, эффективен, но самого образования при этом не случается – студент не меняется, перехода на новый уровень самоорганизации, самоопределения не происходит, потенциал упускается, возможности уходят. На наш взгляд, в свете современных условий, о которых мы говорили в начале данной работы, наибольшая опасность заключается в том, что студент, будучи уверен, что движется в нужном направлении, вдруг обнаруживает себя неактуальным, невостребованным, что грозит возникновением состояния «уже поздно»: поздно что-то менять, занимать активную позицию и т.д. Тем не менее, как отмечалось выше, образовательная депривация – тенденциональное явление, возникающее как эмерджентное свойство в процессе взаимодействия студента с образовательной системой, частью которой он является. Следовательно, для погружения в вопрос возникновения и специфики протекания образовательной депривации необходим учет данного взаимодействия. Для этого, в соответствии с современными подходами в области образования, которые опираются на идеалы постнеклассической рациональности, погружение в актуальные проблемы указанной области стоит рассматривать в плоскости поиска платформенных решений [18]. Иными словами, необходимо сосредоточение внимания на среде, в которой происходит взаимодействие изучаемых систем, и, следовательно, поиски решений в контексте работы со средой, а также

в контексте соответствия взаимодействующих систем друг другу.

Исходя из вышесказанного, нами предлагается рассмотрение образовательной депривации в плоскости, состоящей из четырех координат:

- полюс «образовательного счастья» (проявляется в оптимальной определенности намерений и ожиданий).
- полюс «образовательного абсурда» (проявляется в максимальной неопределенности намерений и ожиданий);
- порядок «образовательной трагедии» (степени проявления несоответствия ожидаемого и действительного);
- порядок «образовательной драмы» (степени проявления неизбежности депривации).

Данная система координат отражает степень соответствия между системами «студент–образование». Образовательная драма, как наиболее часто встречающееся явление, включает в себе ситуацию, когда образовательная среда предоставляет все возможности для самореализации, становления студента, но он, в силу тех или иных обстоятельств, не прибегает к ним, не пытается воспользоваться ими. Это ситуация, когда актуальная образовательная система готова к более масштабному, глобальному, глубокому и качественному взаимодействию, нежели студент. Образовательная трагедия представляет собой обратную ситуацию, когда потенциал студента (степень реалистичности потенциала требует уточнения) больше, чем может помочь ему реализовать образовательная система, когда, например, студент заинтересован в более глубоком погружении в ту или иную деятельность, нежели преподаватели. Образовательный абсурд представляет собой состояние, когда и студент, и образовательная система не соответствуют друг другу: различаются ценности, желания, мотивы, не заинтересован в том, что может предложить образование, а образовательная система не заинтересована в студенте – эффективного взаимодействия сложиться не может, а оно тем не менее есть. Образовательное счастье – это когда взаимодействие между студентом и образовательной системой приводит к возникновению чего-то качественно нового, когда результат имеет место не только на основании внешних маркеров, но и в действительности. Представленная система координат призвана помочь при погружении в вопрос поиска платформенных решений.

Исходя из того основания, что образование – это не только рост, но и развитие, не только путь, но и судьба, состоящие из циклов и «взрывов» [19], психологически значимыми являются «точки бифуркации» и тенденции развития. Опора на системно-антропологический подход предполагает разработку и уточнение пространственных моделей образовательной депривации. Предполагаем, что в эмпирическом исследовании будут использованы феноменологический метод [20] и авторский вариант трассективного анализа [21].

Заключение

В данной работе нами было произведено теоретико-методологическое переосмысление явления образова-

тельной депривации. Очевидно, что сложность и неоднородность данного явления не позволяют охватить все его аспекты. Тем не менее, на наш взгляд, ключевая актуальная задача состоит в поиске таких подходов, которые могли бы помочь в построении рабочей модели образовательной депривации с учетом ее изменчивости, динамичности и тенденциональности. Это обусловлено актуальностью императивов технологического перехода – одного из модусов социальной организации образования. Современные исследования ориентированы преимущественно на фиксацию некоторых, в первую очередь социологических фактов, что включает в себе использование различных опросников, шкал, методик, которые, будучи «осколками» реальности, не позволяют воссоздать из их суммы целостного человека и фиксируют лишь некоторые статичные состояния – результаты, которые в условиях текущей современности рискуют стать неактуальными еще на этапе их обработки. Эта ситуация рискует обернуться осуществлением «историографии», установлением исторических фактов, которые не смогли найти себе применения в актуальный момент времени.

Наиболее перспективным с этой точки зрения является обращение к теоретико-методологической базе системно-антропологической психологии, которая, будучи продолжением постнеклассической мысли, позволяет рассмотреть образовательную депривацию как порождение взаимодействия систем «студент–образование», разработать и уточнить новые исследовательские гипотезы, а также построить рабочую модель образовательной депривации. Учет контекстов-векторов в виде эпигенеза идентичности, реализации человеческого потенциала и построения индивидуального образовательного пространства позволяет отойти от понимания образовательной депривации как невозможности или недостаточности удовлетворения соответствующих потребностей в сторону понимания образовательной депривации как ситуации нарушения эпигенеза идентичности студента при прохождении образовательного пути, которая приводит к рассинхронизации различных порядков и уровней жизни человека, к разрыву экзистенциального континуума и неаутентичному становлению в собственном бытии, невозможности реализовать студентом свой человеческий потенциал.

Список источников

1. Рочняк А.В., Чернышев Д.А. «Самоопределение» как понятие в современной педагогической науке // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 1(76). С. 57–63.
2. Василькова В.В. «Текущая современность»: базовые параметры неопределенности // Мир человека: неопределенность как вызов. М. : Ленанд, 2019. С. 146–158.
3. Chihaia G.N. The Enforcement of Educational Measures Without Deprivation of Liberty. Difficulties Encountered in Practice // Challenges of the Knowledge Society. 2015. № 13.
4. Раянова Э.Т. Педагогические условия предупреждения образовательной депривации в процессе профессиональной подготовки в высших учебных заведениях // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2015. № 12 (130). С. 168–173.
5. Khalid U., Zaidi A., Cheang A., Horvath S., Szabo L., Ilham M.A., Stephens M.R. 'Educational' Deprivation is Associated with PD Peritonitis // Peritoneal Dialysis International. 2018. Vol. 38, № 4. P. 251–256.
6. Раянова Э.Т. Объективные и субъективные депривирующие факторы: влияние на образовательный процесс в вузе // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2017. № 1 (143). С. 170–172.
7. Степанова М.Н. Предупреждение образовательной депривации в процессе преподавания культурологических дисциплин в вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8, № 27. С. 136–140.
8. Крылова А.В., Дубовицкая Т.Д. Депривация у студентов-первокурсников в условиях смены культурно-образовательной среды // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 8, № 2. С. 121–129.
9. Бережнова Л.Н. Понимание образовательной депривации – специфика педагогического образования в современности // Специфика педагогического образования в регионах России. 2020. № 1 (13). С. 8–9.
10. Скибо Т.Ю. Гуманизация образовательной среды военного вуза как фактор преодоления образовательной депривации // От истоков идей Новой педагогики к феноменологии современной гуманизации педагогической теории и практики : материалы Всерос. пед. чтений, посвящ. памяти проф. С.В. Кульневича и В.И. Лещинского, Воронеж, 18 октября 2019 г. / науч. ред. М.В. Шакурова. Воронеж : Науч. книга, 2019. С. 228–232.
11. Клочко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукьянов О.В. Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20.
12. Буданов В.Г. Постнеклассические основы управления будущим // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2014. Т. 1, № 1. С. 72–78.
13. Баланев Д.Ю., Щеглова Э.А., Бредун Е.В., Тютюнников П.Р. Статистическая реконструкция психологических тенденций проявления набора факторов как проекций онтологической сущности теоретического конструкта // СибСкрипт. 2023. Т. 25, № 5 (99). С. 595–605. doi: 10.21603/sibscript-2023-25-5-595-605
14. Лукьянов О.В., Дубинина И.А., Федоров И.В. О моделировании современных систем профессионализации и самоопределения в высшем образовании // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 167–177. doi: 10.17223/17267080/86/10
15. Лукьянов О.В. Экзистенциалы цифровой эпохи. Гипотезы об обновлении психологических измерений // Сибирский педагогический журнал. 2022. № 6. С. 118–127. doi: 10.15293/1813-4718.2206.11
16. Бредун Е.В., Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Темпоральные предикторы индивидуального когнитивного образовательного пространства // Перспективы развития высшей школы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Тюмень, 21 мая 2022 г. / отв. ред. Л.К. Иляшенко. Т. 1. Тюмень : Тюмен. индустр. ун-т, 2022. С. 284–287.
17. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск : Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
18. Лукьянов О.В. Психологические основания платформ формирования метанавыков // Психологическое здоровье человека: жизненный ресурс и жизненный потенциал : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Красноярск, 25–26 ноября 2021 года / ред. И.О. Логинова, В.Б. Чупина, Л.С. Гавриленко [и др.]. Красноярск : Версо, 2022. С. 174–181.
19. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2000. 704 с.
20. Лукьянов О.В. Феноменологическая психология. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 80 с.
21. Екинцев В.И. Применение трансспективного анализа для исследования коммуникации человека // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2010. № 5 (34). С. 200–206.

References

1. Rochnyak, A.V. & Chernyshev, D.A. (2022) "Samoopredeleniye" kak ponyatiye v sovremennoy pedagogicheskoy nauke ["Self-determination" as a concept in modern pedagogical science]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 1 (76). pp. 57–63.
2. Vasil'kova, V.V. (2019) "Technaya sovremennost'": bazovyye parametry neopredelennosti ["Liquid modernity": Basic parameters of uncertainty]. In: *Mir cheloveka: neopredelennost' kak vyzov* [The Human World: Uncertainty as a Challenge]. Moscow: Lenand. pp. 146–158.
3. Chihai, G.N. (2015) The Enforcement of Educational Measures Without Deprivation of Liberty. Difficulties Encountered in Practice. *Challenges of the Knowledge Society*. 13.
4. Rayanova, E.T. (2015) Pedagogicheskiye usloviya preduprezhdeniya obrazovatel'noy deprivatsii v protsesse professional'noy podgotovki v vysshikh uchebnykh zavedeniyyakh [Pedagogical conditions for preventing educational deprivation in the process of professional training in higher educational institutions]. *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 12 (130). pp. 168–173.
5. Khalid, U. et al. (2018) 'Educational' Deprivation is Associated with PD Peritonitis. *Peritoneal Dialysis International*. 38 (4). pp. 251–256.
6. Rayanova, E.T. (2017) Ob'yektivnyye i sub'yektivnyye depriviruyushchiye faktory: vliyaniye na obrazovatel'nyy protsess v vuze [Objective and subjective depriving factors: Influence on the educational process in higher education]. *Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*. 1 (143). pp. 170–172.
7. Stepanova, M.N. (2007) Preduprezhdeniye obrazovatel'noy deprivatsii v protsesse prepodavaniya kul'turologicheskikh distsiplin v vuze [Preventing educational deprivation in the process of teaching cultural studies in higher education]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 8 (27). pp. 136–140.
8. Krylova, A.V. & Dubovitskaya, T.D. (2011) Deprivatsiya u studentov-pervokursnikov v usloviyakh smeny kul'turno-obrazovatel'noy sredy [Deprivation among first-year students in the context of changing cultural and educational environments]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 8 (2). pp. 121–129.
9. Berezhnova, L.N. (2020) Ponimaniye obrazovatel'noy deprivatsii – spetsifika pedagogicheskogo obrazovaniya v sovremennosti [Understanding educational deprivation – The specifics of pedagogical education today]. *Spetsifika pedagogicheskogo obrazovaniya v regionakh Rossii*. 1 (13). pp. 8–9.
10. Skibo, T.Yu. (2019) Gumanizatsiya obrazovatel'noy sredy voyennogo vuza kak faktor preodoleniya obrazovatel'noy deprivatsii [Humanization of the educational environment in a military university as a factor in overcoming educational deprivation]. In: Shakurova, M.V. (ed.) *Ot istokov idey Novoy pedagogiki k fenomenologii sovremennoy humanizatsii pedagogicheskoy teorii i praktiki* [From the origins of New Pedagogy ideas to the phenomenology of modern humanization of pedagogical theory and practice]. Voronezh: Nauchnaya kniga. pp. 228–232.
11. Klochko, V.E., Galazhinskiy, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Luk'yanov, O.V. (2015) Systemic anthropological psychology: Conceptual apparatus. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 56. pp. 9–20. (In Russian).
12. Budanov, V.G. (2014) Postneklassicheskiye osnovy upravleniya budushchim [Post-non-classical foundations of future management]. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya: Sotsiologiya i upravleniye*. 1 (1). pp. 72–78.
13. Balanev, D.Yu., Shcheglova, E.A., Bredun, E.V. & Tyutyunnikov, P.R. (2023) Statistical reconstruction of psychological trends in the manifestation of a set of factors as projections of the ontological essence of a theoretical construct. *SibSkript*. 25:5 (99). pp. 595–605. (In Russian). doi: 10.21603/sibscript-2023-25-5-595-605
14. Luk'yanov, O.V., Dubinina, I.A. & Fedorov, I.V. (2022) Concerning Modeling of Modern Professionalization and Self-Identification Systems in Higher Education. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 86. pp. 167–177. (In Russian). doi: 10.17223/17267080/86/10
15. Luk'yanov, O.V. (2022) Ekzistentsialnyy tsifrovoy epokhi. Gipotezy ob obnovenii psikhologicheskikh izmereniy [Existentials of the digital age. Hypotheses about the renewal of psychological dimensions]. *Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal*. 6. pp. 118–127. doi: 10.15293/1813-4718.2206.11
16. Bredun, E.V., Krasnoryadtseva, O.M. & Shcheglova, E.A. (2022) Temporal'nyye prediktory individual'nogo kognitivnogo obrazovatel'nogo prostranstva [Temporal predictors of individual cognitive educational space]. In: Ilyashenko, L.K. (ed.) *Perspektivy razvitiya vysshey shkoly* [Prospects for the development of higher education]. Vol. 1. Tyumen: Tyumen Industrial University. pp. 284–287.
17. Klochko, V.E. (2005) *Samooorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedeniye v transpektivnyy analiz)* [Self-organization in psychological systems: Problems of the formation of a person's mental space (introduction to transpective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Luk'yanov, O.V. (2022) [Psychological foundations of platforms for the formation of meta-skills]. *Psikhologicheskoye zdorov'ye cheloveka: zhiznenny resurs i zhiznenny potentsial* [Psychological health of a person: Life resource and life potential]. Conference Proceedings. Krasnoyarsk: Verso. pp. 174–181. (In Russian).
19. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.
20. Luk'yanov, O.V. (2018) *Fenomenologicheskaya psikhologiya* [Phenomenological psychology]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Ekintsev, V.I. (2010) Primeneniye traspektivnogo analiza dlya issledovaniya kommunikatsii cheloveka [Application of transpective analysis for the study of human communication]. *Uchenyye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo*. 5 (34). pp. 200–206.

Информация об авторах:

Лукьянов О.В. – д-р психол. наук, зав. кафедрой психологии личности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lukyanov7@gmail.com

Тютюников П.Р. – ассистент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tyutyunnikovpiere@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Lukyanov, Dr. Sci. (Psychology), Head of the Department of Personality Psychology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lukyanov7@gmail.com

P.R. Tyutyunnikov, teaching assistant, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tyutyunnikovpiere@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.11.2024;
одобрена после рецензирования 11.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 09.11.2024;
approved after reviewing 11.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 378.14.796; 796.011.3
doi: 10.17223/15617793/509/14

Аспекты обучения французскому языку как второму иностранному на базе английского в русле лексико-грамматических аспектов

Галина Александровна Сосунова¹

¹ Университет науки и технологий МИСИС, Москва, Россия, galinarta@mail.ru

Аннотация. Для решения задачи упрощения и сокращения периода освоения лексико-грамматического материала второго иностранного языка предложена эффективная структурированная методика преподавания французского языка как второго иностранного на базе английского. Проведено анкетирование среди студентов двух российских вузов – МИСИС и РАНХиГС. Полученные результаты легли в основу предложенных методических рекомендаций.

Ключевые слова: французский язык как второй иностранный на базе английского, коммуникативная функция, страны-франкофоны африканского континента, методика преподавания, ускорение процесса освоения лексико-грамматического материала

Для цитирования: Сосунова Г.А. Аспекты обучения французскому языку как второму иностранному на базе английского в русле лексико-грамматических аспектов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 133–144. doi: 10.17223/15617793/509/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/14

Aspects of teaching French as a second foreign language based on English

Galina A. Sosunova¹

¹ National University of Science and Technology MISIS, Moscow, Russian Federation, galinarta@mail.ru

Abstract. The spread of the French language on five continents and the ability of 270 million people to speak it testify to its important communicative function. Taking into account the modern intensive development of friendly relations with the countries of the African continent that are part of the Francophone community, knowledge of the French language is becoming an important communicative factor, and learning two foreign languages is interpreted as a competitive advantage. The aim of this study is to determine an effective methodology for teaching French as a second foreign language on the basis of English, since currently education is pronouncedly dominated by English as a first foreign language, and French, in this regard, is studied as a second foreign language on the basis of English, and taking into account the specific experience already acquired by the student in the process of working with the English language. Thus, we are talking about simplifying and shortening the period of mastering the lexical and grammatical material of a second foreign language. To solve this kind of problem, this study proposes a structured methodology containing aspects aimed at developing linguistic competence, including grammatical and lexical factors. In this regard, a survey was conducted among students, in which 61 people from two different universities – MISIS and RANEPA – took part. The results of the survey made it possible to identify students' personal attitude towards the French language, their motivation for studying, their level of knowledge of information about the role and spread of the French language in the world, to note the use or underestimation of the comparative method using the example of lexical and grammatical material as one of the factors for successful teaching of French after English. The results obtained formed the basis for the elaborated methodological recommendations to speed up the process of mastering educational material; the following aspects were proposed: (1) the use of a comparative approach with an emphasis on certain important elements: a more complex article system, the presence of categories of gender and number, the phenomenon of a continuous article, a more developed system of interrogative phrases, word order, including in interrogative sentences, the presence of a gender category for nouns, agreement of the adjective in gender and number with the noun that it defines, a system of pronouns-objects, a more complex system of verb conjugation, the presence individual tense forms that do not fully coincide with the corresponding tense forms of the English language; (2) intensive work with an emphasis on the following factors: concepts borrowed by English from French, denoting certain social phenomena; suffixes of English nouns of French origin; word-formation models that have a generalized lexical-categorical meaning; constructions that have the same structure and lexical components in both languages.

Keywords: French as second foreign language based on English, communicative function, Francophone countries of Africa, teaching methods, accelerating of mastering lexical and grammatical material

For citation: Sosunova, G.A. (2024) Aspects of teaching French as a second foreign language based on English. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 133–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/14

Введение

На современном этапе происходят интенсивные социально-экономические процессы, изменяется политический пейзаж в мире, что непосредственно влияет на статусы языков, языковые ситуации, определенные социальные сферы, в числе которых образовательная деятельность. Изучение иностранных языков в этой связи сегодня рассматривается как важный коммуникативный фактор с приоритетными направлениями. В продвижении французского языка важная роль отводится франкофонии как организации, содействующей образованию, профессиональной подготовке, научным исследованиям. Франкофонию следует рассматривать как объединяющий фактор франкоязычной коммуникации, при этом распространение французского языка на Африканском континенте связано с серией завоевательных войн, проводимых Францией в XVII–XIX вв. и в результате которых она стала одной из крупнейших колониальных держав.

Одновременно с наследием колониального прошлого в африканские страны проникли французский язык и французская культура. В настоящее время новый рынок труда требует определенного обновления содержания обучения французскому языку как эффективному инструменту культуры и коммуникации. Современное интенсивное сотрудничество Российской Федерации со странами Африканского континента выявляет важные факторы и необходимые условия для успешного сотрудничества, в числе приоритетных следует обозначить владение французским языком. В отдельных странах, некогда бывших колониях Франции в Африке, таких как Бенин, Буркина-Фасо, Габон, Гвинея, Гвинея, Демократическая Республика Конго, Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Мадагаскар, Мали, Нигер, Сенегал, Того, французский язык имеет статус официального или государственного. В качестве аргумента необходимости владения французским языком следует рассматривать примеры вакансий специалистов различных профессий для работы в африканских странах. Так, например, требуются: полевой геолог со знанием французского языка (в Африке) [1]; юрист со знанием французского языка (Гвинея, Африка) [1]; переводчик французского языка (Африка, Гвинея) в компании «РУСАЛ» [1]. По выражению В.Г. Гака и Л.А. Мурадовой, «французский язык в Африке сегодня – это гарант успеха в карьере» [2].

В этой связи важным аргументом для изучения французского языка является проведение саммитов Россия – Африка с целью развития дружеских отношений, торгово-экономического сотрудничества со странами Африканского континента, где распространён французский язык. Саммиты Россия – Африка трактуются как ключевые и масштабные события в российско-африканских отношениях, проведение которых направлено на реализацию фундаментально нового уровня взаимовыгодного партнерства в рамках вызовов XXI в. Первый Саммит Россия – Африка прошел

24 октября 2019 г. в г. Сочи, где приняли участие официальные представители всех 54 стран, второй саммит Россия – Африка, экономический и гуманитарный, – в г. Санкт-Петербурге 27–28 июля 2023 г., в нем участвовали представители 49 из 54 стран континента, на высшем уровне были представлены 17 африканских государств. Оба саммита прошли под девизом «За мир, безопасность и развитие». Одним из условий работы на саммите Россия – Африка в качестве волонтеров является владение английским языком на уровне не ниже intermediate; знание других иностранных языков (французский, арабский, португальский) является преимуществом [3]. Как видно, претенденту, владеющему французским языком, работодатель отдаст предпочтение.

В настоящее время в образовании наблюдается ярко выраженное доминирование английского языка в качестве первого иностранного, и французский язык в этой связи изучается как второй иностранный на базе английского, причем с учетом уже приобретенного определенного опыта у обучающегося в процессе работы с английским языком. Речь, таким образом, идет об упрощении периода освоения лексико-грамматического материала второго иностранного языка, о сокращении так называемой алфавитизации [4]. Для решения подобного рода задачи необходима структурированная методика, которая и предлагается в настоящем исследовании с содержанием определенных аспектов, нацеленных на формирование языковой компетенции, включающей грамматический и лексический факторы.

Обзор литературы

Происходящие процессы глобализации выдвигают новые требования к различным социальным факторам, в числе которых образование, изучение иностранных языков, где важная роль, по выражению О.А. Обдаловой и О.В. Одеговой, отводится «межкультурной и межкузыковой коммуникации как новой реальности в контексте глобализации» [5]. Изучение французского языка на современном этапе продолжает быть достаточно актуальным явлением, это объясняется тем фактом, что «французский язык – один из наиболее распространенных мировых языков» [6]. Однако приходится констатировать тот факт, что доля французского как первого уменьшается. Сложившуюся ситуацию анализирует А.В. Шепилова и говорит о том, что «английский язык считается языком международного общения, в мире существует устойчивое представление о том, что он должен изучаться первым», при этом «сегодня, если человек хочет сделать карьеру, он должен знать не два, а несколько иностранных языков. Мультилингва встречается в молодежной среде, это люди, которые нацелены на карьеру и успех, думают о своем будущем, воспринимают знание нескольких иностранных языков как абсолютную необходимость» [4].

А.А. Прохорова придерживается аналогичного мнения, употребляет выражения *мультилингвальное обучение*, говорит о необходимости обучения «будущих представителей технической интеллигенции нескольким иностранным языкам», важности формирования у обучающихся «мультилингвальной коммуникативной компетенции, которая позволит будущим инженерам выступать в качестве субъектов международной профессиональной деятельности» [7. С. 6].

Таким образом, представляется совершенно очевидным важность изучения «как минимум двух иностранных языков» [7], что и предопределило проведение анализа научных публикаций по проблеме обучения французскому языку как второму иностранному на базе английского, в результате которого был выявлен неослабевающий интерес исследователей к данной теме. Т.В. Швецова изучает пути оптимизации обучения грамматике французского языка как второго иностранного в вузе [8], Н.И. Лепешкина рассматривает роль современного французского языка в условиях многоязычия и мультикультурализма [9]. А.А. Авагян и М.Р. Гозалова анализируют особенности изучения французского как второго иностранного языка после английского на примере направлений подготовки «Туризм» и «Гостиничное дело» и отмечают, что «в современном мире для будущей профессиональной деятельности недостаточно владения одним иностранным языком» и что «процесс изучения одного языка на базе второго происходит значительно быстрее» [10]. При этом авторы говорят о том, что «знание второго иностранного языка должно быть достаточно уверенным, чтобы соответствовать базовой коммуникации в профессиональной среде» [10]. А.Б. Бушев видит важную роль французского языка в проникновении в мир франкофонной политологии [11]. Автор полагает, что важную функцию в изучении французского языка выполняют франкофонные социальные сети и в качестве примера приводит ресурс *Francais Authentique*, где аргументированные высказывания убеждают потенциальных пользователей социальных сетей в необходимости изучения французского языка: «Pourquoi apprendre le français lorsqu'on parle anglais? De fait, le français a été la langue de la diplomatie occidentale pendant près de 200 ans. D'après le journal Le Figaro, 25% des élèves britanniques apprennent la langue de Molière» (Зачем учить французский, когда вы говорите по-английски? Фактически французский язык был языком западной дипломатии почти 200 лет. По данным газеты «Фигаро», 25% британских школьников изучают язык Мольера) [12]. Вопросы обучения французскому языку как второму иностранному рассматриваются как на примере высших учебных заведений, так и общеобразовательных [13].

В центре интереса исследователей лежат вопросы особенности распространения французского языка в Африке. Ж. Багана и Е.В. Хапилина анализируют роль французского языка в странах, бывших африканских колониях Франции, и задаются вопросом: «Французский язык в Африке – иностранный язык?» Многие лингвисты отмечают важную роль франкофонии в

условиях глобализации [14], в распространении французского языка на африканском континенте и его современной коммуникативной функции [15]. Е.Л. Куксова, Т.Г. Волошина и Ю.С. Блажевич анализируют особенности функционирования английского и французского языков как обязательного компонента социокультурной среды в современной многоязычной Африке на примере языковой политики и образования [16]. В отчете Международной организации франкоязычных стран «Французский язык в мире» указывается, что «французский язык до сих пор пользуется привилегиями в сфере образования на этом континенте. Из 10% от общего количества носителей французского языка проживают именно в Северной Африке» [17, 18]. Аналогичное мнение высказывают многие исследователи: «большая часть франкоговорящих лиц приходится на страны Магриба: Марокко, Алжир и Тунис» [19]. Употребление французского языка в Северной Африке, а именно в странах Магриба – Марокко, Алжире и Тунисе, анализируют Н.П. Поморцева и Т.Е. Калегина, отмечая, что «использование французского является более распространенным в Северной Африке в различных областях по сравнению с остальной частью континента. Кроме того, очередной доклад Франкофонии [20] подтверждает укрепление позиций французского языка в Тунисе, Марокко и Алжире [21]. Отдельные исследователи анализируют особенности употребления французского языка на примере одной из стран Магриба, Алжира [21]. При этом отмечается, что динамические процессы, происходящие в современном французском языке, часто связанные с входждением во французский язык арабизмов, исследуемых лингвистами в рамках «точек соприкосновения со страной, являющейся донором новой незнакомой лексики» [22]; с этой связи высказываются и определенные точки зрения [23].

Нельзя не отметить интерес исследователей к нормандскому завоеванию, в результате которого произошло проникновение большого количества французской лексики в английский язык. Так, В.А. Горина анализирует влияние нормандского завоевания 1066 г. на лексику английского языка, рассматривая «французские заимствования в английском языке как источник положительного переноса», и отмечает, что «при усвоении франкоязычной лексики наибольшее количество заимствований английский язык сделал именно из французского языка» [24]. Автор выделяет периоды заимствований английским языком французской лексики, обозначает их тематику и области, в которых участие английской знати было наиболее значимым, в том числе управление государством, армия, военный быт, торговля, наука, искусство, религия. В статье приводятся примеры заимствованной французской лексики, функционирующей в современном английском языке. Мнение В.А. Гориной о высоком уровне частотности употребления французской лексики в английском языке разделяет А.Н. Шумакова, уточняя в качестве сферы употребления современную французскую прессу [25]; Ю.А. Семёнова, также отмечает, что «нормандское завоевание отразилось на лексическом составе английского языка» и при этом смело заявляет,

что «мы можем учить кучу английских слов и даже не подозревать, что немалая их часть имеет французское происхождение» [26]. А.Р. Прокопчук также говорит о важной роли нормандского периода, рассматривая вопросы влияния французского языка на английскую систему словообразования: «В результате долгого взаимодействия английского и французского языков в англо-нормандский период английский язык заимствовал большое количество французских аффиксов» [27].

Результаты исследования

Целью данного исследования является определение эффективной методики преподавания французского языка как второго иностранного на базе английского, для чего было проведено анкетирование среди студентов, в котором приняли участие 61 человек из двух российских вузов – МИСИС и РАНХиГС. Анкетирование состояло из двух этапов, и ответы на предложенные вопросы предопределили включение важных аспектов в методику преподавания французского языка как второго иностранного на базе первого, английского, для максимально быстрого ускорения процесса усвоения лексико-грамматического материала.

Вначале обучающимся было предложено ответить на вопрос: «В процессе изучения французского языка в качестве второго иностранного после английского сопоставляете ли вы лексико-грамматические аспекты этих двух языков?», на который 98,1% дали положительный ответ. Таким образом, был зафиксирован принцип компаративности как фактор развития навыков анализа речевых моделей и грамматического оформления лексики в первом иностранном языке, сравнения и выявления адекватных им эквивалентов во втором иностранном языке.

На втором этапе были заданы вопросы о причине выбора французского языка в качестве второго иностранного, роли французского языка в мире, а также о заимствовании английским языком французской лексики, ответы представлены ниже в процентном соотношении. Рассмотрим более подробно ответы на 1-й вопрос, где в качестве основных причин изучения французского языка отмечалась его эстетическая функция:

«нравится французская культура и искусство», «нравится звучание», «он красивый», «нравится, как он звучит, также его культура», «очарованность звучанием языка и культурой с детства», «красивый», «красивая речь, интересный язык, интересные люди». Были и сравнения с другими языками в пользу французского: «данный язык мне понравился больше, чем немецкий или испанский», «французский язык очень красивый по звучанию в отличие от других языков». При этом реже в ответах эстетическая функция сочеталась с прагматической: «доступ в Европу, красота языка», «вижу перспективы, так как на французском говорит достаточно большое количество стран, нравится звучание», «довольно распространенный язык, привлекает эстетически и культурно. Думаю, что знание французского будет полезным для будущей карьеры», «Всегда мечтала изучать французский язык. Считаю его красивым. Он распространённый. И так как я учусь на рекламе, то логично учить французский, поскольку основная реклама у французов. Ещё я планирую стажироваться или работать во Франции», «Мне он всегда нравился. К тому же во Франции много образовательных и карьерных возможностей, связанных с моей специальностью (реклама и пр), поэтому надеюсь в будущем туда поехать на стажировку», «Мне нравится звучание языка и французская культура, нравится общаться с людьми из франкоязычных стран, смотреть медиа на французском языке». Отмечалась необходимость владения французским языком для путешествий: «хочу путешествовать», а также одновременно и для карьеры: «для общения с людьми, путешествий и работы». Реже были обозначены только прагматические причины: «Хочу жить и работать в Швейцарии или в Бельгии». Также отдельные, довольно редкие ответы отражают степень популярности и распространенности французского языка в мире, его функционирования в качестве основы для английского: «потому что он востребованный», «так как на французском говорит достаточно большое количество стран», «французский – основа английского языка, большой процент населения говорит на нем». Были и другие ответы, представленные на рис. 1.

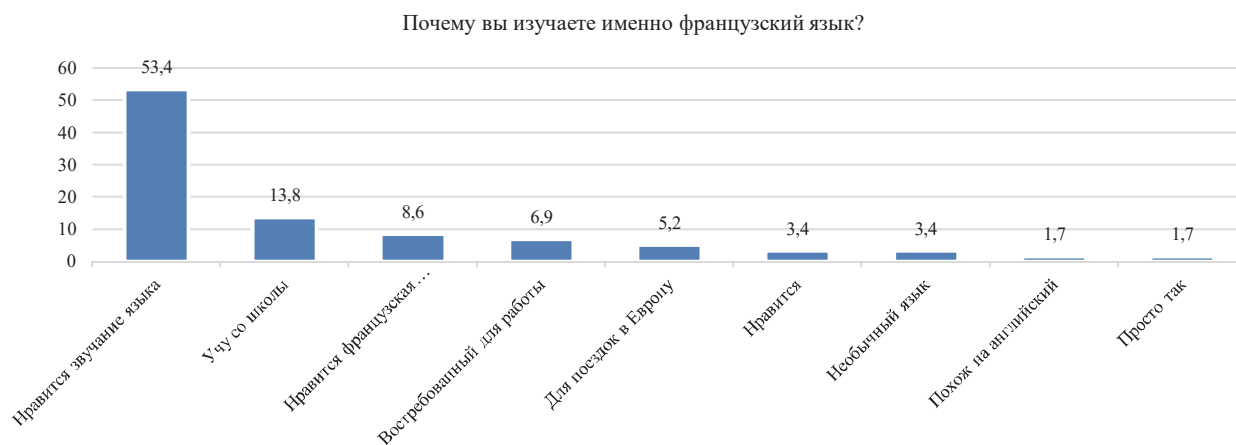

Рис. 1. Примеры основных причин изучения французского языка

На вопрос «Какой иностранный язык вы изучаете в качестве первого?» 96,7% опрошиваемых ответили, что они изучают английский, и только 3,3% – французский, что подтверждает актуальность выбора направления настоящего исследования: рассмотреть особенности обучения французскому языку как второму иностранному на базе английского. Был также задан вопрос: «Достаточно ли в настоящее время владеть только одним иностранным языком?», на который

даны ответы в процентном соотношении: «да» – 26,2%, «нет» – 13,1%; «для успешной карьеры необходимо владение несколькими языками» – 60,7%.

Далее были заданы вопросы о роли французского языка в Африке. Полученные результаты отражены на рис. 2.

Были также вопросы прагматического характера о значимости французского языка в мире, его функции в странах, входящих в состав франкофонного сообщества. Ответы представлены на рис. 3 и 4.

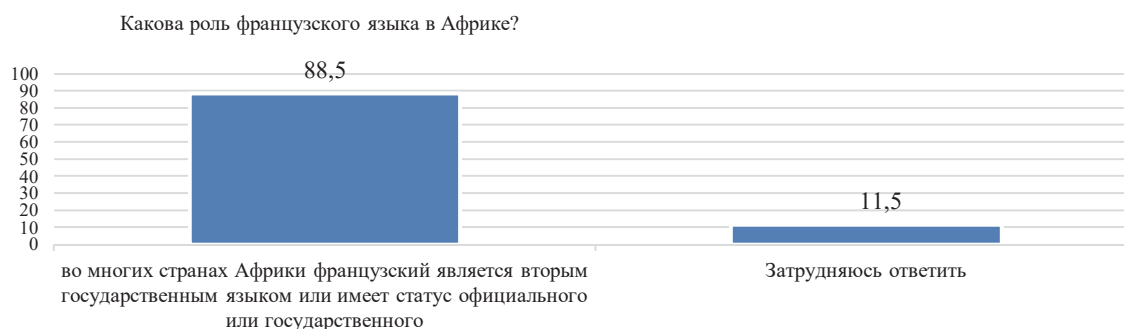

Рис. 2. Роль французского языка на Африканском континенте

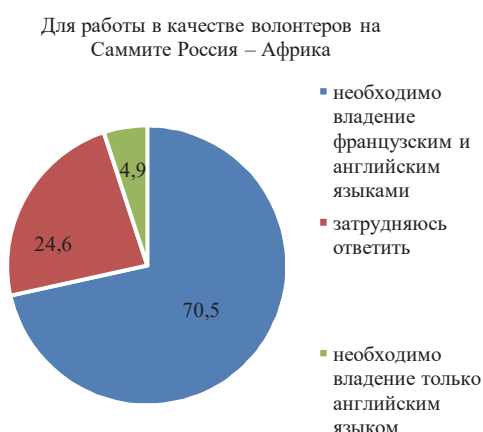

Рис. 3. Владение французским языком в рамках проведения саммитов Россия – Африка

Рис. 4. Функции французского языка во франкоязычных странах на примере Туниса

Официальным языком (языками) таких Международных организаций, как ООН, ЮНЕСКО, НАТО, Европейский союз, Международный олимпийский комитет, Всемирная организация здравоохранения, Международный комитет Красного Креста, Интерпол, Организация экономического со

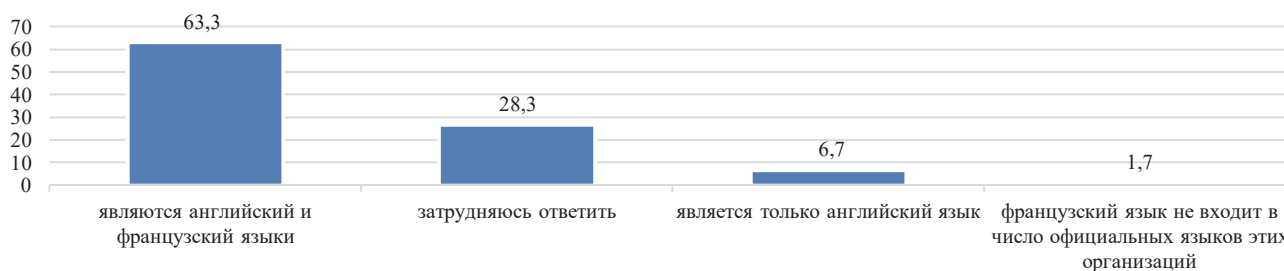

Рис. 5. Статус французского языка как официального для международных организаций

В ходе анкетирования был задан вопрос о французском языке как официальном для многих международных организаций. Полученные результаты приведены на рис. 5.

С учетом того факта, что французский язык в последнее время все чаще изучается как второй иностранный после английского, был задан вопрос о словарном составе современного английского языка и его лексике французского происхождения. Результаты представлены на рис. 6.

Верно ли утверждение: «Мы можем учить английские слова и даже не подозревать, что немалая их часть имеет французское происхождение?»

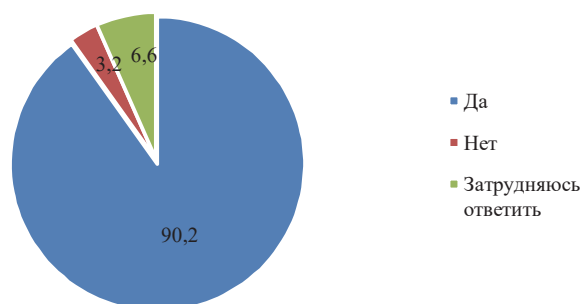

Рис. 6. Вопрос об английских словах, имеющих французское происхождение

Что вам известно о нормандском завоевании Англии?
Повлияло ли оно на развитие английского языка?

Рис. 7. Владение информацией о периоде нормандского завоевания Англии и его влиянии на развитие английского языка

Анкетирование также включало вопрос о личном опыте студентов в использовании сопоставительного метода при изучении французского языка как второго иностранного после английского. Были даны следующие ответы: «не использую, нет такой необходимости» – 4,9%; «обязательно использую, так это ускоряет процесс освоения лексико-грамматического материала» – 13,1%; «очень редко» – 9,8%; «использую при освоении лексики, так как многие слова мне фактически уже известны из английского как первого иностранного языка» – 60,7%; «часто сравниваю отдельные выражения в обоих языках, как, например *prendre part* и *to take part*, и многие другие выражения» – 8,2%; «затрудняюсь ответить» – 3,3%.

Результаты анкетирования, таким образом, позволили выявить личное отношение лиц, изучающих французский язык, к данному предмету, их мотивацию

В ходе анкетирования был выявлен уровень владения информацией опрашиваемых об экстралингвистических причинах заимствований. Более детально полученные результаты приведены на рис. 7.

На вопрос «Помогает ли вам знание английского языка изучать французский язык в качестве второго иностранного?» студенты дали следующие ответы: «нет» – 8,2%; «да, особенно лексический состав» – 54,1%; «да, особенно лексический состав и сравнение грамматических категорий» – 36,1%; «затрудняюсь ответить» – 1,6%.

для изучения, уровень владения информацией о роли и распространении французского языка в мире, а также отметить применение сопоставительного метода на примере лексико-грамматического материала как одного из факторов успешного обучения французскому языку после английского. Полученные результаты легли в основу компаративной методики с целью ускорения процесса освоения учебного материала.

Выводы и обсуждение. Методические аспекты

Проведение обзора литературы и анкетирования среди изучающих французский язык как второй иностранный на базе английского позволили определить методику преподавания французского языка как второго иностранного после английского в русле лексико-грамматических аспектов.

Были также учтены результаты исследований авторов, работающих в данном направлении в области обучения лексике и грамматике [10, 28–30], отмечающих важность «опыта изучения предыдущего иностранного языка, приемов работы, умения переключаться с одной системы языка на другую» [31], анализирующих лексические сходства в английском и французском языках, заявляющих, что «в области грамматики существует ряд аналогий, которые не требуют формирования понятия о явлениях, таких как, например, образование множественного числа существительных с помощью окончания -s, понятие артикля, наличие глагольсвязки перед прилагательным – именной частью составного сказуемого, понятие правильных и неправильных глаголов, образование сложных времен, понятие согласования времен, образование страдательного залога, понятие фиксированного порядка слов в предложении, инверсии [8].

Таким образом, новизна настоящего исследования выражается в использовании принципа компаративности как значимого фактора успешного обучения французскому языку после английского. Очевидно, что при обучении второму иностранному языку не требуется интенсивной работы для формирования у студентов представлений о категориях, отсутствующих в родном языке» [8]. Тем не менее при этом постоянно акцентируется внимание на различия в отдельных грамматических аспектах при изучении французского языка на базе английского, в рамках настоящего исследования рассматриваются в качестве методических рекомендаций следующие факторы:

- более сложная система артикля, наличие у него категорий рода и числа, явление слитного артикля;
- более развитая система вопросительных оборотов;
- порядок слов, в том числе в вопросительных предложениях;
- наличие категории рода у существительных;
- согласование имени прилагательного в роде и числе с именем существительным, которое оно определяет;
- система местоимений-дополнений;
- более сложная система спряжения глаголов;
- наличие отдельных временных форм, не имеющих полного совпадения с соответствующими временными формами английского языка.

С учётом важности перечисленных факторов в настоящем исследовании использование компаративного метода предполагает постоянное акцентирование внимания обучающихся на следующие аспекты:

1. Понятия, обозначающие определённые социальные явления, заимствованные английским языком из французского.
2. Суффиксы английских существительных французского происхождения.
3. Словообразовательные модели, обладающие обобщенным лексико-категориальным значением.
4. Конструкции, имеющие одинаковую структуру и лексические компоненты в обоих языках.

Рассмотрим более подробно перечисленные аспекты, на которые следует акцентировать внимание в процессе работы с французским языком как вторым иностранным после английского.

Заимствование французской лексики восходит к среднеанглийскому периоду развития английского языка, а именно с начала нормандских завоеваний 1066 г. до конца XV в., и продолжался затем в новоанглийский период – с XVII по XX в. В современном английском языке в этой связи функционирует большое количество слов французского происхождения и, таким образом, лица, приступающие к изучению французского языка после английского, совершенно не воспринимают данные слова в качестве новых, неизвестных, даже с учетом потери их французской идентичности, изменения ударения, орфографии, фонетического ударения. Все перечисленные факторы значительно сокращают период освоения учебного материала в целом.

В табл. 1 приведена лексика, заимствованная из французского языка за период с IX по XIX в. и функционирующая в современном английском языке. Одновременно указываются слова, обозначающие те же понятия в современном французском языке, что позволяет увидеть очевидную идентичность слов и, что самое важное, рассматривать данный фактор как методический аспект для ускорения процесса усвоения лексики лицами, начинающими изучать французский как второй иностранный язык после английского. Обучающиеся, таким образом, быстро переключаются с первого иностранного языка на второй, тем самым сокращая период его освоения. Приведенные примеры рассматриваются в рамках различных понятий социальной сферы в табл. 1.

Таблица 1

Виды заимствованной лексики (существительных) английским языком из французского в сравнении с лексикой современного французского языка

Социальная сфера	Лексика современного английского языка	Лексика современного французского языка	Перевод на русский язык
Бытового общения	<i>table, apartment, place, village, boulevard, restaurant, fiancé, coquette, mariage</i>	<i>table, appartement, place, village, boulevard, restaurant, fiancé, coquette, mariage</i>	стол, квартира, место, деревня, бульвар, ресторан, жених, кокетка, брак
Государственно-управленческая	<i>people, nation, parlement, government, communiqué, royal, prince, police</i>	<i>peuple, nation, parlement, gouvernement, communiqué, royal, prince, police</i>	народ, нация, парламент, правительство, коммюнике, королевский, принц, полиция
Судебная	<i>justice, condemn, judge, sentence</i>	<i>justice, condamner, juge, sentence</i>	справедливость (юстиция), осуждать, судья, приговор
Наука, образование	<i>science, scientific, litterature, college</i>	<i>science, scientifique, littérature, collège</i>	наука, ученый, литература, колледж

Социальная сфера	Лексика современного английского языка	Лексика современного французского языка	Перевод на русский язык
Культура и искусство	<i>art, culture, ballet, cinema, theatre, Renaissance</i>	<i>art, culture, ballet, cinéma, théâtre, Renaissance</i>	искусство, культура, балет, кино, театр, Возрождение
Медицинская	<i>doctor, medicine,</i>	<i>docteur, médecine</i>	доктор, медицина
Торговая	<i>merchant, money, profit</i>	<i>marchand, monnaie, profit</i>	торговец, деньги, выгода
Трудовая деятельность	<i>profession, machine</i>	<i>profession, machine</i>	профессия, машина
Религия	<i>prayer, cathedral, saint, religion, chapel</i>	<i>prière, cathédrale, saint, religion, chapelle</i>	молитва, собор, святой, религия, часовня
Военная	<i>army, victory, regiment, division, pilot, equipment, siege, general</i>	<i>armée, victoire, régiment, division, pilote, équipement, siège, général</i>	армия, победа, полк, дивизия, пилот, снаряжение, осада, генерал

Таблица 2

Заемствованные из французского языка и функционирующие в современном английском языке глаголы

Глаголы в современном английском языке	Глаголы в современном французском языке	Перевод на русский язык
<i>to prepare</i>	<i>préparer</i>	готовить
<i>to continue</i>	<i>continuer</i>	продолжать
<i>to arrive</i>	<i>arriver</i>	прибывать
<i>to dance</i>	<i>danser</i>	танцевать
<i>to pass</i>	<i>passer</i>	двигаться
<i>to promenade</i>	<i>se promener</i>	прогуливаться
<i>to accompany</i>	<i>accompagner</i>	сопровождать
<i>to pursue</i>	<i>poursuivre</i>	преследовать

Таблица 3

Неассимилированная заимствованная французская лексика, сохранившая французскую орфографию и произношение и функционирующая в современном английском языке

Английская лексика	Французская лексика	Перевод на русский язык
<i>déjà vu</i>	<i>déjà vu</i>	знакомое, уже виденное
<i>tête-à-tête</i>	<i>tête-à-tête</i>	разговор наедине, с глазу на глаз
<i>a propos</i>	<i>à propos</i>	кстати
<i>vis-à-vis</i>	<i>vis-à-vis</i>	визави, лицом к лицу
<i>coup d'Etat</i>	<i>coup d'Etat</i>	государственный переворот
<i>hors-d'œuvre</i>	<i>hors-d'œuvre</i>	закуска

Таблица 4

Английские существительные с суффиксами французского происхождения

Суффикс	Английская лексика	Французская лексика
-ation	<i>information, participation, population</i>	<i>information, participation, population</i>
-tion	<i>resolution, instruction, solution, station, division</i>	<i>résolution, instruction, solution, station, division</i>
-ssion	<i>expression, passion</i>	<i>expression, passion</i>
-able	<i>desirable, durable</i>	<i>désirable, durable</i>
-ism	<i>capitalism</i>	<i>capitalisme</i>
-ive	<i>fictive, productive</i>	<i>fictive, productive</i>
-ance- (-ence-)	<i>entrance, difference, excellence</i>	<i>entrance, différence, excellence</i>

Таблица 5

Существительные с английским суффиксом -ity (ty) и французским -ité

Существительное с английским суффиксом -ity (ty)	Существительное с французским суффиксом -ité
<i>city</i>	<i>cité</i>
<i>activity</i>	<i>activité</i>
<i>security</i>	<i>sécurité</i>
<i>humanity</i>	<i>humanité</i>
<i>reality</i>	<i>réalité</i>
<i>curiosity</i>	<i>curiosité</i>
<i>variety</i>	<i>variété</i>
Существительное с английским суффиксом -ly	Существительное с французским суффиксом -ment
<i>rapidly</i>	<i>rapidement</i>
<i>actively</i>	<i>activement</i>
<i>courageously</i>	<i>courageusement</i>
<i>attentively</i>	<i>attentivement</i>
<i>relatively</i>	<i>relativement</i>
<i>absolutely</i>	<i>absolument</i>

Таблица 6

Конструкции, имеющие одинаковую структуру и лексические компоненты в обоих языках

Конструкция в английском языке	Конструкция во французском языке	Перевод на русский язык
С глаголом <i>avoir</i> (have)		
<i>avoir + à + inf</i>	<i>to have + to + inf</i>	долженствовать
<i>avoir du courage</i>	<i>to have courage</i>	быть храбрым
<i>avoir de la patience</i>	<i>to have patience</i>	иметь терпение
С глаголом <i>prendre</i> (take)		
<i>prendre des ordres</i>	<i>to take orders</i>	получать приказания
<i>prendre des leçons</i>	<i>to take lessons</i>	брать уроки
<i>prendre conseil</i>	<i>to take advice</i>	посоветоваться с кем-л
<i>prendre le train</i>	<i>to take the train</i>	сесть на поезд
<i>prendre place</i>	<i>to take place</i>	сесть, разместиться
С глаголом <i>être</i> (to be)		
<i>être marié(e)</i>	<i>to be married</i>	быть женатым (замужем)
<i>être divorcé(e)</i>	<i>to be divorced</i>	быть разведенным (-ой)
<i>être sûr(e)</i>	<i>to be sure</i>	быть уверенным (-ой)

Таблица 7

Примеры простых предложений на английском и французском языках

Примеры в английском языке	Примеры во французском языке
<i>I prepare dinner</i>	<i>Je prépare le dîner</i>
<i>The train arrives at the station</i>	<i>Le train arrive à la station</i>
<i>She prepares an interesting project</i>	<i>Elle prépare un projet intéressant</i>
<i>Internet payment system facilitates the acceptance of electronic payment</i>	<i>Le système de paiement sur Internet facilite l'acceptation du paiement électronique</i>
<i>She decides to accept that job</i>	<i>Elle décide d'accepter ce travail (ce job)</i>
<i>She considers the situation</i>	<i>Elle considère la situation</i>
<i>She has difficulty with her uncle</i>	<i>Elle a des difficultés avec son oncle</i>

Таблица 8

Примеры предложений на английском и французском языках

Present perfect – Passé composé	
Пример в английском языке	Пример во французском языке
<i>I have passed the exam</i>	<i>J'ai passé l'examen</i>
<i>You have danced</i>	<i>Tu as dansé</i>
<i>He has decided to go to medical school</i>	<i>Il a décidé d'aller à la faculté de médecine</i>
Past perfect – Plus-que-parfait	
<i>She had worked hard</i>	<i>Elle avait beaucoup travaillé</i>
<i>You had asked me</i>	<i>Tu m'avais demandé</i>
<i>He had eaten</i>	<i>Il avait mangé</i>

Таблица 9

Примеры текстов для анализа

Пример текста на французском языке	Пример текста на английском языке
Depuis sa fondation, cette organisation a pour vocation de venir en aide à toutes les personnes en difficulté. Cette association a pour objectif la défense du droit à l'éducation, de développement de l'éducation. L'organisation a pour objectif de faciliter la réadaptation physique et professionnelle des personnes en situation de handicap.	Since its creation, this organization has aimed to help all people in difficulty. This association aims to defend the right to education, to develop education. The organization aims to facilitate the physical and professional rehabilitation of people with disabilities.

С использованием компаративного метода происходит изучение французской лексики, уже ранее освоенной обучающимися на занятиях английского языка, будучи заимствованной из французского языка. В качестве примера приведем глаголы, вошедшие в английский язык из французского за период с IX по XIX в. Глагол, будучи одной из самых основных частей речи, выполняет важные функции, обозначает состояние, действие, процесс, чувства и представляет интерес для составления методических рекомендаций по успешному обучению французскому языку как второму иностранному после английского. В табл. 2 представлены примеры заимствованных из французского языка глаголов за период с IX по XIX в. и функционирующих в современном английском языке.

Следует также принять во внимание отдельную категорию неассимилированной заимствованной французской лексики, сохранившей французскую орфографию и произношение и функционирующей в современном английском языке. Рассмотрим примеры, представленные в табл. 3.

Другим важным фактором ускорения усвоения французской лексики после изучения английского является наличие суффиксов французского происхождения в английских существительных. Отдельные примеры представлены в табл. 4.

Важную функцию в ускорении процесса усвоения французской лексики выполняют словообразовательные модели в английском и французском языках.

Проведение сравнительного анализа английского суффикса *-ity* (*ty*) и французского *-ité* позволяет отметить идентичность и упростить понимание значения данной лексики. Аналогичная функция свойственна также французскому суффиксу *-ment* и английскому *-ly*. Примеры представлены в табл. 5.

Использование компаративной методики способствует ускорению и упрощению изучения французского языка после английского. Рассмотрим конструкции, имеющие одинаковую структуру и лексические компоненты в обоих языках, представленные в табл. 6.

Таким образом, в основе методики преподавания французского языка как второго иностранного после английского лежат вышеперечисленные факторы, на которые преподаватель акцентирует внимание обучающихся на занятиях. В этом случае методика обучения французскому как второму иностранному после английского отводит важную роль речевому и учебному опыту в английском языке как первом иностранном с учетом индивидуальных способностей и лингвopsихологических параметров обучаемых. Приоритет также отдается взаимодействиям и межъязыковым связям английского и французского языков.

Важную функцию выполняют этапы обучения французскому как второму иностранному после английского, а именно: первый этап предполагает последовательное формирование рецептивно-продуктивных навыков при изучении французского языка на базе английского с использованием компаративного метода, что способствует ускорению процесса освоения лексико-грамматического материала и более быстрому овладению французским языком.

В этой связи предполагается разработка комплексов упражнений для обучения лексике и грамматике французского языка на базе английского. В качестве примера в табл. 7 приведены виды лексических упражнений как простых предложений с применением компаративности как принципа обучения французскому как второму иностранному языку на базе английского.

При разработке грамматических упражнений также используется компаративный метод. В качестве примера в табл. 8 приведём предложения на английском языке с использованием времени *Present perfect* как аналога французского времени *passé composé* и *Past perfect tense* – как аналога *plus-que-parfait* во французском языке [30], где речь идет об «образовании сложных времен» [8].

Последующий этап, согласно методике обучения французскому языку как второму иностранному после английского, включает разработку другого вида заданий также с использованием компаративного метода. Целесообразной представляется работа с идентичными по информации текстами, где обучающимся предлагается просмотровое чтение небольших по объему текстов с проведением их переводческого анализа, причем на этот раз с целью развития навыков сравнения; первичным дается информация на французском как втором иностранном языке, а затем, в качестве опоры, на английском. Подобные примеры приведены в табл. 9.

Заклучение

На современном этапе в условиях новых социальных реалий отмечаются динамические процессы в раз-

личных сферах, в числе которых образовательная. Интенсивное развитие дружеских отношений со странами Африканского континента, входящими в состав франкофонного сообщества, выдвигает новую важную роль французского языка, который в последние десятилетия все больше изучается в качестве второго иностранного после английского, но знание и владение которым в настоящее время трактуются как важный коммуникативный фактор. В этой связи обновление содержания обучения французскому языку становится все более очевидным, возникает необходимость в предложении более эффективной методики преподавания, ее определенной модернизации.

В результате проведенного исследования были обозначены направления совершенствования методики преподавания французского языка как второго иностранного после английского. Важную функцию выполняют аспекты, позволяющие значительно сократить период освоения лексико-грамматического материала:

1. Использование сравнительно-сопоставительного подхода с акцентированием внимания на следующие важные элементы: более сложная система артикля; наличие категорий рода и числа, явления слитного артикля; более развитая система вопросительных оборотов; порядок слов, в том числе в вопросительных предложениях; наличие категории рода у существительных; согласование имени прилагательного в роде и числе с именем существительным, которое оно определяет; система местоимений-дополнений; более сложная система спряжения глаголов; наличие отдельных временных форм, не имеющих полного совпадения с соответствующими временными формами английского языка.

2. Интенсивная работа с акцентированием внимания на следующие факторы: понятия, обозначающие определённые социальные явления, заимствованные английским языком из французского; суффиксы английских существительных французского происхождения; словообразовательные модели, обладающие обобщенным лексико-категориальным значением; конструкции, имеющие одинаковую структуру и лексические компоненты в обоих языках.

3. Использование компаративного метода в методике обучения французскому языку как второму иностранному после английского, включающего определённые этапы. На первом этапе разрабатывается комплекс упражнений в виде простых предложений для обучения лексике и грамматике французского языка с целью формирования и развития навыков анализа речевых моделей и грамматического оформления слов и выражений в первом и втором иностранных языках, проведения сравнения и выявления адекватных эквивалентов. Последующий этап включает работу с текстами, идентичными по информации и небольшими по объему, предлагается их просмотровое чтение с проведением переводческого анализа, при этом первой дается информация на французском как втором иностранном языке, а затем, в качестве опоры, на английском с целью развития навыков сравнения.

Список источников

1. Сайт вакансий. URL: <https://hh.ru/vacancy>
2. Гак В.Г., Мурадова Л.А. Введение во французскую филологию : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2016.
3. Саммит Россия – Африка. URL: <https://etu.ru/ru/vospitatelnaya-i-socialnaya/novosti/stan-volonterom-vtorogo-sammita-rossiya-afrika-i-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-foruma-rossiya-afrika-raf-2023>
4. Щепилова А.В. Второй иностранный. Сокращая «альфabetизацию». URL: <https://iyazyki.prosv.ru/2020/10/inyaz-alphabet/>
5. Обдалова О.А., Одегова О.В. Межкультурная и межязыковая коммуникация как новая реальность в контексте глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 70–81. doi: 10.17223/1998863X/44/7
6. Солнцев Е.М. Французский язык в современном мире (Научно-аналитический обзор) // Языковая ситуация в Европе начала XXI века. 2015. С. 136–145.
7. Прохорова А.А. Методическая система мультилингвального обучения студентов технического вуза) : дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2020. 512 с.
8. Швецова Т.В. Пути оптимизации обучения грамматики французского языка как второго иностранного в вузе // Романо-германская филология. Достижения и перспективы обучения иностранным языкам в новом столетии : материалы всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Г.А. Плюхиной, Н.К. Костиной. Рязань : Рязан. высш. воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище им. генерала армии В.Ф. Маргелова Министерства обороны Российской Федерации, 2019. С. 292–296.
9. Лепешкина Н.И. Современный французский язык в условиях многоязычия и мультикультурализма // Вестник Луганского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (56). С. 24–29.
10. Авагян А.А., Гозалова М.Р. Некоторые аспекты сравнения английского и французского языков при изучении французского как второго иностранного языка студентами направлений подготовки «Туризм» и «Гостиничное дело» // Сервис+. 2018. Т. 12, № 4. С. 104–113. doi: 10.24411/2413-693X-2018-10411
11. Бушев А.Б. Французский язык открывает двери в мир франкофонной политологии // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. № 3. С. 118–129.
12. Français authentique // Apprendre le français pour un anglophone: pourquoi et comment? URL: [tps://www.francaisauthentique.com/](https://www.francaisauthentique.com/)
13. Сосунова Г.А. Работа с учащимися VI–VII классов, изучающими французский язык как второй иностранный // Иностранные языки в школе. 1998. № 3. С. 61–64.
14. Багана Ж., Хапилина Е.В. Французский язык в Африке – иностранный язык? // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Полилингвальность и транскультурные практики. 2008. № 3. С. 30–36.
15. Небезина Е.А. Развитие французского языка в ареале новой романи (на примере Африки) // Романские языки: взаимодействие литературы и культуры народов : материалы Междунар. науч. онлайн-конф., Москва, 23–24 июня 2020 г. / отв. ред. И.В. Скуратов. М., 2020. С. 19–25.
16. Кукусова Е.Л., Волошина Т.Г., Блажевич Ю.С. Английский и французский языки в многоязычной Африке: языковая политика и образование // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. № 2. С. 238–243.
17. Французский язык в мире // Éditions Gallimard. 2022. URL: <https://www.francophonie.org/>
18. La langue française // Rapport de l'Observatoire de la langue française de la Francophonie. Paris : Nathan, 2014. 576 p.
19. Bianchini L. L'usage du français au Maghreb // Constellations francophones. 2007. URL: http://publiforum.farum.it/ezone_articles.php?id=77
20. Поморцева Н.П., Калегина Т.Е. Роль и место французского языка в лингвистическом ландшафте стран Северной Африки (на примере стран Магриба) // Современный мусульманский мир. 2017. № 1 (июль–сентябрь). С. 1–10.
21. Sebaa R. La langue et la culture française dans le plurilinguisme en Algérie // Acte du colloque: Ethique nouvelles technologies. URL: http://www.initiatives.refer.org/Initiatives-2001/_notes/sect603.htm
22. Сластникова Т.В. Вхождение арабских лексических единиц во французский язык // Crede Experto : транспорт, общество, образование, язык : междунар. информационно-аналитический журнал. 2023. № 2 (37).
23. Derradj I. Le français en Algérie: langue emprunteuse et empruntée // Le français en Afrique. 1999. № 13. P. 71–82.
24. Горина В.А. Французские заимствования в английском языке (в контексте овладения французским языком как вторым иностранным) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 3 (832). С. 46–59.
25. Шумакова А.Н. О заимствованиях из английского языка в современной французской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 8 (694). С. 56–73.
26. Семёнова Ю.А. Как нормандское завоевание повлияло на английский язык? // LINGVA. 2023. № 96. URL: <http://lingva.fl.msu.ru/2018/06/englishlanguage/>
27. Прокопчук А.Р. Влияние французского языка на английскую систему словообразования // Colloquium-journal. 2019. № 5 (29). С. 81–83.
28. Гиллеспи Д.Ч., Мурунов С.С., Брыкина И.Е., Алексич Е.В. Анализ семантических характеристик грамматических временных форм английского и французского языков в пространстве будущего времени // Язык и культура. 2020. № 51. С. 6–34. doi: 10.17223/19996195/51/1
29. Павленко Л.Г. Категоризация английских глаголов движения французского происхождения // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 2. С. 183–187.
30. Сухорукова Ю.С. Passé composé versus Present Perfect, Past Indefinite: парадокс двойного соответствия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 3. С. 163–167.
31. Акулова О.М. Французский язык как второй иностранный // La Langue Francaise. 2007. № 9. P. 13–14.

References

1. HH.RU. [Online] Available from: <https://hh.ru/vacancy>
2. Gak, V.G. & Muradova, L.A. (2016) *Vvedeniye vo frantsuzskuyu filologiyu: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Introduction to French philology: Textbook and workshop for academic bachelor's degree]. Moscow: Yurait.
3. Etn.ru. (2023) *Sammit Rossiya – Afrika* [Russia-Africa Summit]. [Online] Available from: <https://etu.ru/ru/vospitatelnaya-i-socialnaya/novosti/stan-volonterom-vtorogo-sammita-rossiya-afrika-i-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-foruma-rossiya-afrika-raf-2023>
4. Shchepilova, A.V. (2020) *Vtoroy inostranny. Sokrashchaya "alfabetizatsiyu"* [The second foreign language. Reducing "alphabetization"]. [Online] Available from: <https://iyazyki.prosv.ru/2020/10/inyaz-alphabet/>
5. Obdalova, O.A. & Odegova, O.V. (2018) Intercultural and interlingual communication as a new reality in the context of globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 70–81. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/44/7
6. Solntsev, Ye.M. (2015) *Frantsuzskiy yazyk v sovremennom mire (Nauchno-analiticheskiy obzor)* [French in the modern world (Analytical review)]. *Yazykovaya situatsiya v Yevrope nachala XXI veka* [The linguistic situation in Europe at the beginning of the 21st century]. S.l.: [s.n.]. pp. 136–145.

7. Prokhorova, A.A. (2020) *Metodicheskaya sistema multilingvalnogo obucheniya studentov tekhnicheskogo vuza* [Methodological system of multilingual teaching for technical university students]. Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
8. Shvetsova, T.V. (2019) [Ways to optimize the teaching of French grammar as a second foreign language at university]. *Romano-germanskaya filologiya. Dostizheniya i perspektivy obucheniya inostrannym yazykam v novom stoletii* [Romance-Germanic philology. Achievements and prospects of foreign language teaching in the new century]. Proceedings of the International Conference. Ryazan: Ryazan Higher Airborne Command School. pp. 292–296. (In Russian).
9. Lepeshkina, N.I. (2021) Sovremennyy frantsuzskiy yazyk v usloviyakh mnogoyazychiya i multikulturalizma [Modern French in the context of multilingualism and multiculturalism]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (56). pp. 24–29.
10. Avagyan, A.A. & Gozalova, M.R. (2018) Some aspects of comparing English and French when learning French as a second foreign language by students in "Tourism" and "Hospitality". *Servis +*. 12 (4). pp. 104–113. (In Russian). doi: 10.24411/2413-693X-2018-10411
11. Bushev, A.B. (2022) Frantsuzskiy yazyk otkryvayet dveri v mir frankofonnoy politologii [French opens doors to the world of Francophone political science]. *Virtualnaya kommunikatsiya i sotsialnyye seti*. 3. pp. 118–129.
12. Français authentique (n.d.) *Apprendre le français pour un anglophone: pourquoi et comment?* [Learning French for an English speaker: Why and how?]. [Online] Available from: <https://www.francaisauthentique.com/>
13. Sosunova, G.A. (1998) Rabota s uchashchimisya VI–VII klassov, izuchayushchimi frantsuzskiy yazyk kak vtoroy inostrannyy [Working with students in grades VI–VII learning French as a second foreign language]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 3. pp. 61–64.
14. Bagana, Zh. & Khapilina, Ye.V. (2008) Frantsuzskiy yazyk v Afrike – inostrannyy yazyk? [Is French in Africa a foreign language?]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost. Polilingvalnost i transkulturnyye praktiki*. 3. pp. 30–36.
15. Shvezhina, Ye.A. (2020) [The development of French in the area of New Romania (the case of Africa)]. *Romanskiye yazyki: vzaimodeystviye literatury i kultury narodov* [Romance languages: Interaction of literature and culture of peoples]. Proceedings of the International Conference Moscow. pp. 19–25. (In Russian).
16. Cuksova, Ye.L., Voloshina, T.G. & Blazhevich, Yu.S. (2020) Angliyskiy i frantsuzskiy yazyki v mnogoyazychnoy Afrike: yazykovaya politika i obrazovaniye [English and French in multilingual Africa: Language policy and education]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*. 2. pp. 238–243.
17. Éditions Gallimard. (2022) *Frantsuzskiy yazyk v mire* [French in the world]. [Online] Available from: <https://www.francophonie.org/>
18. Anon. (2014) La langue française. In: *Rapport de l'Observatoire de la langue française de la Francophonie*. Paris: Nathan.
19. Bianchini, L. (2007) *L'usage du français au Maghreb*. Constellations francophones. [Online] Available from: http://publiforum.farum.it/ezone_articles.php?id=77
20. Pomortseva, N.P. & Kalgina, T.Ye. (2017) Rol i mesto frantsuzskogo yazyka v lingvisticheskom landshafte stran Severnoy Afriki (na primere stran Magriba) [The role and place of French in the linguistic landscape of North African countries (the case of the Maghreb)]. *Sovremennyy musulmanskiy mir*. 1 (July–September). pp. 1–10.
21. Sebaa, R. (n.d.) *La langue et la culture française dans le plurilinguisme en Algérie*, Acte du colloque: Ethique nouvelles technologies. [Online] Available from: http://www.initiatives.refer.org/Initiatives-2001/_notes/sess603.htm
22. Slasnikova, T.V. (2023) Vkhodzheniye arabskikh leksicheskikh yedinit vo frantsuzskiy yazyk [The entry of Arabic lexical units into French]. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovaniye, yazyk*. 2 (37).
23. Derradj, I. (1999) Le français en Algérie: langue emprunteuse et empruntée. *Le français en Afrique*. 13. pp. 71–82.
24. Gorina, V.A. (2019) Frantsuzskiy zaimstvovaniya v angliyskom yazyke (v kontekste ovladeniya frantsuzskim yazykom kak vtorym inostrannym) [French borrowings in English (in the context of learning French as a second foreign language)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovaniye i pedagogicheskiye nauki*. 3 (832). pp. 46–59.
25. Shumakova, A.N. (2014) O zaimstvovaniyakh iz angliyskogo yazyka v sovremennoy frantsuzskoy presse [On borrowings from English in modern French press]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 8 (694). pp. 56–73.
26. Semyonova, Yu.A. (2023) Kak normandskoye zavoyevaniye povliyalo na angliyskiy yazyk? [How did the Norman Conquest influence the English language?]. *LINGVA*. 96. [Online] Available from: <http://lingva.ffl.msu.ru/2018/06/englishlanguage/>
27. Prokopchuk, A.R. (2019) Vliyaniye frantsuzskogo yazyka na angliyskiy sistem slovoobrazovaniya [The influence of French on the English word-formation system]. *Colloquium-journal*. 5 (29). pp. 81–83.
28. Gillespi, D.Ch., Murunov, S.S., Bryksina, I.Ye. & Aleksich, Ye.V. (2020) Analysis of semantic characteristics of grammatical tense forms in English and French in the future tense space. *Yazyk i kultura – Language and Culture*. 51. pp. 6–34. (In Russian). doi: 10.17223/19996195/51/1
29. Pavlenko, L.G. (2016) Kategorizatsiya angliyskikh glagolov dvizheniya frantsuzskogo proiskhozhdeniya [Categorization of English motion verbs of French origin]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova*. 2. pp. 183–187.
30. Sukhorukova, Yu.S. (2019) Passé composé versus Present Perfect, Past Indefinite: paradoks dvoynogo sootvetstviya [Passé composé versus Present Perfect, Past Indefinite: The paradox of double correspondence]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3. pp. 163–167.
31. Akulova, O.M. (2007) Frantsuzskiy yazyk kak vtoroy inostrannyy [French as a second foreign language]. *La Langue Francaise*. 9. pp. 13–14.

Информация об авторе:

Сосунова Г.А. – д-р филол. наук, канд. пед. наук, профессор кафедры иностранных языков и информационных технологий Университета науки и технологий МИСИС (Москва, Россия). E-mail: galinarta@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.A. Sosunova, Dr. Sci. (Philology), Cand. Sci. (Pedagogics), professor, National University of Science and Technology MISIS (Moscow, Russian Federation). E-mail: galinarta@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024;
одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 28.03.2024;
approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 373.24
doi: 10.17223/15617793/509/15

Научно-практическое обоснование реализации сетевого взаимодействия дошкольных образовательных организаций

Вадим Сергеевич Сосуновский¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vadim14sergeevich@gmail.com

Аннотация. Выявлен уровень эмоционального выгорания инструкторов по физическому воспитанию дошкольных образовательных учреждений в сравнении с педагогами по физической культуре и спорту общеобразовательных организаций, учреждений дополнительного образования и организаций среднего специального и высшего образования. Через анализ типов моделирования сетевого взаимодействия составляется и анализируется модель сетевого взаимодействия образовательных организаций, ее функции, принципы, средства, компоненты, структура, этапы развертывания и значение в практическом применении. Разработанная модель формируется при использовании положений теорий стратегического и общего менеджмента и проектного подхода. **Ключевые слова:** сетевое взаимодействие, образовательные организации, модель сетевого взаимодействия, эмоциональное выгорание, специалисты в области физической культуры и спорта

Для цитирования: Сосуновский В.С. Научно-практическое обоснование реализации сетевого взаимодействия дошкольных образовательных организаций // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 145–153. doi: 10.17223/15617793/509/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/15

Scientific and practical justification for the implementation of network interaction of preschool educational organizations

Vadim S. Sosunovsky¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vadim14sergeevich@gmail.com

Abstract. In our opinion, a study aimed at identifying the level of emotional burnout among physical education and sports specialists working in various educational institutions will help justify the need and feasibility of implementing network interaction in the educational environment. This, in turn, will help create more favorable conditions for teachers, improve the quality of the educational process and improve the psycho-emotional climate in educational institutions. The aim of the study is to provide scientific and practical justification for the implementation of network interaction of preschool educational institutions through the diagnosis of emotional burnout of specialists in the field of physical education and sports. The study used a questionnaire aimed at identifying the emotional burnout of teachers in the field of physical education and sports. The questionnaire was conducted according to V.V. Boyko's diagnostics of the level of emotional burnout method, which includes 84 statements, and respondents express their opinions by selecting from predetermined response options for each item. The study involved 130 respondents from various educational organizations (preschool educational institutions (42 people), general educational institutions (14 people), organizations of additional education for children (38 people), secondary specialized educational institutions (6 people), institutions of higher education (30 people)) in Tomsk, with different teaching experience (from 1 year to 25 years). The comparative analysis showed that physical education instructors working in preschool educational institutions have a higher level of emotional burnout than teachers working in other educational institutions. The introduction of models of network interaction between educational institutions seems to be an effective tool for solving this problem. Network interaction will allow combining the resources of several educational organizations, exchanging experiences and supporting the professional development of teachers. This, in turn, will not only reduce the level of emotional burnout, but also improve the quality of the educational process, creating a more harmonious and productive educational environment. Thus, the implementation of network interaction in the educational environment is an important step towards improving the psycho-emotional state of teachers and increasing the effectiveness of educational activities, which meets the modern requirements and challenges of society.

Keywords: network interaction, educational organizations, model of network interaction, emotional burnout, specialists in field of physical education and sports

For citation: Sosunovsky, V.S. (2024) Scientific and practical justification for the implementation of network interaction of preschool educational organizations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 145–153. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/15

В настоящее время педагогический коллектив одного учреждения не всегда может самостоятельно добиться необходимых результатов в развитии образования, для этого необходим постоянный обмен инновационными разработками, авторскими методиками, а также прохождение курсов повышения уровня квалификации и педагогического мастерства [1–4].

Также важной проблемой современного образования является отсутствие преемственности уровней образования, которая предполагает организованную систему связей, между различными образовательными учреждениями (детские сады, учреждения среднего общего образования, учреждения дополнительного образования и т.д.) и обеспечивает реализацию единого непрерывного образовательного процесса [5–8].

Для обеспечения всестороннего выполнения социального заказа и полного удовлетворения потребностей участников образовательного процесса образование должно быть ориентировано на его современные свойства, такие как дифференциация, диверсификация, многовариантность и многоуровневость [9, 10].

Исследование эмоционального выгорания среди инструкторов по физической культуре в дошкольных учреждениях имеет практическое значение для разработки и внедрения моделей сетевого взаимодействия, которые могут стать эффективным инструментом в профилактике и коррекции данного состояния. Сетевое взаимодействие образовательных учреждений как форма сотрудничества позволяет объединить ресурсы, обмениваться опытом и поддерживать профессиональное развитие педагогов, что может существенно снизить уровень эмоционального выгорания.

На наш взгляд, исследование, направленное на выявление уровня эмоционального выгорания среди специалистов по физической культуре и спорту, работающих в различных образовательных учреждениях, позволит обосновать необходимость и целесообразность реализации сетевого взаимодействия в образовательной среде. Это, в свою очередь, будет способствовать созданию более благоприятных условий для работы педагогов, повышению качества образовательного процесса и улучшению психоэмоционального климата в образовательных учреждениях.

Цель исследования – привести научно-практическое обоснование реализации сетевого взаимодействия дошкольных образовательных учреждений через диагностику эмоционального выгорания специалистов в области физической культуры и спорта.

Задачи исследования:

1. Выявить уровень эмоционального выгорания инструкторов по физическому воспитанию дошкольных образовательных учреждений в сравнении с педагогами по физической культуре и спорту общеобразовательных организаций, учреждений дополнительного образования и организаций среднего специального и высшего образования.

2. Теоретически обосновать модель организации сетевого взаимодействия образовательных учреждений.

Методы и организация исследования. В процессе исследования применялось анкетирование, направленное на выявление эмоционального выгорания педагогов в области физической культуры и спорта. Анкетирование проводилось по методике В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания», которая включает в себя 84 утверждения, по каждому из которых респонденту необходимо высказать мнение, выбрав один из предложенных ответов. В исследовании приняли участие 130 респондентов из различных образовательных организаций (дошкольные образовательные учреждения (42 человека), общеобразовательные учреждения (14 человек), организации дополнительного образования детей (38 человек), средние специальные учебные заведения (6 человек), учреждения высшего образования (30 человек)) г. Томска, имеющих различный педагогический стаж (от 1 года до 25 лет).

Методика В.В. Бойко интерпретируется тремя основными фазами синдрома эмоционального выгорания (напряжение, резистенция, истощение), каждая из которых характеризуется основными симптомами. Полученные результаты анкетирования, проводимого по данной методике, позволяют определить степень сформированности основных фаз и ведущий симптом эмоционального выгорания.

Результаты и их обсуждение. В.В. Бойко в своих работах определяет эмоциональное выгорание как механизм психологической защиты, с помощью которого человек справляется от негативных эмоций, связанных с травмирующими событиями, путем отключения или уменьшения своих эмоциональных реакций [11].

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения синдром выгорания является комплексным состоянием, которое включает в себя физическое, эмоциональное и мотивационное истощение. Оно проявляется в снижении производительности и эффективности в работе, что может быть вызвано потерей интереса к работе и общению с коллегами [12].

Психолог Н.И. Фреуденберг описал эмоциональное выгорание как сложное психофизиологическое состояние, которое развивается в результате хронического воздействия стресса на организм и характеризуется прогрессирующим истощением эмоциональных, энергетических и личностных ресурсов человека, что особенно заметно в профессиональной деятельности [13].

Н.Е. Водопьянова и Е.С. Страченкова считают, что синдром психического выгорания представляет собой многогранный психологический конструкт, который объединяет комплекс негативных психологических переживаний и дезадаптивных поведенческих паттернов, возникающих в результате продолжительных и интенсивных стрессовых воздействий, связанных с общением. Выгорание развивается как адаптивная реакция организма на ситуации, характеризующиеся высокой эмоциональной напряженностью и когнитивной сложностью, что может привести к нарушению психологического равновесия и дезадаптации человека [14].

Согласно теории А.М. Пинес и Е. Аронсон, синдром психического выгорания характеризуется как состояние

хронического физического, эмоционального и когнитивного истощения, возникающего в результате длительного воздействия эмоционально перегруженных ситуаций на индивидуума. Истощение является центральной причиной, а другие проявления дисгармонии переживаний и поведения, такие как апатия, цинизм и снижение производительности, рассматриваются как последствия этого состояния. Согласно этой модели, риск эмоционального выгорания не ограничивается представителями социальных профессий [15].

Эмоциональное выгорание педагогов, также известное как профессиональное выгорание или синдром выгорания, является состоянием хронического стресса, которое возникает в результате значительного

воздействия профессиональных и личностных факторов. Н.Е. Водопьянова и Е.С. Старченкова одной из причин возникновения эмоционального выгорания у педагогов выделяют переутомление вследствие большого количества педагогических задач, требующих эмоциональной вовлеченности педагога для их качественного решения. Стоит отметить, что процессуальный этап педагогической деятельности для молодых педагогов является эмоционально затратным, требующим постоянной концентрации, переключения и распределения внимания [14].

На рис. 1–3 представлены результаты анкетирования, направленного на выявление эмоционального выгорания специалистов в области физической культуры и спорта.

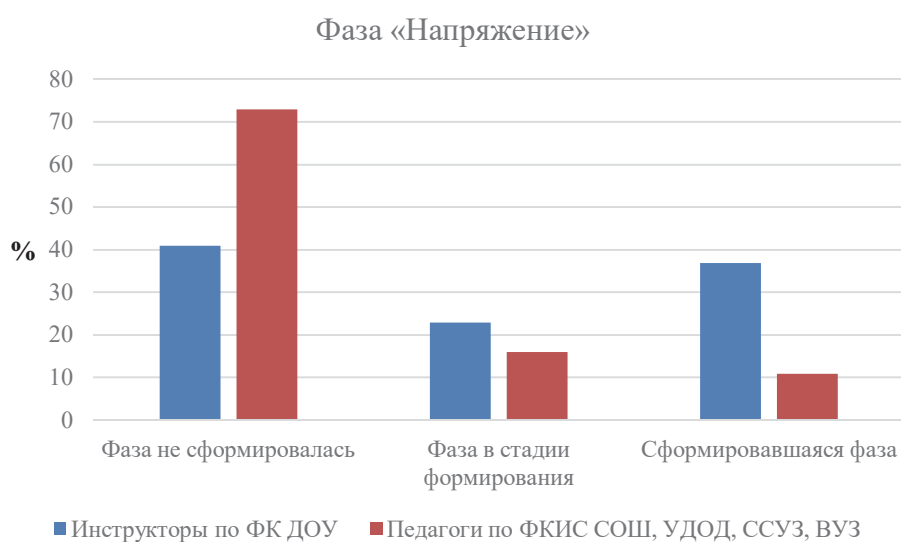

Рис. 1. Результаты анкетирования специалистов в области физической культуры и спорта, направленного на выявление эмоционального выгорания в фазе «Напряжение»

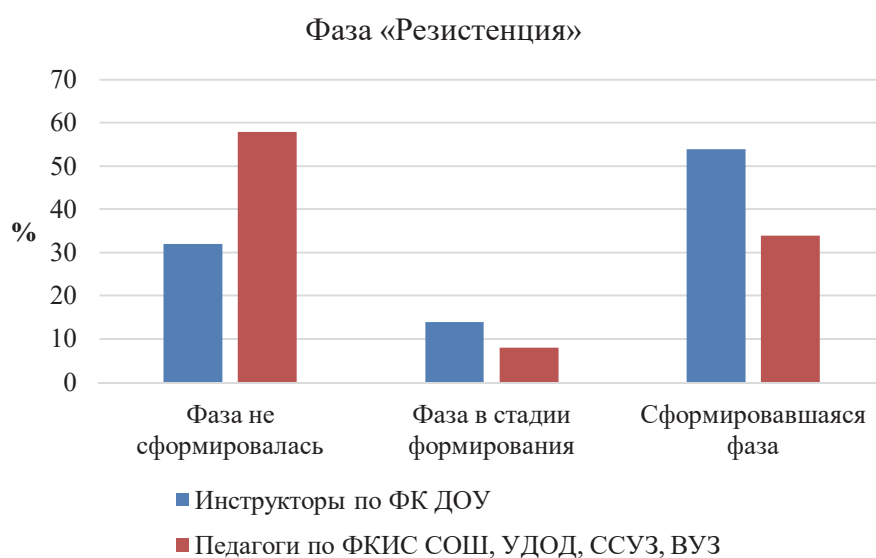

Рис. 2. Результаты анкетирования специалистов в области физической культуры и спорта, направленного на выявление эмоционального выгорания в фазе «Резистенция»

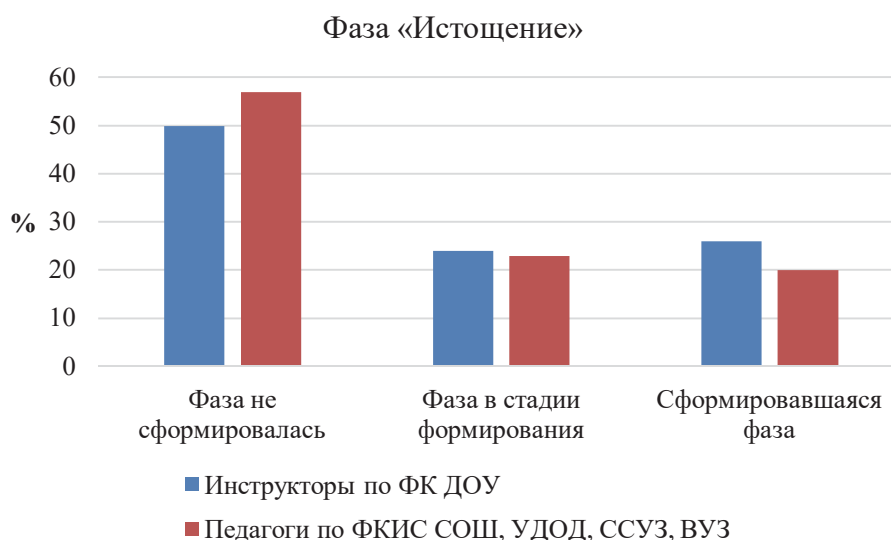

Рис. 3. Результаты анкетирования специалистов в области физической культуры и спорта, направленного на выявление эмоционального выгорания в фазе «Истощение»

В результате проведения анкетирования специалистов по физической культуре и спорту было выявлено, что у 38% инструкторов по ФК (работников ДОУ) выявлена сформированная стадия эмоционального выгорания, которая характеризуется ощущением эмоционального истощения, усталости, вызванной собственной профессиональной деятельностью. А также у 21% инструкторов по ФК выявлена начальная стадия формирования процесса эмоционального выгорания, тогда как у специалистов по ФКИС, работающих в СОШ, УДОД, ссуз, вуз, данные показатели составили: у 11% – сформированная стадия; у 15% – в стадии формирования (см. рис. 1).

Процентное соотношение специалистов с не сформированной фазой «Напряжение» эмоционального выгорания составило 41% работников ДОУ и 73% работников других образовательных организаций (рис. 1).

Фаза «Напряжение» эмоционального выгорания проявляется через ряд симптомов: ощущение психотравмирующих условий (индивид воспринимает рабочую обстановку и межличностные отношения как источники стресса); неудовлетворенность собой (недовольство своей профессиональной деятельностью и собственной личностью как специалиста); чувство «попадания в ловушку» (осознание безвыходности ситуации, стремление сменить работу или вовсе оставить профессию), а также тревожность и депрессию (возрастание тревожных состояний на рабочем месте, увеличение нервозности и появление депрессивных настроений).

В результате формирования фазы «Напряжение» эмоционального выгорания специалистов приводит к тому, что профессиональная деятельность перестает восприниматься как место для развития и самореализации, превращаясь в источник тревоги и негативных эмоций. Человек начинает сомневаться в своей компетентности, что приводит к снижению самооценки, что в свою очередь усиливает внутренний конфликт и приводит к ощущению неудачи. Это недовольство может проявляться как в отношении к своей работе, так и к

своим личным качествам, что создает замкнутый круг негативных мыслей.

Таким образом, вышеперечисленные симптомы взаимосвязаны и могут привести к значительному ухудшению как психоэмоционального состояния, так и профессиональной эффективности человека.

Анализируя результаты проведения опроса по выявлению эмоционального выгорания у специалистов в области физической культуры и спорта в фазе «Резистенция» были получены следующие результаты:

- фаза «Резистенция» не сформирована у 32% опрошенных инструкторов по физической культуре, работающих в дошкольных образовательных учреждениях, и у 58% опрошенных специалистов по физической культуре и спорту, работающих в СОШ, УДОД, ссуз, вуз;

- фаза «Резистенция» находящаяся в стадии формирования выявлена у 14% педагогов ДОУ и 8% работников других образовательных организаций;

- фаза «Резистенция», находящаяся в сформированной стадии, выявлена у 54% инструкторов по ФК, работающих в ДОУ, и 34% работников сферы ФКИС других образовательных ступеней (см. рис. 2).

Сформированная фаза резистенции эмоционального выгорания характеризуется глубоким эмоциональным истощением специалиста, что приводит к появлению защитных механизмов, делающих педагога эмоционально закрытым, отстраненным и равнодушным к своей профессиональной деятельности. В условиях такого состояния любое эмоциональное вовлечение в профессиональную деятельность и общение вызывают у человека чувство чрезмерной усталости, что проявляется посредством следующих симптомов: неадекватное и выборочное эмоциональное реагирование (неконтролируемое влияние настроения на профессиональные отношения); эмоционально-нравственная дезориентация (развитие равнодушия к коллегам); экономия эмоций (эмоциональная изоляция, отчуждение и стремление избежать общения); сокращение профессиональных обязанностей (уменьшение вовлеченности в работу и желание

минимизировать время, затрачиваемое на выполнение служебных задач).

В процессе анализа результатов анкетирования респондентов было выявлено, что 26% инструкторов по физической культуре, работающих в дошкольных образовательных учреждениях, и 20% специалистов по физической культуре и спорту, работающих в школах, учреждениях дополнительного образования, средних специальных учебных заведениях и в высших учебных заведениях, наблюдается сформированная фаза «Истощение» эмоционального выгорания. Почти равное значение ($\approx 23\%$) наблюдается у всех респондентов в категории формирования фазы «Истощение» эмоционального выгорания (см. рис. 3).

Фаза «Истощение» процесса эмоционального выгорания характеризуется психофизическим переутомлением человека, неадекватным эмоциональным реагированием, ощущением опустошенности, социальной изоляцией, цинизмом и дистанцированием. Сформированная стадия «Истощение» проявляется в физических симптомах, таких как головные боли, бессонница, усталость, колебания артериального давления и других соматических проявлениях.

Вышеперечисленные аспекты подчеркивают необходимость обращать внимание на состояние человека в процессе трудовой деятельности, чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение его психоэмоционального здоровья.

Из полученных результатов сравнительного анализа можно сделать вывод, что у инструкторов по физической культуре, работающих в дошкольных образовательных учреждениях, уровень эмоционального выгорания выше, чем у педагогов, работающих в других образовательных учреждениях. Мы связываем данный факт со спецификой работы с детьми дошкольного возраста, которая характеризуется высокой степенью эмоциональной вовлеченности в образовательный процесс, постоянной концентрацией и сосредоточенностью внимания. Также фактором, влияющим на эмоциональное выгорание инструкторов по физической культуре, работающих в ДОУ, является большая физическая нагрузка. Известно, что соотношение наглядного и словесного методов обучения с возрастом подопечных изменяется, тем самым инструктор по ФК, для создания представления двигательного действия и его обучения выполняет самостоятельно упражнения, запланированные в организации совместной двигательной деятельности.

Еще одним фактором высокого уровня эмоционального выгорания педагогов, работающих с детьми дошкольного возраста, является эмоциональная отзывчивость самих детей на предлагаемые двигательные действия. Дети дошкольного возраста, обладая высокой подвижностью и естественной любознательностью, часто быстро теряют интерес к однообразной и предсказуемой деятельности. Это явление обусловлено несколькими психологическими и нейрофизиологическими механизмами. В результате активные и интерактивные элементы в образовательном процессе становятся критически важными для поддержания их

внимания и вовлеченности. Когда дети реагируют на задания с энтузиазмом, это создает положительное психологическое поле, способствующее комфортному взаимодействию. Однако при отсутствии новизны или адекватной эмоциональной отдачи со стороны детей педагоги могут испытывать растерянность и усталость, что в дальнейшем приводит к снижению их профессиональной мотивации и, как следствие, к повышенному уровню стресса. Таким образом, ключевым элементом успешного педагогического взаимодействия является внимание к эмоциональным и когнитивным потребностям детей, что, в свою очередь, способствует созданию более гармоничной образовательной среды.

Рассматривая эмоциональное выгорание, можно выделить его причину, заключающуюся в так называемой профессиональной изоляции, при которой педагог чувствует себя изолированным в своей работе, особенно если у него недостаточно возможностей для сотрудничества и обмена опытом с коллегами. В связи с этим реализация модели сетевого взаимодействия является одним из способов предотвращения причин возникновения эмоционального выгорания педагогов за счет их профессионального роста и развития.

Сегодня под сетевым взаимодействием понимается система горизонтальных и вертикальных связей, обеспечивающая доступность качественного образования для всех категорий граждан через дифференциацию, диверсификацию, многовариантность и многоуровневость образования.

В работе О.М. Краснорядцевой сетевое взаимодействие рассматривается как взаимодействие образовательных сред образовательных организаций с присущей им спецификой воспитательных, дидактических и развивающих компонентов, связанных между собой принципом непрерывности образования [16].

В работах А.А. Пинского, А.Г. Каспржака, К.Г. Митрофанова сетевое взаимодействие рассматривается как совместная деятельность образовательных организаций, позволяющая обучающемуся быстро и эффективно осваивать учебную программу за счет интенсификации образовательного процесса и использования материальной базы нескольких образовательных учреждений [17].

В исследованиях И.С. Вашуковой сетевое взаимодействие рассматривается как актуальное направление в системе образования, которое характеризуется наличием цели, открытостью, гибкостью, динамичностью, распределением ролей участников взаимодействия, развитием, оценкой и мониторингом, а не суммированием терминов «сеть» и «взаимодействие» [18].

В работах Г.В. Палаткиной, Н.М. Кононовой сетевое взаимодействие определяется как процесс прямого или косвенного влияния объектов (субъектов) друг на друга, при взаимодействии которых формируются различные свойства личности. С данной точки зрения сетевое взаимодействие необходимо для создания общего предметного поля конструктивной мыследеятельности, результатом которого будет разработка новых методов и технологий образовательной деятельности [19].

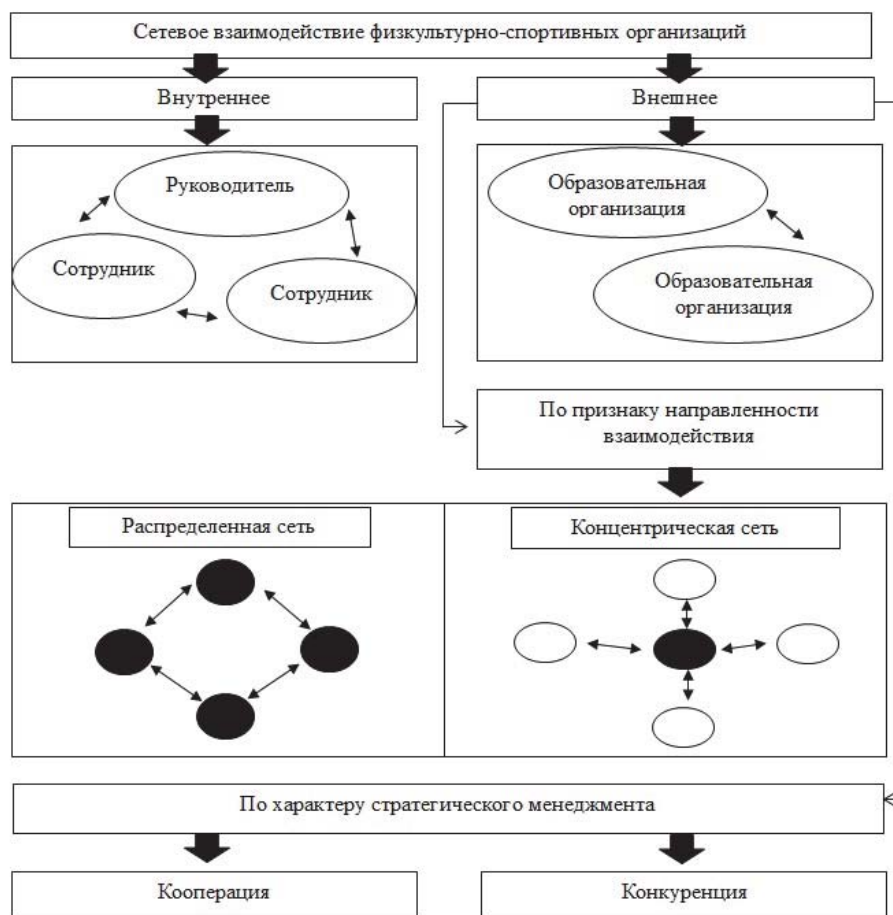

Рис. 4. Виды сетевого взаимодействия образовательных организаций

Организация сетевого взаимодействия различных образовательных учреждений позволяет достичь рационального использования кадровых ресурсов, а также материально-технического и научно-методического потенциала организаций, формируются новые социальные качества и в целом расширяются возможности образовательной деятельности.

На сегодняшний день для повышения эффективности образовательной деятельности каждой образовательной организации рекомендуется обладать развитой сетью партнерских взаимоотношений, которые характеризуются взаимовыгодностью и направлены на реальный социальный и экономический эффект от сотрудничества заинтересованных сторон.

В работе В.Ю. Соколова сетевое взаимодействие рассматривается как процесс достижения образовательных целей и построения нового предметного или иного знания путем взаимодействия субъектов образовательной деятельности и предоставления друг другу собственных образовательных ресурсов [20].

В настоящее время сетевое взаимодействие является инновационной технологией, при реализации которой образовательное учреждение находится в процессе постоянного развития и как следствие повышения эффективности и уровня результатов образования.

Появление сетевого взаимодействия между организациями является результатом стратегических и технологических вызовов современного общества, которое

нуждается в качественном образовании за счет установления механизма коммуникации, информатизации и инновационной деятельности.

Нормативно-правовая основа осуществления сетевого взаимодействия прописана в ст. 15 («Сетевая форма реализации образовательных программ») Федерального закона № 273 «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012. В данной статье представлен порядок осуществления образовательной деятельности при реализации сетевой формы взаимодействия образовательных организаций. Необходимо отметить, что в данной статье Федерального закона сетевое взаимодействие рассматривает использование ресурсов нескольких организаций, в том числе не только образовательных, а также научных, организаций культуры, медицинских организаций и организаций физкультурно-оздоровительной направленности, которые обладают необходимыми ресурсами для реализации образовательных программ [21].

На рис. 4 представлены виды сетевого взаимодействия образовательных организаций, рассмотрим их более подробно. В практике современного образования активно разрабатываются и применяются различные модели сетевого взаимодействия. Мы выделяем два вида сетевого взаимодействия: внутреннее и внешнее. Внутреннее сетевое взаимодействие предполагает кооперацию сотрудников одной организации посредством внутренних командировок, обмена

информации о развитии обучающихся, разработанных и применяемых методиках, технологиях и методах обучения. Тогда как внешнее сетевое взаимодействие предполагает координацию совместной деятельности нескольких организаций посредством разработанной схемы сотрудничества.

По признаку направления связей можно выделить два типа моделей сетевого взаимодействия: распределенная и концентрированная сеть. В концентрированной сети выделяется один ресурсный центр, который имеет большое количество входящих в него связей и при этом – малое количество исходящих связей. Обычно такое взаимодействие наблюдается при выделении одной масштабной организации и организаций меньшего масштаба. Распределенная сеть предполагает отсутствие единого центра, при такой форме взаимодействие между организациями происходит разносторонне.

По характеру стратегического менеджмента организации можно выделить два вида взаимодействия: кооперация и конкуренция. При сетевом взаимодействии образовательных организаций, основанных на конкуренции, можно выделить ряд особенностей, к которым будет относиться борьба за потребителей услуг; при данном процессе повышается разнообразие и качество предлагаемых образовательных услуг.

Также при конкуренции услуги становятся более доступными в связи с уменьшением их рыночной цены.

При сетевом взаимодействии, базирующемся на партнерстве, происходит объединение ресурсов нескольких организаций, что приводит к повышению качества оказываемых образовательных услуг. Кооперация образовательных организаций увеличивает сильные стороны партнеров и компенсирует недостатки.

Все же стоит отметить, что основной формой продуктивного взаимодействия между организациями является партнерство, так как партнерство формирует координацию деятельности образовательных учреждений по вопросам совершенствования образовательного процесса, достижения образовательных целей и выстраивания инновационной деятельности учреждения, при которой объединяются ресурсы нескольких субъектов, в результате чего возникает солидарная ответственность за работу по использованию этих ресурсов.

На рис. 5 представлена модель организации сетевого взаимодействия образовательных организаций, целью которой является повышение качества образования. В процессе моделирования сетевого взаимодействия образовательных учреждений можно выделить три основных этапа: проективно-организационный, процессуальный, аналитический.

Рис. 5. Модель организации сетевого взаимодействия образовательных организаций

На проектировочно-организационном этапе происходит проектирование совместной деятельности и подготовка к ее осуществлению, для этого организациям необходимо определить цель взаимодействия, провести обследование и анализ образовательной среды (проанализировать материально-техническое обеспечение организаций, кадровый состав, способы достижения цели, определить календарный план-график сетевого взаимодействия, подготовить пакет документов совместного сотрудничества, определить критерии и показатели эффективности работы сети).

После проведения подготовительного этапа начинается процессуальный этап, который подразумевает непосредственное взаимодействие образовательных организаций. Процессуальный этап включает в себя формирование предметных и метапредметных компетенций у обучающихся и повышение квалификации педагогических кадров, осуществление мероприятий, которые были запланированы и утверждены в календарном план-графике сетевого взаимодействия.

Последним этапом является аналитический, подразумевающий фиксацию результатов сетевого взаимодействия (анализ выполнения составленного план-графика взаимодействия, диагностика результатов партнерства и их дальнейший анализ). Анализ выполнения составленного план-графика взаимодействия подразумевает аналитическую обработку выполненных и невыполненных этапов, а также рефлексию положительных и отрицательных сторон. Диагностика результатов партнерства и их дальнейший анализ подразумевают проведение совместного

обследования по достижению поставленных целей, результаты которого обрабатываются, анализируются и систематизируются. На данном этапе подводятся итоги сетевого взаимодействия и описывается полученный опыт.

Таким образом, можно заключить, что в условиях современного образования, характеризующегося высокой динамичностью и изменчивостью, необходимо уделять особое внимание вопросам эмоционального выгорания педагогов. Исследование, проведенное в рамках данной работы, подтвердило, что уровень эмоционального выгорания у инструкторов по физической культуре в дошкольных учреждениях требует особого внимания и мер по его снижению.

Внедрение моделей сетевого взаимодействия между образовательными учреждениями представляется эффективным инструментом для решения данной проблемы. Сетевое взаимодействие позволит объединить ресурсы нескольких образовательных организаций, обмениваться опытом и поддерживать профессиональное развитие педагогов. Это, в свою очередь, не только снизит уровень эмоционального выгорания, но и повысит качество образовательного процесса, создавая более гармоничную и продуктивную образовательную среду.

Таким образом, реализация сетевого взаимодействия в образовательной среде является важным шагом к улучшению психоэмоционального состояния педагогов и повышению эффективности образовательной деятельности, что соответствует современным требованиям и вызовам общества.

Список источников

- Белова Е.Н., Алексейцева А.А. Управление сетевым взаимодействием в сфере дополнительного образования детей // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63–3. С. 4–7.
- Сосуновский В.С. Влияние олимпийского образования на самооценку детей в условиях детского образовательно-оздоровительного лагеря // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 199–201.
- Беспалько В.П. Качество образования и качество обучения // Народное образование. 2017. № 3–4 (1461). С. 105–113.
- Бугрова Н.С. Сетевое взаимодействие в системе повышения квалификации педагогических кадров : дис. ... канд. пед. наук. Омск : Омск. гос. пед. ун-т, 2009. 188 с.
- Сосуновский В.С. Структура и содержание психомоторной подготовленности детей 11–12 лет // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 236–240.
- Гапонюк П.Н., Карпова Н.К., Мареев В.И., Щипанкина Е.С. Особенности применения системного подхода в педагогике // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2012. № 11. С. 21–30.
- Зобнина А.А. Сетевое взаимодействие образовательных организаций: изменение содержания и задач совместной деятельности в контексте новой образовательной политики // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26, № 4. С. 118–123.
- Garcia-Lorenzo L. Networking in organizations: developing a social practice perspective for innovation and knowledge sharing in emerging work contexts // World futures: the journal of general evolution. 2014. № 62 (3). P. 171–192.
- Загrevская А.И., Сосуновский В.С., Зальмеж Т.Н. Психомоторные особенности детей старшего дошкольного возраста // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 5. С. 13–21.
- Сосуновский В.С., Сухоставская К.В., Вережкина Е.О. Взаимосвязь компонентов кинезиологического потенциала дошкольников 5–6 лет // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 191–194. doi: 10.17223/15617793/427/26
- Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб. : Сударья, 1999. 28 с.
- Поздняков В.Б. Лексикон психиатрии всемирной организации здравоохранения. Киев : Сфера, 2001. 402 с.
- Freudenberg H.J. Staff burn out // Journal of Social issues. 1974. Vol. 30. P. 159–165.
- Водошнянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб. : Питер, 2008. 336 с.
- Pines A.M., Aronson E. Career burnout. Causes and cures. New York : The Free Press, 1988. 229 p.
- Красноярцева О.М. Оценка прецедентов взаимодействия вузов и школ для развития инновационного потенциала личности // Взаимодействие вузов и школ для становления Открытого образовательного пространства: потенциал, проблемы, задачи управления / под ред. Г.Н. Прокументовой. Томск : ТМЛ-Пресс, 2013. С. 65–92.
- Пинский А.А., Каспржак А.Г., Митрофанов К.Г. Рекомендации по организации сетевого взаимодействия образовательных учреждений (организаций) при введении профильного обучения учащихся на старшей ступени общего образования // Профильное обучение. Ч. 1: Тематическое приложение к журналу «Вестник образования». 2004. № 4. С. 39–55.
- Вашукова И.С. Особенности сетевого взаимодействия в образовании // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. Т. 1, № 1. С. 141–152.
- Палаткина Г.В., Кононова Н.М. Моделирование сетевого взаимодействия учреждений дополнительного образования детей с высшими учебными заведениями // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 161–165.

20. Соколов В.Ю. Контексты построения сетевых образовательных программ в практике взаимодействия вузов и школ // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 195–197.
21. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007?pageSize=50> (дата обращения: 06.10.2023).

References

1. Belova, E.N. & Alekseytseva, A.A. (2019) Upravlenie setevym vzaimodeystviem v sfere dopolnitel'nogo obrazovaniya detey [Network interaction management in the field of additional education for children]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 63–3. pp. 4–7.
2. Sosunovskiy, V.S. (2015) Effects of the Olympic education on the self-esteem of children in children's educational and health camps. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 199–201. (In Russian).
3. Bespal'ko, V.P. (2017) Kachestvo obrazovaniya i kachestvo obucheniya [Quality of education and quality of training]. *Narodnoe obrazovanie*. 3–4 (1461). pp. 105–113.
4. Bugrova, N.S. (2009) *Setevoe vzaimodeystvie v sisteme povysheniya kvalifikatsii pedagogicheskikh kadrov* [Network interaction in the system of advanced training of teaching staff]. Pedagogy Cand. Diss. Omsk.
5. Sosunovskiy, V.S. (2015) The structure and content of psychomotor preparedness of children aged 11–12. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 236–240. (In Russian).
6. Gaponyuk, P.N. et al. (2012) Osobennosti primeneniya sistemnogo podkhoda v pedagogike [Features of application of systems approach in pedagogy]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki*. 11. pp. 21–30.
7. Zobnina, A.A. (2016) Setevoe vzaimodeystvie obrazovatel'nykh organizatsiy: izmeneniye soderzhaniya i zadach sovmestnoy deyatel'nosti v kontekste novoy obrazovatel'noy politiki [Network interaction of educational organizations: change in content and objectives of joint activities in the context of new educational policy]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 4 (26). pp. 118–123.
8. Garcia-Lorenzo, L. (2014) Networking in organizations: developing a social practice perspective for innovation and knowledge sharing in emerging work contexts. *World Futures: The Journal of General Evolution*. 3 (62). pp. 171–192.
9. Zagrevskaya, A.I., Sosunovskiy, V.S. & Zal'mezh, T.N. (2018) Psikhomotornye osobennosti detey starshego doshkol'nogo vozrasta [Psychomotor characteristics of senior preschool children]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 5 (23). pp. 13–21.
10. Sosunovskiy, V.S., Sukhostavskaya, K.V. & Verevkina, E.O. (2018) The interrelation of the components of kinesiological potential of preschoolers aged 5 to 6. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 427. pp. 191–194. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/427/26
11. Boyko, V.V. (1999) *Sindrom "emotsional'nogo vygoraniya" v professional'nom obshchenii* ["Emotional Burnout" Syndrome in Professional Communication]. Saint Petersburg: Sudarynya.
12. Pozdnyakov, V.B. (2001) *Leksikony psikiatrii vsemirnoy organizatsii zdoravookhraneniya* [Lexicons of Psychiatry of the World Health Organization]. Kiev: Sfera.
13. Freudenberg, H.J. (1974) Staff burn out. *Journal of Social Issues*. 30. pp. 159–165.
14. Vodop'yanova, N.E. & Starchenkova, E.S. (2008) *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [Burnout Syndrome: Diagnostics and prevention]. 2nd ed. Saint Petersburg: Piter.
15. Pines, A.M. & Aronson, E. (1988) *Career burnout. Causes and cures*. New York: The Free Press.
16. Krasnoryadtseva, O.M. (2013) Otsenka pretsedentov vzaimodeystviya vuzov i shkol dlya razvitiya innovatsionnogo potentsiala lichnosti [Evaluation of precedents of interaction between universities and schools for the development of innovative potential of the individual]. In: Prozumentova, G.N. (ed.) *Vzaimodeystvie vuzov i shkol dlya stanovleniya Otkrytogo obrazovatel'nogo prostranstva: potentsial, problemy, zadachi upravleniya* [Interaction of Universities and Schools for the Formation of the Open Educational Space: potential, problems, management tasks]. Tomsk: TML-Press. pp. 65–92.
17. Pinskiy, A.A., Kasprzhak, A.G. & Mitrofanov, K.G. (2004) Rekomendatsii po organizatsii setevogo vzaimodeystviya obrazovatel'nykh uchrezhdeniy (organizatsiy) pri vvedenii profil'nogo obucheniya uchashchikhsya na starshey stupeni obshchego obrazovaniya [Recommendations for organizing network interaction of educational institutions (organizations) in the introduction of specialized training for students at the senior stage of general education]. *Profil'noe obucheniye. Ch. 1: Tematicheskoe prilozhenie k zhurnalu "Vestnik obrazovaniya"*. 4. pp. 39–55.
18. Vashukova, I.S. (2022) Osobennosti setevogo vzaimodeystviya v obrazovanii [Features of network interaction in education]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 1 (1). pp. 141–152.
19. Palatkina, G.V. & Kononova, N.M. (2011) Modelirovaniye setevogo vzaimodeystviya uchrezhdeniy dopolnitel'nogo obrazovaniya detey s vysshimi uchebnymi zavedeniyami [Modeling network interaction of institutions of additional education for children with higher educational institutions]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 5. pp. 161–165.
20. Sokolov, V.Yu. (2012) Contexts of educational programs network creation in practice of interaction between universities and schools. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 358. pp. 195–197. (In Russian).
21. Official Internet Portal of Legal Information. (n.d.) *On Education in the Russian Federation. Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012*. [Online] Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201212300007?pageSize=50> (Accessed: 6.10.2023). (In Russian).

Информация об авторе:

Сосуновский В.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры теоретических основ и технологий физкультурно-спортивной деятельности Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Sosunovsky, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vadim14sergeevich@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.11.2024;
одобрена после рецензирования 25.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 09.11.2024;
approved after reviewing 25.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 902/908
doi: 10.17223/15617793/509/16

Кетский острог в середине XVIII в.

Евгений Владимирович Барсуков^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

² Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия
^{1, 2} barsukovevg@mail.ru

Аннотация. Представлены некоторые подробности функционирования Кетского острога в середине XVIII в. В качестве источников привлечены сведения путешественников и исследователей этого времени, архивные документы и археологические материалы. В этот период Кетск в документах называется городом, сохраняет военный потенциал, собственный гарнизон, а также функции административного центра управления округой во главе с приказчиком, обладавшим значительной полнотой власти.

Ключевые слова: Нарымский край, река Кеть, Кетский острог, русская археология, XVIII в.

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FSWM-2024-0006.

Для цитирования: Барсуков Е.В. Кетский острог в середине XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 154–160. doi: 10.17223/15617793/509/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/16

Ketsky Ostrog in the middle of the 18th century

Evgeniy V. Barsukov^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation
^{1, 2} barsukovevg@mail.ru

Abstract. Ketsky Ostrog ("fortress") is a Russian stronghold, administrative center of an independent uyezd in the basin of the middle reaches of the Ob River. The ostrog was founded at the turn of the 17th century on the banks of the right-bank Ob tributary of the Ket River. Some periods of its history are practically not covered in research; in particular, it concerns the 18th century. Considering this, the article examines some details of the Ketsky Ostrog functioning in the middle of the 18th century. The sources include information of travelers and researchers of this period, archival documents and archaeological materials. Ketsky stockaded town changed its location several times, but invariably it was located on the banks of one of the longest Ob tributaries of the Ket River, a transportation route that connected Western and Eastern Siberia in the 17th and 18th centuries. Historical research expressed an opinion that by the middle of the 18th century the stockaded town had lost its significance and turned into a village. Nevertheless, according to the sources of this period, as early as in 1750 Ketsk was governed by a bailiff with rather wide powers. In the documents the ostrog is called "town", and the neighboring estates "Ketsky suburb". Ketsk had its own garrison of serving Cossacks; the ostrog was fortified, and had artillery and supplies for it. In addition, Ketsk was a place of exile, where outstanding persons, such as Prince I.T. Putyatin, served their sentences. The documents of the middle of the 18th century repeatedly mention "secret detainees" who were guarded by a separate guard team. The intensive life activity during the period of Ketsk functioning are evidenced by archaeological research. Sources of the middle of the 18th century, first of all, G.F. Miller's accounts, enabled the identification and subsequent archaeological examination of the final site of Ketsky Ostrog. The research reconstructed the natural and geographical features of its location, and also recorded a powerful cultural layer containing objects of Russian and indigenous production; the lower chronological boundary of the uncovered layers was determined by the middle of the 17th century. Various sources indicate that in the middle of the 18th century Ketsky Ostrog had not yet lost its functions. It was governed by a bailiff, who since the late 17th century was subordinated to the Naryn voivode, but had considerable power on the spot. Ketsky Ostrog retained its military potential, had artillery and its own garrison. By the end of the 18th century the changes became really obvious. On early 19th-century river navigation charts (loch charts), the ostrog is still marked, but by this period, it had already been replaced by an ordinary village – Ketskoe. Initially, the settlement retained some administrative privileges, though these were quickly lost.

Keywords: Naryn region, Ket River, Ketsky Ostrog, Russian archeology, 18th century

Financial support: The study was performed within the framework of a state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2024-0006.

For citation: Barsukov, E.V. (2024) Ketsky Ostrog in the middle of the 18th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 154–160. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/16

Кетский острог – русский опорный пункт, административный центр самостоятельного уезда в бассейне среднего течения р. Оби. Острог был основан на рубеже XVI–XVII вв. на берегах правобережного обского притока р. Кети. Несмотря на то что первые научные работы, посвященные непосредственно его истории, появились еще в конце XIX в. [1], в дальнейшем исследователи обращались преимущественно к сюжетам начального периода его существования. Практически без внимания осталась история этого пункта в XVIII в., на исходе которого он прекратил, по-видимому, свое существование. Данная статья является первой из предполагаемой серии публикаций, характеризующих функционирование Кетского острога (Кетска) в XVIII в. по архивным материалам и археологическим данным.

Река Кеть является одним из самых протяженных правых притоков р. Оби. Она протекает по территории двух административных единиц: истоки находятся на территории Красноярского края, а устье – в центральной части Томской области. Бассейн р. Кеть в нижнем и среднем течении исторически является частью Нарымского края. Проникновение русского населения в этот район приходится на самый конец XVI в. Этот процесс сопровождался освоением и закреплением за русской администрацией новых территорий, прежде всего, путем создания разветвленной сети укрепленных пунктов. В этом контексте р. Кеть, являющаяся в XVII–XVIII вв. транспортной водной артерией, соединяющей Западную и Восточную Сибирь, выглядит на историко-культурной карте размещения русских форпостов, без сомнений, более чем уникально. Именно на берегах этого водотока было основано сразу несколько острогов: Нарымский, Кетский (Кунгопский), Маковский. Более того, бассейн Кети – один из немногих в Сибири, где русские остроги не просто перестраивались, а неоднократно переносились на большие расстояния, что обусловлено природно-географической спецификой района. Одним из таких укрепленных пунктов был Кетский острог, не единожды менявший свое местоположение [2. С. 80–81]. При неизменном размещении на берегах Кети и преемственности в названии его крайние локация за первую половину XVII в. оказались разбросанными более чем на 500 км друг от друга. К сожалению, на сегодняшний день окончательно не решены вопросы ни о дате основания острога, ни о количестве его переносов и хронологии этого процесса. По данным Д.Я. Резуна и Р.С. Василевского, он был основан в 1596 г. [3. С. 179–180]. По другой версии, острог в среднем течении р. Кети появляется только в 1602 г. [4. С. 91].

С самого своего появления Кетский острог был «небольшим и малоторговым городом», тем не менее

на начальном этапе существования ему принадлежит выдающаяся роль. Через несколько лет после основания он становится административным центром одноименного уезда – Кетского. В его состав было включено практически все Прикетье, а также часть прилегающих на юге и востоке территорий. Являясь в момент учреждения одним из наиболее значительных в Западной Сибири по занимаемой площади, уже к первой четверти XVII в. он становится одним из самых «маленьких» уездов Сибири, по выражению Б.О. Долгих, «немошным» [4. С. 91].

В XVII в. Кетский острог располагался на одном из самых оживленных путей из Западной в Восточную Сибирь, что обусловило его роль опорной базы русского продвижения на восток. В этот период он переживал своеобразный расцвет, который закончился после того, как граница русских владений отодвинулась дальше на юг и восток, а острог оказался в глубине русских территорий. В научной литературе утвердилось мнение о том, что Кетский острог к середине XVIII в. «потерял свое былое значение и превратился в село» [5. С. 25]. Возможно, с этим связано незаслуженное «забвение» истории этого укрепленного пункта в XVIII в., который практически не освещен в научной литературе.

Этот момент представляется странным еще и потому, что письменные свидетельства именно этого периода стали ключевыми для археологического поиска, а затем и обследования места расположения Кетска и его пригорода. Представленная статья – попытка в какой-то мере исправить ситуацию путем освещения некоторых подробностей его функционирования в середине XVIII в. В качестве источников использованы архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Томской области, фонд 528 «Кетская воеводская канцелярия», сведения путешественников XVIII в. и археологические материалы, полученные в ходе экспедиций последних лет.

Применительно к середине XVIII в. наиболее полное описание Кетского острога было составлено Г.Ф. Миллером. Его сведения – бесценный неисчерпаемый источник по истории Сибири XVII–XVIII вв. Однако среди всего многообразия данных выделяются географические описания различных районов этого обширного края.

Тщательно собранные и зафиксированные, они являются своеобразной «энциклопедией» Сибири периода путешествия исследователя. Стремление системно и максимально полно описать огромную территорию обусловили тот факт, что Г.Ф. Миллер фиксировал не только увиденное собственными глазами, но и сведения информаторов, владеющих данными о той или иной местности.

Одним из таких районов стал бассейн р. Кети, правого притока Оби. Несмотря на то что река долгое время являлась связующим звеном между Западной и Восточной Сибирью, Г.Ф. Миллеру не довелось посетить ее или использовать в качестве транспортной магистрали. Тем не менее при описании севера современной Томской области, или, как его раньше называли, Нарымского края, он не мог обойти вниманием этот крупный водоток, имеющий к тому же важное логистическое значение, особенно в период русского продвижения на восток.

В Нарыме в 1740 г. исследователю были предоставлены от местных жителей, как русских, так и остяков, подробные сведения о реке, ее обитателях и населенных пунктах Прикетья. По данным, полученным исследователем, Кетский острог (в материалах Г.Ф. Миллера – Кецкой) располагался на левом берегу Кети, он называет его южным, согласно известиям канцелярии середины XVIII в. он отстоял от Нарыма на 201 версту. Острог занимал фрагмент высокого берега в 5 верстах от нижнего устья протоки Старая Кеть. Острог находился в центре микрорайона деревень, расположенных на левом берегу р. Кеть, в ее нижнем течении. В 6 верстах по прямой к западу от острога находилась деревня Шириханова или Усть-Речешная, занимающая приустьевый участок рч. Tosat. Деревня насчитывала 9 дворов служилых, посадских и разночинцев. Вверх по течению реки находилась деревня Курейская, занимавшая фрагмент берега маленькой курьи, в 2 верстах от верхнего устья протоки Старая Кеть. В деревне насчитывалось 15 крестьянских дворов.

Кетск являлся небольшим укрепленным пунктом, представленным маленьким четырехугольным острогом со сторонами примерно в 20 саженей, дополненным двумя башнями. Одна располагалась на углу со стороны реки, а другая – над воротами с верхней материковой стороны. Рядом с острогом находились церковь Живоначальной Троицы, дома жителей, которые все являлись служилыми людьми и разночинцами и обитали в 20 дворах. Внутри острога имелись жилище приказчика, канцелярия и 3 амбара [6. С. 188–189].

Описание Г.Ф. Миллера не соответствует чертежу Кетского острога представленному в «Чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова, где он изображен без башен, в виде укрепленного частоклом четырехугольника [7. Л. 11]. Вероятнее всего, это объясняется хронологическим разрывом источников. Острог на чертежах С.У. Ремезова почти на полвека старше, нежели Кетск, описанный Г.Ф. Миллером. За этот период острог мог быть не единожды перестроен. Более близким к описанию Г.Ф. Миллера является Кетский острог, изображенный на рисунке И. Бишева [8. С. 14]. Совпадают данные о количестве башен и их расположении, локализация церкви и дворов служилых людей. Отличие заключается лишь в том, что на рисунке И. Бишева укрепления имеют в плане форму пятиугольника, тогда как Г.Ф. Миллер сообщает о четырехугольнике.

Вышеупомянутые сведения, дополненные картографическими материалами XVIII–XIX вв., были ис-

пользованы в археологических изысканиях, нацеленных на поиск культурного слоя Кетского острога (Кетска) и его пригорода XVIII в. В 2018–2020 гг. в месте, определенном по данным этих источников, была проведена археологическая разведка, включающая шурфовочные работы [9. С. 462–463; 10. С. 416–418]. В ходе раскопок был зафиксирован русский культурный слой, содержащий разнообразные находки, характеризующие материальную культуру населения Кетска и его пригорода. Нужно отметить солидную мощность культурных напластований, достигающую около 1,5 м. Несмотря на то что были использованы сведения источников XVIII в., нижняя хронологическая граница памятника, предварительно, была определена серединой – второй половиной XVII в. Основанием являются керамические материалы, которые указывают на сосуществование двух разных традиций изготовления посуды. Одна группа керамики представлена фрагментами горшков, орнаментированных преимущественно оттисками гребенчатого штампа в разных сочетаниях. Вероятнее всего, она связана с местными обитателями, селькупам, проживающими в нижнем течении р. Кети в начальный период русского освоения. Верхней хронологической границей бытования подобной керамики принято считать XVII в. (нам представляется, что ее можно пересмотреть в сторону омоложения, однако эта тема отдельного исследования).

Другая группа керамики имеет явные признаки присутствия русских в Прикетье. Это фрагменты черноглиняных и сероглиняных сосудов без орнамента, простых форм, прежде всего горшков. В единичных случаях встречается чернощековая керамика, орнаментированная косыми клетками. Данная керамика имеет очень солидный круг аналогий и широкую датировку. Анализ стратиграфической ситуации подтверждает сосуществование этих двух керамических традиций и позволяет определить нижнюю хронологическую границу вскрытых напластований периодом появления острога, т.е. приблизительно серединой XVII в. В рекогносцировочных раскопах были также найдены железные ножи и их лезвия, костяные наконечники стрел, кресала. Однако эти материалы хронологически малопоказательны [11]. К сожалению, на территории памятника зафиксированы многочисленные нарушения верхнего почвенного слоя (пожарный ров, котлован). В результате сборов на поверхности кроме керамики обнаружены железный топор, удила, кованные гвозди, монета XVIII в., фрагменты фарфора и фаянса [12].

Археологические работы в месте расположения Кетска и его пригорода позволили реконструировать природно-географические реалии его локализации. Острог располагался на длинном глубоко выдающемся в сторону реки мысе, его высота на кромке достигает около 10 м. Стрелка мыса выходит к руслу практической пересохшей на сегодняшний день протоки, которая на исторических картах обозначена как Кетская. Г.Ф. Миллер упоминал, что рядом с острогом располагалась пристань для судов, которая в низкую воду обустроивалась в 3 верстах от него в устье протоки Старая Кеть. В высокую воду суда могли проходить по про-

токе непосредственно до острога [6. С. 189]. Современное состояние этой протоки с трудом позволяет это представить.

У подножия мыса с юго-западной стороны находится заболоченная долина. По-видимому, в период функционирования острога здесь протекала небольшая речушка, о которой упоминается в источниках, в настоящее время постоянного водотока здесь не фиксируется.

Мыс, где располагался Кетск, свободен от древесной растительности, в глубине террасы имеются елани, которые постепенно сменяются смешанным лесом. На месте этих лесных опушек располагались пашни первых русских поселенцев р. Кети [13]. По историческим сведениям, Кетский острог несколько раз менял свое местоположение, однако именно обследованный участок являлся его последней локацией, в границах которой он просуществовал более века начиная приблизительно с середины XVII в.

Археологическое обследование позволило получить данные по материальной культуре Кетска и его пригорода. По нашему мнению, вскрытый в шурфах мощный культурный слой наиболее интенсивно формировался именно в XVIII – начале XIX в., что позволяет усомниться во мнении о том, что Кетский острог к середине XVIII в. «потерял свое былое значение и превратился в село» [5. С. 25]. Как указывалось, в научной литературе истории Кетского острога в XVIII в. практически не уделялось внимания, что обусловило необходимость обратиться к архивным материалам.

В областном архиве г. Томска сохранились документы, позволяющие восстановить некоторые подробности его функционирования в середине XVIII в., фонд 528 «Кетская воеводская канцелярия». В контексте выше обозначенных проблем они представляют несомненный интерес и определяют перспективу дальнейших исследований в обозначенном направлении.

Прежде всего, в документах этого периода Кетск называется городом, равно как и «Кетской пригород», для которого часто использовался термин «слобода». На одном из документов 1750 г. сохранился оттиск печати «города Кетского» [14. Л. 6], на которой, как в XVII в., была изображена рысь [15. С. 190]. По сообщению Г.Ф. Миллера, Кецкий острог издавна имел собственных воевод, присылаемых из Москвы. Однако с 1669 г. он стал зависимым от Нарыма и его воевод, ежегодно сюда стали присылать приказчика, который выбирался из детей боярских или служилых Нарыма [6. С. 189]. В середине XVIII в. эта должность приказчика и зависимость от нарымского воеводы сохранялась, однако ее не обязательно занимали выходцы с Нарыма, это могли быть и местные «кетские» обыватели. Должность была хлопотной, по причине чего приказчики даже в течение одного календарного года менялись по несколько раз. В 1750 г. этой должности поочередно удаивались несколько человек, причем как из Нарыма, так и самого Кетска. Уже только смена должностного лица требовала серьезной организационной работы, регламентируемой воеводскими приказами: прием и подпись передаточных документов, зна-

комство с инструкциями, переучет казенных «житниц» провианта, артиллерии острога и припасов к ней, сверка книг прихода и расхода казенного имущества. Все эти документы было необходимо в кратчайшие сроки передавать в Нарымскую воеводскую канцелярию [14. Л. 6].

Приказчик вел контроль за расположенными на Кети инородческими волостями, русскими деревнями и заимками и, конечно, за Кетским городом и его пригородом. В его ведении оставались инородческие волости, расположенные в бассейне р. Кеть, до границы с Енисейским уездом, а также на р. Оби, на отрезке, прилегающем к тогурскому устью р. Кети. Обязанности приказчика были закреплены в инструкции, присылаемой Нарымским воеводой, по-видимому, составленной на основе каких-то типовых документов. Прежде всего, он контролировал приход и расход «казенного провианта», для этих целей из Нарымской воеводской канцелярии в начале года отправлялись две книги, заверенные шифром и печатью, в которых надлежало фиксировать его динамику. В конце года книги передавались «для счету» в Нарым [14. Л. 5].

Согласно инструкции, приказчик должен был вершить суд над жителями Кетского города и уезда. Если дело было не серьезное, разрешалось разбирать его словесно, если речь шла о делах, предусматривающих пошлины, нужно было принимать письменные прошения, а не «словесные челобития». В крайнем случае рекомендовалось обращаться за разъяснениями в Нарым, туда же отправлять особо отъявленных преступников под караулом [14. Л. 6 об.]. Приказчик был ответственным и за то, чтобы кетские уездные жители, крестьяне, ясачные не меняли своего места жительства без ведома Кетской канцелярии, которая должна была об этом рапортовать воеводе Нарыма [14. Л. 6 об.–7].

Приказчик отвечал за состояние десятинной пашни и посевов, ограждение вокруг нее и количеством вывозимого назема. Он должен был организовать своевременную пахоту, а также уборку урожая и его складирование. Обязанности эти лежали на пашенных крестьянах, но в случае каких-либо «упущений» и «утрат» все должно было быть взыскано с приказчика «без упущения в жестоких штрафах по силе прав государственных» [14. Л. 7]. Он был обязан контролировать вопросы, связанные со скотоводством. Вести отдельную ведомость о случаях лошадиного и скотского падежа, рапортовать об этом в Нарым [14. Л. 36].

В обязанности приказчика входило обеспечение безопасности в Кетском городе. Для ночного времени была организована караульная служба, разработан график караулов. Караульные должны были предотвращать драки и «прочие непотребства», а нарушителей следовало содержать под охраной до получения из Нарыма указания о дальнейших действиях [14. Л. 7 об.]. Приказчик следил и за правилами торговли. Кетским обывателям запрещалось торговать беспотребно шкурами животных, «мягкой рухлядью», а также съестными припасами. За незаконное корчемство надлежало брать нарушителя под караул, а его имущество помещать под охрану [14. Л. 9].

Особенно тщательно регламентировалось поведение местного населения в лесу. Оно предусматривало правила обращения с огнем, особенно в угодьях лова соболя. Запрещалась самовольная рубка леса, даже для устройства охотничьих ловушек. Инородческие князцы и сотские должны были каждый месяц рапортовать о состоянии дел в этом направлении. В случае, если пожар случился в самом городе, имеющийся безотлучно в Кетске барабанщик обязан был в тот же момент бить тревогу. Все жители должны были максимально быстро явиться к месту пожара и заливать огонь водой, для чего в летнее время при «каждой трубе на хоромах» стояли кадки с водой. Особая роль барабанщика в вопросах пожарной безопасности заключалась в его неотлучном присутствии в Кетском городе, ежедневном отбивании утренней и вечерней зари. Себе в помощь, на случай отсутствия, он обучал барабанному бою служилого казака, определенного ему вышестоящим руководством [14. Л. 8–8 об.].

Таким образом, в середине XVII в. кетский приказчик все еще ведал достаточно широким кругом вопросов, хоть и находился в подчинении нарымского воеводы.

К середине XVIII в. Кетском остроге еще сохранялся собственный гарнизон. В реестре 1750 г. приведены данные о его составе. Десятники: Никита Типсин, Еким Воинов. Рядовые: Иван Сапожников, Тимофей Родюков, Иван Панов, Григорий Михайлов сын Панов, Михайло Анисимов, Афонасей Жданов, Никифор Панов, Фома Волков, Григорей Панов, Алексей Толмачев, Дмитрий Типсин, Андрей Анисимов, Филип Родюков, Василий Панов, Андрей Панов, Прокопей Панов [14. Л. 37–38 об.]. Каждый должен уметь пользоваться ружьем, иметь собственную лошадь с седлом и всей конной амуниции [14. Л. 9 об.].

Местные служилые казаки были обязаны регулярно обучаться «военной пехотной и драгунской артикуле». Судя по сохранившимся документам, это были не пустые слова. У кетских казаков была беспокойная жизнь, насыщенная регулярными военными проверками и сборами. В феврале 1750 г. в Кетский острог поступил указ о необходимости отправить в Нарым всех служилых казаков, «без всяких отговорок». Они должны были быть на бодрых конях со всем конским убором, с ружьями и амуницией и явиться в Нарым к 28 февраля. Это было необходимо для проведения проверки ружей, мундиров, амунических вещей, коней, конного убора, а также проверки их «военной экзерции как пешей, так и конной». Отговорки об отсутствии ружей не принимались, так как каждый казак должен был позаботиться об этом и приобрести его себе за счет жалованья. В комплекте к ружьям у казаков должны были быть сыромятные ремни «шириною в два пальца, а длинною в ручную сажень». Кроме этого, каждому надлежало привести железа для изготовления пик. Для этой цели с казаками должен был прибыть кетский кузнец Петр Коновалов. Все эти мероприятия должен был проконтролировать приказчик Кетской канцелярии Филип Родюков [14. Л. 28].

В середине XVIII в. в остроге имелась артиллерия и припасы к ней. В марте 1750 г. в Кетск, видимо, вместе

с возвращающимися с проверки служилыми казаками, была послана новая чугунная пушка, «калибром три фунта с окованным лафетом». К ней прилагалось «пороху пушечного полпуда, запальник железный, чурла жестяная». Орудие надлежало разместить в главных воротах острога, а порох и материалы положить в казенный амбар [14. Л. 33]. В документах середины XVIII в. неоднократно встречаются сведения о получении казаками боеприпасов: «Прокопий Панов принял в Кецкой канцелярии ядер пушечных больших и малых девяносто четыре, фузейных пуль двадцать четыре»; «кецкой служилой казак Еким Воинов принял в Кецкой канцелярии свинцу двадцать четыре фунта и три четверти фунта к сдаче в нарымскую канцелярию» [14. Л. 49].

Однако в середине XVIII в. отдаленность и труднодоступность Кетска определили его, прежде всего, как место ссылки. Одним из самых известных ссыльных являлся князь Иван Тимофеевич Путятин, проходивший по «Лопухинскому делу». Он находился в Кетске с 1743 по 1752 г. В документах середины XVIII в. часто упоминается «секретный» или «некоторый» арестант, которого охраняла отдельная караульная команда. Интересным является факт особого отношения к нему при решении насущных проблем. В одном из документов, датированных февралем 1750 г., сообщается о необходимости сделать «некоторому арестанту в горнице белой печи». Специально для этих целей из Нарыма был отправлен разночинец Алексей Степанов, специалист по изготовлению кирпичей и кладки из них «печи белой». Приказчику Кетска надлежало собрать для работы людей, достаточных для возки глины, а также проследить, чтобы печь была «складена хорошая и надежная» [14. Л. 26–26 об.]. В марте 1750 г. у арестанта возникла другая проблема – закупка хлеба для его пропитания, для решения которой потребовался новый указ из Нарымской канцелярии. Местные крестьяне и разночинцы отказывались продавать хлеб вне зависимости от предлагаемой цены. Поскольку в Кетском ведомстве это был единственный вариант приобрести хлеб для пропитания, приказчику приписывалось вмешаться и оценить количество хлеба у местных обывателей. При обнаружении излишков необходимо было закупить для арестанта хлеб «по тамошней цене в размере четырех пудов ржи» [14. Л. 32–32 об.]. Видимо, указ выполнили, так как никаких упоминаний в документах об этой проблеме больше не встречается.

Князь Путятин был похоронен в Кетске. В этом контексте интересны сведения местных жителей о том, что на кладбище села Кетское имелись старые массивные могильные камни с надписями, природных выходов камня на р. Кети не известно. В советское время, после ликвидации села, территория кладбища была разровнена, камни техникой сдвинуты под склон террасы, на которой располагалась населенный пункт.

Не на последнем месте в заботах кетского приказчика стояли проблемы, связанные с инородческими волостями, населением которых были группы, обозначенные в документах «ясашные остяки». Основную трудность представляла организация сбора ясака, который должен был поступить в

казну Ея Императорского Величества «весь сполна». Зима 1750 г. была одной из самых неудачных в этом отношении, ибо остяки при отдаче ясака в Кетскую канцелярию заявили, «якобы зверя в ловле ничего не имелось и они умирают голодной смертью». По этой причине в зачет ясака они внесли малое число «и то худым зверем». Однако, по сведениям нарымского воеводы, в текущем году кетские разночинцы продали большое количество пушнины купцам из Томска. Это навело его на мысль, что проданный зверь был «ловлен» остяками, а затем продан разночинцам. По этой причине остяцким князья, есаулам, сотским предписывалось строго запретить инородческому населению продажу пушнины разночинцам, пока весь ясак не будет отдан сполна. Русским сотским и десятникам рекомендовалось задерживать таких продавцов и покупателей и садить под караул. Еще одна мера против этих злоупотреблений заключалась в выборе двух человек из состава служивых казаков, которые за вознаграждение должны были вести поиск таких людей в инородческих волостях и русских деревнях [14. Л. 34–34 об.].

Архивные документы свидетельствуют о частом присутствии в Кетске коренного населения. Чаще всего это случалось из-за голода в какой-нибудь из шести инородческих волостей, расположенных в бассейне реки Кеть. Недостаток пропитания вынуждал

местное население целыми семьями прибывать в Кетск и его пригород [14. Л. 81–84 об.]. По этой причине зафиксированное археологическими работами залегание в одном слое местной инородческой и русской керамики не вызывает удивления [9. С. 462–463].

Таким образом, археологические материалы и сведения архивных документов указывают, что в середине XVIII в. Кетск продолжал жить привычной, насыщенной событиями жизнью. Он, как и в конце XVII в., управлялся приказчиком, который хоть и подчинялся нарымскому воеводе, однако обладал значительной полнотой власти на месте. Острог сохранял свой военный потенциал, имел собственный арсенал и гарнизон. К исходу XVIII в. изменения стали действительно очевидны. На картах начала XIX в. острог еще обозначается, однако на его месте функционировало уже обычное село, по «исторической инерции» получившее название «Кетское». На начальном этапе оно еще сохраняло административные преференции, однако очень быстро их растратило, уступив эти функции более населенным и выгодно расположенным поселениям.

Село Кетское просуществовало до середины XX в., сохранившись в дальнейшем для истории только в виде обозначения на современных топографических картах – «урочище Кетское».

Список источников

1. Буцинский П.Н. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1893. 28 с.
2. Барсуков Е.В. Проблема локализации Кетского острога: историко-археологический контекст // V(XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. трудов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. С. 80–81.
3. Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Изд-во АН СССР, 1989. 304 с.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. LV. 662 с.
5. Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 181 с.
6. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
7. Чертежная книга Сибири составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб.: Типография А.М. Котомина и Ко, у Обуховского моста, № 93, 1882. 25 с.
8. Ситникова Е.В. Становление и развитие архитектуры сел бывшей Кетской волости // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2020. Т. 22, № 2. С. 9–28.
9. Идимешев А.А., Барсуков Е.В., Квасница Ю.К., Зограф А.А., Полосина А.С. Археологические разведки в Томской области // Археологические открытия. М.: Ин-т археологии РАН, 2020. Т. 2018. С. 462–463.
10. Идимешев А.А., Квасница Ю.К., Зограф А.А., Богайчук Е.А. Археологические разведки в Томской области // Археологические открытия. М.: Ин-т археологии РАН, 2021. Т. 2019. С. 416–418.
11. Идимешев А.А. Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории Колпашевского и Верхнекетского районов Томской области в 2020 году. Северск, 2021 // Архив ООО «Сибирская археология». Б/н.
12. Идимешев А.А. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологическая разведка в бассейне р. Кети в границах Верхнекетского, Колпашевского районов Томской области в 2018 г.». Северск, 2019 // Архив ООО «Сибирская археология». Б/н.
13. Барсуков Е.В., Лойко С.В., Дербилова, Идимешев А.А. «Кетский кряж»: перспективы изучения традиций русского земледелия археологами и почвоведом // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст.: в 2 т. Братск; Омск: Издательский дом «Наука», 2024. С. 223–228.
14. Государственный архив Томской области. Ф. 528. Кетская воеводская канцелярия. Оп. 1. Д. 1. Указы Нарымской воеводской канцелярии за 1750–1752 годы. 234 л.
15. Окладная книга Сибири 1697 года. М.: Ист. музей, 2015. 296 с.

References

1. Butinskiy, P.N. (1893) *K istorii Sibiri: Surgut, Narym i Ketsk do 1645 g.* [On the history of Siberia: Surgut, Narym, and Ketsk until 1645]. Kharkiv: Tipografiya Adol'fa Darre.
2. Barsukov, E.V. (2017) Problema lokalizatsii Ketskogo ostroga: istoriko-arkheologicheskii kontekst [The problem of locating Ketsk fortress: Historical and archaeological context]. In: *V(XXI) Vserossiyskiy arkheologicheskii s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov* [The 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress: Collection of scientific papers]. Barnaul: Altai State University. pp. 80–81.
3. Rezun, D.Ya. & Vasilevskiy, R.S. (1989) *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian cities]. Novosibirsk: USSR AS.
4. Dolgikh, B.O. (1960) Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v. [Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. In: *Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaya. Novaya seriya* [Proceedings of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. New series]. Vol. LV. Moscow: USSR AS.
5. Emel'yanov, N.F. (1981) *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nuyu epokhu* [Russian settlement of the Middle Ob region in the feudal era]. Tomsk: Tomsk State University.

6. Anon. (1996) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [18th-century Siberia in the travel descriptions of G.F. Miller]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
7. Anon. (1882) *Chertezhnaya kniga Sibiri sostavlenaya tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu* [The drawing book of Siberia compiled by Tobolsk nobleman Semyon Remezov in 1701]. St. Petersburg: Tipografiya A.M. Kotomina i Ko.
8. Sitnikova, E.V. (2020) Stanovlenie i razvitie arkhitektury sel byvshey Ketskoy volosti [Formation and development of architecture in the villages of the former Ketsk volost]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. 22 (2). pp. 9–28.
9. Idimeshev, A.A., Barsukov, E.V., Kvasnitsa, Yu.K., Zograf, A.A. & Polosina, A.S. (2020) Arkheologicheskie razvedki v Tomskoy oblasti [Archaeological surveys in Tomsk Oblast]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries]. Moscow: RAS Institute of Archeology. Vol. 2018. pp. 462–463.
10. Idimeshev, A.A., Kvasnitsa, Yu.K., Zograf, A.A. & Bogaychuk, E.A. (2021) Arkheologicheskie razvedki v Tomskoy oblasti [Archaeological surveys in Tomsk Oblast]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya* [Archaeological Discoveries]. Vol. 2019. Moscow: RAS Institute of Archeology. pp. 416–418.
11. Idimeshev, A.A. (2021) *Nauchnyy otchet o provedennoy arkheologicheskoy razvedke na territorii Kolpashevskogo i Verkhneketskogo rayonov Tomskoy oblasti v 2020 godu* [Scientific report on the archaeological survey conducted in the Kolpashevo and Verkhneketsky districts of Tomsk Oblast in 2020]. Seversk: Archive of Siberian Archeology LLC. Unpublished.
12. Idimeshev, A.A. (2019) *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote "Arkheologicheskaya razvedka v bassejne r. Ket i granitsakh Verkhneketskogo, Kolpashevskogo rayonov Tomskoy oblasti v 2018 g."* [Report on the research work "Archaeological survey in the Ket River basin within the Verkhneketsky and Kolpashevo districts of Tomsk Oblast in 2018"]. Seversk: Archive of Siberian Archeology LLC. Unpublished.
13. Barsukov, E.V., Loyko, S.V., Derbilova & Idimeshev, A.A. (2024) "Ketskiy kryazh": perspektivy izucheniya traditsiy russkogo zemledeliya arkheologami i pochvovedami ["Ketsk Ridge": Prospects for studying Russian agricultural traditions by archaeologists and soil scientists]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Sbornik nauchnykh statey. V 2 t.* [The culture of Russians in archaeological research: Collection of scientific articles. In 2 vols]. Bratsk; Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka". pp. 223–228.
14. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 528. Ketskaya voyevodskaya kantselyariya [Ketsk Voivodeship Office]. List 1. File 1. *Ukazy Narymskoy voyevodskoy kantselyarii za 1750–1752 gody* [Decrees of the Narym Voivodeship Office for 1750–1752].
15. Anon. (2015) *Okladnaya kniga Sibiri 1697 goda* [The 1697 tax book of Siberia]. Moscow: Ist. muzey.

Информация об авторе:

Барсуков Е.В. – научный сотрудник лаборатории биогеохимических и дистанционных методов мониторинга окружающей среды Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: barsukovevg@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Barsukov, research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); research fellow, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: barsukovevg@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2024;
одобрена после рецензирования 16.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 10.11.2024;
approved after reviewing 16.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 902/904
doi: 10.17223/15617793/509/17

Детали облачения представителей духовного сословия из некрополя на месте Умревинского острога*

Андрей Павлович Бородовский¹, Алексей Анатольевич Воробьёв-Исаев²

¹ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия, altaicenter2011@gmail.com

² МАОУ лицей № 8 имени Н.Н. Рукавишников, Томск, Россия, vorobyov-a-a@mail.ru

Аннотация. Выявлены и интерпретированы погребения на месте Умревинского острога с признаками принадлежности к лицам духовного сословия. Анализ письменных данных XVIII столетия свидетельствует, что при острожной церкви Трёх Святителей проживало несколько семей священников. Результаты археологических исследований позволили обнаружить несколько захоронений, в которых были представлены фрагменты облачения священнослужителей. Среди них металлический наперсный крест, массивная гирьковидная серебряная пуговица с позолотой и шитый крест из ткани и золотого позумента.

Ключевые слова: Умревинский острог, некрополь, погребальная обрядность, священнослужители, детали облачения лиц духовного сословия

Источник финансирования: работа подготовлена по теме Госзадания «Формирование оригинальных черт российской цивилизации и становление империи на материалах исследований памятников Сибири XVI–XX веков (FWZG-2025-0013)».

Для цитирования: Бородовский А.П., Воробьёв-Исаев А.А. Детали облачения представителей духовного сословия из некрополя на месте Умревинского острога // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 161–168. doi: 10.17223/15617793/509/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/17

Details of clerical vestments from the necropolis at the site of Umrevinsky Ostrog

Andrey P. Borodovsky¹, Aleksey A. Vorobyov-Isaev²

¹ Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, altaicenter2011@gmail.com

² Lyceum No. 8, Tomsk, Russian Federation, vorobyov-a-a@mail.ru

Abstract. This study identifies and analyzes burials at the site of Umrevinsky Ostrog (a fortified outpost in present-day Novosibirsk Oblast) containing artifacts indicative of clerical status. The ostrog's Church of the Three Hierarchs – one of the first Orthodox churches established in the Upper Ob River region in the early 18th century – left a material record reflecting its prolonged use and the presence of clergy. Written records from the first quarter to the late 18th century confirm that several priestly families resided at the church. Archaeological investigations at the ostrog (abolished in the late 18th century) revealed burials containing fragments of clerical vestments, including: a metal pectoral cross, a massive gilded silver button of acorn form, a fabric cross embroidered with gold galloon. The button and embroidered cross likely belonged to epitrachelions – status markers of priestly liturgical garments. Their presence aligns with Orthodox burial norms for clergy. Notably, the graves' spatial distribution shows no clear correlation with the church's presumed location within the ostrog. The anthropological analysis of these burials, combined with documentary evidence (Confessional Statements and Parish Registers from 1740–1799), reveals consistent patterns linking archaeological and written sources. A key finding is new evidence for dating the relocation of the Church of the Three Hierarchs from the ostrog. This correlation aids in interpreting motivations behind the clergy's burial placement. Collectively, these findings contribute to the church archaeology of the Upper Ob region in the 18th century, offering insights into clerical life at Siberia's frontier outposts.

Keywords: Umrevinsky Ostrog, necropolis, funeral rites, clergymen, details of vestments of clergy

Financial support: The research was carried out as part of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FWZG-2025-0013.

* Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

For citation: Borodovsky, A.P. & Vorobyov-Isaev, A.A. (2024) Details of clerical vestments from the necropolis at the site of Umrevinsky Ostrog. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 161–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/17

Введение

В ходе многолетних археологических исследований (2002–2023 гг.) [1, 2] среди артефактов на территории расположения Умревинского острога и в его окрестностях было обнаружено несколько предметов, которые можно интерпретировать как детали облачения православных священников. К ним относятся три наперсных креста, серебряная с позолотой массивная гирьковидная пуговица (п. 80а) и нашивка креста (п. 167) из золоченого позумента. Из письменных источников [3. С. 77–78; 4. Л. 97] известно, что в XVIII столетии при Умревинском остроге (рис. 1) существовала церковь Трёх Святителей.

Рис. 1. Расположение Умревинского острога:
1 – территория исследований;
2 – локализация

Этот православный храм был одним из первых на территории севера Верхнего Приобья. Следует заметить, что из трёх чинов Божественной литургии в Русской православной церкви две посвящены чинам Василия Великого и Иоанна Златоуста (третий чин посвящен Григорию Двоеслову, который не входил в состав Трёх Святителей) [5. С. 330]. Они явно связаны с названием церкви «Трёх Святителей», известной на Умревинском остроге. Наименование этой церкви относится к числу не очень распространенных, но для территории Западной Сибири такое название вполне

можно связать с началом XVIII в., когда в г. Тобольске начался процесс становления регионального духовного образования. Именно с этой ипостасью и были тесно связаны Три Святителя – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Не менее важно и то, что в богослужебной практике литургия Василия Великого и Иоанна Златоуста проводится 10 раз в году [5. С. 330]. Это происходит в праздничные дни Рождества Христова, Богоявления, Великого поста, а также в Великий четверг и Субботу. В прочие дни совершаются литургии Иоанна Златоуста [5. С. 331]. Божественные литургии Василия Великого или Иоанна Златоуста служились для благословения, покаяния и утверждения в молитве для приготовления к причастию [5. С. 344]. Важность этих служб, частота их отправления очевидно были одним из факторов, повлиявших не только на выбор названия одной из первых церквей на севере Верхнего Приобья – в Умревинском остроге, но и на длительное существование в этом оборонительном пункте целой плеяды православных священников [6. С. 24; 7. С. 51; 8. С. 94]. Такой факт не мог не отразиться в предметах материальной культуры и погребальной обрядности на территории этого острога.

Основная часть

Среди предметов, связанных с лицами духовного сословия, можно выделить целый ряд изделий. Например, два наперсных креста [2. С. 93, 196, рис. 137] и фрагмент (рис. 2) такого предмета, были найдены за пределами Умревинского острога. Еще один наперсный крест обнаружен в погребении 107 на месте упраздненного Умревинского острога (рис. 3).

Это захоронение располагалось у южной тыновой стены острога в его юго-восточном углу. Погребение находилось в деревянной колоде, которая была впущена в заполнение тыновой канавки, частично разрушив могилу 108. Захоронение являлось ярусным. Оно располагалось над погребением 114 и было более поздним относительно разрушенной могилы 108. Глубина захоронения 107 от дерновой поверхности составляла 110 см, от условно материкового уровня – 45 см.

Наперсный крест располагался на груди погребенного. На его обороте в верхней части находилась выступающая проушина с отверстием для подвешивания. У наперсного креста из погребения 107 снаружи не было никаких дополнительных выступающих изображений, в отличие от другого аналогичного изделия с херувимами, найденного за пределами Умревинского острога [2. С. 196, рис. 137]. Погребенный являлся мужчиной в возрасте 40–45 лет (КАГТУ 6058) (антропологические определения канд. ист. наук М.П. Рыкун (НИ ТГУ)).

Рис. 2. Фрагмент навершия наперсного креста или иконы-складня, найденной на территории Умревинского острога

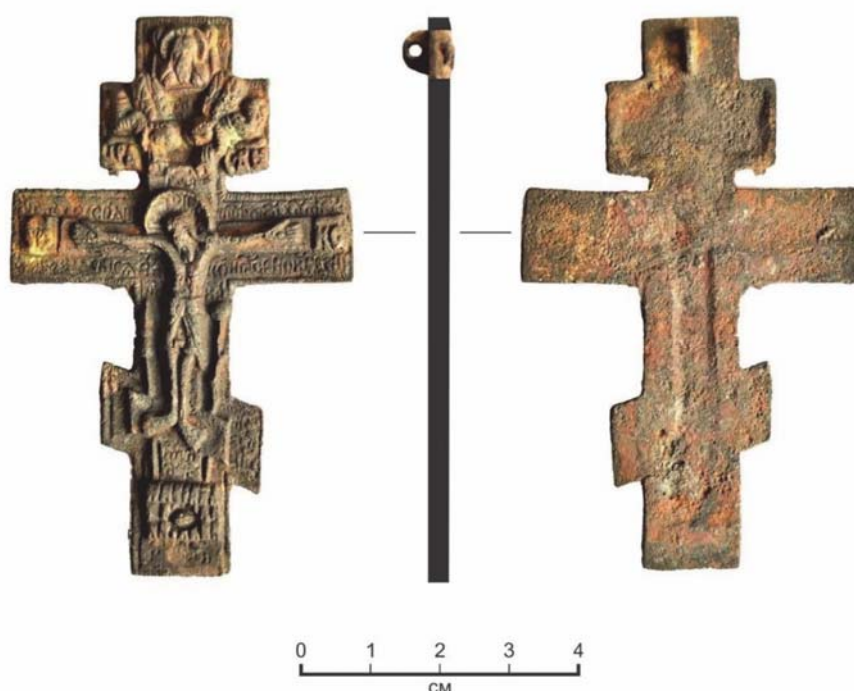

Рис. 3. Наперсный крест из погребения 107 на месте Умревинского острога

Другой крест, выполненный из двух полосок золочёного позумента (рис. 4, 2), обнаружен в погребении 167 (рис. 5). Оно находилось в центральной части площадки бывшего Умревинского острога с восточной стороны от сгоревших руин жилого сооружения, прекратившего свое существование в конце XVIII в. [2]. Могильная яма находилась на достаточно значительном расстоянии от восточного торца этой конструкции. Само захоронение входило в конгломерат могил, из которых погребения 153 и 159 были нижним ярусом, могила 160 смыкалась с погребением 167 в верхнем ярусе. Глубина могильной ямы этого погребения составляла от материковой поверхности 161 см. Погребальная конструкция была представлена дощатым гробом, скрепленный крупными железными гвоздями (19 штук). На костях ног захороненного сохранились фрагменты кожаных сапог с железной обувной подковкой и берестяными

стельками. На железных набойках сапог зафиксировано воздействие высокой температуры. Эти следы представлены на металле в виде расплавленных каких-то минералов, сплавившихся с текстилем. При этом воздействие огня на погребальную конструкцию и скелет погребенного не зафиксировано.

Среди сопроводительного инвентаря в могиле 167, кроме нательного креста в районе шеи погребенного, была обнаружена тканая основа первоначально голубого цвета (см. рис. 6), покрытая полосками золотого позумента в виде креста (см. рис. 4, 2; рис. 5). Сам позумент по своим технологическим параметрам близок к «металлическому» армейскому прибору. В заполнении могильной ямы была обнаружена единичная армейская медная пуговица с двухглавым орлом и петельчатым ушком рубежа XIX–XX вв. [9. С. 233; 10. С. 112]. Погребенный в могиле 167 являлся мужчиной в возрасте 25–30 лет (КАГТУ 6071).

Рис. 4. Тесьма и позумент из погребения 167 на месте Умревинского острога

Рис. 5. Шитый крест в погребении 167 на месте Умревинского острога

Рис. 6. Основа для нашитого креста из погребения 167 на месте Умревинского острога

Шитый крест из захоронения, учитывая его расположение на груди погребенного, мог быть частью декора одеяния рукоположенного священнослужителя – епитрахили [5. С. 451]. Тесьма, обнаруженная в погребении (рис. 4, 1), возможно, являлась частью внешней оторочки изделия. Эта длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь, является неотъемлемым атрибутом богослужебного облачения православного священника. В полном облачении епитрахиль надевается поверх подризника, а в малом облачении – на рясу. Этот предмет символизирует благодатные дарования иерея как священнослужителя. Перед совершением обрядов (литургии) священники облачаются в епитрахиль с молитвой. Декор этой части культового облачения может быть представлен несколькими крестами, а ее скрепление на груди и туловище священника – пуговицами.

Цвет епитрахили различается в зависимости от церковных праздников, когда служит божественная литургия. Учитывая, что основой для креста из позумента в погребении 167 является синяя ткань, такая епитрахиль соответствует Богородичным праздникам (Благовещение, Ризоположение, Успение, Рождество Пресвятой Богородицы, Покров, Ведение и дни памяти Богородичных икон).

Рис. 7. Серебряная с позолотой гириковидная пуговица из погребения 80а на месте Умревинского острога

Еще одной деталью епитрахили может быть серебряная с позолотой массивная гириковидная пуговица (рис. 7) из погребения 80а, обнаруженная в районе живота погребенного. Поверхность этой пуговицы была декорирована растительным орнаментом в виде двух развернутых в разные стороны пальметок. Они были оконтурены линией прямоугольных очертаний. Таких декорированных сегментов было три. Погребение с этим предметом располагалось в юго-восточном углу внутренней площадки на территории бывшего Умревинского острога напротив тыновой канавки восточной стены этого оборонительного сооружения. Границы могильной ямы 80а с южной стороны примыкали к захоронению 81, с северной стороны соприкасались

с могильной ямой погребения 87. Глубина могильной ямы захоронения 80а от дневной поверхности была 137 см, а глубина от условного материка – 57 см. Погребенный мужчина в возрасте 30–35 лет (КАГГУ 6049) располагался в колоде. Внешняя часть нижней части колоды слева от изголовья погребенного имела следы обугленности. В районе затылка, нижней челюсти, позвоночного столба, ребер и рук наблюдается обугленность костей. Следы огня на костях захороненного и его деревянной погребальной конструкции, скорее всего, были обусловлены каким-то ритуалом. Например, с огнём в погребальной обрядности русского населения Верхнего Приобья и Барабы был связан обычай помещать в гроб или колоду керамический сосуд с углями из печи дома усопшего [11. С. 508]. Следует отметить, что в этнографической практике известен обычай разведения костров на могилах во время родительских дней при посещении кладбищ. Однако при исследовании южной части некрополя на площадке Умревинского острога таких следов воздействия костров на месте расположения множества захоронений не выявлено [12]. Таким образом, пока ритуальное воздействие огня в «некротопосе» на площадке Умревинского острога можно связывать только с другими особенностями захоронения священнослужителей. Они могли быть, например, связаны с самовозгоранием негашеной извести, если ей по каким-то причинам были засыпаны такие погребения. Поскольку в определенных условиях при попадании на негашеную известь воды температура может подняться до самовоспламенения дерева [13. С. 285].

В колоде 80а под головой погребенного было сделано возвышение – «подушка». Обнаруженная в этом погребении массивная серебряная пуговица функционально могла быть частью епитрахили. В таком случае общее количество таких пуговиц на епитрахили могло составлять до 12 штук. Тем не менее, если рассматривать представленность отдельных деталей сакрального «декора» (нашивной крест из погребения 167) и функциональных застежек (единичная гириковидная серебряная пуговица из погребения 80а) как частичного отражения облачения священнослужителя (епитрахили, кувуклии, наручей), они в дополнение к находке в погребении 107 наперсного креста явно символизируют богослужебные одеяния лиц духовного сословия.

В связи с находками таких артефактов необходимо отметить, что лица духовного сословия в Умревинском остроге, по письменным данным [6. С. 24; 7. С. 51; 8. С. 94], известны уже в XVIII в. Тем не менее вплоть до настоящего времени не выявлены письменные источники, которые бы напрямую свидетельствовали о времени основания церкви Трёх Святителей в этом остроге. Г.Ф. Миллер сообщал о наличии острожной церкви Трёх Святителей на момент 1734 г. [14. С. 76]. По информации И.Г. Гмелина, лично посетившего острог в июне 1741 г., церковь, находившаяся внутри острога, была построена в 1719 г. [3. С. 77–78; 15. С. 85]. К сожалению, он не указал основание для этой датировки.

Другой проблемой является определение времени закрытия и переноса церкви из Умревинского острога

в село Ояшенское. Несмотря на отсутствие на данный момент известных нам документов, напрямую регулировавших этот процесс, вопрос может быть вполне решен на основе привлечения ранее не использовавшейся для изучения учетной церковной документации последнего периода существования Умревинского острога и последующего времени функционирования церкви Трёх Святителей в селе Ояшенском. На основе анализа этих источников можно предварительно определить датой закрытия и переноса церкви из села Умрева в село Ояшенское вторую половину 1800 г., что полностью противоречит имеющейся в других изданиях дате переноса церкви в 1895 г. [16. С. 142]. Все это актуализирует хронологическую атрибуцию погребений с артефактами богослужения на некрополе, образовавшемся на месте Умревинского острога, и ставит проблему возможности захоронения священнослужителей на Умревинском кладбище уже после переноса церкви в село Ояшенское.

Отдельным вопросом является выявление количества и состава лиц духовного сословия Умревинского

острога на протяжении функционирования церкви. По сравнению с исследованиями П.И. Романова [8. С. 94], выявившего метрические книги только за 1781–1784 гг., нами обнаружен значительный массив метрических книг и исповедных ведомостей, позволяющих проследить на основе перекрестного анализа количество и сан лиц духовного сословия, а также в целом динамику изменения состава священнослужителей в периоды функционирования церкви Умревинского острога 1740, 1747–1751, 1763, 1765, 1767–1773, 1777–1779, 1781–1784, 1790–1796 и 1799–1800 гг. при существовании отдельных белых пятен. Всего использовано 15 исповедных росписей и 27 метрических книг.

Почти весь период существования церкви при Умревинском остроге связан с династией Жеребцовых-Иволиновых. И только в конце XVIII в. появляется священник Дмитрий Иванов Протопопов. Всего выявлено десять священнослужителей, связанных с функционированием церкви до ее переноса в село Ояшенское.

Реконструкция состава священнослужителей церкви Трёх Святителей и периодов их службы в XVIII – начале XIX в.

Временной период по службе священников	Священник	Диакон	Дьячок	Пономарь
1719? – ? Умревинский острог	Фёдор Иванов Жеребцов (Иволинов)? (умер в 1749 – начале 1750 г., в возрасте 57 лет)	Отсутствовал	Отсутствовал	Отсутствовал
? – 1740–1768 Умревинский острог	Иван Фёдоров Жеребцов (он же) Иволинов (умер 21.06.1768 г. в возрасте 59 лет)	Отсутствовал	Егор Иванов Иволинов ? – 1771 (судьба неизвестна, записи обнаружены только за один год, когда ему было 27 лет) Яков Андреев Жеребцов ? – 1767–1805 (умер 10.12.1805 г. в возрасте 60 лет)	174? – 1747? Сергей Фёдоров Иволинов (он же Сергей Жеребцов) 174? – 1768 (умер 14.08.1768 г. в возрасте 50 лет)
1769–1783 Умревинский острог	Пётр Иванов Иволинов (умер 14.05.1783 г. в возрасте 44 лет)	Отсутствовал		
? – 1790–1799 Умревинский острог, село Умрева	Дмитрий Иванов Протопопов (выбыл или умер в 1799 г. в возрасте 44 лет)	Ларион Петров Иволинов ? – 1790–1824 (умер 16.07.1824 г. в возрасте 60 лет в статусе отставного диакона с Ояшинского. Погребен при церкви)		
1799–1801 Село Умрева Село Ояшенское?	Прокопий Яковлев Курбаковский, временно исполняющий обязанности			
1802–1804 Село Ояшенское	Фёдор Дмитриев Паршуков (умер 06.06.1804 в возрасте 48 лет)			Фёдор Сергеев Жеребцов 1769–1804 (умер 15.03.1804 в возрасте 49 лет)

Осуществлённая реконструкция состава священнослужителей церкви Трёх Святителей и периодов их службы (см. таблицу) позволяет рассмотреть варианты корреляции метрических данных и археологического материала.

Возраст погребённого в могиле № 107 (40–45 лет) соответствует данным Петра Иванова Иволинова, который умер 14.05.1783 г. в возрасте 44 лет [17. Л. 17 об.]. Однако окончательно утвердить это соотношение не позволяет ситуация с «исчезновением» в 1799 г. Дмитрия Иванова Протопопова в возрасте 44 лет [18]. Отсутствие записи о смерти в момент его «исчезновения» не исключает вероятность болезни и смерть в конце 1799 г., ведь за этот период метрические записи не сохранились. Таким образом, погребению 107 (с наперсным крестом) могут соответствовать два священника, для окончательного решения этого вопроса необходимо прояснение судьбы Дмитрия Иванова Протопопова.

Погребённый в могиле № 167 являлся мужчиной в возрасте 25–30 лет. Этот возрастной диапазон соответствует только одному церковнослужителю – дьячку Егору Иванову Иволинову, судьба которого неизвестна, записи обнаружены только за 1771 г. [19. Л. 118], когда ему было 27 лет. Затем он исчезает из имеющихся записей либо в результате смерти, либо перевода в другое место. Отсутствие точных данных об этом лице не позволяет однозначно соотнести с ним погребение 167. Мало того, достаточно «поздние» особенности этого погребения вплоть до наличия в засыпи могильной ямы армейской медной пуговицы с двуглавым орлом и петельчатым ушком рубежа XIX–XX вв. оставляют вопрос интерпретации этого захоронения открытым.

Погребённый в могиле № 80а был мужчиной в возрасте 30–35 лет. Этот временной диапазон напрямую

не соответствует ни одному известному священнослужителю. Тем не менее теоретически до этого возраста мог дожить только дьячок Егор Иванов Иволинов. Либо это погребение, возможно, не относится к лицам духовного сословия.

Еще к одним неотъемлемым атрибутам священника можно отнести случайную находку на площадке некрополя, сформировавшегося на месте упраздненного Умревинского острога, – фрагмент округлой подвески изготовленной штамповкой из двух металлических пластин с одним кольцом от цепи. Этот предмет, скорее всего, является частью подвеса церковного кадила. Находка такого изделия на месте кладбища, вполне возможно, связана с отправлением церковных обрядов, в процессе которых крепление кадила могло разрушиться и утратить один из фрагментов подвеса.

Анализируя расположение погребений (80а, 107, 167) на месте упраздненного Умревинского острога с артефактами, связанными с облачением священнослужителей, следует подчеркнуть несколько особенностей их локализации. Во-первых, все они расположены не компактно, в различных частях юго-восточного края площадки бывшего острога. Во-вторых, эти захоронения входят, в свою очередь, в другие конгломераты захоронений, не обладающих артефактами, связанными с лицами духовного сословия. В-третьих, все погребения с предметами, соотносимыми с облачением священнослужителей, тяготеют к юго-восточному краю некрополя, образовавшегося на месте Умревинского острога. Такая локализация этих погребений позволяет вернуться к дискуссии о месте расположения церкви Трёх Святителей в Умревинском остроге. По письменным данным первой четверти XVIII в. (Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин), это культовое сооружение находилось внутри острога [3. С. 77–78; 4. Л. 97]. Археологические исследования пока не позволили выявить на территории Умревинского острога площадку, где могла находиться упомянутая в письменных источниках церковь. Однако, сам факт неоднократного выявления погребений с атрибутикой священнослужителей даёт основания для корреляции этих археологических данных с письменными источниками.

Показательно, что все захороненные в этих погребениях принадлежат молодым (25–30 лет) или зрелым

мужчинам (30–35, 40–45 лет), возраст которых соответствует принятию духовного сана. По канонам Церкви (14-е правило Трулльского Собора) для поставления в дьяконы возрастной ценз соответствует 25 годам, а для священника – 30 лет. Такие критерии связаны с тем, что Сам Господь Иисус Христос вышел на Свою проповедь в 30 лет.

Определенная «избранность» погребений 80-а, 107, 167 с атрибутикой, характерной для священнослужителей, на месте Умревинского острога подчеркивается деталями сопроводительного инвентаря (наперсный крест, крест из тесьмы и серебряная с позолотой массивная гирьковидная пуговица). В целом наличие фрагментов облачения лиц духовного сословия в погребениях 80а, 107, 167 имеет явные соответствия с канонами погребения священников успевших покаяться перед своей смертью.

Заключение

Погребения с предметами, соотносимыми с культовой атрибутикой священнослужителей, на месте упраздненного Умревинского острога не случайно имели различия деревянных внутримогильных конструкций. Не исключено, что колоды (погребения 80а, 107) и гроб (167) маркировали различные по времени периоды захоронения. Погребения (80а, 107) в колодах с атрибутикой священников можно считать относительно ранними, тогда как захоронение в гробу (167) – более поздним. Наличие в этой могильной яме армейской пуговицы конца XIX – начала XX в. позволяет отнести погребение к наиболее позднему времени функционирования некрополя. Следует также заметить, что это погребение 167 вряд ли располагалось к востоку от места бывшей церкви. Поскольку на этом участке острога находилось пожарище жилой конструкции [1, 2], периферия которого с севера, запада и востока активно занималась кладбищем [12] на месте Умревинского острога.

В свою очередь, расположение уже выявленных захоронений (80а, 107, 167) с артефактами, соотносимыми с облачением священнослужителей, также не позволяют сузить локализацию этого культового объекта, поскольку размещение могил с таким сопроводительным инвентарем весьма «дисперсно» и плотно интегрировано в общую погребальную структуру всего некрополя без ориентации на какую-либо особую конструкцию острога (церковь).

Список источников

1. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 242 с.
2. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог: результаты археологических исследований 2010–2017 годов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2020. 220 с.
3. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. – Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. 700 s.
4. Российский Государственный архив древних актов. Ф. 199. Портф. 481, Ч. 2. Документация академического отряда Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина из Томской воеводской канцелярии.
5. Булгаков С.В. Настольная книга священно-церковно-служителя. Т. 1. М. : Издат. отдела Моск. Патриархата, 1992. 630 с.
6. Миненко Н.А. Первые русские деревни и города на территории Барабы и Новосибирского Приобья // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 3–32.
7. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1990. 184 с.
8. Романов П.И. Проблемы и перспективы корреляции архивных документов и археологического материала на примере Умревинского острога // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 93–98. doi: 10.17223/19988613/45/14
9. Низовский А.Ю. Русские форменные пуговицы 1797–1917 гг. М. : Родонит, 2008. 376 с.
10. Мундирные пуговицы Российской империи. Евпатория : Крымский Афон, 2008. 256 с.
11. Воробьёв А.А. Сосуды с углями из русских погребений Верхнего Приобья и Барабы как объект археологического изучения // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы на рубеже тысячелетий. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. С. 506–508.

12. Бородавский А.П. Воздействие огня на деревянные сооружения Умревинского острога // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. XXVII. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. С. 371–376.
13. Троценко А.А. Некоторые аспекты химизма самовозгорания и самовоспламенения // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2016. № 1-1 (7). С. 284–288.
14. Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука, 1988. 214 с.
15. Горохов С.В. Становление Московско-Сибирского тракта на участке от Тары до Томска. Транспортные коммуникации и опорные пункты (конец XVII – середина XVIII века) [Электронное издание сетевого распространения]. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. 378 с.
16. Мошковский район в лицах. Страницы истории. Новосибирск : Альфа-порте, 2022. 808 с.
17. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2714. Л. 13–18. Метрическая книга церкви Трёх Святителей Умревинского острога за 1783 год.
18. Государственный архив Томской области. Ф. 173. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–16 об. Исповедная ведомость Умревинского села за 1799 год.
19. ГАТО. Ф. 170. Оп. 9. Д. 6. Л. 117–119. Метрическая книга церкви Трёх Святителей Умревинского прихода за 1771 год.

References

1. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2009) *Umrevinskiy ostrog (arkheologicheskiye issledovaniya 2002–2009 gg.)* [Umrevinsky Ostrog (Archaeological Research of 2002–2009)]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
2. Borodovskiy, A.P. & Gorokhov, S.V. (2020) *Umrevinskiy ostrog: rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy 2010–2017 godov* [Umrevinsky Ostrog: Results of Archaeological Research 2010–2017]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
3. Gmelin, J.G. (1752) *Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743*. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe.
4. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 199. Case 481, Part 2. *Dokumentatsiya akademicheskogo otryada G.F. Millera i I.G. Gmelina iz Tomskoy voyevodskoy kantselyarii* [Documentation of the academic detachment of G.F. Miller and I.G. Gmelin from the Tomsk Voivodeship Chancellery].
5. Bulgakov, S.V. (1992) *Nastol'naya kniga svyashchenno-tserkovno-sluzhitelya* [Handbook for Clergymen]. Vol. 1. Moscow: Izdal. otдела Mosk. Patriarkhata.
6. Minenko, N.A. (1984) *Pervyye russkiye derevni i goroda na territorii Baraby i Novosibirskogo Priob'ya* [The first Russian villages and towns in Baraba and the Novosibirsk Ob region]. In: *Gorod i derevnya Sibiri v dosovetskiy period* [City and village of Siberia in the pre-Soviet period]. Novosibirsk. pp. 3–32.
7. Minenko, N.A. (1990) *Po staromu Moskovskomu traktu* [Along the Old Moscow Highway]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo.
8. Romanov, P.I. (2017) Problems and Prospects of Correlation of Archival Documents and the Archaeological Material (In the Umrevinsky Stockaded Town). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 45. pp. 93–98. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/45/14
9. Nizovskiy, A.Yu. (2008) *Russkiye formennyye pugovitsy 1797–1917 gg.* [Russian Uniform Buttons 1797–1917]. Moscow: Rodonit.
10. Anon. (2008) *Mundirnyye pugovitsy Rossiyskoy imperii* [Uniform Buttons of the Russian Empire]. Evpatoriya: Krymskiy Afon.
11. Vorob'yov, A.A. (2021) *Sosudy s uglami iz russkikh pogrebeniy Verkhnego Priob'ya i Baraby kak ob'yekt arkheologicheskogo izucheniya* [Vessels with coals from Russian burials of the Upper Ob and Baraba regions as an object of archaeological study]. In: *Istoriko-kul'turnoye nasledie Severnoy Azii: itogi i perspektivy na rubezhe tysyacheletiy* [Historical and Cultural Heritage of Northern Asia: Results and Prospects at the Turn of the Millennium]. Barnaul: Altai State University. pp. 506–508.
12. Borodovskiy, A.P. (2021) *Vozdeystviye ognya na derevyannyye sooruzheniya Umrevinskogo ostroga* [The impact of fire on the wooden structures of the Umrevinsky Ostrog]. In: *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 27. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 371–376.
13. Trotsenko, A.A. (2016) *Nekotoryye aspekty khimizma samovozgoraniya i samovosplamneniya* [Some aspects of the chemistry of spontaneous combustion and self-ignition]. *Sovremennyye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoy oborony i likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy*. 1-1 (7). pp. 284–288.
14. Anon. (1988) *Istochniki po istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Sources on the History of Siberia in the Pre-Soviet Period]. Novosibirsk: Nauka.
15. Gorokhov, S.V. (2021) *Stanovleniye Moskovsko-Sibirskogo trakta na uchastke ot Tary do Tomsk. Transportnyye kommunikatsii i opornyye punkty (konets XVII – sredina XVIII veka)* [The Formation of the Moscow-Siberian Highway on the Section from Tara to Tomsk. Transport Communications and Strongholds (Late 17th – Mid-18th Centuries)]. Novosibirsk: NSU.
16. Anon. (2022) *Moshkovskiy rayon v litsakh. Stranitsy istorii* [Moshkovsky District in Faces. Pages of History]. Novosibirsk: Alfa-porte.
17. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund 156. List 1. File 2714. Pages 13–18. *Metricheskaya kniga tserkvi Tryokh Svyashchennikov Umrevinskogo ostroga za 1783 god* [The parish register of the Church of the Three Hierarchs of Umrevinsky Ostrog for 1783].
18. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 173. List 1. File 7. Pages 1–16 rev. *Ispovednaya vedomost' Umrevinskogo sela za 1799 god* [Confessional Statements and of Umrevinsky village for 1799].
19. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 170. List 9. File 6. Pages 117–119. *Metricheskaya kniga tserkvi Tryokh Svyashchennikov Umrevinskogo prikhoda za 1771 god* [The parish register of the Church of the Three Hierarchs of Umrevinsky Ostrog for 1771].

Информация об авторах:

Бородавский А.П. – д-р ист. наук, главный научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: altaicenter2011@gmail.com
Воробьев-Исаев А.А. – канд. ист. наук, учитель истории МАОУ лицей № 8 имени Н.Н. Рукавишников (Томск, Россия). E-mail: vorobyov-a-a@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.P. Borodovsky, Dr. Sci. (History), senior research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: altaicenter2011@gmail.com
A.A. Vorobyov-Isaev, Cand. Sci. (History), history teacher, Lyceum No. 8 named after N.N. Rukavishnikov (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vorobyov-a-a@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2024;
 одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 06.11.2024;
 approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 902/904+902.01+903.08
doi: 10.17223/15617793/509/18

Орнаментация керамики ирменской культуры поселения Чекист (по материалам раскопок 2008 г.)^{*}

Богдана Станиславовна Попова¹, Дмитрий Юрьевич Рыбаков²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, bogdana.borilo@mail.ru

² ООО «Сибирская археология», Северск, Россия, dima0183@yandex.ru

Аннотация. Представлены результаты анализа орнаментации ирменской керамики поселения Чекист, расположенного на севере Томского Приобья. Введены в научный оборот части материалов памятника (из раскопок 2008 г.), а также выявлены локальные орнаментальные особенности в керамике ирменской культуры. Рассмотрены в количественном соотношении отдельные элементы орнамента, орнаментальные мотивы и композиции, присущие керамике поселения Чекист. На основании проведенного анализа были выявлены отличия в орнаментации керамики рассматриваемого памятника и памятников ирменской культуры с сопредельных (южных) территорий Томского Приобья.

Ключевые слова: Томское Приобье, ирменская культура, поселение Чекист, керамика, орнамент

Для цитирования: Попова Б.С., Рыбаков Д.Ю. Орнаментация керамики ирменской культуры поселения Чекист (по материалам раскопок 2008 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 169–175. doi: 10.17223/15617793/509/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/18

Decoration of ceramics of the Irmen culture of the Chekist settlement (on the basis of excavations in 2008)

Bogdana S. Popova¹, Dmitriy Yu. Rybakov²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, bogdana.borilo@mail.ru

² Siberian Archeology LLC, Seversk, Russian Federation, dima0183@yandex.ru

Abstract. At the end of the Bronze Age, the Tomsk Ob area was a contact area between taiga and southern tribes, and was the northern area of distribution of the forest-steppe Irmen culture. The Chekist monument is one of the *brightest* and well-studied settlements of the Irmen culture in the Tomsk Ob area, but its numerous materials have practically not been introduced into scientific discourse, unlike the materials of the Irmen monuments of the adjacent southern territories. This creates a large disproportion in the study of the Irmen culture as a holistic cultural entity. The aim of this work is to introduce some of the materials of the Chekist monument into scientific discourse, as well as to compare them with similar materials that are available in adjacent regions. The study examines the ornamental tradition of the Irmen culture, with a focus on a collection of ceramic vessels obtained during excavations of the Chekist settlement in 2008. The study is based on a sample of 29 vessels whose ornamental motif can be restored. In the course of the work, individual elements of the ornament and the technique of their application, ornamental motifs and the zonality of their arrangement on the vessel body, as well as ornamental compositions as a whole were analyzed. This analysis made it possible to identify similarities and differences in the ornamental tradition of a part of the ceramic complex of the Chekist and similar Irmen materials from sites in adjacent (southern) territories. As a result, data were obtained illustrating the undoubted stability of the ornamental tradition characteristic of the Irmen culture throughout the territory of its distribution, including the Tomsk Ob area. In addition to this, data were obtained confirming the existence of local-territorial features of the development of the Irmen culture in the northern limits of its distribution, as assumed by many researchers. These features could be associated with the contact nature of the territory of the Tomsk Ob area. The question was also raised about the special role of the Chekist settlement in the life support system of the Irmen tribes of the Tomsk Ob area.

Keywords: Tomsk Ob area, Irmen culture, Chekist monument, ceramics, ornament

For citation: Popova, B.S. & Rybakov, D.Yu. (2024) Decoration of ceramics of the Irmen culture of the Chekist settlement (on the basis of excavations in 2008). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 169–175. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/18

^{*} Результаты исследования обсуждались в рамках XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий», состоявшейся 16–18 мая 2024 г. на базе Томского государственного университета.

Поселение Чекист находится на севере Томского Приобья, в нижнем течении р. Томь, на ее правом берегу [1. С. 108, рисунок, 15. С. 111]. Расположено на узком валообразном останце надпойменной террасы рч. Большая Киргизка в 2 км от ее впадения в р. Томь. Останец имеет высоту 6–12 м, вытянут с востока на запад на 300 м и ограничен с восточной стороны руслом р. Большая Киргизка. Приблизительная площадь памятника составляет 2,5 га [2. С. 23]. Археологические объекты в ландшафте визуально не выражены. Изначально памятник был известен под названиями «Большекиргизское поселение», «Усть-Киргизка, находки» по многочисленным сборам, которые поступили в Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета и Томский областной краеведческий музей еще в конце 1950 – начале 1960-х гг. [3. С. 54–62; 4. С. 114; 5. С. 452–454]. Несмотря на то что впоследствии на памятнике в период с 1993 по 2008 г. Л.М. Плетневой, Е.А. Васильевым, Д.Ю. Рыбаковым проведены археологические раскопки, их материалы практически не введены в научный оборот.

Культурные слои поселения имеют мощность до 2,4–2,5 м и представлены тремя культурно-хронологическими комплексами. Материалы третьей четверти II тыс. до н. э., относимые к культурно-исторической общности гребенчато-ямочной керамики, и предметы, типичные для молчановской культуры первой трети I тыс. до н. э., являются немногочисленными. Абсолютное большинство находок относится к ирменской культуре и датируется X–VIII вв. до н. э. [6. С. 12–21; 7. С. 8–10; 8. С. 101].

В данной работе проведена статистическая обработка орнаментации ирменской керамики, полученной

в ходе раскопок 2008 г. Д.Ю. Рыбакова [9]. Выборка включает один орнаментированный целый сосуд (№ 3561) и фрагменты 28 сосудов неодинаковой степени сохранности с читаемой орнаментальной композицией (№ 62, 255, 423, 1098, 1176, 1235, 1472, 1527, 1560, 1673, 1750, 1845, 1872, 1899, 2068, 2201, 2329, 2363, 2551, 2659, 2680, 2696, 2742, 2830, 2901, 3415, 3639, 3685). Из них один сосуд (№ 1472) не включает орнамент.

Рассмотрение способов орнаментации и техники нанесения орнамента производилось в соответствии с классификацией по способам и приемам орнаментации И.Г. Глушкова [10. С. 65–67].

Прежде всего были рассмотрены отдельные элементы орнамента, способы орнаментации и техника нанесения этих элементов (табл. 1).

В результате установлено, что при декорировании сосудов использовались три способа орнаментации:

1. Протаскивание – 28 сосудов (96,5%). Применялись две техники нанесения: резная и прочерченная. 24 сосуда (82,7%) имеют как резные, так и прочерченные линии; только резные линии – 4 сосуда (13,7%). Преобладание резной техники нанесения орнамента является характерным признаком орнаментации ирменской посуды в целом.

2. Насекание – 16 сосудов (55,1%). Представляет собой насеченные отпечатки края лопатки. Они отличаются от резных линий чуть большей шириной и часто одна сторона элемента чуть уже противоположащей.

3. Штампование – 16 сосудов (55,1%). При этом ямки встречаются на 12 сосудах (41,3%); жемчужник – на 7 сосудах (24,1%); отпечатки палочки – на 2 сосудах (6,8%); гребенка – только на 1 сосуда (3,4%).

Таблица 1

Элементы орнамента, способы орнаментации и техника нанесения

Элемент орнамента	Способ орнаментации / Техника нанесения	Общее количество сосудов, шт.	%
Линия	Протаскивание / Резная	28	96,5
Каннелюр (желобок)	Протаскивание / Прочерченная	24	82,7
Оттиск лопатки	Насекание / Насечка	16	55,1
Ямки	Штампование	12	41,3
Жемчужник	Штампование	7	24,1
Палочка	Штампование	2	6,8
Гребенка	Штампование	1	3,4
Без орнамента	–	1	3,4

Керамика поселения Чекист орнаментирована 7 элементами орнамента, выполненными преимущественно резными и прочерченными линиями, насечками и оттисками штампов, образующих ямки и жемчужник.

Незначительное место среди штампов занимают оттиски палочки и гребенки. На одном сосуде (№ 1899) в основании шейки имеется валик.

Элементы орнамента в разных сочетаниях образуют 24 орнаментальных мотива (табл. 2). В основном они распределены по трем зонам: венчику (шейке), основанию шейки и плечико сосудов. В некоторых случаях орнамент спускается с плечика на верхнюю часть тулова, являясь продолжением орнаментального мотива, но не самостоятельным элементом, располагающимся в зоне тулова.

Самые распространенные орнаментальные мотивы:

1. Прочерченные линии – каннелюры (желобки). В разных сочетаниях они имеются на 25 сосудах (86,2%). Такие линии, как правило, нанесены в основании шейки и по верхней части плечика (рис. 1, 1–12). Иногда этот мотив начинается в основании шейки и спускается на плечико (рис. 1, 1).

2. Заштрихованные косыми резными линиями и резной сеткой треугольники с разной направленностью вершин (рис. 1, 1–4, 7–12). Они встречаются на 26 сосудах (89,6%). Зонально треугольники располагаются как в верхней (венчик) (рис. 1, 2, 3, 7, 9), так и в нижней (плечико) (см. рис. 1, 1, 2, 4, 6–12) части композиции. Преимущественно они ориентированы вершиной вниз (рис. 1, 1–4, 6–12).

Таблица 2

Орнаментальные мотивы

№ п/п	Орнаментальный мотив	Схема	Кол-во сосудов, шт.	Зональность расположения орнаментальных мотивов		
				Венчик	Основание шейки	Плечико
1	Заштрихованные резными линиями треугольники, соприкасающиеся вершинами, образующие незаштрихованные ромбы. Вершины треугольников акцентированы ямками		3	2 (6,8%)		1 (3,4%)
2	Заштрихованные резными линиями треугольники, направленные вершинами вниз. Иногда вершины треугольников акцентированы ямками или одинарными, или двойными отгисками лопатки		19	3 (10,3%)		17 (58,6%)
3	Заштрихованные резными линиями треугольники, направленные вершинами вверх. Иногда вершины треугольников акцентированы отгисками лопатки		5	5 (17,2%)		
4	Заштрихованные резной сеткой треугольники, направленные вершинами вниз		2	1 (3,4%)		1 (3,4%)
5	Удлиненные треугольники, направленные вершинами вниз и заштрихованные параллельными длинным сторонам резными линиями. Вершины акцентированы парными отгисками лопатки		2			2 (6,8%)
6	Парные ряды отгисков лопатки, образующие треугольники, направленные вершинами вниз		1			1 (3,4%)
7	Параллельные двойные резные линии, образующие треугольники, направленные вершинами вниз		1			1 (3,4%)
8	Каннелюры (желобки)		24		14 (48,2%)	15 (51,7%)
9	Каннелюры (желобки), внутри которых имеются отгиски лопатки		1		1 (3,4%)	
10	Широкие и узкие ленты сетки, образованной разнонаправленными резными линиями. Преимущественно пределы лент ограничены резными линиями		10	8 (27,5%)		2 (6,8%)
11	Горизонтальный ряд жемчужника с разделителем в виде ямок или отгисков лопатки. Ряд всегда очерчен сверху и снизу горизонтальной резной линией		7		7 (24,1%)	
12	Узкие зигзагообразные ленты, заштрихованные отгисками лопатки или резными линиями. Иногда изгибы лент акцентированы парными отгисками лопатки		3	1 (3,4%)		3 (10,3%)
13	Горизонтальные ряды разнонаправленных резных линий, образующих «елочку»		5			5 (17,2%)
14	Горизонтальные ряды разнонаправленных отгисков лопатки, образующих «елочку»		3			3 (10,3%)
15	Горизонтальные ряды разнонаправленных отгисков кончика палочки, образующих «елочку»		1			1 (3,4%)
16	Горизонтальный ряд отгисков лопатки		6	5 (17,2%)		1 (3,4%)
17	1 или 2 параллельных вертикальных или наклонных ряда отгисков лопатки		3			3 (10,3%)
18	Наклонный ряд отгисков кончика палочки		1			1 (3,4%)
19	Горизонтальный ряд ямок		5	1 (3,4%)	4 (13,7%)	
20	Горизонтальный ряд вертикальных резных линий		1			1 (3,4%)
21	Треугольники, образованные и заштрихованные линиями гребенки, направленные вершинами вниз		1			1 (3,4%)
22	Наклонные линии, образованные гребенкой		1	1 (3,4%)		
23	Горизонтальная резная линия		3	2 (6,8%)		2 (6,8%)
24	Заштрихованные ромбы		1			1 (3,4%)

3. Широкие и узкие ленты, заполненные резной сеткой, нанесены на 10 сосудов (34,4%). Широкие ленты помещаются в верхней (венчик) зоне (см. рис. 1, 1, 5, 8, 11), узкие – в средней (плечико) зоне.

4. «Елочка», выполненная в виде горизонтальных рядов разнонаправленных резных линий, отгисков лопатки или отгисков кончика палочки, присутствует на 9 сосудах (30,0%). Такой мотив всегда расположен в зоне плечика (рис. 1, 6, 8, 9, 12).

5. Горизонтальный ряд жемчужника с разделителем в виде ямок или отгисков лопатки имеется на 7 сосудах (24,1%) и располагается только в основании

шейки. Жемчужник разделен ямками в 3 случаях (рис. 1, 6), отгисками лопатки – в 4 (рис. 1, 3, 7).

6. Горизонтальный ряд отгисков лопатки встречается на 6 сосудах (20,6%). Расположен преимущественно в верхней части венчика (рис. 1, 3, 8, 11).

7. Отдельно стоит рассмотреть частоту встречаемости ямок. Горизонтальный ряд ямок присутствует на 5 сосудах (16,6%) и располагается в основном в зоне основания шейки (рис. 1, 5, 9, 11), но есть и в верхней части венчика (рис. 1, 10). Еще на 4 сосудах ямки служат акцентом вершин треугольников (рис. 1, 7, 12). На двух из этих сосудов имеются одновременно и ряд

ямок и ямки как акцент (рис. 1, 9, 11). И, как было сказано выше, на 3 сосудах ямки являются разделителем между жемчужником.

Доля остальных мотивов незначительна. Чаще всего мотивы разделены между собой резными или прочерченными линиями.

В 5 случаях орнаментальные мотивы повторяются в разных зонах одного и того же сосуда. На 3 сосудах в зоне плечика с заходом на зону тулова дублируется ряд заштрихованных резными линиями треугольников, направленных вершинами вниз (рис. 1, 2, 11). На другом сосуде в этой же зоне дублируются заштрихо-

ванные резными линиями треугольники, соприкасающиеся вершинами, образующие незаштрихованные ромбы и узкие ленты сетки, образованной разнонаправленными резными линиями.

Из рассмотренной серии выделяется один сосуд (№ 2659), орнаментированный, помимо каннелюров, гребенчатым штампом, а также сосуд № 1750, который, единственный в качестве разделителя между мотивами не имеет ни каннелюров, ни горизонтальных резных линий.

В 5 случаях (рис. 1, 3) шейка и плечико разделены узкой неорнаментированной полоской.

Рис. 1. Керамика поселения Чекист (раскопки 2008 г.)

Из всех сосудов лишь один не орнаментирован. Остальные включают орнаментальные композиции, сложенные разным количеством и сочетанием мотивов.

Перечисление номеров мотивов производится при рассмотрении сосудов сверху вниз. Номера мотивов повторяются, если один мотив находится в разных зонах одного сосуда (табл. 3).

Таблица 3

Орнаментальные композиции

Номера сосудов	Номера мотивов из табл. 2, составляющих орнаментальную композицию	Кол-во сосудов	%
Композиция из 2 мотивов орнамента			
423	8, 20	1	3,4
1872, 2696 (рис. 1, 4), 3685	8, 2	3	10,2
2201	8, 5	1	3,4
2901	8, 3	1	3,4
		6	20,4
Композиция из 3 мотивов орнамента			
255 (рис. 1, 10)	19, 8, 2	1	3,4
1235	8, 13, 2	1	3,4
2363	10, 8, 2	1	3,4
2551	8, 13, 2, 2	1	3,4
2659	8, 22, 8, 21, 8	1	3,4
3415	3, 11, 10, 2	1	3,4
3639	1, 11, 18	1	3,4
		7	23,8
Композиция из 4 мотивов орнамента			
62 (рис. 1, 12)	8, 1, 8, 13, 8, 2	1	3,4
1527 (рис. 1, 7)	2, 11, 8, 2, 17	1	3,4
1673 (рис. 1, 2)	8, 3, 8, 2, 2, 23	1	3,4
1750	10, 19, 14, 7	1	3,4
1845	3, 8, 11, 8, 24	1	3,4
2329 (рис. 1, 1)	10, 8, 2, 12	1	3,4
		6	20,4
Композиция из 5 мотивов орнамента			
1098 (рис. 1, 11)	16, 10, 19, 8, 2, 8, 2	1	3,4
1176	16, 10, 11, 8, 2	1	3,4
1899 (рис. 1, 6)	8, 12, 11, 8, 13, 2, 12	1	3,4
2830 (рис. 1, 5)	10, 8, 19, 5, 17	1	3,4
3561	16, 10, 8, 13, 2	1	3,4
		5	17,0
Композиция из 6 мотивов орнамента			
1560 (рис. 1, 8)	16, 10, 8, 14, 2, 6	1	3,4
2742 (рис. 1, 3)	16, 23, 4, 11, 9, 12	1	3,4
		2	6,8
Композиция из 7 мотивов орнамента			
2068	23, 2, 3, 8, 14, 23, 10, 1, 10	1	3,4
2680 (рис. 1, 9)	2, 19, 8, 15, 16, 4, 17	1	3,4
		2	6,8
Без орнамента			
1472		1	3,4
		1	3,4
Всего		29	100

Композиция каждого сосуда включает от 2 до 7 мотивов. Наиболее часто используются композиции из 2–5 орнаментальных мотивов (81,6%). При этом, как правило, мотивы не образуют на разных сосудах одинаковых композиций. Исключением являются три сосуда с композициями из двух орнаментальных мотивов. Каждый сосуд с числом мотивов больше двух строго индивидуален. Статистическая обработка орнаментации сосудов поселения Чекист (раскопки 2008 г.) позволяет более объективно проследить традиции в орнаментации керамики памятника, расположенного в северном ареале распространения ирменской культуры, и провести сравнительный анализ полученных результатов с результатами аналогичных исследований ирменской керамики в материалах памятников сопредельных регионов юга Западной Сибири.

В Барабе наиболее распространенным орнаментом на венчиках ирменских сосудов является полоса штрихованных резных ромбов, примыкающих друг к другу углами. Заштрихованные треугольники, «елочки», насечки, ряды жемчужника с разделителем в виде ямок

или насечек имеются как на сосудах в Барабе, так и на сосудах поселения Чекист. В.И. Молодин отмечает, что в ирменских поселенческих памятниках встречаются и сосуды, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа, хотя они количественно уступают сосудам, выполненным в резной технике. Оттисками гребенчатого штампа наносились те же композиционные мотивы, что и резной техникой [11. С. 120].

В лесостепном Приобье наиболее распространенными орнаментальными мотивами являются: ряд косо заштрихованных равнобедренных треугольников вершиной вниз или вверх, треугольники, сходящиеся вершинами, взаимопроникающие треугольники, сетка, заштрихованные ленты, два ряда треугольников (дублирующие). Обычно узор на шейке ограничен сверху и снизу резными линиями. Нередко углы геометрических фигур имеют акценты в виде ямок и насечек. На границе шейки и плечика обычен декоративный поясик в виде ряда жемчужника с разделителем из ямок или насечек. В редких случаях шейка и плечико разделены узкой неорнаментированной полоской [12. С. 114–118].

Несмотря на общее сходство, обусловленное общей культурной основой, орнаментация керамики поселения Чекист имеет ряд отличий:

1. Штрихованные ромбы включены в орнаментальную композицию только на одном сосуде. Зонально они расположены, в отличие от барабинских материалов, не по венчику, а на плечике [11. С. 120].

2. На сосудах поселения Чекист нет взаимопроникающих треугольников, которые характерны для лесостепного Приобья [12. С. 114–118; 13. С. 70. Табл. 1. С. 72. Табл. 3].

3. В зоне венчика мотив, состоящий из заштрихованных резными линиями треугольников, соприкасающихся вершинами и образующих незаштрихованные ромбы (6,8%), встречается реже, чем на поселениях юга Западной Сибири (до 43,4%) [13. С. 70. Табл. 1].

4. В зоне венчика горизонтальный ряд оттисков лопатки (17,2%) встречается чаще, чем на поселениях юга Западной Сибири (от 0 до 16,0%) [13. С. 70. Табл. 1].

5. В зоне венчика отсутствует елочный мотив, обычно характерный для этой зоны в ирменских поселениях сопредельных территорий, где доля этого мотива на венчике составляет до 7,6% [13. С. 70. Табл. 1]. В то же время в зоне плечика доля елочного мотива, выполненного в разной технике, составляет 31,0 %, что больше, чем в материалах поселений юга Западной Сибири (от 0 до 25%) [13. С. 72. Табл. 3].

6. В зоне основания шейки отсутствуют ряды «чистого» жемчужника, а жемчужника с разделителем (24,1%) гораздо меньше, чем на соседних памятниках (52,3–88,8%). Исключением является керамика поселения Тамбар (28,7%) [13. С. 71. Табл. 2].

7. Горизонтальный ряд ямок в зоне основания шейки (13,7%) в процентном соотношении выше, чем в керамических комплексах поселений сопредельных территорий (до 7,9%). Лишь на сосудах поселения Торопово-4 этот мотив составляет 17,2% [13. С. 71. Табл. 2].

8. В зоне плечика заштрихованные резными линиями треугольники, направленные вершинами вниз, в целом встречаются чаще (58,6% на поселении Чекист и 6,3–51,2% на поселениях юга Западной Сибири) [13. С. 72. Табл. 3].

9. Количество каннелюр в зоне плечика достигает 51,7 %, тогда как в материалах сопредельных южных территорий каннелюры имеются только на венчике и в основании шейки, а на плечиках их нет [13. С. 72. Табл. 3].

Сравнение керамики ирменских погребальных комплексов и поселений юга Западной Сибири показало, что на поселенческой посуде преобладает жемчужник (86%), в то время как на погребальной он встречается редко (11,7%) [13. С. 73]. Такое соотношение позволяет сделать вывод о том, что для керамики поселения Чекист характерно значительно меньшее количество жемчужника, чем для поселенческих комплексов юга Западной Сибири.

Проведенные исследования позволяют сделать следующие выводы. Орнаментация керамики поселения Чекист в целом отражает общие орнаментальные традиции, характерные для большинства памятников ирменской культуры. В то же время по значительному количеству критериев она отличается от орнаментации поселенческой керамики ирменских памятников сопредельных южных территорий.

Возможно, различие связано с контактным характером территории Томского Приобья, где происходило взаимодействие населения ирменской культуры с позднееловскими группами и населением молчановской культуры. Учитывая, что орнаментация керамики является чутким культурно-хронологическим маркером, можно предположить наличие локальных культурных особенностей ирменской культуры на территории Томского Приобья как результат этого взаимодействия.

Возможно, не последнюю роль играла и некоторая изоляция ирменцев, связанная с периферийностью данной территории. Характерной особенностью поселения Чекист является отсутствие визуально выраженных в рельефе объектов. До сих пор в ходе раскопок на его территории не было обнаружено остатков жилищ. Не исключено, что поселение Чекист обладало неким особым статусом в системе жизнеобеспечения ирменского населения Томского Приобья.

Список источников

1. Попова Б.С. Памятники ирменской культуры в Томском Приобье // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2024. Т. 23, № 5: Археология и этнография. С. 124–135.
2. Попова Б.С. Научный отчет о проведенной археологической разведке на территории ЗАТО Северск Томской области в 2021 г. Северск, 2021 // Архив ООО «Сибирская археология».
3. Ураев Р.А., Косарев М.Ф. Памятник карасукской эпохи // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. VI, вып. 2. Томск : Том. кн. изд-во, 1963. С. 54–62.
4. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
5. Гребнева Г.И. Каталог археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 554 с.
6. Васильев Е.А. Древнейшее поселение в устье Большой Киргизки // Северск: История и современность. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 12–21.
7. Васильев Е.А., Плетнева Л.М. Исследование многослойного памятника в устье Киргизки // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. С. 8–10.
8. Мыльников Л.Н., Васильев Е.А. Керамический комплекс памятника Чекист (Томское Приобье): технология и морфология // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 4 (16). С. 101–123.
9. Рыбаков Д.Ю. Отчет об аварийно-спасательных работах Большекиргизского отряда Нижнетомской экспедиции муниципального учреждения «Музей города Северска» в 2008 году. Северск, 2009 // Архив Муниципального учреждения «Музей города Северска».
10. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 328 с.
11. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.
12. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 182 с.
13. Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы. Кемерово : Изд-во Кузбас. гос. технич. ун-та, 2012. 212 с.

References

1. Popova, B.S. (2024) Pamiatniki irmenskoj kul'tury v Tomskom Priob'e [Monuments of the Irmen culture in the Tomsk Ob region]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologija*. 23 (5). pp. 124–135.
2. Popova, B.S. (2021) *Nauchnyj otchet o provedennoj arheologicheskoj razvedke na territorii ZATO Seversk Tomskoj oblasti v 2021 g. Seversk, 2021* [Scientific report on the archaeological survey conducted in the territory of the closed administrative-territorial entity of Seversk, Tomsk Oblast, in 2021]. Archive of Siberian Archeology LLC.
3. Uraev, R.A. & Kosarev, M.F. (1963) Pamiatnik karasukskoj epokhi [A monument of the Karasuk era]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja*. 6 (2). pp. 54–62. Tomsk: Tomsk kn. izd-vo.
4. Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoj oblasti* [Archaeological map of the Tomsk Oblast]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
5. Grebneva, G.I. (2017) *Katalog arheologicheskogo sobraniya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeja* [Catalog of the archaeological collection of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Vasil'ev, E.A. (1994) *Drevneishee poselenie v ust'e Bol'shoj Kirgizki* [The oldest settlement at the mouth of the Bolshaya Kirgizka]. In: *Seversk: Istorija i sovremennost'* [Seversk: History and modernity]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 12–21.
7. Vasil'ev, E.A. & Pletneva, L.M. (1995) *Issledovanie mnogosloynnoho pamiatnika v ust'e Kirgizki* [Study of a multilayered monument at the mouth of the Kirgizka]. In: *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanij arheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu* [Review of the results of field and laboratory research by archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. pp. 8–10.
8. Mylnikova, L.N. & Vasil'ev, E.A. (2016) *Keramicheskij kompleks pamiatnika Chekist (Tomskoe Priob'e): tekhnologiya i morfologiya* [Ceramic complex of the Chekist site (Tomsk Ob region): Technology and morphology]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij*. 4 (16). pp. 101–123.
9. Rybakov, D.Yu. (2009) *Otchet ob avariino-spasatel'nykh rabotakh Bol'shekirgizskogo otriada Nizhnetomskoi ekspeditsii municipal'nogo uchrezhdeniya "Muzei goroda Severska" v 2008 godu. Seversk, 2009* [Report on the emergency rescue work of the Bolshaya Kirgizka detachment of the Nizhnyaya Tom expedition of the municipal institution "Museum of the City of Seversk" in 2008]. Archive of the Municipal Institution "Museums of the City of Seversk".
10. Glushkov, I.G. (1996) *Keramika kak arheologicheskij istochnik* [Ceramics as an archaeological source]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
11. Molodin, V.I. (1985) *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka.
12. Matveev, A.V. (1993) *Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e* [The Irmen culture in the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. Ilyushin, A.M. & Kovalevskiy, S.A. (2012) *Kompleks drevnikh poselenij v doline reki Kas'my* [A complex of ancient settlements in the Kasma River valley]. Kemerovo: Kemerovo State Technical University.

Информация об авторах:

Попова Б.С. – аспирант кафедры археологии и исторического краеведения Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: bogdana.borilo@mail.ru. SPIN-код: 5686-5431. ORCID: 0009-0002-8164-0191

Рыбаков Д.Ю. – канд. ист. наук, генеральный директор ООО «Сибирская археология» (Северск, Россия). E-mail: dima0183@yandex.ru. SPIN-код: 2828-0784. ORCID: 0009-0008-9818-8000

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

B.S. Popova, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bogdana.borilo@mail.ru. SPIN: 5686-5431. ORCID: 0009-0002-8164-0191

D.Yu. Rybakov, Cand. Sci. (History), General Director, Siberian Archeology LLC (Seversk, Russian Federation). E-mail: dima0183@yandex.ru. SPIN: 2828-0784. ORCID: 0009-0008-9818-8000

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.11.2024;
одобрена после рецензирования 20.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 08.11.2024;
approved after reviewing 20.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 94(485+470+571)
doi: 10.17223/15617793/509/19

Восприятие распада СССР и образования российской постсоветской государственности в шведской правой прессе (по материалам газеты *Svenska Dagbladet* 1988–1993 гг.)

Герман Сергеевич Рагозин¹

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, gragozin92@gmail.com

Аннотация. Представлена эволюция образа СССР и постсоветской России первых лет глазами главной шведской консервативной газеты – *Svenska Dagbladet*. Автор прослеживает восприятие распада СССР и строительства постсоветской России. Взгляд шведских консерваторов на СССР-Россию показал амбивалентность, где восприятие русской культуры, в том числе традиционной, нередко противоречило господствующему образу России как «опасной для Швеции» страны. При этом подчеркивалась необходимость помогать России в реализации реформ.

Ключевые слова: консерватизм, Умеренно-коалиционная партия Швеции, имагология, *Svenska Dagbladet*, Карл Бильдт, «русская угроза»

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 23-28-00768 «Фундаментальные проблемы трансформации образа русского «Другого» в контексте межгосударственного соперничества в Арктике в XX – начале XXI вв.»

Для цитирования: Рагозин Г.С. Восприятие распада СССР и образования российской постсоветской государственности в шведской правой прессе (по материалам газеты *Svenska Dagbladet* 1988–1993 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 176–187. doi: 10.17223/15617793/509/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/19

Perception of the USSR's disintegration and post-Soviet Russian statehood emergence in Swedish right-wing press (on the materials of *Svenska Dagbladet*, 1988–1993)

German S. Ragozin¹

¹ Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation, gragozin92@gmail.com

Abstract. The article deals with the USSR and early post-Soviet Russia image evolution in the Swedish right-wing journalism between 1988 and 1993. In order to achieve the aim, the author analyzed the relevant materials published in the *Svenska Dagbladet* newspaper, which is affiliated with the Moderate-Coalition party of Sweden (Moderaterna), the main conservative party of the country in the chosen period. 145 main articles covering the disintegration processes in the USSR and post-Soviet statehood emergence in Russia and published in *Svenska Dagbladet* between early 1988 and late 1993 became a subject to study. The research methodology lies within historical imagology since the image of "Other" is a subject to study. It refers to ethnostereotypes, which are closely connected with political experience. The author infers that the perception of the USSR's disintegration and early Post-Soviet Russian political and social reality contains both traditional elements of a Russian "Other" and the new ones. The Swedish right-wing politicians demonstrated an ambivalent image of Russia, "Russians" and the USSR via *Svenska Dagbladet*. Positive features of the image referred to the scale of the Russian market and prospective investment plans towards it. Here the Swedish right-wing journalists supposed that Sweden is to "lead" Russia during the market economy establishment. In addition to it, according to the Swedish historians cooperating with *Svenska Dagbladet*, Russia appeared to be a part of de Gaulle's "Europe from the Atlantic to Urals", and one of the major world culture contributors. Besides, preservation of the traditional values in Russian society attracted the attention of Swedish right-wing discourse. These features were a subject to opposition in Swedish public opinion towards the Russian political culture and political system. Russia appeared to be an empire, and the post-Soviet Boris Yeltsin administration failed to abandon the imperial mentality. Also, Russia remained a competitor in the Baltic region, and *Svenska Dagbladet* columnists mobilized the historical narratives on Swedish-Russian relations to prove it. Nonetheless, they avoided sharp anti-Russian statements. The USSR's disintegration appeared to be a subject to controversial perception: decentralization and struggle of the Soviet Republics (including Russia) against the Union authorities were welcomed alongside with a strong condemn to Stalinism and the CPSU. On the other hand, the main concern in Swedish right-wing discourse was the fate of the Soviet nuclear arsenal. The processes between 1991 and 1993 were presented as "death of the Empire", "raw capitalism", criminalization and chaos. The autocratic behaviour of Yeltsin was seen as a containment mechanism against the anti-Yeltsinist State

Duma. Thus, Swedish right-wing discourse remained predominantly sceptic towards Russia with a limited optimism towards cooperation in Swedish-Russian dialogue.

Keywords: Conservatism, Moderate-Coalition party of Sweden, Moderaterna, imagology, "Svenska Dagbladet", Carl Bildt, "Russian menace"

Financial support: The research is a part of the Russian Scientific Foundation project No. 23-28-00768 "Fundamental issues of transformation of the Russian "another" image in the context of inter-state competition in the Arctic in 20th – 21st centuries".

For citation: Ragozin, G.S. (2024) Perception of the USSR disintegration and post-Soviet Russian statehood emergence in Swedish right-wing press (on the materials of Svenska Dagbladet, 1988–1993). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp.176–187. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/19

Введение

Окончание холодной войны и неустойчивость постбиполярного порядка привели к нестабильной динамике представлений о «другом» в политическом поле. Ранее господствующие образы иных государств, их политической системы и поведения на международной арене подвергались пересмотру, что отразилось и на использовании образов «других» стран и этнических групп в политике. Все это справедливо при анализе восприятия «другой» страны в политических партиях Швеции, общественное мнение которой нередко характеризуется как антироссийское.

Однако не всегда негативный образ России использовался правыми политическими партиями страны. Отношение к России переключалось с настроениями в обществе и с исторической памятью шведов о шведско-российском противостоянии в предыдущие эпохи. Также отношение к России в политических кругах страны зависело от курса Швеции в Баренцевом/Ев्रोарктическом регионе, Совете государств Балтийского моря, Совете министров Северных стран, Европейском союзе и других объединениях [1, 2] и от политики «мягкой силы» Швеции на постсоветском пространстве [3]. Также образ России в шведском политикуме был немаловажным в части интеграции Швеции в НАТО в 2014–2024 гг.

Одной из ключевых проблем является трансформация образа СССР – России в консервативном политикуме Швеции конца 1980-х – начала 1990-х гг. Дискуссия о будущем шведско-российских отношений наталкивалась на ряд спорных вопросов в правом лагере. Таковыми были критика действий советского руководства в балтийских республиках в 1990–1991 гг.; обвинения СССР, а затем и России во вторжении их подводных лодок в шведские воды; экологическая ситуация на Балтике и Европейском Севере. Ситуация отягощалась вопросом о будущем постсоветского пространства. Все это сказывалось на освещении событий в России правой печатью, особо здесь следует отметить газеты Svenska Dagbladet.

Обзор литературы

Опыт исследования по теме связан с изучением российско-шведских отношений и взаимовосприятия шведов и русских. С шведской стороны ключевые работы принадлежат перу Гуннара Оселиуса, главная из

которых – «Русская угроза»: миф о безопасности малой державы глазами ее элиты в эпоху империализма» (1994 г.). Она посвящена эволюции взглядов лидеров общественного мнения и элит Швеции на политику России в Северной Европе и на Балтике в XIX – начале XX в. Помимо этого, она посвящена стереотипу о «русской угрозе» как фактору политической мобилизации и стратегической культуры Швеции [4].

Шведские историки обращались к вопросу в контексте советско-шведских отношений в годы холодной войны, шведской политики на Балтике, а также внешней политики страны и отражение сверхдержав в общественном мнении страны. Лена Йонсон обращалась к восприятию скандинавских стран в СССР периода перестройки как к фактору отношений Москвы и Стокгольма [5]. Улоф Кронвалль и Магнус Петерссон обращались к образу СССР в Швеции как к части стратегии Стокгольма по взаимодействию с обеими сверхдержавами [6]. Якоб Вестберг встраивал эту тематику в эволюцию стратегии Швеции после утраты ей имперского статуса в годы Наполеоновских войн и до обострения отношений России и Западного мира [7, 8].

Томас Люнден анализировал политику «мягкой силы» Стокгольма в странах Балтии периода перестройки и распада СССР, в ходе которых он отметил обращение Швеции и к «русской угрозе», и к образу Балтийского моря как *Mare Nostrum* в стратегической культуре страны [9]. Формирование образа СССР/России в Швеции также изучается также с позиции образа США, СССР и холодной войны в школьных учебниках (Андерс Перссон, Хенрик Острём Эльмершё и Роберт Торп) [10, 11]. То есть образ России как фактора опасности в шведском общественном мнении остается в поле зрения исследователя. Тем не менее это происходит без концентрации на отдельных политических движениях и партиях, несмотря на сегментацию в шведском обществе и политикуме по отношению к России до 2022 г. Российские историки и политологи, обращаясь к тем же проблемам, в первую очередь концентрировались на таких вопросах, как формирование критицизма к России в контексте исторической памяти Швеции [12].

Настоящее исследование нацелено на определение динамики основных параметров образа России в консервативном политическом дискурсе Швеции с 1988 по 1993 г. Нижняя граница связана с началом «Парада суверенитетов» в СССР, который привлек внимание Швеции в связи со статусом балтийских республик.

Верхняя граница связана с завершением конституционного кризиса в России в конце 1993 г. и формированием нового относительно устойчивого образа страны в правом политикуме Швеции. Более того, именно в этом году стали обозначаться контуры политики Швеции в отношении России.

В качестве информации для анализа выбраны материалы газеты *Svenska Dagbladet*. Она является ежедневным общенациональным изданием, распространяемым по подписке. По своей идеологии она связана с правой Умеренно-коалиционной партией Швеции (УКПШ), активно освещает ее деятельность и ориентируется на консервативный электорат. Главными редакторами газеты в выбранный период были Ханс Зеттерберг (1987–1989 гг.), Леннарт Перссон (1989 г.), Руне Отто «Бертиль» Токерюль (1989–1991 гг.) и Йон Матс Арвид Свегфорс (1991–2000 гг.). Последние два были известны как публицисты и журналисты правой ориентации, связанные с УКПШ.

Методологической основой исследования выступает историческая имагология, так как изучается создаваемый образ «другого», в том числе основанный на этностереотипах, отягощенных политическим опытом. Основной акцент, выбранный в образе России и ее политической и социальной системах, связан с инаковостью, политическими различиями и привлечением исторического опыта отношений Швеции с нашей страной. Главный упор делается на восприятие этих элементов шведским правым политикумом во время формирования постсоветских государственности и социума в России, а также пересмотра внешней политики Швеции после окончания холодной войны.

Распад СССР глазами *Svenska Dagbladet*

Начало дезинтеграции СССР пришлось на время нахождения у власти в Швеции правительства во главе с социал-демократом Ингваром Карлссоном (1 марта 1986 г. – 3 октября 1991 г.). Оппозиционная Умеренно-коалиционная партия в целом сохраняла традиционный для правых скептицизм по отношению к СССР, не соглашаясь с «ростом русофилии» в Западной Европе в связи с перестройкой» [13]. Советский Союз продолжал считаться тоталитарным государством, и действия М.С. Горбачева, по мнению обозревателей, принципиально не меняли конструкцию. С этим очерком соседствовали публикации об активности советских подводных лодок в шведских водах [14], а также о межэтнической напряженности в прибалтийских республиках [15–17]. Ситуация изменилась с появлением публикаций «Советская революция сверху?» с участием шведского историка Кристиана Гернера. Он одобрил действия Горбачева по разрядке международной напряженности, хотя и считал основной причиной изменений нежизнеспособность советской системы. Это выражено словами «только капитализм может спасти Россию», т.е. возвращение к рыночной экономике выведет страну из тупика [18].

Долговременному скептицизму в отношении СССР противоречили публикации, связанные с российской

культурой и наукой: в *Svenska Dagbladet* публиковались тексты, посвященные Федору Достоевскому, Льву Толстому, Иосифу Бродскому, Исааку Бабелю, Михаилу Булгакову, Андрею Тарковскому, Николаю Гоголю, Александру Солженицыну, Борису Пастернаку [19–27]. Дополняли эту картину очерки о восстановлении позиций православия в российском обществе: шведские правые приветствовали это как «возвращение исторической справедливости» [28, 29]. Т.е. интерес к русской культуре и искусству не связывался с политической ситуацией: связанные с УКПШ публицисты считали Россию страной, бесспорно значимой в мировой культуре, и все это считалось потенциалом к строительству новой России.

Все это сопровождалось историческими экскурсами, объясняющими ключевые элементы русской ментальности и культуры [30]. Россия в правом дискурсе считалась империей – «наследницей Византии» и «третьим Римом». Этот образ был направлен на разъяснение политической ситуации, а именно дезинтеграции СССР и появления новой российской государственности. Однако критицизм по отношению к КПСС и сталинизму в правом политикуме оставался, что показала как критика Горбачева, так и публикация информации о «споре историков» в ФРГ, в том числе позиции Эрнста Нольте о сопоставлении сталинского и нацистского режимов [31]. В текстах о бытовых конфликтах автохтонного и русскоязычного населения в Эстонии и Латвии подчеркивалось, что эстонцы и латыши испытывали культурное влияние со стороны Швеции в XVI – начале XVIII в., а в самой стране проживают эстонская и латышская диаспоры, в том числе беженцы времен Второй Мировой войны и их потомки [32]. Это было аргументом в пользу «сопричастности» Стокгольма к судьбе Эстонии и Латвии.

Отношение к России и «русским» не было враждебным. Задавая «рамку памяти» консервативного электората в Швеции, *Svenska Dagbladet* адаптировала восприятие истории страны и шведско-российских отношений под текущий момент, избегая острых трактовок. Например, болезненная для шведов память о Северной войне 1700–1721 гг. встраивалась в контекст «катастрофы, которая урезала Швецию» [33]. Отношение к сохранению традиционных семейных ценностей в русской среде, например, активное участие бабушек и дедушек в воспитании своих внуков, приветствовались шведскими правыми [34]. Всячески рекламировались поездки в Ленинград [35]. На страницах таблоида шведскими правыми одобрялось и признание советскими властями факта Катынского расстрела в 1940 г. как пример «нового отношения» к прошлому [36].

В УКПШ приветствовалось начало борьбы за независимость в Прибалтийских республиках [37]. Подчеркивалось, что для этого есть шанс, учитывая экономическую слабость Союза. *Svenska Dagbladet* трактовала пребывание Эстонии, Латвии и Литвы в СССР как «оккупацию, которую Швеция признала [легитимной]» [38]. Приветствовалась деятельность Народных фронтов и их борьба за экономическую самостоятельность республик [39].

Акцию «Балтийский путь» Svenska Dagbladet сочла выражением этого мнения в Балтии [40–43]. Принятие Декларации о суверенитете Эстонской ССР таблоид назвал «вызовом [СССР]» [44, 45]. При этом Svenska Dagbladet подняла вопрос о судьбе эстонских шведов. То есть шведские правые обращались к исторической роли своей страны на Балтике, в том числе через вопрос о судьбе шведской диаспоры [46].

Принятие Верховными Советами Латвийской и Литовской ССР деклараций о суверенитете Svenska Dagbladet назвала «раздражителем Горбачева» и отвержением республиками последствий «нелегитимного раздела Европы» в 1939 г. [47, 48]. Подписантов и сторонников деклараций Svenska Dagbladet назвала «авангардом Перестройки» [49], а всплеск национализма в республиках СССР – «типичным для империи в кризисе» [50]. То есть шведские правые считали распад СССР неминуемым, а восстановление независимости балтийских государств – как начало «справедливого конца империи». Однако нападок в отношении русских и русскоязычного населения шведские правые избегали. Главным предметом критики были советская государственность и КПСС.

Декларацию Верховного совета Литвы от 11 марта 1990 г. о восстановлении действия конституции 1938 г. шведские правые называли «освобождением» [51]. Попытки Союзного центра давить на Вильнюс Svenska Dagbladet осудила как «формирование режима личной власти Горбачева» [52, 53]. При этом одну из главных ролей в помощи новой государственности шведские правые отводили своей стране, а именно – в финансовой поддержке [54]. Уже в мае-июне 1990 г. Svenska Dagbladet приветствовала оформление суверенитета РСФСР Борисом Ельциным и его сподвижниками, назвав всех лидеров союзных республик «находящимися в тени Ельцина» [55–57]. То есть на тот момент борьба союзных республик с центром приветствовалась шведскими правыми. Все это соотносилось с идеей «Европы от Атлантики до Урала» [58, 59], озвученной в 1960-е гг. Шарлем де Голлем: новые государства, в том числе Россия должны были «вернуться в Европу» и стать демократиями с рыночной экономикой.

В части рыночных преобразований в СССР Svenska Dagbladet подчеркивала отсутствие принятой концепции «перехода к рынку» в Москве [60]. Причинами этого назывались борьба Союзного центра и республик, а также слабость представлений о рыночной экономике в обоих лагерях. Однако таблоид подчеркивал готовность шведских компаний выходить на российский рынок, который обладает большим потенциалом и до этого был «ограничен» административно-командной системой [61, 62]. При этом «шведскую модель» Svenska Dagbladet считала наиболее приемлемой для трансфера в СССР/Россию.

Завершение распада СССР в 1991 г. пришлось на период, когда в Швеции к власти пришло правое коалиционное правительство во главе с лидером УКПШ Карлом Бильдтом (4 октября 1991 г. – 7 октября 1994 г.). Еще до выборов в Риксдаг в сентябре 1991 г. Svenska Dagbladet (SvD) придерживалась в целом критической позиции в адрес СССР. SvD осудила

действия советского правительства в январе 1991 г. в Вильнюсе и Риге. М.С. Горбачев был назван «архитектором новой диктатуры» [63–65]. Данные публикации сопровождались обращением к историческому опыту: в материале за 12 января 1991 г. король Карл XII (1697–1718 гг.) был назван «светочем мира, указывающим на источник угрозы», т.е. на Россию (памятник королю, установленный в Стокгольме, указывает рукой в сторону России. – Г.Р.). В выпусках за 18 и 20 января Россия была названа «империей» в связи с действиями советских властей. Вина за гибель демонстрантов возлагалась на военнослужащих советской армии, внутренних войск МВД, а также КГБ СССР.

На этом фоне выражалась поддержка демократическим силам в России, ведущим конфронтацию с Союзным центром, а также сторонникам расширения автономии республик внутри России. Шведские правые приветствовали победу Бориса Ельцина на президентских выборах в России в июне 1991 г. [66]. Однако в августе 1991 г., еще до действий ГКЧП, шаги Ельцина оценивались как «захват руля по-имперски», т.е. в его поведении шведские правые наблюдали автократизм [67]. В то же время Svenska Dagbladet одобрила борьбу Ельцина с ГКЧП [68, 69] и привлечение западных советников с целью содействия переходу страны к рыночной экономике [70–72]. То есть к выборам в Риксдаг 1991 г. УКПШ по ряду позиций сохранила критическое отношение к России. Критицизм выражался актуализацией исторического опыта взаимодействия Швеции с «империей» и конкурентом на Балтике, а также в связи с непредсказуемостью ситуации в СССР. Поддерживались «демократические власти» в России и союзных республиках.

В начальный период премьерства Бильдта правящая коалиция не имела четкой позиции по отношению к России. Приветствовалось расширение экономического сотрудничества с этой страной, а также оказание ей помощи в преодолении кризиса и налаживание диалога с ней западными странами [73, 74]. Однако озвучивались и пессимистичные сценарии, вплоть до вооруженного конфликта и бесконтрольности ядерного арсенала СССР после Беловежских соглашений [75, 76]. Иная версия заключалась в возможном желании России вступить в НАТО [77]. Поэтому шведские правые поставили вопрос о новой политике безопасности страны именно в увязке с Россией [78–80]. При этом СНГ обозначался как «Союз под командованием России» [81].

Формирование постсоветской социальной, экономической и политической реальности в России глазами Svenska Dagbladet

К началу «шоковой терапии» 1992 г. позиция по России осталась неопределенной. Правые партии отсылали к имперскому прошлому России как фактору опасности, а новые власти считались склонными к автократии. С другой стороны, УКПШ полагала необходимым помогать становлению демократии в России, преодолению социально-экономического кризиса и

развитию сотрудничества с ней в сфере экономики. В 1992 г. основное внимание Svenska Dagbladet было приковано к радикальной экономической реформе в России. Более всего привлекали внимание скачки цен на товары массового потребления [82, 83], галопирующая инфляция [84] и связанные с ними проблемы. В дополнение к этому газета акцентировала внимание на политическом кризисе в России, например на вопросе о статусе Татарстана [85]. Однако заключение Федеративного договора и продолжение реформ в 1992 г. полагались началом преодоления кризиса [86, 87].

На этом фоне приветствовались преодоление РФ изоляционизма и открытость к инвестициям [88, 89]; заключение Договора об основах отношений и торгового соглашения между Россией и Финляндией [90]; заключение Россией соглашения о поставках углеводородов в Эстонию как проявление взаимопомощи в условиях экономического коллапса [91]; встречи Бориса Ельцина с Джорджем Бушем-старшим [92] и Франсуа Миттераном [93]; проявление интереса к сотрудничеству на Балтике [94]; начало диалога по ядерной безопасности в Арктике и сотрудничеству в Баренцевом регионе [95, 96]. Одобрялось предоставление России помощи на нужды реформ и смягчение кризиса, при этом шведские программы помощи Svenska Dagbladet считала наиболее эффективными [97, 98]. Невысокая активность Швеции в отношении России подвергалась критике как «утрата шансов на Востоке» [99]. Этому противопоставлялись «желание [России] заполучить теплые курорты», т.е. предполагаемое возвращение в состав страны Северного Причерноморья [100]; вопрос о позициях Русской православной церкви в российском обществе [101]; споры о разделе Вооруженных сил бывшего СССР и о статусе ядерного оружия [102, 103]; активность российских подводных лодок на Балтике, в том числе мнимая [104, 105].

Также новая социально-экономическая реальность в Svenska Dagbladet представляла криминализированным хаосом [106, 107], а реализация реформ – как «ведущая страну к коллапсу» [108]. Это же издание публиковало очерки о попытках российских ОПГ получить позиции в Швеции и Финляндии [109, 110]. Строительство новой социально-экономической и политической системы рассматривалось со скептицизмом: в вину ей ставились появление олигархов и ситуация «дикого капитализма» [111]. Однако одобрялось расширение роли частного капитала в экономике России, а также оформление многопартийности и свободы слова [112]. В политическом плане подчеркивалось формирование «нового КГБ», т.е. усиления роли спецслужб в политике Ельцина [113]; привлечение материала из русской истории для усиления образа «империи в кризисе, призывающей к жалости по отношению к ней» [114, 115]. Положение Бориса Ельцина в конце 1992–1993 гг. изображалось как критическое в силу оппозиции Верховного Совета и отставки «младореформаторов» [116–118].

Несмотря на это, Svenska Dagbladet позитивно оценила итоги визита премьер-министра Швеции Карла Бильдта в Москву в феврале 1993 г. Подчеркивалось, что подписанные документы об основах отношений, о

торговле и сотрудничестве в области экологии «направлены на оформление качественно нового диалога» [119]. В нем особая роль отводилась регионам российского Северо-Запада. Помимо этого, отмечено, что Бильдт «обсуждал взаимодействие спецслужб двух стран в борьбе с контрабандой и нелегальной миграцией». При этом Svenska Dagbladet трактовала слова Бориса Ельцина об активности российских подводных лодок в шведских водах как «признание нарушения морской границы страны» [120, 121]. Российское коммюнике отметило лишь «возможность нарушения», а также то, что Бильдт признал недостаток доказательств против России. Вопрос был оставлен на обсуждение военно-морскому командованию обеих стран [122]. Однако итоговая оценка переговоров была выражена в выпуске от 10 февраля 1993 г.: «Россия, полная знаков вопроса» [123]. Несмотря на официальный оптимизм, правое общественное мнение оставалось в целом скептически настроенным к стране.

Конституционный кризис в России глазами Svenska Dagbladet

Кризис в отношениях между президентом и Верховным Советом шведская правая печать освещала активно. Изначально Svenska Dagbladet не высказывала симпатий ни одной из сторон, обозначая его как «хаос» [124]. Эта же газета опубликовала цитату Александра Солженицына о недопустимости «возвращения коммунизма» в России, что можно трактовать как согласие с обвинением Совета народных депутатов и Верховного Совета в «коммунизме» [125]. Косвенно продолжилась эта мысль в очерке о суде над членами ГКЧП от 14 апреля 1993 г.: подчеркивалось, что Ельцин является «меньшим злом», несмотря на склонность к авторитаризму [126, 127]. Подвергались осуждению и русские националисты в связи с ростом ненависти к евреям [128].

Главным опасением была судьба ядерного арсенала и связанные с этим риски [129, 130], а также разведывательная работа российских спецслужб в Швеции [131]. Svenska Dagbladet также не обошла стороной конфликт на Кавказе, считая, что «Россия готова к войне» в решении чеченского кризиса [132]. То есть, несмотря на кризис в стране, Россия в глазах шведских правых осталась государством с претензией на имперский статус. Референдум 25 апреля 1993 г. трактовался как «судьбоносный»: его результаты были названы «началом» к разрешению политического кризиса [133]. В то же время шведские правые журналисты до осени 1993 г. оценивали его как «относительно бескровный финал Российской империи» [134]. Роспуск Верховного Совета Svenska Dagbladet поддержала, характеризуя позицию Ельцина как «борьбу за демократию, обладающую большой поддержкой», в том числе благодаря армии [135, 136]. Действия сторонников Верховного Совета считались «мятежом», подавление которого, как полагали шведские правые, показало «высокую цену поддержки президента» [137].

Ельцин же получил характеристику «меньшего зла» [138], хотя его образ в Svenska Dagbladet тяготел

к «правлению русской модели», т.е. авторитарному. Строительство демократии глазами таблоида в России было названо «болезненным», и помочь ему «была призвана Швеция» [139–141].

Отношение к конституционной реформе 1993 г. выражалось формулировками «окно возможностей» и «шанс на построение демократии» [142]. Все это также дополнялось очерками о беседах с деятелями российской культуры, например с Олегом Ефремовым, о видении демократии в России [143]. Однако на политическую ситуацию в стране Svenska Dagbladet смотрела с опасением из-за перспективы чрезмерной концентрации власти в руках Бориса Ельцина [144]. Оно сменилось после публикации проекта Конституции России и подготовки всенародного голосования по ее принятию, когда Ельцина называли «русским де Голлем» [145]. Такой образ, с одной стороны, сочетал в себе режим личной власти, но с другой стороны – стремление к строительству демократии в России. Также отмечалось, что проект российской конституции впитал в себя черты французской, в том числе пропорцию полномочий президента и остальных ветвей власти. Само голосование газета назвала «вехой» для страны [146]. Все это дополнялось публикацией Svenska Dagbladet интервью с профессором Лундского университета и специалистом по истории и культуре России и стран Центрально-Восточной Европы Кристианом Гернером [147]. Он считал, что политическая ситуация в России определяется слабостью демократической традиции. Такая публикация отражала скептицизм по отношению к России в шведской правой среде.

Отношение к всенародному голосованию по конституции и к первым выборам в Государственную думу в Svenska Dagbladet продолжило эту тенденцию. Ельцина критиковали за использование образа гражданской войны, а также в «проведении выборов на своих условиях» [148, 149]. Последнее было связано с использованием мажоритарной избирательной системы. То есть глазами правого шведского политика данные выборы были не вполне демократическими, однако факт их проведения Svenska Dagbladet встретила как «первый шаг к демократии в России» [150]. Подчеркивалось, что относительно свободных выборов до 1990-х гг. страна не знала.

Итоги выборов в Государственную думу сначала трактовались как «поражение Ельцина» [151]. В первом случае Svenska Dagbladet исходила из широкой электоральной поддержки ЛДПР и КПРФ, а во втором – из факта их представительства в новом парламенте. Расстановку сил в первой Государственной Думе РФ таблоид обозначил как «красно-коричневую» [152], т.е. открыто авторитарную и оппозиционную Ельцину. Так, лидер ЛДПР Владимир Жириновский предстал в образе «русского фюрера с [атомной] бомбой» и «мечтателя о старой России» [153, 154], т.е. считая его потенциальный приход к власти угрозой стабильности. Жириновский виделся носителем имперской ментальности и недемократической тенденции в российском политикуме: Svenska Dagbladet отмечала факты угроз со стороны лидера ЛДПР в отношении

Германии, а также его намерений «применить супероружие» в отношении вероятных противников России [155]. Несмотря на это, обстановку в Думе таблоид охарактеризовал как «благоприятную для реформаторов» именно с учетом мажоритарной системы и расширенных полномочий президента [156, 157].

Концентрация внимания на автократизме у участников выборов в Svenska Dagbladet означала использование скептицизма к России для мобилизации консервативно настроенного электората в поддержку курса Бильдта. Критицизм в адрес КПРФ, ЛДПР и проекта новой конституции не повлиял на позитивную оценку закрепления основ демократии в России. Такие же позитивные оценки звучали в адрес тех, кто поддерживал реформы в России и был нацелен на сотрудничество с ней. Однако переломить в целом скептический настрой по отношению к Российскому государству и обществу Svenska Dagbladet в декабре 1993 г. не смогла. Несмотря на утрату позиций, Россия воспринималась шведскими правыми как страна с имперской ментальностью. Обе составляющие образа России в целом не противоречили друг другу.

Заключение

Восприятие распада СССР и постсоветской России первых лет в шведском правом дискурсе сочетало в себе как традиционные элементы образа «другого», так и ряд новшеств. Шведские правые посредством своего рупора – газеты Svenska Dagbladet – продемонстрировали амбивалентный образ России, «русских» и СССР. Позитивными чертами, которые выделяли правые колумнисты, были масштабы российского рынка и его инвестиционный потенциал. При этом шведские правые видели свою страну «проводником» России в переходе к рынку. Россия воспринималась как часть Европы «от Атлантики до Урала» в культурном, профессиональном и ценностном аспектах, а также как величина в мировой культуре и туристическая дестинация для шведов. Более того, шведские правые подчеркивали сохранение в русской среде традиционных ценностей, несмотря на их частичное размывание в советский период.

Однако представление шведскому общественному мнению этих черт сопровождалось критицизмом в отношении российской политической культуры и политической системы этого времени. Россия воспринималась как страна с имперской ментальностью в политике, и постсоветские власти в лице Бориса Ельцина, по мнению шведских правых, не избежали этого. Страна виделась конкурентом Швеции на Балтике, и в пользу этого приводились примеры из истории шведско-российских отношений. Однако в то же время афилированные со шведскими правыми историки избегали резких трактовок и антироссийских сентенций.

Отношение к распаду СССР в шведской правой среде Svenska Dagbladet выразила двояко: приветствовалась децентрализация и борьба союзных республик с центром и КПСС, в том числе со стороны РСФСР. В принципе, осуждались коммунистическая идеология и

сталинизм, а также политика СССР в предвоенный период, а также присоединение стран Балтии к Союзу. Его распад виделся «концом нелегитимного раздела Европы». Svenska Dagbladet подчеркивала необходимость поддерживать Бориса Ельцина в борьбе с союзным центром. С другой стороны, шведские правые опасались утраты контроля над советским ядерным арсеналом, а также превращения территории бывшего СССР в поле военного конфликта, угрожающего Европе и Швеции.

Новая российская государственность и социально-экономическая реальность также амбивалентно воспринимались шведскими правыми. С одной стороны, приветствовалось расширение контактов со странами Запада и «открытие страны», а также новый шведско-российский диалог. С другой стороны, к российскому руководству было сильно недоверие как в силу шпионии и вопроса о появлении российских подлодок в шведских водах, так и в силу поведения президента страны Бориса Ельцина. Он виделся носителем имперской ментальности и автократизма, но считался «меньшим злом» по сравнению с возможным сохранением или восстановлением СССР. Ситуацию 1991–1993 гг. воспринимали как «смерть империи».

Пристальное внимание к социально-экономическим проблемам развития России после 1991 г. проявилось в культивировании образа хаоса. Его элементами считались «дикий капитализм», активность ОПГ, поляризация и расслоение общества. По мнению Svenska Dagbladet, Швеция должна была оказывать помощь но-

вой государственности, а «шведская модель» считалась наиболее пригодной для рецепции Москвой. Любую помощь России в преодолении кризиса и построении демократии шведские правые одобряли.

При этом, действия Бориса Ельцина изображались как «автократизм» и построение «режима личной власти» по образцу Шарля де Голля, что, по мнению Svenska Dagbladet, показала конституция 1993 г. Поэтому новая государственность, по мнению шведских правых, была «не вполне демократической» и с «угрозой диктатуры». В таких условиях противодействие президента Государственной думе виделось «механизмом сдерживания», а также гарантией проведения демократических и рыночных преобразований.

Шведское общественное мнение правого спектра в целом сохранило свой скептицизм по отношению к России как до выборов 1991 г., так и после них. Он был связан с опасениями неуправляемости процессов в РФ и бывшем СССР. Критицизм касался Советского, а затем и Российского государства, однако открыто антироссийских суждений шведские правые в целом избегали. Это связано как с прошедшими в 1988–1993 гг. изменениями на территории бывшего СССР, так и с оптимизмом в отношении России как члена мирового сообщества, формирующегося рынка, а также возможного партнера на Севере Европы и Балтике. Материалы Svenska Dagbladet выбранного периода демонстрировали интерес к потенциалу и новым форматам шведско-российских отношений, несмотря на имеющееся в правом шведском спектре недоверие к Москве.

Список источников

1. Журавлев П.С., Зарецкая О.В., Подоплекин А.О., Репневский А.В., Тамицкий А.М. Арктика в системе международного сотрудничества и соперничества. Архангельск : Солти, 2015. 168 с.
2. Зарецкая О.В. Регионализм во внешней политике Норвегии и Швеции (1945–2000 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2008. 207 с.
3. Рагозин Г. С. Стипендиальная политика Шведского института как инструмент «мягкой силы» // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 3. С. 66–82.
4. Åselius G. «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm : Almqvist and Wiksell International, 1994. 455 p.
5. Johnson L. Soviet Policy Towards Sweden and the Region of Northern Europe under Gorbachev // Cooperation and Conflict. 1990. Vol. 25, № 1. P. 1–19.
6. Kronvall O., Petersson M. Svensk säkerhetspolitik i supermakternas skugga 1945–1991. Stockholm : Santerus förlag, 2005. 204 s.
7. Westberg J. Svenska säkerhetsstrategier: 1810–2014. Lund : Studentlitteratur, 2015. 262 p.
8. Westberg J. Det glömda arvet från svensk allianspolitik // Kungl Krigsvetenskapsakademiens Handlingar och Tidskrift. 2016. № 3. S. 23–54.
9. Lundén Th. Turning towards the inland sea? Swedish 'soft diplomacy' towards the Baltic Soviet republics before independence // Scandinavian Journal of History. 2022. Vol. 47, № 3. P. 336–347.
10. Persson A. Americans and Russians as Representatives of 'Us' and 'Them': Contemporary Swedish School History Textbooks and their Portrayals of the Central Characters of the Cold War // Christophe B., Gautschi P., Thorp R. (Eds.) The Cold War in the Classroom. Cham : Palgrave Macmillan, 2019. P. 107–135.
11. Elmersjö H.Å., Thorp R. The Cold War, Historical Culture and History Education: Swedish Teachers' Entangled Narratives of History and Memory // Acta Didactica Norden. 2020. Vol. 14, № 1. Art. No. 3. S. 1–21.
12. Воронов К.В. «Полтавский синдром» Швеции: тяжкое политисторическое наследие // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 12. С. 75–82.
13. Den Ryssofila utmaningen // Svenska Dagbladet. 03.01.1988.
14. Hellre sovjetiska ubåtar än ryska // Svenska Dagbladet. 11.01.1988.
15. Ett baltisk människoöde // Svenska Dagbladet. 28.02.1988.
16. Esterna går i en egen skola // Svenska Dagbladet. 06.03.1988.
17. Vår naiva Sovjetsyn // Svenska Dagbladet. 20.02.1988.
18. Sovjetisk revolution uppifrån? // Svenska Dagbladet. 14.06.1988.
19. Ett storverk om Dostojevskij // Svenska Dagbladet. 12.01.1988.
20. Tolstoj – en främling som kom hem // Svenska Dagbladet. 27.01.1988.
21. Joseph Brodsky blir Iosif Brodskij igen // Svenska Dagbladet. 29.04.1988.
22. Isaak Babels solnedgång // Svenska Dagbladet. 27.06.1988.
23. Med Tarkovskij // Svenska Dagbladet. 11.09.1988.
24. Mästaren och mästaren // Svenska Dagbladet. 11.12.1988.
25. Solsjenitsyn och den ryska revolutionen // Svenska Dagbladet. 19.04.1989.
26. Konsten att översätta Gogol // Svenska Dagbladet. 30.04.1989.
27. Pasternaks liv blir film // Svenska Dagbladet. 18.06.1989.

28. Rysslands kyrka tusen år // Svenska Dagbladet. 07.06.1988.
29. Tusen år gamla ryska kyrkan får starkare ställning // Svenska Dagbladet. 11.06.1988.
30. Det tredje Rom // Svenska Dagbladet. 03.07.1988.
31. Historikerstriden: GULAG och Auschwitz // Svenska Dagbladet. 11.07.1988.
32. 30 000 efter flyttade till Sverige efter kriget // Svenska Dagbladet. 06.03.1988.
33. Katastrofen som krympte Sverige // Svenska Dagbladet. 28.12.1988.
34. Babusjka – mer än farmor och mormor // Svenska Dagbladet. 19.02.1990.
35. Sjövägen till Leningrad // Svenska Dagbladet. 26.06.1990.
36. Sovjet erkänner Katynmorden // Svenska Dagbladet. 14.04.1990.
37. Esterna rärar på ryggen // Svenska Dagbladet. 13.11.1988.
38. När Sverige legaliserade ockupation // Svenska Dagbladet. 18.02.1988.
39. Nationell fridgörelse från Sovjetunionen // Svenska Dagbladet. 24.01.1990.
40. Vår Prerestrojka kallar de för nationalism // Svenska Dagbladet. 07.05.1988.
41. Totalt ekonomiskt självstyre // Svenska Dagbladet. 23.06.1988.
42. Baltikum lever // Svenska Dagbladet. 25.08.1988.
43. Baltiska opposition och det stalinska arvet // Svenska Dagbladet. 22.08.1989.
44. Estlands utmaning // Svenska Dagbladet. 18.11.1988.
45. Så kann vi stödja Estland // Svenska Dagbladet. 19.11.1988.
46. Estlandssvenskarna gläntar på dören // Svenska Dagbladet. 20.11.1988.
47. Oordning retar Gorbatsjov // Svenska Dagbladet. 27.05.1989.
48. Hemlig avtal delade Östeuropa // Svenska Dagbladet. 24.07.1989.
49. Perestrojkans avantgarde // Svenska Dagbladet. 29.07.1989.
50. Nationalismen ett arv från tsarstiden // Svenska Dagbladet. 29.07.1989.
51. Ett fritt Litauen // Svenska Dagbladet. 11.03.1990.
52. Litauens fridgörelse „illegal“ // Svenska Dagbladet. 14.03.1990.
53. Gorbatsjov – Mikael II eller Mikael III? // Svenska Dagbladet. 22.03.1990.
54. Litauen får valuta via svenskt konto // Svenska Dagbladet. 24.04.1990.
55. Jeltsin – Rysslands president // Svenska Dagbladet. 30.05.1990.
56. I skuggan av Jeltsin // Svenska Dagbladet. 01.06.1990.
57. Ryssland förklarade sig suveränt // Svenska Dagbladet. 13.06.1990.
58. Jag, General de Gaulle // Svenska Dagbladet. 05.07.1990.
59. Demokrati möjlig i öst bara om väst ändrar sig // Svenska Dagbladet. 25.07.1990.
60. Skarp protest mot Gorbatsjovs program // Svenska Dagbladet. 18.10.1990.
61. En gigantisk marknad där pengar är en bristvara // Svenska Dagbladet. 29.10.1990.
62. Vi har nyckeln till till den sovjetiska marknaden // Svenska Dagbladet. 29.10.1990.
63. Sovjets pansar in i Vilnius // Svenska Dagbladet. 12.01.1991.
64. Folket vet att vi är trogna // Svenska Dagbladet. 14.01.1991.
65. Bilder från Vilnius skräver // Svenska Dagbladet. 14.01.1991.
66. Boris Jeltsin segrade // Svenska Dagbladet. 14.06.1991.
67. Kejsarlig Jeltsin tar över rodret // Svenska Dagbladet. 16.08.1991.
68. Jeltsin utmanar kuppledarna // Svenska Dagbladet. 20.08.1991.
69. Boris Jeltsin tackade sitt folk // Svenska Dagbladet. 22.08.1991.
70. 300 000 tågade mot Gorbatsjov // Svenska Dagbladet. 21.01.1991.
71. Beslut nära om ryskt presidentval // Svenska Dagbladet. 22.05.1991.
72. Jeltsin kräver radikala reformer // Svenska Dagbladet. 29.10.1991.
73. Göteborg kan bli viktig transithamn för rysk olja // Svenska Dagbladet. 19.11.1991.
74. Svenska hjälpan framme // Svenska Dagbladet. 18.12.1991.
75. Norden allt med isolerat // Svenska Dagbladet. 18.11.1991.
76. Kärnväpnarsenal oroar // Svenska Dagbladet. 10.12.1991.
77. Ryssland vil gå med i NATO // Svenska Dagbladet. 21.12.1991.
78. Nu krävs en ny svensk säkerhetspolitik // Svenska Dagbladet. 14.12.1991.
79. Jeltsins sätt oroar Baker // Svenska Dagbladet. 22.12.1991.
80. Jeltsins samarbetsvilja sätts på prov // Svenska Dagbladet. 30.12.1991.
81. Ryssland tar kommandot i ny Union // Svenska Dagbladet. 16.12.1991.
82. Prischok första dagen // Svenska Dagbladet. 03.01.1992.
83. Prishöjningarna blev för stora i Ryssland // Svenska Dagbladet. 17.01.1992.
84. Rubler värdelösa i glassköerna // Svenska Dagbladet. 19.01.1992.
85. Många röstar i Tatarstan // Svenska Dagbladet. 22.03.1992.
86. Rysslands regioner enades // Svenska Dagbladet. 01.04.1992.
87. Ryska reformer skall inte avbrytas // Svenska Dagbladet. 11.08.1992.
88. Piter i Peters fotspår // Svenska Dagbladet. 08.03.1992.
89. Östra Europa öppnas för affärer. Tala med oss. Vi är med och skriver lagarna // Svenska Dagbladet. 09.09.1992.
90. Avtal Finland-Ryssland // Svenska Dagbladet. 21.01.1992.
91. Oljeavtal med Ryssland – hopp för frysna i Tallinn // Svenska Dagbladet. 27.01.1992.
92. Bush och Jeltsin möts igen i år // Svenska Dagbladet. 02.02.1992.
93. Historiskt avtal i Paris // Svenska Dagbladet. 08.02.1992.
94. Den nya „Nordöst-europa“ // Svenska Dagbladet. 03.02.1992.
95. Kärnsäkerhet tema i arktiskt samarbete // Svenska Dagbladet. 27.08.1992.
96. Arktiskt samarbete i Kirkenes // Svenska Dagbladet. 10.01.1993.
97. EG-kredit till Ryssland klar // Svenska Dagbladet. 28.02.1992.
98. Svenskt hjälpprogram skall lösa ryskt dödläge // Svenska Dagbladet. 03.09.1992.
99. Svenskarna missar chanser i öst // Svenska Dagbladet. 05.02.1992.
100. Ryssland vil ta tillbaka kända badorter // Svenska Dagbladet. 25.01.1992.
101. Glasnost väntar rysk kyrka // Svenska Dagbladet. 26.01.1992.
102. Jeltsin riktar om missler // Svenska Dagbladet. 27.01.1992.
103. Sista striden för sovjetiska försvaret // Svenska Dagbladet. 08.02.1992.

104. Ryssland bekräftar miniubåtar // Svenska Dagbladet. 01.02.1992.
105. Sovjetubåt bakom säkning av Hansa // Svenska Dagbladet. 01.02.1992.
106. Maffian styr rysk filmproduktion // Svenska Dagbladet. 01.02.1992.
107. Den stora oredans tid // Svenska Dagbladet. 25.02.1992.
108. Ryssland hotas av ruin // Svenska Dagbladet. 09.02.1992.
109. Östmaffia söker sig via Finland // Svenska Dagbladet. 13.09.1992.
110. Callgirls styrs av rysk mafia // Svenska Dagbladet. 07.04.1993.
111. Rå kapitalismus har fritt spellrum i Ryssland // Svenska Dagbladet. 11.09.1993.
112. Rysk mästare i privatisering // Svenska Dagbladet. 25.05.1993.
113. Spelet går vidare – med ett nytt KGB // Svenska Dagbladet. 02.02.1992.
114. Tsar Alexander II, en dåtida Gorbatsjov // Svenska Dagbladet. 20.08.1992.
115. Väst lyssnar på rysk självömkan // Svenska Dagbladet. 01.09.1992.
116. I enad front mot Jeltsin // Svenska Dagbladet. 30.10.1992.
117. Jeltsin offrar reformvänner // Svenska Dagbladet. 27.11.1992.
118. Jeltsins svåraste politiska bakslag // Svenska Dagbladet. 05.12.1992.
119. Bildt besökte butiker och busar // Svenska Dagbladet. 05.02.1993.
120. Jeltsin erkänner ubåtsbevis // Svenska Dagbladet. 05.02.1993.
121. Sverige och Ryssland // Svenska Dagbladet. 07.02.1993.
122. Достигнуто «продвижение» в решении спорных вопросов // Коммерсант. 06.02.1993.
123. Ett Ryssland fyllt av frågetecken // Svenska Dagbladet. 10.02.1993.
124. Japan håller distans till Ryskt kaos // Svenska Dagbladet. 25.03.1993.
125. Får Solsjenitsyn ångra sin plan för Ryssland? // Svenska Dagbladet. 29.03.1993.
126. Kuppamakarna i Moskva inför rätta idag // Svenska Dagbladet. 14.04.1993.
127. Jeltsin reda öka sin makt // Svenska Dagbladet. 24.04.1993.
128. Judehatet växer i Ryssland // Svenska Dagbladet. 08.07.1993.
129. Boris Jeltsins makt minskar // Svenska Dagbladet. 12.03.1993.
130. Talman hotar avsätta Jeltsin // Svenska Dagbladet. 24.03.1993.
131. För många ryska spioner i Sverige // Svenska Dagbladet. 27.10.1993.
132. Ryskt ja till krigsinsats // Svenska Dagbladet. 16.07.1993.
133. Rysslands ödesfrågor // Svenska Dagbladet. 25.04.1993.
134. Jämförelsevis oblodigt slut på ryska imperiet // Svenska Dagbladet. 10.05.1993.
135. Starkt Jeltsinstöd // Svenska Dagbladet. 23.09.1993.
136. Svenska politiker ger Jeltsin stöd // Svenska Dagbladet. 23.09.1993.
137. Rebellerna i Moskva gav opp, Svenska Dagbladet. 05.10.1993.
138. Högt pris för militärens stöd // Svenska Dagbladet. 05.10.1993.
139. En härskare av rysk modell // Svenska Dagbladet. 06.10.1993.
140. Ryssland går mot demokratisering // Svenska Dagbladet. 02.11.1993.
141. Rysk framtid i svensk strid // Svenska Dagbladet. 04.11.1993.
142. Optimism om ryska uttåget // Svenska Dagbladet. 05.11.1993.
143. Vad menas med frihet // Svenska Dagbladet. 05.11.1993.
144. Mar finas nu sanningen i Ryssland // Svenska Dagbladet. 08.11.1993.
145. Boris Jeltsin – en Rysslands de Gaulle // Svenska Dagbladet. 14.11.1993.
146. Rysk milstolpe, Svenska Dagbladet // Svenska Dagbladet. 05.12.1993.
147. Ryskt val kan leda till ett auktoritärt system // Svenska Dagbladet. 10.12.1993.
148. Jeltsin varnar för inbörderskrig // Svenska Dagbladet. 10.12.1993.
149. Ett val på presidentens villkor // Svenska Dagbladet. 12.12.1993.
150. Ryssarna noviser vid valurnorna // Svenska Dagbladet. 12.12.1993.
151. Backslag för Jeltsin // Svenska Dagbladet. 14.12.1993.
152. Rödbruna krafter framåt i valet // Svenska Dagbladet. 14.12.1993.
153. Zjirinovskij drömmer om gamla Ryssland // Svenska Dagbladet. 14.12.1993.
154. En rysk Führer med bomben? // Svenska Dagbladet. 15.12.1993.
155. Zjirinovskij hotar med supervapen // Svenska Dagbladet. 23.12.1993.
156. Reformister störst i Duman // Svenska Dagbladet. 17.12.1993.
157. Följderna av rysk valkatastrofen kann begränsas // Svenska Dagbladet. 19.12.1993.

References

1. Zhuravlev, P.S., Zaretskaya, O.V., Podoplekin, A.O., Repnevskiy, A.V. & Tamitskiy, A.M. (2015) *Arkkтика v sisteme mezhdunarodnogo sotrudnichestva i sopernichestva* [The Arctic in the system of international cooperation and rivalry]. Arkhangelsk: Solti.
2. Zaretskaya, O.V. (2008) *Regionalizm vo vneshnei politike Norvegii i Shvetsii (1945–2000 gg.)* [Regionalism in the foreign policy of Norway and Sweden (1945–2000)]: History Cand. Diss. Arkhangelsk.
3. Ragozin, G.S. (2023) Stipendialnaya politika Shvedskogo instituta kak instrument "miagkoi sily" [The scholarship policy of the Swedish Institute as a tool of "soft power"]. *Baltiiskii region*. 15 (3). pp. 66–82.
4. Åselius, G. (1994) *"Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism*. Stockholm: Almqvist and Wiksell International.
5. Johnson, L. (1990) Soviet Policy Towards Sweden and the Region of Northern Europe under Gorbachev. *Cooperation and Conflict*. 25 (1). pp. 1–19.
6. Kronvall, O. & Petersson, M. (2005) *Svensk säkerhetspolitik i supermakternas skugga 1945–1991*. Stockholm: Santerus förlag.
7. Westberg, J. (2015) *Svenska säkerhetsstrategier: 1810–2014*. Lund: Studentlitteratur.
8. Westberg, J. (2016) Det glömda arvet från svensk allianspolitik. *Kungl Krigsvetenskapsakademiens Handlingar och Tidskrift*. 3. pp. 23–54.
9. Lundén, Th. (2022) Turning towards the inland sea? Swedish 'soft diplomacy' towards the Baltic Soviet republics before independence. *Scandinavian Journal of History*. 47 (3). pp. 336–347.
10. Persson, A. (2019) Americans and Russians as Representatives of 'Us' and 'Them': Contemporary Swedish School History Textbooks and their Portrayals of the Central Characters of the Cold War. In: Christophe, B., Gautschi, P. & Thorp, R. (eds) *The Cold War in the Classroom*. Cham: Palgrave Macmillan. pp. 107–135.

11. Elmersjö, H.Å. & Thorp, R. (2020) The Cold War, Historical Culture and History Education: Swedish Teachers' Entangled Narratives of History and Memory. *Acta Didactica Norden*. 14 (1). Art. No. 3. pp. 1–21.
12. Voronov, K.V. (2018) "Poltavskiy sindrom" Shvetsii: tiazheloe politiko-istoricheskoe nasledie ["The Poltava Syndrome" of Sweden: A heavy political-historical legacy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. 62 (12). pp. 75–82.
13. *Svenska Dagbladet*. (1988) Den Ryssofila utmaningen. January 3.
14. *Svenska Dagbladet*. (1988) Hellre sovjetiska ubåtar än ryska. January 11.
15. *Svenska Dagbladet*. (1988) Ett baltisk människoöde. February 28.
16. *Svenska Dagbladet*. (1988) Esterna går i en egen skola. March 6.
17. *Svenska Dagbladet*. (1988) Vår naiva Sovjetsyn. February 20.
18. *Svenska Dagbladet*. (1988) Sovjetisk revolution uppifrån? June 14.
19. *Svenska Dagbladet*. (1988) Ett storverk om Dostojevskij. January 12.
20. *Svenska Dagbladet*. (1988) Tolstoj – en främlig som kom hem. January 27.
21. *Svenska Dagbladet*. (1988) Joseph Brodsky blir Iosif Brodskij igen. April 29.
22. *Svenska Dagbladet*. (1988) Isaak Babels solnedgång. June 27.
23. *Svenska Dagbladet*. (1988) Med Tarkovskij. September 11.
24. *Svenska Dagbladet*. (1988) Mästaren och mästraren. December 11.
25. *Svenska Dagbladet*. (1989) Solsjenitsyn och den ryska revolutionen. April 19.
26. *Svenska Dagbladet*. (1989) Konsten att översätta Gogol. April 30.
27. *Svenska Dagbladet*. (1989) Pasternaks liv blir film. June 18.
28. *Svenska Dagbladet*. (1988) Rysslands kyrka tusen år. June 7.
29. *Svenska Dagbladet*. (1988) Tusen år gamla ryska kyrkan får starkare ställning. June 11.
30. *Svenska Dagbladet*. (1988) Det tredje Rom. July 3.
31. *Svenska Dagbladet*. (1988) Historikerstriden: GULAG och Auschwitz. July 11.
32. *Svenska Dagbladet*. (1988) 30 000 efter flyttade till Sverige efter kriget. March 6.
33. *Svenska Dagbladet*. (1988) Katastrofen som krympte Sverige. December 28.
34. *Svenska Dagbladet*. (1990) Babusjka – mer än farmor och mormor. February 19.
35. *Svenska Dagbladet*. (1990) Sjövägen till Leningrad. June 26.
36. *Svenska Dagbladet*. (1990) Sovjet erkänner Katynmorden. April 14.
37. *Svenska Dagbladet*. (1988) Esterna rävar på ryggen. November 13.
38. *Svenska Dagbladet*. (1988) När Sverige legaliserade ockupation. February 18.
39. *Svenska Dagbladet*. (1990) Nationell fridgörelse från Sovjetunionen. January 24.
40. *Svenska Dagbladet*. (1988) Vår Perestrojka kallar de för nationalism. May 7.
41. *Svenska Dagbladet*. (1988) Totalt ekonomiskt självstyre. June 23.
42. *Svenska Dagbladet*. (1988) Baltikum lever. August 25.
43. *Svenska Dagbladet*. (1989) Baltiska opposition och det stalinska arvet. August 22.
44. *Svenska Dagbladet*. (1988) Estlands utmaning. November 18.
45. *Svenska Dagbladet*. (1988) Så kan vi stödja Estland. November 19.
46. *Svenska Dagbladet*. (1988) Estlandssvenskarna gläntar på dören. November 20.
47. *Svenska Dagbladet*. (1989) Oordning retar Gorbatsjov. May 27.
48. *Svenska Dagbladet*. (1989) Hemlig avtal delade Östeuropa. July 24.
49. *Svenska Dagbladet*. (1989) Perestrojkans avantgarde. July 29.
50. *Svenska Dagbladet*. (1989) Nationalismen ett arv från tsarstiden. July 29.
51. *Svenska Dagbladet*. (1990) Ett fritt Litauen. March 11.
52. *Svenska Dagbladet*. (1990) Litauens frigörelse "illegal". March 14.
53. *Svenska Dagbladet*. (1990) Gorbatsjov – Mikael II eller Mikael III? March 22.
54. *Svenska Dagbladet*. (1990) Litauen får valuta via svenskt konto. April 24.
55. *Svenska Dagbladet*. (1990) Jeltsin – Rysslands president. May 30.
56. *Svenska Dagbladet*. (1990) I skuggan av Jeltsin. June 1.
57. *Svenska Dagbladet*. (1990) Ryssland förklarade sig suveränt. June 13.
58. *Svenska Dagbladet*. (1990) Jag, General de Gaulle. July 5.
59. *Svenska Dagbladet*. (1990) Demokrati möjlig i öst bara om väst ändrar sig. July 25.
60. *Svenska Dagbladet*. (1990) Skarp protest mot Gorbatsjovs program. October 18.
61. *Svenska Dagbladet*. (1990) En gigantisk marknad där pengar är en bristvara. October 29.
62. *Svenska Dagbladet*. (1990) Vi har nyckeln till den sovjetiska marknaden. October 29.
63. *Svenska Dagbladet*. (1991) Sovjets pansar in i Vilnius. January 12.
64. *Svenska Dagbladet*. (1991) Folket vet att vi är trogna. January 14.
65. *Svenska Dagbladet*. (1991) Bilder från Vilnius skrämmar. January 14.
66. *Svenska Dagbladet*. (1991) Boris Jeltsin segrade. June 14.
67. *Svenska Dagbladet*. (1991) Kejsrerlig Jeltsin tar över rodret. August 16.
68. *Svenska Dagbladet*. (1991) Jeltsin utmanar kuppledarna. August 20.
69. *Svenska Dagbladet*. (1991) Boris Jeltsin tackade sitt folk. August 22.
70. *Svenska Dagbladet*. (1991) 300 000 tågade mot Gorbatsjov. January 21.
71. *Svenska Dagbladet*. (1991) Beslut nära om ryskt presidentval. May 22.
72. *Svenska Dagbladet*. (1991) Jeltsin kräver radikala reformer. October 29.
73. *Svenska Dagbladet*. (1991) Göteborg kan bli viktig transithamn för rysk olja. November 19.
74. *Svenska Dagbladet*. (1991) Svenska hjälpan framme. December 18.
75. *Svenska Dagbladet*. (1991) Norden allt mer isolerat. November 18.
76. *Svenska Dagbladet*. (1991) Kärnväpnarsenal oroar. December 10.
77. *Svenska Dagbladet*. (1991) Ryssland vill gå med i NATO. December 21.
78. *Svenska Dagbladet*. (1991) Nu krävs en ny svensk säkerhetspolitik. December 14.
79. *Svenska Dagbladet*. (1991) Jeltsins sätt oroar Baker. December 22.
80. *Svenska Dagbladet*. (1991) Jeltsins samarbetsvilja sätts på prov. December 30.
81. *Svenska Dagbladet*. (1991) Ryssland tar kommandot i ny Union. December 16.
82. *Svenska Dagbladet*. (1992) Prischok första dagen. January 3.
83. *Svenska Dagbladet*. (1992) Prishöjningarna blev för stora i Ryssland. January 17.
84. *Svenska Dagbladet*. (1992) Rubler värdelösa i glassköerna. January 19.

85. *Svenska Dagbladet*. (1992) Många röstar i Tatarstan. March 22.
86. *Svenska Dagbladet*. (1992) Rysslands regioner enades. April 1.
87. *Svenska Dagbladet*. (1992) Ryska reformer skall inte avbrytas. August 11.
88. *Svenska Dagbladet*. (1992) Piter i Peters fotspår. March 8.
89. *Svenska Dagbladet*. (1992) Östra Europa öppnas för affärer. Tala med oss. Vi är med och skriver lagarna. September 9.
90. *Svenska Dagbladet*. (1992) Avtal Finland-Ryssland. January 21.
91. *Svenska Dagbladet*. (1992) Oljeavtal med Ryssland – hopp för frysa i Tallinn. January 27.
92. *Svenska Dagbladet*. (1992) Bush och Jeltsin möts igen i år. February 2.
93. *Svenska Dagbladet*. (1992) Historiskt avtal i Paris. February 8.
94. *Svenska Dagbladet*. (1992) Den nya "Nordöst-europa". February 3.
95. *Svenska Dagbladet*. (1993) Kärnsäkerhet tema i arktiskt samarbete. August 27.
96. *Svenska Dagbladet*. (1993) Arktiskt samarbete i Kirkenes. January 10.
97. *Svenska Dagbladet*. (1992) EG-kredit till Ryssland klar. February 28.
98. *Svenska Dagbladet*. (1992) Svenskt hjälpprogram skall lösa ryskt dödläge. September 3.
99. *Svenska Dagbladet*. (1992) Svenskarna missar chanser i öst. February 5.
100. *Svenska Dagbladet*. (1992) Ryssland vill ta tillbaka kända badorter. January 25.
101. *Svenska Dagbladet*. (1992) Glasnost väntar rysk kyrka. January 26.
102. *Svenska Dagbladet*. (1992) Jeltsin riktar om missiler. January 27.
103. *Svenska Dagbladet*. (1992) Sista striden för sovjetiska försvaret. February 8.
104. *Svenska Dagbladet*. (1992) Ryssland bekräftar miniubåtar. February 1.
105. *Svenska Dagbladet*. (1992) Sovjetubåt bakom sänkning av Hansa. February 1.
106. *Svenska Dagbladet*. (1992) Maffian styr rysk filmproduktion. February 1.
107. *Svenska Dagbladet*. (1992) Den stora oredans tid. February 25.
108. *Svenska Dagbladet*. (1992) Ryssland hotas av ruin. February 9.
109. *Svenska Dagbladet*. (1992) Östmaffia söker sig via Finland. September 13.
110. *Svenska Dagbladet*. (1993) Callgirls styrs av rysk mafia. April 7.
111. *Svenska Dagbladet*. (1993) Rå kapitalism har fritt spelrum i Ryssland. September 11.
112. *Svenska Dagbladet*. (1993) Rysk mästare i privatisering. May 25.
113. *Svenska Dagbladet*. (1992) Spelet går vidare – med ett nytt KGB. February 2.
114. *Svenska Dagbladet*. (1992) Tsar Alexander II, en dåtida Gorbatsjov. August 20.
115. *Svenska Dagbladet*. (1992) Väst lyssnar på rysk självömkan. September 1.
116. *Svenska Dagbladet*. (1992) I enad front mot Jeltsin. October 30.
117. *Svenska Dagbladet*. (1992) Jeltsin offrar reformvänner. November 27.
118. *Svenska Dagbladet*. (1992) Jeltsins svåraste politiska bakslag. December 5.
119. *Svenska Dagbladet*. (1993) Bildt besökte butiker och bussar. February 5.
120. *Svenska Dagbladet*. (1993) Jeltsin erkänner ubåtsbevis. February 5.
121. *Svenska Dagbladet*. (1993) Sverige och Ryssland. February 7.
122. *Kommersant*". (1993) Dostignuto "prodvizhenie" v reshenii spornykh voprosov ["Progress" made in resolving disputed issues]. February 6.
123. *Svenska Dagbladet*. (1993) Ett Ryssland fyllt av frågetecken. February 10.
124. *Svenska Dagbladet*. (1993) Japan håller distans till Ryskt kaos. March 25.
125. *Svenska Dagbladet*. (1993) Får Solsjenitsyn ångra sin plan för Ryssland? March 29.
126. *Svenska Dagbladet*. (1993) Kuppamakarna i Moskva inför rätta idag. April 14.
127. *Svenska Dagbladet*. (1993) Jeltsin redo öka sin makt. April 24.
128. *Svenska Dagbladet*. (1993) Judehatet växer i Ryssland. July 8.
129. *Svenska Dagbladet*. (1993) Boris Jeltsins makt minskar. March 12.
130. *Svenska Dagbladet*. (1993) Talman hotar avsätta Jeltsin. March 24.
131. *Svenska Dagbladet*. (1993) För många ryska spioner i Sverige. October 27.
132. *Svenska Dagbladet*. (1993) Ryskt ja till krigsinsats. July 16.
133. *Svenska Dagbladet*. (1993) Rysslands ödesfrågor. April 25.
134. *Svenska Dagbladet*. (1993) Jämförelsevis oblodigt slut på ryska imperiet. May 10.
135. *Svenska Dagbladet*. (1993) Starkt Jeltsinstöd. September 23.
136. *Svenska Dagbladet*. (1993) Svenska politiker ger Jeltsin stöd. September 23.
137. *Svenska Dagbladet*. (1993) Rebellerna i Moskva gav upp. October 5.
138. *Svenska Dagbladet*. (1993) Högt pris för militärens stöd. October 5.
139. *Svenska Dagbladet*. (1993) En härskare av rysk modell. October 6.
140. *Svenska Dagbladet*. (1993) Ryssland går mot demokratisering. November 2.
141. *Svenska Dagbladet*. (1993) Rysk framtid i svensk strid. November 4.
142. *Svenska Dagbladet*. (1993) Optimism om ryska uttåget. November 5.
143. *Svenska Dagbladet*. (1993) Vad menas med frihet? November 5.
144. *Svenska Dagbladet*. (1993) Nu finas nu sanningen i Ryssland. November 8.
145. *Svenska Dagbladet*. (1993) Boris Jeltsin – en Rysslands de Gaulle. November 14.
146. *Svenska Dagbladet*. (1993) Rysk milstolpe. December 5.
147. *Svenska Dagbladet*. (1993) Ryskt val kan leda till ett auktoritärt system. December 10.
148. *Svenska Dagbladet*. (1993) Jeltsin varnar för inbördeskrig. December 10.
149. *Svenska Dagbladet*. (1993) Ett val på presidentens villkor. December 12.
150. *Svenska Dagbladet*. (1993) Ryssarna noviser vid valurnorna. December 12.
151. *Svenska Dagbladet*. (1993) Backslag för Jeltsin. December 14.
152. *Svenska Dagbladet*. (1993) Rödbruna krafter framåt i valet. December 14.
153. *Svenska Dagbladet*. (1993) Zjirinovskij drömmer om gamla Ryssland. December 14.
154. *Svenska Dagbladet*. (1993) En rysk Führer med bomben? December 15.
155. *Svenska Dagbladet*. (1993) Zjirinovskij hotar med supervapen. December 23.
156. *Svenska Dagbladet*. (1993) Reformister störst i Duman. December 17.
157. *Svenska Dagbladet*. (1993) Följderna av rysk valkatastrof kan begränsas. December 19.

Информация об авторе:

Рагозин Г.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: gragozin92@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.S. Ragozin, Cand. Sci. (History), associate professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: gragozin92@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.05.2024;
одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 21.05.2024;
approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/509/20

«Райский уголок» и «восточный человек»: идентичность русского пилигрима сквозь призму паломнических текстов рубежа XIX–XX вв.

Константин Анатольевич Семенчук¹, Элиза Рудиковна Григорян²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ ksemenchuk29@gmail.com

² elizagri@mail.ru

Аннотация. Исследование продолжает актуальную на данный момент тему идентичности и самоидентификации русских паломников в контексте универсальной концептуальной модели «свой/чужой». Представлены результаты работы, основанной на ненаправленном контент-анализе текстов церковных публицистов. Выявлены слова-индикаторы для описания местного населения и пространства Палестины, которые затем группируются в смысловые модели. Применен количественный метод для анализа данных слов-индикаторов по публикациям и представлены его результаты.

Ключевые слова: Святая земля, паломничество, Палестина, идентичность, Иерусалим

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01063 «Провинциальное паломничество на Святую Землю: база данных, исследование, библиографический указатель».

Для цитирования: Семенчук К.А., Григорян Э.Р. «Райский уголок» и «восточный человек»: идентичность русского пилигрима сквозь призму паломнических текстов рубежа XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 188–196. doi: 10.17223/15617793/509/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/20

"Paradise" and "Eastern Man": The identity of the Russian pilgrim through the prism of pilgrimage texts of the turn of the 20th century

Konstantin A. Semenchuk¹, Eliza R. Grigoryan²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ ksemenchuk29@gmail.com

² elizagri@mail.ru

Abstract. This article examines scholarly approaches to pilgrimage and identity formation, focusing on how Russian identity was constructed through spatial, religious, and cultural-linguistic frameworks. It analyzes studies that explore the role of stereotypes – particularly depictions of Jewish communities in pilgrimage narratives – highlighting the "friend/foe" dichotomy in shaping Russian pilgrims' identities. The study employed non-directed content analysis of texts by Orthodox ecclesiastical writers. Key descriptor terms for Palestinian populations and landscapes were identified and grouped into semantic models. Primary categories for describing Palestinian cities included: overcrowding, pollution, ugly buildings, order and cleanliness, crowdedness, and danger. Ethnic groups were divided into blocs similar to the Ottoman system: Europeans, Muslims, Orthodox and Jews, each of whom fit traditional stereotypes. Reconstruction of models of representation of spaces and population demonstrates general stereotypes of perception characteristic of Russian Orthodox pilgrimage texts about the Holy Land. This research focuses on Palestinian cities such as Jerusalem, Jaffa and Bethlehem, and describes pilgrim routes starting in Odessa and passing through Constantinople. An analysis of indicator words showed that authors pay the greatest attention to urban pollution (28.9%), linking this with ethnic and religious events, for example, removing the dirt from the Jewish quarter in Jerusalem. They also focus on the "ugliness" of local buildings and the poor attitude towards religious buildings. In contrast, the cleanliness of European settlements and positive reviews of the Mosque of Omar are noted. Other important aspects include the narrowness of streets (23.7%) and the dangers facing pilgrims (10.5%), which serve to compare Middle Eastern and European urban planning. The research identifies three main stereotypes of the Middle East perception: danger, uncleanness, and thirst for profit. The danger topic can be traced back to medieval texts, where travelers described threats from the local population. Although the safety of the pilgrimage was to be ensured by international treaties, political instability in the Ottoman Empire continued to pose a risk. Uncleanness and pollution are also universal stereotypes that are often used to describe the Middle East, and can be linked to the cultural and symbolic structures of society, as conceptualized by the anthropologist Mary Douglas. The pilgrim's reaction to the discrepancy between the expected image of the Holy Land and reality leads to the rejection

of the local population as a "dirty" element. An example is the treatment of Muslims in Constantinople, who are perceived as alien compared to European standards.

Keywords: Holy Land, pilgrimage, Palestine, identity, Jerusalem

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01063.

For citation: Semenchuk, K.A. & Grigoryan, E.R. (2024) "Paradise" and "Eastern Man": The identity of the Russian pilgrim through the prism of pilgrimage texts of the turn of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 188–196. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/20

Все это невольно заставляет вас
переживать более чем гадливое чувство...
что такой райский уголок...
достался вообще грязному, восточному человеку.
С. Лавровский

Введение

Святая земля продолжает иметь весьма важное символическое значение для последователей христианских конфессий, поскольку паломничества в Святую Землю всегда составляли значимую часть религиозных практик по укреплению идентичности. Также необходимо иметь в виду, что уже с периода перестройки Русская православная церковь оказывается одним из ключевых институтов идеологической поддержки государства. На этом фоне возрождается и исследовательский интерес к Русской православной церкви и путешествиям богомольцев в Святую землю.

На сегодняшний день палестинская проблематика в целом представлена в историографии довольно значительно, этот вопрос хорошо разобран в статье М.В. Каплия. Однако перечисленные им работы представляют собой конкретно-исторические исследования, вопросы идентичности в них не поднимаются [1. С. 34–40], и даже выделенное отдельно поколение «Палестинцев 3.0» у него характеризуется «акцентом на политической истории и политико-дипломатических детерминантах российско-палестинских связей, концептуализмом и применением новейших исследовательских стратегий и концепций в палестинской проблематике» [1. С. 40].

Последнее, в свою очередь, игнорирует изменившуюся философско-методологическую переориентацию исследовательских подходов с «позитивизма» в область неокантианства, феноменологии, символического интеракционизма, конструктивизма, структурализма и постструктурализма.

При таком подходе вопросы идентичности и дихотомии «свой/чужой» становятся ключевыми. Одной из наиболее заметных работ в этом направлении является коллективная монография «Воображая Палестину» [2]. Согласно позиции авторов, конструирование русской идентичности идет в нескольких проекциях: пространственного конструирования («трансфер» палестинской топонимики), религиозной (акцент на общности внутри православного христианства), а также культурно-национальной и языковой [3. С. 30–76] (последние усиливаются благодаря введению в официальный идеологический дискурс триады Уварова. – К.С.). Степень влияния каждой зависит от конкретных исторических обстоятельств.

Реакцией на данную работу стал выход двух рецензий. В первой из них за авторством М.Ю. Нечаевой, основное внимание уделяется феномену «Русской Палестины» и его роли в построении русской идентичности.

Несмотря на определенную критику исследовательской оптики применительно к идентичности сибирского паломника, автор рецензии не затрагивает сами концептуальные основы монографии [4. С. 171–173].

Несколько иной формат можно наблюдать в рецензии К.Е. Балдина, который попытался осмыслить концепт «идентичность» через призму позитивистского конкретно-исторического подхода.

Рецензия начинается с декларации «банальной истины» об «экзистенциальной потребности» человека в собственной идентичности [5. С. 98]. При этом Балдин значительно модифицирует подход из рецензируемой монографии, упорядочивая его линейно-эволюционно: «До конца XIX в. для русских паломников, направлявшихся на Ближний Восток, главной была религиозная идентичность... Позже, в условиях модернизации материальной жизни и постепенной секуляризации... сознания, все более значимой становилась идентичность национальная, социокультурная и языковая» [5. С. 98]. Позднее данная позиция была уточнена за счет введения возможности одновременного сосуществования «национальной» и «социально-культурной» идентичности [6. С. 20]. Автор отдельно замечает, что «язык служил главным инструментом» и «маркером национальной идентичности» [6. С. 16], а также предполагает возможность ее проявления «на невербальном, в том числе “желудочном” уровне» [6. С. 17].

Близкими в тематическом отношении являются исследования в рамках проблематики «свой/чужой». Исследовательница И.С. Душак в своей статье, посвященной еврейской теме в паломнических записках, отмечает важную роль стереотипов в формировании образа еврея как «чужака», при этом идентичность русских паломников оформляется в качестве его противоположности [7. С. 192–193].

Логичным продолжением работы Душак являлась статья А.А. Валитова и В.А. Герасимовой, посвященная образу евреев в записках русских паломников [8. С. 149–155]. Авторы приходят к выводу, что «православные паломники из Российской империи становились прежде всего русскими, на первое место в их идентичности выходили признаки языковой и территориальной принадлежности» [8. С. 153], последнее заставляло их относиться к «русским евреям» как к «своим». При этом стереотипные черты, которыми наделяют православные паломники еврейское (и арабское) население в своих текстах (например, назойливость, жажда наживы, нечистоплотность и грязь), не вызывают у авторов отдельного интереса. Хотя именно эти черты оттеняют «восточную» идентичность другого от «русской» европеизированной.

Исходя из этого, важно отметить схожие черты, которыми церковные публицисты наделяли инородцев Дальнего Востока [9. С. 146–148], что отсылает нас к блоку литературы, который заключен в общую дискурсивную рамку известной концепции Эдварда Саида. Этот вектор вполне закономерно уводит исследователей к поиску некоего «русского варианта ориентализма» [10; 11; 12. С. 33–44] и рассмотрению масштабных «философских» сюжетов межкультурного взаимодействия. Однако этот путь связан с практически полным игнорированием конкретных моделей, формирующих образ другого и влияющих на построение собственной идентичности путешественников. Решение этой проблемы и является целью данной статьи.

Исследование основывается на выборке из 39 паломнических текстов, опубликованных на страницах изданий «Епархиальных Ведомостей» в период с 1894 по 1910 г. Выбор данных текстов обосновывается следующим: во-первых, записки русских пилигримов, опубликованные в них, на данный момент все еще в полной мере не введены в научный оборот; во-вторых, отсутствие единообразной редактуры при отборе и публикации текстов и широкая географическая представленность данного издания дает благодатное поле для сравнения текстов из разных регионов; в-третьих, отсутствие тематического единообразия публикаций делает возможным выявление универсальных дискурсивных моделей конструирования «другого»; и в-четвертых, аффилированность «ведомостей» с церковью позволяет сохранить социальную однородность авторов публикаций.

Дополнительно были использованы средневековые тексты из сборника «Книга хождений», а также сочинения из антологии «Путешествия в Святую Землю» (1995) [13, 14]. Первый сборник до сих пор является наиболее полным собранием средневековых русских паломнических текстов, второй содержит в себе «классические» для данной проблематики сочинения и в силу этого является хорошим материалом для сравнительного анализа.

Методы и процедура исследования

Исследование предполагает несколько этапов и частично опирается на апробированную ранее схему [9. С. 146–148; 15. С. 29–40].

На первом этапе при помощи ненаправленного контент-анализа были выявлены наиболее распространенные слова-индикаторы, которые авторы текстов использовали для описания пространства Святой земли, после чего они были объединены в смысловые группы (модели). Затем была произведена реконструкция каждой из них.

Полученные данные отражены на рис. 1 и включают в себя следующие категории, использовавшиеся для описания пространства Палестины (в первую очередь городов):

1. *Теснота* – узость и теснота улиц палестинских городов.

2. *Загрязненность* – грязь, большое количество мусора и различных отходов.

3. *Безобразные постройки* – жалкий, неухоженный вид или же отсутствие архитектурной ценности сооружений.

4. *Порядок и чистота* – хорошее состояние локации.

5. *Многолюдность, давка и толкотня* – масса народа внутри городов.

6. *Опасность* – небезопасность городских улиц, высокая вероятность нападения разбойников в пути за городом.

На втором этапе был проведен направленный контент-анализ, в основу которого легли четыре этнические группы. При выборе категорий мы опирались на традиционную миллетную систему Османской империи:

А. Европейцы – христиане-католики и протестанты (англичане, французы, немцы).

Б. Мусульмане – турки и арабы.

В. Православные – греки и арабы православного вероисповедания.

Г. Евреи – в эту категорию нами включены также русские евреи.

Затем на основании полученных данных была реконструирована общая модель восприятия, что позволило выявить соответствие каждой этнической группы ряду стереотипов, которые использовались авторами паломнических текстов для их описания. Полученное распределение представлено на рис. 2 и 3.

Для первой и последней групп (А и Г) отдельная диаграмма не строилась, поскольку их упоминания единичны и касаются в первую очередь таких характеристик, как чистота, богатство, опрятность и горделивость – для европейцев, а в отношении евреев – бедность, многочисленность и нечистоплотность.

Третий этап исследования предполагал поиск и выявление семантически близких категорий, встречающихся при репрезентации пространства Палестины и местного населения. Это позволило воссоздать общие стереотипы восприятия, которые характерны для русских православных паломнических текстов о Святой земле.

Пространство Палестины

Данный регион в первую очередь представлен городами и другими населенными пунктами, такими как Иерусалим, Яффа, Вифлеем, Хеврон, Иерихон, Тивериада, Назарет, Наблус и др. При этом путь в Палестину для большинства паломников, как правило, начинался с дороги в Одессу и пролегал через Константинополь (Стамбул), острова архипелага Бейрут и Яффу в Иерусалим [16. С. 121]. Примечательно, что священным путь паломника становится еще до того, как он вступает в Святой Град. Как в современных текстах о паломничестве, где «дорога в Иерусалим и сам Иерусалим неделимы» [17. С. 9], так и в текстах периода XIX–XX вв. в понятие паломничества включается и сам путь, дорога. Это связано с темой преодоления препятствий (паломничество как подвиг) и темой «перехода» (пройдя путь, паломник меняется, связывает себя с паломнической традицией). Таким образом, пространство Святой земли включает в себя и сам путь.

Подсчет слов-индикаторов, отражающих отношение к пространству, позволил получить распределение, показанное на рис. 1.

Наибольший акцент авторы делают на загрязненности городов (32,8%). При этом нередко данная характеристика увязывается с определенными этническими и религиозными группами: «Яффа... город довольно большой и хорошо устроенный, но порядок мусульманский – мало чистоты и опрятности» [18. С. 215]; «Юго-восточный угол Иерусалима составляет еврейский квартал... Это самая грязная, самая мрачная часть Иерусалима... Улицы наполнены отвратительным воздухом... Здесь царит мерзость и запустение: здесь на каждом шагу видно страшное

проклятие, тяготеющее над евреями» [19. С. 156]. В некоторых случаях мы имеем противопоставление европейским порядкам: «Тут же процветает и реформатская школа. Живут и квакеры... Все это привлекает к себе арабов и делает их протестантами... Нечего и упоминать, что европ. дома чисты и хороши, а где живут арабы и греки, т.е. православные и мусульмане – везде грязь страшная» [20. С. 915].

Одновременно с загрязненностью и зловонием городов Востока авторы делали акцент на «безобразии» местных сооружений и в случае с православными греками и арабами – также на бедном или небрежном отношении к церквям и религиозным постройкам [21. С. 423].

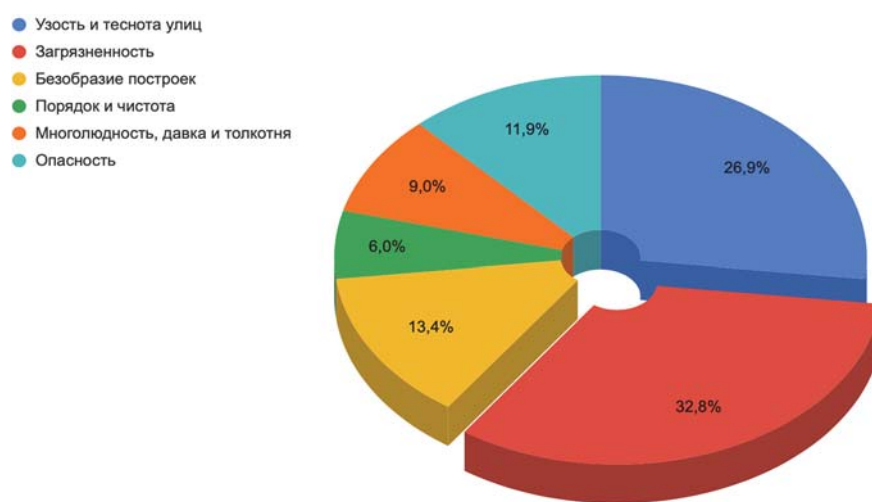

Рис. 1. Распределение слов-индикаторов по публикациям (пространство Палестины)

Однако существуют отдельные места, где практически все авторы отмечают чистоту и порядок. Это чаще всего европейские и русские поселения на Святой земле [21. С. 401–402; 22. С. 856], но встречаются и отдельные позитивно окрашенные комментарии по поводу мусульманских городов (например г. Смирна) [22. С. 327], хотя другой автор уточняет, что в этом городе хороша только набережная, а сам город так же непригляден, как и вообще все города Востока [21. С. 301]. Что касается отдельных сооружений, то почти все авторы благоприятно отзываються о мечети Омара в Иерусалиме [18. С. 221; 23. С. 1623].

Следующий по выраженности аспект, который отмечают авторы, – узость и теснота улиц (26,9%). Данная характеристика вполне закономерна, если учесть общую планировку городов Ближнего Востока еще со средних веков [24. С. 11, 47; 25. С. 102].

Однако при этом данная характеристика нередко является отправной точкой, которая служит для противопоставления ближневосточного («азиатского») и европейского типов городов [18. С. 215; 20. С. 915; 21. С. 274; 23. С. 1588; 26. С. 17–18]. Близкими по смыслу к этому пункту являются жалобы паломников на давку, многолюдность и толкотню.

Отдельно стоит отметить категорию «опасности» (11,9 %), которая может угрожать путешественнику на Святой земле.

Население Палестины

Во многом характеристики, которыми наделяют авторы местное население, совпадают с их отношением к пространству и нередко дублируют или взаимодополняют его. Здесь мы видим концентрацию внимания на нечистоплотности, бедности, опасности, враждебности. При этом обнаруживается заметное отличие в стереотипах, когда речь идет о разных религиозных и этнических группах.

Мусульмане. Распределение слов-индикаторов для мусульманского населения показано на рис. 2.

Как видим, больше всего внимания авторы уделяют опасности, агрессивности и неприязни, которая исходит со стороны автохтонного населения (27,5%). В качестве источника непосредственной опасности паломники указывают бедуинов, но нередко авторы фокусируют внимание на общей враждебности со стороны местного населения [26. С. 677–678; 27. С. 937–941; 28. С. 636–637].

Однако стоит также отметить, что довольно распространенным является акцентирование внимания на религиозной составляющей противостояния. Авторы отмечают ненависть к христианству и фанатичные настроения среди мусульман (чаще всего исторического характера): «Фанатики-мусульмане во времена своего могущества делали всевозможные неприятности христианам» [29. С. 8]; «До приснопамятного арх.

Антонина ни один европеец не мог и думать о том, чтобы, по соседству с Хевроном!, где... живут самые фанатичные мусульмане, приобрести в собственность хотя одну

пядь земли» [30. С. 516]; «турки, хозяева этого места, уничтожили ненавистные им христианские священные изображения, и теперь здесь склады товара» [31. С. 14].

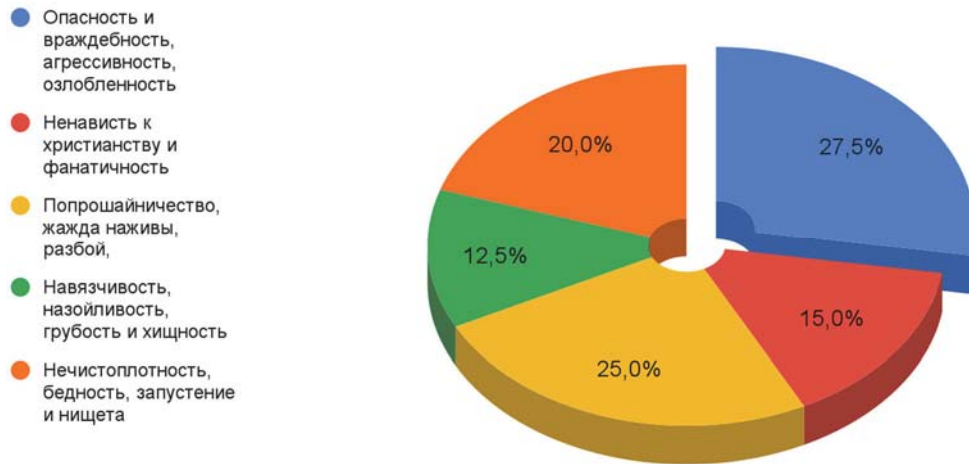

Рис. 2. Распределение слов-индикаторов по публикациям (мусульманское население Палестины)

Рис. 3. Распределение слов-индикаторов по публикациям (христианское население Палестины)

Значительный процент замечаний о мусульманском населении касается «стремления к наживе» различными способами (25%). Тут стоит добавить, в рамках текстов грубость, навязчивость и назойливость являются сопутствующим поведением в желании местных мусульман заполучить материальные блага. Стоит отметить, что кроме попыток местных жителей заработать, предоставляя различные легальные услуги [32. С. 414], авторы отмечают также распространенность попрошайничества и мошенничества [21. С. 401; 32. С. 465; 33. С. 401], а описывая ситуацию за пределами городов, выражают обеспокоенность возможностью нападения разбойников в пути [27. С. 937; 34. С. 513–514].

Еще одной важной характеристикой, которая касается местных мусульман, является нечистоплотность и бедность (20%). Данное свойство перекликается с аналогичным пунктом, касающимся городов, и является общим местом в описании автохтонного населения Ближнего Востока.

С православными христианами Святой земли ситуация несколько иная, поскольку сюда вмешивается обрядовый вопрос, который становится центральным для

многих паломников (в силу их принадлежности к духовенству). Распределение слов-индикаторов по данной группе представлено на рис. 3.

Наиболее распространенными становятся жалобы на денежные поборы и попрошайничество со стороны греческого духовенства (30,6%) и малоторжественное, а порой и небрежное совершение богослужений. Яркую ситуацию иллюстрирует следующий пример: «Тут же был совершен и обряд умовения наших ног. Три монаха запели гортанным гнусавым, страшно режущим ухо голосом церковную песнь... После этого нас повели “записываться”».

Попросту это значило... “давай денег”... Без этого во всех греческих храмах Палестины не ступишь... и шагу» [21. С. 336].

Такая нелестная характеристика единоверцев была случаем не единичным, причем один из местных монастырей в письме епископа Михаила (Грибановского) прямо был назван «обиральной» [20. С. 949–950].

Несколько меньшее внимание авторы уделяют вопросу нечистоплотности православного духовенства Палестины. Последнее в первую очередь применимо к

содержанию им церквей и прилегающих построек, а также внутреннему убранству, тогда как внешний вид и поведение восточного духовенства в общественных местах, напротив, ставятся в пример даже русским священно- и церковнослужителям [35. С. 810].

Очень часто авторы отмечают враждебное отношение христиан различных вероисповеданий в Святой земле, которое иногда выливается в конфликты с применением физической силы: «Во храме стоят турецкие солдаты с ружьями... Говорят, что присутствие их тут вызвала вражда православных и католиков, которая иногда доходит до крупных столкновений, сопровождающихся даже дракой» [36. С. 354].

Со временем отношение к палестинским православным христианам у путешественников менялось. Как показали в своей статье А. Валитов и В. Герасимова, постепенно на место религиозной идентичности приходила общерусская. Таким образом православные греки и арабы переходили в категорию «чужих».

Универсальные стереотипы

В целом, можно видеть присутствие трех сквозных тем, вокруг которых сформированы стереотипы восприятия: 1) опасность; 2) нечистоплотность и загрязненность; 3) жажда наживы.

Тему опасности в репрезентации Ближнего Востока мы обнаруживаем начиная со средневековых текстов. Например, так писал игумен Даниил (XII в.): «У этой воды отдыхают странники, но со страхом: место пустынное, близ города Аскалона, оттуда совершают набеги сарацины и избивают странников на путях, при входе в горы. От церкви Георгия до Иерусалима верст двадцать, по горам каменным, путь тяжел и очень страшен» [37. С. 208]. Аналогичное замечание встречаем и в тексте дьякона Троице-Сергиева монастыря Зосимы (XV в.): «Едва с большими трудностями дошли до святого города Иерусалима из-за препятствий обозленных арабов» [38. С. 305]. Проблема продолжает сохраняться вплоть до начала XIX в., о чем сообщает писатель-паломник А.Н. Муравьев [39. С. 88].

Сообщения русских путешественников были небезосновательны, поскольку такая ситуация сложилась в связи со взаимоотношениями между Российской и Османской империями. Несмотря на то что безопасность паломничества должна была обеспечиваться 12-й статьей Константинопольского трактата, в действительности она вовсе не ограждала путешественника от происшествий негативного характера [16. С. 123–125]. Последнее было прямым следствием внутриполитического кризиса, охватившего территории Османской империи в XVIII–XIX вв. [16. С. 125]. Ситуация несколько улучшилась с подписанием Кючук-Кайнарджийского договора в 1774 г., однако проблема политической нестабильности Османского государства продолжала сохраняться, хотя со второй половины XIX в. путешествия к святым местам стали заметно безопаснее [16. С. 236–238].

Более сложным является вопрос нечистоплотности и загрязненности. С одной стороны, действительно, в

противоположность по-европейски устроенными городами Российской империи населенные пункты Ближнего Востока могут казаться паломникам грязными и безобразными. Поэтому довольно часто встречается сравнение с Одессой – последним пунктом на территории России, откуда обычно и начинается путешествие. Закономерно, что определенное восхищение вызывает и Порт-Саид, который был обустроен европейцами.

С другой стороны, замечания о нечистоплотности и загрязненности могут иметь и несколько иные причины. Так, например, маркер загрязненности мы неоднократно можем встретить при описании народов Сибири, Дальнего Востока и даже евреев Центральной России [9. С. 147–148]. Последнее позволяет предположить, что идея загрязнения – один из универсальных стереотипов и не является «объективной» фиксацией опыта.

Как убедительно показала в своем исследовании антрополог Мэри Дуглас, представления о грязном не составляют исключительно вопрос гигиены и следования некоему набору конвенциональных правил, а являются отражением определенных символических структур общества [40. С. 64]. Согласно концепции Дуглас, «грязь – это побочный продукт систематического упорядочивания и классификации материи – в той мере, в какой это упорядочивание включает отвержение неподходящих элементов... наше поведение, касающееся нечистоты, – это реакция, отторгающая любые предметы или идеи, не отвечающие или противоречащие значимым для нас классификациям» [40. С. 65–66].

В таком случае выражение реакции паломников на опыт посещения Палестины и контакта с местным населением через стереотип загрязненности может являться следствием несовпадения идеализированных представлений о Палестине с реальной действительностью. Последняя, таким образом, отвергается в качестве неподходящего элемента. Вероятной причиной «завышенных ожиданий» является то, что образ Святой земли у подавляющего большинства авторов был сформирован благодаря популярной литературе религиозной тематики, публичным лекциям или изображениям, воспроизведенным при помощи «волшебного фонаря».

Паломники испытывают определенного рода шок при посещении Палестины, когда обнаруживают совершенно другое пространство нежели сложившийся образ. Как следствие, попытки отбросить «лишнее-грязное» распространяются и на местное население. Крайне показателен здесь пример Константинополя (Стамбула), где иноверцы-мусульмане оказываются элементом, который совершенно не укладывается в сформировавшуюся картинку. Поэтому в текстах паломников нередко можно встретить подобного рода замечания: «...наступит некогда день, и крест Христов снова будет водружен на куполе храма (Софийского собора. – К.С.) и на этот раз уже навсегда» [23. С. 1549; 32. С. 284]; «Все это невольно заставляет вас переживать более чем гадливое чувство и... до боли сердечной сожалеть, что такой... райский уголок, в смысле подавляющей, чарующей и ошеломляющей красоты природы, достался вообще грязному, восточному человеку» [21. С. 278].

Важно также заметить, что в текстах XII–XVI вв. Палестина не воспринимается в качестве места загроможденности и запустения [37. С. 218–239; 41. С. 352–360]. Изменение восприятия обнаруживается только в текстах паломников XIX в. Последнее можно связать с представлениями, накладывающимися просвещенческим дискурсом, в рамках которого «восточное» и «азиатское» фактически становятся синонимами отсталости, дикости и деспотии [42. С. 307–319, 322–329, 404–451], а европейская культурная модель закрепляется в качестве универсальной [43. С. 36–38].

Что же касается стереотипа о жажде наживы, то он, как и предыдущие, выходит за рамки Ближневосточного региона. Например, довольно близкими по общему смыслу являются жалобы русских священников на неэквивалентный обмен между полиэтничными торговцами и местными инородцами Приамурья [44. С. 58].

Важно при этом заметить, что такой «маркер чуждости», как отношение к деньгам, также является весьма подвижным, что можно увидеть на примере евреев и греков [8. С. 151]. Таким образом данный стереотип дополняет предыдущие два («опасность» и «нечистоплотность»), создавая определенный контраст между весьма обременительными для паломника контактами с «чуждыми» этническими группами и русскими.

Заключение

Выделенные смысловые группы в целом тяготеют к универсальным стереотипам, которые характерны для описания инородцев как внутри, так и за пределами Российской империи. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что призма, через которую паломники описывали народы Ближнего Востока, была задана существующими представлениями об инородцах внутри России и нередко варьировалась в зависимости от местности, откуда прибыл автор.

Вокруг всех нарративов просматривается некая дискурсивная рамка, которая в целом укладывается в идею телеологического характера о предопределенности возвращения христиан в качестве господствующей политической силы на Ближнем Востоке (территории Османской империи). Исходя из этого, можно предположить, что истоки экспансионистских идей и имперского дискурса лежат в границах тех форм рациональности, стереотипов восприятия и шаблонов мышления, основы которых заключены внутри религиозной парадигмы, поддерживающей и обосновывающей географическое расширение русской православной ойкумены.

Таким образом идентичность русского православного паломника имела многогранный характер с довлеющей принадлежностью к европейской цивилизации в противовес «восточной» и включала в себя заметный имперский экспансионистский задел.

Список источников

1. Каиль М.В. Три поколения в историографическом осмыслении российского церковно-политического присутствия в Святой Земле, конец XIX–XXI вв. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2023. № 1. С. 32–47.
2. Шаповалов М.С., Бокатов А.Ю., Валитов А.А., Герасимова В.А., Григорян Э.Р., Манцевич Л.Н., Мурастова К.А., Шевелев Д.Л. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XX в. СПб.: Нестор-история, 2021. 776 с.
3. Шаповалов М.С., Бокатов А.Ю., Валитов А.А. Новые Иерусалимы и Вторая Палестина // Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность XIX – начала XXI в. СПб., 2021. С. 30–76.
4. Нечаева М.Ю. Образ Палестины и русская идентичность. Рецензия на книгу: Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XX в. / М.С. Шаповалов, А.Ю. Бокатов, А.А. Валитов, В.А. Герасимова, Э.Р. Григорян, Л.Н. Манцевич, К.А. Мурастова, Д.Л. Шевелев // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской православной церкви. 2023. № 110. С. 169–174.
5. Балдин К.Е. Рецензия на книгу: Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX – начале XX в. // На пути к гражданскому обществу. 2022. № 4 (48). С. 97–100.
6. Балдин К.Е. Восточная экзотика на страницах отечественных мемуаров: впечатления русских паломников второй половины XIX – начала XX в. // Labyrinth: теории и практики культуры. 2022. № 1. С. 7–22.
7. Душак И.С. Еврейская тема в дневниках и путевых заметках христианских паломников, посетивших Палестину в конце XIX – начале XX веков // Научный диалог. 2019. № 5. С. 184–196.
8. Валитов А.А., Герасимова В.А. Образ евреев в записках сибирских паломников как фактор определения русской идентичности // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 149–155. doi: 10.17223/19988613/64/21
9. Семенчук К.А. Церковная периодическая печать рубежа XIX–XX вв. об инородцах Сибири и Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 143–152. doi: 10.17223/15617793/489/14
10. Схimmelпэнник ван дер Ойе Д... Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции // ЛитРес. 2004. URL: <https://www.litres.ru/david-shimmelpennink/russkiy-orientalizm-aziya-v-rossiyskom-soznanii-ot-ep> (дата обращения: 16.10.2022).
11. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое лит. обозрение, 2013. 548 с.
12. Пономарев Е.Р. Русский имперский травелог // Новое литературное обозрение. 2017. № 2 (144). С. 33–44.
13. Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. / сост., подгот. текста, пер., вступ. ст. и коммент. Н.И. Прокофьева. М.: Советская Россия, 1984. 448 с.
14. Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. Приложение к журналу «Лепта». М., 1995. 255 с.
15. Семенчук К.А. Имперский дискурс и метафорические модели российского государства в церковной периодической печати конца XIX века // Исторический курьер. 2021. № 6. С. 29–40.
16. Якушев М.М. Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-русских отношений (1774–1847 гг.). М.: Индрик, 2018. 512 с.
17. Сухинина Н.Е. Дорога, ставшая судьбой. Сергиев Посад: Алавастр, 2017. 144 с.
18. Путешествие протоиерея Николая Соболева во град Иерусалим в августе и сентябре 1893 года // Костромские епархиальные ведомости. 1894. № 9. С. 215.
19. Троицкий В. Иерусалим и крестный путь Христа Спасителя. (Воспоминания паломника) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1895. № 6. С. 156.

20. Письма Преосвященного Михаила, почившего Епископа Таврического // Таврические епархиальные ведомости. 1910. № 20. С. 915.
21. Лавровский С. Поездка во Святую Землю // Минские Епархиальные Ведомости. Неофициальная часть. 1903. № 17. С. 423.
22. Митрофан. С Волины в Палестину и на Афон // Волинские епархиальные ведомости. 1910. № 45. С. 856.
23. Розанов В. По Ближнему Востоку // Ставропольские епархиальные ведомости. 1908. № 50. С. 1623.
24. Воронина В.Л. Средневековый город арабских стран. М., 1991. 102 с.
25. Фильштинский И. Арабы и Халифат. М.: Ломоносов. 2015. 296 с.
26. Никанор. Воспоминания о путешествии в Египет // Орловские епархиальные ведомости. 1900. № 17–18. С. 677–678.
27. Беседа Преосвященного Никанора, епископа Смоленского и Дорогобужского, о путешествии в Вифлеем, окрестности его и к Мамврийскому дубу, сказанная в Смоленском Дворянском Собрании в мае месяце 1898 года // Смоленские епархиальные ведомости. 1898. № 17. С. 941.
28. Путешествие в 1849 г. по Палестине г-на Бланка // Ярославские епархиальные ведомости. 1897. № 41. С. 636–637.
29. Паломник. Праздник Рождества в Вифлееме (Из воспоминаний паломника) // Саратовские епархиальные ведомости. 1897. № 1. С. 8.
30. Фоменко К. Богослужение под Мамврийским дубом (из записок путешественника на Св. землю) // Смоленские епархиальные ведомости. 1900. № 10. С. 516.
31. Карпушин К. Поездка в Палестину с миссионерскою целью с 3 декабря 1893 по 4 февраля 1894 // Донские епархиальные ведомости. 1894. № 16. С. 14.
32. Гусев Н. Путешествие во Святую землю // Вятские епархиальные ведомости. 1900. № 9. С. 414.
33. Заметки путешественника в Палестину // Новгородские епархиальные ведомости. 1898. № 6. С. 401.
34. О путешествии на Иордан (Воспоминание) // Смоленские епархиальные ведомости. 1897. № 9. С. 513–514.
35. Фоменко К. Одежда духовных лиц на Востоке. (Из записок путешественника в Св. Землю // Киевские епархиальные ведомости. 1895. № 17. С. 810.
36. Коропов И. Мои воспоминания о путешествии в св. град Иерусалим // Полтавские епархиальные ведомости. 1901. № 8. С. 354.
37. Хожение Даниила, игумена Русской земли // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. С. 204–254.
38. Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. С. 298–315.
39. Из книги «Путешествие ко Святым местам в 1830 году» // Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. Приложение к журналу «Лепта». М., 1995. 255 с.
40. Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. М., 2000. 288 с.
41. Хожение гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину // Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М.: Сов. Россия, 1984. 350–361.
42. Монтескье Ш.Л. О духе законов / пер. с фр. А. Горнфельда. СПб., 2023. 832 с.
43. Фрейхоф В. Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 31–41.
44. Записка о значении и цели Якутского церковного братства во имя Христа Спасителя // Якутские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1894. № 4. С. 58.

References

1. Kail', M.V. (2023) Tri pokoleniya v istoriograficheskom osmyslenii rossiyskogo tserkovno-politicheskogo prisutstviya v Svyatoy Zemle, konets XIX–XXI vv. [Three generations in the historiographic understanding of the Russian ecclesiastical and political presence in the Holy Land, late 19th–21st centuries]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 32–47.
2. Shapovalov, M.S. et al. (2021) *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XX v.* [Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th – Early 20th Centuries]. Saint Petersburg: Nestor-istoriya.
3. Shapovalov, M.S., Bokatorov, A.Yu. & Valitov, A.A. (2021) *Novye Ierusalimy i Vtoraya Palestina* [New Jerusalems and the Second Palestine]. In: *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' XIX – nachala XXI v.* [Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th – Early 21st Centuries]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 30–76.
4. Nechaeva, M.Yu. (2023) *Obraz Palestiny i russkaya identichnost'*. Retenziya na knigu: *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XX v.* [The Image of Palestine and Russian Identity. Review of the book: Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th – Early 20th Centuries]. *Vestnik pravoslavnoy Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi*. 110. pp. 169–174.
5. Baldin, K.E. (2022) Retenziya na knigu: *Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX – nachale XX v.* [Review of the book: Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th – Early 20th Centuries]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 4 (48). pp. 97–100.
6. Baldin, K.E. (2022) *Vostochnaya ekzotika na stranitsakh otechestvennykh memuarov: vpechatleniya russkikh palomnikov vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Eastern exoticism on the pages of Russian memoirs: impressions of Russian pilgrims of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Labyrinth: teorii i praktiki kul'tury*. 1. pp. 7–22.
7. Dushakova, I.S. (2019) *Evreyskaya tema v dnevnikakh i putevykh zametkakh khristianskikh palomnikov, posetivshikh Palestinu v kontse XIX – nachale XX vekov* [The Jewish theme in the diaries and travel notes of Christian pilgrims who visited Palestine in the late 19th – early 20th centuries]. *Nauchnyy dialog*. 5. pp. 184–196.
8. Valitov, A.A. & Gerasimova, V.A. (2020) Image of the Jews in the records of Siberian pilgrims as a factor for determining Russian identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 149–155. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/64/21
9. Semenchuk, K.A. (2023) Church periodicals of the turn of the 20th century about the inorodtsy of Siberia and the Far East. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 143–152. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/14
10. Schimmelpenninck van der Oye, D.H. (2004) *Russkiy orientalizm. Aziya v rossiyskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloy emigratsii* [Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration]. Translated from English. *LitRes*. [Online] Available from: <https://www.litres.ru/david-shimmelpenninck/russkiy-orientalizm-aziya-v-rossiyskom-soznanii-ot-ep>. (Accessed: 16.10.2022).
11. Geraci, R. (2013) *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and Religion in Russia]. Translated from English. Moscow: Novoe lit. obozrenie.
12. Ponomarev, E.R. (2017) *Russkiy imperskiy travelog* [Russian Imperial Travelogue]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2 (144). pp. 33–44.
13. Prokofeva, N.I. (ed.) (1984) *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [The Book of Travels. Notes of Russian Travelers of the 11th–15th Centuries]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
14. Romanov, B.N. (ed.) (1995) *Puteshestviya v Svyatuyu Zemlyu: Zapiski russkikh palomnikov i puteshestvennikov XII–XX vv. Prilozhenie k zhurnalu "Lepta"* [Journeys to the Holy Land: Notes of Russian Pilgrims and Travelers of the 12th–20th Centuries. Supplement to the Lepta Magazine]. Moscow: Lepta.
15. Semenchuk, K.A. (2021) *Imperskiy diskurs i metaforicheskie modeli rossiyskogo gosudarstva v tserkovnoy periodicheskoy pechati kontsa XIX veka* [Imperial Discourse and Metaphorical Models of the Russian State in the Church Periodicals of the Late 19th Century]. *Istoricheskiy kur'er*. 6. pp. 29–40.

16. Yakushev, M.M. (2018) *Russkoe pravoslavnoe palomничество na Blizhniy Vostok v kontekste osmano-rossiyskikh otnosheniy (1774–1847 gg.)* [Russian Orthodox Pilgrimage to the Middle East in the Context of Ottoman-Russian Relations (1774–1847)]. Moscow: Indrik.
17. Sukhinina, N.E. (2017) *Doroga, stavshaya sud'boyu* [The Road That Became Destiny]. Sergiev Posad: Alavastr.
18. Kostromskie eparkhial'nye vedomosti. (1894) Puteshestvie protoiereya Nikolaya Soboleva vo grad Ierusalim v avguste i sentyabre 1893 goda [Journey of Archpriest Nikolai Sobolev to the City of Jerusalem in August and September 1893]. *Kostromskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. P. 215.
19. Troitskiy, V. (1895) Ierusalim i krestnyy put' Khrista Spasitelya. (Vospominaniya palomnika) [Jerusalem and the Way of the Cross of Christ the Savior. (Memoirs of a Pilgrim)]. *Orenburgskie eparkhial'nye vedomosti*. 6. P. 156.
20. Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti. (1910) Pis'ma Preosvyashchennogo Mikhaila, pochivshogo Episkopa Tavricheskogo [Letters of His Grace Michael, the late Bishop of Taurida]. *Tavricheskie eparkhial'nye vedomosti*. 20. P. 915.
21. Lavrovskiy, S. (1903) Poezdka vo Svyatuyu Zemlyu [Trip to the Holy Land]. *Minskie Eparkhial'nye Vedomosti. Neofitsial'naya chast'*. 17. P. 423.
22. Mitrofan. (1910) S Volyni v Palestinu i na Afon [From Volyn to Palestine and Athos]. *Volynskie eparkhial'nye vedomosti*. 45. P. 856.
23. Rozanov, V. (1908) Po blizhnemu vostoku [Across the Middle East]. *Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti*. 50. P. 1623.
24. Voronina, V.L. (1991) *Srednevekovyy gorod arabskikh stran* [Medieval City of the Arab Countries]. Moscow: VNIITAG Goskomarkhitektury.
25. Fil'shtinskiy, I. (2015) *Araby i Khalifat* [Arabs and the Caliphate]. Moscow: Lomonosov.
26. Nikanor. (1900) *Vospominaniya o puteshestvii v Egipet* [Memories of a Journey to Egypt]. *Orlovskie eparkhial'nye vedomosti*. 17–18. pp. 677–678.
27. Smolenskie eparkhial'nye vedomosti. (1898) Beseda Preosvyashchennogo Nikanora, episkopa Smolenskogo i Dorogobuzhskogo, o puteshestvii v Vifleem, okrestnosti ego i k Mamvriyskomu dubu, skazannaya v Smolenskom Dvoryanskom Sobranii v mae mesyatse 1898 goda [Conversation of His Grace Nikanor, Bishop of Smolensk and Dorogobuzh, about a journey to Bethlehem, its environs, and the Oak of Mamre, given at the Smolensk Noble Assembly in May 1898]. *Smolenskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. P. 941.
28. Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti. (1897) Puteshestvie v 1849 g. po Palestine g-na Blanka [Mr. Blank's journey through Palestine in 1849]. *Yaroslavskie eparkhial'nye vedomosti*. 41. pp. 636–637.
29. Palomnik. (1897) Prazdnik Rozhdestva v Vifleeme (Iz vospominaniy palomnika) [The Feast of the Nativity in Bethlehem (From the Memories of a Pilgrim)]. *Saratovskie eparkhial'nye vedomosti*. 1. P. 8.
30. Fomenko, K. (1900) Bogosluzenie pod Mamvriyskim dubom (iz zapisok puteshestvennika na Sv. zemlyu) [Divine Service under the Oak of Mamre (from the notes of a traveler to the Holy Land)]. *Smolenskie eparkhial'nye vedomosti*. 10. P. 516.
31. Kartushin, K. (1894) Poezdka v Palestinu s missionerskoyu tsel'yu s 3 dekabrya 1893 po 4 fevralya 1894 [A missionary trip to Palestine from December 3, 1893 to February 4, 1894]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 16. P. 14.
32. Gusev, N. (1900) Puteshestvie vo Svyatuyu zemlyu [Journey to the Holy Land]. *Vyatskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. P. 414.
33. Novgorodskie eparkhial'nye vedomosti. (1898) Zametki puteshestvennika v Palestinu [Notes of a traveler to Palestine]. *Novgorodskie eparkhial'nye vedomosti*. 6. P. 401.
34. Smolenskie eparkhial'nye vedomosti. (1897) O puteshestvii na Iordan (Vospominanie) [About the trip to Jordan (Recollection)]. *Smolenskie eparkhial'nye vedomosti*. 9. pp. 513–514.
35. Fomenko, K. (1895) Odezhda dukhovnykh lits na Vostoke. (Iz zapisok puteshestvennika v Sv. Zemlyu) [Clothing of clergy in the East. (From the notes of a traveler to the Holy Land)]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti*. 17. P. 810.
36. Koropov, I. (1901) Moi vospominaniya o puteshestvii v sv. grad Ierusalim [My memories of a journey to the holy city of Jerusalem]. *Poltavskie eparkhial'nye vedomosti*. 8. P. 354.
37. Daniel the Pilgrim. (1984) Khozhenie Daniila, igumena Russkoy zemli [The journey of Daniel, abbot of the Russian land]. In: *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [The Book of Journeys. Notes of Russian travelers of the 11th–15th centuries]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 204–254.
38. Zosima. (1984) Khozhenie Zosimy v Tsar'grad, Afon i Palestinu [The journey of Zosima to Constantinople, Athos, and Palestine]. In: *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [The Book of Journeys. Notes of Russian travelers of the 11th–15th centuries]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 298–315.
39. Romanov, B.N. (ed.) (1995) Iz knigi "Puteshestvie ko Svyatym mestam v 1830 godu" [From the book "The Journey to Holy Places in 1830"]. In: *Puteshestviya v Svyatuyu Zemlyu: Zapiski russkikh palomnikov i puteshestvennikov XII–XX vv. Prilozhenie k zhurnalu "Lepta"* [Journeys to the Holy Land: Notes of Russian Pilgrims and Travelers of the 12th–20th Centuries. Supplement to the Lepta Magazine]. Moscow: Lepta.
40. Douglas, M. (2000) Chistota i opasnost'. Analiz predstavleniy ob oskvernenii i tabu [Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo]. Translated from English. Moscow: KANON-press-Ts.
41. Vasily the Guest. (1984) Khozhenie gostya Vasiliya v Maluyu Aziyu, Egipet i Palestinu [The Journey of Vasily the Guest to Asia Minor, Egypt, and Palestine]. In: *Kniga khozheniy. Zapiski russkikh puteshestvennikov XI–XV vv.* [The Book of Journeys. Notes of Russian travelers of the 11th–15th centuries]. Moscow: Sov. Rossiya. pp. 350–361.
42. Montesquieu C.L. (2023) *O dukhe zakonov* [The Spirit of Law]. Translated from French by A. Gornfel'd. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
43. Frijhoff, W. (2003) Kosmopolitizm [Cosmopolitanism]. In: *Mir Prosveshcheniya. Istoricheskiy slovar'* [The World of Enlightenment. Historical Dictionary]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. pp. 31–41.
44. Yakutskie eparkhial'nye vedomosti. Otdel neofitsial'nyy. (1894) Zapiska o znachenii i tseli Yakutskogo tserkovnogo bratstva vo imya Khrista Spasitelya [Note on the meaning and purpose of the Yakut church brotherhood in the name of Christ the Savior]. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti. Unofficial Section*. 4. P. 58.

Информация об авторах:

Семенчук К.А. – лаборант-исследователь Центра урбанистики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: ksemenchuk29@gmail.com

Григорян Э.Р. – младший научный сотрудник Центра урбанистики Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: elizagri@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.A. Semenchuk, research assistant, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ksemenchuk29@gmail.com

E.R. Grigoryan, junior research fellow, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elizagri@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.10.2024;
одобрена после рецензирования 28.10.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 03.10.2024;
approved after reviewing 28.10.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.17223/15617793/509/21

История развития водоснабжения в Центральной Азии

Мухсин Михайлович Хидиров¹

¹ Международный университет туризма и культурного наследия «Шелковый путь», Самарканд, Узбекистан, mmhidirov@gmail.com

Аннотация. Рассматривается история развития водоснабжения и строительства гидротехнических сооружений, возведенных в древности и Средние века в Центральной Азии. Используются как теоретические материалы, так и описывающие практическое использование технических приемов в водоснабжении и строительстве гидротехнических сооружений людьми того времени.

Ключевые слова: водоснабжение, гидротехнические сооружения, плотины, оросительные каналы, водохранилища, водораспределительные сооружения, строительная культура

Для цитирования: Хидиров М.М. История развития водоснабжения в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 197–203. doi: 10.17223/15617793/509/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/21

History of water supply development in Central Asia

Mukhsin M. Khidirov¹

¹ "Silk Road" International University of Tourism and Cultural Heritage, Samarkand, Uzbekistan, mmhidirov@gmail.com

Abstract. The aim of this article is to study the history of the development of water supply and the construction of hydraulic structures in Central Asia, identifying the traditional features of the careful attitude of the local population to the use of water resources. The article was written using historical and archaeological materials available in the open press, i.e. books, archival materials, collections of works of famous researchers and specialists in the history of the development of civilization and culture of the peoples of Central Asia. During the study, both theoretical materials of specialists and materials showing the practical application of techniques in water supply and the construction of hydraulic structures by folk craftsmen were considered. The article discusses the history of the development of hydraulic structures built in antiquity and the Middle Ages for water supply in Central Asia. The construction of these hydraulic structures was closely related to the economic and social situation in the country. The close dependence of agricultural activities on artificial irrigation is one of the main factors in the high level of hydraulic structures organization. Despite the use of simple materials in the construction of hydraulic structures for many centuries, local craftsmen managed to erect large hydraulic structures. The high level of construction culture of local craftsmen can be observed in hydraulic structures built using natural stone, clay and wood, which are considered simple building materials. Local craftsmen built large dams, irrigation canals, unique reservoirs and water distribution structures, using water efficiently. The main conclusions are that water supply in Central Asia has been known since the 8th–7th centuries BC. Tube wells and horizontal catch basins were used to extract groundwater. Spring water was collected in special structures (cisterns, brick containers, chambers, etc.). In the natural and climatic conditions of Central Asia, agriculture was based on artificial irrigation. Artificial canals and reservoirs were used for irrigation and water supply in difficult terrain. Also, water supply to cities was one of the most important problems. Water in the cities of Central Asia was supplied through a system of interconnected canals and ponds. Cities widely used open canals and underground water intake systems, as well as ponds for storing water. Open canals were also used to remove wastewater. Reservoirs were also created in caravanserais and madrassas. Ponds were often installed at cathedral and neighborhood mosques in Central Asia.

Keywords: hydraulic structures, dams, irrigation canals, reservoirs, water distribution structures, construction culture

For citation: Khidirov, M.M. (2024) History of water supply development in Central Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 197–203. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/21

Вода – один из наиболее важных ресурсов в жизни в истории человечества. Начиная с античных времен большинство цивилизаций смогло достичь определенного развития благодаря доступу к источникам воды.

В истории мировой цивилизации потребность в воде возрастала по мере увеличения численности населения, развития производственных отношений, образования земледельческих оазисов на берегах рек и в

предгорьях, что вызывало необходимость строительства оросительных каналов и гидротехнических сооружений.

В процессе исторического развития народы Центральной Азии, опираясь на географические и природные условия региона и используя местные водные ресурсы, сумели создать высокоэффективные модели искусственного орошения и строительства гидротехнических сооружений. На этой основе была освоена высокая культура поливного земледелия. Однако в XX в. демографические изменения, резкое увеличение производства сельскохозяйственной продукции и индустриализация привели к обострению проблемы дефицита воды в Центральной Азии.

Для преодоления этого дефицита в советский период были начаты проекты по перенаправлению воды из рек Сибири в регионы Центральной Азии. В 1970-х гг. основной целью этих проектов было изменение русла сибирских рек, при помощи чего предусматривалось сохранение высыхающего Аральского моря и улучшение ситуации с водоснабжением в Центральной Азии. Однако эти проекты вызвали значительные дискуссии среди ученых и общественности, и в 1986 г. работы по ним были приостановлены. Большинство экспертов считали, что реализация таких проектов была экономически неэффективной, и более целесообразно продуктивное использование доступных водных ресурсов в Центральной Азии. В этой связи была подчеркнута необходимость реконструкции существующей системы орошения, улучшения методов искусственного орошения и более рационального использования водных ресурсов для производства менее водоемкой сельскохозяйственной продукции.

В природных и климатических условиях Центральной Азии сельское хозяйство было основано на искусственном орошении. Изучение истории развития систем орошения и гидротехнических сооружений в данном регионе ставит задачу научного и практического изучения указанной проблемы. В этой области особую важность имеет разработка методов рационального использования воды и способов эффективного ее распределения среди потребителей. Изучение истории орошения и строительства гидротехнических сооружений Центральной Азии позволит нам использовать опыт, накопленный народами региона, для их общего развития и адаптации к современным условиям. В последние годы обнаружены остатки гидротехнических конструкций древности и Средневековья, исследуются архитектура и конструкции древних инженерных ирригационных сооружений. В Центральной Азии для орошения и водоснабжения в условиях сложного рельефа использовались искусственные каналы и бассейны.

Академик В.В. Бартольд в предисловии к монографии «К истории орошения Туркестана», которая была подготовлена им по просьбе Главного управления землеустройства и земледелия Российской империи писал: «Как известно, русские завоеватели застали в крае многовековую земледельческую культуру, основанную на искусственном орошении, которая не могла не возбудить интереса как среди ориенталистов и археологов, так и среди людей практического дела» [1. С. 64].

Исторические источники свидетельствуют, что в бронзовом веке, т.е. в III–II вв. до н.э., на берегах Амударьи и Зарафшана были созданы системы каналов и прудов, а также водоемы и водохранилища, вода из которых широко использовалась местным населением для орошения. Профессор Я.Г. Гулямов указывает: «Археологические изыскания свидетельствуют о поистине грандиозном размахе ирригационного строительства в Средней Азии в I–II вв. н.э., т.е. времени существования Кушанского царства» [2. С. 119]. Среди гидротехнических конструкций на реках особое место занимают водосборные сооружения. Согласно исследованиям историка, академика В.В. Бартольда, «несколько ниже, в месте Варагсер (букв. голова плотины), в 4 фарсах от Самарканда была выстроена плотина и река разветвлялась на несколько рукавов. Варагсар соответствует новому Рабат-и-Ходжа; три канала впоследствии именовались Даргом, Аббас и Караунас. В общих чертах эта система орошения, несомненно, существовала еще до ислама» [3. С. 310]. По историческим источникам Бартольд установил, что в Самарканде вдоль Зарафшана было 8 каналов, снабжавшихся водой из реки, в которых было установлено 680 крупных и мелких плотин. Среди гидротехнических сооружений, конечно, наиболее крупные – это плотины на реках.

В Центральной Азии водоснабжение городов также было одной из важнейших проблем. Искусственное водоснабжение в городах Центральной Азии известно с VIII–VII вв. до н.э. Для добычи подземных вод использовались трубчатые колодцы и горизонтальные водосборники. Родниковая вода обычно собирается в специализированные сооружения (цистерны, кирпичные емкости, камеры и т.п.). По мнению арабских историков и путешественников Ибн Хавкала и Аль Истархи, водоснабжение в городах Средней Азии осуществлялось через систему сообщающихся каналов и прудов [4. С. 43]. Широко использовались открытые каналы и системы подземных водозаборов, а также пруды для хранения воды. Для удаления сточных вод также использовались открытые каналы. Водоемы также создавались в караван-сараях, мечетях и медресе. При соборных и квартальных мечетях часто организовывали пруды [5. С. 28].

В.В. Бартольд в статье «Будущее Туркестана и следы его прошлого», высказал мнение о решении ирригационных вопросов в стране: «...могут быть решены детальными исследованиями, произведенными в самый этот день, причем участие технических ирригаторов в таких исследованиях столь же необходимо, как и участие археологов, несколько знакомых с общим направлением истории Туркестана и памятниками его прошлого» [6. С. 310]. Исходя из археологических данных, можно заключить, что в древности канал Гавхар был прокопан с правого берега Амударьи до холмов Султанизтога, и он служил для орошения области от Султанизтога до холмов Гавхара. В этот период большой канал от Султанизтога до Тупроккала был построен для орошения склонов Султанизтога. Историк считал, что каналы для орошения Ферганской долины появились значительно позже, чем каналы и плотины

в Хорезме и Зарафшане, а именно в XV–XVII вв. Согласно его изложению, впервые в истории каналы были прокопаны от рек Чардарья и Нарын [1. С. 72].

В вопросе исследования истории водоснабжения в Центральной Азии особого внимания заслуживает работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции под руководством профессора С.П. Толстова. Изучая историю ирригации в Центральной Азии, С.П. Толстов дает научно обоснованные сведения о древней хорезмийской культуре и путях ее развития, а также истории орошения оазиса. По заключению Толстова, «площадь орошенных земель и занятых под оросительными сооружениями земель в Средние века на территории Сыр-Дарьинской дельты, по нашим подсчетам, была значительно меньше, чем в период Античности, но все же достигала 1,2 млн га, в том числе интенсивные очаги земледелия составляли 700–800 тыс. га. Оставленные предками этих народов на обширной территории древней дельты Сыр-Дарьи многочисленные памятники ирригации и земледелия, занимающие в целом площадь около 2,5 млн га, составляют один из важных элементов их культурного наследия. Факт трехкратного освоения земель древней дельты на длительные сроки за последние два с половиной тысячелетия убедительно свидетельствует о том, что природный фактор не сыграл сколько-нибудь существенной роли в запустении этих земель, которое было обусловлено, прежде всего, социально-историческими причинами» [7]. С.П. Толстов обосновал развитие орошения и культуры зависимостью от экономических и социальных факторов. В отличие от него, некоторые зарубежные исследователи, например С. Хантингтон, считают, что кризис искусственного орошения в Центральной Азии обусловлен изменением климата и изменением стока рек, а также засолением земель. В частности, Хантингтон писал: «на Ближнем Востоке и в Азии многие территории, которые сейчас являются пустынями, когда-то были плодородными и хорошо орошаемыми». Исследования С. Хантингтона основаны на исторических отчетах и личных наблюдениях, чтобы доказать, что география, геология и климат играют большую роль [8. Р. 115].

По словам С.П. Толстова, территории, расположенные у подножия Амударьи и Сырдарьи, имеют хорошие условия для ведения сельского хозяйства, и их можно развивать, не затрачивая больших средств. По заключению Толстова, «археологические и геоморфологические исследования, проведенные в последние годы нашей экспедицией в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, показали, что в пределах двух соприкасающихся друг с другом дельт этих крупнейших среднеазиатских рек имеются обширные площади, орошавшихся в прошлом и сохранившие следы ирригации. Культурные оазисы дельтовых областей великих среднеазиатских рек, превратившихся затем в мертвую пустыню в результате войн и острой классовой и межнациональной борьбы. Площадь освоенных в наше время земель древнего орошения не достигала максимального размера территории, орошенной в Средние века. Очень незначительный подъем воды, который может потребоваться для самотечного орошения отдельных

массивов, может быть обеспечен уже имеющимися и проектируемыми сооружениями в данном районе» [9. С. 320–323].

Археологические и топографические данные о развитии ирригационных систем в бассейне древних дельт Амударьи и Сырдарьи также приведены в исследованиях Б.В. Андрианова, который описал возникновение искусственного орошения в первобытное время, его развитие в древности и эволюцию в Средние века с использованием материалов, собранных на основе расшифровки и картографирования археологических и топографических данных, а также аэрофотоснимков. Б.В. Андрианов определил основные этапы исторического развития ирригационных систем на всей территории бассейна древних дельт Амударьи и Сырдарьи. Он раскрыл такие вопросы, как способы подачи воды, устройство оросительных сетей, сечение каналов и возможности орошения в каждый период [10].

Исследования археологической экспедиции по реке Мохондарья, проведенные в Узбекском институте истории и археологии под руководством профессора Я.Г. Гулямова, показывают наличие древних систем орошения в нижнем течении рек Зарафшан и Кашкадарья. Гулямов также обсуждает развитие общественных и экономических отношений в Хорезме во II тыс. до н.э., связанных с развитием городов и деревень благодаря хорошо организованным системам орошения. Подробные сведения о технике орошения и гидротехнических устройствах Я.Г. Гулямовым приведены в издании «История ирригации Хорезма». В книге описано историческое развитие каналов и плотин, связанных с ирригационными системами. Он отмечает, что «что в истории ирригации Хорезма вообще имели место также и грандиозные сооружения, как например, плотины, регулировавшие течение реки Аму-Дарьи» [11. С. 101]. Я.Г. Гулямов также подробно объясняет возникновение земледелия в этих районах посредством археологических исследований нижнего бассейна Амударьи. Профессор показал, что развитие социально-экономических отношений в Хорезме во второй четверти I тыс. до н.э., а также возникновение крупных городов и сел было связано с хорошо организованным искусственным орошением.

По мнению Я.Г. Гулямова, наиболее развитый период ирригации в Центральной Азии соответствует правлению Кушанов в I–II вв. н.э. По его мнению, «это земледельческое население могло развиваться лишь в том случае, если оазис и пустыня находились в тесном контакте друг с другом и образовывали мощное государство, развивали ирригацию и строили города, способные защитить оазис» [11. С. 100]. Гулямов отмечает, что «древние каналы проведены как бы по водоразделу, причем уклон для самотека прослеживается довольно хорошо. Каналы мелкие и широкие, что рассчитано именно на обеспечение самотечности» [11. С. 101].

Важно заметить, что история развития систем орошения в Средней Азии была изучена также археологическими исследованиями инженера-ирригатора Д.Д. Букинича, который изучал возникновение искусственного орошения и развитие земледелия на этой основе путем исследования археологических памятников

в предгорных районах Копетдага в Южном Туркменистане [12. С. 92–135].

Зарождение земледелия и ирригационной системы в Ферганской долине широко освещено в трудах Б.А. Латынина. Он подробно останавливается на истории ирригационной и земледельческой культуры в древней Фергане, развитии земледелия на этих землях на основе использования глинистых вод горных ручьев, а также о создании мелких оросительных сетей и последующем переходе к искусственному орошению. Распространенным приемом при искусственном орошении в сельском хозяйстве Ферганы было строительство много веерных оросительных систем через головные плотины [13. С. 15–26].

Самыми большими гидротехническими сооружениями в Центральной Азии являются плотины. Плотина Хонбанди в Джизакской области была построена более тысячи лет. Однако она действует до сих пор, когда в апреле-мае местные реки максимально пополняются водой из-за сезона дождей. Длина плотины – почти 52 м, толщина подошвы – 8,2 м. Ее строили из местного гранита с использованием раствора извести с добавлением кварцевого песка. Когда-то стена Хонбанди легко сдерживала полтора миллиона кубометров воды. Сейчас удерживает тот же объем глины и камней.

Археологами обнаружены остатки Сари-Бандской плотины в Сурхандарьинской области. Согласно историческим данным, во время поздней зимы и начала весны вода накапливалась за счет Сари-Бандской плотины, а затем использовалась для орошения весной и летом [14. С. 18–20]. С помощью плотин вода направлялась в искусственные каналы.

Абдуллахан Банди – историческая плотина, расположенная недалеко от села Эски Окчоб, в 65 км к востоку от города Нурота в Узбекистане. Согласно данным историка Хафизы, плотина Абдуллахан Банди была построена Ахмадали Найманом аталиком по приказу Абдуллахана, правителя Бухары. Остатки плотины были впервые установлены в 1913 г. в прошлом веке. Остатки плотины обнаружены в 1957 и 1962 гг. Воды плотины, расположенной в Бигларсае, стекали с южного склона хребта Нурота. Она собрана из каменных плит, скрепленных водостойким раствором. Плотина представляет собой целый комплекс гидротехнических сооружений, в который входят плотина, шлюзы на балках, наземная галерея с вертикальной шахтой и аварийный водосброс. В теле плотины установлен арочный туннель и двухъярусный шлюз. Первый ярус шлюза представляет собой горизонтальное сквозное отверстие, закрытое стрельчатой аркой. Шлюз устроен на высоте 1 м выше основания, длина – 19 м, ширина – 50–60 см, высота – 1 м. Шлюз был соединен с расположенной в центре плотины вертикальной шахтой глубиной 14 м и диаметром 2 м. Второй ярус, расположенный на 1 м выше предыдущего и представляющий собой узкую и глубокую яму шириной 50 см, высотой 12,5 см, также соединен с шахтой. В середине отверстия предусмотрены пазы для установки деревянных балок, предназначенных для регулирования расхода воды. С правой стороны плотины установлен аварийный водосброс шириной и глубиной 1 м, за исключением двухъярусного шлюза.

Плотина Абдуллохана по своей структуре и конструкции считается совершенным сооружением. Высота плотины составляет 15 м, длина верхней части – 73 м, ширина – 4,5 м, длина нижней части – 73 м, и ширина – 15 м. Длина водохранилища достигает почти 1 500 м, а ширина – 125 м. При глубине водоема перед плотинной 15 м объем воды достигал уровня, обеспечивающего возможность орошения площади в 2,5–3,0 тыс. га. Плотина Абдуллохана также имеет в своем составе несколько комплексных водосбросов для заполнения и подачи дополнительной воды для орошения. Плотина является важной вехой гидротехнической инженерии Центральной Азии и была добавлена в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО 18 января 2008 г. в категорию «Культура».

Для временного наполнения наземных каналов часто использовались различные плотины. Например, Сепоя, Чорпоя и Чилпоя – это названия сооружений, которые использовались для временного хранения воды в реках и каналах. Эти сооружения были особенно полезны для регулирования уровня воды и предотвращения наводнений. В Центральной Азии очень часто сталкивались с проблемой подъема уровня воды. Например, в Хорезме для откачки воды использовались методы, называемые «сепма» и «нова». Еще один способ повышения уровня воды называется «чархпалак» и «чигир». Этот метод отличается двумя типами используемой силы: первый – с помощью насоса, который вращается силой потока воды, поднимая ее на верхний уровень; второй – с помощью устройства, приводимого в движение силой животных (осла, вола, лошади). В первом случае стержни чархпалака поднимают полные сосуды на верхний уровень, где вода сливается в резервуар. Вода из резервуара подается туда, где ее нужно откачать. Резервуары сконструированы так, что в некоторых случаях лишняя вода может вернуться обратно в реку.

В Центральной Азии для водоснабжения городов и деревень, а также для орошения использовались акведуки. С их помощью вода поступала из глубоких ущелий горных районов. Акведуки обычно опирались на каменные или деревянные столбы, установленные на поверхность [15. С. 133–147]. Кроме того, в указанной местности часто создавались подземные каналы. Один из самых старых каналов был обнаружен в верхнем течении реки Зарафшан. По данным археологов, канал в хозяйстве Санги Сурак был построен еще до II в. н.э.

Для создания каналов на определенном расстоянии (обычно 25–50 м) копали ямы диаметром 1,0–1,5 м и глубиной 8–20 м, которые заполнялись водой через подземные каналы шириной 1,5–2,0 м. Комплексы подземных каналов были очень трудозатратны и включали в себя протяженные каналы и несколько водохранилищ. Кроме того, все каналы требовали ежегодной очистки и ремонта для предотвращения их засорения.

В условиях сухого и жаркого климата Центральной Азии система водоснабжения городов играет большую роль. Каналы и водоемы являются неотъемлемой частью градостроительных приемов и представляют собой традиционные методы создания комфортного микроклимата

с помощью водоснабжения. Историк из Ирана А. Алехашми отмечает, что «жизнь городского населения кружится вокруг водоемов. Жители, получившие воду из водоема, заботятся о нем, укрепляют его окружение деревьями, убирают отходы, чтобы передать водоемы следующим поколениям, как источник жизни» [16].

Русские инженеры и топографы Парфёнов и Фенин в 1872 г. составили топографический план города Бухары и, по их словам, «...в 38 районах были мечети и пруды, в 9 районах различные религиозные постройки и пруды, а в 2 районах был только пруд. В городе было всего 114 прудов» [17].

Водоснабжение Самарканда осуществляется через Даргомский канал, начинающийся у плотины Равотходжа. Этот канал имеет более чем двухтысячелетнюю историю. Канал был построен вручную две с половиной тысячи лет назад на реке Зарафшан. Отмечалось высокое мастерство строителей того времени, точность расчетов возвышений и уклонов. Помимо этого канала город Самарканд снабжается водой из ручьев, стекающих с Зеравшанских горных хребтов. Если бы сток воды из этих ручьев не был постоянным, весной здесь случались бы паводки, а летом – засуха.

Кроме того, водоснабжение Самарканда осуществляется также из реки Зарафшан за пределами города. Однако эти источники непостоянны: весной они наполняются водой, а летом могут высохнуть. Это подтверждается тем, что система водоснабжения в городах Средней Азии с древнейших времен была неотъемлемой частью местных городских традиций и выполняла важные функции. Городские пруды – хаузы – и каналы являются местом общинных собраний, создавая комфортный микроклимат. Сведения о сложной системе орошения и водоснабжения городов содержатся в исторических источниках. Например, арабский историк X в. Аль-Мукадиси писал: «...если бы существовала полная информация о каналах и прудах, эта книга была бы очень большой и скучной». Согласно изложению Аль-Мукадиси, Ниса был лучшим городом Парфийского государства, обеспеченным водой, где улицы были обрамлены зелеными аллеями [18].

Водоснабжение в городах можно рассмотреть на примере канала Джуйи Арзиз, построенного в древнем городе Афросиаб. Как известно из археологических источников, вода подавалась по специальному подвесному каналу, поскольку древний город был окружен глубокими оврагами. Большое значение для процветания и развития города на протяжении веков имело это единственное сооружение, снабжавшее его водой. Правители города уделяли большое внимание охране и сохранению этого канала. По мнению арабского историка и географа Истархи, определенная часть населения Афросиаба охраняли это сооружение на протяжении года и за эту службу освобождались от ежегодного налога джузья. Благодаря хорошему водоснабжению, как пишет Истархи, «...значительная часть пространства города была занята садами; сад был почти при каждом доме; если с окружающих холмов посмотреть, весь город был покрыт садами». По словам археологов, канал Джуйи Арзиз был построен в I–II вв. н.э., его

верхний поток был достроен в VII–IX вв., и вода подавалась из канала Чокардиза. В начале X в. был сооружен подвесной акведук для обеспечения Афросиаба водой. Согласно арабским источникам, в строительстве акведука в X в. использовался опыт Рима. Внешняя сторона акведука была покрыта свинцом. Слово «арзиз» переводится как «свинцовый».

Останки Джуйи Арзиз были обнаружены впервые в 1945 г. русским археологом Алексеем Теренощуким. По его сведениям, основанный на обнаруженных остатках Джуйи Арзиз акведук был сложен из обожженного кирпича. Размеры кирпича составляли 42×42×12 и 59×40×9 см. По утверждениям археологов, городской канал Самарканда в окрестностях Регистана был создан на основе остатков старого канала. Согласно историческим источникам, в начале VI в. город снабжался водой из канала Даргом. Известно, что в 1220 г. войска Чингизхана разрушили Самарканд и для захвата города был уничтожен канал Джуйи Арзиз. После разрушения такого важного гидротехнического сооружения город вновь был перестроен в районе южной стены Самарканда, без восстановления на прежнем месте в старом Афросиабе.

В исторических магистралях Великого Шелкового пути, по которым движутся торговые караваны, было много сооружений для хранения воды – сардоба и яхтанг. Слово «сардоба» происходит из персидского языка и означает «резервуар для хранения воды или льда». Сардоба представляло собой глубокий резервуар для хранения воды. Внутри него должен был циркулировать воздух. Многие сардобы сохранились в пустынных и предгорных районах Центральной Азии. Сардобы были частью архитектурных комплексов караван-сараев. В качестве примера можно привести комплекс Работи Малик, включающий караван-сарай и сардобу, расположенный неподалеку от города Кармана на магистрали Самарканд – Бухара [19]. Возведение Работи Малик в степи, как установлено, относится к концу XI в., реконструкция – к XII в. Он продолжал функционировать до начала XVII в. Комплекс Работи Малик, вместе с караван-сараем и сардобой, включен в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО 18 января 2008 г. в категорию «Культура».

В эпоху Тимуридов и Шейбанидов было много сардоб, особенно на магистральных караванных путях в предгорных и пустынных районах. В некоторых источниках утверждается, что во второй половине XVI в. в правление Абдуллохана II в Центральной Азии существовало 44 сардоб. Согласно данным археолога М.Э. Массона, в X в. на караванном пути Бухара – Карши было построено несколько Сардоб. Историческими материалами на пути Бухара – Карши подтверждено существование пяти сардоб: Сардоба Каровулбозор, Сардоба Кош, Сардоба Бузачи, Сардоба Какир и Бузург Сардоба. В настоящее время существуют только Сардоба Каровулбозор и Сардоба Бузачи. Сардоба Каровулбозор имеет диаметр бассейна 15 м. Это бассейн круглой формы со специальными каналами для воды. Толщина стен в среднем составляет 1,5 м [20. С. 155].

Основные аспекты строительства сардобы связаны с их архитектурными и конструктивными особенностями. Сардоба представляет собой глубокий резервуар для хранения пресной воды. Для заполнения резервуара пресной водой использовался особый канал.

Основная часть цистерн расположена значительно глубже уровня земли. Дно и боковые стенки бассейна выполнены из кирпича или же из камня. На дне бассейна три слоя раствора были покрыты войлоком из верблюжьей шерсти и отделаны сверху кирпичом, а поверх него уложен еще один кирпич. Над резервуаром была построена купольная крыша. Купол над бассейном также выполнен из жженого кирпича на алебастровой смеси. Перед тем как подавать воду в сардобу, она собиралась в отстойном резервуаре и, после очистки от осадка, подавалась в указанное сооружение.

В целом можно сказать, что из-за разнообразных географических условий Центральной Азии использовались различные способы водоснабжения: при-

родные источники, резервуары для сбора воды, выкачивание воды из колодцев, строительство оросительных каналов и плотин. И хотя выкачивание воды из рек и каналов – относительно удобный и надежный способ, на самом деле это очень сложный и дорогостоящий процесс. Таким образом, можно заключить, что ирригационные и гидротехнические сооружения, возникшие на территории Центральной Азии в Античности и Средние века, успешно использовались для водоснабжения поливных земель и городов.

Эти сложные технические сооружения, построенные в сложных геологических условиях сейсмичности и просадки грунтов региона, являются ярким примером высокой строительной культуры местного населения. В настоящее время, когда наблюдается острый дефицит водных ресурсов на территории стран Центральной Азии, положительные примеры из истории могут быть использованы для решения имеющихся проблем в водоснабжении региона.

Список источников

1. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965.
2. Гулямов Я.Г. Кушанское царство и древнее орошение в Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. I. М.: Наука, 1974.
3. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия Сочинения, Т. I, М.: Наука, 1965.
4. Ибн Хавкал. Китаб Сура Аль-Ард. Моворуннахр. Ташкент, 2011.
5. Зикриллаев А., Халилов Ж., Бахронов Н. Музей истории водоснабжения Бухары. Бухара, 2016.
6. Бартольд В.В. Будущее Туркестана и следы его прошлого. Сочинения. Т. III. М., 1965.
7. Толстов С.П. Приаральские скифы и Хорезм // Советская этнография. 1961. № 4. С. 114–146.
8. Huntington E. The Pulse of Asia: A Journey in Central Asia Illustrating the Geographic Basis of History. Boston ; New York : Houghton, Mifflin and Company, 1907. 416 p.
9. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Вост. лит., 1962. 323 с.
10. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия. М.: Наука, 1969. 252с.
11. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. 315 с.
12. Букинич Д. О происхождении земледелия и скотоводства // Хлопковое дело. 1924. № 3–4. С. 92–135.
13. Латинин Б.А. Вопросы истории ирригации древней Ферганы // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1956. Т. 64. С. 15–26.
14. Ртвеладзе Э.В., Исхаков М.Х. Плотина Сар-и-Банд // Строительство и архитектура Узбекистана. 1977. № 1. С. 18–20.
15. Нозилов Д.А. Зодчество горных районов Средней Азии. Ташкент: Изд-во ТГТУ им. Абураихана Беруни, 1999.
16. Alehashemi A. The Water System of Bukhara as the Example of Rising the Water Networks to the Landscape Infrastructure for the city // Journal of Art and Civilization of the Orient. 2015. № 8. P. 33–46.
17. План города Бухары (карта Парфёнова – Фенина). 1910–1912 года // RusRav.uz – сайт об исторических памятниках города Бухары. URL: <http://rusrav.uz/o-karte-parfenova-fenina-1911-1912-gg> (дата обращения: 20.02.2024).
18. Al-Muqaddasi. Ahsan al-Ta'asim Fi Ma'rifat al-Aqalim / translated by B.A. Collins. Garnet Publishing, Reading, 1994. 460 p.
19. Массон М.Э. Проблемы изучения цистерн-сардоба // Материалы Узкомстариса. Вып. 8. Ташкент, 1935. С. 5–44.
20. Иноятлов С., Хайитова О. Кармана в исторической памяти. Ташкент: Шарк, 2006.

References

1. Bartol'd, V.V. (1965) *K istorii orosheniya Turkestana. Sochineniya* [On the history of irrigation in Turkestan. Works]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
2. Gulyamov, Ya.G. (1974) *Kushanskoe tsarstvo i drevnee oroshenie v Sredney Azii* [The Kushan Kingdom and ancient irrigation in Central Asia]. In: *Tsentrall'naya Aziya v kushanskuyu epokhu* [Central Asia in the Kushan Era]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
3. Bartol'd, V.V. (1965) *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestiya. Sochineniya* [Turkestan during the Mongol Invasion Works]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Ibn Hawqal. (2011) *Surat Al-Ard*. Tashkent: Uzbekiston milliy entsiklopediyasi Davlat nashrieti. (In Uzbek).
5. Zikrillayev, A., Khalilov, Zh. & Bakhronov, N. (2016) *Muзей istorii vodosnabzheniya Bukhary* [Museum of the History of Water Supply in Bukhara]. Bukhara: [s.n.].
6. Bartol'd, V.V. (1965) *Budushchee Turkestana i sledy ego proshlogo. Sochineniya* [The Future of Turkestan and Traces of Its Past. Works]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura.
7. Tolstov, S.P. (1961) *Priaral'skie skify i Khorezm* [Aral Scythians and Khorezm]. *Sovetskaya etnografiya*. 4. pp. 114–146.
8. Huntington, E. (1907) *The Pulse of Asia: A Journey in Central Asia Illustrating the Geographic Basis of History*. Boston; New York: Houghton, Mifflin and Company.
9. Tolstov, S.P. (1962) *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [Along the Ancient Deltas of the Oxus and Jaxartes]. Moscow: Vostochnaya literatura.
10. Andrianov, B.V. (1969) *Drevnie orositel'nye sistemy Priaral'ya v svyazi s istoriey vozniknoveniya i razvitiya oroshayemogo zemledeliya* [Ancient Irrigation Systems of the Aral Sea Region in Connection with the History of the Emergence and Development of Irrigated Agriculture]. Moscow: Nauka.
11. Gulyamov, Ya.G. (1957) *Istoriya orosheniya Khorezma s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Irrigation of Khorezm from Ancient Times to the Present Day]. Tashkent: UzSSR AS.
12. Bukinich, D. (1924) *O proiskhozhdenii zemledeliya i skotovodstva* [On the origin of agriculture and cattle breeding]. *Khlopkovoe delo*. 3–4 pp. 92–135.

13. Latinin, B.A. (1956) Voprosy istorii irrigatsii drevney Fergany [Questions of the history of irrigation of ancient Fergana]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noy kul'tury*. 64. pp. 15–26.
14. Rtveladze, E.V. & Iskhakov, M.Kh. (1977) Plotina Sar-i-Band [Sar-i-Band dam]. *Stroitel'stvo i arkhitektura Uzbekistana*. 1. pp. 18–20.
15. Nozlov, D.A. (1999) *Zodchestvo gornyykh rayonov Sredney Azii* [Architecture of the Mountainous Regions of Central Asia]. Tashkent: Tashkent State Technical University.
16. Alehashemi, A. (2015) The Water System of Bukhara as the Example of Rising the Water Networks to the Landscape Infrastructure for the city. *Journal of Art and Civilization of the Orient*. 8. pp. 33–46.
17. RusRav.uz. (n.d.) Plan goroda Bukhary (karta Parfenova – Fenina). 1910–1912 goda [Plan of the city of Bukhara (Parfenov-Fenin map). 1910–1912]. *RusRav.uz*. [Online] Available from: <http://rusrav.uz/o-karte-parfenova-fenina-1911-1912-gg>. (Accessed: 20.02.2024).
18. Al-Muqaddasi. (1994) *Ahsan al-Ta'asim Fi Ma'rifat al-Aqalim*. Translated from Arabic by B.A. Collins. Reading: Garnet Publishing.
19. Masson, M.E. (1935) Problemy izucheniya tsistern-sardoba [Problems of studying sardoba cisterns]. *Materialy Uzkomstarisa*. 8. pp. 5–44.
20. Inoyatov, S. & Khayitova, O. (2006) *Karmana v istoricheskoy pamyati* [Karmana in Historical Memory]. Tashkent: Shark.

Информация об авторе:

Хидиров М.М. – канд. археол. наук, доцент кафедры истории и культурного наследия Международного университета туризма и культурного наследия «Шелковый путь» (Самарканд, Узбекистан). E-mail: mmhidirov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.M. Khidirov, Cand. Sci. (Archeology), associate professor, "Silk Road" International University of Tourism and Cultural Heritage (Samarkand, Uzbekistan). E-mail: mmhidirov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.04.2024;
одобрена после рецензирования 09.10.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 05.04.2024;
approved after reviewing 09.10.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 94(571.56)+930
doi: 10.17223/15617793/509/22

Обеспечение служилых людей и казаков разными видами служебного довольствия в период присоединения и освоения Северо-Востока Азии (XVII – вторая половина XIX в.)

Алексей Сергеевич Чертков¹

¹ Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия, alexchertkov@list.ru

Аннотация. Исследуется система финансирования Русским феодальным государством отрядов служилых людей и казаков, направленных на обретение новых земель, осуществляющих функции сбора ясака, охраны порядка, препровождения ссыльных, транспортировки грузов и выполнения других служебных обязанностей. Автор выделяет основные и добавочные виды годового государева жалования казакам, прослеживает динамику удовлетворения растущих потребностей казачьего сословия в казенном довольствии. Подчеркивается решающая роль властных институтов Московского государства.

Ключевые слова: служилые люди, казаки, годовое жалование, денежное довольствие, хлебное довольствие, денежные расчеты, наградные деньги, приварочное довольствие, «аммуничное» довольствие, служебные обязанности

Для цитирования: Чертков А.С. Обеспечение служилых людей и казаков разными видами служебного довольствия в период присоединения и освоения Северо-Востока Азии (XVII – вторая половина XIX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 204–211. doi: 10.17223/15617793/509/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/22

Providing service people and Cossacks with various types of service allowance during the period of annexation and development of North-East Asia (17th – second half of the 19th centuries)

Alexei S. Chertkov¹

¹ Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, alexchertkov@list.ru

Abstract. The article examines the system of financing by the Russian feudal state of detachments of servicemen and Cossacks aimed at acquiring new lands, performing the functions of collecting yasak, maintaining order, transporting exiles, transporting goods and performing other official duties. The aim of the article is to identify the features of providing service people and Cossacks with government allowances during the period under review. The research methodology is based on the use of problem-chronological, retrospective and statistical methods of processing and summarizing empirical material identified in central and regional archives. The author identifies periods of relative stability in the financing of local servicemen and Cossack teams, which occurred from the 1660s to the first quarter of the 18th century, when military force was required to implement the tribute policy in the region. An important conclusion given in the article is the correspondence of the decrease in the level of government service allowances, which coincided in time with the processes of abolishing the institution of yasak collectors, which began in the 1760s, as monitored by the author. In view of the strategic importance of the development of the Okhotsk-Kamchatka region, the government paid special attention to service people and Cossacks performing sovereign service in these separate commands and posts, for which they were entitled to one and a half monetary allowances. The Okhotsk and Kamchatka teams were formed from among the Yakut Cossacks until the beginning of the 20th century. Starting from the second half of the 18th century, the importance of the service class in the region began to decline. With a chronic understaffing of Cossacks in teams, representatives of other classes, as well as newly baptized people who "knew Russian", began to be accepted into "Cossacks". The list of official salaries and additional money and subsidies given in the article indicates the privileged status of the Cossacks compared to other classes in the region. The analysis of historical events with the participation of service people and Cossacks during the period of the annexation and development of North-East Asia in the 17th – second half of the 19th centuries regarding the size of government funding indicates a gradual transformation of these categories of service people in the content of the functions they performed, which were reoriented from military service to the performance of police duties in the region.

Keywords: service people, Cossacks, annual salary, monetary allowance, grain allowance, cash payments, award money, welding allowance, "ammunic" allowance, official duties

For citation: Chertkov, A.S. (2024) Providing service people and Cossacks with various types of service allowance during the period of annexation and development of North-East Asia (17th – second half of the 19th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 204–211. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/22

Введение

Проникновение первых русских охочих людей на Северо-Восток Азии проходило задолго до появления там снаряженных правительством отрядов, олицетворявших власть Московского царя. Однако в 1638 г., когда под предводительством первых якутских воевод П.П. Головина и М.Б. Глебова туда отправился отряд вооруженных служилых людей в составе 400 чел., набранных в сибирских городах, был запущен неумолимый процесс колонизации огромных северных пространств, богатых пушминой, – главный торговый интерес Русского феодального государства. «Прииск новых ясачных земель неясачных людей» и установление в них ясачного режима осуществлялись служилыми людьми, казаками, промышленными («гулящими») людьми, весьма заинтересованными в отыскании промысловых угодий и сбора пушмины в местах обитания местных племен и родов. Если промышленные люди самостоятельно обеспечивали свое пропитание, чем в целом и объясняется их особая предприимчивость, то детям боярским, служилым людям, ружникам (священникам), оброчникам (подьячим, писцам, толмачам), казакам государева казна гарантировала получение разного вида довольствия.

Актуальность исследования заключается в определении степени заинтересованности царского правительства в успешности осуществления замыслов по колонизации северо-восточных земель в Азии на разных этапах данного процесса посредством выбранного индикатора – финансирования служебной деятельности местных казачьих команд.

Цель статьи – выявить особенности обеспечения служилых людей и казаков казенным довольствием в рассматриваемый период. Задачи исследования: определить различные виды денежного, хлебного и добавочного жалования, проследить динамику удовлетворения растущих потребностей казачьего сословия казенным довольствием.

Материалы и методы

Методология исследования основана на применении проблемно-хронологического, ретроспективного и статистического методов обработки и обобщения эмпирического материала, выявленного в центральных и региональных архивах.

Документальной базой стали следующие архивные виды источников: окладные книги, реестры выдачи жалования, приказы, отчеты атаманов и начальников казачьих команд, формулярные списки казачьих команд, ведомости, расписки в получении жалования, жалобы казаков на притеснение их якутскими воеводами и др.

Вопросы жалования служилых людей и казаков, призванных осваивать «новую государеву вотчину» в

XVII–XVIII вв., не были объектом рассмотрения до выхода в свет монографии Ф.Г. Сафронова [1]. Дореволюционные авторы стали интересоваться данным вопросом в контексте решаемых ими служебных задач о преобразовании Якутского казачьего полка во второй половине XIX в. К таким изданиям относятся статья Н. Матюнина об организационном устройстве полка [2] и очерк А.И. Маныкина-Невструева о служебном и социальном развитии местных казаков [3]. В рамках своих исследований по истории земледелия, правового положения, социального развития народов Якутии ряд советских историков – Г.П. Башарин [4], П.С. Софронов [5], В.Н. Иванов [6], М.М. Федоров [7], И.А. Аргунов [8] и др. – приводили сведения о якутских казаках. Служебная деятельность русских служилых людей во второй половине XIX – начале XX в., в том числе вопросы жалования и вооружения казаков, социальной дифференциации в их среде рассмотрены в монографии А.С. Черткова [9].

В основном работы историков советского периода рассматривают роль казачьего сословия в крае лишь с позиций проводников политики царизма, охранителей колониального режима, надсмотрщиков над политическими ссыльными (исследования Ю.М. Стеклова [10], И.М. Романова [11], В.Е. Охлопкова [12], П.Л. Казаряна [13] и др.).

Результаты исследования

На первоначальном этапе присоединения Ленского края к Русскому государству основной движущей силой колонизации являлись снаряженные сюда казаки из сибирских городов, которым полагалось в расчете на год следующее государево жалование: тобольским пятидесятникам – 4 руб. 25 алтын, десятникам – 4 руб. с полтиной, казакам – 4 руб. с полуполтиной и вне зависимости от звания по 5 четвертей с осьминоей ржаной муки и 1 четверть крупы и толокна (в пересчете это составляло около 29 пудов муки, круп и толокна); березовским пятидесятникам, десятникам и казакам – по 4 руб. с полуполтиной деньгами и 7 четвертей муки ржаной, 2 четверти круп и толокна (40 пуд.); енисейским пятидесятникам и десятникам – по 5 руб. с полтиной, казакам – 5 руб. деньгами, а также без учета разницы в звании по 5 четвертей с осьминоей ржаной муки, 2 четверти круп и толокна (33 пуд.) [14].

Ф.Г. Сафронов обратил внимание на разницу государева денежного и хлебного жалования между казачьими командами, призванными на службу из разных сибирских мест, но объяснения данному порядку в его исследовании найдено не было. Кроме недовольства размерами окладов казаки воспротивились введенным в 1641 г. так называемым выворочным вычетам, согласно которым из оклада казака, обремененного семьей, но проходившего службу в Якутском уезде, не выдавалась треть хлебного и соляного оклада. Остаток

довольствия полагался семье казака, находившейся в месте его изначальной дислокации, т.е. в одной из сибирских команд. Удовлетворение многочисленных жалоб казаков против семейного «выворочного» вычета наступило в 1648 г., когда воевода В.Н. Пушкин получил правительственный указ о выдаче служилым полного довольствия [1. С. 75].

В основе первого организованного противления казаков установленным порядкам усматривается не скудость служилых, не желающих делиться окладом со своими семьями, которых они оставили до отправки в Якутскую область, как это может показаться, а экономическая необходимость в содержании в длительных командировках не только себя, но и лошадей, необходимых для несения службы. Присланные в регион царские воеводы вынуждены были прекратить случаи изъятия у местного населения коней и установили порядок приобретения их за деньги, что составляло немалую сумму – от 40 руб. за голову, на прокорм которых в середине 40-х гг. XVII в. Сибирский приказ положил согласно разряду служилых людей от 2 до 10 четвертей овса в расчете на год. Замысел правительственных чиновников был основан на расчете, что казак, получающий «конный оклад» будет эффективнее пешего служилого исполнять служебные обязанности, для чего им было велено «для государевых служб и посылок держать лошади добрые». Тем самым в первой половине 1650-х гг. в разрядах служилых людей стали выделять «конных казаков», которым в отличие от других пеших было положено повышенное годовое жалование: 7–9 руб. деньгами, 6 четвертей с осьминой ржи, 2–2,5 пуд. соли и 4 четверти овса на лошадь, но часто овес заменялся толокном и крупой [1. С. 76]. Правительственные дотации хлебного и соляного довольствия не возымели должного эффекта, поскольку покупка и содержание лошадей значительно превышали выделенные на них ресурсы и, как следствие, в 1656 г. здесь служило только 7 конных казаков. В первой половине XVII в. из реестров на получение довольствия конные казаки были вычеркнуты.

В связи с открытием в 1640-х гг. Охотского побережья, а следом, в 1650-х гг. – Камчатки и Курильских остров, якутские служилые люди и казаки составляли основу казачьих команд этих отдаленных от центра мест. Несмотря на еще более сложную транспортную схему по доставки сюда грузов и жалования, дороговизну продуктов, жилищ и обмундирования, местные казаки получали денежное довольствие и хлебное жалование в тех же размерах и количествах, что и якутские казаки, так как они были приписаны к якутскому войску.

Столь неупорядоченные действия начальников края по организации снабжения служилых людей и казаков разными видами довольствия в 30–50-х гг. XVII в. говорят о том, что в этот период Сибирский приказ, как один из основных институтов царизма в крае, только нащупывал оптимальную схему комплектования якутского служилого войска и обеспечения его различными видами ресурсов – довольствием, снаряжением и вооружением для растущих потребностей установления и под-

держания ясачного режима в области, но доказать Правительствующему Сенату обозначившийся дефицит ресурсов администрация края так и не сумела.

В период с начала 60-х гг. XVII в. до начала XVIII в. размеры отправляемого в область служилым людям и казакам государева денежного жалования немного увеличились. Произошло это за счет реформы казенных хлебных мер, в результате которой объем казенной четверти в 1679 г. был увеличен до 8 пуд. ржи, тогда как начиная со второй четверти XVII в. ее объем составлял 6 пуд. [15. С. 45; 16. С. 69].

В окладных книгах в 1690-х гг. находим, что служилые люди получали в год деньгами следующее жалование: толмачи – 12–15 руб., дети боярские – 6–18 руб., сотники – 9 руб., атаманы – 5–9 руб., пятидесятники женатые – 5–9 руб., пятидесятники холостые – 5 с четвертью руб., десятичники женатые, холостые, казаки женатые, казаки холостые, пушкар, сторожа – 5 с четвертью руб., кузнецы – 5 руб.; хлебом: толмачи – 12 четвертей с осьминой ржи, 8 четвертей овса и 3 с 3 четвертями пуд. соли, дети боярские – 5–14 четверти ржи, 5–12 четвертей овса и 2–3 пуд. соли; сотники – 8 четвертей ржи, 6 четвертей овса и 2 с тремя четвертями пуд. соли, атаманы, женатые пятидесятники, десятичники и казаки получали по 7 четвертей ржи, 4 четверти овса и 2–2½ пуд. соли; неженатые категории служилых получали на 1 четверть ржи, 2 четверти овса и полпуда соли меньше семейных [1. С. 78].

Тем временем размеры присоединенных к Русскому государству казаками и промышленными людьми территорийкратно увеличиваются, а снабжение войска не соответствует их растущим потребностям. Казаки вынуждены были восполнять недостаток жалования, которое к тому же часто запаздывало, за счет притеснения местного населения. Неудивительно, что именно на этот период активного сбора ясака, в том числе на удаленных от центра области округов, учащаются факты притеснения казаками аборигенных народов, занятых промыслами, изъятия «вперед», в счет будущего сбора пушнины, что вызывало справедливое недовольство ясачных людей.

Всего к началу XVIII в. на обеспечение различного вида довольствия для казаков Якутской области правительство должно было доставить в Якутск не менее 5 тыс. руб. деньгами, 37 тыс. пуд. хлебных припасов, 1,6 тыс. пуд. соли. Неурожаи хлеба и неразвитость земледелия в области не позволяли сократить транспортные издержки за счет собственного производства и ставили казаков в полную зависимость от поставок основного вида продовольствия из сибирских городов с развитой земледельческой культурой.

Говорить о том, что положение с финансированием направленных в Якутскую область казаков в начале XVIII в. начало меняться в лучшую сторону преждевременно, хотя в это время было возвращено деление окладов жалования для пеших и отдельно для конных казаков, подтверждено равенство выплат довольствия семейным и бессемеиным казакам, отправляющим службу в казачьих командах. Тем не менее наблюдается сокращение казачьих окладов, которое проходило в два этапа.

С начала XVIII в. и до 1737 г. якутские служилые люди получали в год следующее жалование: пятидесятники – 6 руб. деньгами, конные казаки – 7 с четвертью руб., пешие казаки – 5 с четвертью руб., кроме того, независимо от разряда положено было выдавать по 4 четверти ржи, 2 четверти овса и 1,5 пуд. соли. Несмотря на правительственный указ 1737 г., оклады казаков мало изменились: казаки стали получать в год 7 руб., 3 четверти ржи и 2 четверти овса. В 1737 г. произошло снижение до уровня 1710 г. денежного оклада и хлебного довольствия детей боярских, однако повысилась их выдача для казачьего головы – 49 руб. 50 коп. и 315 пуд. ржаной муки. В 1761 г. уровень казачьих окладов и довольствия вернулся к тому, что был 1730-х гг. По времени снижение казенных выплат казакам совпадает с упразднением института сборщиков ясака, случившимся в 60-х гг. XVIII в.

Вместе с тем в 1747 г. вышло послабление для казачьих отрядов, служащих в Охотске, Камчатке и Анадыре: указом Правительствующего Сената они стали получать полуторное денежное довольствие, 20 пуд. муки на год, из которых 10 пуд. заменялись деньгами – 1 руб. за пуд. Замена половины натурального довольствия денежным диктовалась тогда сложностью с доставкой муки в столь дальние регионы, когда как проще было отправить его деньгами. В 1803 г. служилым казакам Охотско-Камчатского края было установлено двойное денежное жалование. Затем в 1812 г. «Положением о преобразовании в Камчатке воинской и гражданской части» сотники стали получать в год 100 руб. деньгами, урядники – 60 руб., казаки – 45 руб. и 36,5 фунта муки в месяц [1. С. 81]. Таким образом, казаки, служащие в отдаленных командах Охотско-Камчатского края, но получающие довольствие через Якутск, стали обеспечиваться жалованием лучше других сотен Якутского казачьего полка. Однако сложные условия существования «на дальних берегах», дороговизна всех видов продуктов и отсутствие снабжения низводили это на первый взгляд кажущееся преимущество. Поэтому независимо от места службы все казачьи команды, относящиеся к обязанностям в Якутской области, Охотске, Камчатке, Курильских островах и других казачьих постах и переездах, испытывали недостаток в финансировании и снабжении, о чем свидетельствуют многочисленные рапорты атаманов и рядовых казаков, хранящиеся в архивах.

Установленный указом Правительствующего Сената в 1737 г. и последующих распоряжений Иркутской губернской канцелярией 1760-х гг. уровень казачьих окладов и довольствия просуществовал до принятия в 1822 г. Устава о сибирских городских казаках (далее – Устав 1822 г.), определившего годовой денежный и провиантский оклады для служащих Якутского пешего городского казачьего полка (ЯПГКП).

Уставом 1822 г. был установлен годовой денежный оклад: атаманы полка – 400 руб., сотникам – 270 руб., хорунжим – 240 руб., пятидесятникам – 36 руб., урядникам – 12 руб. и казакам – 6 руб. Помимо денежного жалования, как сказано в Уставе, «казаки получают от казны обыкновенный солдатский провиант, муку и крупу вперед помесечно».

Хлебного жалования полагалось по 3 четверти мукой и 2 четверти $\frac{1}{4}$ четверика крупой в год, а также «в уважение в обмундирование по Якутскому краю» устанавливалось ежегодное пособие урядникам, писарям и мастеровым по 12 руб., казакам – по 10 руб. на приведение формы в порядок [17]. В соответствии с Уставом 1822 г. детям казаков мужского пола с рождения и мальчикам, «прижитых казачками», полагалась половина хлебного довольствия служащего казака, а с семи лет – полный паек.

Жалование казакам выдавалось поквартально по «истечении каждой трети года» и доставлялось из Иркутской комиссионерской комиссии. В конце XIX в. якутских казаков снабжали продовольствием через Интендантское ведомство, подчинявшееся Военному министерству [18], сами же казаки относились к Министерству внутренних дел. Такое межведомственное несоответствие не способствовало заинтересованности военных в точном соблюдении сроков снабжения иррегулярных команд.

Реформа 1 июня 1839 г. перевела денежные расчеты на серебро. Правительственный указ 1841 г. установил следующий годовой размер жалования служилым людям: атаман получал 113 руб. 25 коп., сотник – 79 руб. 80 коп., зауряд-хорунжий – 66 руб. 45 коп., хорунжий – 33 руб. 22 $\frac{1}{2}$ коп., пятидесятник – 10 руб. 20 коп., писарь и мастеровой – по 6 руб. 75 коп., пятидесятник, урядник и казак сверх комплекта – по 1 руб. 80 коп. [19].

В конце 50-х гг. XIX в. положениями Сибирского комитета казакам ЯПГКП, служащим в самых отдаленных командах, было утверждено годовое добавочное жалование в следующих размерах: урядникам по 21 руб. 70 $\frac{1}{2}$ коп., казакам – по 16 руб. 85 $\frac{1}{4}$ коп. Данное распоряжение касалось казачьих команд, расположенных в Удском остроге (25 марта 1857 г.), Аянском порту (3 июня 1858 г.) и в г. Верхоянске (6 июня 1859 г.). Данные о Колымской казачьей команде, также находящейся в арктической зоне, за полярным кругом на тот период отсутствуют. Среднеколымская казачья команда стала получать «добавочные» деньги по решению Сибирского комитета позднее – оно датировано 30 марта 1860 г. [20]. Сибирский комитет несколько исправил критическое положение с обнищанием казачьего сословия, начавшееся с принятием правительственного указа 1841 г., так как прожить целый год в северных условиях на 1 руб. 80 коп. жалования было невозможно. Нижняя величина годового казачьего жалования, положенная для рядового состава казаков в середине XIX в., соответствовала нищенскому существованию служилого сословия и заметно пошатнула его устои: служить «в казаках» с этого времени становилось все менее престижно, поскольку служба не приносила дохода, а для ведения различного рода промыслов также требовалось приобретение оборудования, снастей и снаряжения, на что у них средства отсутствовали.

Обеспечение «аммуничными» деньгами на поддержание в исправном состоянии оружия, лошадиной утвари и формы казаков также являлось частью заботы государственной казны. Пользовались этим довольствием в

основном казачьи команды г. Якутска. До 1841 г. им полагались на обмундирование следующие суммы (ассигнациями) в год: пятидесятникам и урядникам по 25 руб., писарям и мастерам – по 24 руб., казакам – по 23 руб. Разница между количеством «аммуничных» денег, выдаваемых казакам, служившим в областном центре и в отдаленных командах, была существенной. Так, Уставом 1822 г. для рядовых казаков четвертой и пятой сотен, отбывающим службу соответственно в Охотской, Камчатской командах и северных наслегх, полагалось 10–12 руб. в год [21].

В последующем, во второй половине XIX в. деньги на обмундирование и снаряжение выдавались для первой (г. Якутск), второй (г. Якутск) и четвертой (пос. Охотск, Камчатка) сотен в следующем размере: пятидесятникам и урядникам – 7 руб. 15 коп., писарям и мастерам – 6 руб. 86 коп., казакам – 6 руб. 58 коп. [22]. Казакам, расквартированным в городах Вилуйске, Олекминске и Колымских поселениях, а также в Аянском порту и Удском укреплении, в год отпускалось из полка в два раза меньше «аммуничных» денег, ввиду того что эти казаки «не отправляют гарнизонную службу»: пятидесятникам, урядникам, писарям и мастерам – по 3 руб. 43 коп., казакам – по 2 руб. 86 коп. [23].

Следующим видом довольствия, возникшим на основании табеля от 22 января 1859 г., являлись «приварочные» деньги, выдаваемые с доходов от охраняемых казаками провиантских магазинов. Размер «приварочного» жалования по истечении каждого месяца составлял: зауряд-хорунжим, пятидесятникам, урядникам и казакам по 1 руб. серебром, всего 12 руб. в год. «Порционные» деньги выплачивались казакам в случае их командировок на дальние расстояния по 7 ½ коп. в сутки при условии, если казак «проехал более 500 верст» [24, 25].

Согласно закону 1833 г. якутские казаки освобождались от земских повинностей и получали «квартирное довольствие» в размере 5 руб. 66 ½ коп. В 1870 г. Постановлением Якутского областного правления от 12 декабря «О замене натуральной квартирной повинности денежной» с казачьих домовладений стали «взимать квартирные сборы с оценки их домов» [26]. Выдача квартирного довольствия при этом сохранялась, она стала производиться в специально созданной для этого городским начальством квартирной комиссии, и, к неудовольствию атаманов полка, казачье ведомство теряет право бесконтрольно распоряжаться этими деньгами. Кроме того, «квартирное довольствие» полагалось и молодым казакам, не успевшим обзавестись семьей, квартирная комиссия выплачивала им по 2 руб. 68 ½ коп., а сотникам и офицерам – по 28 руб. 33 ¼ коп. на треть года [27].

Во второй половине XIX в. правительство вынашивало планы объединения казачьих поселений в станицы. Поэтому приказом от 1 января 1878 г. по военному ведомству «квартирное довольствие» было прекращено с формулировкой «для улучшения быта казаков и объединения их в станицы» [28]. По замыслу военного начальства, данная мера должна была стимулировать казаков к постройке собственных домов, что

увеличивало налогооблагаемую базу квартирных сборов с оценки домов. Однако станичный образ формирования казачьих поселений в Якутской области не прижился. Казаки неохотно становились собственниками жилой недвижимости, так как содержание строевых требовало затрат и времени, а по условиям службы они должны были находиться в дальних и долгих командировках в северных наслегх и дальневосточных землях.

Всего во второй половине XIX в. служащие в ЯПГКП казаки, служившие в г. Якутске, получали разного вида годовое денежное довольствие на следующие суммы: жалование – 1 руб. 80 коп., «аммуничные» – 6 руб. 58 коп., «приварочные» – 12 руб., всего – 20 руб. 38 коп. Казакам, расположенным в наслегных городах Верхоянске, Среднеколымске, в Удском укреплении и Аянском порту, полагалось по 33 руб. 51 ¼ коп. В Вилуйской и Олекминской командах казакам выдали по 16 руб. 66 коп. Урядники и пятидесятники двух сотен г. Якутска имели установленного жалования по 29 руб. 35 коп. в год, а те из них, кто относился к командам, получавшим «добавочные» деньги согласно положениям, принятым в конце 1850-х гг., довольствовались 47 руб. 33 ½ коп. Хорунжим платили по 45 руб. 22 ½ коп., зауряд-хорунжим – 78 руб. 45 коп. Жалование атамана и сотников полка составляло соответственно 113 руб. 25 коп. и 79 руб. 80 коп., при этом атаман получал двойной хлебный паек.

Представленные архивные сведения исправляют ошибочно приведенные якутским историком И.А. Аргуновым, исследовавшим социально-экономические условия жизни русского и якутского населения Якутии, данные о размере казачьего жалования в конце XIX – начале XX в., которые, по его мнению, составляли 476 руб. «обмундировочного» и «приварочного» доходов в год [29].

Всего на содержание якутского полка в середине XIX в. казна ежегодно тратила 2 162 руб. 83 коп. в расчете на 462 человек. В эту сумму входили: денежное жалование, «аммуничные» дотации и деньги на канцелярское делопроизводство – 67 руб. 10 коп. Распределение средств «на письменные дела» было утверждено военным министром в 1846 г. и предназначалось выдаче в следующем порядке: атаману полка – 11 руб. 40 коп., первой, второй и пятой сотням – по 5 руб. 70 коп. [30]. Оставшаяся сумма – 38 руб. 60 коп. – предназначалась к трате в виде наградных денег, которые нередко присваивались атаманом полка.

Якутское областное правление, опираясь на положение кабинета министров от 15 июня 1843 г., дополнительно поощряло наградными деньгами казаков «за препровождение в разные места арестантов» в сумме 28 руб. 58 коп. в год. Наградные деньги администрация области выплачивала казакам при условии, если арестанты доставлялись к месту назначения «благополучно», а за «неисправность хотя бы одного казака, весь конвой лишался прибавки к жалованию» [31]. При соотношении размеров наградных денег за полицейскую службу с годовым жалованием рядового казака – 1 руб. 80 коп., становится очевидной сила их экономического воздействия.

Помимо определенных инструкциями наградных выплат казаки могли получить прибавку денежного жалования за надзор за особо охраняемыми государственными преступниками. В рапорте генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова шефу жандармов графу П.А. Шувалову от 28 октября 1870 г. содержится указание последнего: «Назначить из якутских казаков двух благонадежных человек для постоянного бдительного надзора за Чернышевским, положив им сверх получаемого ими служебного довольствия добавочных по 100 руб. в год каждому, затем независимо от вышеуказанного выдать этим казакам некоторую награду по третям года в случае исправного ими исполнения своих обязанностей» [10. С. 194].

Указание всесильного начальника Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии было точно исполнено. В докладной записке урядников А. Попова и Л. Гатимова атаману полка указано, что в период с января по февраль 1873 г. за охрану революционного демократа, писателя Н.Г. Чернышевского каждый получил по 31 руб. 50 коп. [32], а пятидесятнику Бродникову и уряднику Новгородову, по-видимому, постоянно находившимся в г. Вилуйске, было выдано добавочное жалование «для присмотра за революционером» в сумме 200 руб. (согласно окладу по полку, урядник тогда получал в год 29 руб. 35 коп.) [12. С. 100].

В случае, если казаки устраивались на службу на золотодобывающие и горные промыслы, то они могли получить дополнительное вознаграждение, что способствовало улучшению их материального положения. Приисковым нижним чином платились командировочные «суточные деньги» с надбавкой к положенным деньгам в 6 коп. Вступающим на службу «в казачье звание» разрешалось брать ссуду в размере 15 руб. со ставкой 5% с рассрочкой погашения кредита в течение трех лет [33].

Анализ окладных книг, прошений и донесений казаков с мест позволяет сделать вывод о практикуемом в полку своеволии начальников – атаманов и управляющих командами, которое ставило рядовой состав в крайне тяжелое положение. Получая из казны казачьи пайки, управляющая верхушка «удерживала у себя по сомнительным документам» довольствие казаков. Иногда размеры злоупотреблений с казачьим жалованием достигали значительных сумм. Так, в 1904 г. атаман полка присвоил деньги казаков, оставшиеся после выдачи жалования и вырученные от продажи покосных участков, принадлежавших полку, а также так называемые переходные деньги, оставшиеся от умерших казаков, предназначенных для выдачи их наследникам, – всего в размере 1 044 руб. 6 коп. [34]. Следующим видом произвола начальства являлись необоснованные вычеты по распоряжению атамана полка из денежного довольствия «половинного жалования в число частичных долгов, штрафных, за непредоставление в срок ставшихся денег, на медикаменты, госпиталя, за бытие в отпусках, за гербовую бумагу, за бытие под судом» и др. [35].

Определенные Уставом 1822 г. размеры казачьего хлебного довольствия просуществовали без изменений

до 19 мая 1917 г., когда был издан приказ по войскам Иркутского военного округа, установивший для всех войск внутри страны, «вне театра войны находящихся», суточную дачу хлеба из расчета 1 ½ фунтов и крупы – 34 золотника [36].

Доставка государственного обеспечения якутским казакам в отдаленные команды осуществлялась русскими купцами и местными торговцами, которые в ряде случаев шли на хитрость: для сокращения затрат на транспортировку и охрану денег и грузов они скупали (выкупали) у казаков вперед на весь год хлебные пайки, а также право на получение денег под грабительские проценты. Свидетелем таких сделок, закабавлявших служилых казаков, стал И.В. Шкловский во время отбывания в 1886–1892 гг. ссылки в Среднеколымске: «Купцы из положенных казакам денег вычитали здесь за большие проценты добрую половину денег» [6].

Выводы

В XVII–XVIII вв. служилые люди и казаки сыграли значительную роль в присоединении Северо-Востока Азии к Русскому государству. Невзирая на малочисленность казачьих отрядов и недостатки в финансировании их деятельности, они выполняли возложенные на них царским правительством обязанности по «приску новых земель», установлению ясачного режима. Служилые люди и казаки осознавали важность их присутствия в регионе, поэтому на начальном этапе русской экспансии могли выражать свое недовольство вышестоящим инстанциям по поводу скудности казенного жалования, перебоев с поставками хлебного довольствия, а также позволить себе сопротивление введению так называемого выворочного вычета из оклада казака, обремененного семьей, введенного в 1640-х гг. и приведшего к сокращению трети хлебного и соляного оклада.

В XVII–XVIII вв. служилые люди и казаки получали в зависимости от звания следующие виды годового государева жалования: деньгами, хлебное довольствие – ржаной мукой, крупой, толокном и солью. В середине 40–50-х гг. XVII в. для появившегося конного разряда казаков им выделялось определенное количество овса на каждую лошадь.

Роль институтов Русского феодального государства, ответственных за освоение края, в финансировании воинских подразделений на новых землях была решающей. В целом, в 1630–1650-х гг. правительство определяло оптимальную схему комплектования, обеспечения различными видами ресурсов якутского служилого войска для растущих потребностей ясачного режима. В 60-х гг. XVII в. и вплоть до первой четверти XVIII в. служилые люди и казаки становятся важной силой при реализации ясачной политики в регионе, следовательно, для них увеличиваются и размеры государева жалования. Однако это продолжалось недолго. В связи с упразднением института сборщиков ясака в 60-х гг. XVIII в. уровень казачьих окладов и довольствия вернулся к значениям 1730-х гг. Ввиду важности освоения Охотско-Камчатского края служащие

там якутские казаки с 1747 г. получали полуторное денежное довольствие.

«Устав о сибирских городских казаках» 1822 г. определил годовое денежное и провиантское для казаков Якутского пешего городского казачьего полка вплоть до его расформирования. Согласно Уставу 1822 г. казенные средства выдавались детям казаков мужского пола с рождения, а для пополнения казачьего населения было разрешено снабжать половинным хлебным довольствием мальчиков, «прижитых» казачьими семьями, а при достижении ими семи лет казачатам полагался полный паек. Начиная с 1822 г. во второй половине XIX – начале XX в. казакам Якутской области помимо традиционных выплат по окладу и продовольствию было установлено постоянное казенное довольствие, в состав которого входили «аммунитные» деньги на поддержание в исправном состоянии оружия, лошадиной утвари и формы, «приварочные» деньги, выдаваемые с доходов от охраняемых казаками провиантских магазинов, «квартирное» довольствие. Размеры каждой выплаты ранжировались в зависимости от занимаемой должности и звания.

Кроме индивидуальных выплат для якутского полка правительством были определены дополнитель-

ные выплаты в виде наградных денег за препровождение и охрану арестантов, повышенные оклады и разовые выплаты полагались за охрану особо опасных для государства политических ссыльных, а также деньги на канцелярское делопроизводство.

Тем служилым казакам, которые находились в дальних командировках, золотодобывающих приисках, горно-геологических партиях, полагалась выплата командировочных расходов («суточные деньги») по повышенному тарифу. Для привлечения на службу «в казачье звание» рекрутам дозволялось брать ссуду под 5% с рассрочкой погашения кредита в течение трех ближайших лет.

Исходя из объема и видов денежного и добавочного довольствия, положенного служилым людям и казакам, можно сделать вывод об их особом привилегированном по сравнению с другими сословиями края статусе, что не должно вводить в заблуждение, если соотносить размеры казенных выплат с расходами на выполнение служебных обязанностей, содержание семей, домов и лошадей при значительной дороговизне уровня жизни в отдаленных наслегх области и невозможности при этом развивать земледелие и различные промыслы.

Список источников

1. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М. : Наука, 1978. 258 с.
2. Матюнин Н. О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского пешего казачьего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871 год. СПб. : Якут. обл. статистич. ком., 1871. С. 39–177.
3. Манькин-Невструев А. Завоеватели Восточной Сибири якутские казаки. М. : Унив. тип. (М. Катков), 1883. 78 с.
4. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII – середина XIX в.). М. : Изд-во АН СССР, 1956. 438 с.
5. Софронев П.С. Якуты в первой половине XVIII века. Якутск : Кн. изд-во, 1972. 191 с.
6. Иванов В.Н. Социально-экономические отношения у якутов XVII века. Якутск : Кн. изд-во, 1966. 424 с.
7. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII – начало XIX в.). Якутск : Кн. изд-во, 1978. 207 с.
8. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа: историко-социологическое исследование образа жизни. Новосибирск : Наука, 1985. 319 с.
9. Чертков А.С. Якутское казачество во второй половине XIX – начале XX вв. М. : Контакт РЛ, 1996. 184 с.
10. Стеклов Ю.М. Вокруг ссылки Н.Г. Чернышевского // Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. М. : Всесоюз. Об-во политич. каторжан и ссылопоселенцев, 1927. № 1 (33). С. 186–197.
11. Романов И.М. Н.Г. Чернышевский в вилейском заточении. Якутск : Якуткнигоиздат, 1957.
12. Охлопков В.Е. История политической ссылки в Якутии. Якутск : Кн. изд-во, 1982. Кн. 1. 446 с.
13. Казарян П.Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). Якутск : СВФУ, 2012. 147 с.
14. Российский государственный архив древних актов. Сиб. прик. Ф. 214. Стб. 274. Л. 100.
15. Гуменюк А.Г. К вопросу о величине московской четверти в XVII в. // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 44–59.
16. Шостын Н.А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX вв. М. : Изд-во стандартов Publ., 1975.
17. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 401. Оп. 1. Д. 617. Л. 34.
18. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 7. Д. 9. Л. 38–39, 44.
19. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е (ПСЗ–2). СПб. : Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830–1885. Т. XXXII. 1858. С. 257–258.
20. ПСЗ–2. Т. XXXV. СПб. : Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. Канцелярии, 1830–1885. 1862. С. 326–327.
21. НА РС (Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 28. Л. 26–27.
22. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 330. Оп. 1. Д. 210. Л. 12.
23. НА РС (Я). Ф. 401. Оп. 2. Д. 28. Л. 3–6; Оп. 1. Д. 530. Л. 54.
24. ГАИО. Ф. 24. Оп. 10. Д. 165. Л. 2.
25. НА РС(Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 217. Л. 59.
26. НА РС (Я). Ф. 493. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
27. НА РС (Я). Ф. 493. Оп. 2. Д. 23. Л. 3.
28. НА РС (Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 235. Л. 3.
29. Аргунов И.А. Социалистическая судьба якутского народа. Якутск : Кн. изд-во, 1985. С. 36.
30. НА РС (Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 125а. Л. 9; Д. 120. Л. 9; Д. 84. Л. 88.
31. НА РС (Я). Ф. 401. Оп. 2. Д. 28. Л. 8–9.
32. НА РС (Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 217. Л. 29.
33. НА РС (Я). Ф. 435. Оп. 1. Д. 63. Л. 18.
34. НА РС (Я). Ф. 343. Оп. 7. Д. 80. Л. 16.
35. НА РС (Я). Ф. 404. Оп. 1. Д. 220. Л. 119.
36. НА РС (Я). Ф. 401. Оп. 1. Д. 84. Л. 164.

References

1. Safronov, F.G. (1978) *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.* [Russians in Northeast Asia in the 17th to mid-19th centuries]. Moscow: Nauka.

2. Matyunin, N. (1871) O pokorenii kazakami Yakutskoi oblasti i sostoyanii Yakutskogo peshego kazach'ego polka [On the conquest of the Yakut region by the Cossacks and the state of the Yakut foot Cossack regiment]. In: *Pamyatnaya knizhka Yakutskoi oblasti na 1871 god* [Commemorative book of Yakut Oblast for 1871]. pp. 39–177. St. Petersburg: Yakut. obl. statistich. kom.
3. Manykin-Nevstruev, A. (1883) *Zavoevateli Vostochnoy Sibiri yakutskie kazaki* [The conquerors of Eastern Siberia: The Yakut Cossacks]. Moscow: Univ. tip. (M. Katkov).
4. Basharin, G.P. (1956) *Istoriya agrarnykh otnoshenii v Yakutii (60-e gody XVIII – seredina XIX v.)* [History of agrarian relations in Yakutia (1760s – mid-19th century)]. Moscow: USSR AS.
5. Sofronov, P.S. (1972) *Yakuty v pervoi polovine XVIII veka* [The Yakuts in the first half of the 18th century]. Yakutsk: Kn. izd-vo.
6. Ivanov, V.N. (1966) *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya u yakutov XVII veka* [Socio-economic relations among the Yakuts in the 17th century]. Yakutsk: Kn. izd-vo.
7. Fedorov, M.M. (1957) *Pravovoe polozhenie narodov Vostochnoy Sibiri (XVII – nachalo XIX v.)* [The legal status of the peoples of Eastern Siberia (17th–early 19th century)]. Yakutsk: Kn. izd-vo.
8. Argunov, I.A. (1985) *Sotsial'noe razvitiye yakutskogo naroda: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie obraza zhizni* [Social development of the Yakut people: A historical-sociological study of lifestyle]. Novosibirsk: Nauka.
9. Chertkov, A.S. (1996) *Yakutskoe kazachestvo vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [The Yakut Cossacks in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Kontakt RL.
10. Steklov, Yu.M. (1927) Vokrug ssylki N.G. Chernyshevskogo [On the exile of N.G. Chernyshevsky]. *Katonga i ssylka: istoriko-revolutsionnyy vestnik*. 1 (33). pp. 186–197. Moscow: Vsesoyuz. Ob-vo politich. katorzhan i ssyl'no-poselentsev.
11. Romanov, I.M. (1957) *N.G. Chernyshevsky v vilyuiskom zatochnenii* [N.G. Chernyshevsky in Vilyuisk imprisonment]. Yakutsk: Yakutknigoizdat.
12. Okhlopov, V.E. (1982) *Istoriya politicheskoi ssylki v Yakutii* [History of political exile in Yakutia]. Vol. 1. Yakutsk: Kn. izd-vo.
13. Kazaryan, P.L. (2012) *Sukhoputnye soobshcheniya Severo-Vostochnoi Rossii (XVII v. – 1920 g.)* [Land communications of Northeastern Russia (17th century – 1920)]. Yakutsk: SVFU.
14. Russian State Archive of Ancient Acts. *Sib. Prik.* [Siberian Prikaz]. Fund 214. Column 274. Page 100.
15. Gumenyuk, A.G. (2021) K voprosu o velichine moskovskoi chetverti v XVII v. [On the size of the Moscow chetvert' in the 17th century]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2. pp. 44–59.
16. Shostin, N.A. (1975) *Ocherki istorii russkoy metrologii XI–XIX vv.* [Essays on the history of Russian metrology, 11th–19th centuries]. Moscow: Izd-vo standartov.
17. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 1. File 617. P. 34.]
18. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List 7. File 9. P. 38–39, 44. [F. 24. List 7. File 9. P. 38–39, 44.]
19. Russian Empire. (1858) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 2-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 32. pp. 257–258. St. Petersburg: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii.
20. Russian Empire. (1862) *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 2-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. Vol. 35. pp. 326–327. St. Petersburg: Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii.
21. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 1. File 28. P. 26–27.
22. Russian State Military-Historical Archive. Fund 330. List 1. File 210. P. 12.
23. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 2. File 28. P. 3–6; List 1. File 530. P. 54.
24. State Archive of Irkutsk Oblast (GAIO). Fund 24. List 10. File 165. P. 2.
25. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 1. File 217. P. 59.
26. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 493. List 1. File 26. P. 1.
27. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 493. List 2. File 23. P. 3.
28. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 1. File 235. P. 3.
29. Argunov, I.A. (1985) *Sotsialisticheskaya sud'ba yakutskogo naroda* [The socialist fate of the Yakut people]. Yakutsk: Kn. izd-vo. p. 36.
30. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 1. File 125a. P. 9; File 120. P. 9; File 84. P. 88.
31. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 2. File 28. P. 8–9.
32. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 1. File 217. P. 29.
33. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 435. List 1. File 63. P. 18.
34. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 343. List 7. File 80. P. 16.
35. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 404. List 1. File 220. P. 119.
36. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) (NA RS(Ya)). Fund 401. List 1. File 84. P. 164.

Информация об авторе:

Чертков А.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры стратегических коммуникаций и государственной службы Дипломатической академии МИД России (Москва, Россия). E-mail: alexchertkov@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Chertkov, Cand. Sci. (History), associate professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: alexchertkov@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.05.2024;
одобрена после рецензирования 30.09.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 22.05.2024;
approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 94(47)084.3(571)
doi: 10.17223/15617793/509/23

Г.Н. Потанин и круг его общения в эпоху войн и революций: по материалам переписки 1917–1920 гг.

Дмитрий Николаевич Шевелев¹, Кирилл Александрович Конев²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *shev-dn@yandex.ru*

² *konev-k-92@rambler.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования состава и содержания корреспонденции Г.Н. Потанина периода Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны как части эпистолярного комплекса конца XIX – первой четверти XX в. В центре внимания авторов – сформированное многолетней почтовой перепиской коммуникативное пространство известного во всей Сибири ученого и общественного деятеля, испытывающее воздействие мировой войны и революционных событий и обусловленного социальными катаклизмами распада складывавшихся десятилетиями личных и профессиональных связей.

Ключевые слова: Г.Н. Потанин, Сибирь, Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война в России, коммуникативное пространство, эпистолярный комплекс, интеллектуальный (мыслительный) коллектив

Источник финансирования: исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 22-68-00066 «Культурное наследие России: интеллектуальный анализ и тематическое моделирование корпуса рукописных текстов».

Для цитирования: Шевелев Д.Н., Конев К.А. Г.Н. Потанин и круг его общения в эпоху войн и революций: по материалам переписки 1917–1920 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 212–222. doi: 10.17223/15617793/509/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/23

Grigory Potanin and his network of contacts in the era of wars and revolutions: Based on correspondence from 1917 to 1920

Dmitriy N. Shevelev¹, Kirill A. Konev²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *shev-dn@yandex.ru*

² *konev-k-92@rambler.ru*

Abstract. The object of this study is the socio-cultural milieu of the Russian province (mainly Siberia) during the First World War, the revolutionary events of 1917 and the Civil War in Russia. The authors consider the communicative space of Grigory Potanin (1835–1920), a famous scientist and public figure, formed through correspondence. The aim of the study is to explore the information potential of Potanin's correspondence, which reveals the orientation and nature of his communications, personal and professional relationships, and the intellectual space in the formation of which he was actively involved. The authors set themselves a number of objectives: to identify the specifics of the communicative space formed by the beginning of the 1917 Revolution around Potanin; to clarify the composition and content of Potanin's correspondence of 1917–1920; to explore the information potential of Potanin's correspondence for further study of the intellectual space of the Russian province in the late 19th – first quarter of the 20th centuries. The source base of the research is Potanin's correspondence (letters, postcards, telegrams, name cards), stored in his personal archive, which is located in the Research Library of Tomsk State University. Also, the sources are the published correspondence of Potanin, his journalism, periodicals and memoirs of contemporaries. The analysis of Potanin's correspondence showed the territorial coverage of his correspondent network. During the war, the revolution and the beginning of the collapse of the Russian Empire, it continued to cover almost the entire country. By 1919, the area had narrowed to the limits of Siberia. It was possible to determine the "density" of the information flow. Potanin received the largest number of letters in the spring of 1917 during the period of the rise of the revolution and the surge of political activity. An analysis of the circle of correspondents showed that most of them are representatives of the intellectuals. The authors associate the further prospects of the study with the identification in the texts of the messages of emotives, value judgments that determined the mindset, interests and ideals of Potanin and his correspondents. This will require a machine analysis of the corpus of texts of Potanin's correspondence and his circle of communication in order to identify a particular topic and the frequency of its mention, to study the connections between different topics, as well as to investigate the contexts of their actualization.

Keywords: Grigory Potanin, Siberia, Revolution of 1917, Civil War in Russia, communicative space, epistolary complex, thought collective

Financial support: The study was carried out at Tomsk State University within the Russian Science Foundation Project No. 22-68-00066.

For citation: Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2024) Grigory Potanin and his network of contacts during the era of wars and revolutions: Based on correspondence from 1917 to 1920. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 212–222. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/23

Введение

«Три несправедливости висели над Сибирью», – утверждал осенью 1917 г. в одной из своих статей известный в прошлом ученый-путешественник, общественный деятель и публицист Г.Н. Потанин. Вред одной из них, штрафной колонизации, был осознан царским правительством, отменившим летом 1900 г. ссылку как уголовное наказание. Острота второй, заключавшаяся в экономической зависимости сырьевой периферии от промышленного центра, по мнению лидера сибирского областничества, может быть снижена со временем. «Третья несправедливость, положение сибирской интеллигенции, – полагал Г.Н. Потанин, – самая опасная; она вынимает душу из тела Сибири, превращает его в труп, мешает этому телу превратиться в живой организм, лишает Сибирь надежды на самостоятельную духовную работу, лишает ее надежды на посильное участие в мировом культурном прогрессе» [1].

Тема малочисленности местной интеллигенции – давняя и одна из центральных в публицистике Г.Н. Потанина. Еще в начале 70-х годов XIX в. он не только диагностирует проблему («столицы поглощали в себе всю русскую интеллигенцию»), но и видит пути ее решения в создании «местных умственных центров» [2]. Но тогда речь шла преимущественно о научных кадрах. Позднее Г.Н. Потанин поставит вопрос в более широком ключе. «Каждая область должна иметь интеллигенцию, которая обязана служить местному населению, – утверждал он в обобщающей работе “Областная тенденция в Сибири”. – Если у области нет своей интеллигенции, вышедшей из рядов местного населения, приходится служение возложить на пришлые силы» [3. С. 11].

Вопрос о том, как сформировать интеллигенцию, живущую интересами своего края, «как сделать жизнь и службу в своем родном районе привлекательной, как обратить ее в неотразимую духовную потребность, в повелительный инстинкт и как упразднить соблазны жизни и службы вне своего района» [4], был для Г.Н. Потанина не просто чем-то отвлеченным и абстрактным. Многолетняя переписка свидетельствует о его непрерывном поиске и поддержке единомышленников, их сплочении в неформальное сообщество сибирских просветителей.

Приведем один пример. В августе 1906 г. Г.Н. Потанин обращается к известному языковеду и этнографу, члену-корреспонденту Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности В.Ф. Миллеру: «Смею ли беспокоить Вас усиленной

просьбой оказать покровительство молодому человеку, с которым пишу это письмо. Валентин Федорович Булгаков, кончив Томскую гимназию, намерен продолжать образование, поступив на историко-филологический факультет Московского университета. Рекомендую его Вам как будущего собирателя русского фольклора... Нельзя ли будет его прикомандировать к какому-нибудь сведущему собирателю, отправляющемуся в провинцию? Насколько я могу судить, из него может выработаться искусный записыватель сказок; по крайней мере бердские сказки записаны им с такой пунктуальностью, какая мне, например, недоступна» [5. С. 81].

В начале декабря того же года он пишет В.Ф. Булгакову: «Очень рад, что Всеволод Федорович отнесся к Вам участливо. Благодарю Вас за Ваши письма и отчеты о Вашей деятельности. Библиографические занятия втянут Вас в область фольклористики и укрепят в ней. С удовольствием буду читать Ваши письма, если будете сообщать о Ваших работах». Г.Н. Потанин предостерегает молодого коллегу («что касается сказок, ими едва ли можно заинтересовать, если Вы ограничитесь передачей одних сюжетов, а не подвергнете их детальной обработке путем сближений») от возможных оплошностей в подготовке научного доклада и даже предлагает тему для будущей статьи – «собрать и обработать фольклор о Богородице», «свести бы весь этот материал вместе, а потом сравнить с Богородицыным фольклором у немцев, у романцев, у финнов» [5. С. 83].

Весной же 1911 г. Г.Н. Потанин обращается уже к самому В.Ф. Булгакову, ставшему к этому времени личным секретарем Л.Н. Толстого, с просьбой помочь еще одному знакомому – алтайскому крестьянину Д.И. Маслову, организовавшему в своей деревне школу и библиотеку, заполучить сочинение Л.Н. Толстого «Критика догматов православия» [5. С. 107].

Материалы переписки Г.Н. Потанина, его публицистика позволяют, таким образом, не только очертить круг его корреспондентов, определить динамику взаимодействия и реконструировать коммуникативное пространство в широком смысле, но и выделить ближайших единомышленников, тот самый интеллектуальный, или мыслительный, коллектив, который Л. Флек определял «как сообщество людей, взаимно обменивающихся идеями или поддерживающих интеллектуальное взаимодействие» [6. С. 64], а также тот сформировавшийся годами общения спектр идей, относящийся не столько к научной, сколько к просветительной повестке, обсуждавшийся внутри этого сложившегося коллектива.

К настоящему времени архив Г.Н. Потанина, а также его библиотека, хранящиеся в фонде НБ ТГУ,

неоднократно становились не только источниковой базой, но и предметом анализа в исследованиях, посвященных как жизненному пути знаменитого сибиряка в целом, так и отдельным направлениям его научной и общественной деятельности. За последние десятилетия сложилось несколько направлений изучения творческого и научного наследия Г.Н. Потанина.

История поступления архива и книжного собрания областника в университетскую библиотеку изучалась в период 1990-х – 2010-е гг. сотрудниками ОРКП НБ ТГУ Г.И. Колосовой [7], Н.В. Васенькиным [8] и Е.В. Сизовой (Ивановской) [9], посвятившими данной теме ряд статей. В результате были уточнены обстоятельства передачи потанинского наследия из Института Исследования Сибири в Томский университет, проанализирован его состав и введен в научный оборот ряд источников – прежде всего часть личной переписки Г.Н. Потанина [10, 11]. В настоящее время изучение и публикацию материалов архива ученого продолжает И.А. Голев [12, 13].

Обширная переписка, представленная в архиве, рукописные и изобразительные материалы, позволили осуществить реконструкцию биографии Г.Н. Потанина, изучить его профессиональные и личные связи с представителями сибирской интеллигенции. Помимо сотрудников НБ ТГУ в данном контексте к архиву обращались А.М. Сагалаев и В.М. Крюков [14], М.В. Шиловский [15], К. Танака [16], Е.А. Макарова [17], А.В. Головинов и С. Д. Бортников [18]. В целом, разноплановые материалы личного архива Г.Н. Потанина служат основой для исследования социокультурного пространства региона в конце XIX–XX вв. [19], а также факторов и особенностей восприятия и презентации личности самого ученого сибирской интеллигенцией [20].

Хранящиеся в составе архива этнографические материалы, собранные Г.Н. Потаниным и его коллегами (фольклор азиатских народов, наблюдения, рисунки и фотографии), а также рукописи научных трудов по данной тематике нашли применение в трудах этнографов и антропологов, в частности А.М. Сагалаева и И.В. Октябрьской [21]. Документы, позволяющие определить вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири, изучались в работах Н.М. Дмитриенко и Э.И. Черняка [22]. Еще один аспект изучения наследия Г.Н. Потанина в НБ ТГУ связан с анализом его читательских практик. Комплексный анализ личного архива и библиотеки ученого позволяет детализировать сферу интересов, выявить особенности и методы его творческой и научной деятельности. В данном контексте следует отметить публикации Н.Е. Никоновой и Е.В. Масяйкиной [23], И.А. Поплавской и Н.Е. Гениной [24].

Таким образом, за последние десятилетия оформился устойчивый исследовательский интерес представителей самых различных отраслей гуманитарного знания к хранящемуся в НБ ТГУ комплексу источников, связанных с Г.Н. Потаниным. Особое внимание ученых привлекает его переписка, которая охватывает период с 1860-х по 1920-й г. В то же время следует подчеркнуть, что корреспонденция Г.Н. Потанина эпохи войн и революций как целостный эпистолярный комплекс не становилась предметом специального исторического и литературоведческого исследования.

Объектом нашего исследования послужила социокультурная среда российской провинции (преимущественно Сибири), испытывающая воздействие Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними Гражданской войны; предметом – сформированное посредством писем и других почтовых отправок коммуникативное пространство провинциального ученого и общественного деятеля в указанный период.

Цель исследования – определить информационный потенциал корреспонденции Г.Н. Потанина периода Октябрьской революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.), раскрывающий направленность и характер его коммуникаций, личных и профессиональных отношений, той интеллектуальной среды, в формировании которой он активно участвовал.

Авторы ставят перед собой три основные задачи:

- выявить специфику сформировавшегося к началу Октябрьской революции 1917 г. вокруг Г.Н. Потанина коммуникативного пространства;

- уточнить состав и содержание переписки Г.Н. Потанина периода Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны;

- определить ее информационный потенциал для дальнейшего изучения интеллектуальной среды российской провинции конца XIX – первой четверти XX в.

В качестве основного источника нами была выбрана деловая и частная переписка (письма, открытки, телеграммы, визитные карточки) Г.Н. Потанина, относящаяся к последним (1917–1920) годам его жизни. Следует признать, что его эпистолярное наследие до сих пор не выявлено в полном объеме и доступно исследователям крайне асимметрично.

Тексты некоторых посланий Г.Н. Потанину, включая телеграмму атамана Г.М. Семенова [25] и письмо генерала Л.Г. Корнилова [26], были напечатаны в сибирских газетах еще в период Революции и Гражданской войны.

Большинство из известных в настоящее время писем, адресованных Г.Н. Потанину, находится в его личном архиве, который хранится в фонде Научной библиотеки Томского государственного университета (НБ ТГУ) в Отделе рукописей и книжных памятников (ОРКП). По подсчетам авторов, на момент написания статьи опубликовано 22 письма, написанных Г.Н. Потанину А.В. Адриановым [11. С. 230], Г.Д. Гребенщиковым [27. С. 80–81], Л.С. Крутовской и В.М. Крутовским [28. С. 141–168], С.К. Просвиркиной [29. С. 200] и относящихся к 1917–1920 гг.

В меньшей степени известны письма самого Г.Н. Потанина за это время – 19, большинство которых опубликовано в пятитомнике «Письма Г.Н. Потанина», а несколько находится в НБ ТГУ. Можно предположить, что часть корреспонденции рассеяна по личным фондам центральных и региональных архивов. Ее выявление и анализ – задача будущих исследований.

Коммуникативное пространство Г.Н. Потанина

К началу Февральской революции Г.Н. Потанину шел 82-й год. Он находился в зените своей славы и общественного признания: выдающийся путешественник и учёный-натуралист, просветитель, литератор с

четко выраженной гражданской позицией, признанный лидер и идеолог сибирского областничества, почетный гражданин Томска, Омска и Красноярска. «Несомненно, среди сибиряков это имя – самое известное, самое популярное. Мы сказали бы больше: это имя представляет для интеллигентского сибирского общества дорогой символ родины» [30], – писал накануне его 80-летия много лет проработавший в Томском университете и хорошо знавший Григория Николаевича профессор М.Н. Соболев.

С годами у Г.Н. Потанина ухудшается зрение, он с трудом передвигается. В конце 1917 г. в одном из писем он признавался: «...мои ноги уже плохо меня несут, да и слепота сильно увеличилась» [5. С. 152]. Встречавшийся с ним в конце апреля 1918 г. генерал В.Е. Флуг, прибывший с Юга России для объединения антибольшевистских сил Сибири, застал ученого «дряхлым старцем, со слабыми остатками зрения и слуха, живущим в крайне тяжелых материальных условиях» [31. С. 258]. Физическое состояние ограничивало возможности общения и контакты всегда очень активного Г.Н. Потанина, делало его зависимым от окружающих, близких к нему людей.

За многие годы у Г.Н. Потанина сформировался свой круг или, точнее сказать, несколько кругов общения, включавших его родственников, друзей, единомышленников, приятелей и просто знакомых. Дистанция (как физическая, так и психологическая), интенсивность и глубина установившейся коммуникации характеризуют степень близости и доверия.

Самый близкий круг – это домашний мир Григория Николаевича, выстроенный с точки зрения коммуникации вокруг его рабочего места, кабинета и который составляли его вторая жена – М.Г. Васильева и несколько помощников. «Роль секретаря отчасти исполняла Мария Георгиевна, – вспоминал Г.Д. Гребенщиков, – а больше друзья и почитательницы Григория Николаевича. Впрочем, были и специально нанятые барышни, которым Григорий Николаевич диктовал, да и теперь диктует, изредка лишь досажая Марии Георгиевне» [32. Стлб. 278]. Правда, не всегда близкие могли обеспечить комфортные условия и рабочую атмосферу. Посетивший в середине апреля 1919 г. Г.Н. Потанина премьер-министр колчаковского правительства и его давний знакомый П.В. Вологодский отмечал: «На этот раз он выглядел свежее, бодрее и чище, чем в мое посещение его в декабре 1918 г. Очевидно, то внимание и уход, которым он обставлен в квартире Тихонравовой и отсутствие при нем его беспокойной жены Марии Георгиевны благоприятно повлияли на его самочувствие и настроение» [33. С. 160].

Второй круг – близкие друзья и единомышленники Г.Н. Потанина, с которыми он был связан не только идейно, интеллектуально, но и личными отношениями. Точно очертить его состав достаточно трудно, он довольно сильно менялся со временем, к тому же среди большого числа контактов сложно провести четкую границу между близкими друзьями и единомышленниками, а также теми, с кем у ученого сложились близкие и доверительные отношения. Друзьями Григория Николаевича можно уверенно назвать А.В. Адрианова,

А.Н. Гаттенбергера, Г.И. Гуркина, Ф.К. Зобнина, В.М. Крутовского, Н.М. Мендельсона, В.И. Семидалова, С.П. Швецова.

Отдельная тема – взаимоотношения Г.Н. Потанина с участниками так называемого Потанинского кружка – сложившегося вокруг него неформального сообщества преимущественно томской интеллигенции. Примерная численность и состав кружка в разные периоды его существования, эволюция от культурно-просветительской работы к активному участию в политической жизни хорошо показаны в двух обстоятельных статьях Н.С. Ларькова [34, 35]. Если же оценивать роль участников кружка (прежде всего его ближайших друзей) с точки зрения выстраивания коммуникации и взаимодействия с окружающим миром, то следует признать: помогая немощному Потанину они контролировали его контакты и влияли на получаемую им информацию. В этом отношении показателен эпизод из воспоминаний председателя Сибирской областной думы И.А. Якушева о том, как друзья Г.Н. Потанина, регулярно навещавшие его, приносившие и читавшие свежую прессу, утаивали невыгодные для них, сторонников сильной, единоличной власти, публикации, в частности напечатанный в «Сибирской речи» текст выступления В.А. Жардецкого, ратовавшего за военную диктатуру [36. С. 15–16].

Третий круг – многочисленные знакомые Г.Н. Потанина, его почитатели. Находясь в Томске, Григорий Николаевич был активным участником общественной и культурной жизни города, состоял во множестве обществ и кружков, регулярно посещал юбилейные вечера, лекции и художественные выставки. Описывая наступивший в 1909–1910 гг. подъем в деятельности культурно-просветительных организаций Томска, связанный со сменой губернатора, Г.Н. Потанин с удовлетворением пишет своему знакомому: «Сразу появилось до десятка новых обществ и я во всех членом, а в некоторых и очень деятельным членом. Приходится ежедневно заседать в каком-нибудь обществе» [5. С. 101].

Директор Томского технологического института Е.Л. Зубашев, являвшийся активным общественным деятелем, редактором «Сибирской жизни», организатором Общества сибирских инженеров и Сибирского товарищества печатного дела, вспоминал: «Смело можно сказать, не было в Томске ни одного культурно-просветительного общественного начинания, в котором бы не принимал участия Гр[игорий] Ник[олаевич] или как инициатор, или как один из главных деятелей и руководителей. Он вечно суетился, всегда спешил куда-нибудь, своими мелкими шажками мерил томские улицы (я не помню его когда-либо едущим на извозчике) то в редакцию, то через весь город к какому-либо профессору или художнику предложить, или просить прочесть публичную лекцию или принять участие в устройстве какого-нибудь художественного вечера или художественной выставки. Одним словом, это был настоящий бродильный грибок, возбуждавший умственное брожение во всех способных мыслить сибирских головах» [37. С. 59].

В свою очередь, у себя на квартире Г.Н. Потанин устраивал регулярные приемы гостей. Так, в середине

февраля 1911 г. он пишет М.Г. Васильевой: «У меня завелись журфикисы (пятницы) для молодых литераторов» [10. С. 351]. Начиная тогда писатель В.Я. Шишков вспоминал: «У Потанина еженедельно собирався кружок его близких, хозяин увлекательно рассказывал эпизоды из своих многочисленных путешествий, делился впечатлениями о встречах с замечательными людьми России и Европы; иногда кем-либо из участников читались рефераты на литературные, философские и иные темы» [38. С. 23]. Другой участник потанинских журфикисов, Г.Д. Гребенщиков писал впоследствии: «Отдавая своим друзьям и почитателям пятничные вечера, Григорий Николаевич никогда не желал делать из себя центра внимания. Напротив, он предоставлял своим гостям полную свободу говорить о чем угодно, спорить, читать, и только когда не было того или другого материала, все обращали свои взоры на Григория Николаевича и начинали разными вопросами выводить его из состояния внимательного слушателя» [32. Стлб. 266].

С началом революции деятельность многих научных и литературно-художественных кружков и обществ в Томске замерла. «Ботанические чаи не возобновляются», «артистический кружок не воскресает» [5. С. 151], писал Г.Н. Потанин в середине декабря 1917 г. Их сменили мероприятия другого рода. Г.Н. Потанин принимает участие в открытии Томского губернского народного собрания, Первого сибирского областного съезда, Сибирской областной думы, не говоря уже о множестве других съездов, совещаний и собраний, проходивших в это время в Томске, таких, например, как первый губернский съезд учителей, состоявшийся в конце мая 1917 г. Как писал В.Д. Вегман, Г.Н. Потанин, «имя которого было окружено ореолом народолюбия и сибирского патриотизма и пользовалось, поэтому, особым обаянием среди всего сибирского населения», «был несменяемым почетным председателем всех съездов и совещаний». Не преминув при этом ехидно добавить: «Активного участия в делах он, конечно, принимать уже не мог, но играл, как говорили, роль иконы. Как только Потанин занимал председательское место, так сейчас же и засыпал» [39. С. 95].

Еще один уровень коммуникации Г.Н. Потанина – это взаимодействие его как автора с читательской аудиторией его публицистических текстов. Всего, по нашим подсчетам, в 1917–1919 гг. в сибирской периодике, без учета его политических заявлений, подписанных им воззваний, деклараций, текстов речей и воспоминаний, было опубликовано 40 статей Г.Н. Потанина (20 – в 1917 г., 9 – в 1918 г. и 11 – в 1919 г.). Вокруг некоторых из них завязывались общественные обсуждения и дискуссии.

Таким образом, общаясь и взаимодействуя на протяжении всей жизни со множеством самых разных людей, организаций и учреждений, Г.Н. Потанин выстроил свой особый коммуникативный мир, сгенерировав вокруг себя целостное и уникальное коммуникативное пространство. Само понятие «коммуникативное пространство» в настоящее время широко используется в самых разных отраслях научного знания и различных контекстах, а потому нуждается в уточнении. Применительно к задачам нашего исследования ближе

всего то определение, которое ввел Б.М. Гаспаров, рассматривавший коммуникативное пространство как «целостную коммуникативную среду, в которую говорящие как бы погружаются в процессе коммуникативной деятельности» [40. С. 297]. Важным для нас является прежде всего понимание целостности, включающее «такие свойства языкового сообщения, как его “тон”, предметное содержание и та общая интеллектуальная сфера, к которой это содержание принадлежит; оно включает в себя также коммуникативную ситуацию, со всем множеством непосредственно наличных, подразумеваемых и домысливаемых компонентов, из которых складывается представление о ней каждого участника», а также «представление автора сообщения о реальном или потенциальном партнере, к которому он обращается, его интересах и намерениях, о характере своих личных и языковых взаимоотношений с ним» [40. С. 295].

Таким образом, коммуникативное пространство включает:

- *участников* вербальной коммуникации (коммуникантов), обладающих индивидуальными чертами, внутренним миром, со своими мыслительными и поведенческими особенностями;
- *коммуникативную среду*, соединяющую как исторически сложившуюся культурную среду, так и индивидуально определяемое проксемическое пространство, в которой происходит взаимодействие коммуникантов;
- *множество коммуникативных событий*, «ограниченных в пространстве и времени, мотивированных, целостных, социально обусловленных процессов речевого взаимодействия коммуникантов» [41. С. 22], представляющих собой как межличностные, так и публичные взаимодействия;
- *общее для участников коммуникации пространство смыслов и значений*, включая сгенерированные в результате интеллектуального взаимодействия.

В определенном смысле коммуникативное пространство – это конструкт, моделирующий часть социальной или исторической реальности, который в своей целостности создан исключительно силой воображения исследователя. В то же время оно включено и переживается участниками коммуникации именно как часть социальной реальности в ее исторической динамике.

При этом коммуникативное пространство имеет два измерения: как географически и территориально локализованное физическое пространство, в пределах которого взаимодействуют коммуниканты и происходят коммуникативные действия, с одной стороны, и как ментальное, воображаемое пространство, внутри которого осуществляется интеллектуальное взаимодействие, обмен идеями и генерация смыслов – с другой.

Коммуникативное пространство, рассматриваемое как конфигурация контактов, совокупность связей всех участников взаимодействия, характеризуется двумя основными параметрами: *коммуникативной дистанцией*, понимаемой не только как физическое расстояние между коммуникантами, но и наличие социальных и культурных барьеров, и *плотностью коммуникации*, фиксирующей количество и интенсивность

взаимодействий. Дальнейший анализ этих двух параметров переписки Г.Н. Потанина позволит определить ближний круг его единомышленников, тот самый сложившийся вокруг него мыслительный коллектив.

Переписка Г.Н. Потанина в годы Октябрьской революции и Гражданской войны

Авторами было выявлено 279 посланий (письма, открытки и телеграммы), полученных Г.Н. Потаниным в период с января 1917 по март 1920 г. от 155 корреспондентов, из которых 24 являлись коллективными отправителями (организациями, учреждениями, группами), 129 – индивидуальными (105 мужчин, 24 женщины). В двух случаях отправителями были семейные пары (В.М. и Л.С. Крутовские, И. и О. Киселевы).

В рассматриваемую выборку включены также послания (главным образом приветствия), не обнаруженные в архиве областника, но адресованные ему и опубликованные в этот период в периодической печати. В дальнейшем массив входящей корреспонденции может быть пополнен в связи с тем, что разбор и описание архива Г.Н. Потанина в НБ ТГУ еще не завершены. Кроме того, датировка некоторых писем, открыток и телеграмм может быть скорректирована после более детального изучения.

Значительную часть входящей корреспонденции – 111 единиц, составляют одиночные послания. Два и более письма были получены от 44 отправителей. Наибольшее количество сообщений – по 19 – получено от Б.Г. Герасимова и В.М. Крутовского, а также 14 писем – от П.Б. Яшерова. Доля разовых посланий, таким образом, оказалась весьма существенной. При этом неизвестно, были ли на них ответы Г.Н. Потанина. Соответственно, мы не имеем возможности оценивать такое коммуникативное событие, как двусторонний процесс.

«Даже в том случае, если письмо было единичным и в результате него не завязалась переписка, оно всегда предполагает определенную реакцию адресата, мысли, чувства или действия адресата после его прочтения» [42. С. 43], – справедливо отмечает И.В. Кобак. В силу этого одиночные послания представляют интерес с точки зрения понимания коммуникативных интенций определенного круга людей, стремившихся в условиях революционного времени наладить контакты с известным всей Сибири ученым и общественным деятелем.

В динамике распределение входящей корреспонденции выглядит следующим образом: на 1917 г. приходится 130 писем, открыток и телеграмм (из них 9 – без четкой датировки), на 1918 г. – 82 (10 – без четкой датировки), на 1919 г. – 66 (10 – без четкой датировки), и, наконец, на 1920 г. – одно письмо (рис. 1).

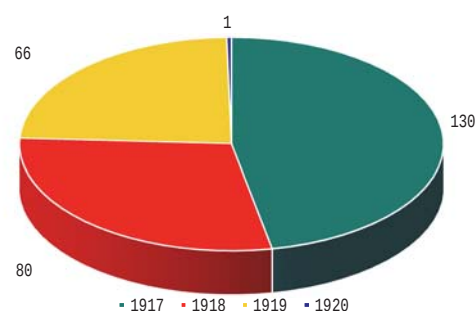

Рис. 1. Распределение входящей корреспонденции Г.Н. Потанину по годам

Наибольшее количество посланий Г.Н. Потанин получил в марте 1917 г. – 21, наименьшее – в ноябре и декабре 1919, и марте 1920 г. – по одному письму (рис. 2).

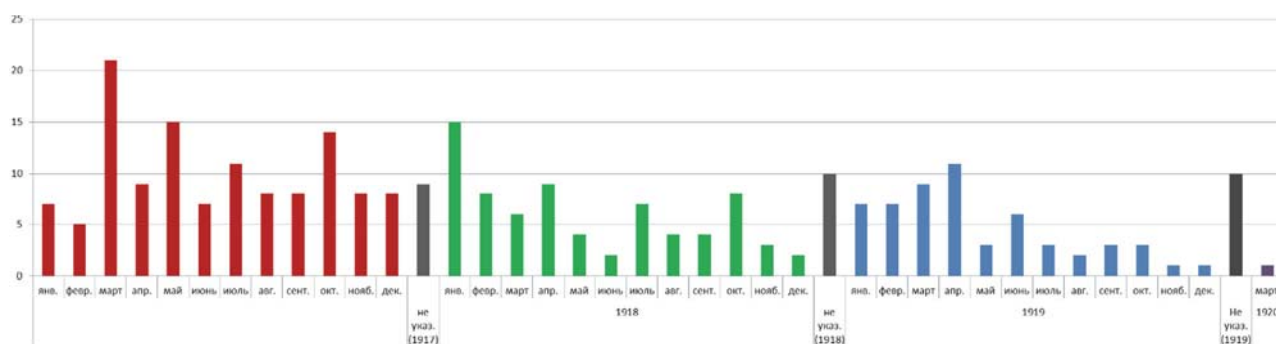

Рис. 2. Распределение входящей корреспонденции Г.Н. Потанину по месяцам

Некоторые затруднения вызывает пространственная локализация отправителей. Из выявленного массива корреспонденции 58 посланий от 27 корреспондентов не имеет явной территориальной привязки. При этом значительную часть – 41 сообщение от 16 корреспондентов – с той или иной долей вероятности можно локализовать по контексту. Остальное 221 письмо, телеграмма и открытка от 128 корреспондентов были отправлены из различных населенных пунктов и местностей бывшей Российской империи – от Петрограда до Владивостока и Харбина, а также из-за границы (США,

Китайская республика, включая Монголию). Наибольшее количество посланий – 42, было получено из Томска от 30 отправителей, 7 из которых были организациями. В таблице представлены десять населенных пунктов с наибольшим количеством отправленных Г.Н. Потанину писем. Как можно видеть, большая часть писем при этом все же получена от сибирских корреспондентов.

Вопрос о классификации и систематизации такого вида исторических источников, как переписка, остается дискуссионным. В силу этого для классификации

телеграмм, писем и открыток, полученных Г.Н. Потаниным в период с 1917 по 1920 г., возможны различные подходы, предлагаемые различными исследователями.

Города, из которых было отправлено наибольшее количество писем и телеграмм Г.Н. Потанину в период 1917–1920 гг.

Город	Количество полученных писем и телеграмм (в скобках – предположительно, определено по содержанию)	Количество корреспондентов
Томск	31 (11)	30
Красноярск	24	5
Семипалатинск	5 (20)	6
Тобольск	16	3
Бийск	14 (2)	7
Петроград	14 (2)	11
Барнаул	13 (1)	9
Омск	10	7
Москва	8 (3)	9

С одной стороны, всю входящую корреспонденцию Г.Н. Потанина можно разбить на письма, включая открытые и телеграммы. За 1917–1920 гг. он получил соответственно не менее 258 писем и 21 телеграммы. Данная классификация в первую очередь позволяет выявить и охарактеризовать каналы коммуникации, использовавшиеся Г.Н. Потаниным и его окружением. Это дает возможность определить, насколько коммуникация была оперативной, какова была ее «плотность», носила ли она личный характер или была частью публичной сферы. Так, подавляющую часть переписки составили различные по объему личные письма. Более оперативный тип посланий в виде телеграмм представлен намного меньше. При этом большую их часть (17) Г.Н. Потанин получил в 1917 г, что связано с потоком приветственных посланий на имя знаменитого сибиряка на фоне революционных событий.

Систематизация входящих писем, открыток и телеграмм в зависимости от рода занятий и сферы интересов отправителей позволяет охарактеризовать круг общения Г.Н. Потанина, сложившуюся вокруг него «социальную сеть», ее узловые точки. В общих чертах можно выделить следующие категории корреспондентов областника:

1. Научные учреждения и отдельные ученые. Так, историк и архивист Н.Н. Бакай в письме от 24 мая 1918 г. благодарил за помощь в публикации статьи о П.А. Словоцове в красноярских «Сибирских записках» [43. Л. 1], а открывшийся в Томске в середине января 1919 г. Съезд по организации Института исследования Сибири горячо приветствовал Г.Н. Потанина, желая «бодрости и сил для продолжения его плодотворных работ» [44. Л. 3].

2. Учебные заведения, учителя и преподаватели. Яркий пример – переписка с М.Х. Свентицкой которая, в своих письмах делилась подробностями жизни своей семьи, рассказывала об успехах и неудачах собственной педагогической работы и интересовалась событиями в Сибири [45. Л. 7–37].

3. Общества, объединявшие деятелей культуры, отдельные писатели, художники. В частности, в письмах ученицы Г.И. Гуркина Р.М. Малыгиной содержится ряд интересных подробностей о событиях 1917–1918 гг. на Алтае [46. Л. 26–30].

4. Общественно-политические объединения, общественные, политические и партийные деятели. Например, в июле 1917 г. Якутский трудовой союз федералистов телеграфировал Г.Н. Потанину как «маститому пионеру областничества» [47. Л. 1], а известный сибирский эсер Е.Е. Колосов в письме из Красноярска от 16 февраля 1919 г. информировал об убийстве членов Учредительного собрания, в том числе Н.В. Фомина, в Омске 22–23 декабря 1918 г. [48. Л. 6–9].

5. Издательства, редакции периодических изданий, сотрудники газет и журналов. Помимо писем от многочисленных корреспондентов, занимавшихся журналистской работой, в архиве областника находятся сообщения от контор и редакций целого ряда сибирских изданий. Из переписки с правлением Сибирского товарищества печатного дела можно узнать о том, что в марте 1912 г. Г.Н. Потанину было передано одно паевое свидетельство (номиналом в 250 руб). 10 ноября 1919 г. правление товарищества известило Григория Николаевича об учреждении пенсионного фонда для сотрудников «Сибирской жизни» и общесибирского литературного фонда, а также о назначении ему пенсии в 300 руб. в месяц [49. Л. 13].

6. Кооперативные и торгово-промышленные организации, кооператоры, предприниматели и промышленники. 5 февраля 1919 г. правление Томского союза кооперативов сообщило, к примеру, о том, что ими было получено распоряжение от Союза сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» ежемесячно выдавать Г.Н. Потанину 200 руб. и просило сообщить, «куда и кому нам вносить означенную сумму» [50. Л. 1].

Анализ круга корреспондентов Г.Н. Потанина дает возможность выявить характер и степень его вовлеченности в те или иные процессы и события; определить круг обсуждаемых вопросов; получить представление об источниках информации, на основе которых он формулировал свои идеи. Однако этот вариант систематизации имеет слабую сторону – сложность однозначного отнесения персоны к конкретной категории в силу таких факторов, как смена профессиональной деятельности или широкий круг занятий и интересов. Возникает, таким образом, определенная условность и схематичность. Например, один из наиболее активных корреспондентов Г.Н. Потанина в рассматриваемый период – Владимир Михайлович Крутовский (1856–1938) – был известен не только как врач, общественный деятель и публицист, но и как активный политик, после 1917 г. занимавший ряд административных постов, включая должности председателя Красноярского исполнительного коалиционного комитета и губернского комиссара.

В целом, следует отметить, что подавляющее большинство отправителей различных посланий Г.Н. Потанину составляли представители интеллигенции (публицисты, педагоги, ученые, краеведы, лица творческих профессий), а также те, кто в 1917 г. оказался вовлечен в политическую работу на различных уровнях, люди,

входившие в состав так называемого комитетского класса (термин Б.И. Колоницкого).

Заключение

На протяжении достаточно длительного времени Г.Н. Потанину удавалось определять, обосновывать и проговаривать ключевые «сибирские» вопросы («отлив умственных сил» из региона в Европейскую Россию, «упорядочение переселения и правильное размещение переселенцев», «улучшение быта инородцев и борьба с вымиранием некультурных племён», развитие регионального самоуправления и создание областной думы), объединенные общей идеей – «уравнение колонии с метрополией во всех областях жизни», вводить их в поле публичного обсуждения, фокусировать и удерживать внимание общественности. Непрерывно дискутируя, включаясь в полемику по тем или иным злободневным вопросам, он актуализировал заданную им повестку в разных контекстах – как в сугубо научном и культурно-просветительском, так и, позднее, в политическом. Г.Н. Потанин продолжал интересоваться наукой, ориентируясь прежде всего на изучение Сибири. Кроме того, за ним заслуженно закрепились репутация защитника интересов Сибирского края в целом, а также отдельных «обремененных и труждающихся» в нем. Все это притягивало к ученому самых разных людей, порождало множество поводов и тем для общения.

Анализ переписки Г.Н. Потанина позволяет охватить масштаб и географию его корреспондентской сети, рассматриваемой в самом общем, широком смысле. Даже в условиях войны, революции и начавшегося распада Российской империи она продолжала покрывать почти всю страну и, несмотря на ряд сбоев, функционировать. К 1919 г. ареал сужается до пределов Сибири. Удалось определить «плотность» информационно потока. Наибольшее количество писем Потанин получил в марте 1917 г., в период подъема революции и всплеска политической активности. Перед областниками открылось «окно возможностей», началось их участие в политической деятельности. Г.Н. Потанину поступают приветствия и поздравления. Различные организации и отдельные лица стремились установить контакты со знаменитым областником, об-

ращаясь по разным поводам. Об этом в том числе свидетельствует и множество одиночных посланий (38,78% от общего количества). Во второй половине 1919 г., во время тяжелой ситуации в стране интенсивность переписки сильно падает.

Переписка дает возможность выделить из общей корреспондентской сети Г.Н. Потанина более близкий круг, то самое интеллектуальное сообщество, мыслительный коллектив, сформировавшийся вокруг него в конце XIX – начале XX в. Анализ вида отправлений и состава корреспонденции позволяет охарактеризовать «каркас» того коммуникативного пространства, центром которого являлся лидер сибирского областничества, – определить направление, плотность и интенсивность потоков коммуникации, выявить узловые точки образовавшейся социальной сети. Однако более важным представляется изучение содержания переписки, выявление в текстах писем, телеграмм и открыток общих идей, эмотивов, оценочных суждений, определявших картину мира, интересы, ценности и установки Потанина и его корреспондентов.

Это в свою очередь потребует поэтапного решения ряда взаимосвязанных задач. Во-первых, необходим перевод текстов писем в машиночитаемый формат, что может быть сделано различными путями, в том числе за счет применения нейронных сетей. Кроме того, формирование библиотеки почерков посланий Г.Н. Потанину для дальнейшего обучения нейронной сети, возможно, позволит, определить ранее неатрибутированные послания путем сравнения с текстами с точно установленным авторством. Задача второго этапа связана с определением тематик, представленных в переписке, для чего потребуются сформировать ряд тезаурусов, в которые будут включены ключевые слова-маркеры, выражающие ту или иную тематику. Наконец, третий этап работы должен включать машинный анализ корпуса текстов переписки областника и его окружения с целью выявления той или иной тематики и частоты ее упоминания, определения связей между различными тематиками, а также контекста их актуализации. Применение методов подсчета ключевых слов позволит выявить содержание нарративов, представленных в переписке Г.Н. Потанина и его окружения, и выстроить их иерархию, а также определить характерные для членов данного интеллектуального коллектива риторические приемы.

Список источников

1. Потанин Г.Н. Важнейший местный вопрос в Сибири // Сибирская жизнь. 1917. 24 сентября.
2. Авесов [Потанин Г.Н.]. О необходимости умственных центров в провинции // Камско-Волжская газета. 1873. 1 апреля.
3. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907. 64 с.
4. Потанин Г.Н. Локализация интеллигенции // Сибирская жизнь. 1906. 4 июля.
5. Письма Г.Н. Потанина. Т. 5. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та. 1991. 272 с.
6. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. М. : Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 220 с.
7. Колосова Г.И. Фонд Г.Н. Потанина в Научной библиотеке Томского государственного университета // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2. С. 29–33.
8. Васенькин Н.В. К вопросу о восстановлении библиотеки Григория Николаевича Потанина // Восьмые Макушинские чтения : материалы науч. конф. (13–15 мая 2009 г., г. Красноярск). Новосибирск, 2009. С. 145–149.
9. Ивановская Е.В. А.В. Бурдуков – монгольский корреспондент Г.Н. Потанина (по материалам архива Г.Н. Потанина, хранящегося в НБ ТГУ) // Studia culturae. 2016. Т. 1, № 27. С. 125–128.
10. Потанин Г.Н., Васильева М.Г. «Мне хочется служить Вам, одеть своей любовью»: Переписка / сост. Н.В. Васенькин, Г.И. Колосова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 418 с.
11. Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / сост. Н.В. Васенькин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с.
12. Голев И.А. Эпистолярное наследие Г.Н. Потанина в контексте археографии // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 42. С. 239–244. doi: 10.17223/22220836/42/21

13. Голев И.А. Г.Н. Потанин: письмо В.П. Сукачеву // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 336–337. doi: 10.17223/22220836/44/27
14. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Потанин, последний энциклопедист Сибири: Опыт осмысления личности. Издание второе, дополненное. Томск : Изд-во науч.-техн. лит., 2004. 208 с.
15. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин : биографический очерк. Новосибирск : Сова, 2004. 244 с.
16. Танака К. Жизнь за Сибирь. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2017. 207 с.
17. Макарова Е.А. Посмертный диалог Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина (на материале писем и архивных документов) // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2(14). С. 54–59.
18. Головинов А.В., Бортников С.Д. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев о значении интеллигенции в социокультурном пространстве региона // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1(74). С. 237–240.
19. Колосова Г.И., Сизова Е.В. Эпистолярное наследие как один из источников изучения культурного пространства Сибири конца XIX – начала XX века (на материалах архива Г.Н. Потанина) // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): Посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности Е.И. Дергачевой-Скоп / сост. и отв. ред. О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. Новосибирск, 2011. С. 317–324.
20. Поплавская И.А. Восьмидесятилетний юбилей Г.Н. Потанина: по материалам его архива в Научной библиотеке Томского университета (Статья первая) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 84. С. 213–233. doi: 10.17223/19986645/84/11
21. Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск : Наука, 1990. 209 с.
22. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. Вклад Г.Н. Потанина в музейное дело Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 67–76.
23. Никонова Н.Е., Масяйкина Е.В. Художественная литература в личной библиотеке Г.Н. Потанина: на материале сочинений Л. Н. Толстого // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 17. С. 63–72. doi: 10.17223/23062061/17/5
24. Поплавская И.А., Генина Н.Е. Библиотека Г.Н. Потанина в Томске: история формирования, состав, инскрипты // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 495. С. 49–61. doi: 10.17223/15617793/495/5
25. Из газет // Жизнь Алтая. 1918. 23 (10) февраля.
26. Заветы генерала Л.Г. Корнилова // Вестник Томской губернии. 1919. 14 апреля.
27. Г.Д. Гребенщиков и Г.Н. Потанин: диалог поколений (письма, статьи, воспоминания, рецензии) / сост. Т.Г. Черняева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 212 с.
28. Броднева А.В. Кто вы, доктор Крутовский? Красноярск : ЛИТЕРА-принт, 2014. 278 с.
29. Колосова Г.И. Г.Н. Потанин и томские художники: (дополнительные источники для изучения художественной жизни Томска в начале XX в.) // Художественная жизнь Сибири начала XX в. : материалы регионал. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 195–209.
30. Соболев М.Н. Г.Н. Потанин как воплощение сибирского патриотизма // Сибирская жизнь. 1915. 20 сентября.
31. Отчёт о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 году // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 243–304.
32. Гребенщиков Г.Д. Большой сибирский дедушка (Из личных встреч с Г.Н. Потаниным) // Ежемесячный журнал. Петроград, 1915. № 9–10. Стлб. 261–280.
33. Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. 619 с.
34. Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в дореволюционный период // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 135–142. doi: 10.17223/15617793/435/17
35. Ларьков Н.С. «Потанинский кружок» в Сибири в 1917–1919 гг.: от просветительства к хождению во власть // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/456/20
36. Якушев И.А. Г.Н. Потанин (Его политические взгляды и общественно-политическая деятельность // Вольная Сибирь. 1926. № 1. С. 15–41.
37. Зубашев Е.Л. Григорий Николаевич Потанин (Воспоминания) // Вольная Сибирь. 1926. № 1. С. 58–65.
38. Шишков В.Я. Автобиография // Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск : Новосиб. кн. изд-во, 1987. С. 8–27.
39. Вегман В.Д. Областные иллюзии, рассеянные революцией (к истории возникновения Сибирской областной думы) // Сибирские огни. 1923. № 3. С. 89–116.
40. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Нов. лит. обозрение, 1996. 352 с.
41. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 408 с.
42. Кобак И.В. Семейная переписка Гаевских 1820-х – 1880-х гг. как исторический источник : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 217 с.
43. Научная библиотека Томского государственного университета, отдел рукописей и книжных памятников (НБ ТГУ, ОРКП). Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 30.
44. НБ ТГУ, ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 200.
45. НБ ТГУ, ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 493.
46. НБ ТГУ, ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 321.
47. НБ ТГУ, ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 568.
48. НБ ТГУ, ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 240.
49. НБ ТГУ, ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 510.
50. НБ ТГУ, ОРКП. Архив Г.Н. Потанина. Ф. 1. Оп. 2. Д. 559.

References

1. Potanin, G.N. (1917) Vazhneishii mestnyy vopros v Sibiri [The most important local issue in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 24 September.
2. Avesov [Potanin, G.N.] (1873) O neobkhodimosti umstvennykh tsentrov v provintsii [On the need for intellectual centers in the provinces]. *Kamsko-Volzhskaya gazeta*. 1 April.
3. Potanin, G.N. (1907) *Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri* [The regionalist tendency in Siberia]. Tomsk.
4. Potanin, G.N. (1906) Lokalizatsiya intelligentsii [The localization of the intelligentsia]. *Sibirskaya zhizn'*. 4 July.
5. Potanin, G.N. (1991) *Pis'ma G.N. Potanina* [Letters of G.N. Potanin]. Vol. 5. Irkutsk: Irkutsk State University.
6. Flek, L. (1999) *Vozniknovenie i razvitiye nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva* [The genesis and development of a scientific fact: Introduction to the theory of thought style and thought collective]. Moscow: Ideia-Press; Dom intellektual'noi knigi.
7. Kolosova, G.I. (2011) Fond G.N. Potanina v Nauchnoi biblioteke Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [The G.N. Potanin collection in the Research Library of Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2. pp. 29–33.
8. Vasen'kin, N.V. (2009) K voprosu o vosstanovlenii biblioteki Grigoriya Nikolaevicha Potanina [On the restoration of Grigoriy Nikolaevich Potanin's library]. *Vos'mye Makushinskie chteniya* [8th Makushin Readings]. Conference Proceedings. Krasnoyarsk. 13–15 May 2009. Novosibirsk. pp. 145–149.

9. Ivanovskaya, E.V. (2016) A.V. Burdukov – mongol'skii korrespondent G.N. Potanina (po materialam arkhiva G.N. Potanina, khраниashchegosya v NB TGU) [A.V. Burdukov – Mongolian correspondent of G.N. Potanin (based on materials from the G.N. Potanin archive held at the TSU Scientific Library)]. *Studia culturae*. 1 (27). pp. 125–128.
10. Potanin, G.N. & Vasil'eva, M.G. (2004) "Mne khochetsya sluzhit' Vam, odet' svoei liubov'yu": *Perepiska* ["I want to serve you, to clothe you with my love": Correspondence]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Adrianov, A.V. (2007) "Dorogoy Grigoriy Nikolaevich...": *Pis'ma G.N. Potaninu* ["Dear Grigory Nikolaevich...": Letters to G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University. 288 pp.
12. Golev, I.A. (2021) Epistoliarное nasledie G.N. Potanina v kontekste arkhеografii [The epistolary heritage of G.N. Potanin in the context of archaeography]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art. History*. 42. pp. 239–244. doi: 10.17223/22220836/42/21
13. Golev, I.A. (2021) G.N. Potanin: pis'mo V.P. Sukachevu [G.N. Potanin: A letter to V.P. Sukachev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art. History*. 44. pp. 336–337. doi: 10.17223/22220836/44/27
14. Sagalaev, A.M. & Kriukov, V.M. (2004). *Potanin, poslednii entsiklopedist Sibiri: Opyt osmysleniya lichnosti* [Potanin, the last encyclopedist of Siberia: An attempt to understand the personality]. 2nd ed. Tomsk: Izd-vo nauch.-tekhn. lit.
15. Shilovskiy, M.V. (2004) "Polneishaya samootverzhennaya predannost' nauke": *G.N. Potanin: Biograficheskii ocherk* ["Complete selfless devotion to science": G.N. Potanin: A biographical sketch]. Novosibirsk: Sova.
16. Tanaka, K. (2017). *Zhizn' za Sibir'* [Life for Siberia]. Ulan-Ude: Buryat State University.
17. Makarova, E.A. (2011) Posmertnyy dialog N.M. Iadrintseva i G.N. Potanina (na materiale pisem i arkhivnykh dokumentov) [The posthumous dialogue between N.M. Iadrintsev and G.N. Potanin (based on letters and archival documents)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 54–59.
18. Golovinov, A.V. & Bortnikov, S.D. (2012) G.N. Potanin i N.M. Iadrintsev o znachenii intelligentsii v sotsiokul'turnom prostranstve regiona [G.N. Potanin and N.M. Iadrintsev on the significance of the intelligentsia in the sociocultural space of the region]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2-1(74). pp. 237–240.
19. Kolosova, G.I. & Sizova, E.V. (2011) Epistoliarное nasledie kak odin iz istochnikov izucheniya kul'turnogo prostranstva Sibiri kontsa XIX – nachala XX veka (na materialakh arkhiva G.N. Potanina) [Epistolary heritage as a source for studying the cultural space of Siberia in the late 19th – early 20th centuries (based on materials from the G.N. Potanin archive)]. In: Fokina, O.N. & Alekseev, V.N. (eds) *Kniga i literatura v kul'turnom prostranstve epokh (XI–XX veka): Posviashchaetsya 45-letiiu nauchno-pedagogicheskoi deiatel'nosti E.I. Dergachevoy-Skop* [Book and literature in the cultural space of the eras (10th–20th centuries): Dedicated to the 45th anniversary of the scientific and pedagogical activity of E.I. Dergacheva-Skop]. Novosibirsk. pp. 317–324.
20. Poplavskaya, I.A. (2023) Grigory Potanin's eightieth anniversary: Based on materials from his archive in the Research Library of Tomsk State University (Article I). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 84. pp. 213–233. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/84/11
21. Sagalaev, A.M. & Oktyabr'skaya, I.V. (1990) *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Znak i ritual* [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk: Nauka.
22. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2016) G.N. Potanin's contribution to Siberian museum science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 67–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/404/10
23. Nikonova, N.E. & Masyaykina, E.V. (2018) General fiction in the personal library of G.N. Potanin: On the material of Leo Tolstoy's works. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 17. pp. 63–72. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/17/5
24. Poplavskaya, I.A. & Genina, N.E. (2023) Grigory Potanin's library in Tomsk: History of formation, composition, inscripts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 495. pp. 49–61. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/495/5
25. *Zhizn' Altaya*. (1918) Iz gazet [From the newspapers]. 23 (10) February.
26. *Vestnik Tomskoy gubernii*. (1919) Zavety generala L.G. Kornilova [The precepts of General L.G. Kornilov]. 14 April.
27. Chernyaeva, T.G. (2008) *G.D. Grebenshchikov i G.N. Potanin: dialog pokolenii (pis'ma, stat'i, vospominaniia, retsenzii)* [G.D. Grebenshchikov and G.N. Potanin: A dialogue of generations (letters, articles, memoirs, reviews)]. Barnaul: Altai State University.
28. Brodneva, A.V. (2014). *Kto vy, doktor Krutovskiy?* [Who are you, Dr. Krutovskiy?]. Krasnoyarsk: LITERA-print.
29. Kolosova, G.I. (2000) [G.N. Potanin and Tomsk artists: (additional sources for studying the artistic life of Tomsk in the early 20th century)]. *Khudozhestvennaya zhizn' Sibiri nachala XX v.* [Artistic life of Siberia at the beginning of the 20th century]. Conference Proceedings. Tomsk: Tomsk State University. pp. 195–209. (In Russian).
30. Sobolev, M.N. (1915) G.N. Potanin kak voploshchenie sibirskogo patriotizma [G.N. Potanin as the embodiment of Siberian patriotism]. *Sibirskaya zhizn'*. 20 September.
31. *Arkhiv russkoy revoliutsii*. (1923) Otchet o komandirovke iz Dobrovol'cheskoi Armii v Sibir' v 1918 godu [Report on a mission from the Volunteer Army to Siberia in 1918]. 9. pp. 243–304.
32. Grebenshchikov, G.D. (1915) Bol'shoy sibirskiy dedushka (Iz lichnykh vstrech s G.N. Potaninym) [The great Siberian grandfather (From personal meetings with G.N. Potanin)]. *Ezhemesiachnyy zhurnal*. 9–10. pp. 261–280.
33. Vologodskiy, P.V. (2006) *Vo vlasti i v izgnanii: Dnevnik prem'er-ministra antibol'shevistskikh pravitel'stv i emigranta v Kitae (1918–1925 gg.)* [In power and in exile: Diary of the prime minister of anti-Bolshevik governments and an emigrant in China (1918–1925)]. Ryazan.
34. Lar'kov, N.S. (2018) "Potanin's circle" in Siberia in the pre-revolutionary period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 435. pp. 135–142. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/435/17
35. Lar'kov, N.S. (2020) "Potanin's circle" in Siberia in 1917–1919: from educational activities to the power contest. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 456. pp. 172–181. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/456/20
36. Yakushev, I.A. (1926) G.N. Potanin (Ego politicheskie vzgliady i obshchestvenno-politicheskaia deiatel'nost') [G.N. Potanin (His political views and socio-political activity)]. *Vol'naya Sibir'*. 1. pp. 15–41.
37. Zubashev, E.L. (1926) Grigoriy Nikolaevich Potanin (Vospominaniia) [Grigoriy Nikolaevich Potanin (Memoirs)]. *Vol'naya Sibir'*. №1. pp. 58–65.
38. Shishkov, V.Ia. (1987) Avtobiografiya [Autobiography]. In: *Vyacheslav Shishkov v vospominaniakh sovremennikov* [Vyacheslav Shishkov in the memoirs of his contemporaries]. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo. pp. 8–27.
39. Vegman, V.D. (1923) Oblastnicheskii illiuzii, rasseiannye revoliutsiei (k istorii vozniknoveniya Sibirskoi oblastnoi dумы) [Regionalist illusions dispelled by the revolution (on the history of the Siberian Regional Duma)]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 89–116.
40. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamiat', obraz. Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image: The linguistics of linguistic existence]. Moscow: Nov. lit. obozrenie.
41. Borisova, I.N. (2001) *Russkii razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian conversational dialogue: Structure and dynamics]. Yekaterinburg: Ural State University.
42. Kobak, I.V. (2014) *Semeinaya perepiska Gaevskikh 1820-kh – 1880-kh gg. kak istoricheskii istochnik* [The family correspondence of the Gaevskys from the 1820s–1880s as a historical source]. History Cand. Diss. St. Petersburg.
43. Research Library of Tomsk State University, Department of Rare Books and Manuscripts. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 2. File 30.

44. Research Library of Tomsk State University, Department of Rare Books and Manuscripts. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 2. File 200.
45. Research Library of Tomsk State University, Department of Rare Books and Manuscripts. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 2. File 493.
46. Research Library of Tomsk State University, Department of Rare Books and Manuscripts. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 2. File 321.
47. Research Library of Tomsk State University, Department of Rare Books and Manuscripts. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 2. File 568.
48. Research Library of Tomsk State University, Department of Rare Books and Manuscripts. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 2. File 240.
49. Research Library of Tomsk State University, Department of Rare Books and Manuscripts. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 2. File 510.
50. Research Library of Tomsk State University, Department of Rare Books and Manuscripts. *Arkhiv G.N. Potanina* [G.N. Potanin's Archive]. Fund 1. List 2. File 559.

Информация об авторах:

Шевелев Д.Н. – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shev-dn@yandex.ru

Конов К.А. – канд. ист. наук, зав. отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки, старший преподаватель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.N. Shevelev, Dr. Sci. (History), head of the Department of the History of Ancient World, the Middle Ages and the Methodology of History, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shev-dn@yandex.ru

K.A. Konev, Cand. Sci. (History), head of the Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library, senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.11.2024;
одобрена после рецензирования 24.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 12.11.2024;
approved after reviewing 24.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.2./7
doi: 10.17223/15617793/509/24

Направления уголовной политики в сфере обеспечения государственной безопасности

Адам Адамович Долгиев¹

¹ Ассоциация юристов России, Москва, Россия, law-journal@internet.ru

Аннотация. Проанализирована уголовная политика государства в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации, центральным направлением которой является противодействие преступлениям террористического и экстремистского характера, а также преступлениям среди мигрантов и натурализованных граждан из их числа. Сделан вывод о том, что законодатель обоснованно сформировал цели уголовной политики в условиях военного времени и избрал уголовно-правовые средства единственным способом их достижения.

Ключевые слова: национальная безопасность, безопасность государства, прекращение гражданства, государственная измена, конфиденциальное сотрудничество с иностранными спецслужбами, уголовная политика в сфере безопасности государства

Для цитирования: Долгиев А.А. Направления уголовной политики в сфере обеспечения государственной безопасности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 223–228. doi: 10.17223/15617793/509/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/24

Directions of criminal policy in the field of state security

Adam A. Dolgiev¹

¹ Association of Lawyers of Russia, Moscow, Russian Federation, law-journal@internet.ru

Abstract. In this article, the author examines the current directions of the criminal law policy of the state in the fight against crimes of terrorist, sabotage, extremist orientation, as well as crimes of migrants and naturalized citizens. Foreign special services use political, religious and selfish motives in order to render a destructive informational impact and incite Russian citizens to illegal actions via the Internet. Equally, the same motives are used by international terrorist organizations seeking supporters from among unqualified and foreign citizens who are not adapted to Russian cultural traditions. These issues, combined with the insufficient effectiveness of law enforcement agencies in identifying and suppressing the facts of Russian citizens' involvement in sabotage and terrorist activities, have formed certain areas of combating crime directly through criminal law and criminalization. The methodological basis of the research is the application of general and special scientific methods of cognition, including formal-legal and legal statistics ones. The author concludes that the first stage of the formation of new directions of criminal policy – the recognition of the public danger of a number of acts and their criminalization – has already been passed. Moving on to the stage of counteraction to criminalized behavior, the work on identifying and suppressing the facts of involvement of Russian citizens and foreigners living in Russia in sabotage and terrorist activities on the Internet and the organization of monitoring of such facts should be prioritized. The next element in the fight against encroachments on state security should be measures for the interaction of law enforcement agencies and the suppression of the activities of all types of structures acting in the interests of foreign and international organizations. In addition, a systematic interdepartmental approach is needed to prevent the entry of foreign citizens into the territory of the Russian Federation and to promptly make decisions on the termination of citizenship of naturalized citizens in case they commit crimes. In terms of countering the involvement of minors in sabotage and terrorist activities, attention should be paid to legal education and public consideration of such criminal cases. Judicial proceedings in cases of cooperation with foreign special services, terrorist and extremist orientation should be actively covered in the media, focusing on the illegality and punishability of such actions. In addition, public coverage of such facts will indicate the high efficiency of law enforcement and security agencies, which can effectively influence crime prevention.

Keywords: national security, protection of the state, deprivation of citizenship, high treason, confidential cooperation with foreign intelligence services, criminal policy in state security

For citation: Dolgiev, A.A. (2024) Directions of criminal policy in the field of state security. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp.223–228. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/24

В различные исторические периоды государственные институты, призванные обеспечивать безопасность страны и сохранение ее конституционного строя, выполняли функции, отражающие тенденции в охране определенных общественных отношений. При этом обеспечение выполнения этих задач уголовно-правовыми средствами всегда являлось наиболее действенным механизмом. За последнее десятилетие приоритеты в направлениях государственной политики закономерно изменились, а в условиях вооруженного конфликта изменилась в корне и уголовная политика.

Сохранение внешних и внутренних угроз террористического и экстремистского характера на фоне широкомасштабной антироссийской политики государств во всех областях, в том числе информационной, военной, экономической, а также активизация иностранных спецслужб, направленная на диверсионную деятельность на территории России, прямо влияют на уголовно-правовое нормотворчество.

Статистика рассмотренных судами уголовных дел о преступлениях террористической направленности (глава 24 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее УК РФ) увеличилась, в частности, в 2023 г. осуждено 744 лица, в то время как в 2022 г. таких лиц было 736, при этом в 2022 г. осуждено 7 лиц за совершение непосредственно террористического акта, а в 2023 г. таких лиц уже в десять раз больше – 71. Возросло также и количество рассмотренных судами уголовных дел о преступлениях, направленных против основ конституционного строя и безопасности государства – преступлений экстремистской направленности (глава 29 УК РФ) – в 2022 г. осуждено 629 лиц, а в 2023 – 697 лиц¹. При этом следует констатировать, что число осужденных лиц в сравнении с числом выявленных преступлений в разы меньше. Так, в 2023 г. выявлено преступлений террористической и экстремистской направленности – 2 382 и 1 340 соответственно, а в 2022 г. – 1 196 и 1 257².

Кроме того, стоит отметить, что после введения в действие Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» активизировалась работа по формированию практики прекращения приобретенного гражданства за совершение преступлений и действий, посягающих на национальную безопасность [1]. И уже за несколько месяцев 2024 г. в отношении 669 лиц принято решение о прекращении гражданства Российской Федерации³. Безусловно, эта цифра слишком мала для того, чтобы рассуждать о количестве натурализованных граждан, к которым должны быть применены положения о прекращении гражданства и о преступности в их среде. Связано это с тем, что основанием для прекращения гражданства является вступивший в законную силу приговор суда, а поскольку отечественное правосудие не может похвастаться оперативностью, то можно сделать вывод о том, что число лиц, гражданство которых будет прекращено в связи с совершением преступления, увеличится в последующие годы. Собственно, и проанализировать такую практику репрезентативно можно будет только через несколько лет.

Представляется, что преступления террористической, экстремистской направленности, а также преступления мигрантов и натурализованных граждан в настоящее время являются первостепенной проблемой государства. Исходя из необходимости выработки системного, научно обоснованного подхода к определению направлений уголовной политики, ее целей и задач для достижения правопорядка, мы приходим к тому, что условия для такого подхода должны основываться на стремительности и комплексности решений государства.

Склонение российских граждан и других лиц к противоправным действиям через сеть Интернет осуществляется в последнее время через публикации, содержащие недостоверные сведения о проведении специальной военной операции, в свою очередь уже установлено, что призывы к совершению терактов и диверсий контролируются из-за рубежа, а для более деструктивного информационного воздействия иностранными спецслужбами используются политические, религиозные и корыстные мотивы российских граждан и других лиц. В равной степени эти же мотивы используются международными террористическими организациями, приискивающими сторонников из числа неквалифицированных и не приспособленных к российским культурным традициям иностранных граждан, радикализированных в условиях экономических проблем и недостаточной религиозной грамотности.

Кроме того, многочисленные нарушения миграционного законодательства, создающие условия для беспрепятственного и неконтролируемого нахождения иностранных граждан на территории страны при отсутствии правовых оснований, сохраняют проблемы в обеспечении антитеррористической защиты критически важных и потенциально опасных объектов, мест массового пребывания людей и транспорта.

Обозначенные вопросы в совокупности с недостаточной эффективностью деятельности правоохранительных органов по выявлению и пресечению фактов вовлечения российских граждан в диверсионно-террористическую деятельность сформировали определенные направления правотворческой деятельности.

Через уголовный закон, представляющий собой результат уголовно-правовой политики государства, законодатель корректирует и актуализирует общественные отношения, подлежащие охране. Например, в условиях вооруженных конфликтов функции государства мобилизуются в сторону противодействия экстремистским, диверсионным проявлениям, а также антитеррористической защищенности военных объектов.

В этой связи аналитический интерес представляет относительно новая ст. 275.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность граждан Российской Федерации за сотрудничество на конфиденциальной основе с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации в целях оказания им содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации. Данный состав относится к так называемым «военным поправкам» в УК РФ и является одним из

инструментов противодействия иностранным разведкам [2]. Несмотря на то, что уголовный закон не конкретизирует формально не определенный термин «безопасность Российской Федерации», в науке права теоретическому обоснованию данного определения уделяется повышенное внимание, в том числе и вопросах обеспечения суверенитета страны всеми доступными средствами.

Между тем уголовно-правовой запрет сотрудничества с иностранными спецслужбами, при всей логичности этого запрета даже и без специальной нормы уголовного закона, направлен в первую очередь на недопустимость любого стовора с представителями иностранной разведки, независимо от результата этого сотрудничества, т.е. указанная норма признает преступлением сам факт конфиденциального общения, направленного против безопасности России [3]. При этом помимо того, что отсутствует конкретика в понимании определения безопасности страны, в законе нет прямого указания на субъект, представляющий эти иностранные специальные службы. Должно ли это быть конкретно установленное подразделение иностранной разведки или некоммерческая организация, через которые обычно происходит вербовка, законодатель не уточнил.

Кроме того, российская правовая терминология не содержит термин «конфиденциальное сотрудничество». Собственно, толкование конфиденциального сотрудничества, исходя из его буквального смысла, предполагает, что такое содействие должно быть тайным и лицо должно осознавать, что организации, с которыми оно сотрудничает, осуществляют какую-либо оперативно-розыскную или разведывательную деятельность против России. Соответственно, составообразующим мы можем обозначить вопрос доказанности осведомленности этого лица о его сотрудничестве со специальной службой и второй – это вопрос доказанности факта, что эта организация действительно ведет деятельность, направленную против Российской Федерации.

Вряд ли, вводя данную норму в УК РФ, законодатель рассматривал тезис о том, что органам следствия придется собирать определенную доказательственную базу тому, что такая организация ведет деятельность против государства. Представляется, что в данном случае для квалификации является достаточной аффилированность определенных структур и их связь с иностранной разведкой, поскольку очевидно, что оспаривать в рамках уголовного судопроизводства этот факт иностранная организация не будет.

Что касается примечания к данной статье, из которого следует, что лицо освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно и своевременно сообщило о таком своем сотрудничестве и не совершило никаких иных противоправных деяний, то в данном случае слово «своевременно» носит весьма оценочный характер, и кто должен это оценивать (само лицо или правоохранительные органы) – из нормы закона не следует. Своевременным может быть сообщение через неделю, месяц или год, при этом если для наступления ответственности по ст. 275.1 УК РФ не нужно, чтобы лицо совершило что-то в интересах ино-

странного государства, то будет ли наступать такая ответственность вообще, если лицо сообщит об этом при задержании.

Несмотря на декларативный характер данной нормы закона, о ее реальной необходимости присутствия в Уголовном кодексе свидетельствует всё та же судебная статистика. В частности, Московским городским судом с момента введения уголовной ответственности по ст. 275.1 УК РФ осуждено 3 лица⁴, 2-м Западным окружным военным судом в 2024 г. осуждено 2 лица⁵, столько же лиц привлекается к ответственности Верховным Судом Республики Крым⁶. В этой связи законодатель не стал недооценивать роль информационной составляющей в преступлениях против военной службы и государственной безопасности и применительно к сотрудничеству с иностранными спецслужбами установил уголовную ответственность по ст. 275.1 УК РФ с оговоркой, если только отсутствуют признаки государственной измены.

Разграничение норм ст. 275 и 275.1 УК РФ скорее всего законодателем будет дорабатываться, поскольку государственная измена, например, согласно диспозиции ст. 275 УК РФ, может представлять собой оказание не только консультационной, но и иной помощи иностранному государству, направленной против безопасности Российской Федерации. При этом понятие «иная помощь» может трактоваться расширительно. По крайней мере препятствий к этому в законе нет. Тогда как диспозиция ст. 275.1 УК РФ предусматривает не только установление отношений сотрудничества с иностранными спецслужбами, но и поддержание этого сотрудничества в целях оказания им содействия, что вполне подходит и под иную помощь применительно к ст. 275 УК РФ.

Таким образом, в настоящее, фактически военное время разграничение уголовной ответственности остается на усмотрение правоохранительных органов, которые, установив объем незаконных действий, оценив ущерб от преступления и его общественную опасность, могут квалифицировать действия виновного по менее тяжкой норме закона. Собственно, санкции статей позволяют разграничить субъектов ответственности за реально совершенную государственную измену, за которую предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы, и лиц, фактически не причинивших реального ущерба охраняемым законом объектам. В этом случае ответственность по ст. 275.1 УК РФ предусмотрена от 3 до 8 лет лишения свободы.

Так, в частности, по уголовному делу в отношении К., осужденного Московским городским судом по ст. 275.1 УК РФ, установлено, что сотрудник спецслужб Украины руководил действиями граждан Белоруссии и России по подготовке терактов на объектах в Гродно, одним из них должно было стать здание Генконсульства РФ, а также по его поручению велась фото- и видеосъемка объектов, среди которых были военкомат, воинская часть, нефтебаза, которые планировалось взорвать с помощью дрона и взрывчатки⁷. Безусловно, такие действия до введения в уголовный закон ст. 275.1 УК РФ не ушли бы от внимания ответственных органов безопасности, поскольку имеют

явно антигосударственную направленность, однако отсутствие последствий позволило назначить наказание К. в виде 5 лет лишения свободы.

Стоит отметить, что категория уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 275, 275.1 УК РФ, рассматривается в закрытом судебном заседании, кроме того в настоящее время судами оглашается только вводная и резолютивная части приговоров, таким образом общественность не может узнать и оценить как государственную измену гражданина Российской Федерации, так и факт и объем его сотрудничества с иностранными спецслужбами. Между тем частичное раскрытие этой информации, публичное освещение таких фактов и результатов привлечения к уголовной ответственности являлись бы действенным превентивным механизмом противодействия преступности. Уголовно-правовая политика страны только бы выиграла от этого.

К другим активно применяемым в судебной практике «военным поправкам» в УК РФ относятся ст. 207.3 УК РФ – публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации и ст. 280.3 УК РФ – публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил России. В ближайшие годы можно будет провести сравнительный обзор судебной практики использования указанных репрессивных направлений уголовной политики, однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что наличие в законе таких уголовно-правовых норм внесло весомый вклад в сохранение государства и в борьбу с вмешательством в деятельность государственных органов и незаконного влияния на решения, которые они принимают. Здесь также необходимо отметить позитивный эффект от введения уголовной ответственности иностранных агентов (ст. 330.1 УК РФ) [4]. Сюда же относятся и нормы об ответственности за нарушения в сфере государственного оборонного заказа (ст. 201.1, 201.2, 285.5, 285.6 УК РФ).

В данном случае, в условиях бессистемности уголовного закона на фоне ежегодно увеличивающихся изменений в УК РФ и добавления всё новых уголовно-правовых запретов, становится актуальным термин «чрезвычайное право» [5], поскольку только в такие исторические периоды, когда уголовно-правовая отрасль государственной политической машины начинает интенсивно работать, рождаются новые объекты уголовно-правовой охраны. Желая предотвратить посягательства на важнейшие государственные институты и общественные отношения, законодатель увеличивает скорость принятия решений до максимума. В частности, можно привести в пример принятие за две недели Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Несмотря на критические отзывы о положениях данного нормативно-правового акта и фактической подмены им уголовного и уголовно-процессуального закона, он был принят и действует до настоящего времени [6].

Вместе с тем нельзя не отметить, что указанные изменения в уголовном законе разрабатываются исключительно в интересах российского государства и его общества. Те же «военные поправки» в закон и практика их реализации позволят академическому сообществу в ближайшее время теоретически и методологически обосновать концепцию уголовно-правовой политики государства, выработать определения безопасности государства, как внешней, так и внутренней, создав фундамент для нового направления исследований.

Реформирование уголовного законодательства идет полным ходом, и, как справедливо отмечает профессор Н.А. Лопашенко, примирить с разрастанием уголовного законодательства может только сложность современной общественно-политической обстановки в России и в мире [7], при этом уже сейчас можно отметить, что превентивная и репрессивная функции уголовно-правовой политики государства объединены в одно направление. То есть законодатель, без лишних общественных обсуждений, без изучения дополнительных элементов противодействия преступности (анализа ее причин и условий, личности преступника, изучения и обобщения опыта других стран) сформировал цели уголовной политики в условиях военного времени и избрал уголовно-правовые средства единственным способом их достижения.

Дальнейшая дифференциация уголовной ответственности может иметь место в случае развития вооруженного конфликта в будущем, поскольку объективно установлено, что стремительно влиять на уголовное законодательство и на оперативность принятия решений в стране могут только такие экстренные ситуации, как война.

Также нельзя назвать неоправданным усиление уголовной ответственности в сфере нарушений миграционного законодательства. Более того, автор придерживается точки зрения о необходимости ревизии многочисленных решений о принятии в гражданство Российской Федерации за последние несколько лет. Несмотря на то, что в условиях специальной военной операции законодатель уделяет внимание уголовной ответственности за преступления против государственной власти, нельзя оставлять без должного критического подхода вопросы внутренних и внешних неконтролируемых миграционных потоков.

Внешняя безопасность Российской Федерации невозможна без обеспечения внутренней безопасности. Преступления террористической, диверсионной и экстремистской направленности, а также нарушения миграционного законодательства и, соответственно, преступность мигрантов приобретают очертания единого фронта, поскольку эти процессы контролируются и осуществляются часто одними и теми же иностранными специальными службами. И именно в этом направлении должна строиться уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против безопасности Российской Федерации.

Общественная опасность всех указанных видов преступлений доказана остро стоящими проблемами, связанными с упущениями в работе правоохранитель-

ной системы. Поскольку принятые изменения в уголовный закон должны исполняться органами, в чьи непосредственные обязанности входит своевременное предотвращение преступлений, их выявление и пресечение. При этом на фоне фактически предоставленной самой себе неконтролируемой миграции из стран Средней Азии сохраняются проблемы межнационального и межконфессионального характера в условиях отсутствия работы по ранней профилактике и предупреждению преступлений.

Отсутствие миграционного контроля и неэффективное выполнение требований закона об обязательной государственной дактилоскопической регистрации иностранных граждан, подлежащих выдворению за пределы Российской Федерации, несвоевременное аннулирование документов, полученных путем предоставления ложных сведений, увеличивают не только показатели преступности среди мигрантов, но и прямо угрожают национальным интересам страны.

Несмотря на то, что проанализированные преступления посягают на различные объекты уголовно-правовой охраны, можно сделать однозначный вывод о том, что отсутствие должного контроля всех названных сфер и направлений уголовно-правовой политики повлечет причинение ущерба самому ключевому в настоящих реалиях объекту – существованию государства в том виде, в котором мы его знаем и оно нас устраивает.

Таким образом, при понимании истоков происхождения преступности подобрать инструменты воздействия на нее не составляет труда. Именно этому призвана служить уголовная политика государства. Мобилизация органов государственной власти и управления, правоохранительной системы и органов безопасности в чрезвычайной политической ситуации позволит правильно и эффективно реализовать уже принятые уголовно-правовые нормы и механизмы противодействия основным угрозам безопасности страны.

Первый этап – признание общественной опасности ряда деяний и их криминализация – уже пройден. Переходя к этапу реализации противодействия криминализованному поведению, главное для уголовно-правовой политики правильно сформировать направления этой борьбы. Здесь, как ни странно, но с учетом современного информационного общества, на первое место должна быть поставлена работа по выявлению и пресечению фактов вовлечения российских граждан и иностранцев, проживающих в России, в диверсионно-

террористическую деятельность в сети Интернет и организация мониторинга таких фактов.

Следующим элементом борьбы с посягательствами на безопасность государства следует считать меры по взаимодействию правоохранительных органов и пресечению деятельности всех видов структур, действующих в интересах иностранных и международных организаций. Стоит отметить, что в России длительное время практически не велся систематический мониторинг информационного пространства и работа по действительному, а не формальному пресечению попыток вовлечения граждан, социальной уязвимой категории, несовершеннолетних и молодежи, находящейся в группе риска, в экстремистскую и диверсионно-террористическую деятельность.

Кроме того, уже настолько стала очевидной проблема незаконной миграции, что одними лишь мерами профилактики здесь не обойтись. Факты бездействия сотрудников полиции, отсутствие проверок мест массового пребывания иностранных граждан сводят на нет усилия законодателя по противодействию преступности мигрантов. В этой связи необходим системный межведомственный подход по пресечению въезда на территорию Российской Федерации, осуществлению функций по выдворению, депортации иностранных граждан и оперативному принятию решений о прекращении гражданства натурализованных граждан в случае совершения ими преступлений. При этом должна быть ограничена информация в сети Интернет, предлагающая продажу поддельных документов для мигрантов, а также должны быть пресечены возможности иностранных граждан для фиктивной постановки на учет, фиктивных браков, формального установления отцовства и усыновления детей.

В части противодействия вовлечению несовершеннолетних в диверсионно-террористическую деятельность следует уделить внимание правовому просвещению и открытому рассмотрению таких уголовных дел. В этой связи полагаем, что судебные разбирательства по делам о сотрудничестве с иностранными спецслужбами, по делам террористической и экстремистской направленности должны активно публично освещаться в средствах массовой информации и акцентировать внимание на противоправности и наказуемости таких действий. Кроме того, публичное освещение таких фактов будет свидетельствовать о высокой эффективности работы правоохранительных органов и органов безопасности, что может действенно влиять на профилактику преступлений.

Примечания

¹ Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики за 2022, 2023 годы. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>

² Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года; Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/1/>

³ Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–апрель 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 27.05.2024. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/50771357/>

⁴ URL: <https://mos-gorsud.ru>

⁵ URL: <https://2zovs--msk.sudrf.ru>

⁶ URL: <https://vs--krm.sudrf.ru>

⁷ В Москве продлили арест обвиняемому в создании агентурной сети в Белоруссии россиянину // ТАСС. 18.05.2023. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/17783555>

Список источников

1. Игнатушко И.В., Дроздова М.А. К вопросу о прекращении гражданства Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 27–31.
2. Жук О.Д. Об изменениях в уголовном законодательстве России, связанном с защитой государственной и национальной безопасности // Законодательство. 2022. № 9. С. 80–86.
3. Борков В.Н. Уголовная политика и функции государства // Журнал российского права. 2023. № 1. С. 23–30.
4. Долгиева М.М., Долгиев М.М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства об иностранных агентах // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 204–209. doi: 10.17223/15617793/488/21
5. Хабриева Т.Я. «Юриспруденция пандемии»: территория чрезвычайного // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 1. С. 5–9.
6. Долгиев М.М. Особенности уголовной ответственности участников специальной военной операции в контексте национальных интересов России // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 205–210. doi: 10.17223/15617793/494/22
7. Лопашенко Н.А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2022 г.: аналитический обзор // Lex Russica. 2023. № 4. С. 115–135.

References

1. Ignatushko, I.V. & Drozdova, M.A. (2023) K voprosu o prekrashchenii grazhdanstva Rossiiskoi Federatsii [On the termination of citizenship of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. 5. pp. 27–31.
2. Zhuk, O.D. (2022) Ob izmeneniyakh v ugovnom zakonodatelstve Rossii, svyazannom s zashchitoy gosudarstvennoi i natsionalnoi bezopasnosti [On changes in Russian criminal legislation related to the protection of state and national security]. *Zakonodatelstvo*. 9. pp. 80–86.
3. Borkov, V.N. (2023) Ugolovnaya politika i funktsii gosudarstva [Criminal policy and state functions]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 1. pp. 23–30.
4. Dolgieva, M.M. & Dolgiev, M.M. (2023) Criminal liability for violation of the legislation on foreign agents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 204–209. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/21
5. Khabrieva, T.Ya. (2022) "Yurisprudentsiya pandemii": territoriya chrezvychainogo ["Jurisprudence of the pandemic": The territory of emergency]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 1. pp. 5–9.
6. Dolgiev, M.M. (2023) Features of criminal liability of participants in the special military operation in the context of Russia's national interests. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 494. pp. 205–210. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/494/22
7. Lopashenko, N.A. (2023) Osnovnye itogi reformirovaniya ugovnogo zakonodatelstva v 2022 g.: analiticheskii obzor [Main results of the reform of criminal legislation in 2022: An analytical review]. *Lex Russica*. 4. pp. 115–135.

Информация об авторе:

Долгиев А.А. – канд. экон. наук, член Ассоциации юристов России (Москва, Россия). E-mail: law-journal@internet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Dolgiev, Cand. Sci. (Economics), member of the Association of Lawyers of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: law-journal@internet.ru

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 10.06.2024;
одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 10.06.2024;
approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/509/25

Проблемы современной криминалистической тактики в контексте развития информационных технологий

Алексей Степанович Князьков¹, Николай Трофимович Ведерников²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *ask011050@yandex.ru*

² *tsu-crime@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемы криминалистической тактики, обусловленные объективным процессом цифровизации уголовного судопроизводства. Анализируется история появления положений об информационных технологиях в их соотношении с положениями криминалистической тактики. Рассматриваются современные подходы, касающиеся взаимосвязи наиболее важных положений криминалистической тактики и криминалистической технологии. Формулируется совокупность вопросов, позволяющих продолжить концептуализацию проблемы информационных технологий в тактико-криминалистической деятельности следователя.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, криминалистическая технология, тактика и технология производства следственного действия, тактический и технологический приемы

Для цитирования: Князьков А.С., Ведерников Н.Т. Проблемы современной криминалистической тактики в контексте развития информационных технологий // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 229–235. doi: 10.17223/15617793/509/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/25

Problems of modern forensic tactics in the context of the development of information technologies

Aleksey S. Knyazkov¹, Nikolai T. Vedernikov²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *ask011050@yandex.ru*

² *tsu-crime@mail.ru*

Abstract. The aim of this article is to consider the set of problems of forensic tactics, caused by transformation of criminal procedure and forensic activity. The authors used the materials of monographic research and other scientific works related to the problem and analyzed them with modern methodological tools including methods of analysis and synthesis, abstraction, comparison, modeling, system and situational approaches. The analysis showed the tendencies and perspectives of improving the tactics of investigative activities with means of existing information technologies. The fundamental methodological basis is the view expressed by one of the authors concerning the specific position of investigative tactics within the system of criminalistics and the place within it occupied by provisions about tactical methods. The emergence in criminalistics of the concept "information technologies" is examined; ambiguity is noted in conclusions based on their understanding regarding the correlation between tactics and technologies of conducting investigative actions. Criticized are approaches that consider the interrelation between forensic information technologies with forensic tactics and forensic methodology, which have come to be termed "investigative technologies" and "general investigative action – machine-based obtaining of digital information". It is pointed out that discussions about the cognitive capabilities of forensic information technologies lack negative aspects of remotely conducted investigative actions. It is indicated that regarding the problem of understanding the significance of forensic technologies in the context of their correlation with provisions about tactics of conducting investigative actions, three scientific approaches have emerged: (1) technologies as a means of obtaining information that forms the basis for preparing an investigative action, (2) technologies as part of the investigator's activity in carrying out search-cognitive activity during an investigative action, and (3) technologies as a concept competing on equal footing with the concept of tactics for conducting investigative actions. It is emphasized that evaluation of the latter two approaches should be built considering the methodological rule that objective scientific necessity for a new concept to replace an existing one arises when the existing concept can no longer reflect the complete set of new characteristics (connections and relations) of the defined phenomenon due to its qualitative transformation. It is stressed that the scientific position of proponents about the advent of the "era of dominance of information-communication technologies" would have received more rigorous substantiation had it been built on pathways for solving the problem of combining the capabilities of said technologies with the search-cognitive potential of investigative actions as an element of any particular forensic methodology, as an object of forensic support for investigations. The article formulates a methodological complex of questions allowing for outlining a more or less strict order for further conceptualization of the problem of employing modern forensic information technologies in forensic tactics.

Keywords: forensic tactics, forensic technology, tactics and technology of investigative actions, tactical and technological methods

For citation: Knyazkov, A.S. & Vedernikov, N.T. (2024) Problems of modern forensic tactics in the context of the development of information technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 229–235. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/25

Одной из заметных новаций в российской криминалистической науке стало обращение к определенным положениям, имеющим значение для производства следственных действий, сутью которых объявляется технология. Объясняется это цифровой трансформацией многих видов деятельности, в том числе уголовно-процессуальной деятельности, характеризующейся ростом числа случаев использования в уголовном судопроизводстве современных технологий. Тесная связь уголовного процесса и криминалистики всегда была наиболее яркой характеристикой как одной, так и другой наук, и это неоднократно подчеркивалось в монографических работах [1]. В научно-познавательном плане любая более или менее значимая законодательная или доктринальная новеллы уголовного процесса ставят перед криминалистикой вопрос о необходимости/возможности уточнения тех или иных, разных по своему категориальному «весу» положений. Одним из таких положений являются положения криминалистической тактики как раздела криминалистики, которая подверглась оценке со стороны технологий. Представляется, что научная позиция любого из авторов, поставившего цель увидеть соотношение понятий «криминалистическая тактика» и криминалистическая технология», должна строиться применительно к ответам на следующие вопросы (необязательно на все, необязательно в нашей редакции, необязательно в предлагаемом пределе):

1. Почему возникла необходимость в выделении, наряду с тактикой, еще и криминалистической категории технологии?

2. В чем различие этих явлений как своеобразных систем?

3. Не происходит ли в случае употребления понятия «технология производства следственного действия» переноса акцента с деятельности следователя на деятельность специалиста, который выступает – не следует забывать – помощником следователя при его тактической работе?

4. Всегда ли появление криминалистических информационных технологий обогащает тактический потенциал следователя?

5. Каково влияние криминалистических информационных технологий на уголовно-процессуальную деятельность, учитывая тесную её связь с тактико-криминалистической деятельностью?

6. В каком контексте можно говорить как о тактике, так и о технологии производства следственных действий?

7. Не обедняет ли оперирование понятием «технология следственного действия» содержание понятия тактико-криминалистического воздействия и что продуцирует такое воздействие: тактический прием или технологический прием?

8. Не ведет ли оперирование понятием криминалистической технологии к необоснованному называнию разного рода действий как тактических приемов?

Сразу же оговоримся, сказав, что авторы настоящей работы не ставят целью дать ответ на каждый из сформулированных вопросов: их примерный перечень создает, как представляется, общее направление принятого анализа проблемы соотношения тактического и технологического начал в поисково-познавательной деятельности следователя. Это направление комплексно может быть использовано другими авторами, дополнено ими и уточнено. Более того, каждый из указанных вопросов намечает отдельную тему, раскрытию которой мы приглашаем наших коллег-криминалистов. Вместе с тем мы стоим на принципиальных позициях, высказанных более сорока лет назад, состоящих в том, что следственная тактика является самостоятельным разделом криминалистики, определяющим тенденции её развития, и ядром данного раздела выступает тактический прием [2].

В определенной мере можно говорить о том, что в начале доктринальной разработки отечественной криминалистикой вопроса о месте технологий в криминалистике он в большей мере сводился к обоснованию необходимости говорить о них как об объективно проявившейся необходимости различать наряду с тактикой следственного действия еще и технологию его производства. Подчеркивая инициативу В.А. Образцова «укоренить» в криминалистике термин «технология», Р.С. Белкин отмечал следующее: «Думаю, что в условиях расследования о тактике в полном смысле следует говорить именно тогда, когда она служит средством преодоления оказываемого следователем противодействия. С этой точки зрения правомерно говорить о тактике допроса, но сомнительно – о тактике осмотра, правомерно – о тактике обыска, но сомнительно – о тактике получения образцов для сравнительного исследования или прослушивания телефонных переговоров. Для тактики характерна возможность выбора вариантов действий, но этим же характеризуется и технология» [3. С. 85]. Прежде всего, названный ученый со свойственной ему теоретико-методологической тщательностью подчеркивал трудности решения поставленной им задачи в силу наличия у тактики и технологии такого общего качества, как возможность выбора того или иного варианта действия. Об этих же трудностях говорят его оговорки, заключающиеся в словах «в полном смысле», «сомнительно». Дело в том, что в практике предварительного расследования нередки случаи, когда обвиняемый сотрудничает со следствием, не оказывая ему противодействия, что проявляется и в бесконфликтных ситуациях его допросах; при производстве осмотра места происшествия следователь может столкнуться с намеренным изменением посягавшим картины места происшествия, что говорит о противодействии расследо-

ванию; при отобрании образцов для сравнительного исследования обвиняемым тоже может быть оказано противодействие в форме сопротивления, причем если речь идет об отказе обвиняемого дать сравнительные образцы почерка, такого рода противодействие невозможно преодолеть в принципе.

Нельзя не сказать и том, что в известном труде Ганса Гросса можно, абстрагируясь от значения термина «техника», «увидеть» зачатки рассуждений о технологии применительно к производству следственного действия. Вот что он писал: «Для производства судебного осмотра необходимо обладать известного рода техникой, которую можно приобрести путем опыта и добросовестной подготовки...» [4. С. 153]. Однако очевидно, что термин «техника» здесь носит общепотребительный характер, он применяется широко, например, для характеристики техники живописи. Фактически же у Ганса Гросса речь идет о таких действиях следователя, которые впоследствии будут названы тактическими приемами, ибо для приобретения технических средств, на которых строятся соответствующие технологии, нужны всего лишь определенные финансовые средства. В советский период криминалистики выполнялись научные работы, в которых одновременно говорилось как о тактике, так и о технике производства следственных действий. Одной из таких работ можно указать диссертационное исследование Е.М. Лифшица «Тактика и техника производства обыска на предварительном следствии», строящееся на тезисе о том, что отыскание скрываемых объектов требует соответствующих технических приемов использования технико-криминалистических средств, причем о соотношении тактики и техники, тем более в доктринальном плане, в этой работе речь не идет [5], и это неудивительно, поскольку докторское исследование А.Н. Васильева, посвященное проблемам следственной тактики как раздела криминалистики, состоится позже [6].

Касаясь основных проблем криминалистической тактики, одной из которых является проблема её взаимодействия с криминалистической техникой, мы предложили, исходя из положений учения о диалектическом развитии, тезис о том, что оперирование следователем при производстве следственного действия технико-криминалистическими (технологическими) средствами означает применение тактического приема как познавательного средства более высокого уровня, включающего в свое содержание технические действия (операции) [7. С. 22]. Свое суждение мы строим на аналогичных взглядах других авторов: так, например, В.А. Образцов отмечал, что технический прием, применяемый в ходе следственного действия, образует внутреннее содержание, делающее тактический прием целостным образованием [8. С. 346–347]. Это весьма важное уточнение, особенно в свете существования в настоящий момент такой науки, как судебная экспертиза: в рамках её положений технический прием, примененный в ходе производства судебной экспертизы, есть элемент экспертной методики, но не тактического приема. Образно говоря, тактический прием

есть некое «мысленное начало», охватывающее решение о задействовании технико-криминалистических средств, указывающее на то, что вне рамок отмеченного «начала» технико-криминалистическое средство «лежит в следственном чемодане» и может быть «извлечено» из него лишь поставленной тактической задачей, которая, в свою очередь», обусловлена определенной следственной ситуацией. Нелишне сослаться на философские работы, в которых, с методологических позиций, делается верное утверждение о том, что «всякое единство низшего порядка бытия с высшим обеспечивается закономерностями не низшего, а высшего порядка» [9. С. 33].

Появление нового понятия априори диктует необходимость качественного его отграничения от смежных понятий: для сторонников технологического подхода таковыми сравниваемыми понятиями, в первую очередь, будут понятия метода и средства. Аргументируя тезис о значимости для криминалистической науки концепции криминалистического распознавания, отдельные авторы говорят о необходимости учета возможности задействования при таком распознавании **методов, средств, технологий** и процессуальных действий, не указывая, к сожалению, на их системное обособление, отличия этих операндов и особенности их поисково-познавательной природы применительно к тому или иному разделу криминалистики [10. С. 186]. Несколько позже один из них предложил трактовать криминалистическую технологию как «типовую информационную модель структуры и содержания задачи (задач) процесса (процедуры) и средств ее решения, реализуемых в целях уголовно-процессуального выявления, раскрытия преступлений и уголовного преследования (изобличения) от имени государства подозреваемых и обвиняемых в приготовлении к совершению и (или) совершения инкриминируемых им деяний» [11. С. 73]. Нельзя не видеть, что такое понимание криминалистических технологий в наибольшей мере «привязано» к проблемам уголовно-процессуальной деятельности и не позволяет в полной мере судить о проявлении технологического подхода не только в криминалистической тактике, но и в криминалистической технике, а также криминалистической методике. В отдельных работах соотношение криминалистической тактики и криминалистических технологий определяется через понятие оптимизации следственных действий посредством применения цифровых методов (с помощью дронов, систем прокторинга) [12. С. 86]. При всей важности таких оценочных конструкций они, к сожалению, не отвечают на вопрос, правильно ли в таких случаях одновременно говорить как о тактических, так и о технологических приемах производства следственного действия, либо речь идет о технологическом содержании тактических приемов.

Возрастание возможностей новых технологий, основанных на информационно-коммуникационной платформе, не могло не повлиять на возобновление дискуссии о месте и роли технологий в расследовании преступлений. Будучи заимствованными криминалистикой, они, разумеется, получили название криминалистических технологий; вместе с тем, говорить о них

вообще, не учитывая структуру криминалистики, вряд ли будет продуктивным: они должны, прежде всего, рассматриваться с позиции применимости как в тактике производства следственных действий, так и в методике расследования преступлений, не «переопределяя» их произвольно. На это обстоятельство было обращено внимание в начале 90-х гг. прошлого века при рассмотрении перспектив развития криминалистической тактики, одной из которых называлась перспектива её компьютеризации [13].

Показ преимущества информационных технологий относительно обозначаемых уже теперь именем «традиционных» форм производства следственных действий сводится к таким характеристикам, как сокращение сроков производства по уголовному делу, появление новых возможностей по сохранению доказательств. К сожалению, отсутствуют рассуждения о негативной стороне применения информационных технологий, сужающих возможности применения тактических приемов производства следственного действия. На наш взгляд, отрицательная сторона производства отдельных следственных действий, прежде всего, вербального и смешанного характера, в формате информационных технологий состоит в обезличивании фактора следователя как субъекта, присутствие которого позволяет непосредственно воздействовать на участников следственного действия невербальным способом, поддерживая необходимый психологический контакт. Что касается негативной стороны производства невербальных следственных действий в названном формате, то она проявляется в том, что виртуальное производство осмотра места происшествия, не будучи сопряженное с непосредственным (традиционным) исследованием материальной обстановки, состоит в невозможности использования динамического осмотра фрагментов места происшествия, которая как раз и предоставляет важные сведения о развитии причинно-следственных и иных связей при подготовке, совершении и сокрытии преступлений.

Критика же абсолютизации идеи применения информационных технологий при производстве следственных действий для уголовного процесса состоит в том, что они «выводят следственные действия за пределы установленных процессуальных ограничений. Наблюдается эффект, который условно можно назвать “размыванием процессуальных границ” следственных действий, когда в рамках одного следственного действия частично или полностью выполняется другое» [14. С. 140], и эта критика нами разделяется.

О следственной технологии расследования ведут речь А.М. Моисеев и С.В. Кондратюк. Небезынтересно увидеть элементы предлагаемой ими технологии, обозначаемой через ряд ее признаков: «1) юридический признак, означающий принадлежность к следственной деятельности; 2) информационный признак, который отображает критерии информационной эффективности производства расследования; 3) структурный признак, объединяющий блоки различных операций, адаптированные к конкретным условиям расследования; 4) признак учета фактора противодействия расследованию» [15. С. 64].

Нетрудно увидеть, что предложенная указанными авторами технология терминологически и содержательно указывает на то, что речь идет о частной криминалистической методике. Так, обозначаемый ими информационный признак, свидетельствующий об успешности производства расследование в тот или его момент, давно уже получил название следственной ситуации, которая определяет направление расследования. Кроме того, называемый признак объединения блоков операций есть суть системы следственных действий, планируемых и осуществляемых в форме тактико-криминалистических комплексов, позволяющих в ходе расследования тех или иных преступлений решать наиболее сложные поисково-познавательные задачи. Наконец, выражаемые через признак учета возможного противодействия расследованию положения также давно известны криминалистике, в том числе применительно к расследованию преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами [16]. В равной мере указанными авторами делается попытка обосновать необходимость существования наряду с понятием «методика расследования преступлений» понятия «следственной технологии расследования» путем указания на то, что последняя структурируется на первоначальный, последующий и заключительный (в наименовании отмеченных авторов – завершающий) этапы [15. С. 66]. Квинтэссенцией концептуализации следственной технологии явился вывод о том, что «следственная технология расследования конкретного преступления содержит в качестве структурного элемента криминалистическую методику его расследования» [15. С. 66].

В своем крайнем проявлении идея следственной технологии нашла воплощение в предлагаемой нижегородским ученым А.С. Александровым категории «универсального следственного действия–получение цифровой информации машинным способом». Суть её, как правильно подчеркивают отдельные авторы, состоит в отрицании необходимости для уголовного судопроизводства указанных в УПК РФ следственных действий, замене их названным «универсумом» [17. С. 32; 18. С. 389].

Рассуждения Т.Ю. Ворожейкиной о месте технологий в деятельности по расследованию преступлений касаются информационных технологий организации деятельности следователя и дознавателя, к которым она относит технологии доступа к базам данных о судимости, базам федеральной налоговой службы, базам данных кредитных организаций и т.п. [19. С. 114]. Очевидно, что процесс получения информации из названных криминалистических источников носит технологическую окраску, однако это не означает, что ее реализация в ходе производства следственного действия делает тактический прием приемом технологическим либо заставляет говорить о том, что здесь наряду с тактическим приемом применяется технологический прием. Разумеется, эта информация может быть использована при планировании тактики того или иного следственного действия, прежде всего, для целей выбора тактических приемов, объединения их в форму тактической комбинации. Однако очевидно и то, что

предпосылка того или иного явления (в нашем случае – информация как предпосылка подготавливаемого тактического приема) не заменяет его, не меняет его операциональной сущности, не делает его технологическим приемом. Полученные из той или иной базы данных сведения лишь образуют информационное содержание тактического приема, например, тактического приема «внезапное задавание вопроса», поскольку адресация к допрашиваемому не может быть бессмысленной.

На наш взгляд, о значении технологических положений, используемых при производстве следственных действий, нужно говорить в контексте выделения в числе тактико-криминалистических приемов обеспечительных тактических приемов [20. С. 36], часть из которых будет иметь технологическое содержание, например, тактический прием определения с помощью технологий GPS позиционирования точных координат места происшествия – незаконной рубки леса. Представляется, правы те авторы, которые говорят о появлении познавательных приемов, основанных на достижениях научно-технического прогресса [21. С. 10]. В этом случае указанные достижения являются источником тактических приемов, выступающих наряду с такими их источниками, как, например, логика и психология. Т.В. Аверьянова применительно к рассмотрению схожей категориальной проблематики писала следующее: «...не следует наполнять привычный термин “след” новым, “компьютерным” смыслом, а достаточно будет принять, что след в компьютере просто приобретает новую форму» [22. С. 385].

Обеспечительная для уголовного процесса и криминалистики роль криминалистических технологий в настоящий момент подчеркивается в фундаментальных [23], а кроме того – в прикладных по своему характеру работах, в которых речь идет о технологиях, позволяющих получить отдельную информацию, например, о лице, использующем сотовую связь [24.

С. 114], о вопросах совершенствования виртуального моделирования будущей поисково-познавательной деятельности следователя [25]. Эти и схожие обеспечительные для криминалистической тактики начала информационных технологий строятся на их возможности оперативно обрабатывать большой массив сведений, например, содержащихся в социальных сетях [26], имеющих значение для расследования.

Таким образом, применительно к проблеме понимания значения криминалистических технологий в контексте соотнесения с положениями тактики производства следственных действий проявились три научных подхода: технологии как способ получения информации, которая кладется в основу подготовки следственного действия, технологии как часть деятельности следователя по осуществлению поисково-познавательной деятельности в процессе производства следственного действия и технологии как концепт конкурирования наравне с концептом тактики производства следственного действия. Оценивая два последних подхода, нельзя не указать на широко известное методологическое правило, состоящее в том, что объективная научная необходимость появления нового понятия вместо существующего возникает тогда, когда имеющееся понятие уже не способно отображать всю совокупность проявившихся признаков (связей и отношений) определяемого явления в силу его качественного преобразования: как видим, в рассматриваемых случаях этого нет.

Следует подчеркнуть, что научная позиция сторонников наступления «эры доминирования информационно-коммуникационных технологий» во-многом получила бы свое строгое обоснование, если бы строилась на путях решения проблемы сопряжения возможностей отмеченных технологий с поисково-познавательным потенциалом следственных действий как элемента любой частной криминалистической методики, как объекта криминалистического обеспечения расследования.

Список источников

1. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого в советском уголовном судопроизводстве (понятие, предмет и методика изучения) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 40 с.
2. Ведерников Н.Т. Следственная тактика и пути ее развития // Актуальные вопросы борьбы с преступностью : сб. науч. тр. Томск, 1984. С. 194–200.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2001. 240 с.
4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. М. : ЛексЭст, 2002. 1088 с.
5. Лифшиц Е.М. Тактика и техника производства обыска на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. 18 с.
6. Васильев А.Н. Основы следственной тактики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1960. 31 с.
7. Князьков А.С. Концептуальные положения тактического приема. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. 190 с.
8. Образцов В.А. Тактический прием как средство познания // Криминалистика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.А. Образцова. М. : Юрист, 2002. С. 345–354.
9. Анисин А.Л. Иерархическая структура бытия и проблемы единства сущего // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 31–34.
10. Корма В.Д., Миронова Е.А., Образцов В.А. Теоретические и прикладные аспекты криминалистического учения о следственном распознавании // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9 (82). С. 186–202.
11. Корма В.Д. Некоторые проблемы методики расследования преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 71–81.
12. Бахтеев Д.В. Об основных направлениях междисциплинарного развития криминалистики // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 3. С. 86–92.
13. Ведерников Н.Т., Пуговкин К.А. Научные основы криминалистической тактики и пути ее развития // Проблемы правоповедения в современный период : сб. науч. тр. Томск, 1990. С. 45–47.
14. Исаенко В.Н., Ищенко П.П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 1. С. 136–143.
15. Моисеев А.М., Кондратьев С.В. Расследование занятия высшего положения в преступной иерархии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 1. С. 64–72.

16. Тишутина И.В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 46 с.
17. Ищенко П.П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 30–42.
18. Зинатуллин З.З., Перовщикова А.А. Следственные действия: понятие, система и перспективы ее развития в условиях перехода в эпоху цифровых технологий // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2019. Т. 29, вып. 3. С. 387–391.
19. Ворожейкина Т.Ю. Характеристика средств и технологий организации деятельности следователя, дознавателя // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 114–121.
20. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д, 2014. 50 с.
21. Семенов В.А. Концептуальные основы системы следственных действий в досудебном производстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 58 с.
22. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. 480 с.
23. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Проспект, 2022. 256 с.
24. Кулаевский А.В. Факторы, обуславливающие разработку алгоритмов действий следователя по установлению лица, совершившего преступление // Алтайский юридический вестник. 2024. № 2 (46). С. 111–117.
25. Кулаевский А.В., Осыкин Д.А. Моделирование деятельности следователя с помощью технологий виртуальной реальности // Право и политика. 2024. № 6. С. 90–99.
26. Лебедева А.А. Исходные следственные ситуации и рекомендуемые алгоритмы расследования киберпреступлений // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2021. № 4 (34). С. 64–70.

References

1. Vedernikov, N.T. (1980) *Lichnost'obvinyayemogo v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve (ponyatie, predmet i metodika izucheniya)* [Personality of the accused in Soviet criminal proceedings (concept, object and methodology of study)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Vedernikov, N.T. (1984) *Sledstvennaya taktika i puti ee razvitiya* [Investigative tactics and ways of its development]. In: *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Current Issues of the Fight against Crime]. Tomsk: [s.n.]. pp. 194–200.
3. Belkin, R.S. (2001) *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiyskoy kriminalistiki* [Forensic Science: Problems of today. Topical issues of Russian forensic science]. Moscow: NORMA: INFRA-M.
4. Gross, G. (2002) *Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki* [Handbook for Forensic Investigators as a System of Forensic Science]. Moscow: LeksEst. (Reprint of 1908 ed.).
5. Lifshits, E.M. (1954) *Taktika i tekhnika proizvodstva obyska na predvaritel'nom sledstvii* [Tactics and techniques of conducting a search during a preliminary investigation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
6. Vasil'ev, A.N. (1960) *Osnovy sledstvennoy taktiki* [Fundamentals of investigative tactics]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
7. Knyaz'kov, A.S. (2012) *Kontseptual'nye polozheniya takticheskogo priema* [Conceptual Provisions of a Tactical Technique]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Obratsov, V.A. (2002) *Takticheskiy priem kak sredstvo poznaniya* [Tactical technique as a means of cognition]. In: Obratsov, V.A. (ed.) *Kriminalistika* [Forensic Science]. 2nd ed. Moscow: Yurist. pp. 345–354.
9. Anisin, A.L. (2010) *Ierarkhicheskaya struktura bytiya i problemy edinstva sushchego* [Hierarchical structure of being and problems of the unity of things]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University*. 331. pp. 31–34.
10. Korma, V.D., Mironova, E.A. & Obratsov, V.A. (2017) *Teoreticheskie i prikladnye aspekty kriminalisticheskogo ucheniya o sledstvennom raspoznavanii* [Theoretical and applied aspects of the forensic doctrine of investigative recognition]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 9 (82). pp. 186–202.
11. Korma, V.D. (2019) *Nekotorye problemy metodiki rassledovaniya prestupleniy* [Some problems of crime investigation methodology]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)*. 3 (55). pp. 71–81.
12. Bakhteev, D.V. (2022) *Ob osnovnykh napravleniyakh mezhdistsiplinarnogo razvitiya kriminalistiki* [On the main directions of interdisciplinary development of forensic science]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 3. pp. 86–92.
13. Vedernikov, N.T. & Pugovkin, K.A. (1990) *Nauchnye osnovy kriminalisticheskoy taktiki i puti ee razvitiya* [Scientific foundations of forensic tactics and ways of its development]. In: *Problemy pravovedeniya v sovremennyy period* [Problems of Jurisprudence in the Modern Period]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 45–47.
14. Isaenko, V.N. & Ishchenko, P.P. (2021) *Sledstvennye deystviya v usloviyakh tsifrovizatsii ugolovnogogo sudoproizvodstva* [Investigative Actions in the Context of Digitalization of Criminal Proceedings]. *Problemy v rossiyskom zakonodatel'stve*. 1 (14). pp. 136–143.
15. Moiseev, A.M. & Kondratyuk, S.V. (2023) *Rassledovanie zanyatiya vysshego polozheniya v prestupnoy ierarkhii* [Investigation of occupying a high position in a criminal hierarchy]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 1 (17). pp. 64–72.
16. Tishutina, I.V. (2013) *Preodolenie protivodeystviya rassledovaniyu organizovannoy prestupnoy deyatel'nosti (organizatsionnye, pravovye i takticheskie osnovy)* [Overcoming counteraction to investigation of organized criminal activity (organizational, legal, and tactical foundations)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
17. Ishchenko, P.P. (2022) *Sledstvennye deystviya v usloviyakh tsifrovizatsii ugolovnogogo sudoproizvodstva* [Investigative actions in the context of digitalization of criminal proceedings]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya*. 1. pp. 30–42.
18. Zinatuллин, Z.Z. & Perevoshchikova, A.A. (2019) *Sledstvennye deystviya: ponyatie, sistema i perspektivy ee razvitiya v usloviyakh perekhoda v epokhu tsifrovyykh tekhnologiy* [Investigative Actions: concept, system, and prospects for its development in the context of transition to the digital age]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo*. 3 (29). pp. 387–391.
19. Vorozheykina, T.Yu. (2020) *Kharakteristika sredstv i tekhnologiy organizatsii deyatel'nosti sledovatelya, doznatelya* [Characteristics of the means and technologies for organizing the activities of an investigator and inquiry officer]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 2. pp. 114–121.
20. Knyaz'kov, A.S. (2014) *Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva* [Tactical and forensic means of pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Rostov-on-Don.
21. Sementsov, V.A. (2006) *Kontseptual'nye osnovy sistemy sledstvennykh deystviy v dosudebnom proizvodstve* [Conceptual foundations of the system of investigative actions in pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Yekaterinburg.
22. Aver'yanova, T.V. (2014) *Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchey teorii* [Forensic Examination. General theory course]. Moscow: Norma : INFRA-M.
23. Rossinskoy, E.R. (ed.) (2022) *Teoriya informatsionno-komp'yuternogo obespecheniya kriminalisticheskoy deyatel'nosti* [Theory of Information and Computer Support for Forensic Activity]. Moscow: Prospekt.
24. Kulaevskiy, A.V. (2024) *Faktory, obuslovlivayushchie razrabotku algoritmov deystviy sledovatelya po ustanovleniyu litsa, sovershivshogo prestuplenie* [Factors determining the development of algorithms for the investigator's actions to identify the person who committed the crime]. *Altayskiy yuridicheskii vestnik*. 2 (46). pp. 111–117.

25. Kulaevskiy, A.V. & Osykin, D.A. (2024) Modelirovanie deyatel'nosti sledovatelya s pomoshch'yu tekhnologiy virtual'noy real'nosti [Modeling the activities of the investigator using virtual reality technologies]. *Pravo i politika*. 6. pp. 90–99.
26. Lebedeva, A.A. (2021) Iskhodnye sledstvennye situatsii i rekomenduemye algoritmy rassledovaniya kiberprestupleniy [Initial investigative situations and recommended algorithms for investigating cybercrimes]. *Rassledovanie prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*. 4 (34). pp. 64–70.

Информация об авторах:

Князьков А.С. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ask011050@yandex.ru

Ведерников Н.Т. – д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.S. Knyazkov, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Criminology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ask011050@yandex.ru

N.T. Vedernikov, Dr. Sci. (Law), Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.11.2024;
одобрена после рецензирования 03.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 27.11.2024;
approved after reviewing 03.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 342.7, 342.721, 340.5, 343.22, 349.9
doi: 10.17223/15617793/509/26

Когнитивная свобода, формирование нейроправ человека и взаимодействие нейробиологии и публичного права (теоретические, правовые и сравнительные аспекты)

Игорь Александрович Кравец¹, Георгий Борисович Романовский²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия, kravigor@gmail.com

² Пензенский государственный университет, Пенза, Россия, vlad93@sura.ru

Аннотация. Обсуждаются биосоциальная и правовая природа когнитивной свободы и когнитивного достоинства, гносеологические, аксиологические и нормативные основы формирования нейроправ человека в контексте взаимодействия нейробиологии и публичного права, проблема осмысления антропологических и интеллектуальных основ нейроправа как правового образования, раскрываются научные дискуссии и спорные аспекты взаимодействия нейробиологии и уголовного права, их влияние на сравнительное правовое регулирование и судебную практику. В научный оборот вводится понятие «нейроблагополучие», которое необходимо для измерения востребованности нейротехнологий для поддержания и улучшения когнитивных способностей человека, использования в сфере публичного права и юридической ответственности.

Ключевые слова: когнитивная свобода, когнитивное достоинство, нейроправа человека, нейроблагополучие, деликтоспособность, нейроэтика, нейрокриминалогия, нейротехнологии

Для цитирования: Кравец И.А., Романовский Г.Б. Когнитивная свобода, формирование нейроправ человека и взаимодействие нейробиологии и публичного права (теоретические, правовые и сравнительные аспекты) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 236–249. doi: 10.17223/15617793/509/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/26

Cognitive freedom, the formation of human neuro-rights and the interaction of neurobiology and public law (theoretical, legal and comparative aspects)

Igor A. Kravets¹, Georgiy B. Romanovskiy²

¹ Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, kravigor@gmail.com

² Penza State University, Penza, Russian Federation, vlad93@sura.ru

Abstract. The article considers the biosocial and legal nature of cognitive freedom and cognitive dignity; the epistemological, axiological and normative foundations of the formation of human neuro-rights in the context of the interaction of neurobiology and public law; the problem of understanding the anthropological and intellectual foundations of neuro-law as a legal entity. It reveals scientific discussions and controversial aspects of the interaction of neurobiology and criminal law, their impact on comparative legal regulation and judicial practice. The concept of "neuro-wellbeing" is introduced into scientific discourse, which is necessary to measure the demand for neurotechnologies to maintain and improve human cognitive abilities, and to use it in the field of public law and legal liability. The article uses epistemological and gnosological approaches; methods of dialectical materialism, critical research in the field of law, and complex analysis, as well as formal-legal, specific-historical, comparative legal methods. The authors reveal the theoretical and philosophical, legal and national, comparative and international foundations of human neuro-rights; note the problem of legal regulation of cognitive freedom and cognitive dignity, the creation of state-legal and legal guarantees for the use of neurotechnologies. The authors believe that it is necessary to consider the achievements of neurobiology for the formation of forensic neurology as a result of the interaction of neurology, neurobiology and jurisprudence. The authors note the gradual formation of bioneurojurisprudence as a complex legal entity that combines the co-evolutionary development of legal, social, biological and cognitive orders. The authors explore the scientific discussion about the nature of human neuro-rights and cognitive dignity, neurocriminology and forensic neurology for a better understanding of the limits of neuro-law as an objective legal entity. The authors propose to constitutionalize state-legal guarantees of neuro-rights, cognitive dignity and the use of neurotechnologies at the legislative level. Achievements of neuroscience and prospects for the legal regulation of neurotechnologies, their use for research purposes in studying the human brain, as well as for the purpose of restoring and improving human cognitive abilities, require a serious discussion of the issue of creating appropriate legal and state guarantees in this area. The authors propose to adopt a federal law "On Guarantees of Rights and Human Dignity in the Use of Neurotechnologies and Achievements of Neuroscience", which can serve as a national state and legal guarantor of both the introduction and use of neurotechnologies,

and the protection of human rights and dignity in relation to "brain reading" technologies and other achievements of neuroscience.

Keywords: cognitive freedom, cognitive dignity, human neuro-rights, neuro-wellbeing, delictual capacity, neuroethics, neurocriminology, neurotechnology

For citation: Kravets, I.A. & Romanovskiy, G.B. (2024) Cognitive freedom, the formation of human neuro-rights and the interaction of neurobiology and public law (theoretical, legal and comparative aspects). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 236–249. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/26

Введение

Права человека, публичное право и его значимые отрасли, такие как конституционное и уголовное право, а также сфера практической юриспруденции, например, судебное право, в такой же степени, как и биомедицина, испытывают влияние достижений нейробиологии и новых цифровых технологий. Появляются новые стыковые области знаний междисциплинарного характера. К таким областям стали относить *биоюриспруденцию* и *биоправо*, включая международное мягкое биоправо, с одной стороны, *нейрорправо* как объективное правовое образование с пока еще недостаточно ясными очертаниями предмета и правовой природы – с другой.

Новые вопросы для современной биоюриспруденции и нейрорправа формулируются с различных методологических и исследовательских позиций. Может ли быть когнитивная свобода правовой концепцией в эпоху активного использования и перспективного внедрения нейротехнологий? [1. Р. 233]. Насколько универсальны нейрорправа человека и существуют ли такие права? [2. С. 422]. В какой степени *достижения нейробиологии влияют свободу воли человека и способны изменить наше представление об индивидуальной ответственности личности и, в частности, уголовной ответственности физических лиц?* В какой степени современная международная и национальная юриспруденция откликаются на возможность создания нормативных и этических требований в области нейрорправ человека? Особенно важным оказывается проблема когнитивного суверенитета личности за пределами терапевтического вмешательства и роль когнитивной свободы в контексте использования нейротехнологий. Пионерами в области нейрорправ человека стали Марчелло Йенка и Роберто Андорно, открывшие дискуссию о признании комплекса прав человека, связанных и с использованием нейротехнологий [3]. Использование в научной сфере концепта *нейрорправа человека* вызывает потребность определиться с их природой, предназначением, соотношением с известными правами и свободами и общим основанием человеческих возможностей – *когнитивной свободой и когнитивным достоинством*. Само понятие *когнитивное достоинство*, введенное в юриспруденцию, нуждается в научно-правовой проработке и возможной нормативно-правовой институционализации [4. С. 84–85].

Соединение достижений в области искусственного интеллекта и нейробиологии приводит к конвергенции представлений о функционировании мозга, а также о том, как когнитивные процессы влияют на поведение.

Создан инструмент «чтения мозга», предоставляющий доступ к психическим данным человека. Подобные разработки уже используются и имеют большой потенциал для *улучшения когнитивных способностей* пациентов, если у них диагностированы неврологические расстройства. С позиций биоэтики необходимо развивать понятие *нейрорблагополучие* и применять его как для пациентов, страдающих неврологическими расстройствами, так и для исследовательских целей в *качестве этико-экзистенциальной цели*.

Например, такие исследователи, как Эрик Гарсиа-Лопес, Хосе М. Муньос и Роберто Андорно (Eric García-López, José M. Muñoz, Roberto Andorno), говорят: «...новые знания, возникшие в результате слияния нейробиологии и искусственного интеллекта, а также полученные на их основе инструменты, очень многообещающи с точки зрения разработки новых диагностических, профилактических или терапевтических мер для неврологических заболеваний» [5. Р. 1].

Помимо этого, расширяется список угроз для прав человека в связи с широким распространением биомедицинских технологий [6. Р. 14], которые стали включать и нейротехнологии для использования как в терапевтических, так и иных целях. Важный вопрос, транспонированный из области биоэтики в нейроэтику и нейрорправо, заключается в том, каковы ограничения принципа уважения автономии и связанных с ним концепций автономии в этике человеческих исследований? Можно ли устранить подобные ограничения посредством других концепций в области этики? В современных исследованиях растет «осознание ограниченности принципа уважения автономии и основополагающих концепций человеческой автономии», понимание пределов «возможного чрезмерного доверия к автономии при оценке моральности и законности конкретного исследовательского протокола» [7. Р. 1–3].

1. «Anthropos», нейрорправо и нейроконституционализм в контексте роста научных знаний

Умственные способности человека, его рациональность, возможность совершать жизненный выбор и нести моральную ответственность (в том числе за сделанный выбор) делают *homo sapiens* исключительно выдающимся видом на земле среди других живых существ [8].

Признание исключительной важности *когнитивных способностей человека* поднимается на новую высоту благодаря достижениям нейробиологии и технологическим решениям, которые требуют включения

правовых регуляторов и обоснования новых прав человека в связи с применением нейробиотехнологий. В научном мире наблюдается всплеск интереса к нейроправу, нейроправам и к формам взаимоотношений нейротехнологий и права, особенно в области *конституционного, уголовного и судебного права*.

В отечественных исследованиях отмечаются научные тренды взаимодействия, с одной стороны, *нейробиологии и права*, с другой стороны, *нейробиологии и этики*. Современный мир сталкивается с проблемой *технического оснащения* и использования достижений человеческой цивилизации, которые могут принести как благо, так и вред человеческой природе и когнитивным способностям человека. Современная техногенная цивилизация вынуждена работать с «геном» технэ (умениями, основанными на знаниях) на этапе вступления в Четвертую промышленную революцию. В.В. Лаптева оправданно полагает, что доминирование и использование НБИК-технологий предполагает осознание возможностей и рисков, в том числе «масштабные опасности дегуманизации» [9. С. 4]. *Перспективы постчеловеческого развития требуют осмысленного понимания границ вмешательства в человеческую природу и когнитивные возможности человека*. Новые категории, такие как «когнитивное достоинство», «нейроконституционализм», «нейроправа», способны создать необходимую интеллектуальную и нормативную основу для поддержания гуманистического вектора развития человеческой цивилизации, которая использует достижения биологии и нейронауки с учетом потребностей согласования антропологических рисков, с одной стороны, нормативности права и этики в вопросах применения бионейротехнологий – с другой.

В доктринальных и нормативных основаниях современного конституционализма и публичного права присутствует гуманитарное ядро «anthropos», которое в условиях развития цифровых, информационных технологий и бионейротехнологий требует особого внимания. В современной антропологии используются слова «anthropos» и «anthropon», которые имеют значение для формирования доктрин антропологического биоконституционализма и нейроконституционализма. Слово «anthropon» – производное от «anthropos», оно обозначает всё человечество: всех мужчин и женщин всякой расы, национальности, языка, цвета кожи и религии, без единого исключения. Биоправа и нейроправа с учетом биологических и когнитивных различий, культурных и религиозных особенностей человека и групп людей претендуют на универсальный характер и специальный статус как принадлежащие и отдельно взятому человеку и человеческому роду в целом.

Расширяется предметное поле современного биомедицинского права, в котором своё обоснованное место завоевывают *нейроправо* и *нейроправа человека*, призванные дать юридическое обоснование и государственно-правовую охрану и защиту когнитивной свободы и политики в области улучшения когнитивных способностей человека [10. С. 66–67]. Формируются новые правовые образования и отраслевые блоки в современной юриспруденции, которые обеспечивают новый категориальный аппарат, предназначенный для

коэволюционного развития и взаимодействия, с одной стороны, конституционного, биологического, социального и технологического пространства, а также статуса личности и прав человека – с другой: 1) биоюриспруденция [11]; 2) биоправо и биоправа человека [12]; 3) антропологический биоконституционализм [13, 14]; 4) *нейроправо* как объективное правовое образование, *нейроправа* как субъективные притязания личности и *нейроконституционализм* в качестве нормативной концепции [15, 16].

Представляется, что в новом тысячелетии под влиянием достижений нейронауки и медицины, технологий и цифрового пространства возникает необходимость осмыслять и *нейроконституционализм*, и *нейроконституционную политику*, и *нейроправа*. Предложение о формировании доктринальных, нормативных и институциональных основ *нейроконституционализма*, несомненно, не может ограничиваться представлениями о традиционных сферах работы системы конституционализма, но мы можем отталкиваться от выработанных подходов и практик в вопросах о том, каким может быть природа и предметная область конституционализма для нейроправ и нейротехнологий. Представляется важным обсуждать для новой сферы нейроправ и нейротехнологий и применимые принципы биоэтики, которые уже имеют правовую сферу регулирования, и принципы права, которые могут использоваться и в нормативных актах, и в судебных решениях для регулирования отношений в области нейроправ и нейротехнологий. Не менее значимым является вопрос о *нормативных и институциональных структурах нейроправа как объективного права* в системе развивающегося права Российской Федерации, и в системе международной юриспруденции.

Конституционная реформа 2020 г. в России продемонстрировала, по нашему мнению, определенное ослабление интереса к ценностям либерального конституционализма и обращение в публично-правовой сфере к идее самобытности, ретрадиционализацию правовых институтов [17. С. 203]. Вместе с тем Россия как глобальный актор конституционной модернизации в современном мире не может игнорировать особенности государственного и правового развития в условиях Антропоцена. Роль доктринальных основ конституционной модернизации в условиях Антропоцена может играть *конституционная биоюриспруденция* с интеллектуальными и нормативными началами в процессе развития и использования достижений биологии и нейронауки. Постулируемой целью конституционной биоюриспруденции может стать *достижение биоэтического и нейроэтического благополучия*.

Возникает объективная потребность развивать наднациональные (в той или иной степени *универсальные* или *межрегиональные*, характерные для определенной группы государств), а также *национальные (внутригосударственные)* правовые и этические требования в сфере реализации и обеспечения новых нейроправ человека и использования бионейротехнологий. Идея нейроконституционализма, как и сопричастная ей идея нейроправ, разрабатывается представителями научного сообщества с осознанием значимости нормативно провозглашенного декларативного

положения (нормы-декларации) о том, что «каждый человек имеет право индивидуально и совместно с другими разрабатывать и обсуждать новые идеи и принципы в области прав человека и выступать за их принятие»¹.

Декларация о правозащитниках («The Declaration on human rights defenders») была принята на основе консенсуса Генеральной Ассамблеи в 1998 г. по случаю пятидесятой годовщины Всеобщей декларации прав человека после 14 лет переговоров. Существует краткое и полное наименование Декларации. Краткое наименование как нельзя лучше схватывает основное содержание и миссию Декларации – признавать ключевую роль защитников прав человека в международном сообществе. Полное наименование – Декларация о праве и обязанности отдельных лиц, групп и органов общества поощрять и защищать общепризнанные права человека и основные свободы – ориентирует на понимание важности признания прав и обязанностей в правозащитной сфере. В то же время Декларация имеет *открытый спектр возможностей и обязывает*, в частности, каждого, «кто по роду своей профессии может влиять на человеческое достоинство, права человека и основные свободы других лиц», «уважать эти права и свободы и соблюдать соответствующие национальные и международные стандарты поведения или этики, которые связаны с родом занятий или профессией» (ст. 11).

Существует очевидное сопротивление государств, межправительственных организаций, да и научного сообщества признанию новых прав, в том числе в области новых технологий. Вместе с тем благодаря усилиям ученых из различных юрисдикций и международных коллективов наблюдается растущая тенденция к признанию новых прав человека: 1) рассматриваются различные аспекты экологических прав человека на глобальном, региональном и национальном уровнях [18. Р. 1–8], которые в системном качестве постепенно занимают обособленное место среди других прав человека в эпоху Антропоцена; 2) права человека в области нейроправа и нейротехнологий (нейроправа), которые формируются благодаря проникновению в тайны мозга и возможностям технологий, направленных на изучение, восстановление и улучшение когнитивных способностей человека [3]; 3) права человека в области биоэтики и биотехнологий (биоправа); причем ряд ученых отстаивают позицию, что биоправа не являются совершенно новой концепцией, такая концепция существовала во многих первобытных формах и в традиционных практиках в различных сообществах, однако не имела подобных названий [19].

2. Когнитивная свобода, достоинство и перспективы нейроправ человека: философское, правовое и экзистенциальное измерение

Понятия *когнитивной свободы и достоинства человеческой личности* тесно переплетены в современных науках о правах человека и науках о жизни, особенно в сфере биомедицины, где выявляется связь между поддержанием качества жизни пациента и его

восприятием медицинской помощи. *Достоинство человека как мыслящего существа тесно связано с понятием когнитивной свободы*. В современной доктрине природа когнитивной свободы имеет дискуссионную платформу для обсуждения. О когнитивной свободе пишут политологи, философы, медики, юристы. Одни исследователи считают, что когнитивная свобода – это новая политическая свобода [20. С. 93]. Другие полагают, что когнитивная свобода лежит не только в основе интеллектуальной деятельности человека, но и формирует новую потребность *правовой охраны когнитивного достоинства* перед угрозами использования бионейротехнологий [16. С. 23–24]. В отечественных исследованиях правомерно ставятся вопросы о необходимости правового регулирования нейротехнологий и гарантиях прав человека при их использовании. По мнению И.А. Филиповой, к числу основных вопросов, требующих *конституционно-правового регулирования*, могут быть отнесены вопросы, связанные с гарантиями прав человека, соответствующими условиям информационного общества, с необходимостью закрепления ряда новых прав и установления отдельных запретов на применение технологий искусственного интеллекта и нейротехнологий [21. С. 93]. На наш взгляд, *требуется конституционно-правовое признание и нормативное закрепление когнитивного достоинства и гарантии его охраны* при использовании нейротехнологий.

Следует признать, что в современной биоэтике и биоправе человеческое достоинство играет важную роль как по отношению к человеческой природе и влиянию на неё биотехнологий, так и по отношению к правам человека в области биомедицины. Хотя роль и значение человеческого достоинства по-прежнему занимает дискуссионное положение, существуют универсальные международные акты мягкого биоправа и национальные правовые нормы, устанавливающие формы взаимодействия и гарантирования человеческого достоинства и новых прав человека в области биомедицины и биотехнологий.

Нейроэтика в определённой степени (частично) заимствует из биоэтики предназначение человеческого достоинства и его функции; такие функции предназначены для сохранения целостности человеческой природы (физической и психической). Требование нормативности в области нейроправа приобретает специальное значение. В теории юриспруденции право и права призваны гарантировать целостность и одновременно развитие человеческого потенциала. Достижения нейроэтики и использование нейротехнологий позволяют выдвинуть гипотезу о существовании *права на целостность*. Данное право комплексное, оно включает, во-первых, *право на физическую и моральную целостность*, однако не только; во-вторых, оно предполагает признание *права на когнитивную свободу и психическую неприкосновенность*, что требует специального правового регулирования; в-третьих, составным элементом является и *право на экзистенциальное развёртывание человеческого достоинства и когнитивных способностей человека*.

В исследованиях обсуждается вопрос о границах *когнитивного прайвеси*. В частности, появление

Industry 4.0, интернета вещей (Internet of Things (IoT)) и искусственного интеллекта (Artificial Intelligence (AI)) и технологий «чтения мозга» позволяет читать мысли пользователей, «извлекая когнитивные шаблоны из сигналов электроэнцефалограммы (ЭЭГ)». Многообразные данные мозга отражают разнообразные процессы: психологический опыт пользователей, эмоции, мотивы и другие частные умственные и психологические процессы [22. Р. 73–79]. Использование подобных технологий может приводить к *нарушению когнитивной конфиденциальности пользователей*, поэтому автору исследования предлагают гарантировать *право на когнитивную конфиденциальность*, которое призвано защищать людей от несанкционированного вторжения третьих лиц в данные мозга, а также от несанкционированного сбора этих данных.

Очевидно, настала пора констатировать формирование и необходимость признания в области юриспруденции прав человека специального права – *права на когнитивную целостность-неприкосновенность* перед лицом нейротехнологий. В биоэтике достоинство претендует быть исходной точкой для понимания целостности личности. На юридическом языке это означает, что человеческое достоинство служит и моральным, и экзистенциальным основанием для формирования *права на целостность личности*. Данное право следует рассматривать и как *моральное право*, и как *юридическое право*. Следует развивать правовые гарантии данного права и в России, и в качестве международного тренда на уровне актов ЮНЕСКО. Пока мы можем констатировать, что гарантии данного права (*права на когнитивную целостность-неприкосновенность*) обсуждаются на доктринальном уровне, и данное право завоевывает *статус метaprava*.

С позиций теории правосубъектности *право на когнитивную целостность-неприкосновенность* является правомочием с *нейроориентированным действием* и составной частью права на целостность личности, которое в свою очередь сродни праву на права. В данном случае право на когнитивную целостность-неприкосновенность призвано гарантировать личности и ее психологическую идентичность, и защиту от произвольного или несанкционированного доступа к информации, содержащейся в мозге человека, и использование такой информации не в интересах личности, которая обладает этой информацией.

Представляется важным признавать креативную и генеративную роль достоинства в биоэтике и нейротехнике, в современной доктрине прав человека для целей создания бионейроконституционализма и новых видов прав в области бионейротехнологий и бионейромедицины. Биоэтика и ее новое ответвление – нейротехника указывают на новые риски для человеческого достоинства перед лицом бионейротехнологий.

Следует принять во внимание *двойную роль человеческого достоинства в биоэтике*, о чем пишет Р. Андорно. У *первой функции* наиболее важная роль *всеобъемлющего политического принципа* или основной и руководящей роли для нормативной базы, регулирующей биомедицинские вопросы (основа биомедицинского права).

У *второй функции* явное моральное предназначение; это выполнение роли морального принципа в сфере ухода за больными; она отражает более конкретное и контекстно-зависимое понимание пациента как личности [23. Р. 967–973]. По нашему мнению, человеческое достоинство в нейротехнике, в нейрофилософии и в нейрорправе выступает в качестве *когнитивного достоинства для понимания границ и возможностей мыслительной деятельности человека*.

Нейротехника и появление нейрорправа приводят к разработке *понятия когнитивного достоинства*, которое призвано выполнять функцию гарантирования и верификации умственных способностей человека, их сохранности от научных и технических рисков и защиты от неправомерных посягательств со стороны нейронауки и нейротехнологий. Человеческое достоинство становится гуманитарным и экзистенциальным ядром прав человека, какую область реализации таких прав мы бы не взяли [24. С. 621]. Несомненно, что научно-технический прогресс влияет не только на развитие и совершенствование современных биотехнологий, но и требует, чтобы юридическое сообщество откликлось на возникающие риски; возникает объективная потребность в новых правах человека и в новых принципах права, направленных на регулирование биотехнологий и правомочий индивида в данной сфере [25. С. 34].

Когнитивные способности отличают человека среди других живых существ на планете, поэтому коммуникационные возможности человеческого общества во многом обосновываются существованием человеческих мозгов. В «обществе человеческих мозгов» (Генри Т. «Хэнк» Грили) [26. Р. 533] и заложены возможности и стремления человеческих существ изменить (если не улучшить) окружающий мир и собственную природу.

Ключевой для современной биоэтики и неоднократно зафиксированный в нормах международного мягкого биоправа принцип уважения человеческого достоинства сохраняет своё значение в новых областях, таких как нейротехника и нейрорправо, однако требует определённой трансформации наших представлений о нем. *Ядерное значение человеческого достоинства* в нейротехнике и нейрорправе при использовании нейротехнологий формирует запрос на концепт *когнитивное достоинство*, а также на создание *нормативных и государственно-правовых гарантий*, в том числе через интеллектуальное и нормативное признание новых субъективных нейрорправ человека как специальных прав в области поддержания, восстановления и улучшения когнитивных способностей человека.

Использование термина *когнитивное достоинство* в российской юриспруденции практически отсутствует. В современной медицинской науке данный термин применяется для характеристики осознанности действий прежде всего в теории принятия медицинских решений [27. Р. 6–8]. Очевидно, что такой подход не покрывает сферу *бионейроюриспруденции*. На наш взгляд, термин «когнитивное достоинство» может получить более широкую предметную область использования и стать *ключевым основанием для всей области*

нейроправа и нейроправ человека [16]. Когнитивное достоинство как индикатор умственных способностей человека может быть наполнено новым содержанием в контексте как взаимодействия с традиционными для юриспруденции понятием и видами дееспособности, так и с новым специальным видом нейроправ человека.

Хотя продолжают споры о природе нейроэтики, в том числе о характере генетических связей с биоэтикой (самостоятельная ли это дисциплина или ответвление от биоэтики), постепенно нейроэтика завоевывает свое предметное поле в мировой и теперь уже и в отечественной дискуссии². Всё меньше сомнений остаётся и по поводу необходимости согласовывать нормативность нейроэтики и права. Предстоит большая работа по выверенному согласованию предметных областей и взаимодействия нейроэтики, нейрофилософии и нейроправа. Но уже сейчас все больше голосов раздаётся в пользу обособления нейроэтики как дисциплины от биоэтики, хотя по-прежнему многие считают нейроэтику субдисциплиной, в саму биоэтику полу-дисциплиной. Во-первых, в современной философии оправданно отмечается Р.Г. Апресяном появление нейро-вызова моральной философии в связи с тем, что «нейронаучные данные заставляют по-новому взглянуть на когнитивные процессы, обеспечивающие моральные решения» [28. С. 20]. Нейровывод затрагивает не только этические вопросы в области использования нейротехнологий (в том числе технологий чтений мозга), но и взаимосвязанные с ними вопросы создания правовых и государственных гарантий сохранения человеком когнитивной свободы. Во-вторых, наряду с градацией на фундаментальную и технологическую этику (в этом контексте выделяются прикладные этики, в том числе к ним относятся биоэтика, нейроэтика, бизнес-этика и др.) достижения нейронауки позволяют разрабатывать этику фундаментальной и клинической нейробиологии. В этой области пока отсутствуют нормативные правовые акты, потребность которых ощущается все острее по мере расширения возможностей нейробиологии. В-третьих, отечественные философы (Д.И. Дубровский) рассматривают нейроэтику как раздел нейрофилософии, когда проводятся нейронаучные исследования этически значимых свойств сознания и происходит осмысление задач «этической регуляции и этического контроля современных нейронаучных исследований сознания и мозга» [29. С. 24]. *Нейроэтика – этическое ядро современной нейрофилософии.* Для нейрофилософии остаётся открытой предметное поле дискурсивных практик и непрекращающихся дискуссий о функциях сознания в качестве философского осмысления когнитивных процессов, исследований мозга человека, его способностей формировать картину мира в условиях нейро-рисков и воздействия на когнитивные процессы.

Использование нейротехнологий совместно с достижениями нейробиологии позволяют осуществлять «чтение мозга» и получать информацию в результате такого «чтения»; в свою очередь цифровые технологии открывают возможности для работы с информацией,

полученной из человеческого мозга (доступ, сбор, обмен, манипулирование информацией) [16].

Современные исследователи отмечают, что в XXI в. (на ближайшие десятилетия вперед) становятся актуальными *новые права человека в области нейробиологии и нейротехнологий*. Среди них – это а) право на когнитивную свободу («the right to cognitive liberty»); б) право на неприкосновенность психического здоровья (или на ментальную неприкосновенность) («the right to mental privacy»); в) право на психическую целостность («the right to mental integrity»); г) право на психологическую преемственность в смысле поддержания психологической идентичности личности («the right to psychological continuity»). Авторы статьи выражают обоснованную тревогу по отношению к использованию достижений в области нейронной инженерии, нейровизуализации и широко распространенных нейротехнологий; по их мнению, «разум может перестать быть такой неприступной крепостью» перед технологией «чтения мозга». Открывая доступ «к некоторым компонентам ментальной информации», новые нейротехнологии не только могут быть очень полезными для отдельных людей и общества в целом, «ими также можно злоупотреблять и создавать беспрецедентные угрозы свободе разума и способности людей свободно управлять своим поведением» [3. Р. 1–2].

Проекция этих правомочий, претендующих на роль новых субъективных прав человека, на нормативную структуру правового порядка (в национальном, региональном и глобальном измерении), требуют серьезного обсуждения по нескольким параметрам: а) круг субъектов новых прав человека; возникают ли такие права только в отношении лиц, к которым применяются нейротехнологии и в процессе их применения, или такие права должны формулироваться как универсальные правомочия с законодательными и судебными гарантиями в отношении любого человека; б) можно ли считать данные права специальными (как и специальный круг субъектов), возможно спецификация прав необходима для понимания и их природы, и их соотношения с уже имеющимися правами человека (например, правом на конфиденциальность информации, защите персональных данных, правом на частную жизнь, правом на сохранение идентичности); в) юридическая отраслевая принадлежность таких прав, несомненно, будет вызывать много споров, так как представители различных отраслей права скорее всего будут стремиться создать отраслевые спецификации прав или гарантии от злоупотребления нейротехнологиями; в этой связи важно определить *метаправовую и надотраслевую природу новых прав человека в области нейробиологии и нейротехнологий*, создавать специальную область *нейроюриспруденции*, которая может развиваться под влиянием векторов *конституционализации и интернационализации*.

Особого внимания в процессе обсуждения и юридического признания, а также нормативно-правового оформления таких прав, их гарантирования на государственном (общенациональном) или международном уровне потребует концепт *когнитивное достоин-*

ство. Как правовая категория «когнитивное достоинство» может выступать в нескольких качествах: а) как морально-когнитивное основание нейроправ человека; б) в качестве индикатора утраченных, восстановленных или улучшенных когнитивных способностей человека; в) как когнитивный дар и отражение развёртывания интеллектуальной и умственной деятельности человека; г) как личностное основание когнитивных способностей человека при принятии медицинских решений; д) как правовой принцип уважения когнитивного достоинства человека в процессе осуществления государственной и законодательной политики.

Понятие когнитивного достоинства взаимосвязано с когнитивной свободой человека, социальными и медицинскими аспектами психологического состояния человека и возможностями его умственной деятельности. *Когнитивное достоинство заключается в уважении когнитивной свободы и мыслительных способностей человека со стороны других людей и государства, а также в самоуважении когнитивных и творческих способностей человека.* Следовательно, когнитивное достоинство лежит в основе нейроправ и гарантий реализации и поддержания когнитивных способностей человека.

Концепт когнитивного достоинства относится к следующим сферам взаимодействия новых прав человека и достижений нейробиологии и нейротехнологий: 1) к нейроэтическим воззрениям на поддержание и охрану когнитивных процессов; 2) к государственным и юридическим гарантиям научного исследования мозга и нейропроцессов; 3) к сфере медицинского использования нейротехнологий в отношении человека и его способностей; 4) к правовому регулированию «чтения мозга», совместного использования искусственного интеллекта и когнитивных способностей человека, правовой охране и защите прав человека при использовании нейротехнологий и проведении нейроисследований [16].

В качестве философского основания для когнитивного достоинства выступают идеи Б. Паскаля о мыслящей тростинке и о том, что наше достоинство состоит в способностях мыслить; человеческие возможности во многом основаны на мыслительной деятельности. Паскалевский призыв «давайте стремиться мыслить хорошо» [30. С. 137] («мысль как должно») включал важнейший принцип морали, который становится принципом современной нейроэтики и дает философское обоснование для когнитивного достоинства. Как отмечает Ю. Гинзбург, исследуя мысли Б. Паскаля, не иначе как «в сознании и самосознании и заключено достоинство “мыслящей тростинки”» [31. С. 25].

Таким образом, концепт когнитивного достоинства имеет нейроэтическое, интеллектуальное, экзистенциальное, метаправовое и медико-социальное измерение.

Усилиями отечественных ученых конституционная категория «достоинство личности» (как она упомянута в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ 1993 г.) распространяется на новые области правового регулирования, которые изначально не проектировались в конституционных нормах; возникает эффект *доктринальной конститу-*

ционализации достоинства личности на сферу биоэтики и медицины. Появляется потребность конституционного воздействия на новую область нравственных основ биоэтики и медицины [32. С. 35].

Положения Конституции РФ, зафиксированные в ч. 1 ст. 21, в условиях формирования нейроконституционализма и нейроправ человека могут толковаться (до появления специальных конституционных норм) как *включающие* понимание когнитивного достоинства для охраны когнитивной свободы личности и гарантий психологической целостности лица в случае использования нейротехнологий.

3. Взаимодействие нейробиологии и уголовного права, их влияние на сравнительное правовое регулирование и судебную практику

Понимание пределов когнитивной свободы и использование достижений нейробиологии влияют на формы взаимодействия таких правовых явлений, как правосубъектность, деликтоспособность, уголовная ответственность. Вопросы взаимодействия нейробиологии и уголовного права охватывают правовую, биосоциальную и когнитивную системы. *Нейробиология всегда привлекала внимание со стороны ученых, занимающихся проблемами уголовного права,* где основная «интрига» заключалась в поиске неврологических причин совершения уголовного преступления. Первооткрывателем можно считать Ч. Ломброзо, основателя антропологической школы криминологии, но ограничившегося оценкой внешних проявлений и их влияния на преступное поведение. Хотя уже тогда в его работах высказывались предположения о связи темперамента, характера (обусловленных в том числе внешними факторами) на антисоциальные поступки [33]. Р. Гарофоло выдвигал идею «естественного преступления», подчеркивающую изначальную «ненормальность» субъекта преступления [34]. Э. Ферри рассматривал преступность как «специфическую форму биологической аномалии» [35. С. 127] (которая на тот момент не имела четкого объяснения).

В российской уголовно-правовой традиции первоначально выстроилось неприятие идей Ч. Ломброзо и его последователей. Ф. Лист считал ее ошибочной [36. С. 75], С.В. Познышев несостоятельной [37. С. 23–24]. При этом занимательный факт: единственным, кто заступился за Ч. Ломброзо на Брюссельском конгрессе криминологов в конце XIX в., был Д. Дриль, российский ученый-криминолог [38. С. 40–41].

В конце XIX – начале XX в. формирующуюся евгеника проводила тесную связь некоторых биологических качеств человека со склонностью к насильственной преступности. Большинство выводов представлялось весьма одиозными исследователями [39], чьи тезисы строились на сомнительных данных, и в последующем были опровергнуты.

Бурное развитие биологических и медицинских наук привело к формированию различных аспектов междисциплинарных исследований. Появление на научном ландшафте нейробиологии открыло новые возможности для юриспруденции, где общий концепт «нейроправо» можно считать определенным апогеем.

Это отразилось на появлении судебной практики, связанной с рассмотрением уголовных преступлений, в процессе которого происходили попытки поставить результаты нейробиологических исследований в обоснование итогового решения. Такая логика отстаивается также при поиске «гена преступника», который все больше ассоциируется с наличием мутации в структурном гене моноаминоксидазы А, следствием чего выступает острое наращивание нейротрансмиттеров, обуславливающее смену поведения в стрессовой ситуации [40. Р. 578]. Например, соединение геномных исследований и томографии головного мозга показывают наличие связи «генетического риска антисоциального поведения с морфологией миндалевидного тела» [41. Р. 1599].

Первая попытка применить первые результаты исследований в области психогенетики состоялась в деле жестокого убийцы Т. Мобли в США в 1995 г.³ Однако представленные аргументы судами были отвергнуты как не имеющие научного подтверждения. Т. Мобли был приговорен к смертной казни, а приговор был приведен в исполнение. В то же время общественная огласка, которая стала сопровождать весь судебный процесс, привела к тому, что именно он стал упоминаться во всех знаковых работах о первом применении знаний в области нейронаук в уголовной юриспруденции [42. Р. 311]. В дальнейшем судебные инстанции в США стали использовать в своей практике вынесения приговоров сведения о «генетической предрасположенности подсудимого к психическим расстройствам» (все они были в отношении убийств, наказание за которые предусматривалось в виде смертной казни): дела «Теннеси против Билли Джо Холла» [43], «Вон Долен против Южной Каролины»⁴, «Аризонский исправительный отдел против Джеффри Тимоти Ландригана»⁵ и др.

В указанной череде следует выделить «дело Донта Пейджа» (убийцы молодой девушки П. Татхилл), в котором в качестве эксперта выступил профессор А. Рейн (практиковавший исследование головного мозга убийц еще с конца 90-х гг. прошлого столетия [44. Р. 495]), проводивший подсудимому позитронно-эмиссионную томографию головного мозга (за счет государства) и опубликовавший нейровизуализацию со своими комментариями в научном журнале [45. Р. 54]. В силу жестокости самого преступления отсутствовала общественная поддержка той линии, которая была выбрана адвокатами Д. Пейджа (их обвиняли в спекулировании медицинскими данными), направленной на обоснование невозможности со стороны преступника контролировать свое поведение. Однако суд отказался от вынесения смертного приговора, назначив пожизненное лишение свободы без права на помилование. А. Рейн является известным ученым, занимающимся поиском нейробиологических причин не только преступного, но и агрессивного поведения (даже если оно не влечет за собой формальное правонарушение). Его основной вывод – насилие обусловлено расстройствами нервного развития [46. Р. 84], а будущее в предотвращении преступлений на основе различных данных, основанных на изучении нейровизуализации головного мозга, генетических факторов и

психофизиологии [47. Р. 626]. Популяризатором идей А. Рейна можно считать К. Килля, получившего значительные гранты на проведение нейровизуализации головного мозга преступников (на деньги доноров был куплен мобильный аппарат МРТ), активно пропагандирующего свой подход – для этого им создан специальный сайт⁶.

Присутствовавший долгое время скепсис в настоящее время преодолен: все настойчивее отстаивается позиция о формировании судебной неврологии – междисциплинарной области знаний на стыке неврологии, нейробиологии и юриспруденции, «ориентированной на использование неврологического, клинического и научного опыта для решения юридических вопросов в системе уголовного правосудия» [48. Р. 183]. Использование системных неврологических, психологических, генетических исследований при осуществлении уголовного правосудия стало устойчивой тенденцией во многих странах, что повлекло за собой создание специальных баз данных по судебным спорам, где использовались результаты нейробиологии (первый опыт апробирован в Австралии⁷).

Влияние результатов нейровизуализации головного мозга на принятие решений судебными инстанциями обусловлено появлением специфических рисков: 1) возрождение евгеники, основу которой составит обновленная биосоциальная криминология [49. Р. 6]; 2) потеря человеком правосубъектности (если причины преступного поведения формируются на ранней стадии человеческого развития⁸); 3) разрыв причинной связи между сознательной деятельностью человека и совершенным поступком (в науке высказываются идеи о самодостаточности головного мозга⁹); 4) обусловленность приговора врачебным вердиктом на основе данных МРТ (так, выявлены аномалии белого вещества у преступников-насильников [51]).

Подобные опасения усиливаются в условиях развития цифровых интеллектуальных помощников в области биомедицины, уполномоченных на определение диагноза, выявление аномалий. Более десяти лет назад организовывалось подобие соревнования между человеком – врачом-диагностом и программой для объемных измерений головного мозга NeuroQuant. Уже тогда был представлен вывод о различиях в выдаваемых заключениях [52. Р. 32].

Одновременно завышенные ожидания от заключений специалистов (усиленные различными стереотипами о безальтернативности заключений, основанных на таком глубоком исследовании, как ПЭТ и МРТ) создают излишний ажиотаж в таком пока неизведанном направлении в криминологии, как бихевиористика. Кроме того, уже нарабатан негативный опыт в области нейрокриминологии: выявление предвзятости эксперта (когда убеждения противника смертной казни обуславливают соответствующие выводы по делам об убийстве, что весьма характерно в США); вариативность результата исследования от типа, вида сканера, постобработки и других факторов; некомпетентность эксперта, нацеленного на получение финансовой выгоды; ретроспективный характер исследования (перенос выводов, сформулированных на момент обследования, на время совершения преступления) [53. Р. 632].

Все это нацеливает на ограниченное применение визуализации томографии головного мозга в уголовных судебных разбирательствах. В противном случае выявившиеся ошибки приведут только к недоверию как со стороны судейского корпуса, так и общества в целом. Одним из первых государств, сформировавших законодательную политику в отношении нейроправа, считается Франция, где Закон от 7 июля 2011 г. № 2011-814 «О биоэтике»¹⁰ дополнил Гражданский кодекс специальной нормой – ст. 16-14, ограничивающей использование методов визуализации мозга только медицинскими, научными целями или «в контексте судебно-медицинской экспертизы». При этом допустимой считалась только анатомическая, но не функциональная визуализация головного мозга. Спустя два года (после жесткой критики самой нормы Закона) Национальный консультативный комитет по этике подчеркнул невозможность подмены личной оценки судьи результатами использования новой технологии¹¹. Продолжающаяся дискуссия в профессиональном сообществе привела к тому, что в соответствии с Законом от 2 августа 2021 г. № 2021-1017 «О биоэтике»¹² появился прямой запрет на использование функциональной томографии головного мозга в судебно-медицинской экспертизе.

В научной литературе в качестве примера законодательного учета нейробиологии приводятся новеллы уголовного законодательства Нидерландов, скорректировавшие в 2014 г. статью 77с Уголовного кодекса¹³, позволяющую судье уменьшить ответственность преступников в возрасте от 18 до 23 лет (при наличии индивидуальных особенностей развития), используя при этом нормы, применимые к несовершеннолетним. Основанием такого привилегированного подхода стали как раз результаты исследований головного мозга [54].

Одним из продолжений развития нейроправа выступают предложения о санкционируемом нейровмешательстве. Результаты медицинских исследований головного мозга позволяют уже сейчас определять те зоны, стимуляция которых может привести к изменению поведения человека, его психоэмоционального состояния. К тому же первичная апробация в законодательстве ряда стран уже произошла – таковой следует считать химическую кастрацию (химическое нейровоздействие), принципом которой выступает снижение либидо с помощью постоянного приема медицинских препаратов. В Российской Федерации был принят Федеральный закон от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», однако применение предусмотренных в нем норм фактически отсутствует. Технологии двигаются дальше: например, транскраниальная стимуляция постоянным током (tDCS) головного мозга снижает агрессию [55] (кроме того, этот метод используется при лечении депрессии). Это обуславливает появление дискуссий о принудительном нейровмешательстве, а также об обновлении каталога прав человека и включении в него права на

когнитивную свободу, права на психическое самоопределение, право на нейрореабилитацию.

Таким образом, уголовное право становится некоторым «полигоном» для внедрения результатов биологических исследований в социальную практику. Это связано с тем, что именно в рамках уголовного преследования показательны многие риски, которые в иных отраслях могут проявиться в отдаленной перспективе или не с наименьшими негативными последствиями. Одновременно выявленные потенциальные аспекты дискриминации на основе (точнее под прикрытием) нейробиологии могут оказать существенное влияние на внедрение запретов в сфере научных исследований. Это еще раз подчеркивает необходимость поиска баланса, позволяющего продвигать свободу научного творчества, а также ограничить рискованные внедрения в ту социальную практику, для которой они изначально не предназначались.

Заключение

Нейробиология и публичное право оказывают *коэволюционное воздействие* на процессы человеческой жизнедеятельности; эти процессы связаны с необходимостью откликаться и создавать (а) правовые основы жизнедеятельности и (б) правовые основы улучшения когнитивных и биологических возможностей человека, которые должны учитывать одновременное формирование естественного и социального порядка. *Нейроправа и нейроконституционализм* – это новые правовые образования, которые соединяют (результат конвергенции) различные области знаний как с позиций конституционной теории и прав человека, так и в перспективе конвергенции правовых и этических воззрений на принципы биоэтики и нейроэтики, в рамках которых доминирующее место занимают: (а) принципы человеческого достоинства, (б) уважения культурного многообразия, (в) уязвимости, (г) автономии, (д) солидарности и взаимности, (е) проблема их соотношения для целей формирования нового поколения прав человека в сфере биоправа и нейроправа.

Моральной, экзистенциальной и когнитивной основой для гарантирования новых нейроправ может стать концепт *когнитивное достоинство* (cognitive dignity); оно может быть использовано в нескольких сферах: 1) в нейроэтических воззрениях на охрану когнитивных процессов; 2) в государственно-правовых гарантиях научного и медицинского использования нейротехнологий; 3) в правовом регулировании «чтения мозга», 4) в правовой охране и защите прав человека при использовании нейротехнологий и 5) при проведении нейроисследований, направленных на улучшение когнитивных возможностей человека. Понятие *когнитивное достоинство* следует рассматривать в качестве основания нейроправ человека, а не только применять в медицинской науке (прежде всего в теории принятия медицинских решений [27. Р. 6–8]).

De lege ferenda и нейроправа. Предлагается на законодательном уровне конституционализировать (*законодательная конституционализация*) государственно-правовые гарантии *нейроправ, когнитивного*

достоинства и использования нейротехнологий. Достижения нейронауки и перспективы правового регулирования нейротехнологий, их использования в исследовательских целях изучения человеческого мозга, а также в целях восстановления и улучшения когнитивных способностей человека требуют серьезного обсуждения вопроса о создании надлежащих правовых и государственных гарантий в данной сфере. В современных исследованиях отмечается отсутствие комплексного подхода в сфере регулирования использования нейротехнологий и гарантирования нейрорправ. Представляется важным принять опережающий федеральный закон «О гарантиях прав и человеческого достоинства при использовании нейротехнологий и достижений нейронауки», который может выполнять функцию общенационального государственно-правового гаранта как внедрения и использования нейротехнологий, так и защиты прав человека и его достоинства перед технологиями «чтения мозга» и другими достижениями нейронауки [16. С. 23].

Возможный предмет правового регулирования такого закона может заключаться в следующем: (а) законодательное установление основных понятий, используемых в сфере нейронауки, нейроэтики и нейротехнологий для целей формирования государственно-правовой политики и однообразного понимания в законодательной и правоприменительной деятельности; (б) закрепление принципов нейроэтики при проведении исследований человеческого мозга и использования нейротехнологий в сфере здравоохранения; (в) юридическое оформление понятия когнитивного достоинства как основы реализации и гарантирования новых прав в сфере нейротехнологий; (г) разграничение полномочий между различными органами государственной власти и органами местного самоуправления в сфере регулирования и использования достижений нейронауки и нейротехнологий; (д) разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и субъектами РФ в сфере регулирования и использования достижений нейронауки и нейротехнологий; (е) установление видов нейротехнологий, которые используются в целях исследования человеческого мозга и в целях восстановления или улучшения когнитивных способностей человека. Требуется вдумчивого обсуждения предполагаемая структура и принципы данного федерального закона. В частности, представляется важным иметь следующие главы в структуре закона: 1) общие положения (где следует закрепить предмет регулирования закона; основные понятия, используемые в законе; источники правового регулирования (законодательство) в сфере гарантирования прав и челове-

ского достоинства при использовании нейротехнологий и достижений нейронауки); 2) основные принципы гарантирования прав и человеческого достоинства при использовании нейротехнологий и достижений нейронауки; 3) полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере регулирования и использования достижений нейронауки и нейротехнологий; 4) права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья при проведении исследований человеческого мозга и использования нейротехнологий в сфере здравоохранения; 5) организация исследований человеческого мозга и охраны здоровья и охраны прав человека и человеческого достоинства при использовании нейротехнологий и достижений нейронауки; 6) организация контроля в сфере гарантирования прав и человеческого достоинства при использовании нейротехнологий и достижений нейронауки; 7) финансовое обеспечение в сфере регулирования и использования достижений нейронауки и нейротехнологий; 8) ответственность в сфере регулирования и использования достижений нейронауки и нейротехнологий; 9) заключительные положения.

Анализ зарубежного опыта показывает, что *современное российское уголовное законодательство может корректироваться с учетом тех нейробиологических исследований, которые позволяют выявлять связи между биологической природой человека и его преступным поведением*. Во-первых, можно учесть опыт законодательного запрета на использование функциональной томографии головного мозга в судебной-медицинской экспертизе. Более того, российский законодатель может пойти дальше и установить жесткие ограничения на проведение судебно-медицинских экспертиз с использованием непроверенных (не получивших научную проверку) методов в области нейробиологии. Во-вторых, следует вернуться к рассмотрению вопроса о сохранении химического контроля либидо лица, совершившего сексуальные преступления. Тот вид мер медицинского характера, который используется в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, не коррелируется с нормами здравоохранительного законодательства. Подобное противоречие должно быть устранено.

Заслуживает внимания и вопрос о конституционализации некоторых нейрорправ и государственных гарантий использования нейротехнологий, которые должны согласовываться с *концепцией культа писаной конституции* [56. С. 33], не препятствующей конституционным изменениям под влиянием достижений нейробиологии и нейротехнологий.

Примечания

¹ Declaration on the Right and Responsibility of Individuals, Groups and Organs of Society to Promote and Protect Universally Recognized Human Rights and Fundamental Freedoms, GA Res 53/144, UN GAOR, 53rd sess, Agenda Item 110(b), UN Doc A/Res/53/144 (1999), art. 7. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N99/770/89/PDF/N9977089.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20.07.2024)

² Специальный выпуск журнала освещает комплекс дискуссионных вопросов преимущественно нейроэтики, которая воспринимается как часть нейрофилософии. По мнению редакторов, тематический номер журнала задумывался «как площадка для диалога между философами, учеными-естественниками и практикующими врачами о природе нейроэтики». К сожалению, в дискуссию не были приглашены юристы и философы права, без которых вне поля зрения оказалась дискуссия о взаимодействии права и нейронауки, права и нейроэтики в контексте формирования нейрорправа и нейрорправ; тем самым и дискуссия о пределах нейроэтики оказалась далеко не полной. См.: Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. IV, № 1.

- ³ Mobley v. State. S94P1271. Supreme Court of Georgia. Decided March 17, 1995. URL: <https://law.justia.com/cases/georgia/supreme-court/1995/s94p1271-1.html>
- ⁴ Herman Henry “Bud” Von Dohlen, Petitioner, v. State of South Carolina, Respondent. No. 25861. Decided: August 30, 2004. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/sc-supreme-court/1175375.html>
- ⁵ Schriro, Director, Arizona Department of corrections v. Landrigan Aka Hill. URL: <https://www.wsj.com/public/resources/documents/scotus-schriro070514.pdf>
- ⁶ Kent A. Kiehl, Ph.D. URL: <https://kentkiehl.com/>
- ⁷ Australian Neurolaw Database. URL: https://neurolaw.edu.au/about_us
- ⁸ Доктор А. Рейн и другие ученые проводили исследования о влиянии потребления витамина Д и Омега-3 кислот в раннем детстве на формирующиеся социальные характеристики человека, проявляющиеся в зрелом возрасте. Предлагаемые программы питания нацелены на снижение уровня преступного поведения. Рекомендации также имеются и по питанию в пенитенциарных учреждениях [50].
- ⁹ На наличие определенного разрыва между мыслью и совершенным поступком неоднократно указывала российский ученый в области нейронауки Т.В. Черниговская.
- ¹⁰ Loi n 2011-814 du 7 juillet 2011 relative à la bioéthique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000024232102/>
- ¹¹ CCNE, 12 décembre 2013, avis n° 122, Recours aux techniques bio-médicales en vue de «neuro-amélioration» chez la personne non malade: enjeux éthiques. URL: <https://www.ccne-ethique.fr/sites/default/files/2023-06/avis122.pdf>
- ¹² Loi n° 2021-1017 du 2 août 2021 relative à la bioéthique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043884384>
- ¹³ Wetboek van Strafrecht. URL: https://wetten.overheid.nl/WBR0001854/2024-01-01#BoekEerste_TiteldeelVIII_Artikel77g

Список источников

- Bublitz J.-C. My mind is mine!? cognitive liberty as a legal concept // *Cognitive Enhancement* / E. Hildt, A. Franke (eds.). Dordrecht : Springer, 2013. P. 233–264.
- Кравец И.А. Нейроконституционализм: когнитивное достоинство и нейроправа человека // Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакьян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М. : Ин-т государства и права РАН, 2023. С. 422–432.
- Ienca M., Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology // *Life Sciences, Society and Policy*. 2017. Vol. 13. Art. No. 5. doi: 10.1186/s40504-017-0050-1
- Кравец И.А. Когнитивное достоинство // Права человека: основные понятия, категории, институты: Учебный словарь. Екатеринбург : Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2023. С. 84–85.
- García-López E., Muñoz J.M., Andorno R. Editorial: Neurorights and Mental Freedom: Emerging Challenges to Debates on Human Dignity and Neurotechnologies // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2021. Vol. 15. P. 1–3. doi: 10.3389/fnhum.2021.823570
- Romanovskiy G.B., Romanovskaya O.V. Human rights and modern biomedicine: problems and perspectives // *RUDN Journal of Law*. 2021. Vol. 25, № 1. P. 14–31. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-14-31
- Beyond Autonomy. Limits and Alternatives to Informed Consent in Research Ethics and Law / D.G. Kirchhoffer, B.J. Richards (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2019. 226 p.
- The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives / M. Düwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
- Лапаева В.В. Право техногенной цивилизации перед вызовами технологической дегуманизации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 3. С. 4–35. doi: 10.17323/2072-8166.2021.3.4.35
- Современное биомедицинское право / А.В. Александрова, Л.Н. Берг, М.А. Болков [и др.]. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 480 с.
- Tokarczyk R. Biojurisprudence: foundations of law for the twenty-first century. Lublin : Maria Curie-Skłodowskiej University Press, 2008. 113 p.
- Умнова-Конохова И.А., Алешкова И.А. Биоправо как отрасль права нового поколения // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2021. № 41. С. 98–118. doi: 10.17223/22253513/41/9
- Кравец И.А. Антропологический биоинституционализм и конституционная биоэтика: перспективы конституционализации биоразнообразия и конституционная реформа 2020 года // *Конституционное и муниципальное право*. 2022. № 5. С. 11–15.
- Кравец И.А. Антропологический конституционализм и гуманистическая аксиология правового статуса и достоинства личности // *Юридическая наука и практика*. 2020. Т. 16, № 3. С. 5–19. doi: 10.25205/2542-0410-2020-16-3-5-19
- Кравец И.А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия (часть I) // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26, № 2. С. 5–22.
- Кравец И.А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия (часть II) // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26, № 6. С. 5–31.
- Варламова Н.В., Васильева Т.А., Колотова Н.В., Сорокина Е.А. Конституционализм: национальное и наднациональное измерения. Всероссийская научная конференция с международным участием к 95-летию со дня рождения В.А. Туманова // *Государство и право*. 2021. № 12. С. 203.
- Leib L.H. Human Rights and the Environment: Philosophical, Theoretical and Legal Perspectives. Leiden ; Boston : Brill, 2011.
- Biorights. The Neo-economic Conservation Paradigm for Global South. Editors Dipayan Dey and Joyashree Roy. Cham, Switzerland : Springer Nature Switzerland AG, 2022.
- Подшибякина Т.А. Когнитивная свобода – новая политическая свобода XXI века // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 468. С. 93–100. doi: 10.17223/15617793/468/11
- Филипова И.А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // *Lex Russica*. 2021. Т. 74, № 9. С. 119–130. doi: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.119-130
- Schilero F., Moustafa N., Beheshti A. Cognitive Privacy: AI-enabled Privacy using EEG Signals in the Internet of Things // *2020 IEEE 6th International Conference on Dependability in Sensor, Cloud and Big Data Systems and Application (DependSys)*. Nadi, Fiji, 2020. P. 73–79. doi: 10.1109/DependSys51298.2020.00019
- Andorno R. The dual role of human dignity in bioethics // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2013. Vol. 16, is. 4. P. 967–973. doi: 10.1007/s11019-011-9373-5.
- Кравец И.А. «Homo dignus», правовое положение личности и современный конституционализм (российский, сравнительный и международный контекст) // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2021. Т. 14, № 5. С. 621–635.
- Умнова-Конохова И.А., Алешкова И.А. Влияние научно-технического прогресса в биотехнологиях на права человека и принципы права // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17, № 10 (143). С. 34–45.
- Greely H. On Neuroethics // *Science*. 2007. Vol. 318, is. 5850. P. 533.
- Clay Sorum P. In Search of Cognitive Dignity: The Diagnostic Challenges of Primary Care // *Medical Decision Making*. 2017. Vol. 37, № 1. P. 6–8. doi: 10.1177/0272989X16662643
- Апресян Р.Г. Нейроэтика: вызовы и недосмотры // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. IV, № 1. С. 13–23.

29. Дубровский Д.И. Нейроэтика: некоторые актуальные философско-методологические вопросы // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. Т. IV, № 1. С. 24–41.
30. Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М., 1995.
31. Гинзбург Ю. Мысли о главном // Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М., 1995. С. 5–37.
32. Крылатова И.Ю. Конституционная категория достоинства личности во взаимоотношениях нравственных основ биоэтики и медицины // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 35–40.
33. Ломброзо Ч. Преступный человек : сборник. М., 2005. 877 с.
34. Garofalo R. *Criminologia – studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repression*. Roma : Fratelli Bocca, 1885. URL: <http://hdl.handle.net/1992/30820>
35. Ферри Э. Уголовная социология. М., 2009.
36. Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903.
37. Познышев С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2007.
38. Ван-Кан. Экономические факторы преступности. М., 1915.
39. Goddard H.H. The Kallikak Family: A Study in the Heredity of Feeble-Mindedness. New York, 1912. 122 p. URL: <https://reading-room.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=buckvbell>
40. Brunner H.G., Nelen M., Breakefield X.O., Ropers H.H., van Oost B.A. Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamine oxidase A // *Science*. 1993. Vol. 262, № 5133. P. 578–80. doi: 10.1126/science.8211186
41. Bedoya A., Portnoy J. Biosocial Criminology: History, Theory, Research Evidence, and Policy // *Victims & Offenders*. 2023. Vol. 18, № 8. P. 1599–1629. doi: 10.1080/15564886.2022.2133035
42. Eastman N., Campbell C. Neuroscience and legal determination of criminal responsibility // *Nature Reviews Neuroscience*. 2006. Vol. 7, № 4. P. 311–318. doi: 10.1038/nrn1887
43. Guy F. The Warrior Gene: Genetics and Criminology // *Crime Traveller*. URL: <http://www.crimetraveller.org/2016/04/the-warrior-gene/>
44. Raine A., Buchsbaum M., Lacasse, L. Brain abnormalities in murderers indicated by positron emission tomography // *Biological Psychiatry*. 1997. Vol. 42, № 6. P. 495–508. doi: 10.1016/S0006-3223(96)00362-9
45. Glenn A.L., Raine A. Neurocriminology: implications for the punishment, prediction and prevention of criminal behavior // *Nature Reviews Neuroscience*. 2014. Vol. 15, № 1. P. 54–63. doi: 10.1038/nrn3640
46. Raine A. A neurodevelopmental perspective on male violence // *Infant Mental Health Journal*. 2019. Vol. 40, № 1. P. 84–97. doi: 10.1002/imhj.21761
47. Ling S., Umbach R., Raine A. Biological explanations of criminal behavior // *Psychology, Crime & Law*. 2019. Vol. 25, № 6. P. 626–640. doi: 10.1080/1068316X.2019.1572753
48. Darby R.R., Considine C., Weinstock R., Darby W.C. Forensic neurology: a distinct subspecialty at the intersection of neurology, neuroscience and law // *Nature Reviews Neurology*. 2024. Vol. 20. P. 183–193. doi: 10.1038/s41582-023-00920-0
49. Beaver K.M., Nedelec J.L., da Silva Costa C., Vidal M.M. The future of biosocial criminology // *Criminal Justice Studies*. 2015. Vol. 28, № 1. P. 6–17. doi: 10.1080/1478601X.2014.1000002
50. Shichun L., Umbach R., Raine A. Biological Explanations of Criminal Behavior // *Psychology, Crime & Law*. 2019. Vol. 25, № 6. P. 626–640. doi: 10.1080/1068316X.2019.1572753
51. Chen C.Y., Raine A., Chou K.H., Chen I.Y., Hung D., Lin C.P. Abnormal white matter integrity in rapists as indicated by diffusion tensor imaging // *BMC Neuroscience*. 2016. Vol. 17. Art. No. 45. doi: 10.1186/s12868-016-0278-3
52. Ross D.E., Ochs A.L., Seabaugh J.M., Shrader C.R. Alzheimer's Disease Neuroimaging Initiative. Man versus machine: comparison of radiologists' interpretations and NeuroQuant® volumetric analyses of brain MRIs in patients with traumatic brain injury // *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. 2013. Vol. 25, № 1. P. 32–39. doi: 10.1176/appi.neuropsych.11120377
53. Meltzer C.C., Sze G., Rommelfanger K.S., Kinlaw K., Banja J.D., Wolpe P.R. Guidelines for the ethical use of neuroimages in medical testimony: report of a multidisciplinary consensus conference // *American Journal of Neuroradiology*. 2014. Vol. 35, № 4. P. 632–637. doi: 10.3174/ajnr.A3711
54. Schleim S. Real Neurolaw in the Netherlands: The Role of the Developing Brain in the New Adolescent Criminal Law // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. No. 1762. doi: 10.3389/fpsyg.2020.01762
55. Lighthart S., Dore-Horgan E., Meynen G. The various faces of vulnerability: offering neurointerventions to criminal offenders // *Journal of Law and the Biosciences*. 2023. Vol. 10, № 1. doi: 10.1093/jlb/lsad009
56. Кравец И.А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма // *Правоприменение*. 2024. Т. 8, № 2. С. 33–42. doi: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42

References

1. Bublit, J.-C. (2013) My mind is mine!? Cognitive liberty as a legal concept. In: Hildt, E. & Franke, A. (eds) *Cognitive Enhancement*. Dordrecht: Springer. pp. 233–264.
2. Kravets, I.A. (2023) Neyrokonstitutsionalizm: kognitivnoe dostoinstvo i neyroprava cheloveka [Neuroconstitutionalism: cognitive dignity and human neurorights]. In: Avak'yan, S.A. et al. (eds) *Obespechenie prav cheloveka i osushchestvlenie publichnoy vlasti v sovremennykh usloviyakh: problemy i resheniya* [Ensuring Human Rights and Exercising Public Authority in Modern Conditions: Problems and solutions]. Moscow: Institute of State and Law RAS. pp. 422–432.
3. Ienca, M. & Andorno, R. (2017) Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sciences, Society and Policy*. 13. Article 5. doi: 10.1186/s40504-017-0050-1
4. Kravets, I.A. (2023) Kognitivnoe dostoinstvo [Cognitive dignity]. In: *Prava cheloveka: osnovnye ponyatiya, kategorii, instituty: Uchebnyy slovar'* [Human Rights: Basic concepts, categories, institutions: Educational dictionary]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet. pp. 84–85.
5. García-López, E., Muñoz, J.M. & Andorno, R. (2021) Editorial: Neurorights and mental freedom: Emerging challenges to debates on human dignity and neurotechnologies. *Frontiers in Human Neuroscience*. 15. pp. 1–3. doi: 10.3389/fnhum.2021.823570
6. Romanovskiy, G.B. & Romanovskaya, O.V. (2021) Human rights and modern biomedicine: problems and perspectives. *RUDN Journal of Law*. 1 (25). pp. 14–31. doi: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-14-31
7. Kirchhoffer, D.G. & Richards, B.J. (eds) (2019) *Beyond Autonomy. Limits and alternatives to informed consent in research ethics and law*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Düwell, M. et al. (eds) (2014) *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Lapaeva, V.V. (2021) Pravo tekhnogennoy tsivilizatsii pered vyzovami tekhnologicheskoy degumanizatsii [The law of technogenic civilization facing the challenges of technological dehumanization]. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 3. pp. 4–35. doi: 10.17323/2072-8166.2021.3.4.35
10. Aleksandrova, A.V. et al. (2023) *Sovremennoe biomeditsinskoe pravo* [Modern Biomedical Law]. Moscow: Prospekt.
11. Tokarczyk, R. (2008) *Biojurisprudence: Foundations of law for the twenty-first century*. Lublin: Maria Curie-Sklodowskiej University Press.

12. Umnova-Konyukhova, I.A. & Aleshkova, I.A. (2021) Bio-law as a new generation of law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 41. pp. 98–118. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/41/9
13. Kravets, I.A. (2022) Antropologicheskiy biokonstitutsionalizm i konstitutsionnaya bioetika: perspektivy konstitutsionalizatsii bioraznoobraziya i konstitutsionnaya reforma 2020 goda [Anthropological bioconstitutionalism and constitutional bioethics: prospects for the constitutionalization of biodiversity and the 2020 constitutional reform]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 5. pp. 11–15.
14. Kravets, I.A. (2020) Antropologicheskiy konstitutsionalizm i gumaniticheskaya aksiologiya pravovogo statusa i dostoinstva lichnosti [Anthropological constitutionalism and humanistic axiology of the legal status and dignity of the individual]. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 3 (16). pp. 5–19. doi: 10.25205/2542-0410-2020-16-3-5-19
15. Kravets, I.A. (2022) Bioneurokonstitutsionalizm i dostoinstvo: teoreticheskie osnovy, dialog eticheskikh i yuridicheskikh trebovaniy i perspektivy vzaimodeystviya (chast' I) [Bioneuroconstitutionalism and dignity: theoretical foundations, dialogue of ethical and legal requirements and prospects for interaction (part I)]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2 (26). pp. 5–22.
16. Kravets, I.A. (2022) Bioneurokonstitutsionalizm i dostoinstvo: teoreticheskie osnovy, dialog eticheskikh i yuridicheskikh trebovaniy i perspektivy vzaimodeystviya (chast' II) [Bioneuroconstitutionalism and dignity: theoretical foundations, dialogue of ethical and legal requirements and prospects for interaction (part II)]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 6 (26). pp. 5–31.
17. Varlamova, N.V. et al. (2021) Konstitutsionalizm: natsional'noe i nadnatsional'noe izmereniya. Vserossiyskaya nauchnaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem k 95-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Tumanova [Constitutionalism: national and supranational dimensions. All-Russian conference with international participation dedicated to the 95th anniversary of the birth of V.A. Tumanov]. *Gosudarstvo i pravo*. 12. P. 203.
18. Leib, L.H. (2011) *Human Rights and the Environment: Philosophical, theoretical and legal perspectives*. Leiden; Boston: Brill.
19. Dey, D. & Roy, J. (eds) (2022) *Biorights. The neo-economic conservation paradigm for Global South*. Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland AG.
20. Podshibyakina, T.A. (2021) Cognitive freedom as a new political freedom of the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 468. pp. 93–100. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/468/11
21. Filipova, I.A. (2021) Iskusstvennyy intellekt i neyrotekhnologii: potrebnosti v konstitutsionno-pravovom regulirovanii [Artificial intelligence and neurotechnologies: needs for constitutional and legal regulation]. *Lex Russica*. 9 (74). pp. 119–130. doi: 10.17803/1729-5920.2021.178.9.119-130
22. Schiliro, F., Moustafa, N. & Beheshti, A. (2020) [Cognitive privacy: AI-enabled privacy using EEG signals in the Internet of Things]. *2020 IEEE 6th International Conference on Dependability in Sensor, Cloud and Big Data Systems and Application (DependSys)*. (pp. 73–79). Nadi, Fiji. 14–16 December 2020. IEEE. doi: 10.1109/DependSys51298.2020.00019
23. Andorno, R. (2013) The dual role of human dignity in bioethics. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 4 (16). pp. 967–973. doi: 10.1007/s11019-011-9373-5
24. Kravets, I.A. (2021) "Homo dignus", pravovoe polozhenie lichnosti i sovremennyy konstitutsionalizm (rossiyskiy, sravnitel'nyy i mezhdunarodnyy kontekst) ["Homo dignus", the legal status of the individual and modern constitutionalism (Russian, comparative and international context)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 5 (14). pp. 621–635.
25. Umnova-Konyukhova, I.A. & Aleshkova, I.A. (2022) Vliyaniye nauchno-tekhnicheskogo progressa v biotekhnologiyakh na prava cheloveka i printsipy prava [The impact of scientific and technological progress in biotechnology on human rights and legal principles]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 10–17 (143). pp. 34–45.
26. Greely, H. (2007) On neuroethics. *Science*. 5850 (318). P. 533.
27. Clay Sorum, P. (2017) In search of cognitive dignity: The diagnostic challenges of primary care. *Medical Decision Making*. 1 (37). pp. 6–8. doi: 10.1177/0272989X16662643
28. Apresyan, R.G. (2020) Neyroetika: vyzovy i nedosmotry [Neuroethics: challenges and oversights]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1 (IV). pp. 13–23.
29. Dubrovskiy, D.I. (2020) Neyroetika: nekotorye aktual'nye filosofsko-metodologicheskie voprosy [Neuroethics: some current philosophical and methodological issues]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 1 (IV). pp. 24–41.
30. Pascal, B. (1995) *Mysli* [Thoughts]. Translated from French by Yu.A. Ginzburg. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
31. Ginzburg, Yu. (1995) *Mysli o glavnom* [Thoughts on the main things]. In: Pascal, B. *Mysli* [Thoughts]. Translated from French by Yu.A. Ginzburg. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. pp. 5–37.
32. Krylatova, I.Yu. (2022) Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti vo vzaimootnosheniyyakh pravstvuyemykh osnov bioetiki i meditsiny [Constitutional category of personal dignity in the relationship between the moral foundations of bioethics and medicine]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 8. pp. 35–40.
33. Lombroso, C. (2005) *Prestupnyy chelovek* [Criminal Man]. Moscow: Midgard.
34. Garofalo, R. (1885) *Criminologia – studio sul delitto, sulle sue cause e sui mezzi di repression*. Roma: Fratelli Bocca. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/1992/30820>
35. Ferri, E. (2009) *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal Sociology]. Translated from Italian. Moscow: Infra-M.
36. von Liszt, F. (1903) *Uchebnik ugolovnogo prava. Obshchaya chast'* [Textbook of Criminal Law. General Part]. Translated from German. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova.
37. Poznyshev, S.V. (2007) *Kriminal'naya psikhologiya: Prestupnye tipy. O psikhologicheskoy issledovaniy lichnosti kak sub"ekta povedeniya vooobshche i ob izuchenii lichnosti prestupnika v chastnosti* [Criminal Psychology: Criminal Types. On the psychological study of personality as a subject of behavior in general and on the study of the personality of a criminal in particular]. Moscow: [s.n.].
38. Van-Kan. (1915) *Ekonomicheskie faktory prestupnosti* [Economic Factors of Crime]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo G.A. Lemana.
39. Goddard, H.H. (1912) *The Kallikak Family: A Study in the Heredity of Feeble-Mindedness*. New York. [Online] Available from: <https://readingroom.law.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1006&context=buckvbell>
40. Brunner, H.G., Nelen, M., Breakefield, X.O., Ropers, H.H. & van Oost, B.A. (1993) Abnormal behavior associated with a point mutation in the structural gene for monoamine oxidase A. *Science*. 262 (5133). pp. 578–580. doi: 10.1126/science.8211186
41. Bedoya, A. & Portnoy, J. (2023) Biosocial Criminology: History, Theory, Research Evidence, and Policy. *Victims & Offenders*. 18 (8). pp. 1599–1629. doi: 10.1080/15564886.2022.2133035
42. Eastman, N. & Campbell, C. (2006) Neuroscience and legal determination of criminal responsibility. *Nature Reviews Neuroscience*. 7 (4). pp. 311–318. doi: 10.1038/nrn1887
43. Guy, F. (n.d.) *The Warrior Gene: Genetics and Criminology*. Crime Traveller. [Online] Available from: <http://www.crimetraveller.org/2016/04/the-warrior-gene/>
44. Raine, A., Buchsbaum, M. & Lacasse, L. (1997) Brain abnormalities in murderers indicated by positron emission tomography. *Biological Psychiatry*. 42 (6). pp. 495–508. doi: 10.1016/S0006-3223(96)00362-9
45. Glenn, A.L. & Raine, A. (2014) Neurocriminology: implications for the punishment, prediction and prevention of criminal behavior. *Nature Reviews Neuroscience*. 15 (1). pp. 54–63. doi: 10.1038/nrn3640
46. Raine, A. (2019) A neurodevelopmental perspective on male violence. *Infant Mental Health Journal*. 40 (1). pp. 84–97. doi: 10.1002/imhj.21761
47. Ling, S., Umbach, R. & Raine, A. (2019) Biological explanations of criminal behavior. *Psychology, Crime & Law*. 25 (6). pp. 626–640. doi: 10.1080/1068316X.2019.1572753

48. Darby, R.R., Considine, C., Weinstock, R. & Darby, W.C. (2024) Forensic neurology: a distinct subspecialty at the intersection of neurology, neuroscience and law. *Nature Reviews Neurology*. 20. pp. 183–193. doi: 10.1038/s41582-023-00920-0
49. Beaver, K.M., Nedelec, J.L., da Silva Costa, C. & Vidal, M.M. (2015) The future of biosocial criminology. *Criminal Justice Studies*. 28 (1). pp. 6–17. doi: 10.1080/1478601X.2014.1000002
50. Shichun, L., Umbach, R. & Raine, A. (2019) Biological Explanations of Criminal Behavior. *Psychology, Crime & Law*. 25 (6). pp. 626–640. doi: 10.1080/1068316X.2019.1572753
51. Chen, C.Y., Raine, A., Chou, K.H., Chen, I.Y., Hung, D. & Lin, C.P. (2016) Abnormal white matter integrity in rapists as indicated by diffusion tensor imaging. *BMC Neuroscience*. 17. Art. No. 45. doi: 10.1186/s12868-016-0278-3
52. Ross, D.E., Ochs, A.L., Seabaugh, J.M. & Shrader, C.R. (2013) Alzheimer's Disease Neuroimaging Initiative. Man versus machine: comparison of radiologists' interpretations and NeuroQuant® volumetric analyses of brain MRIs in patients with traumatic brain injury. *The Journal of Neuropsychiatry and Clinical Neurosciences*. 25 (1). pp. 32–39. doi: 10.1176/appi.neuropsych.11120377
53. Meltzer, C.C., Sze, G., Rommelfanger, K.S., Kinlaw, K., Banja, J.D. & Wolpe, P.R. (2014) Guidelines for the ethical use of neuroimages in medical testimony: report of a multidisciplinary consensus conference. *American Journal of Neuroradiology*. 35 (4). pp. 632–637. doi: 10.3174/ajnr.A3711
54. Schlem, S. (2020) Real Neurolaw in the Netherlands: The Role of the Developing Brain in the New Adolescent Criminal Law. *Frontiers in Psychology*. 11 (1762). doi: 10.3389/fpsyg.2020.01762
55. Ligthart, S., Dore-Horgan, E. & Meynen, G. (2023) The various faces of vulnerability: offering neurointerventions to criminal offenders. *Journal of Law and the Biosciences*. 10 (1). doi: 10.1093/jlb/lbad009
56. Kravets, I.A. (2024) The cult of the written constitution and the dilemmas of constitutional changes: scientific approaches and practice of deliberative constitutionalism. *Pravoprimeniye*. 8 (2). pp. 33–42. (In Russian). doi: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42

Информация об авторах:

Кравец И.А. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и муниципального права, главный научный сотрудник Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: kravigor@gmail.com

Романовский Г.Б. – д-р юрид. наук, зав. кафедрой «Уголовное право» Пензенского государственного университета (Пенза, Россия). E-mail: vlad93@sura.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: введение, раздел 1 и 2 – И.А. Кравец; раздел 3 – Г.Б. Романовский; заключение – И.А. Кравец и Г.Б. Романовский.

Information about the authors:

I.A. Kravets, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Constitutional and Municipal Law, chief research fellow, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kravigor@gmail.com

G.B. Romanovskiy, Dr. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law, Penza State University (Penza, Russian Federation). E-mail: vlad93@sura.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Authors' contribution:

Introduction, Sections 1 and 2 – I.A. Kravets; Section 3 – G.B. Romanovsky; Conclusion – I.A. Kravets and G.B. Romanovsky.

*Статья поступила в редакцию 16.10.2024;
одобрена после рецензирования 16.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 16.10.2024;
approved after reviewing 16.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.*

Научная статья
УДК 347.211
doi: 10.17223/15617793/509/27

Гражданское законодательство о системе объектов гражданских прав

Ирина Дмитриевна Кузьмина¹

¹ Кемеровский государственный университет, Новокузнецк, Россия, kuzmina-58@mail.ru

Аннотация. С позиции системного подхода исследуется история и современное отражение видов объектов гражданских прав в нормах гражданского законодательства. Делается вывод о том, что предусмотренный ст. 128 ГК РФ перечень объектов гражданских прав образует системную классификацию, построенную с использованием такого критерия, как правовой режим. Выявляются объекты, которые не находят в этой системе своего места ввиду многовариантности их правовых режимов.

Ключевые слова: гражданское законодательство, объекты гражданских прав, система, имущество, нематериальные блага

Для цитирования: Кузьмина И.Д. Гражданское законодательство о системе объектов гражданских прав // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 250–257. doi: 10.17223/15617793/509/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/27

Civil legislation on the system of objects of civil rights

Irina D. Kuzmina¹

¹ Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation, kuzmina-58@mail.ru

Abstract. The list of objects proposed in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation (CC RF), comprising four elements (property, results of work and provision of services, intellectual property, intangible benefits), represents the first attempt to define legally the types of objects of civil rights. The list has been revised multiple times to eliminate systemic shortcomings, clarify the names of some objects, fix the emergence of new and unknown objects, and reflect the legislator's desire to define their place within the system of traditional objects of civil rights. Using a systemic approach, this study aims to examine the history and modern reflection of types of objects of civil rights in the norms of civil legislation and to assess the validity of the types and subtypes of objects of civil rights presented in Article 128 of the CC RF. The research draws on the works of domestic scholars addressing the above categories of contemporary civil legislation regulating the relationships in question, and legal enforcement acts. The author applies general scientific dialectical and universal scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, abstraction, formal-logical, and systemic-structural ones), as well as specific legal methods (systemic interpretation and legal modelling). The research resulted in some conclusions. It was established that the enumeration of objects of civil rights in Article 128 of the CC RF makes up a systemic classification based on the legal regime criterion. This differentiates objects with distinctive characteristics and groups objects with similar legal regimes into classes. The legal regime of objects is characterized by the range of legal relationships they are involved in; by a specific combination of permissions, prohibitions; and by the imperative or dispositive approach of the legislator to regulating these relationships. Attention is drawn to the quantitative discrepancies in relationships regulated by civil legislation (property-related and personal non-property related) and the types of their objects. Property relationships arise relative to property, while personal non-property relationships concern intangible benefits, including intellectual property. It is identified that beyond these two types of objects remain those designated as independent objects of civil rights – "results of work and provision of services". It is argued that, being economic benefits subject to monetary evaluation (a commodity), they belong to the category of property. It is also stated that certain objects of civil rights not found in the systemic classification but relevant (such as shares in the authorized capital of commercial organizations and information) cannot have a definite place within the classification because of the variability of their legal regimes (information) or because of their complex nature (shares in the authorized capital of commercial organizations).

Keywords: civil legislation, objects of civil rights, property, intangible benefits

For citation: Kuzmina, I.D. (2024) Civil legislation on the system of objects of civil rights. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 250–257. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/27

Вопрос об объектах гражданских правоотношений относится к числу традиционно спорных в доктрине

гражданского права. Определились две противоположные точки зрения на соотношение категорий «объект

гражданского правоотношения» и «объект субъективного гражданского права»: сторонники первой точки зрения предлагают различать эти категории [1. С. 42; 2. С. 11]; сторонники второй, преобладающей – признают их тождество, фактическое совпадение [3. С. 123; 4. С. 212]. Поскольку субъективные гражданские права и обязанности характеризуют содержательную сторону гражданских правоотношений, то объекты правоотношений одновременно являются объектами и образующих их содержание субъективных гражданских прав и юридических обязанностей. В гражданском законодательстве используется категория «объект гражданских прав» (ст. 128 ГК РФ).

Получившие распространение взгляды на понятие объекта гражданских прав обычно исходят либо из скорректированного для целей теории правоотношения философского понимания объекта как объективной реальности, на которую данное явление (правоотношение, т.е. субъективные гражданские права и обязанности субъектов этих правоотношений) оказывает или может оказать влияние, «предмет воздействия», направленности [3. С. 119; 5. С. 154; 6. С. 99]; либо из специально-юридического понимания объекта как некоего явления (реальности), по поводу которого, в связи с которым возникают гражданские правоотношения [7. С. 119; 8]. Различие в посылах не препятствует сходимости во взглядах по вопросу круга объектов гражданских правоотношений тех, кто занимает противоположные позиции, ни разногласиям в его решении среди сторонников одного и того же подхода. Это позволило сделать вывод об отсутствии «серьезной разницы между общеправовым и специально-юридическим пониманием объекта» [9. С. 12] и привело к появлению компромиссного определения объекта, соединившего оба подхода: как блага, «по поводу которого субъекты вступают в правоотношение, то, на что оно направлено» [10. С. 111; 11].

Среди множества теорий, определяющих состав, т.е. содержание понятия объектов гражданских правоотношений, основными являются следующие:

– «теория вещей», сторонники которой в качестве объектов понимают «предметы материального мира», «материальные субстанции, существующие вне субъекта», т.е. вещи [4. С. 214; 12. С. 195];

– «поведенческая теория», исходящая из представления о том, что «гражданское правоотношение может воздействовать только на поведение человека» [6. С. 99];

– «теория блага», которая предлагает многообразие объектов, их многозначность (материальные и нематериальные, по поводу которого правоотношение устанавливается, в различных их сочетаниях): вещи, действия, нематериальные блага и т.д. [5. С. 156–157; 13. С. 138; 14. С. 129–140].

Каждая из них вызывает критические замечания: «теорию вещей» упрекают в том, что она порождает проблему безобъектных правоотношений [15. С. 236]; «поведенческая теория» критикуется из-за того, что объектом объявляется, по сути, сам человек, поведение которого нельзя от него отделить, а также из-за совпадения объекта правоотношения с его содержанием [4.

С. 213; 12. С. 194–195; 16. С. 130–131]; «теория блага» критикуется из-за того, что в качестве объектов здесь представлены блага, на которые субъективные права и обязанности не способны воздействовать, а также из-за смешения объекта и содержания правоотношения в той части, в которой, например, речь идет о правах, услугах [3. С. 120–121; 4. С. 216]. Это порождает разнообразные модификации указанных теорий. Примером могут послужить так называемые плюралистические теории, в которых в зависимости от вида правоотношений (вещные, обязательственные) объектами признаются и вещи, и действия [17. С. 123; 18. С. 43–44]; либо осуществляется «удвоение» объектов гражданских правоотношений: выделяются объекты «первого рода» – действия и объекты «второго рода» – блага [6. С. 99; 7. С. 394; 19. С. 224]; либо, соответственно понимаемому автором тройственного содержания правоотношения (юридического, волевого и материального), предлагается выделять объекты разного рода: юридические (поведение лица), волевые (воля носителей прав и обязанностей) и материальные, например, вещи [15. С. 234–237]. Предпринимаются все новые попытки предложить иные методологические подходы к решению данной проблемы. В числе таких теорий следует назвать «теорию правового режима». Смысл ее заключается в том, чтобы отказаться от использования понятийного аппарата, не свойственного праву: «...для объекта права основной характеристикой является правовая характеристика, определение его положения в сфере действия права или – правовой режим», который объединяет всю совокупность прав, обязанностей, дозволений, запретов и предписаний. Именно эту «правовую конструкцию», а не вещь и не поведение предлагают считать объектом правоотношения [16. С. 139–145]. Такое понимание значения правового режима в качестве объекта гражданского правоотношения сопровождается признанием того, что он устанавливается в отношении определенных объектов: вещей, иного имущества, нематериальных объектов, поведения и т.д. [16. С. 145]. Более последовательным и логичным представляется традиционное понимание правового режима как основного звена правовой материи, правовой характеристики объектов гражданских правоотношений, выраженной «в характере и объеме прав по отношению к объекту» [20. С. 185], а не самого этого объекта. Такое состояние теории вопроса вызывает необходимость в целях «упрощения ситуации», со ссылкой на «сложившиеся традиции» в учебной литературе предлагать стандартный перечень объектов гражданских правоотношений и анализ именно их правовых режимов [6. С. 254–279; 7. С. 394–430]. К видам объектов обычно относят «материальные и нематериальные блага либо деятельность по их созданию» [7. С. 394].

Законодательно виды объектов гражданских прав впервые были перечислены лишь в ГК РФ 1994 г. Предшествующие кодификации к решению этого вопроса не обращались. В ГК РСФСР 1922 г. в общей части был раздел 3 «Объекты прав (имущество)», немногочисленные нормы которого определяли преимущественно режимы оборотоспособности вещей [21].

ГК РСФСР 1964 г. вообще не выделял категорию «объект» в качестве самостоятельного элемента правового регулирования. Отдельные нормы об объектах гражданских прав содержались в разделах о праве собственности (ст. 94, 100, ст. 103, 105 и далее), об авторском праве (ст. 475 и далее) и др. [21].

В статье 128 ГК РФ в ее первоначальной редакции от 30 ноября 1994 г. предусматривался следующий состав объектов гражданских прав: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

18 декабря 2006 г. в связи с введением в действие части 4 ГК РФ, которую образовывал Раздел VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации», редакция ст. 128 ГК РФ была изменена:

– скорректировано обозначение интеллектуальной собственности на следующее: «охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность)»;

– исключено упоминание об информации.

Эти новеллы отчасти устранили системные недостатки, представляя собой попытку согласования норм общей части и реформированного интеллектуального права. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации 2009 г. [22] не предусматривала какого-либо радикального изменения в системе объектов, ограничиваясь необходимостью уточнения положения таких объектов гражданских прав, как деньги и ценные бумаги в составе имущества, а также корректировкой описания такого объекта как работы и услуги. Это и было реализовано в обновленной редакции ст. 128 ГК РФ, принятой Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», которой к вещам были отнесены наличные деньги и документарные ценные бумаги, а безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги были включены в состав иного имущества наряду с имущественными правами. Изменилось и описание такого объекта, как работы и услуги: «результаты работ и оказание услуг». В целом же и после внесения в ст. 128 ГК РФ обозначенных выше изменений она сохранила прежние, дореформенные элементы системы объектов гражданских прав: имущество, результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

Последующее реформирование законодательства об объектах было осуществлено Федеральным законом от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и ст. 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» на уровне лишь одного элемента системы объектов гражданских прав – имуще-

– была исправлена ошибка, допущенная предыдущими новациями в определении места в системе имущества безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг: они были восстановлены в своем истинном значении имущественных прав;

– в составе имущественных прав в дополнении к безналичным денежным средствам и бездокументарным ценным бумагам специально был выделен такой новый элемент, как цифровые права – объект, порожденный информационной средой и информационными технологиями.

С развитием цифровизации связаны и последние изменения редакции ст. 128 ГК РФ, обусловленные введением цифровой валюты Центрального банка – цифрового рубля. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» отнес цифровой рубль к безналичным денежным средствам в составе имущественных прав.

Таким образом, сохранился прежний, за исключением информации, сформированный еще в начале 1990-х гг., перечень объектов гражданских прав, состоящий из четырех элементов:

- имущество;
- результаты работ и оказание услуг;
- интеллектуальная собственность;
- нематериальные блага.

В этой связи возникают два вопроса, требующих своего решения:

первый – образует ли этот перечень систему;

второй – насколько оправдана приверженность нашего законодателя к элементам данного перечня.

Система отличается от простой совокупности множества элементов, которая может быть «задана простым перечислением» [23. С. 89], упорядоченностью, целостностью, наличием «определенных закономерностей ее построения, функционирования и развития», наличием целеобразования, взаимосвязанностью основных структурных элементов [24. С. 23, 27, 32].

Элементы системы объектов гражданских прав должны образовываться группами, которые требуют формирования единообразного правового режима, отличного от правового режима иных групп объектов. Это предопределяется кругом правоотношений, которые складываются по их поводу; особым настроем правового регулирования этих отношений, который выражается в сочетании дозволений, запретов, императивности и диспозитивности регулирующих норм; режимом поведения субъектов правоотношений, соприкасающихся с этими объектами [3. С. 132–133], т.е. возможностью или невозможностью совершения с объектами определенных действий и т.д. Объекты, которые требуют единообразного «климата, настроя в регулировании» [25. С. 172], образуют классификационные группы, из которых и должна быть построена система объектов гражданских прав. Объекты со сходным правовым режимом (одного и того же рода, относящиеся к одной и той же группе в системе объектов гражданских прав), образуют внутрисистемную классификацию, которая отражает существующие между ними различия.

Ценность предложенной гражданским законодательством в ст. 128 ГК РФ модели решения вопроса об объектах гражданских прав заключается в попытке сформировать не простое перечисление их видов, а дать системную классификацию объектов. В ее основании находится критерий правового режима, который характеризует объекты в типичной для них «правовой сфере существования» [16. С. 141], сфере гражданских правоотношений.

Относительно выделенных ГК РФ групп объектов гражданских прав могут возникать обоснованные сомнения из-за количественного расхождения отношений, регулируемых гражданским законодательством (имущественные и личные неимущественные), и видов их объектов. Очевидно, что два вида отношений предполагают соответственно и два вида объектов, по поводу которых они возникают. Имущественные отношения возникают по поводу имущества, указанного в ст. 128 ГК РФ в качестве первого элемента системы объектов гражданских прав. Личные неимущественные отношения своим объектом имеют нематериальные блага. Имущество, как «экономические блага», подлежащие денежной оценке [26. С. 94–95], представлено двумя классами объектов, отличающимися по правовому режиму: вещами и иным имуществом. Вещи в соответствии с преобладающим доктринальным представлением являются предметами внешнего по отношению к человеку материального мира, обладают свойствами объективности, натуральности (телесности), имущественной (экономической) ценности и оборотоспособности [17. С. 124; 27. С. 15; 28. С. 572]. На свойство телесности указывает и сам законодатель в п. 1 ст. 1227 ГК РФ, характеризуя вещь как «материальный носитель». В составе иного имущества ст. 128 ГК РФ специально обозначает имущественные права, определение понятия и признаков которых отсутствует. В литературе под имущественными правами понимают права, обладающие признаками «меновой ценности... которая переложима на деньги» [28. С. 595], т.е. возможностью оценки в деньгах, а также оборотоспособностью, т.е. способностью отчуждаться [29. С. 53–59].

Вошедшие в примерный перечень имущественных прав безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права, с одной стороны, входят в ветвь обязательственных прав, а с другой – отличаются друг от друга и от прочих обязательственных прав набором их правовых характеристик. За пределами указанного перечня остаются относящиеся к имущественным некоторые корпоративные права, исключительные права, наследственные права. Выделение такого вида объектов гражданских прав как имущественные права, несмотря на порождение спорной конструкции «права на право» [28. С. 578; 30. С. 14–19], обусловлено возможностью распоряжения ими, признания их в качестве самостоятельных объектов оборота (см., например, ст. 93, 388, п. 4 ст. 454, ст. 824, 1233 ГК РФ и др.). В этой связи, справедливым представляется исключение из приведенного перечня имущественных прав такой их разновидности как вещные права: являясь, безусловно, имущественным правом,

они лишены самостоятельной имущественной ценности, отличаясь неразрывной связью с вещью [31], которая и будет выступать объектом соответствующих распоряжений.

Объектами личных неимущественных отношений являются нематериальные блага, к которым относятся и результаты интеллектуальной деятельности. В ст. 128 ГК РФ они названы в качестве двух отдельных видов объектов исходя из существующих между ними различий: первые являются нематериальным результатом интеллектуальной деятельности, «интеллектуальной собственностью» (ст. 1225 ГК РФ); вторые (нематериальные блага) – характеризуют лицо, являются «личными нематериальными благами»; одни связаны с имущественными отношениями, другие – нет; у них различный правовой режим, определяемый для объектов интеллектуальной собственности нормами части четвертой Гражданского кодекса РФ, для личных нематериальных благ – нормами главы 8 «Нематериальные блага и их защита». На этом основании в литературе их предлагают различать как два отдельных вида объектов [32]. В то же время оба указанных в законе вида характеризуются такими общими свойствами, как их нематериальность (бестелесность, духовность), неотчуждаемость и непередаваемость. Это позволяет объединять данные блага в один вид нематериальных благ, выступающих объектами личных неимущественных прав [7. С. 395].

За пределами указанных двух видов объектов (имущество и нематериальные блага) остаются «результаты работ и оказание услуг», которые законом обозначены как некие отдельные, самостоятельные объекты гражданских прав. И те и другие являются действиями (ст. 703, 779 ГК РФ), различия между которыми определяют по наличию или отсутствию вещественного результата: работа – это «действие (комплекс действий), имеющее материально выраженный результат и совершаемое исполнителем в интересах и по заказу потребителя на возмездной договорной основе» (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»), а услуга – это действия или определенная деятельность» (ст. 779 ГК РФ), у которых «нет вещественного результата» в виде созданной или переработанной вещи [33. С. 182, 191]. Возникает вопрос о том, объектами каких правоотношений они выступают. Ответ может быть только один – имущественных, или, как их зачастую определяют, «имущественно-стоимостных» [34. С. 10], связанных с использованием товарно-денежной формы. Не случайно Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» работы и услуги относит к категории товара, предназначенного для продажи, обмена или иного введения в оборот (ст. 4). В гражданском законодательстве категория «товар» идентична вещам: «вещь (товар)» (п. 1 ст. 454 ГК РФ). Поэтому многие цивилисты расширяют состав имущества, относя к нему такие блага, как работы и услуги [35; 36. С. 31]. Легальное невключение их в состав имущества можно объяснить особым правовым режимом указанных объектов: специальными типами договоров, опосредующих их оборот (договор подряда, договор возмездного оказания услуг и т.д.); особой правовой целью,

на достижение которой направлены возникающие из этих договоров обязательства; специфическими правами и обязанностями сторон, составляющими содержание обязательств по выполнению работ и по оказанию услуг и т.д.).

Таким образом, в ст. 128 ГК РФ сформирована исчерпывающая классификационная система объектов гражданских прав, которую по существу можно свести к двум классам-антиподам, обладающим отличительными характеристиками:

- имущество, включая вещи, имущественные права, работы, услуги, иное имущество;

- нематериальные блага, включая охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность).

Указанные две группы объектов гражданских прав соответствуют двум видам отношений (имущественным и личным неимущественным), объектами которых они являются.

Вторую проблему образует обоснованность и полезность представленного в ст. 128 ГК РФ перечисления видов и подвидов объектов гражданских прав. При всей их немногочисленности и кажущейся в ряде случаев произвольности они, во-первых, дают представление о некоторых свойствах той или иной группы объектов, в составе которых они выделены. Так, противопоставление наличных денег, документарных ценных бумаг в составе вещей и безналичных денежных средств и бездокументарных ценных бумаг в составе имущественных прав показывает основную характеристику вещей – их осязательность, натуральность, телесность. Кроме того, отбор объектов, которые специально указываются в перечне, свидетельствует об их актуальности, а в ряде случаев – о новизне и вызванном этим намерением законодателя определить их место в системе и, соответственно, распространить на них правовой режим того или иного традиционного объекта. Так, развитие цифровизации и появление цифровых объектов гражданских прав привело к включению в примерный перечень имущественных прав некоторых из них: цифровых прав и цифрового рубля.

Естественно, что из-за чрезвычайно большого разнообразия имущественных благ исключается их полное перечисление. Однако отсутствие упоминания некоторых из них в системной классификации объектов вызывает все больше вопросов. Речь прежде всего идет о двух объектах гражданских отношений, таких как доля в уставном капитале коммерческих организаций информация. Место первого из них в системе объектов гражданских прав никогда легально не определялось, а второй – лишился значения самостоятельного вида объектов гражданских прав в ходе реформирования гражданского законодательства.

Доли в уставном капитале не только не указаны в перечнях ст. 128 ГК РФ, но и не упоминаются в иных нормах Подраздела 3 «Объекты гражданских прав». В гражданском законодательстве правовое регулирование отношений, возникающих в связи с такими актуальными и распространенными объектами, осуществляется в нормах ГК РФ юридических лиц (ст. 93), а

также в разделе V «Наследственное право» (ст. 1176, 1173); в нормах Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ст. 21, 22). В них законодатель признает за долей в уставном капитале способность быть предметом различных сделок, объектом правопреемства, т.е. решает вопросы ее оборотоспособности, что свидетельствует об имущественном характере доли. Однако ни одна из указанных норм не содержит определение понятия и места доли в уставном капитале среди объектов гражданских прав. Семейный кодекс РФ относит доли в капитале, внесенные в коммерческие организации, к общему имуществу супругов (ст. 34). Таким образом, имущественная природа доли в уставном капитале представляется очевидной. Как и то, что она не относится к вещам по форме своего существования, представляя собой цифровое обозначение в виде дроби или процентов. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» отнес долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью к правам на имущество, которые в соответствии со ст. 8.1 ГК РФ подлежат государственной регистрации в специальных реестрах (п. 3). Квалификация доли в качестве имущественного права не учитывает, что она не только предоставляет имущественные права участникам коммерческих организаций, но и возлагает на них обязанности (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ), причем и права и обязанности могут быть как имущественного (участвовать в распределении прибыли, право на ликвидационную квоту и т.д.), так и неимущественного характера, например, обязанность участвовать в принятии корпоративных решений. Именно это и послужило основанием определения местоположения доли среди прочих объектов гражданских прав в составе иного имущества (Постановление Президиума ВАС РФ от 15.07.2014 № 3640/14 по делу № А31-2337/2013). Однако такое решение не учитывает наличие в многоэлементном содержании доли неимущественных (организационно-управленческих) прав и обязанностей, связанных с членством в корпоративной организации. Такой объект вообще не представлен в системной классификации ст. 128 ГК РФ. Его нельзя отнести к названным в ней нематериальным благам, поскольку последние определены как блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (п. 1 ст. 150 ГК РФ). Между тем эти организационно-управленческие права и обязанности обладают самостоятельностью, отдельным от имущественных прав и обязанностей существованием. Особенно ярко это проявляется в ситуациях, когда доля относится к общему имуществу супругов, но участником ООО и обладателем организационно-управленческих прав является лишь один из них; когда в уставе общества установлен запрет на переход доли к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, либо определена необходимость получать согласие остальных участников общества на такой переход (п. 8 ст. 21 Федерального закона № 14-ФЗ

от 08.02.1998 «Об обществах с ограниченной ответственностью»). В таких случаях, определяя состав доли, принадлежащей лицу, суды различают имущественные и «корпоративные права участника данного хозяйствующего субъекта» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 по делу № А40-324092/2019). Под корпоративными правами здесь очевидно понимаются неимущественные, организационно-управленческие права участника корпоративной организации. Таким образом в доле в уставном капитале проявляется проблема более общего порядка – проблема так называемых организационных отношений, не имеющих имущественного содержания, основанных на началах равенства и координации, и направленных на «упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников» [37. С. 162] и их объектов. Таковыми являются преддоговорные; информационные отношения; отношения, возникающие при создании корпораций, участия в ней и т.д. Они регулируются нормами гражданского законодательства, однако легально в составе предмета гражданского права не заявлены. Соответственно, в ст. 128 ГК РФ объекты этих отношений также не находят своего отражения. Высказанные в литературе предложения признать долю в уставном капитале особым субъективным правом участия, наряду с обязательственными и прочими [38. С. 16], во-первых, не решают проблему объектов организационных отношений, а, во-вторых, не устраняют противоречие соединения в одном виде объектов имущественной и неимущественной составляющей, с различными правовыми режимами.

Информация как самостоятельный объект гражданских отношений была исключена из перечня ст. 128 ГК РФ, поскольку предполагалось, что она уже обозначена как результат интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность) [39. С. 166]. Однако в

качестве способа индивидуализации субъектов она может относиться к сфере их личных нематериальных благ (личная и семейная тайна, персональные данные, наименование некоммерческих организаций и др.). Особый правовой режим имеет информация, которая выступает неимущественным составляющим ряда гражданских правоотношений (корпоративных, договорных). Кроме того, она является предметной сферой экономической деятельности по возмездному оказанию услуг по предоставлению информации (ст. 783.1 ГК РФ), может выступать предметом возмездного договора о передаче информации без организации процесса деятельности по ее извлечению. В литературе высказано мнение, что в ряде случаев информацию следует относить к иному имуществу, поскольку она может быть оценена в деньгах, по ее поводу возникают имущественные отношения [40]. По этой причине множится число сторонников восстановления информации в качестве объекта гражданских прав в нормах ст. 128 ГК РФ [41. С. 139]. Тем более, что в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» она по-прежнему названа объектом публичных, гражданских и иных правоотношений (п. 1 ст. 5). Однако для реализации такого решения необходимо определить место информации в сложившейся системной классификации объектов гражданских прав. Восстановление информации в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, наряду с признанными в ст. 128 ГК РФ, не будет иметь практического значения из-за многовариантности правовых режимов объекта, обобщенно именуемого одним и тем же понятием «информация»: режим интеллектуальной собственности, режим нематериальных благ, режим иного имущества и т.д. Следует согласиться с мнением В.В. Кресса о том, что хотя информация безусловно является объектом гражданских прав, однако включение ее в ст. 128 ГК РФ в качестве самостоятельного объекта прав нецелесообразно [42. С. 36].

Список источников

1. Зинченко С.А., Лапач В.А., Шапсугов Д.Ю. Проблемы объектов гражданских прав. Ростов н/Д, 2001. 246 с.
2. Чеговадзе Л.А. Система и состояние гражданского правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 43 с.
3. Иоффе О.С. Правоотношения по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву: Избранные труды : в 4 т. Т. I. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 574 с.
4. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. 351 с.
5. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. Т. II. М. : Юрид. лит., 1982. 360 с.
6. Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. I / отв. ред. С.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М. : ТК Велби, Проспект, 2005. 776 с.
7. Гражданское право : в 4 т. Т. I : Общая часть : учеб. / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Волтерс Клувер, 2006. 720 с.
8. Гражданское право : в 2 т. Т. I / под ред. Б.М. Гонгало. М. : Статут, 2016.
9. Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений : учеб. пособие. М., 2010. 74 с.
10. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1997. 331 с.
11. Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах : учеб. пособие. М. : Статут, 2015.
12. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. I. М. : ЦентрЮрИнфор, 2002. 490 с.
13. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2005. 494 с.
14. Яичков К.К. К учению о гражданском правоотношении // Вестник МГУ. Серия экономики, философии, права. 1956. № 1. С. 129–140.
15. Иоффе О.С. Избранные труды : в 4 т. Т. II. Советское гражданское право. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 511 с.
16. Сенчищев В.И. Объект гражданского правоотношения. Общее понятие // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. М.И. Брагинского. М. : Статут, 1998. С. 109–160.
17. Синайский В.И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. 636 с.
18. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М. : Госюриздат, 1950. 416 с.
19. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право : Общие положения. М. : Статут, 1997. 682 с.
20. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.

21. Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской империи, Проект гражданского уложения Российской империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург : Изд-во Ин-та частного права, 2003. 928 с.
22. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации / вступ. ст. А.Л. Маковского. М. : Статут, 2009. 160 с.
23. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М. : Наука, 1974. 279 с.
24. Волкова В.Н., Денисов А.А. Теория систем и системный анализ : учеб. для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2014. 616 с.
25. Алексеев С.С. Теория права. М. : БЕК, 1993. 223 с.
26. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М. : СПАРК, 1995. 556 с.
27. Эннекперус Л., Кипп Т., Вольф М. Курс германского гражданского права. Т. I, полутом 2 : Введение и общая часть. М. : Изд-во иностранной литературы, 1950. 483 с.
28. Гамбаров Ю.С. Курс гражданского права. Т. I: Часть общая. СПб., 1911. 780 с.
29. Яковлев А.С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений : Теория и практика. М. : Ось-89, 2005. 192 с.
30. Белов В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. М. : Центр ЮрИнфоР, 2001. 265 с.
31. Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // СПС «КонсультантПлюс». 2015.
32. Маленина М.Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право. 2014. № 7. С. 40–47.
33. Степанов Д.И. Услуги как объект гражданских прав. М. : Статут, 2005. 346 с.
34. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 176 с.
35. Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. М. : Деловой двор, 2010. 199 с.
36. Ровный В.В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1999. 310 с.
37. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Антология уральской цивилистики. 1925–1989 : сб. ст. М. : Статут, 2001. С. 156–165.
38. Фатхутдинов Р.С. Правовые проблемы уступки доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.
39. Лебедева Д.С., Яценко А.О. Информация как объект гражданского права // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69), № 4. С. 163–167.
40. Рожкова М.А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве // Закон.ру. 2018. 6 ноября. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskikh_prav_ili_chnado_menyat_v_grazhdanskom_prave
41. Озерова А.С. О необходимости изменения подхода к понятию «информация» в законодательстве и судебной практике // Правоведение. 2019. Т. 63, № 1. С. 137–156.
42. Кресс В.В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 5. С. 30–40.

References

1. Zinchenko, S.A., Lapach, V.A. & Shapsugov, D.Yu. (2001) *Problemy ob"ektov grazhdanskikh prav* [Problems of Objects of Civil Rights]. Rostov-on-Don: SKAGS.
2. Chegovadze, L.A. (2005) *Sistema i sostoyanie grazhdanskogo pravootnosheniya* [System and state of civil legal relations]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
3. Ioffe, O.S. (2003) *Pravootnosheniya po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Otvetstvennost' po sovetskomu grazhdanskomu pravu: Izbrannye trudy* [Legal Relations under Soviet Civil Law. Responsibility under Soviet civil law: Selected works]. Vol. 1. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
4. Khalifina, R.O. (1974) *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General Doctrine of Legal Relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
5. Alekseev, S.S. (1982) *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Vol. 2. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Sergeev, S.P. & Tolstoy, Yu.K. (eds) (2005) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow: TK Velbi, Prospekt.
7. Sukhanov, E.A. (ed.) (2006) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow: Wolters Kluwer.
8. Gongalo, B.M. (ed.) (2016) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow: Statut.
9. Bevzenko, R.S. (2010) *Ob"ekty grazhdanskikh pravootnosheniy* [Objects of Civil Legal Relations]. Moscow: HSE.
10. Tarkhov, V.A. (1997) *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. Kurs lektsiy* [Civil Law. General part. Lecture course]. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo.
11. Khokhlov, V.A. (2015) *Obshchie polozeniya ob obyazatel'stvakh* [General Provisions on Obligations]. Moscow: Statut.
12. Agarkov, M.M. (2002) *Obyazatel'stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Obligation under Soviet civil law]. In: *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law]. Vol. 1. Moscow: TsentrYurInfor.
13. Krasavchikov, O.A. (2005) *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy* [Categories of Civil Law Science. Selected works]. Vol. 2. Moscow: Statut.
14. Yaichkov, K.K. (1956) *K ucheniyu o grazhdanskom pravootnoshenii* [On the doctrine of civil legal relations]. *Vestnik MGU. Seriya ekonomiki, filosofii, prava*. 1. pp. 129–140.
15. Ioffe, O.S. (2004) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 2. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press.
16. Senchishchev, V.I. (1998) *Ob"ekt grazhdanskogo pravootnosheniya. Obshchee ponyatie* [Object of civil legal relations. General concept]. In: Braginskiy, M.I. (ed.) *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava* [Current Problems of Civil Law]. Moscow: Statut. pp. 109–160.
17. Sinayskiy, V.I. (2002) *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian Civil Law]. Moscow: Statut.
18. Novitskiy, I.B. & Lunts, L.A. (1950) *Obshchee uchenie ob obyazatel'stve* [General Doctrine of Obligation]. Moscow: Gosyurizdat.
19. Braginskiy, M.I. & Vitryanskiy, V.V. (1997) *Dogovornoe pravo: Obshchie polozeniya* [Contract Law: General Provisions]. Moscow: Statut.
20. Alekseev, S.S. (1989) *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law]. Moscow: Yurid. lit.
21. Alekseev, S.S. et al. (eds) (2003) *Kodifikatsiya rossiyskogo grazhdanskogo prava: Svod zakonov grazhdanskikh Rossiyskoy imperii, Proekt grazhdanskogo ulozheniya Rossiyskoy imperii, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1922 goda, Grazhdanskiy kodeks RSFSR 1964 goda* [Codification of Russian Civil Law: Code of Civil Laws of the Russian Empire, Draft Civil Code of the Russian Empire, Civil Code of the RSFSR of 1922, Civil Code of the RSFSR of 1964]. Yekaterinburg: Izd-vo In-ta chastnogo prava.
22. Makovskiy, A.L. (ed.) (2009) *Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Concept of Development of Civil Legislation of the Russian Federation]. Moscow: Statut.
23. Sadovskiy, V.N. (1974) *Osnovaniya obshchey teorii sistem. Logiko-metodologicheskii analiz* [Foundations of the General Theory of Systems. Logical and Methodological Analysis]. Moscow: Nauka.
24. Volkova, V.N. & Denisov, A.A. (2014) *Teoriya sistem i sistemnyy analiz* [Systems Theory and Systems Analysis]. Moscow: Yurayt.
25. Alekseev, S.S. (1993) *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow: BEK.
26. Shershenovich, G.F. (1995) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.)* [Textbook of Russian Civil Law (based on the 1907 edition)]. Moscow: SPARK.

27. Enneccerus, L., Kipp, T. & Wolff, M. (1950) *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava* [Course of German Civil Law]. Translated from German. Vol. 1–2. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
28. Gambarov, Yu.S. (1911) *Kurs grazhdanskogo prava* [Course of Civil Law]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
29. Yakovlev, A.S. (2005) *Imushchestvennye prava kak ob"ekty grazhdanskikh pravootnosheniy: Teoriya i praktika* [Property Rights as Objects of Civil Legal Relations: Theory and practice]. Moscow: Os'-89.
30. Belov, V.A. (2001) *Singulyarnoe pravopreemstvo v obyazatel'stve* [Singular Succession in an Obligation]. Moscow: Tsentr YurInfoR.
31. Grishaev, S.P. (2015) *Evolutsiya zakonodatel'stva ob ob"ektakh grazhdanskikh prav* [Evolution of Legislation on Objects of Civil Rights]. Moscow: Consultant Plus.
32. Maleina, M.N. (2014) *Ponyatie i vidy nematerial'nykh blag kak ob"ektov lichnykh neimushchestvennykh prav* [The concept and types of intangible assets as objects of personal non-property rights]. *Gosudarstvo i pravo*. 7. pp. 40–47.
33. Stepanov, D.I. (2005) *Uslugi kak ob"ekt grazhdanskikh prav* [Services as an Object of Civil Rights]. Moscow: Statut.
34. Egorov, N.D. (1988) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy* [Civil-law Regulation of Public Relations]. Leningrad: Leningrad State University.
35. Lysenko, A.N. (2010) *Imushchestvo v grazhdanskom prave Rossii* [Property in the Civil Law of Russia]. Moscow: Delovoy dvor.
36. Rovnyy, V.V. (1999) *Problemy edinstva rossiyskogo chastnogo prava* [Problems of the Unity of Russian Private Law]. Irkutsk: Irkutsk State University.
37. Krasavchikov, O.A. (2001) *Grazhdanskie organizatsionno-pravovye otnosheniya* [Civil organizational and legal relations]. In: *Antologiya ural'skoy tsivilistiki. 1925–1989* [Anthology of the Ural Civilistics. 1925–1989]. Moscow: Statut. pp. 156–165.
38. Fatkhutdinov, R.S. (2009) *Pravovye problemy ustupki doli v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu* [Legal problems of assignment of a share in the authorized capital of a limited liability company]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
39. Lebedeva, D.S. & Yatsenko, A.O. (2017) *Informatsiya kak ob"ekt grazhdanskogo prava* [Information as an object of civil law]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 4 (3(69)). pp. 163–167.
40. Rozhkova, M.A. (2018) *Informatsiya kak ob"ekt grazhdanskikh prav, ili Chto nado menyat' v grazhdanskom prave* [Information as an object of civil rights, or What needs to be changed in civil law]. *Zakon.ru*. 6 November. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informatsiya_kak_obekt_grazhdanskikh_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdanskom_prave
41. Ozerova, A.S. (2019) *O neobkhodimosti izmeneniya podkhoda k ponyatiyu "informatsiya" v zakonodatel'stve i sudebnoy praktike* [On the need to change the approach to the concept of "information" in legislation and judicial practice]. *Pravovedenie*. 1 (63). pp. 137–156.
42. Kress, V.V. (2024) *Informatsiya kak ob"ekt grazhdanskikh prav* [Information as an object of civil rights]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 5 (19). pp. 30–40.

Информация об авторе:

Кузьмина И.Д. – д-р юрид. наук, профессор кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: kuzmina-58@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.D. Kuzmina, Dr. Sci. (Law), professor, Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: kuzmina-58@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.11.2024;
одобрена после рецензирования 14.12.2024; принята к публикации 28.12.2024.

The article was submitted 12.11.2024;
approved after reviewing 14.12.2024; accepted for publication 28.12.2024.

Научная статья
УДК 343.71
doi: 10.17223/15617793/509/28

Цель неправомерного завладения чужим имуществом: правовые позиции, доктринальное толкование

Татьяна Анатольевна Хмелевская¹

¹ Оренбургский институт (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Россия, thmell@yandex.ru

Аннотация. Исследуются вопросы судебного и доктринального определения корыстной цели в составах преступлений против собственности. Делается вывод о распространенности на практике расширительного толкования цели хищения чужого имущества, отсутствие в главе 21 УК РФ оснований уголовной ответственности за неправомерное завладение чужого имущества, лишенное корыстной составляющей. Цель посягательства на собственность обладает криминообразующим значением, поэтому она должна иметь разумное законодательное закрепление и судебное толкование.

Ключевые слова: преступления против собственности, цель хищения, корыстная цель, распоряжение похищенным имуществом, криминализации неправомерного завладения имуществом при отсутствии корыстной цели

Для цитирования: Хмелевская Т.А. Цель неправомерного завладения чужим имуществом: правовые позиции, доктринальное толкование // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 509. С. 258–264. doi: 10.17223/15617793/509/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/509/28

The purpose of illegal acquisition of another person's property: Legal positions, doctrinal interpretation

Tatiana A. Khmelevskaya¹

¹ Orenburg Institute – Branch of the Kutafin Moscow State Law University, Orenburg, Russian Federation, thmell@yandex.ru

Abstract. This article examines the validity of the inclusion in criminal legislation of the norms on liability for unlawful gratuitous seizure of other people's property in the absence of a selfish purpose. Criminal liability for crimes against property is differentiated depending on both the nature of the actions performed and the presence or absence of a selfish purpose. The absence of a selfish purpose does not allow to qualify what was done as theft of someone else's property; in this case, the law enforcement officer faces the problem of criminal legal assessment of such an act, which was not resolved by the legislator. The normative base of the study includes criminal legislation, and the legal one guidance clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation and materials of judicial practice. The theoretical basis of the study was research works on the qualification of crimes against property. The methodological basis of the research was general scientific methods of cognition, the logical method, as well as methods of analysis and generalization. The author notes that an expansive interpretation of a selfish purpose in qualifying theft of someone else's property in practice leads to a violation of the principle of legality and guilt, non-compliance with the prohibition on the application of criminal law by analogy and objective imputation. A selfish purpose is the projection of the desire for illegal enrichment in the mind of the guilty person. Its establishment in practice should be motivated, including, and taking into account, the purpose of the circulation of property obtained by criminal means in favor of the perpetrator or other persons. The absence of a selfish purpose in the unlawful seizure of someone else's property has no legal grounds for bringing a person to criminal responsibility, including in situations involving the commission of other crimes. Legal certainty in this matter could be achieved by criminalizing the unlawful acquisition of property in the absence of a selfish purpose and (or) the purpose of theft.

Keywords: crimes against property, purpose of theft, selfish purpose, disposal of stolen property, criminalization of unlawful seizure of property in absence of selfish purpose

For citation: Khmelevskaya, T.A. (2024) The purpose of illegal acquisition of another person's property: Legal positions, doctrinal interpretation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 509. pp. 258–264. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/509/28

Посягательства на собственность отличны между собой по содержанию конститутивных объективных и субъективных признаков. Высокий уровень смежности составов преступлений, закрепленных в главе 21 УК РФ,

порождает ряд вопросов об отнесении отдельных деяний к тому или иному виду преступлений этой группы. Поэтому для их разграничения требуется правильное определение всех уголовно-правовых норм, охраняющих одни и те же общественные отношения, и знание разницы между этими нормами [1. С. 135].

Правоприменитель часто не уделяет должного внимания в этом вопросе признакам субъективной стороны преступления. Изученная нами судебная практика по квалификации хищения чужого имущества показала, что в мотивировочной части приговора суды в свободной форме оперируют мотивом и целью преступлений, допуская подмену этих понятий, или используют терминологию, не предусмотренную уголовным законом. Например, для описания субъективной стороны кражи суды обращались к следующим формулировкам: «действуя умышленно, незаконно, из корыстных побуждений, с целью тайного хищения чужого имущества», «внезапно возник корыстный мотив и преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества», «преступление совершено с прямым умыслом из корыстных побуждений», «умышленно тайно, из корыстных побуждений, с целью наживы», «умысел был направлен на тайное хищение, подсудимый действовал при этом из корыстных побуждений, осознавал, что обращает в свою пользу чужое имущество» [2].

Несмотря на то, что легальная дефиниция хищения чужого имущества, закрепленная в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, в качестве обязательного признака субъективной стороны определяет корыстную цель, а не мотив, суды массово в своих решениях при квалификации хищения не определяют цель неправомерного завладения имуществом, ограничиваясь установлением корыстного мотива. В отдельных судебных решениях она формулируется как «цель хищения чужого имущества».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что суды в обвинительных приговорах, поставленных по конкретным уголовным делам, признавая наличие «корыстных побуждений», «цели наживы» или «цели хищения», не раскрывают содержание данных субъективных признаков и не обосновывают их установление на основе оценки фактических обстоятельств дела.

Упречность таких решений, по нашему мнению, состоит в использовании правоприменителем категорий, не предусмотренных уголовным законом, а также в не соблюдении требований уголовно-процессуального законодательства, применяемых к содержанию описательно-мотивировочной части обвинительного приговора.

На это обстоятельство обращает внимание Верховный Суд РФ, указывая, что квалификации преступления по той или иной статье уголовного закона, ее части либо пункту должны быть мотивированы судом. Признавая подсудимого виновным в совершении преступления по признакам, относящимся к оценочным категориям (например, тяжкие последствия, существенный вред, наличие корыстной или иной личной заинтересованности), суд не должен ограничиваться ссылкой на соответствующий признак, а обязан привести в описа-

тельно-мотивировочной части приговора обстоятельства, послужившие основанием для вывода о его наличии в содеянном указанного признака [3].

Формальный подход правоприменителя к установлению признаков субъективной стороны при посягательствах на собственность порождает не мотивированные решения в вопросах квалификации деяний исследуемой группы преступлений. Такая ситуация, по нашему мнению, явилась результатом наличия в уголовном законе пробелов. Одним из них следует признать отсутствие оснований уголовной ответственности, учитывающих иные цели противоправного изъятия и (или) обращения чужого имущества, за исключением корыстной.

Последняя при неправомерном завладении чужим имуществом предопределяет направленность деяния на причинение вреда имущественным интересам собственника или иного владельца, обогащения себя или третьих лиц. Иная цель при тех же действиях способна изменить содержание объекта посягательства. Данное обстоятельство законодателем оставлено без внимания при конструировании составов главы 21 УК РФ. Между тем юридическое значение цели и её влияние на установление объекта посягательства учтены в уголовном законе при уничтожении и повреждении чужого имущества. Так, уголовно-правовые нормы, определяющие ответственность за данные действия, закреплены в различных разделах и главах УК РФ (например, ст. 167, 205, 281 УК РФ). Причинение имущественного ущерба в целях дезорганизации деятельности органов власти или в целях причинения вреда экономической безопасности государства влечет за собой уголовную ответственность за посягательства на общественную безопасность или основы конституционного строя и безопасности государства.

Ответственность за противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в рассматриваемой главе напрямую связаны с корыстной целью. Поэтому у правоприменителя отсутствует правовой инструмент квалификации содеянного при наличии иной цели. Установления им по фактическим обстоятельствам дела объективные признаки хищения, он вынужден «автоматически» признавать их совершенными с корыстной целью или с целью хищения.

Определить тип правоотношения без связи с конкретной нормой права невозможно в принципе, поскольку уголовно-правовое отношение не существует без своей нормативной основы, а деяние не может быть признано преступлением без его видовой характеристики [4. С. 25].

Особое значение цели посягательств на собственность состоит в том, что она обладает криминообразующим значением, влияет на общественную опасность содеянного.

Признаём справедливость утверждения, что общественная опасность не зависит от воли и сознания законодателя, который в состоянии лишь более или менее верно познавать и оценивать данное свойство преступления. Несмотря на то, что в науке уголовного права уделено существенное внимание исследованию

критериев, влияющих на оценку общественной опасности, следует признать, что она не смогла выработать единого взгляда на ту роль, которую в этом вопросе играют признаки субъективной стороны [5. С. 98].

Обязательность цели в преступлениях с материальным составом обуславливает повышение общественной опасности посягательства. Это обстоятельство влечет за собой установление уголовной юрисдикции ответственности, в том числе в рамках квалифицируемых составов [4. С. 150].

В уголовном законе при конструировании составов преступлений против собственности используется различная терминология в определении цели. Корыстная цель в качестве обязательного признака предусмотрена в легальной дефиниции хищения. Однако в составе разбоя и угоне транспортного средства в качестве позитивного и негативного признака субъективной стороны законодатель использует термин «цель хищения». Необходимо понять: являются ли корыстная цель и цель хищения совпадающими по своему содержанию либо они отличны друг от друга?

Разрешение этого вопроса имеет практическое значение для квалификации преступлений исследуемой группы. Оно позволит разобраться в оценке правильности их отождествления в судебной практике, раскрыть их содержание, выработать критерии установления.

Обратимся к правовым позициям высшей судебной инстанции по толкованию целей исследуемой группы преступлений. По нашему мнению, они порождают больше вопросов, чем ответов.

Согласно руководящим разъяснениям Верховного Суда РФ, не образуют состава кражи, грабежа, иных форм хищения противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований рекомендуется квалифицировать по ст. 330 УК РФ или другим статьям УК РФ, при этом не конкретизируется, по каким именно.

Одновременно Пленум Верховного Суда РФ формулирует правило уголовно-правовой оценки совершения незаконного изъятия имущества в процессе хулиганства, изнасилования или других преступных действий, требуя обязательного установления цели изъятия имущества. Однако в постановлении правило квалификации сформулировано только относительно корыстной цели таких действий. Содеянное в зависимости от способа завладения имуществом рекомендуется квалифицировать по совокупности преступления против собственности и хулиганства, изнасилования или иного деяния [6. П. 16].

В таких ситуациях корысть в содержании цели может носить завуалированный характер. Например, В.В. Хиллота пишет о случаях, при которых противоправная деятельность виновного складывается из альтруистических или эгоистических поступков. По мнению автора, конечная квалификация такого деяния во многом зависит от установления причинной связи между совершенным правонарушением и личной выгодой виновного лица. Им признаётся зависимость

между имущественной выгодой, которая непосредственно вытекает из совершенного правонарушения, и корыстной заинтересованности такого [7. С. 181]. В подобных ситуациях, по нашему мнению, неправомерное завладение имуществом сопряжено с совершением иных некорыстных преступлений. Умысел на изъятие чужого имущества возникает уже в процессе их исполнения. Если он соединен со стремлением преступника достигнуть имущественной выгоды, то к таким ситуациям применяется правило квалификации, сформулированное в п. 16 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

Но какую уголовно-правовую оценку должен дать правоприменитель, если корыстная цель отсутствует? Например, личные вещи потерпевшей виновный изымает в процессе изнасилования и в дальнейшем хранит у себя дома. Исследуя характеристику личности преступника-насильника, Л.В. Пономарева приходит к выводу, что мужчинам свойственны сексуальные извращения, к которым можно отнести похищение личных вещей потерпевших после совершения преступления [8. С. 94]. Маньяк, собирая личную коллекцию, некоторое время себя контролирует и не совершает новых покушений. Он испытывает «гармонию», смотря на свои «трофеи». Каждой вещи он приписывает определенную логику [9. С. 242]. Виновный в таких ситуациях действует в целях удовлетворения своих сексуальных потребностей, не преследуя корыстной цели при незаконном завладении имуществом потерпевшей.

В другом случае лицо в процессе совершения хулиганства, движимое хулиганскими побуждениями, противоправно изымает имущество потерпевшего. После чего избавляется от предметов преступления, например, помещая в контейнер бытовых отходов. При таких обстоятельствах дела, по нашему мнению, совокупность хулиганства и открытого хищения чужого имущества отсутствует.

Несогласие с данной точкой зрения может вызвать то обстоятельство, что распоряжение похищенным имуществом находится за пределами окончания преступления. Однако мы в своем суждении исходим из легального толкования «хищения» в примечании 1 к ст. 158 УК РФ. В указанной норме буквально закреплено, что «под хищением... понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездные изъятия и (или) обращение чужого имущества...». Корыстная цель у виновного при совершении им хищения чужого имущества формируется до начала или в процессе его исполнения. Она может измениться в процессе завладения имуществом и перестать быть корыстной, что в итоге повлияет на квалификацию и исключит хищение чужого имущества. Распоряжение, лишенное корыстного содержания, исключает корыстную цель. Суды в таких ситуациях, не имея возможности иной уголовно-правовой оценки противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества, априори устанавливают цель как корыстную или цель хищения, что позволяет им проводить квалификацию по совокупности деяний в зависимости

от способа совершения по одной из форм хищения и хулиганства.

В.В. Хиллота признает, что «цель в хищении стала пониматься крайне широко. Завладевая чужим имуществом, лицо может распорядиться им как угодно и такое распоряжение всегда должно признаваться хищением, так как оно совершается корыстно» [10. С. 95]. В настоящее время правоприменитель устанавливает корыстную цель на основе самого факта получения виновным контроля над чужим имуществом, не признавая в этом вопросе юридическое значение способов распоряжения им.

Таким образом, расширительное толкование корыстной цели при хищении стало следствием исторически сложившегося подхода следственно-судебной практики, при котором причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу признавалось и признается совершенным с корыстью, даже если конечный результат обращения чужого имущества состоял в его уничтожении или другой формой распоряжения, не содержащей незаконного обогащения.

Обращает на себя внимание двойственность позиции Верховного Суда РФ относительно взаимосвязи корыстной цели и цели обращения похищенного имущества.

В одном случае он указал, что хищение считается оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом) [6. П. 6].

Приведенная формулировка позволяет сделать заключение, что не любое противоправное обращение чужого имущества преследует достижение корыстной цели.

В другом постановлении высшая судебная инстанция определяет обязательный признак хищения – корыстную цель, через стремление виновного изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен [11. П. 26].

Таким образом, по отношению к мошенничеству, присвоению и растрате судебная практика уже не устанавливает необходимость наличия корыстной цели при передаче похищенного имущества в обладание других лиц, круг которых не ограничен. В представленном толковании сам факт обращения предмета хищения определяет наличие корыстной цели в названных преступлениях.

Если похититель в преддверие исполнения деяния не проецирует в своем сознании преступный результат в форме обращения изъятого имущества в свою пользу или пользу других лиц, то это свидетельствует об отсутствии у него корыстной цели неправомерного изъятия чужого имущества, а следовательно, такое деяние хищением не является.

В УК РФ не криминализировано неправомерное изъятие и временное владение чужим имуществом без цели хищения, за исключением угона автомобиля или иного транспортного средства.

В диспозиции ч. 1 ст. 166 УК РФ в качестве обязательного негативного признака субъективной стороны указано отсутствие цели хищения при угоне. Возникает вопрос: являются ли совпадающими понятиями «корыстная цель» и «цель хищения»? Последняя предусмотрена в качестве обязательного признака субъективной стороны в составе разбоя. Разбой с позиции законодателя признаётся формой хищения, а следовательно, согласно законодательной дефиниции, закрепленной в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, он должен совершаться с корыстной целью.

О.А. Брашниковой высказано суждение, что «корысть» не раскрывает содержания цели хищения, а только характеризует один из признаков этой цели. Поэтому «корыстная цель» не может служить четким основанием отграничения хищений от иных преступлений [12. С. 58].

Считаем, что данная позиция не противоречит судебному толкованию «цели хищения», согласно которому «под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения (статья 166 УК РФ) понимается завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством (угоны) и поездку на нем без намерения присвоить его целиком или по частям». Следовательно, цель хищения отсутствует, если нет стремления виновного лица к обращению в свою пользу или пользу других лиц угоняемого транспортного средства.

Обобщив вышеизложенные суждения по соотношению корыстной цели и цели хищения, мы приходим к умозаключению, что цель хищения всегда корыстна, а вот корыстная цель шире цели хищения, последняя для неё представляет один из возможных вариантов, при котором объективная сторона должна включать в себя обращение изъятого чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Именно это обстоятельство в настоящее время для следственно-судебной практики является необходимым и достаточным условием установления корыстной цели при хищении. На это в своих исследованиях указывают многие ученые. Корыстная цель достигается путем безвозвратного завладения чужим имуществом, не находящимся в собственности или законном владении виновного лица [13. С. 61].

Такую правовую позицию судебной практики можно бы было поддержать, если бы она не влекла за собой нарушение принципа вины в уголовном праве. Понимание корысти в таком толковании будет непременно влечь за собой элемент объективного вменения. Это обусловлено тем, что корыстную цель сегодня предлагается видеть во всяком неправомерном распоряжении имуществом, в частности путем передачи его посторонним лицам. В таком понимании корыстная цель отождествляется не только с мотивом преступления, но и с преступным действием виновного [7. С. 181].

С.М. Кочои пишет, что цель виновного при хищении – незаконное обогащение, нажива за счет чужого имущества, его присвоение, потребление [14. С. 115]. Следовательно, предполагается, что специфика корыстной цели при хищении чужого имущества состоит

в проецирование в сознании виновного лица преступного результата – невозвратного обладания чужим имуществом как своим собственным, создающее возможность обогащения самого лица или иных лиц. Тогда как корыстная цель в иных преступлениях может быть достигнута и от временного обладания чужим имуществом, не приводящего к его потреблению.

В.В. Хиллута указал, что, невзирая на юридический момент окончания преступления, мы пытаемся для верной квалификации нащупать его фактические тонкости – элемент последующего распоряжения похищенным имуществом. Причем, как оказывается, это обстоятельство имеет существенное значение в вопросе квалификации [10. С. 96]. Например, по специальным видам хищений Верховный Суд РФ признает юридическое значение отчуждения виновным лицом предмета преступления. Так хищение огнестрельного оружия, а затем его сбыт похитителем образуют реальную совокупность преступлений, так как эти действия являются самостоятельными деяниями, предусмотренными ст. 226 и 222 УК РФ [15. П. 17].

Между тем правовая позиция высшей судебной инстанции по распоряжению виновным похищенным в результате преступлений по главе 21 УК РФ вызывает непринятие в науке уголовного права.

Признаем справедливой позицию А.Г. Безверхова, который отмечает, что нет оснований квалифицировать как хищение случаи «завладения чужим имуществом с целью его повреждения или уничтожения, в целях самовольного использования его в интересах собственника или владельца, из хулиганских побуждений, в шутку, из озорства, из чувства мести, в счет погашения долга, лежащего на собственнике этого имущества, или с целью возмещения причиненного собственником имущества ущерба, с целью склонить потерпевшего к возврату долга (в целях обеспечения уплаты долга) или принудить к выполнению взятого на себя обязательства. Во всех указанных случаях корыстная цель отсутствует» [16. С. 30]. Перечисленные автором ситуации могут быть условно поделены на две группы: 1) завладение чужим имуществом без его обращения в свою пользу или пользу других лиц (с целью его повреждения или уничтожения, в целях самовольного использования его в интересах собственника или владельца); 2) завладение чужим имуществом с установлением над ним контроля при отсутствии стремления к незаконному обогащению (из хулиганских побуждений, в шутку, из озорства, из чувства мести, в счет погашения долга и др.). Общим критерием объединения представленных выше ситуаций признаём отсутствие корыстной цели, а следовательно, невозможность отнесения таких действий к хищению чужого имущества.

В уголовном законе некорыстное противоправное завладение чужим имуществом не криминализовано. Расширительное толкование «корыстной цели» при хищении, по нашему мнению, является применением уголовного закона по аналогии, т.е. нарушением принципа законности в уголовном праве.

Конституционный Суд РФ отмечает, что закрепление в уголовном законе составов преступлений против собственности должно проводиться с соблюдением

принципов вины, равенства, справедливости и правовой определенности. Это необходимо, чтобы содержание уголовно-правовых запретов одинаково воспринималось в правоприменительной практике и было доступно для понимания участникам общественных отношений, а сами запреты служили эффективной защите права собственности [17].

Правовая определенность в этом вопросе может быть достигнута посредством криминализации неправомерного завладения имуществом при отсутствии корыстной цели и (или) цели хищения. Предусмотрев в главе 21 УК РФ норму, в которой будет закреплено соответствующее основание уголовной ответственности, законодатель создаст дополнительные гарантии охраны собственности от неправомерного завладения чужим имуществом, которое сопряжено с изнасилованием, хулиганством, иным преступлением, при отсутствии субъективных признаков хищения. Наличие соответствующей статьи позволит правоприменителю правильно и точно квалифицировать противоправные действия, не образующие составы хищения.

Отмечаем особую важность положения о том, что нарушение права собственности и, соответственно, причинение имущественного вреда собственнику начинается с момента, когда виновное лицо неправомерно завладело имуществом и тем самым лишило собственника реальной возможности владеть, пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению (в том числе обеспечивать его сохранность). Виновный в такой ситуации принимает на себя ответственность за последующую судьбу данного имущества, если не докажет, что в результате его действий (бездействия) не были созданы условия для последующей утраты собственником его имущества [18].

П.С. Яни признает тот факт, что не во всех случаях стремление получить возможность распоряжаться чужим имуществом как собственным рассматривается в качестве корыстной цели даже в широком ее понимании [19. С. 23–27].

Содержание способа распоряжения похищенным имуществом в группе преступлений главы 21 УК РФ, наделено юридическим значением, определяющим установление корыстной цели незаконного завладения имуществом. Цель посягательства на собственность, состоящая в получении возможности распорядиться похищенным в интересах виновного или интересах других лиц, будет корыстной при хищении, если преступник в своей психической деятельности будет связывать ее достижение с незаконным обогащением.

Верховный Суд РФ должен выработать единую позицию относительно установления корыстной цели в действиях виновного лица, обеспечив одинаковое её восприятие в правоприменительной практике.

Если изъятое имущество не обращается в пользу виновного или иных лиц с корыстной целью, а сразу после его перевода из законного владения в незаконное в течение незначительного временного промежутка отчуждается на безвозмездной основе или уничтожается, повреждается (например, изъятое у потерпевшего в процессе совершения хулиганства имущество поджигается из хулиганских побуждений) или остается во

владении виновного в целях удовлетворения его неимущественных интересов (например, незаконное изъятие имущества потерпевшей при изнасиловании в целях удовлетворения сексуальных потребностей), то причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу хищения не образует.

Давая оценку правовым позициям и научным подходам, мы приходим к следующим выводам:

1) введение в УК РФ запрета на неправомерное завладение чужим имуществом при отсутствии корыстной цели или цели хищения исключит применение аналогии уголовного закона и объективного вменения при квалификации хищения;

2) если действия по неправомерному завладению чужим имуществом совершаются с целью дальнейшего уничтожения или повреждения чужого имущества, то это обстоятельство может быть включено в состав неправомерного завладения чужим имуществом

при отсутствии корыстной цели или цели хищения в качестве квалифицирующего признака, повышающего общественную опасность содеянного;

3) сформировав толкование корыстной цели при хищении как «цель хищения», мы проведем соотношение между ними как общее и частное. Цель хищения выражена в стремлении виновного лица к собственному незаконному обогащению или к обогащению других лиц, которое достигается посредством незаконного владения предметом, его использования или возмездного распоряжения;

4) корыстная цель при хищении должна устанавливаться на момент его окончания, так как в процессе исполнения объективной стороны деяния она может менять свое содержание, а в приговорах суды должны мотивировать ее установление посредством уголовно-правовой оценки способа распоряжения похищенным.

Список источников

1. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М. : Юрист, 1999.
2. Извлечение из приговоров, размещенных на сайте Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-viii/glava-21/statia-158/?page=8>.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8528/>
4. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
5. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М. : Норма, 2001.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (в ред. от 15.12.2022 г.) // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8242/>
7. Хиллота В.В. Корыстная цель хищения: опыт теоретического моделирования и проблемы правоприменения // Правоведение. 2014. № 2. С. 174–192.
8. Пономарева Л.В. Характеристика личности преступника по делам об изнасиловании // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 2. С. 92–101.
9. Дворянчиков Н.В., Шипицын Д., Нечесова С. Профиль убийцы. Психологические аспекты криминального профайлинга. М. : АСТ, 2023.
10. Хиллота В.В. Существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 4 (161). С. 93–102.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26106/>
12. Брашнина О.А. Корыстная цель в специальных видах хищения // Юридическая наука и практика. 2020. Т. 16, № 4. С. 56–61.
13. Третьяк М.И. Мошенничество как преступление против собственности в современном уголовном праве. М. : Юрлитинформ, 2014.
14. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М. : АНТЭЯ 2000, 2000.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 12 марта 2002 г. (в ред. от 11.06.2019 г.) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/7959/>
16. Безверхов А.Г. Корыстная цель как субъективный признак хищения чужого имущества // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика : сб. науч. ст. СПб. : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2020 № 38-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.А. Литвинова» // Российская газета. 2020. 31 июля.
18. Постановление Конституционного Суда по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса в связи с жалобой гражданина В.В. Кряжева // Российская газета. 2015. 20 апреля.
19. Яни П.С. Корысть как признак хищения // Законность. 2019. № 3. С. 23–27.

References

1. Kudryavtsev, V.N. (1999) *Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestupleniy* [General Theory of Qualification of Crimes]. Moscow: Yurist.
2. Sudebnye i normativnye akty RF [Judicial and Regulatory Acts of the Russian Federation]. (n.d.) *Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. Theft*. [Online] Available from: <https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-viii/glava-21/statia-158/?page=8> (In Russian).
3. Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *On the Court Sentence. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 55 of November 29, 2016*. [Online] Available from: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8528/> (In Russian).
4. Rarog, A.I. (2003) *Kvalifikatsiya prestupleniy po sub"ektivnym priznakam* [Qualification of Crimes by Subjective Features]. Saint Petersburg: Yuridicheskij tsentr Press.
5. Novoselov, G.P. (2001) *Uchenie ob ob"ekte prestupleniya* [The Doctrine of the Object of the Crime]. Moscow: Norma.
6. Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery and Brigandage. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 29 of December 27, 2002 (as amended on December 15, 2022)*. [Online] Available from: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8242/> (In Russian).
7. Khilyuta, V.V. (2014) *Korystnaya tsel' khishcheniya: opyt teoreticheskogo modelirovaniya i problemy pravoprimeneniya* [Selfish purpose of theft: experience of the theoretical modeling and problems of law enforcement]. *Pravovedenie*. 2. pp. 174–192.
8. Ponomareva, L.V. (2007) *Kharakteristika lichnosti prestupnika po delam ob iznasilovanii* [Characteristics of the personality of the offender in rape cases]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. 2. pp. 92–101.
9. Dvoryanchikov, N.V., Shipitsyn, D. & Nechesova, S. (2023) *Profil' ubiytsy. Psikhologicheskie aspekty kriminal'nogo profaylinga* [Profile of a Killer. Psychological aspects of criminal profiling]. Moscow: AST.

10. Khilyuta, V.V. (2020) Sushchestvuyut li predely rasshiritel'nogo tolkovaniya? [Are there limits to the broad interpretation?]. *Lex Russica*. 4 (161 (73)). pp. 93–102.
11. Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *On Judicial Practice in Cases of Fraud, Embezzlement and Misappropriation. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 of November 30, 2017 (as amended on December 15, 2022)*. [Online] Available from: <https://www.vsrfr.ru/files/26106/> (In Russian).
12. Brashnina, O.A. (2020) Korystnaya tsel' v spetsial'nykh vidakh khishcheniya [Selfish intent in special types of theft]. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 4 (16). pp. 56–61.
13. Tret'yak, M.I. (2014) *Moshennichestvo kak prestuplenie protiv sobstvennosti v sovremennom ugovnom prave* [Fraud as a Crime against Property in Modern Criminal Law]. Moscow: Yurlitinform.
14. Kochoi, S.M. (2000) *Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti* [Liability for Acquisitive Crimes against Property]. Moscow: ANTEYA 2000.
15. Supreme Court of the Russian Federation. (2019) *On Judicial Practice in Cases of Theft, Extortion and Illegal Trafficking of Weapons, Ammunition, Explosives and Explosive Devices. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 of March 12, 2002 (as amended on June 11, 2019)*. [Online] Available from: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/7959/> (In Russian).
16. Bezverkhov, A.G. (2017) Korystnaya tsel' kak sub'ektivnyy priznak khishcheniya chuzhogo imushchestva [Selfish intent as a subjective sign of theft of someone else's property]. In: *Ugolovnoe pravo, ugovnnyy zakon: teoriya i praktika* [Criminal Law: Theory and practice]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Economics.
17. Rossiyskaya gazeta. (2020) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22.07.2020 № 38-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti tret'ey stat'i 159 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina M.A. Litvinova" [On the case of verifying the constitutionality of part three of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen M.A. Litvinov. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 38-P of July 22, 2020]. *Rossiyskaya gazeta*. 31 July.
18. Rossiyskaya gazeta. (2015) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punktov 1 i 2 stat'i 1064 Grazhdanskogo kodeksa i punkta "a" chasti vtoroy stat'i 166 Ugolovnogo kodeksa v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.V. Kryazheva [Resolution of the Constitutional Court in the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 1064 of the Civil Code and paragraph "a" of part two of Article 166 of the Criminal Code in connection with the complaint of citizen V.V. Kryazhev]. *Rossiyskaya gazeta*. 20 April.
19. Yani, P.S. (2019) Koryst' kak priznak khishcheniya [Self-interest as a sign of theft]. *Zakonnost'*. 3. pp. 23–27.

Информация об авторе:

Хмелевская Т.А. — канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Оренбург, Россия). E-mail: thmell@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Khmelevskaya, Cand. Sci. (Law), associate professor, Orenburg Institute – Branch of the Kutafin Moscow State Law University (Orenburg, Russian Federation). E-mail: thmell@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.07.2024;
одобрена после рецензирования 23.11.2024; принята к публикации 28.12.2024.*

*The article was submitted 01.07.2024;
approved after reviewing 23.11.2024; accepted for publication 28.12.2024.*